

Российская
академия наук

Институт
славяноведения

Исследования по славянской диалектологии

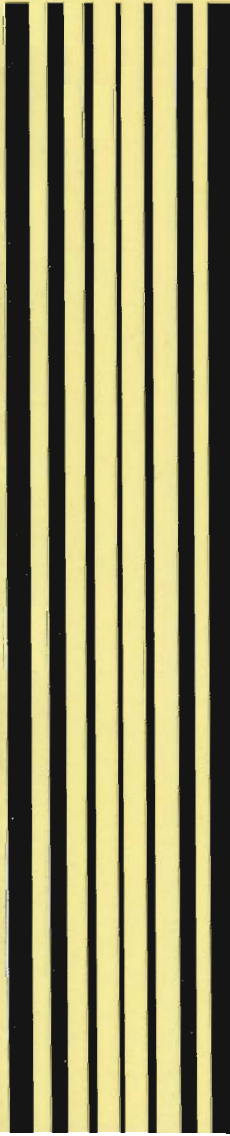
16

Грамматика славянских диалектов

Механизмы эволюции

Утраты и инновации

Историко-типологические явления

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Исследования по славянской
диалектологии**

16

Грамматика славянских диалектов.
Механизмы эволюции. Утраты и инновации.
Историко-типологические явления

Москва 2013

Редколлегия издания:

к. ф. н. М. М. Алексеева
к. ф. н. Д. Ю. Ващенко (Анисимова)
д. ф. н. А. Ф. Журавлев
д. ф. н. Л. Э. Калнынь
М. Н. Толстая

Отв. редактор выпуска:

д. ф. н. Л. Э. Калнынь

Рецензенты выпуска:

д. ф. н. В. С. Ефимова
к. ф. н. И. И. Исаев

16-й выпуск серийного издания «Исследования по славянской диалектологии» содержит статьи, посвященные рассмотрению грамматических особенностей славянских диалектов. Явления грамматики рассматриваются в широком аспекте — это образование отдельных морфем и парадигм, средства словообразования, семантика грамматических категорий. Предлагается также опыт построения именной словообразовательной модели, по правилам которой сочетаются именные и суффиксальные морфемы в частной диалектной системе (ЧДС). Грамматика славянских диалектов определенным образом реагирует на контакты с иноязычным окружением. Результаты этих контактов описаны на материале польского, чешского, словацких и севернорусских говоров, а также славянского диалекта в албаноязычном окружении. В ряде статей публикуются записи диалектных текстов. Выпуск представляет интерес для тех, кто интересуется грамматическим устройством славянских языков/диалектов в их динамике и современном состоянии.

The 16th issue of the series “Studies in Slavic Dialectology” contains articles devoted to the grammatical particularities of Slavic dialects. The grammatical events are examined widely, as a formation of different morphemes and paradigms, as means of word formation, as semantics of grammatical categories. The experience of creating substantial and suffixal morphemes in a dialectal system is also discussed. Grammar of the Slavic dialects has a particular reaction to the contacts with foreign environment. Results of such contacts are described through examples of Polish, Czech, Slovak and North Russian dialects, as well as a Slavic dialect existing in the Albanian surrounding. In some articles transcripts of dialectal texts are published. This issues is useful for those, who are interested in grammar of Slavic languages/dialects in its developmental dynamics and current state.

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
<i>П. Е. Гриценко</i> . Грамматический портрет диалекта	9
<i>П. Жиго</i> . К проблеме картографирования субстантивных парадигм в диалектах славянских языков	37
<i>Т. В. Попова</i> . Категория рода и перестройка типов склонения существительных в восточнославянских диалектах	48
<i>О. А. Абраменко, С. Л. Николаев, А. В. Тер-Аванесова, М. Н. Толстая</i> . Системы соотношения gen. и dat.-loc. <i>a</i> -основ в восточнославянских языках: сравнительно-исторический аспект	63
<i>А. Эркер</i> . Формы настоящего времени в белорусском смешанном говоре на балто-славянском пограничье	166
<i>Г. К. Венедиктов</i> . Об аналогическом преобразовании презентной основы некоторых глаголов в болгарских говорах	179
<i>А. Р. Чернявский</i> . Формы глаголов 1 л. мн. ч. настоящего времени в белорусских говорах Общеславянского лингвистического атласа	190
<i>В. П. Русак</i> . Морфонология белорусских диалектных глаголов	196
<i>Н. Е. Ананьева</i> . Морфология глагола в польском говоре с. Вершина Иркутской обл.	203
<i>А. В. Тер-Аванесова</i> . Производные формы глагольной парадигмы и некоторые отглагольные частицы в одном среднерусском говоре	211
<i>Л. Э. Калнынь</i> . Флексия им. ед. м. р. местоименных прилагательных как особенность русских диалектов	240
<i>Е. С. Лунькова</i> . Опыт описания частной морфемной модели в смоленских говорах	247
<i>А. Ф. Журавлев</i> . Возвращаясь к проблеме категории числа у русского наречия	257
<i>С. И. Иорданиди</i> . К истории некоторых непродуктивных именных суффиксов в русском языке	277
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова</i> . Способы выражения собирательности в русских говорах: грамматика и семантика	292

<i>С. С. Скорвид, Д. К. Поляков.</i> О проницаемости грамматической системы в ситуации межъязыковой интерференции в говоре потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе	305
<i>С. А. Мызников.</i> О грамматических аспектах прибалтийско-финского и севернорусского языкового взаимодействия: каузативные глаголы	338
<i>М. М. Макарецв.</i> Система личных местоимений в славянском говоре с. Бобоштица (округ Корчи, Албания)	349
<i>Д. Ю. Ващенко (Анисимова).</i> Неопределенные местоимения в словацких диалектах на фоне словацко-венгерских контактов	364
<i>Г. С. Кобиринка.</i> Украинские диалекты в свете лексикографии	370

<i>С. С. Скорвид, Д. К. Поляков.</i> О проницаемости грамматической системы в ситуации межъязыковой интерференции в говоре потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе	305
<i>С. А. Мызников.</i> О грамматических аспектах прибалтийско-финского и севернорусского языкового взаимодействия: каузативные глаголы	338
<i>М. М. Макарецв.</i> Система личных местоимений в славянском говоре с. Бобоштица (округ Корчи, Албания)	349
<i>Д. Ю. Ващенко (Анисимова).</i> Неопределенные местоимения в словацких диалектах на фоне словацко-венгерских контактов	364
<i>Г. К. Коберинка.</i> Украинские диалекты в свете лексикографии	370

Предисловие

В основу 16-го выпуска «Исследований по славянской диалектологии» положен материал Круглого стола, проведенного в Институте славяноведения РАН в декабре 2010 г. на тему «Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические тенденции».

Предложенная тематика предполагала рассмотрение явлений диалектной грамматики в достаточно широком аспекте. В соответствии с этим, в статьях сборника дается информация об организации и функционировании в славянских диалектах разных грамматических категорий с учетом включения диалектов в разные языковые ситуации.

В статье *П. Е. Гриценко* обсуждается вопрос о правилах описания грамматической системы диалекта. Анализируя современное состояние этого раздела славянской диалектологии, автор констатирует в нем недостаток системного подхода к анализу грамматических фактов. Традиционно господствует дифференциальный подход при отборе анализируемого материала. Между тем «грамматический портрет диалекта» должен представлять собою грамматическую модель, в которой отражены все явления грамматического уровня.

В ряде статей предметом анализа являются особенности именного склонения в диалектах.

В статье *О. А. Абраменко, С. Л. Николаева, А. В. Тер-Аванесовой, М. Н. Толстой* проводится сравнительно-исторический анализ восточнославянских систем соотношения окончаний род., дат. и местн. п. в парадигме *a*-основ. Особое внимание уделено так называемым обратным системам, в которых праславянские окончания твердого склонения заменены окончаниями мягкого.

Т. В. Попова на материале существительных жен. р. *a*-парадигмы и *i*-парадигмы исследует реализацию в восточнославянских диалектах тенденции к морфологической унификации существительных одного рода, включенных в разные типы склонения.

Проблеме картографирования именных парадигм в Общеславянском лингвистическом атласе (ОЛА) посвящена статья *П. Жиго*. Автор использует по-

нятие типологического параллелизма, образующегося путем разного развития ареально дифференцированных знаков. Вновь возникающие особенности диалектов формируются без регулирования извне, а являются проявлением системно мотивированного изменения диалектного идиома. Вариантность форм, конфигурация ареалов рассматриваются как доказательство естественного изменения идиома. Статья снабжена картами, сделанными на бланковке ОЛА.

В разных аспектах рассматривается диалектное именное словообразование.

С. И. Иорданиди описывает функционирование ряда редких непродуктивных именных суффиксов в русском языке с XI по XX в., их отражение в памятниках и диалектное распространение. В статье *И. А. Букринской* и *О. Е. Кармаковой* на оригинальном материале показаны способы выражения собирательности в русских говорах.

В принципиально новом аспекте установлены правила диалектного именного словообразования *Е. С. Луньковой*¹. Это — модель, определяющая правила сочетания корневых морфем с суффиксами в частной диалектной системе (смоленские говоры). Приводится список этих морфем и констатируется частота их сочетаемости в конкретной речи.

Ряд статей посвящены диалектным различиям, проявляющимся в категории глагола.

А. Р. Чернявский, используя материал ОЛА, картографирует различия в образовании формы 1 рл. глагола в белорусских говорах.

В. П. Русак описывает морфонологию белорусских диалектных глаголов. Автор показал актуальное состояние отдельных исторических морфонологических чередований, связанных с возникновением и особенностями функционирования вариантных грамматических форм в белорусских диалектах основного и западнополесского типов.

Как неологизм рассматривает в своей статье *Г. К. Венедиктов* образование глагольных форм презенса с аористной основой в болгарских говорах.

Предметом исследования в статье *А. Эркер* является белорусский смешанный говор, локализованный на территории белорусско-литовского пограничья. Специфика смешанного говора состоит в том, что он не идентифицируется ни с одним из диалектов, традиционно выделяемых на белорусской территории. В статье рассматривается состав глагольной парадигмы настоящего времени в смешанном говоре.

¹ Статья перепечатана из сборника: Севернорусские говоры. Вып. 10 / Отв. ред. А.С. Герд. СПб., 2009.

Предметом описания *А. В. Тер-Аванесовой* является фрагмент глагольной системы в одном среднерусском говоре. Автор определяет правила образования и контекстные значения ирреальных наклонений, причастий, деепричастий и отглагольных модальных слов. Дialeкту свойственна генерационная дифференциация в употреблении этих грамматических категорий.

А. Ф. Журавлев показывает специфику образования наречий в русских говорах. Автор отмечает такие особенности этой категории, которые ранее не попадали в зону внимания исследователей.

Л. Э. Калнынь, рассматривая фонетику флексии им. ед. м. р. местоименных прилагательных, делает вывод, что в пределах этой морфемы в прарусских диалектах гласные *ь, *ъ могли иметь разное развитие под ударением и без ударения. Именно это отражено в современной фонетике названной флексии.

В статье *Г. С. Кобирилки* ставится вопрос о необходимости более широкого включения в украинские диалектные словари грамматической информации при каждой словарной статье. Это должно способствовать получению адекватной информации об устройстве украинских диалектов на морфологическом уровне.

В сборник включены статьи, в которых описываются особенности славянских говоров, находящихся в контакте с другими славянскими и неславянскими языками/диалектами. Показаны результаты этих контактов на грамматическом уровне.

Сведения о польском говоре, носители которого были переселены из юго-западной Польши в Сибирь 100 лет тому назад, содержатся в статье *Н. Е. Ананьевой*. Существова долгое время в русском окружении, говор подвергся определенным изменениям. В меньшей мере это касается грамматики. Проведенный автором анализ глагольной парадигматики в современном говоре показывает сохранность юго-восточной основы говора вопреки его оторванности от материнской основы.

С. С. Скорвид и *Д. К. Поляков* показывают особенности грамматики чешского говора, носители которого в XIX веке были переселены на Северный Кавказ. Находясь в ситуации русского языкового окружения, современный чешский говор демонстрирует две тенденции. С одной стороны это сохранность исходного диалектного состояния, а с другой — изменения, которые произошли в грамматике говора под русским влиянием.

С. А. Мызников показывает, как прибалтийско-финское влияние отражается в севернорусских говорах в области глагола. Автор особое внимание обращает на категорию каузативных глаголов.

Особенности неопределенных местоимений на уровне употребляемых в них частиц в словацких диалектах, находящихся в контакте с венгерским языком, являются предметом изучения в статье *Д. Ю. Ващенко (Анисимовой)*.

Личные местоимения в славянском говоре, находящемся в окружении албанского языка, рассматривает *М. М. Макарецев*. Автор не конкретизирует принадлежность говора к определенному славянскому языку. Подвергаясь сильному иноязычному влиянию, претерпевая определенные грамматические изменения, славянский говор, как замечает автор, «продолжает сохранять свои коммуникативные функции и по-прежнему содержит важные архаические особенности».

В ИСД традиционно публикуются записи диалектных текстов. В предлагаемом издании диалектные тексты включены в статью *М. М. Макарецев*.

Грамматический портрет диалекта

Грамматический уровень диалектного языка (ДЯ) — совокупность единиц и правил их функционирования в речи — настолько вариативен и многими элементами противопоставлен географически, что явления морфологии, синтаксиса существенно влияют на дифференциацию диалектного континуума и, как ареально релевантные, традиционно учитываются при определении его членения, описании отдельных диалектов или ДЯ в целом.

На грамматику диалектов лингвисты издавна обращали внимание, о чем свидетельствуют специальные описания данного структурного уровня, разделы в обобщающих трудах по диалектологии, вопросники для собирания сведений по грамматике диалектов, карты в атласах и даже специальные атласы. Внимание исследователей традиционно сосредоточено на форме языковых единиц, а не на их значении, функциях; при этом превалирует изучение проблем морфологии, и значительно меньше — синтаксиса. Сложилась определенная традиция описания грамматики диалектов, отличающаяся от дескриптивного представления данного структурного уровня литературного языка (ЛЯ). Это обусловлено неодинаковыми задачами (научными и/или дидактическими) изучения грамматики этих форм существования языка, структурными особенностями самих объектов исследования. При этом изначально предполагался системный подход к грамматике независимо от форм существования языка — диалект или литературный стандарт, даже если это специально не оговаривалось. Однако постулат системности языка и его структурных уровней на практике оказался скорее ориентиром, нежели последовательно применяемой моделью описания языковой реальности. Положения о системности нередко используются как клише метаязыка лингвистики и не определяют применение конкретных исследовательских процедур.

Системное описание языка, несомненно, ценное и результативное при его последовательном применении, относительно отдельных сегментов структуры языка или отдельных форм его существования реализовано частично, а во многих случаях и вовсе не используется. Это обусловлено прежде всего сложностью последовательного приложения данных общетеоретических постулатов к отличающимся между собой уровням языка с их широкими наборами единиц и зачастую сложным и многоступенчатым внутренним устройством; последнее делает практически невозможным создание и использование универсальной модели, актуальной для всех или нескольких структурных уровней ДЯ.

Грамматика, традиционно воспринимаемая как четко упорядоченное и относительно несложное образование, оказалась тем сегментом многоуровневой и многостратной структуры языка, в описании которой принцип системности используется не всегда последовательно, нередко избирательно. Описания морфологии литературного идиома оставляют впечатление исчерпывающей реализации принципа системности с набором противопоставлений, иерархией единиц и их дифференциальных признаков. Такому традиционному восприятию морфологии, особенно ее словоизменительного сегмента, не в последнюю очередь способствовала его презентация в форме образцов парадигм, которые, как изначально представлялось, покрывают весь словник языка. Однако распределение словарного состава ЛЯ по словоизменительным типам в реальности оказывается значительно сложнее исходных упрощенных представлений, что побудило к созданию специальных словарей, отражающих отнесение каждого слова к словоизменительному типу (классу) или к единицам с индивидуальным словоизменительным поведением¹. На практике ситуация выглядит иначе: регулярные словоизменительные типы сосуществуют с индивидуальным словоизменительным поведением многих слов; отсюда — наличие значительного количества типов словоизменения. Последнее убедительно доказывает, что только анализ максимально полного корпуса лексики способен приблизить к системному описанию словоизменения, познанию этой важнейшей черты внутреннего устройства грамматики языка.

Значительно реже по сравнению с исследованиями ЛЯ принцип системности применяется при изучении грамматики диалектов, где традиционно преобладает внимание к отдельным грамматическим формам и явлениям, иногда не связанным между собой. Приводимые при этом аргументы о необходимости отбора разрозненных элементов для выявления структурного противопоставления различных ЧДС (групп говоров) или определения оппозиции диалектов литературному стандарту объясняют и отчасти оправдывают сложившуюся исследовательскую практику, однако не приближают к более полному познанию грамматики диалектов, ее адекватному дескриптивному или картографическому представлению. К тому же изучение грамматики ДЯ, оставаясь преимущественно в сфере формы, способов формального представления значений, очень несмело входит в сферу функционального, когнитивного, что давно стало предметом тщательного анализа грамматики ЛЯ.

¹ См.: *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Изд. 5-е, исправленное. М., 2008; *Критська В. І., Недозим Т. І., Орлова Л. В., Пуздирева Т. К., Романюк Ю. В.* Граматичний словник української мови. Словозміна. Київ, 2011.

Все это противоречит методологической основе изучения ДЯ как системы, включая грамматику. Такое положение не в последнюю очередь обусловлено традиционным видением задач описания грамматики ДЯ, применяемыми способами и моделями дескрипции. Реализация установки на системное изучение грамматики диалектов осложняется необходимостью интерпретации зафиксированных грамматических форм и значений, что предусматривает привлечение сведений по диахронии, учет изменений структурных элементов диалекта во времени. Показательно, что даже ограничившись синхронным срезом и исключив из наблюдения — на уровне исследовательской процедуры — динамику ДЯ во времени, исследователи не охватывают всей грамматики как целостной структуры, моделируя ее сегменты, чаще всего на уровне отдельных грамматических классов слов. Это созвучно с идеей *фрагментарного моделирования* (на фоне целостного диалектного континуума): «Практически осуществимой задачей, особенно для языков с большой территорией распространения, является фрагментарное моделирование системы диалектного языка»; и далее: «Собрание выполненных на основе единых принципов фрагментарных моделей системы диалектного языка приближает решение предельной задачи, состоящей в создании модели системы диалектного языка»². Эти выводы Л. Э. Калнынь проецированы на изучение фонологической системы диалекта, имеющей по сравнению с грамматикой меньший репертуар элементов, менее сложную их организацию (парадигматику) и правила сочетаемости (синтагматику). Моделирование грамматики оказывается весьма сложным. Соответственно, многоплановым и продолжительным во времени является формирование необходимой для исследования эмпирической диалектной базы.

Синхронное описание ДЯ иногда изначально может быть ориентировано на круг отобранных с определенной целью единиц, явлений (к примеру, для рассмотрения «важнейших процессов, обусловивших становление диалектов»³), что влечет за собой избирательность элементов отдельных структурных уровней, а не учет и презентацию их полного репертуара. При отборе объектов изучения просматривается связь между привлекаемыми к анализу диалектными явлениями и степенью известности и повторяемости в лингвистике сюжетов по их истории: достаточно разработанные проблемы чаще

² Калнынь Л. Э. Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. Фонологическая система. М., 1973. С. 10.

³ Dejna K. Dialekty polskie. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973. S. 19; важность данной идеи подчеркнута также в (APID: 16).

других становятся предметом диалектологического описания. Поэтому даже инновационные по своей направленности фундаментальные проекты демонстрируют значительную зависимость от актуальных в момент их формирования лингвистических идей и собранного материала⁴. Избирательный подход к грамматике различных диалектов обусловил неполноту и несопоставимость информации из различных микро- и макрозон диалектного континуума, что усиливает эффект глубоких различий между диалектами на данном структурном уровне. Последнее не соответствует языковым реалиям, а, скорее, отражает смещение оптики наблюдений.

Приведенные замечания об изучении грамматики диалектов приложимы и к украинской диалектологической традиции. Хотя сегодня доступна значительная по объему информация о грамматике украинских диалектов, содержащаяся в монографических описаниях, Атласе украинского языка (АУМ) и региональных лингвогеографических опытах, словарях, текстах диалектной речи, однако разнородность и разрозненность этих сведений, в плане как лингвистического содержания, так и полноты, не позволяют объективно оценить пространственное распределение в континууме многих элементов грамматической структуры, смоделировать процессы, обусловившие их наблюдаемое состояние. В целом знания о грамматике украинских диалектов остаются весьма скромными, несмотря на то, что уже в первом обобщающем труде по украинской диалектологии К. П. Михальчук представил собранные по специальной программе сведения о пространственном варьировании многих грамматических форм на временном срезе 50–60-х гг. XIX в.⁵, что стимулировало внимание к диалектной грамматике в трудах его последователей. Однако приходится констатировать, что и в начале XXI в. сохраняется ошутимая недостаточность эмпирических сведений и теоретических обобщений о данном структурном уровне диалектов. Внимание исследователей сосредоточено преимущественно на самом факте наличия (реже — отсутствия) определенных грамматических форм (изредка — явлений, процессов), на их значимости для дифференциации изучаемого пространства, что стало следствием доминирования в ареальной лингвистике задачи определения границ, дифференциации континуума. Иная идеологема — установление отношения диалек-

⁴ Topolińska Z. OLA nosi piętno swego czasu // Jazykovedné štúdie. XXVIII. Súradnice súčasnej slovanskej dialektológie. Bratislava, 2010.

⁵ Михальчук К. П. Нарѣчя, поднарѣчя и говоры Южной Россіи въ связи с нарѣчiami Галичины // Труды этнографическо-статистической экспедиции въ Западно-Русскій Край. Т. 7, вып. 1. СПб., 1872.

тов к литературному идиому — поддерживала создание описаний грамматических форм, явлений, дифференцирующих ДЯ и ЛЯ⁶. Системное описание грамматики диалектов остается отдельными эпизодами в развитии диалектологии. Сложившаяся ситуация с изучением грамматики украинских диалектов не подвергалась тщательному анализу, поэтому нерешенным остается ряд вопросов, в частности об объеме и структуре информации, необходимой для исследования, а также о соотношении лингвистического описания и реального бытования диалектов. Ответы на эти вопросы важны для определения методологии и частных приемов изучения ДЯ, его отдельных структурных уровней как в целом континууме, так и в его пространственных сегментах.

Степень полноты информации о языковом объекте, как известно, коррелирует с целями и приемами его описания. Оценивая объем и качество сведений о грамматике диалектов, особенно на фоне знаний о грамматике ЛЯ, необходимо принимать во внимание форму существования диалектов — устную речь с ее необычайно развитой вариантностью, изменчивостью формальной структуры языковых элементов⁷. На создание надлежащей эмпирической базы диалектологии в целом или ее отдельных разделов могли влиять и внеязыковые (политические, социокультурные) факторы, формировавшие аксиологию диалектов как объекта изучения и тем самым детерминировавшие актуальность, направленность и глубину их изучения, выбор исследовательских приемов, что определяло результаты познавательного процесса⁸.

⁶ Отмечено, что «в описаниях отдельных диалектов и групп говоров на морфологическом уровне собран материал преимущественно по словоизменению, как правило, в плане различий с литературным языком» (Жилко Ф. Т. Передмова // Українська діалектна морфологія. Київ, 1979. С. 3).

⁷ Представляется целесообразным разделить *грамматических вариантов* (формально отличающихся словоформ, закрепленных речевой практикой и воспринимаемых диалектоносителями как альтернативное выражение значения) и *трансформ* (словоформ, имеющих индивидуальный несистемный характер, возникающих спорадически); принятие и освоение трансформы носителями ЧДС является предпосылкой ее перехода в вариант.

⁸ Для судеб объемных фундаментальных проектов существенными оказывались значительная протяженность во времени их реализации (последнее связано с объемом подготовительных работ, включающих разработку теоретических основ, создание вопросников, длительное собирание диалектных сведений), а также сложность организации работы больших коллективов исполнителей. Многие пионеры славянских диалектных атласов и словарей не увидели завершения начатых ими проектов, были лишены возможности проверить свои исходные гипотезы и предвидения, опираясь на весь корпус собранного материала, сформулировать обобщения и выводы, ради которых предпринимался масштабный труд. Их продолжатели нередко привносили идеи, а также процедуры и детали познава-

Для оценки современного состояния изучения грамматического строя диалектов важны объем и структура информации, которые поддаются объективному определению путем сопоставления с инвариантной наддиалектной моделью. Последняя строится с учетом: а) набора грамем; б) набора грамматических форм; в) типов нейтрализации оппозиций грамем, направлений взаимовлияний между формами их выражения.

В украинской лингвистике сложились различные подходы к формированию баз данных по грамматике диалектов: ориентированные на полное, недифференцированное по отношению к ЛЯ представление грамматического строя ЧДС / диалекта (1), либо на ряды грамматических форм, реже — явлений, отражающих только часть сведений, объединенных по определенному признаку (2).

Первое направление складывалось поначалу вне теоретических положений о системности языка и ориентировалось на нормативные грамматики литературного языка как модель описания. В дальнейшем происходила постепенная эволюция в направлении целенаправленного отражения полноты информации о грамматике диалектов. Так, И. Г. Верхратский еще на рубеже XIX–XX вв. в описаниях украинских юго-западных диалектов представил целостные словоизменительные парадигмы, указав на их лексическое наполнение. Например, в описании диалекта батюков⁹ он привел образец парадигмы существительного *гриб* (формы всех падежей ед. и мн. ч.), отметив его принадлежность к определенному словоизменительному классу. Одновременно автор объяснял формальные особенности отдельных словоформ, условия их возникновения и особенности функционирования в речи. Так, он прокомментировал ряд словоформ для выражения граммы *instr. sg.* существительных **ā*-осн. — флексии *-оу*, *-оў* и *-ом*; указал на направление индукции словоизменения существительных женского рода в парадигму мужского рода, **ū*-осн. на **ō*-осн. в *dat. sg.* (*селови*); подчеркнул существование беспредложных loc. (*будеш місті* вместо *будеш у місті*) и gen. (*ідеш хати* вместо *ідеш до хати*) и др., указал на ряд исторических и некоторых дистрибутивных характеристик словоформ. Все это демонстрировало преимущества многоплановой интерпретации собранного материала с исходным моделированием микросистем. Однако широкого распространения такой тип исследования не получил.

тельного процесса иного (своего) времени, что не всегда соответствовало исходным замыслам авторов проекта.

⁹ *Верхратський І. Говір батюків. Львів, 1912.*

Позже И. А. Панькевич пытался последовательно реализовать принцип системности в описании словоизменения закарпатских диалектов¹⁰. Однако, поставив целью определить пространственную дифференциацию южнокарпатской языковой области и охватив наблюдениями 179 населенных пунктов, он не смог обеспечить необходимую полноту материала по всем исследуемым ЧДС¹¹. В основу матрицы для сопоставительного анализа Панькевич положил типы словоизменительных парадигм современного ему украинского ЛЯ, приняв во внимание также информацию об исходном состоянии словоизменительных типов. Это позволило рассматривать условия и направления динамики от праславянского состояния грамматических форм до современного, зафиксированного в диалектах. Отмеченные в различных говорах варианты словоформ он представил в виде таблиц словоизменения, наглядно отражающих типы и глубину формального противопоставления диалектов на уровне парадигм или их фрагментов. Сосредоточив внимание на изменяемых частях речи (оставлены без внимания наречие, служебные части речи), автор прокомментировал варианты звенья парадигм, описал лексическое наполнение словоизменительных типов. Опыт такого исследования, несмотря на некоторую неполноту материала, ценен и до сих пор востребован, поскольку демонстрирует преимущества системного изучения грамматики диалекта по сравнению с фиксацией и анализом разрозненных форм и явлений, а эмпирические сведения, зафиксированные исследователем, продолжают широко использоваться как надежный источник языковой информации.

Идеи системного подхода к грамматике ДЯ воплотил О. Лешка в описаниях отдельных украинских диалектов Восточной Словакии¹². Разработанная им модель ориентирована на максимальный набор релевантных структурных черт, их системные связи. Например, моделирование склонения имени существительного предполагает учет категорий рода, числа и падежа, одушевленности/неодушевленности; последовательно учтены ударение в образовании и дифференциации грамматических форм, морфонологические

¹⁰ *Панькевич І. Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. Частина І. Звучня і морфологія. Praha, 1938.*

¹¹ Автор отмечал, что «не було всюди часу перейти цілу граматику» («не везде было время записать грамматику [диалекта] в полном объеме» — там же, с. 13).

¹² *Leška O. Govor sela Ublja Vostočnoj Slovakii. Etjudy po ukraínskoj dialektologii. 1. Praha, 1973; Лешка О. Очерк морфології села Звала восточної Словаччини. 1. Глагольне формообрання // Studie ze slovanské jazykovědy. II. Praha, 1978. S. 229–280; Лешка О. Очерк морфології села Звала восточної Словаччини. 2. Іменне формообрання // Studie ze slovanské jazykovědy. III. Praha, 1980. S. 107–152.*

чередования. Структурное моделирование грамматики говоров сел Убля и Звала сохраняет методологическую (и дескриптивную) ценность, хотя в украинской (шире — в славянской) диалектологии не нашло должного продолжения и развития.

Важный опыт системного анализа диалектного словоизменения представляет описание торуньского закарпатского диалекта С. Л. Николаева и М. Н. Толстой¹³, в котором не только представлены основные сведения по именному и глагольному словоизменению, но и, что особенно ценно, в словарном формате приведена вся собранная в говоре информация, относящаяся к словоизменительной характеристике каждого слова.

С позиций системности проанализировано также словоизменение имени существительного в бойковском говоре¹⁴ и в диалектах среднеполесско-среднеподнепровского пограничья¹⁵; при этом был привлечен значительный круг существительных, что позволило изучить их парадигматическое поведение, распределение по словоизменительным типам, констатировать наличие нерегулярного словоизменения многих лексем. Все это актуализирует более общую проблему — полноты охвата наблюдениями диалектного материала, обеспечивающей надежность теоретических выводов. Ведь даже охват значительного количества существительных не дает полной уверенности в том, что вне внимания не остались те важные элементы структуры языка, которые способны диагностировать явления синхронного или диахронного порядка. Зафиксированная неполнота (лакунарность) в словоизменении отдельных лексем, даже при создании для их выявления специальных коммуникативных (контекстных) ситуаций, отражает соотношение реальной (*реализованной в речи*) грамматики и ее инвариантной модели.

Наблюдения над поведением грамматических форм в речи не только убеждают в целесообразности привлечения диалектных текстов как источника языковой информации, возможности существенного дополнения ответов на анкеты-вопросники, но и способствует формулированию новых задач исследования. Текст позволяет соотнести реальные (реализованные) и потенциально возможные (нереализованные) элементы грамматической структуры,

¹³ Николаев С. Л., Толстая М. Н. Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М., 2001.

¹⁴ Зубрицька М. І. Бойківська іменникова словозміна. [Дисс. ... канд. філолог. наук]. Київ, 1992.

¹⁵ Рябець Л. В. Словозміна іменника в говірках центральнополісько-середньонадніпрянської суміжності. [Дисс. ... канд. філолог. наук]. Київ, 1999.

на возможность существования которых указывает наддиалектная модель-матрица. Текст как пространство проявления системы ЧДС имеет обозримую линейную протяженность, фиксированные начало и конец. Это дает возможность определить количественные параметры всех реализованных грамматических форм, соотнести частотность их употребления, что нередко оказывается важной характеристикой диалекта. В то же время на основании текста может быть составлен список не только низкочастотных, но и нереализованных (потенциальных) элементов структуры, предусмотренных инвариантной моделью¹⁶. В опоре на диалектный текст исследование системности грамматики обретает новое содержание в виде функциональной градации элементов структуры. Одновременно появляется возможность наблюдать за линейным текстообразованием и поведением в тексте многих грамматических единиц, которое влияет на динамику их форм и функций в речи.

При изучении грамматики в опоре на отдельные явления в большинстве исследований репрезентированы списки таких единиц. К середине XX в. в украинской диалектологии тип описательных диалектологических исследований, в которых приводилась обобщающая характеристика всех / многих структурных уровней диалектов сравнительно небольших территорий, оказался преобладающим. В таких работах внимание сосредоточено на словоформах, маркирующих изучаемые диалекты на фоне других диалектных систем или литературного стандарта¹⁷. При этом собирание материалов было ориентировано прежде всего на Программу для диалектологического атласа украинского языка (Програма), что обусловило как повторение в различных трудах исследуемых проблем, частично — и материала, так и общность / близость применяемых аналитических процедур. Следствием такого подхода к формированию эмпирической базы стало первоочередное внимание к элемен-

¹⁶ Специальное исследование грамматики отдельной ЧДС в опоре на текст (*Делюсто М. С. Граматика говірки у світлі тексту*. [Дисс. ... канд. філолог. наук]. Київ, 2010) подтвердило наличие не реализованных в речи диалектоносителей грамматических форм, что может свидетельствовать о низкой функциональной нагрузке таких единиц в структуре диалекта или полной редукции.

¹⁷ *Пристапа П. І.* Говірки Брюховицького району Львівської області. Львів, 1957; *Пура Я. О.* Говори Західної Дрогобиччини. Ч. І. Львів, 1958; *Бандрівський Д. Г.* Говірки Підбузького району Львівської області. Львів, 1960; *Ващенко В. С.* Полтавські говори. Харків, 1957 (Ващенко явления современных диалектов комментирует на фоне сведений локальной письменности предыдущих эпох); с большей детализацией сведения о поднестровском и волынском диалектах отражены в: *Шило Г. Ф.* Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957.

там, отличающим диалект от ЛЯ, а также то, что далеко не все элементы грамматики диалектов, важные для их характеристики, отражены в таких исследованиях. Можно предположить, что диалектологи оказались не готовы к последовательному системному описанию грамматики говоров, использованию преимуществ системного подхода при создании атласов. Отсюда, к примеру, преобладание внимания в АУМ к разрозненным словоформам и только в отдельных случаях — обращение к микросистемам, но не полным парадигмам, что существенно ограничивает познание дифференциации континуума на уровне грамматических подсистем. Так, для картографирования имени существительного в АУМ предусмотрены словоформы *gen.*, *dat.*, *instr.*, *loc. sg.* и не охвачены формы *nom.*, *acc.*, *voc. sg.*, хотя для многих существительных сведения о формах *nom. sg.* в значительной степени восполняют ответы на вопросы лексической части программы; для *pl.* взяты словоформы только *nom.* и *gen.* (картографирование имени существительного должно было быть обеспечено ответами на 33 вопроса). Отметим, что вопросник ориентирован на выявление падежных форм существительных различных грамматических родов и различных исходных типов склонения, сохраняющих следы неодинаковых направлений внутри- и межпарадигматической аналогии, трансформации старых типов словоизменения по основам. Для картографирования имени прилагательного центральной определена проблема сохранения полных (членных) форм (*nom. sg. n.*, *gen. sg. f.* и *nom. pl.*), характер флексии притяжательных прилагательных в *nom. pl. m.* и *f.* (всего на прилагательные отведено 4 вопроса). Для глагола как релевантные отобраны проблемы морфонологических чередований при формообразовании, типы флексий личных форм глаголов различных классов преимущественно настоящего, меньше — прошедшего и будущего времени, а также образование форм повелительного и сослагательного наклонений (21 вопрос).

Несомненно, перечисленные важные проблемы и сюжеты по грамматике данных классов слов составляют незначительную часть информации, которая с позиции пространственной релевантности могла бы быть отражена на лингвистических картах и как следствие — использована для определения типов и характеристики диалектов в их современном состоянии, а также для углубленного исследования динамики в диахронии. Вне пристального внимания остались многие грамматические формы частично представленных классов и целые классы слов, которые даже по имеющимся далеко не полным сведениям ареально релевантны, важны для понимания многих явлений и процессов. Информационную лакуарность по грамматике украинских диалектов демонстрируют некоторые приводимые ниже примеры.

1) В северо-западной части украинского западнopolесского диалекта зафиксирована форма *пот. sg.* существительного *t*-основы *те'л'ето*¹⁸ (на фоне дублетной формы *те'л'е*), отмеченная и в смежных белорусских говорах – *тыл'ета, парас'ета, егн'ета*¹⁹; форма возникла под влиянием косвенных падежей, см. форму *dat. sg.* *те'л'ет-ови*²⁰. Локальная грамматическая форма расширила репертуар соотносительных флексий, дав основание для моделирования направления индукции — от косвенных падежей к *пот. sg.*

2) В АУМ среди репрезентантов семемы 'мать' в 5 н. п. западнopolесского говора отмечена форма *пот. sg.* *'матера*²¹, подтвержденная и более поздними записями диалектных текстов: *'матура рос'казувала*²². Форма *'матер*, также известная, хотя и редко фиксируемая в этом ареале, отмечена в отдельных ЧДС подольского, бойковского, лемковского (АУМ II, к. 366), гуцульского диалектов; на нее в свое время обратили внимание И. Г. Верхратский, И. А. Панькевич, Б. В. Кобылянский, объясняя ее как результат влияния *асс. sg.* на *пот. sg.*²³ Возникновение формы *пот. sg.* *'матера*, совпадающей с формами косвенных падежей (*gen. sg.* *'коло 'матера, без_ 'матера ос'та'йс'а, піш'ли_б 'луч:е до_ 'матера 'мейі*; *асс. sg.* в клише *п'росимо 'Господа 'Бога і Пре'чистейі 'Діви 'Матера 'Божойі* [Аркушин 2010: 152, 229, 275, 432 и др.]) и поддерживаемой ими, предположительно связано с процессом подчинения существительных женского рода, в прошлом относившихся к различным типам склонения, превалирующему типу словоизменения существительных **ā*-основ. Таким образом, форма *'матура* отражает еще один этап трансформации парадигмы существительного *мати*, вследствие чего возникло неразли-

¹⁸ Словоформа отмечена в селах Самары, Гута Ратновского р-на, Подмановое Шацкого р-на, Згораны Любомльского р-на, Новоселки Турийского р-на Волынской обл.; во всех этих пп., кроме Гуты, в *dat. sg.* отмечена форма *те'л'етови*; ареал словоформы *dat. sg.* с формантом *-ат-ов* (~*о'в'і, -ови*) значительно шире географии формы *те'л'ето* (Зінчук, к. 30–31).

¹⁹ Словоформы зафиксированы в селах Горки Дрогичинского р-на, Черняны Дивинского р-на, Оса и Орехово Малоритского р-на Брестской обл. (ДАБМ, к. 86).

²⁰ На фоне распространенных в данном ареале флексий *-ови/-ові* и *-ати/-аті* форма *те'л'етови* представляется контаминированной.

²¹ Словоформа зафиксирована в селах Ростань, Пульмо, Мосыр Любомльского р-на, Коритница Владимир-Волынского р-на Волынской обл., Глиняная Ивановского р-на Брестской обл. (АУМ II, к. 366).

²² Сошично Камень-Каширского р-на Волынской обл. (Аркушин 2010: 258).

²³ Бевзенко С. П. Історична морфологія української мови: Нариси із словозміни та словотвору. Ужгород, 1960. С. 52.

чение форм *пот. sg.* и некоторых косвенных падежей (к примеру, на к. 366 АУМ II отражены ареалы совпадения форм *пот. и gen. sg.*). Эти изменения не получили широкого развития: данная словоформа сохранилась на архаической периферии украинского континуума, а также в отдельных белорусских ЧДС основного континуума²⁴, и, что очень важно, образует две микрозоны преимущественно в западной (латеральной) части белорусских говоров Белосточкины (AGWB III, m. 212). Следует отметить, что вне видимой ареальной связи с белорусским и украинским континуумами в русских диалектах распространена форма *пот. sg. máteřa* (южнорусские, южные среднерусские диалекты, единичная фиксация в севернорусском п. 879) (ДАРЯ II, к. 9). Отметим, что в русских диалектах совпадение *пот. и асс. sg.* в форме *máteřa* отмечено только в 2 н. п. из 33 н. п., в которых известна форма *máteřa* в *пот. sg.* Указанная география дает основания предположить независимую в украинско-белорусском и русском ареалах реализацию этого типа индукции, имеющего скорее архаический, нежели инновационный характер.

3) Показательна судьба местоимения *ви* ‘вы’: по программе АУМ выявление сведений о формах 2 л. мн. ч. личных местоимений не было предусмотрено, хотя на собирание таких материалов ориентировали вопросники ДАБМ и AGWB. Позже в различных источниках появились сведения о функционировании в западнopolесском диалекте формы *вите* ‘вы’²⁵, однако надлежащего внимания она не привлекала. Данная словоформа восходит к сочетанию местоимения *ви* и форманта *те*, где *те* — континуант вспомогательного глагола **быти* во 2 л. мн. ч. наст. времени (*те < сте < йесте [юсте]*)²⁶. Очевидно, после универбизации сочетания местоимения и глагольной формы,

²⁴ В белорусском ареале форма *пот. sg. мацэра* записана в пп. Весницк Ушацкого р-на Витебской, Сораги Слуцкого р-на Минской, Батарея Березовского р-на Брестской обл. (ДАБМ, к. 89).

²⁵ В (Арк. 2000, I: 60) отмечено функционирование данной словоформы в 9 н. п. в вариантах *ви-тё, ви-та́, в’і-те*.

²⁶ См.: Історія української мови. Морфологія. Київ, 1978. С. 324–326. В ряду этих явлений — трансформация *йам* из сочетания местоимения *йа* и *м* как рудимента глагольной формы **јесмь*; см. также: *бим* (< *би* + *м* (из **јесмь*). В гуцульском диалекте В. Шухевич записал множество повторяющихся речевых оборотов-новообразований, включающих рудименты старых глагольных форм: *І я дыкую за ваш прихід, шюсте* [< *шю јесте*] *були ласкаві приходити до мене; дай, Боже, шюбисте* [< *шюби јесте*] *дочекали нарік такої днини!* (Шухевич В. Гуцульщина. Ч. 4. Львів, 1904. С. 254), см. также: *vžesmo xodyty* (Dejna: 77); большое количество аналогичных устоявшихся в речи новых словоформ (не только с глагольными компонентами) отражают современные записи диалектной речи.

но еще во время функционирования *сте/їесте* как живых элементов диалектной речи, возникла трансформация *віетесте*, зафиксированная как дублетная: *де 'віете* // *'віетесте* *хо'дили* в периферийной ЧДС (п. 659 в АУМ II, с. Кривоверба Бело-Подлясского воеводства, Польша; запись 1965 г. [АУМ III, ч. 4, с. 218]).

Специально собранные сведения показали, что *вите* (в фонетических и акцентных вариантах) — хорошо сохранившаяся форма местоимения, часто отмечается как дублет к *ви*; она четко отделяет западнополесский диалект от других украинских, белорусских и польских, объединяя его с украинскими брестско-пинскими (ДАБМ, к. 38, коммент. на с. 397) и подляшскими говорами (AGWB VII, т. 80), очерчивая ареал западнополесского диалекта до его разделения государственными границами; известна она и белорусским говорам смешанного украинско-белорусского (брестско-пинского) ареала (Босак, к. 52). Насыщенный и значительный по территории компактный ареал распространения словоформы *вите*, наличие фонетических и акцентных вариантов свидетельствуют об относительной временной глубине ее возникновения и значительной функциональной нагруженности в данном диалекте в прошлом. Таким образом, изначальная гипотетическая оценка форм 2 л. мн. ч. личных местоимений как ареально не релевантных в украинском континууме, поэтому не предусмотренных в (Програма), оказалась необоснованной.

4) Выразительной чертой западнополесского говора является конструкция *говорить (сказать) + асс. с предлогом адресата речи вместо известной многим диалектам и ЛЯ конструкции с dat. без предлога (сказати батькові, говорити жінці, передати сусідові)*. В ряде несмежных между собой ЧДС функционирует синтаксическая структура с асс. предложным: *і 'кажемо на_ха'з'айку* / *'кажемо* // *пуй'д'і* / *пуй'дїте шче принї'сіте во'де*; *'каже ... на 'нас*; *і_в'ін 'каж'е на* / *на 'ту* / *на_св'ікр'їху* // *ї'ди ста'ра ...*; *ска'зав на 'жс'інку* / *ро'с:єрдивс'а* и др.²⁷; см. пример усложнения конструкции с нарушением согласования: *а_їа ка'ж'у на_тїийї бости'н'акєї* [жителей с. Бостынь] *шо 'їїдут' іс_Пинс'ка* (Мотоль Ивановского р-на Брестской обл., Арк. 2012: 218). Устойчивость данной конструкции в речи придает ей статус структурного маркера диалекта.

5) Одна из отличительных черт говоров брестско-пинского ареала — вариант формы глагола *жив'їти* (< *жити* 'жить, проживать'), повлиевший в ряде ЧДС и на другие словоизменительные формы в парадигме: *за'їїхали в*

²⁷ См. тексты из сел Островок, Городок Камень-Каширского р-на, Быхов Любешовского р-на, Самары Ратновского р-на, Мельники Шацкого р-на Волынской обл. (Арк. 2010).

ста'ройе се'ло **пожи'в'іли** (Ворле Каменецкого р-на Брестской обл.); *там ми жи'в'іли; то вже дав'но йак ха'з'айін жи'в'ів; но ти з_ 'ійм 'довго жи'віти не_ 'будеш; пережи'в'іли* (с. Величковичи Каменецкого р-на) (Арк. 2012: 56, 70, 74, 80). В одних ЧДС инфинитив *жив'іти* сосуществует с другими словоизменительными формами, в других говорах наблюдаем наличие производных от *жив-(і-ти)* при инф. *жи-(ти)*: ну_й ми та'ко жи'в'іли // там жи'в'іли змалеч'ку і постройіли собі хату / то вже і оде стали 'жити // ну і_так 'живимо; він там жи'в'ів (Вельямовичи Брестского р-на — там же: 300–302, 308).

Список грамматических черт западнopolесского говора, которые еще не стали предметом специальной структурной, функциональной и ареалогической аттестации и не используются в характерологии данного диалекта, может быть значительно расширен в опоре на доступные картографические и текстовые источники. Это прежде всего часто используемые элементы речи: 'бало 'было', бі 'как'²⁸, ге 'да', 'здесь', 'вот', оге, огет 'вот', де 'разве', 'мусит' 'наверное', му'сово 'обязательно', но 'только', оде 'вот', тоно 'только, лишь', 'шено 'только что', ряд производных с формантами не- и ни- без семантики отрицания, с общим компонентом значения неопределенности ('н'іки, 'н'еки, 'н'акі 'какой-то', 'кто-то', н'ііа'к'ііе 'какие-то', 'н'іде 'где-то', 'н'ешо 'что-то'²⁹ и др.); к этому ряду примыкает изредка фиксируемый предлог без 'через' и др. Каждый из приведенных элементов нуждается в тщательном дополнительном изучении, прежде всего в определении географии, включая межславянские связи и соответствия, функций и временной ретроспекции.

Приведенные разрозненные примеры только из одного ареала убеждают в преждевременности оценок современных диалектов как эмпирически исчерпанных, в частности относительно грамматических форм. Даже в ситуациях, когда с определенным сегментом структуры диалекта / ДЯ на этапе общего моделирования атласа или монографического исследования не связывали обнаружение новой информации, нередко наблюдения над диалектом приводили к выявлению новых словоформ или вариантов, трансформ ранее известных языковых элементов, хранящих сведения, которые своей лингвистической ценностью могут превзойти самые смелые ожидания. Перспектива

²⁸ Подробнее о союзе бі см.: Грищенко П. Локалізми у структурі діалектної мови. I // Jazykovedné štúdie. XXVIII. Súradnice súčasnej slovanskej dialektológie. Bratislava, 2010.

²⁹ Об утрате в говорах Смоленщины и Могилевщины частицей не семантики отрицания подробно см.: Толстой Н. И. Не — не 'не' // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

пополнения сведений о грамматике ДЯ стимулирует повторное собирание материалов даже по казавшимся ранее хорошо известным в диалектологии и истории языка сюжетам, и на различных территориях, включая «достаточно изученные». Самоочевидно, что о многих грамматических формах украинских диалектов, а также об их динамике, функциях отсутствует надлежащая информация, потребность в которой ощущается весьма остро, особенно в связи с интерпретацией значительного по объему материала АУМ и попытками его прочтения в восточно- и общеславянском континуумах. В этой связи обращает на себя внимание замечание Л. Э. Калнынь: «Выбор предполагаемой конечной формы описания, соответствующей определенной теории языка, определяет методику работы в поле и вид искомым лингвистических данных»³⁰. Формирование круга *искомых лингвистических сведений* — это реализация принципа избирательности и заданности при формировании вопросов для составления атласов или описаний диалекта, что изначально позволяет оставлять без внимания многие структурные элементы, важные явления ДЯ, относительно которых существует отрицательный прогноз их эвристической ценности, возможности вскрыть неизвестные ранее факты языка. Отмечено, что моделирование содержательной структуры атласа нередко скажется на объеме и архитектонике информации дескриптивных исследований; к примеру, в украинской диалектологии наблюдается ориентированность проблем и языкового материала ряда монографических описаний — Я. Е. Пур, В. С. Ващенко, Д. Г. Бандриковского, П. И. Приступы, Г. Ф. Шило и др. — на программу АУМ. Таким образом, круг сведений не изменяется или почти не изменяется, оставляя без внимания не представленные в АУМ и описанных трудах элементы структуры и многие явления. Последующее пополнение сведений о ДЯ со временем происходит преимущественно случайно, без критического анализа объема и характера существующей информации и целенаправленного ее расширения; зачастую новые исследования имеют региональный характер, не покрывают весь диалектный континуум.

Особый тип презентации грамматической информации представлен в обобщающих трудах, учебной литературе, авторы которых ограничиваются либо перечнями разрозненных грамматических форм-маркеров на фоне литературного стандарта, либо презентацией типичных (по их представлениям) словоизменительных парадигм.

³⁰ Калнынь Л. Э. [Рец. на:] А. Е. Кибрик. Методика полевых исследований (к постановке проблемы) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1974. М., 1976. С. 261.

* * *

Даже при кажущейся достаточности (или избыточности) сведений об однотипных словоформах нет полной уверенности в том, что исследуемое явление представлено исчерпывающе, а расширение круга репрезентантов и вовлечение в наблюдения новых ЧДС не даст неизвестных ранее языковых фактов, способных расширить репертуар соотносительных вариантов формального выражения грамлеммы и повлиять на интерпретацию изучаемых языковых единиц и процессов. В этом плане показательно отражение в АУМ окончаний существительных *f.* *ā/*jā-основ в *instr. sg.* Для -ā-основ (по словоформам *дорога, голова, нога, рука, рыба, вода*) зафиксированы флексии -ойу, -ой, -оў, -ом; для *jā-основ (по словоформам *земл'а, душа, долон'а, криниц'а*) — флексии -ейу (-айу при *e < a*), -^(с)ойу, -еў (-иў), -^(с)оў, -ем, -^(с)ом, -ої (АУМ II, к. 170; АУМ арх.). Набор этих флексий издавна является предметом научного комментирования. Однако различные источники, в частности из западнополесского диалекта, отражают и другие флексии существительных *f. instr. sg.*, а именно: -о, -ойо (варианты -ойа, -айа для основ на твердый согласный), реже -ийо (вариант -ейо); они отмечены как дублиеты иных словоформ или безвариантно, как единственный репрезентант грамлеммы: *s syst'ro // s syst'roju, ko'rowoju // ko'rowo, svy'n'o, k'is'c'o* (*ī-основа (*kostry*)³¹; *со'ломо, со'ломойо, со'ломойа, со'ломайа, со'ломийо, зем'лейо, фа'солейо, чере'пицийо* (Зінчук, к. 9–11); см. сохранение флексии -о в словосочетании, провоцирующем возможность иного окончания: *a_ 'ya 'v'ida'yu / 'ya'ko'yu 'movo go'vorimo?*³². Такие флексии нельзя отнести к рудиментарным, поскольку мы наблюдаем живое формообразование для относительно новой лексики (*чере'пицийо*). В известных источниках по территориально близким украинским говорам Белосточкины³³ и смежному брестско-пинскому ареалу, имеющему много общих с западнополесскими говорами явлений³⁴, такие формы не указаны, хотя приведенная единичная форма из записи спонтанной речи в с. Хрисо (Брестская обл.) указывает на необходимость повторного тщательного обследования данного ареала. Флексии -ойо, -ейо, зафиксированные в нескольких пунктах с различной последовательностью³⁵, можно было бы отнести к локальным

³¹ Доротище Ковельского р-на Волынской обл. (пункт 404 в ОЛА) (ОЛА арх.).

³² Хрисо Березовского р-на Брестской обл. (Арх. 2012: 170).

³³ AGWB III, m. 176–177.

³⁴ ДАБМ, к. 69–72; Леванцэвіч, к. 1–2; Босак, к. 31.

³⁵ Если условно обозначить словоформы *со'ломо* как {1}, *со'ломойо* — {2}, *чере'пицийо* — {3}, *зем'лейо* — {4}, *фа'солейо* — {5}, то их распространение в ЧДС (согласно [Зінчук, к. 9–11]) будет следующим: Датынь Ратновского р-на, Доротище Ковельского р-на {1,

трансформациям по модели гиперкорректного оканья (реакция на типичное для этих диалектов уканье) или (в случае с *-o*, *-e*) объяснить усечением флексии. Однако вряд ли возможно объединить все приведенные флексии как результат одного типа изменений. К примеру, для флексии *-o* высока вероятность ее возникновения вследствие польского влияния, поскольку для значительной части северо-восточных и восточных польских говоров характерно развитие старопольского **ɔ* по пути утраты назальности (**ɔ > o*), обусловившее появление в указанной части польского континуума форм instr. sg. f. **ā*-осн. с флексией *-o*, например, *drogo*, *z babo* (MAGP 6, m. 277). Западнополюсские говоры продолжительное время испытывали ошутимое польское влияние на различных структурных уровнях, что повышает вероятность польского источника флексии *-o* в этих диалектах. Вне ареальной связи с западнополюсским микроареалом флексия *-o* в instr. sg. f. зафиксирована в территориально отдаленных диалектах: в среднезакарпатском (**ночо* от **ночь* — **ī*-осн.)³⁶ и поднестровском (*m'it'lo*, *p'ut'no*, *pit sv'ojo x'ato*)³⁷; поднестровский ареал длительное время также был подвержен польскому влиянию. Предположительно, формы с флексией *-o* спровоцировали изменение флексий *-oйу*, *-ейу*: *-oйу > -oйо* (< *-oйа*, *-айа*), *-ейу > -ейо* (< *-ийо*, *-йю*). Рассмотренные факты важны как дополнительный аргумент для тех исследователей, которые возникновение флексии *-ом/-ем* в instr. sg. f. и согласованных с ними словоформ других грамматических классов в юго-западных украинских диалектах рассматривали как результат польского влияния (в противовес мнению об индукции этих флексий из форм instr. sg. m. и n.³⁸): значительный по величине ареал развития старопольского */*ɔ/* как бифонемного образования

2, 3}, Выгнанка Любомльского р-на, Смидын Старовыжевского р-на {1, 2, 3, 4}, Новоселки Турийского р-на {4}, Заречье Ковельского р-на {5}, Велимче Ратновского р-на {3, 5} и варианты *ze'm'nejo*, *so'lo moya*, *so'lo maya*, в с. Дольск Любешовского р-на — *so'lo mийо*; все н. п. расположены в Волынской обл. Опора на широкий набор репрезентантов одного ряда позволяет моделировать *обобщенный* ареал явления (в данном случае — ареал флексии *-ейо* существительных instr. sg. f.), которое нерегулярно проявляется в словоформах одного словоизменительного типа.

³⁶ Кушница Иршавского р-на Закарпатской обл. (АУМ II, к. 176, комментариев на с. 40).

³⁷ Хмелиска Подволочиского р-на Тернопольской обл. (*Dejna K. Gwary ukraińskie Tarnopolszczyzny. Wrocław, 1957. S. 93*). Хотя на данную словоформу в монографии К. Дейны исследователи обратили внимание, однако они ошибочно объединили как идентичные формы с различными флексиями, *-o* и *-oйо*, не прокомментировав источники и условия их появления (см.: *Історія української мови. Морфологія. Київ, 1978. С. 80*).

³⁸ К примеру, М. Пшепурская в формах *tom rukom* посанского диалекта усматривает результат аналогии: «закінчення є вислідом ділання аналогії чоловічої відміни на жіночу» (*Пшепурська М. Надсянський говір. Варшава, 1938. С. 38*).

[om], [o^hm] также примыкает к украинскому континууму (MAGP VI, m. 277), где такой тип окончаний находит продолжение как дублет другим флексиям или образует бездублетные микроареалы (в лемковском, посанском, поднепровском и западной части подольского диалектов [АУМ II, к. 170, 171]). Отметим, что в лемковском флексии -oŭ, -om выразительно разделяют диалект на восточный и западный ареалы соответственно, исключая южную зону, где распространена флексия -y (Латта, к. 211, 228)³⁹.

Междиалектным соответствием в ряду флексий instr. sg. f. является окончание -e, зафиксированное различными источниками в отдельных западно-полесских ЧДС: *до'роге, гулу'ве, 'рибе, но'ге, 'воде, 'к'істке, кри'ниці, зим'н'е, ду'ше, до'лон':e*⁴⁰, *со'ломе, чере'пиці* [хто чере'пиці крив {хату}⁴¹] *а хто со'ломе*⁴², *за Ми'коле (= за Ми'колойу)* [*а_йа вже бу'ла за'мужн'а // бо йа вже тут бу'ла за Ми'коле*]⁴³. Генезис флексии -e требует дополнительных разысканий. При этом важно учесть пространственный конкорданс: в одних случаях (Великие Телковичи) окончание -e представляет периферию ареала -eŭy, что не исключает появление -e вследствие усечения «полной» флексии -eŭy; в другом случае (Пидцыря) отмечена пространственная близость с ареалом флексии -o, что не исключает возможной связи между ними.

Наблюдения над отдельными флексиями instr. sg. f., восходящими преимущественно к *ā-основам, демонстрируют наличие в диалектах таких формальных средств реализации данной граммы, которые из-за неполноты фиксируемого материала ранее не привлекали надлежащего внимания исследователей, хотя такие формы ареально релевантны, а познание путей их

³⁹ И. А. Панькевич оценивал данную флексию -y как результат словацкого влияния (*Панькевич І. Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. Praha, 1938. С. 223*), хотя в словацких диалектах (по данным распространения словоформы *žena* [ASJ II, m. 43]) продолжение имеют именно флексии -oŭ и -om, образуя с украинскими лемковскими говорами общие ареалы.

⁴⁰ Степангород Володимирецкого р-на Ровенской обл., п. 66 сетки АУМ, т. 2 (АУМ арх.); в (АУМ II, к. 170) пункт 66 представлен без репрезентанта (пусто) и без комментария, а на карте 171 в этом пункте ошибочно указана словоформа *до'лон'(н')у*; таким образом, зафиксированные и сохранившиеся в записях эксплораторов словоформы с флексией -e оставлены без внимания, предположительно, из-за их необычности и отсутствия надлежащего объяснения генезиса данных форм.

⁴¹ В скобках {} реконструированы сегменты отдельных словоформ или высказываний, отсутствующие в цитируемых текстах.

⁴² Великие Телковичи Володимирецкого р-на Ровенской обл. (Зінчук: 40); пункт расположен близко к Степангороду Володимирецкого р-на.

⁴³ Пидцыря Камень-Каширского р-на Волынской обл. (Арк. 2010: 184).

возникновения способно вскрыть не известные ранее процессы в области грамматики ДЯ.

Устноречевая форма существования диалектов сформировала такую особенность их грамматического строя, как *пропуски маркеров грамме*, что, как показал анализ текстов, имеет не единичный и не случайный характер в речи диалектоносителей. Эта черта сигнализирует об оппозиции говором по признаку сохранения/утраты формальных показателей грамме. На такие факты, едва уловимые при собирании диалектных материалов в режиме вопрос-ответ, исследователи, как правило, не обращали достаточного внимания. Однако в текстах, особенно аутентичных (не подвергавшихся целенаправленному редактированию при издании), отмечено множество таких фактов. Так, зафиксированы словосочетания, в которых отсутствует предлог, хотя его участие в выражении грамматического значения и обеспечении синтаксической связи является нормой для этих говором. Например, в (Арк. 2010): *бу¹ла {в / ъ} 'нашому сел'і та'ка ище з'начит' {і/и}с'торийа, х'лопци по-при'ход'ат' // то {в} 'карти з'райут'; от в_{нас} був та'к'іі чулу'в'ік {у} су'с'іцтви; там {у} д'ру'г'іі сторо'н'і; бо {в/ѣ} ми'не ни'ма; {в/ѣ} 'мене вас іе два'нанц'ат'; ко'лис' {в/ѣ} 'мейі о'тейі 'матера; {на} ск'рипку пог'райе; 'с'іна т'реба {для} ко'ров" и др. Конструкции с пропущенным предлогом часто варьируются с предложным словосочетанием в той же ЧДС, иногда — в ближайшем текстовом окружении: *да / ви'возили // аж {в} Ро'с'ейу 'ійздили // 'б'еженцями / 'ійздели // в_{Ро'с'ійу}.**

Редуцию предлогов зачастую провоцируют фонетические изменения на стыке предлога и начала нового слова: утратив самостоятельность как сегмент словосочетания, предлог в составе нового фонетического слова подвергается трансформациям в соответствии с распространенными в ЧДС моделями, чаще всего стяжения одинаковых или ассимилированных звуков: *в'ін не_{з} За'ліс':а // в'ін з:а_{Л'у'бомл'а}; чоло'в'ік і_{ж'инкойу} (< із_{ж'инкойу}); то іі'їі бат''к'е ка'зали / шоб во'на {в/ѣ}_{в'еруїушчі} шла; 'тико {о}чи'ре'т був ви'л'екій {в/ѣ}_{в'озир'і}; іак {в/ѣ}_{в'ін'кови} бу'ліе; в_{нас} не_{бу'ло} / {в/ѣ}_{Ві'дерц'і} не_{бу'ло} / в За'лаз':і не_{бу'ло}; за'били {в/ѣ}_{Вос'точнуі} П'русійі; во многих словоформах отражены результаты ассимиляции до стяжения «новых» долгих согласных: муш'чина {до}нас во'зи'в 'риби с:'вит'ас'-кого [< з_{С'вит'ас'кого}] 'возира; в'ін жи'е^е в:ати:'кан'і (< в_{Вати:'кані}); 'парубок с:'вейу (< з_{с'вейу}) 'д'івчинойу; 'ж:ита (< з_{жита}) в 'жито пер'ход'ат'; іа_{ко'лис'} (< іак_{ко'лис'}).*

Пропуски предлогов не вызывают коммуникативных осложнений, непонимания при восприятии информации, так как сегменты высказывания с

редуцированными предложениями в языковом сознании диалектоносителей соотносены с инвариантной грамматической моделью, включающей предлог; к тому же словосочетания с предлогом и с пропуском предлога могут свободно варьировать в речи информанта в одном акте коммуникации⁴⁴.

Принципиально тот же механизм — соотношение реализованного в речи диалектоносителя варианта грамматической структуры с инвариантом (с грамматической программой сегмента высказывания) — допускает трансформацию, реже — полную редукцию флексий; например, в западнополесском диалекте *по ти{x} ро'ботах, а х'лопци{ŷ} по'било; хо'дили с_тем{u} х'лопц'ами; по_нару'мис'ац'i{ŷ}; и_ми хо'дил'и там спи'вал'и / на_к'рилоc{i}*; круг трансформированных флексий пополняет возникшее фонетическим путем окончание -у (*овъ > ов//оу > о'в > уу > у' > у): *вже в_ме'не 'деу'ят' п'равнуч'ку{ŷ} ие; по_метру{ŷ} п'йт'; р'ік і 'в'іс'ім 'м'іс'ац'у{ŷ} вс'о'го; в_йх 'десит' ку'му{ŷ} бу'ло* (Арк. 2010). Приведенные примеры ослабления релевантности финальных маркеров грамме́мы, очевидно, подчинены известному в устной речи процессу усечения конечных сегментов словоформ: *ду'дом* (из *додому* < *до дому*), *хо* < *хочете*, *мо* < *може*, *зв*а < *звали*, *не вида* < *не видать* и др. Многие из таких трансформ имеют широкое распространение, зафиксированы в речи диалектоносителей не одной ЧДС; иногда образуя микроареалы, они нередко функционируют в дистантных диалектных системах.

В диалектных текстах изредка фиксируется явление, противоположное редукции маркеров грамме́м, т. е. предложная избыточность, например: *при-и'ли за_нас із д'е'р'евн'і вс'іх виган'али // той ма'д'ар у'же_ж рос'казу-вав на_нім* [им] / *шо л'уде не винувати* (Арк. 2012) — использование предлогов *за* и *на*, предположительно, сигнализирует об изменении программы высказывания в речи диалектоносителя.

Отличия между ЧДС могут быть обусловлены тем, что грамматическое значение в пределах одного словоизменительного типа (грамматически и морфонологически не различающихся слов) в одних ЧДС выражаются одной флексией, а в других — с помощью двух и более альтернативных флексий.

⁴⁴ Следует отметить, что в текстах (Арк. 2010) широко представлены формальные изменения начала слова, не связанные с предлогами, которые, однако, могут усиливать динамику начала слова: *'начей* из *і(и)'начей*, *чи:'рот* < *очи'рот*, *'вечка* < *о'вечка*, *ст'ровок* < *ост'ровок*, *'бадва* < *о'бадва*, *д'будиш* < *од'будиш*, *з'мут'* < *о(во)з'мут'*, *за_парком_д'разу* < *од'разу*, *'кико* < *с'кико*, *ла'вайут'* < *обли'вайут'* [водой] и др. Закрепленное речевой практикой изменение структуры слова сохраняется и при последующем присоединении новых элементов: *не_доз'вавс'а* из *не_ {o}доз'вавс'а* 'не откликнулся', *не_ста'л'а'у* из *не_ {o}с-та'л'а'у* и др.

Например, в (АУМ арх.) отмечено множество записей, свидетельствующих о типичной ситуации — общности окончания **-оўу** (или **-оў**, **-ом**) в instr. sg. f. для ряда существительных: *до'рогоўу*, *голо'воўу*, *но'гоўу*, *ру'коўу*, *во'доўу*, *ко'ровоўу* и др.; значительно реже — наличие конкурирующих окончаний: *голо'воўу*, *во'доўу*, *ру'буўу* и *до'рог'іўу*, *т'руц'іўу*, *ко'ровіўу*⁴⁵, *во'доўу*, *но'го-ўу*, *голо'воўу*, *ру'коўу*, *до'рогоўу* и *рибеўу*, *до'рогеўу*⁴⁶, *со'ломойу*, *фа'сол'оўу*, *чере'ницеўу*, *зем'лейо*⁴⁷ (Зінчук, к. 9–11) и др. Возможность формально различного выражения граммемы вопреки ожидаемой единой флексии для ряда слов актуализирует необходимость расширения списка репрезентантов словоизменительного типа для полевого обследования ЧДС.

В тоже время для описания грамматики диалекта также важен *выход за пределы изолированной словоформы*: учет синтагматических связей словоформы, ее ближайшего окружения способен вскрыть некоторые важные особенности структуры, иногда — и генезиса грамматических форм. Эвристически ценными могут оказаться даже хорошо известные модели устойчивых синтаксических связей словоформ, если принять во внимание их синтагматику в речи. В аутентичных диалектных текстах неоднократно отмечались ситуации, когда при возможности выбора типичного маркера граммемы в речи использован иной маркер, который не соответствует ожиданиям — распространенной модели применения согласованного средства реализации данного грамматического значения. Например, в атрибутивных словосочетаниях на фоне преобладания общего формального показателя в согласованных компонентах сочетания (*йа 'тейі ма'лейі*; *с_та'к'ейі 'тейі блис'кучыйі бу'маг'і*) нередко отмечены случаи передачи общей граммемы отличающимися формальными средствами: *з_бабоўу по'койнийу шла*; *друг'іўу до'рогоўу*; *бу'ла 'цэрква та'ка 'чорнейу бл'ахойу к'рита* (Арк. 2010: 39, 296, 520), *і'дут' ши'рок'іўу до'рогоўу*; *с 'тейі 'діўчинойу*; *с 'тиў 'д'іўкоў* (АУМ арх.) и др. Следует подчеркнуть, что несогласованность флексий отмечена не только в потоке речи, но и в изолированном произношении (в ответах на вопросник), что свидетельствует об ослаблении согласования, сохранении относительной автономности членов словосочетания. Показательно в этом плане замечание составителей карты 125 «Безударное окончание творительного падежа единственного числа женского рода» в ДАБМ, не усмотревших в несогласованности окончаний местоимения и прилагательного в словосочетании важной отдельной проблемы грамматики ДЯ: «При картографировании не учитыва-

⁴⁵ Пески Кобринского р-на Брестской обл. (АУМ арх.).

⁴⁶ Верхолесье Кобринского р-на Брестской обл. (АУМ арх.).

⁴⁷ Новоселки Турийского р-на Волынской обл. (Зінчук, к. 9–11).

лись формы местоимений, которые на значительной территории не совпадают с соответствующими формами прилагательных» (ДАБМ ком.: 572). Отмеченное несовпадение грамматических показателей в местоимениях и прилагательных в пределах одного словосочетания отражает важную особенность этих белорусских диалектов, к тщательному изучению которой следовало бы вернуться специально.

Прилагательные, приняв в своем историческом развитии преимущественно словоизменительную парадигму местоимений, часто сохраняют данный тип не только в сочетании с местоимением (*'тейі ма'лейі; ше брат буў ста'ри'ўі 'мейі* 'матери моей'), но и закрепляют его в свободном, вне связи с местоимением, употреблении (*йа ма'лен'к'іўу була; од бож'ііі сили* вместо *од божаі сили*), охватывая и субстантивированные словоформы (*ланка'вейу ро'била* 'звеньевой'). Об усилении местоименного типа словоизменения существительных сигнализирует индукция на парадигму существительного как с исходно мягким согласным основы (instr. sg. — *ду'шійу, зем'н'іўу, до'лон'іўу, к'лун'іўу*), так и с твердым (*со'ломіўу*); по данным ДАБМ, в говорах Брестчины функционируют ЧДС, в которых влияния «местоименно-прилагательного» типа склонения на склонение существительных выражено более последовательно, например, *но́выўу хатыўу, тёмныўу н'і́чкыўу, сьб́н'іўу ху́сткыўу* (Хмелево Каменецкого р-на Брестской обл.), *но́выўу хатыўу, тёмныўу н'і́чкыўу, над шыро́кыўу р'і́чкыўу* (Ставы Высоковского р-на и др. ЧДС, [ДАБМ ком.: 572–579]). Иногда так наз. местоименная флексия в словосочетании закреплена только за существительным: *тёмно́ўу н'і́чкыўу* (Тышковичи Ивановского р-на), *де́каўу пту́шк'іўу* (Ополь Ивановского р-на), *тёмну́ўу но́чыўу* (Сочивки Ивановского р-на), *молоде́й ж'і́нкыўу* (Сварынь Дрогичинского р-на) и т. д. (там же). Показательно, что традиция ориентироваться в лингвогеографии на отдельное слово, словоформу проявляется и в случаях, когда эксплораторы во многих полевых записях представляли изолированные словоформы, хотя объектом изучения было определено словосочетание; таким же образом построены и многие карты — без выхода за пределы словоформы, без учета синтактики, столь важной для познания ДЯ, его пространственной дифференциации.

Таким образом, синтагматическая индукция, имеющая основой устоявшиеся в диалектной речи программы высказываний, трансформировалась в признак парадигматический; глубина индукции (охват зоны *местоимение + прилагательное* или *местоимение + прилагательное + существительное*) обретает статус релевантного признака отдельных ЧДС или микроареала. Последнее свидетельствует в пользу необходимости усиления внимания к синтагматике

морфологических форм при прогнозировании и осуществлении полевого обследования диалектов.

Нарушение синтаксической связи (согласования, управления), о чем сигнализируют флексии, может иметь различную природу и неодинаковую устойчивость в речи, что требует дополнительных разысканий в каждом отдельном случае, см.: *по пара* (вместо *по пару*) *дівчат*; *їа пушла в свуй хати* (вм. *хату*) / *вуни пу свуйм хати* (вм. *по хатах*); *бат'ушка с_ 'н'евчі* (вм. *с_ 'н'евчими*) и др. В отдельных случаях в такой несогласованности можно усмотреть контаминацию семантически тождественных или синонимичных устойчивых словосочетаний. Например, структура *пизн'ойу осен'ї* було могла возникнуть вследствие наложения высказываний *пизн'ойу осен'у* и *пизн'ойї осен'ї*; предположительно таким же мог быть путь возникновения словосочетания *же'нивс'а на дру'гуйу* (наложение *женивс'а на другїй* и *вз'ав дру'гуйу*); *гово'ру на та'куйу са'мой 'мові* (наложение *на та'кой са'мой* и *та'куйу са'муїу*). Иногда словосочетание может существенно отличаться от типичных структур, представляя значительную трудность для объяснения условий его возникновения в речи; например, для понимания выражения *а їа колис' через стар'іш'ї л'уде казали* важен следующий сегмент — *чула шо говорат'*, позволяющий смоделировать микротекст как **через* ['от'] *стар'іших л'удей чула, що казали*.

Следует отметить наблюдаемые в речи диалектоносителей трудности в грамматическом оформлении отдельных лексем, их отнесении к словоизменительному типу, о чем свидетельствует варьирование маркеров грамем. Это относится не только к лексике новой на фоне традиционной и грамматически устоявшейся, но и к известной, однако, очевидно, принадлежащей к периферийному сегменту структуры ЧДС. Такую словоизменительную неустойчивость демонстрируют топонимы, зачастую хорошо известные в говоре, например: *два 'м'іс'ац'ї у_ 'Луц'кії* (вм. у *Луц'ку*) *про'леж'їла*; *'мати' годувалас'а в_ Ко'л'од'ажни // іїїї 'мати була с_ Ко'л'од'ажна* (ном. sg. — *Ко'лод'ажне*); *пошов в Нововолін'с'к // жи'ве в_ Нововолін'с'кому // нужи- 'ні'лис'а {в} тим Нововолін'с'куви* (ном. sg. — *Нововолінс'к*) (Арк. 2010: 122, 274); *там бу'ли л'уде з_ 'зетого ... Бос'тин'а / Бос'тин'а а_ по'том в'же за_ 'тими Бос'тин'ми* (pl. вместо sg.) (Арк. 2012: 216) и др. Поэтому специального внимания заслуживает поведение словоформ отдельных групп лексики, в частности, ономастикон, числительные.

Оставляя для специального исследования обширную проблематику синтаксиса диалектной аутентичной речи с типичными для устного линейного речетворения эллипсами, повторами, переориентацией и изменениями свя-

зей в словосочетаниях, отметим, что тексты, особенно спонтанные (близкие к спонтанным) и значительные по объему, вскрывают многие не известные ранее грамматические формы, значения и связи, предвидеть которые на этапе составления вопросников для обследования диалектов практически невозможно. Невозможно также предвидеть появление в текстах грамматических неформ, которые могут восходить к устойчивым сочетаниям в речи, например: *t'рабу'ло* (< *тра_було* < *t'реба_бу'ло*), *вродібу'то* (< *в'роді_бу_то*), *си'д'алос'а* (< *се_д'йалос'а*), *наа'йак_же* (< *ну_а_йак_же*), *'тайагби* (< *'так_йак_би*), *'чутено* (< *чуйте_но*), *'хайно* (< *хай_но*). Такими универбами пестрят тексты из различных украинских диалектных зон. Пространственное поведение неформ (они часто отмечены не в одной-двух ЧДС, а нередко образуют отдельные (микро)ареалы или вкрапления в ареал распространения других форм), устойчивость, повторяемость в речи обуславливают их вхождение в грамматику диалекта, его структуру. Поэтому проблема грамматических неформ, определения их места в структуре ЧДС обретает особое значение; одновременно это подчеркивает важность изучения универбации как имманентного свойства устной диалектной речи, которое влияет на репертуар грамматических форм и их функционирование. Основой такого направления исследования грамматики диалекта является база данных, включающая программированные записи, ориентированные не только на заданную грамматическую матрицу, но и в значительной степени на диалектные аутентичные (!) тексты (макротекст).

При исследовании грамматики диалектов (в описаниях, картографической интерпретации) дает о себе знать, казалось бы, маргинальная проблема — насколько правомерен выход за пределы грамматики в сферу фонетики, акцентуации или словообразования, особенно при ощутимом ослаблении или отсутствии собственно грамматической составляющей анализа. Ведь если для ЧДС, к примеру, мена *'а > 'е...*'*і* после мягких согласных является нормой, проявляющейся во всех сегментах слова, то возможность таких же фонетических изменений и во флексии является самоочевидной, не требующей специального комментирования. В такой ситуации объектом пристального внимания скорее должны стать отклонения от данной характерной для ЧДС нормы, невключенность отдельных словоформ в поле регулярной реализации данного фонетического явления. Однако в исследованиях, например, отличий числительных в украинских диалектах обращено внимание на фонетические особенности (как *один – оден, йіден, вісім – восім, осим, девім' – девік'* и др.), словообразование (порядок элементов в поликомпонентных числительных — *двац'ім' два, двац'ім' і два, два і двац'ім'*, образование назва-

ний дробей) или лексическую реализацию (*сорок* и *чотирдес'it'*, *девіносто* и *девіт'десім'*), однако не затронута такая важная собственно грамматическая проблема, как неполнота реализации словоизменительной парадигмы в говорах, лакунарность в склонении⁴⁸, что отмечено другими исследователями⁴⁹ и подтверждено диалектными текстами. Неграмматическое в характеристике словоформ сохраняет свою ценность в тех случаях, когда такая информация релевантна для определения предпосылок изменения словоформы или же объясняет специфику ее текстового поведения, функционирования в речи, когда такие сведения важны для установления причин совпадения словоформ в парадигме, что влечет за собой противопоставление ЧДС или ареалов по данному грамматическому признаку. Таким образом, оправданием целесообразности привлечения в данном случае неграмматической информации может служить только грамматика — доминанта и конечная цель такого познания.

Представленные наблюдения над некоторыми чертами грамматики диалектов (преимущественно западнополесского) и комментирование отдельных проблем убеждают в наличии значительного резерва информации о грамматическом строе диалектов, ее практической неисчерпанности; одновременно они демонстрируют неполноту, фрагментарность грамматических сведений, которыми сегодня располагают исследователи. Сложившаяся ситуация ограничивает использование грамматики для более полного познания языкового ландшафта, для определения причин, условий и направлений формальной и функциональной динамики морфологических и синтаксических единиц ДЯ. Преодоление неполноты сведений о грамматике диалектов видится в последовательном определении набора формальных средств и глубоком исследовании их речевого поведения, что позволит более точно моделировать функциональные поля каждого элемента, связи между ними. При этом выход в

⁴⁸ Жилко Ф. Т. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1966. С. 92; отсутствует информация о словоизменении числительных и в: Бандрівський Д. Г. Говірки Підбузького району Львівської області. Київ, 1960. С. 64–65.

⁴⁹ Словоизменение числительных в закарпатских говорах комментирует И. А. Панькевич (Українські говори Підкарпатської Руси і сумежних областей. Praha, 1938. С. 292–299), в полтавских — В. С. Ващенко (Полтавські говори. Харків, 1957. С. 193–204), в поднестровских — П. И. Пристула (Говірки Брюховицького району Львівської області. Київ, 1957. С. 46–49) и Г. Ф. Шило (Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957. С. 144–148); обобщенные замечания о лакунарности словоизменения числительных в украинских диалектах см.: Бевзенко С. П. Українська діалектологія. Київ, 1980. С. 118–119 и др.

текст, в речевую деятельность диалектоносителя мыслится как методологически важный шаг в объемном познании грамматики диалекта.

Определяя системность как основополагающий постулат в изучении диалектов, мы закономерно наталкиваемся на проблему возможности его практического воплощения относительно грамматического уровня. Обозреть структуру и исчерпывающе отразить функционирование элементов грамматики позволяет поэтапное моделирование сегментов данного многопланового образования. Моделирование как важнейшая исследовательская процедура в сочетании с широким использованием свидетельств диалектных текстов способно обеспечить создание качественно нового обобщенного портрета грамматического строя как отдельных ЧДС, так и ДЯ в целом. В том, что такие ожидания не беспочвенны, убеждают и приведенные выше сведения о грамматических формах, явлениях, процессах преимущественно только из одной зоны украинского диалектного континуума, хотя каждый диалект хранит множество важных черт своей структуры, направлений изменений и их комбинаторику, что порождает динамику говорів, появление выразительных отличительных, запоминающихся особенностей их портрета. Все это способно существенно изменить представления об устройстве и функционировании ДЯ как целостного устойчивого и динамического образования.

Источники

- AGWB — Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny. T. I–VII. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1993–2012.
- APID — *Dejna K.* Atlas polskich innowacji dialektalnych. Warszawa; Łódź, 1981.
- Арк. 2000 — *Аркушин Г. Л.* Словник західнополіських говірок. Т. 1–2. Луцьк, 2000.
- Арк. 2007 — *Аркушин Г. Л.* Голоси з Підляшшя. (Тексти). Луцьк, 2007.
- Арк. 2010 — *Аркушин Г. Л.* Голоси з Волинського Полісся. (Тексти). Луцьк, 2010.
- Арк. 2012 — *Аркушин Г. Л.* Голоси з Берестейщини. (Тексти). Луцьк, 2012.
- ASJ — Atlas slovenskeho jazyka. II. Flexia. Bratislava, 1981.
- АУМ — Атлас української мови. Т. 1–3. Київ, 1984–2001.
- АУМ арх. — Архив Атласа украинского языка. Хранится в Институте украинского языка НАН Украины, Киев.
- Босак — *Босак А., Босак В.* Атлас гаворак Пружанскага раёна Брэсцкай вобласці сумежа (Верхняга Над'ясельдзя). Фанетыка і марфалогія. Мінск, 2005.
- Зінчук — *Зінчук Р. С.* Атлас словозміни іменників у західнополіських говірках. Луцьк, 2010.
- ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.

- ДАБМ ком. — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Уступныя артыкулы, даведачныя матэрыялы і каментарыі да карт. Мінск, 1963.
- ДАРЯМ — Диалектологический атлас русского языка (центр Европейской части СССР). Вып. II. Морфология. М., 1989.
- Латта — *Латта В.* Атлас українських говорів Східної Словаччини. Пряшів, 1991.
- Леванцэвіч — *Леванцэвіч Л. В.* Атлас гаворак Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці. Марфалогія. Брэст, 1994.
- MAGP — *Mały atlas gwar polskich.* T. I–XIII. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1957–1970.
- ОЛА арх. — Архив полевых записей украинских пунктов Общеславянского лингвистического атласа. Хранится в Институте украинского языка НАН Украины, Киев.
- Програма — Програма для збирання матеріалів до діалектологічного атласа української мови. Київ, 1949.

Summary

Pavlo Hrytsenko

A Grammatical Portret of Dialect

Grammatical phenomena, including forms and meanings, which are different from the invariant model of a standard idiom and differentiated in the dialectal continuum, have long been in the focus of linguistic research.

So far there are several approaches to the description of dialectal grammar, which basically tend to

(a) compare the dialectal grammar to a non-dialectal invariant (either the standard Ukrainian or — if the former standard doesn't exist — Church Slavonic or Russian)

(b) compare different dialects so that to delimit relevant and irrelevant structural features

(c) give a complete description of a particular dialectal system

(d) describe a particular dialect through the analysing the macro-text of all speech products.

Each of the approaches mentioned above has its own advantages, particularly in terms of completeness of data presented there. The older works of the type (a) gradually collected a set of grammatical features that appeared to be indispensable in the process of the creation of the Linguistic Atlas (that itself belongs to the works of the type (b)). A comprehensive study of the dialectal continuum undertaken by new linguistic maps and atlases, delivered a number of new grammatical

elements, their forms and functions, which had remained unknown within the descriptive approach. Complete descriptions of the morphology of some Ukrainian dialects (e. g., Ubla and Zvala in Eastern Slovakia) showed advantages of the scrupulous and systematic analysis of a dialectal grammar. A real grammatical structure and the peculiarities of its functioning became outlined within the dialectal text corpus analysis, that is able to show the lack of some elements (positions) in the “ideal” invariant, the frequency of a particular word-form in texts (as an exponent of its different functional load in language), the interaction of derivational patterns and functional changes of particular grammatical items. Premised on dialectal texts, attention is focused on the oral existence of dialects as well as the interaction of verbal and nonverbal means of communication. The predominantly oral existence of a dialect (as attested in graphic textual analogs) brings about a kind of asymmetry when grammatical meanings do not have grammatical forms or, in fact, are not formally represented or represented partly.

The geographical distribution of grammatical elements of a particular dialect demonstrates their areal significance, i. e., their ability to differentiate the continuum and delineate dialectal areals. While attested on maps, the areal characteristics of the relevant grammatical elements allows for their genetic interpretation, including conditions and factors of the development of grammatical differences as observed in a particular dialect.

In Ukrainian dialects, one has recently detected such grammatical features which are not attested in descriptive works, dialectal atlases and dictionaries. All this calls for a new overview of the dialectal continuum, which is likely to generate an all-encompassing picture of the grammatical structure of a dialectal language. Only the approach, that is based on synthesis of different methods and supposed to form an empirical basis and analyse a dialectal language, will provide a comprehensive representation of the dialectal grammar, which structurally and functionally is a complex phenomenon.

К проблеме картографирования субстантивных парадигм в диалектах славянских языков

В поисках типологических параллелей в субстантивном склонении славянских языков необходимо учитывать интерпретацию генетических параллелизмов с позиции исторической фонологии. Точно так же необходимо принимать во внимание тот факт, что те или иные морфологические формы складывались как следствие вокалических изменений, поэтому для них характерно неравномерное изменение, а также неравномерное перераспределение изоглосс в отдельных макроареалах. Генетические параллелизмы в славянских языках отмечал еще Р. Крайчович, который дал убедительное определение самому понятию «генетический параллелизм» (Krajčović 1968, в особенности 1983). Исходя из принципов сравнительно-исторического языкознания, он понимает под этим термином совокупность параллельных явлений, встречающихся в разных языках, в разном географическом окружении / среде. Генетические параллелизмы он трактует как следствие параллельного развития, в т. ч. как следствие общих процессов развития, так и следствие тенденций, проявившихся в развитии минимум двух языков. По Крайчовичу, понятие «генетический параллелизм» шире понятия «параллелизм» ввиду того, что параллельное явление в наблюдаемых языках проявляется как результат исторического развития этих языков (Krajčović 1983: 25). В нашей статье отправным пунктом исследования типологических параллелизмов в области субстантивного склонения является хронологически последовательная трансформация ареальных дифференцирующих знаков, которые, естественным путем, т. е. без сознательного вмешательства со стороны (например, кодификации), развивались в отдельных славянских языках. Мы стремились отобразить их в отдельном томе в рамках проекта ОЛА.

Разделение славянских языков на западнославянские, восточнославянские и южнославянские имеет географическую основу, и интерпретация языковых фактов неизбежно приспособляется под это членение. Данная классификация славянских языков опирается главным образом на рефлексy исходно праславянских гласных. Эти рефлексy являются результатом естественного развития славянских языков во всей совокупности их интегрирующих и дифференциальных черт. В любом случае, когда авторы стремятся создать синхронную типологию славянских языков, они, с одной стороны, не обязаны эксплицировать диахронические данные, с другой стороны, они не могут не учитывать множество признаков, которые являются результатом

предшествующего развития. Работы В. Облака, Р. Якобсона, Э. Станкевича, Д. С. Уорта, А. В. Исаченко, Л. Дюровича, а также З. Штибера и Г. Беличовой, в которых авторы стремились отобразить характерные морфологические особенности славянских языков, были посвящены проблеме формообразующей основы, в том числе ее фонемной структуры в отношении к формообразующим морфемам. В результате применения данного подхода они не смогли перешагнуть рамки морфонологически обусловленных явлений по двум причинам: 1) авторы брали в качестве основы рассмотрения множество данных из литературных языков; общеизвестно, что литературные языки являются своего рода компромиссом, т. е. функционально оптимальным ограничением множества вариантных и дублетных форм; 2) у исследователей не было в распоряжении комплексного диахронического материала, который бы систематически покрывал связанные ареалы. Поиск основ синхронной морфологической типологии славянских языков предпринимается, в частности, в монографии «Развитие славянского склонения» Э. Паулини (1990). В этой работе произведена переоценка критериев, которые стали импульсом изменений в морфологических структурах: с точки зрения общей лингвистики речь идет о раскрытии естественных тенденций развития, современного состояния и функционирования языка, о поиске взаимосвязи и конфронтации аналогических явлений и аномалий в спонтанных процессах, происходящих в языке. Наблюдения, которые проводились при исследовании естественного развития субстантивного склонения и его рефлексов в современных славянских языках, показывают, что общие черты в отдельных макроареалах существовали параллельно определенное время. Затем исходно гомогенный ареал внутренне дифференцировался так, что часть черт приобрела в нем в сравнении с генетической структурой фонологического уровня иной характер, как следствие, разные макроареалы имеют хронологически отличную симметрию. В связи с этим нельзя обойти вниманием проблему типологической характеристики ареалов, на которую обратила внимание Т. Вендина (2009). Речь идет об установлении конфигураций ареалов (связный — прерывистый), их размера (большой — средний — малый), множества и характера языков образующих ареал (*родственные языки — неродственные языки, монолингвальность ареала — полилингвальность ареала*), динамичности ареалов (*стабильный — лабильный*) или отношение конкретного ареала к макротипу (*прилегающий — латеральный — удаленный*). Принимая в расчет предшествующие исследования, мы можем задать правомерный вопрос: каким образом диалектология будет способствовать более глубокому познанию языка. Многоаспектность объекта исследования и количество эмпири-

ческих данных, которыми располагает диалектология в начале XXI века, ставит ее перед необходимостью перешагнуть границы дескрипции, ограниченной членением славянских макроареалов на основе изоглосс по рефлексам исходных славянских гласных, и дать новую интерпретацию роли межкультурных контактов, частично отражающихся в т. ч. в области лексики. Путь, по которому диалектология может приблизиться к открытию феноменологии языка, есть поиск/постижение явлений, которые в области коммуникативных доминант представляют возможные деклинационные макроструктуры. На них основывается сущность естественного развития языка/языков, верификация естественной функциональности его элементов и оптимизации их отношений/взаимосвязей. С позиции общего языкознания трудно принять идею о ненадежности объекта исследования только потому, что речь идет о нелитературных идиомах. Сама суть материала, которым оперируют диалектологи, состоит именно в том, что это естественные формы, созданные носителями языка без регулярного вмешательства извне. Ввиду этой естественности необходимо также учитывать периферийные явления, соотносящиеся с переходными ареалами, системы которых требуют селективного подхода к становлению в рамках классической оппозиции *центр — периферия* (о ее преломлении в области фонологии см. Sabol 1989: 97). С методологической точки зрения — особенно в отношении к системе склонения словацкого языка в синхронии (Sokolová 2007) и диахронии (Pauliny 1990) — надо отметить уже упомянутый селективный подход к исследуемым структурам. Нельзя не учитывать общеизвестные различия между литературными формами национальных языков и их диалектами. В то же время нельзя не принимать во внимание замечание Э. Паулины (Pauliny 1974: 259), который говорил, что для исследователя существенно, являются ли предметом сравнения литературные/нелитературные идиомы национального языка. В любом случае следует учитывать результаты естественного развития языка, особенно когда в обеих формах проявляются результаты одних и тех же изменений. В качестве аргумента можно привести сведения о том, что множество черт естественных диалектных систем содержат элементы множества литературных языков. С другой стороны, не все элементы множества естественных диалектных систем соответствуют критерию литературности, т. е. они не встречаются в кодифицированной форме языка. Поэтому, с учетом внутренней дифференциации национального языка на его литературную и нелитературную форму, можно говорить об использовании в диалектном анализе классической оппозиции *центр — периферия*, с тем уточнением, что мы отдельно вычленим структурный центр и структурную периферию, и отдельно ареальный центр

и ареальную периферию. Структурная периферия и ареальная периферия нелитературных языковых идиомов, в нашем случае диалектов, являются результатом естественного развития языка. При этом они не содержат элементы, которые обеспечили бы им возможность стать частью идиома, возведенного в ранг литературной формы. Структурный центр нелитературных форм, в нашем случае диалектов, содержит черты, тождественные со структурным центром литературного языка. Например, форма Р. п. мн.ч. *supov* в литературном языке и в ареалах противопоставлена ареально периферийной, с точки зрения литературного языка также структурно периферийной, однако с точки зрения диалектов все-таки на ограниченном ареале структурно центральной форме Р. п. мн. ч. *susedoch* в восточнословацком диалектном континууме.

Убедительным доказательством спонтанности языковых процессов в синхронии и диахронии являются унифицированные транспарентные флексии. С одной стороны, они представляют собой свидетельство стабилизации внутрипарадигматических и межпарадигматических явлений. С другой стороны, в типологическом аспекте они весьма явно характеризуют более широкие языковые ареалы. В качестве примера приведем форму Д. п. ед. ч. одуш. сущ. м. р. типа *host'ovi* (карта 1), которые исходно относились к *i*-основному склонению, в Д. п. форма **gost-i*. После того, как формальные критерии распределения по типам склонения были переосмыслены как семантические, в Д. п. м. р. установилась транспарентная флексия *-ovi*, исходная для **u*-основного склонения, и позднее произошло внутрипарадигматическое выравнивание Д. п. — Пр. п. (на карте 2 дополнительно выделено изоморфой). При исследовании литературных и нелитературных форм словацкого языка это явление не представляло бы такого интереса, если бы оно не стало типологическим признаком широкого языкового ареала. В его рамках, вне зависимости от исходных фонетических макроареалов, происходит переоценка территориальной дистрибуции явления. В результате этой переоценки сформировался новый связанный, достаточно стабильный, полилингвальный морфологический «**u*-основной» ареал, который отличается от классического ареально-генетического членения славянских языков не-исходной флексией *-ovi*. Эта флексия стала выразительной интеграционной чертой украинского как восточнославянского языка и всех западнославянских языков. Вопреки этому возникли новые «**jo*-основные» отдаленные, точно так же полилингвальные и генетически гетерогенные и вопреки этому морфологически стабильные ареалы с не-исходной флексией *-u*, интегрирующей исходно северную часть восточнославянских языков (украинский и белорусский) с западной

частью южнославянских языков (словенский, сербский, хорватский, боснийский). Самостоятельное морфологическое развитие характерно для латерального, связанного и структурно относительно гомогенного, полилингвального, особенно морфологически стабильного ареала македонских, болгарских и юго-восточных сербских диалектов (их подробное описание см. в Milogadović 2003), в которых произошло типологически важное изменение в системе склонения при помощи стабилизации форм, обозначенных понятием *casus generalis* (одна форма соответствует множеству грамматических значений; термин *casus generalis universalis* выражает тождественность форм с Им. п., *casus generalis obliquus* выражает тождественность с одной из форм косвенных падежей; см. [карта 1](#)).

С равной интенсивностью проявилась переоценка исходного состояния и стабилизация транспарентных форм — с нейтрализацией одушевленности во мн. ч. Она проявилась в формах Р. п. м. р. твердого и мягкого типа — в виде флексии *-ov* в оппозиции к ж. р. и ср. р., в которых сохранилась нулевая флексия. Интересное явление представляет переоценка исходного явления в южнославянских языках: в словенских диалектах проявляется интеграционный признак с твердой структурой, вместе с тем в сербских, хорватских и боснийских диалектах на генетически, структурно и ареально гомогенной территории произошла грамматикализация элементов фонетического уровня — аналогично выравниванию исходного слогового редуцированного гласного (ера) в слабой позиции. Это явление в плане исчезновения и вокализации редуцированных является аномалией, ставшей катализатором аналогических процессов. Исходное состояние в восточнославянских языках, обозначенное на [карте 2](#) штриховкой, отчасти подвергается давлению *и*-основного склонения, отчасти *i*-основного склонения (особенно по направлению на северо-запад русских диалектов). В латеральном, генетически и структурно гомогенном ареале — болгарских и македонских диалектах, а также в юго-восточной части сербских диалектов в центральной парадигме стабилизировался *casus generalis universalis* (G pl = N pl, см. выше).

Проблема, связанная с Р. п. мн. ч., проявилась в том числе при унификации парадигм м. р. одушевленных существительных, исходно принадлежавших к разным основным склонениям. Стабильность исходного явления с опорой на формальные критерии доказывают формы **gosTьbъ > gostej // hostí* из исходного *i*-основного склонения, унификацию по родовому принципу демонстрирует распространенность формы **gosTovъ > hos'tov* (см. [карта 3](#); в обобщенной морфонологической реконструкции знак *T* = произвольная реализация исходной фонемы в рамках корреляции согласных по твердости/мягкости).

Формы Р. п. мн. ч. *gosTov* в общей морфонологической реконструкции образуют прерывистый ареал (см. косую штриховку на [карте 3](#)). С одной стороны, он является реликтом противоречия между исходным формальным критерием в *i*-основном склонении и давлением принципа значения / его унифицированных транспарентных флексий. С другой стороны, дисперсный ареал распространения исходных форм **gostъjb* / **gost-ovъ* с результатами дальнейшего развития в части сербских, хорватских и боснийских диалектов является проявлением новой унификации субстантивных парадигм не только в рамках м. р., но и на межпарадигматическом уровне (см. Brozović, Ivić 1988: 24; Matasović, 2008: 198–199). Распространение обеих форм на словацкой языковой территории является свидетельством иной интерпретации категориальных значений в не-исходных формах мн. ч. *host'ov* (аналогично форме *chlapov*), не соотносящейся с исходным ареальным членением / исходными (*i*-основными) формами *hostí* (< **gostъjb*). Эта естественная вариативность в языке, которая имеет источником также вариативные диалектные формы, приводит к их использованию, например, в словацком литературном языке — и к необходимости учитывать дублетные формы типа *hostí* / *host'ov* (Sokolová 2007: 27, 39; Benko, Hašanová, Kostolanský 1998: 12).

Вышеуказанные явления были приведены нами в качестве иллюстрации формирования типологических признаков естественных языковых идиомов. Нам важно было установить их ареальную дистрибуцию, проследить межъязыковые связи и межкультурные контакты. Вариативность форм / конфигурация ареалов их распространения (особенно в зонах пересечения изоглосс) представляет собой доказательство естественного характера аномалий, которые в теории литературного языка, а также в области языковой культуры / языковой практики воспринимаются как аналогические «инновации» синхронного характера. Вернемся к идее о недостатке синхронной типологии славянских языков, которую мы высказали в начале нашей статьи. В этой связи с учетом всего вышеизложенного мы отмечаем, что утверждение о том, что аномалия вызывает аналогические — «как бы несистемные» — изменения в отношении к современному (литературному) языку, коренится в непонимании исследователями естественности языка и в том, что ученые не считаются с компромиссным характером его предположительно функционально оптимальной кодифицированной формы. Необходимо подробное изучение естественного развития коммуникативных доминант языка, к которым относится субстантивное склонение, а также поиск дифференциальных и интеграционных признаков на более широком языковом ареале. Это станет надежной предпосылкой исследования естественных форм языка в наддиа-

лектном макроареале и средством более широкого раскрытия феноменологии языка.

Сопоставление уровня разработанности общей теории в современном историческом языкознании относительно других лингвистических дисциплин, декларируемых как синхронные, не должно звучать всегда оскорбительно для исторического языкознания. В сущности, целью всех лингвистических исследований являются естественные процессы развития, динамические концепты / модели, которые не должны приводить к противоречиям в дихотомии *синхрония* — *диахрония*. Сама суть естественности, в том числе относительная немаркированность данной модели, указывает на биологическую природу языка и отсылает к области нейролингвистики, когнитивной психологии и теории языковых универсалий. Нашей целью, таким образом, является лингвистика развития, которая основывается на естественных языковых системах и интегрирует в себе классическую историю языка, расширенную заново интерпретируемыми проблемами. Она исследует в своей совокупности языковые изменения, вариативность, креолизацию, с привлечением данных психолингвистики и нейролингвистики. В этой сфере история языка играет ведущую роль и перестает быть вспомогательной дисциплиной в ее классическом понимании, но попадает в позицию эффективного и общепризнанного средства всеобщего познания сути языка. История языка обогащает познание исторически верифицируемыми процессами развития, которые точно так же имеют научный и теоретически релевантный смысл для теории языка, как и множество «этикеток», часто презентуемых под грифом теории языка. Именно поэтому известный лингвист и теоретик естественной морфологии В. Майерталер одну из своих статей на указанную тему (Mayerthaler 1981: 38) закончил словами *Deshalb historische linguistik!*

Перевод со словацкого Д. Ващенко

Литература

- Benko, Hašanova, Kostolansky 1998 — Benko V., Hašanova J., Kostolanský E. Počítačové spracovanie jazyka. Časť Morfológia podstatných mien. Bratislava, 1998.
- Běličová — Běličová H. Nástín porovnávací morfologie spisovných jazyku slovanských. Praha, 1988.
- Brozović, Ivić 1988 — Brozović D., Ivić P. Jezik, srpskohrvatski, hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski. Zagreb, 1988.
- Ђуровић — Ђуровић L. Tipologija flektivnoj osnovy v slavianskikh jazykach // Scando-Slavica. 1973. N 19. S. 225–243. Znovu vydané: O slovenčine a Slovensku. Vybrané štúdie. I. Bratislava, 2004. S. 125–139.

- Isačenko — *Isačenko A. V.* Versuch einer Typologie der slawischen Sprachen // *Linguistica Slovaca*. 1–2. 1939–1940, s. 64–76.
- Jakobson — *Jakobson R.* Russian Conjugation // *Word*. 1960. Č. 4. S. 183–203.
- Krajčovič 1968 — *Krajčovič R.* Slovenčina a slovanské jazyky. I. Praslovanská genéza slovenčiny. Bratislava, 1968.
- Krajčovič 1983 — *Krajčovič R.* Genetická interpretácia paralelizmov v slovanských jazykoch // *Československá slavistika*. 1983. S. 23–30.
- Matasovč 2008 — *Matasovč R.* Poredbeno povijesna gramatika hrvatskoga jezika. Zagreb, 2008.
- Mayerthaler 1981 — *Mayerthaler W.* *Warum historische linguistik?* // *Klagenfurter Beiträge zur Sprachwissenschaft*. 1981, 7. Heft 1. S. 19–38.
- Miloradović 2003 — *Miloradović S.* Upotreba padežnih oblika u govoru Paračinskog Pomoravlja. Beograd, 2003.
- Oblak — *Oblak V.* Zur Geschichte der nominalen Declination im Slovenischen. Leipzig, 1890.
- Pauliny 1974 — *Pauliny E.* Kontrastívna analýza slovenského a českého hláskoslovja. // *Studia Academica Slovaca*. 3 / Red. J. Mistrík. Bratislava, 1974. S. 257–272.
- Pauliny 1990 — *Pauliny E.* Vývin slovenskej deklinácie. Bratislava, 1990.
- Sabol 1989 — *Sabol J.*: Centrum a periféria slovenského spoluhláskového systému // *Slovenská reč*. 2, 54. 1989. S. 97–104.
- Sokolová 2007 — *Sokolová M.* Nový deklinačný systém slovenských substantív. Prešov, 2007.
- Sankiewicz — *Sankiewicz E.* Slavic Morphophonemics in its Typological and Diachronic Aspect // *Current Trends in Linguistic*. 1966. Zv. 3. S. 495–520.
- Stieber — *Stieber Z.* Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Część II. Zeszyt I. Fleksja imienna. Warszawa, 1971.
- Worth — *Worth D.* The Notion of „Stem“ in Russian Flexion and Derivation // *To Honor Roman Jakobson*. Zv. 3. [Б. м.], 1967. S. 2269–2288.
- Вендина 2009 — *Вендина Т. И.* Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика). М., 2009.

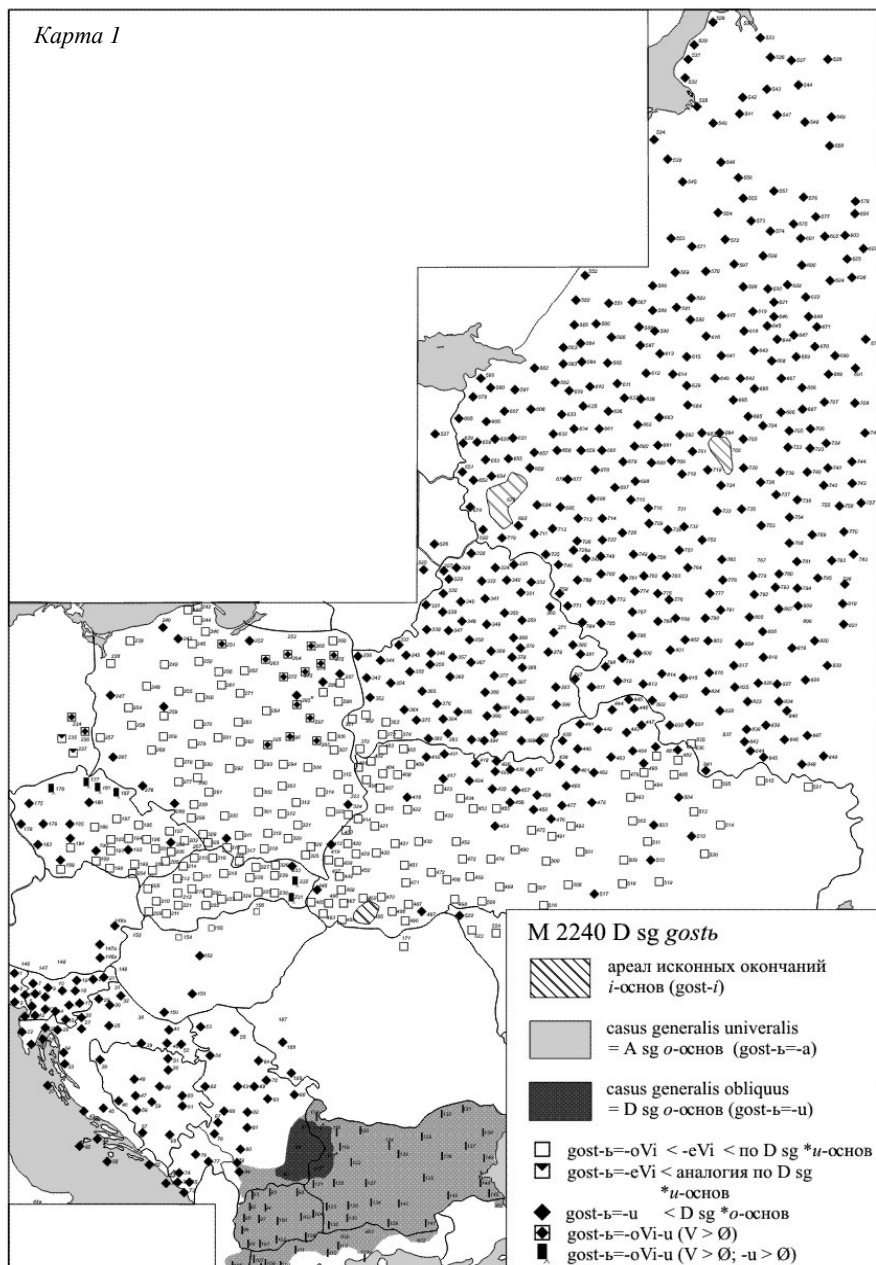
Summary

P. Zhigo

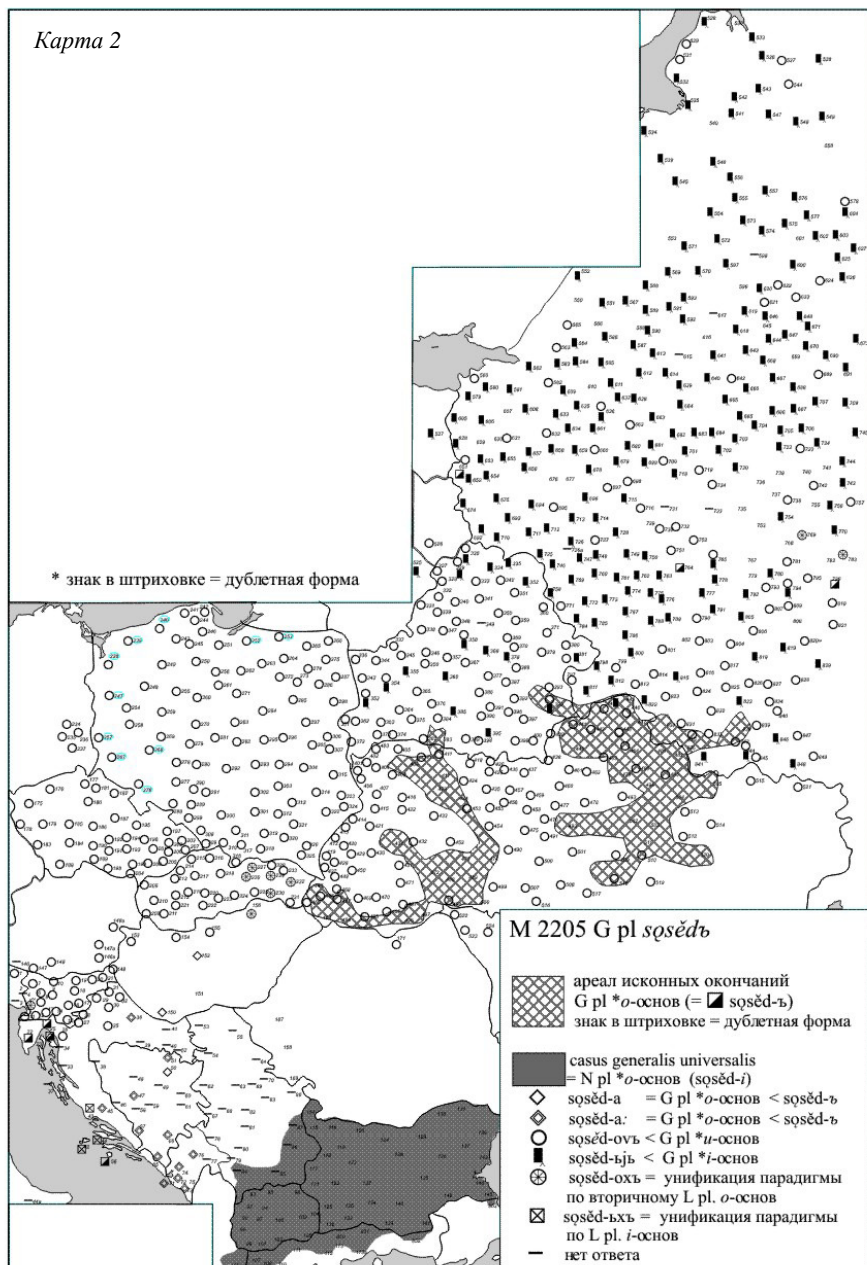
To the Problem of Mapping of the substantive Paradigms in the Dialects of Slavic Languages

By means of an interpretation of selected phenomena of the noun declination in dialects of all the Slavic languages (on material of Slavic Linguistic Atlas) the author refers to typological signs of natural language varieties, their area distribution, possibilities of searching for inter-lingual bindings and influences of intercultural contacts. Detailed sight to a natural development of such a communication dominants of language as is the noun declination, resp. searching for differential and integration signs in a wider region is, according to the author, a reliable precondition of a deeper revelation of the language phenomenology.

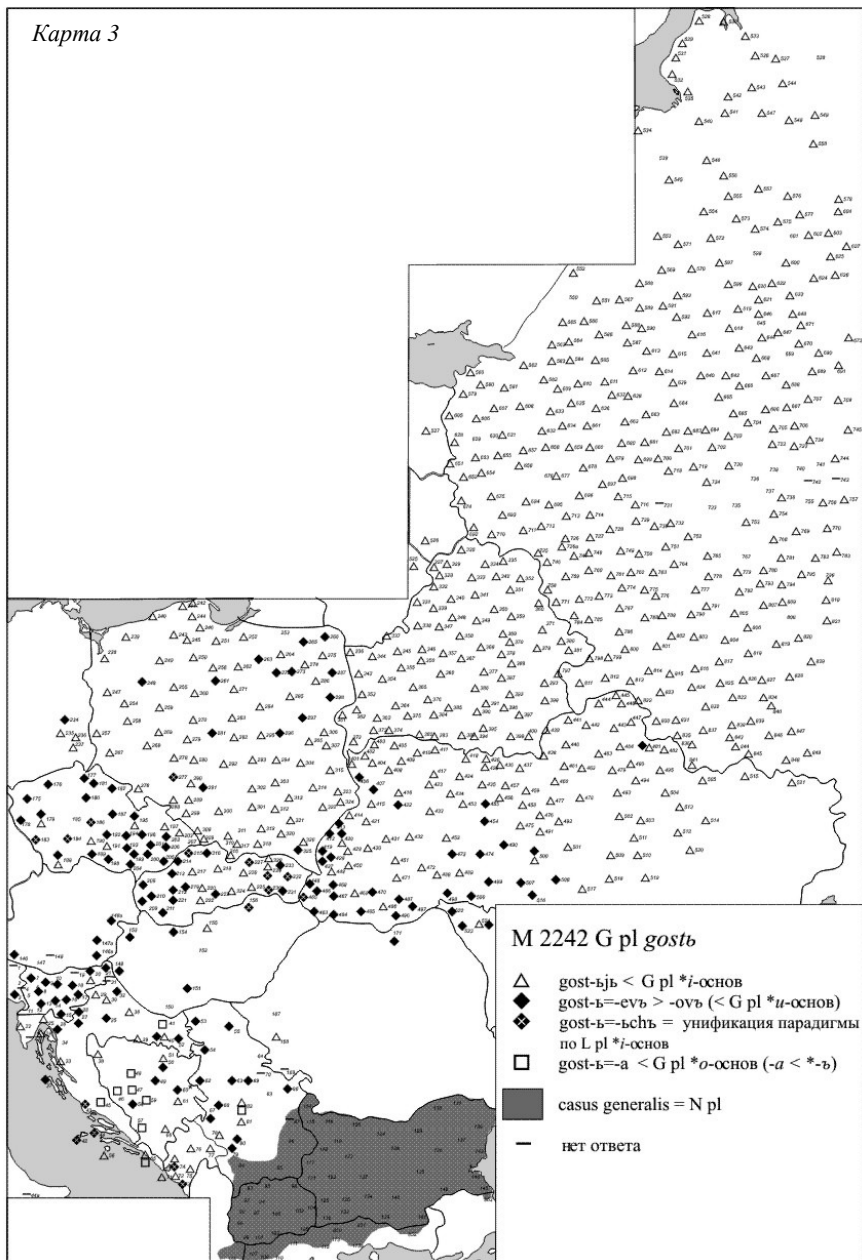
Карта 1

Карта 2

Карта 3

Категория рода и перестройка типов склонения существительных в восточнославянских диалектах

Как известно, основные грамматические категории имени существительного — это род, число и падеж. Из них наиболее общей, классифицирующей для существительных является категория рода, характеризующаяся тремя значениями — мужской, женский и средний род. В соответствии с этим все существительные изначально были распределены в данные родовые классы слов. В развитии и становлении субстантивного словоизменения в славянских языках именно категория рода играла и играет чрезвычайно важную роль. Но при этом и само значение рода в указанном процессе претерпевало определенные изменения.

В праславянском языке морфологически четко выраженной принадлежности той или иной именной основы к определенному роду не было. В результате существительные одних и тех же древних именных основ могли принадлежать разным родам (так, в основах на **i-*, например, различались существительные мужского и женского рода: *гость* и *кость*), а существительные одного рода могли относиться к разным именным основам (например, *земля* и *соль*). При этом каждая из основ характеризовалась своей отдельной словоизменительной моделью. В то же время связь между грамматической категорией рода и словоизменением именных основ безусловно существовала, что выражалось (сначала в отдельных фактах, а затем все более и более последовательно) в заметной роли грамматической категории рода в организации структуры субстантивных парадигм.

Так, уже для древнерусского периода стало очевидным, что влияние категории рода на субстантивное словоизменение не только значительно усилилось, но и обрело вполне определенную направленность. Речь в данном случае идет о неуклонно развивающейся в славянских языках и диалектах тенденции к морфологическому объединению тех существительных, которые, относясь к одному роду, изначально характеризовались разными основами и разными словоизменительными парадигмами. Эта тенденция реализовывалась путем унификации однозначных флексий в парадигмах существительных одного рода, перегруппировки типов склонения и в конечном итоге сокращения общего количества флексий существительных разных основ, относящихся к одному роду. В качестве иллюстрации можно указать на тесное взаимодействие (часто приводящее к объединению) парадигм таких существительных мужского рода, как *мед* и *плод*, или существительных среднего

рода типа *поле* и *время*, существительных женского рода типа *земля* и *кость*, что характерно для многих славянских языков и диалектов.

Таким образом, различие существительных по типам основ уже в праславянском языке стало заменяться реализацией тенденции к противопоставлению существительных по грамматическому роду. На морфологическом уровне самые ранние проявления этой тенденции в древних славянских языках можно наблюдать по форме Тв. п. ед. ч. женского рода, с одной стороны, и формам Тв. п. ед. ч. мужского и среднего родов, с другой. Так, независимо от характера исконных именных основ мужского и среднего рода, «в западнославянских и восточнославянских языках во всех парадигмах была обобщена флексия *-ъть/-ьть* (*stol'ъть, kon'ъть, sel'ъть, pol'ъть, syn'ъть, gost'ъть, kamen'ъть, imen'ъть*), в южнославянских — флексия *-омь/-емь* (*stolomь, kon'emь, selomь, polemь, synomь, gostemь, kamenemь, imenemь*)» (Иорданиди, Шульга 1984: 194). Что касается существительных любых основ, относящихся к женскому роду, то все они, в отличие от основ мужского и среднего родов, обобщили в Тв. п. ед. ч. флексию на *-ju*: *stranoju, zeml'eju, kostju*... Подробнее о последовательности указанного морфологического разграничения в Тв. п. ед. ч. всех существительных отдельно на мужской, средний и женский родовые классы в древнерусском языке см. в (Хабургаев 1990: 70).

В последующем развитии субстантивного склонения в славянских языках тенденция к противопоставлению существительных не по основам, а по грамматическому роду имела по диалектам самые различные конкретные проявления. В результате взаимодействие первоначально разных субстантивных основ одного рода в ряде случаев могло привести к утрате морфологических особенностей, характеризующих исконные субстантивные парадигмы, и, в конечном итоге, к их полной унификации.

Необходимо подчеркнуть, что проблема взаимоотношений категории рода и типов именного словоизменения, обусловленных строением исконных основ (как в синхронном, так и в историческом аспектах), очень обширна: она охватывает целый ряд разнообразных вопросов, к освещению которых обращались многие слависты. Однако в данной статье я остановлюсь лишь на одном из них, а именно — на рассмотрении в современных восточнославянских диалектах в лингвогеографическом аспекте **результатов** взаимодействия двух парадигм, которые характеризуют словоизменение существительных **женского рода**, восходящих к **ī-* и **ā-/jā-*основам (тип *соль*, *кость* и тип *голова*, *земля*): разные результаты этого взаимодействия в диалектном плане четко прослеживаются в рамках восточнославянского диалектного пространства, хорошо видны на лингвогеографической карте (т. е. легко поддаются картографированию) и выделяют компактные ареалы.

С. Б. Бернштейн в «Очерке сравнительной грамматики славянских языков» (М., 1974) дает краткую и вполне исчерпывающую характеристику указанных древних основ.

По его данным, основы на *-ĭ принадлежали к древнейшему классу и.-е. именных основ и могли относиться как к мужскому (*гость*), так и к женскому (*кость*) роду. В ранний период истории праславянского языка эти основы, особенно женского рода, были очень продуктивны. И лишь в поздний праславянский период, в связи с интенсивным развитием основ на *-ā, продуктивность основ женского рода на *-ĭ была несколько ослаблена, в результате чего некоторые из них перешли в основы на *-ā. В отдельных славянских диалектах до сих пор сохранились немногочисленные древнейшие однокоренные варианты, такие, как, например, *jablonь* — *jablon'а*, *zеть* — *zeml'а*, *pesнь* — *pesn'а* (Бернштейн 1974: 134, 144, 253–259).

Что касается основ на *-ā (*-jā), то они, по сравнению с основами на *-ĭ, сформировались в более поздний период развития и.-е. праязыка. На праславянской почве эти основы стали чрезвычайно продуктивными. Их состав постоянно пополнялся многочисленными инновациями, в то время как численность основ женского рода на *-ĭ сокращалась, и они постепенно утрачивали свою былую продуктивность.

В этот период, как отмечалось выше, активным фактором грамматической системы стала категория рода, которая оказывала существенное влияние на перегруппировку типов склонения в рамках одного рода. По словам С. Б. Бернштейна, «уже в праславянском языке начались процессы индукции различных основ, ставшие особенно интенсивными в X–XIV вв. Они проходили на основе общности грамматического рода. Однако нет ни одного славянского языка, в котором все именные основы распределялись бы только по данному грамматическому признаку» (там же: с. 144)¹.

При наличии тесного взаимодействия между основами женского рода на *-ĭ и на *-ā главную роль в данном процессе стали играть именно основы на *-ā, поскольку их значимость в системе субстантивного словоизменения (по сравнению с основами на *-ĭ) была в это время значительно более высокой (там же: 134, 260, 302).

Важно подчеркнуть, что и в дальнейшем, на всем протяжении развития субстантивной словоизменительной системы в славянских языках и диалек-

¹ Необходимо заметить, что исследования славянских языков и диалектов последних десятилетий свидетельствуют о том, что субстантивные словоизменительные системы с полной унификацией морфологических признаков в парадигмах ед. ч. в рамках одного рода на самом деле существуют.

тах, взаимодействие между существительными женского рода старых **ī*- и **ā*-основ не теряло своей актуальности. Данное взаимодействие могло проявляться в самых разнообразных аспектах: это и объединение флексий твердой и мягкой разновидностей в одном склонении; и влияние схемы распределения флексий в одной парадигме на схему распределения флексий в другой; и морфологическое взаимовлияние двух разных склонений и т. п., что в конечном итоге реализовывало общеславянскую тенденцию к сокращению морфологических различий в словоформах существительных, относящихся к одному роду, т. е. к однозначному соответствию между значением грамматического рода и его морфологическим выражением².

В современных славянских языках и диалектах все существительные женского рода распределены в два разных самостоятельных склонения: одно восходит к старому склонению основ на **-ā* (**-jā*) — это современное I склонение (представленное существительными типа *голова, стена, крона, земля*,

² Некоторые направления и пути морфологического развития существительных разных основ в рамках *женского рода* отмечают С. И. Иорданиди и М. В. Шульга: «Сближение склонения слов ж. р., относящихся к разным словоизменительным типам, можно видеть в развитии омонимии форм Р. п. и Д.-М. п. ед. ч. имен существительных на -а. Формы типа Р.-Д.-М. ед. *странѣ, землѣ* (позднее *страны, земли*), сложившиеся первоначально в северо-западных древнерусских говорах в процессе взаимодействия твердой и мягкой разновидностей склонения, вели к унификации системы падежных противопоставлений имен существительных ж. рода на -а и на -ь. Омонимия Р.-Д.-М. ед. исконно была присуща склонению на -ь, это обстоятельство благоприятствовало закреплению омонимичной формы в другом по преимуществу женском склонении и широкому распространению ее за пределами первоначальной территории. Независимо от северо-запада общая форма Р.-Д.-М. ед. возникла на юго-западе и западе древнерусской территории, однако только в парадигме существительных на -а мягкой разновидности. Ср. совр. литер. и диал. укр. Р.-Д.-М. *землі*, где <і> из <ѣ>, блр. *зямлі*. При этом уже в старобелорусских говорах форма Р.-Д.-М. ед. *земли* совпала по флексии с соответствующей формой парадигмы *кость (коści)*. С другой стороны, в системе форм имен существительных типа *кость* в некоторых восточнославянских диалектах наблюдаются изменения, направленные на сближение со склонением на -а: с XVI в. появляются старорусские формы Д.-М. ед. ч. на -ѣ (а в говорах с омонимией Р.-Д.-М. ед. в склонении на -а — также форма Р. ед. на -ѣ: *костѣ*); с XVII в. — форма В. ед. на -у: *лошадю*; несколько позднее — форма Т. ед. на [oj(y)]: *печою*. Современная украинская литературная и диалектная форма Р.-Д.-М. ед. *кості* возникла по образцу мягкой разновидности склонения на -а (ср. Р.-Д.-М. ед. *землі*), где <і> фонетически из <ѣ>. Известны в Белоруссии (на юге и юго-западе) и в украинских говорах и образования Т. ед. типа блр. *крывѣй, гразей, печай* (как *землѣй*), укр. *печѣю* (как *землѣю*). Таким образом, развитие форм ед. числа субстантивного склонения в существеннейших своих чертах представляет собой процесс, направленный на выражение родовых значений через систему падежных форм» (Иорданиди, Шульга 1984: 216–217). См. также (Попова 1995¹).

б^аня), другое — к склонению основ на *-ĭ, что соответствует современному III склонению (представленному существительными на согласный типа *соль*, *ночь*, *тьнь*, *радость*)³. Важно учитывать, что при изучении роли грамматической категории рода в перестройке славянского субстантивного словоизменения, неопенимой научной ценностью обладает диалектный материал. Так, именно в диалектах мы находим убедительные свидетельства о том, что в рамках женского рода, как и ранее, существительные I склонения продолжают оставаться чрезвычайно продуктивными: в настоящее время в каждом из диалектов они представляют собой открытый класс слов, непрерывно пополняемый новыми существительными. Это обеспечивает им не только постоянно возрастающую лексическую мощь, но и (по сравнению с существительными III склонения типа *соль*) более высокую **морфологическую** активность. В результате взаимодействия двух женских склонений, в котором реализуется **универсальная славянская тенденция** к сокращению словоизменительных моделей в рамках одного рода⁴, именно более сильные и продуктивные существительные I склонения оказывают аналогическое влияние на менее продуктивные существительные III склонения⁵. Это означает, что морфологическая унификация двух типов женского склонения в тех говорах, в которых наблюдается данное явление, происходит в подавляющем большинстве случаев именно по модели I склонения, но не наоборот⁶.

Редчайшие факты обратного влияния (т. е. III склонения на I склонение), причем отмеченные в одной лишь словоформе Тв. п. ед. ч. (*банью*, *вещью*, *гостью*, *межью*, *неделью*, *тысячью*), приводит С. П. Обнорский; эти словоформы зафиксированы им по отдельности в единичных русских говорах (Об-

³ Модель современного III склонения охватывает также и существительные женского рода, восходящие к основам на *-ъ/-/*-й- и *-/- (например, *свекровь*, *мать*).

⁴ Г. А. Хабургаев в книге «Очерки исторической морфологии русского языка. Имена» отмечал, что «...диалектный язык, где общая тенденция к объединению существительных одного рода в едином типе склонения до недавнего времени не сдерживалась вмешательством книжно-литературных норм, отразил достаточно последовательную реализацию этой тенденции...» (Хабургаев 1990: 75).

⁵ Рассуждая о причинах взаимодействия между *-ĭ- и *-ā-основами, С. П. Обнорский замечает, что в ряде восточнославянских диалектов наличие двух словоизменительных моделей в рамках существительных женского рода «осознается как роскошество речи, и слабейший из двух типов утрачивается, уступая место сильнейшему» (Обнорский 1927: 66).

⁶ Однако С. Б. Бернштейн подчеркивал, что «именно в зависимости от степени активности моделей, восходящих к старым основам на -ā и на -ĭ, по-разному шла в диалектах их взаимная индукция» (Бернштейн 1974: 259). И действительно, в славянских идиомах известны отдельные результаты влияния *-ĭ-основ на *-ā-основы (см. ниже).

норский 1927: 278–279); также укажем на реконструированную А. А. Зализняком по материалам новгородских берестяных грамот омоформу Р.–Д.–М. ед. ч. *земли* по аналогии с омоформой Р.–Д.–М. ед. ч. *соли* (Зализняк 1988: 171–172). Воздействие модели III склонения на модель I склонения можно, видимо, усмотреть и в наличии в некоторых говорах общей для всех существительных женского рода схемы распределения падежных форм в парадигме ед. числа с формальным (морфологическим) неразличением форм Р.–Д.–М. ед. ч. (см. выше сноску 2): в этом случае отмечается материальное совпадение в парадигме существительных **ā* (**jā*)-основ словоформ Р.–Д.–М. ед. ч. аналогично исконной для существительных женского рода старых **ī*-основ схеме распределения падежных форм в рамках ед. числа, изначально характеризующейся омоформой Р.–Д.–М. ед. ч.⁷

Однако полного слияния, полной унификации двух типов склонения в рамках женского рода по модели I склонения в славянских языках и диалектах, фактически, не произошло. Известно лишь свидетельство П. Ивича о том, что в некоторых западнокавказских говорах уже не существует так называемого III типа склонения (соответствующего старым основам женского рода на **-ī*), поскольку он целиком поглощен склонением существительных женского рода, восходящих к старым **-ā*-основам (Ивич 1965: 16). Аналогичную ситуацию в некоторых южнорусских говорах предполагал и С. П. Обнорский, который писал: «...касимовская форма *но́ча* могла бы быть объясняема из стремления, наблюдаемого в некоторых южновеликорусских говорах, переносить все вообще слова, исконно принадлежащие к основам на **-ī*, в категорию имен на **-ā*. Ср. в старооскольском говоре — *ло́шадя*, *то́поля*, *ведме́дя*, *ладо́ня*, *пя́дя*, *ма́теря*, *до́черя* и др.» (Обнорский 1927: 61–62). Кроме того, есть сведения и из ряда украинских говоров, в которых существительные женского рода, восходящие к **ī*-основам, в составе всех своих словоформ, употребляются с флексиями I склонения. Так, например, В. П. Логвин указывает, что в некоторых украинских говорах нижнего правобережного Поднепровья в районе Одессы существительные типа *сі́ль*, *ті́нь*, *кро́в*, *ма́зь*, *ли́ль* полностью перешли в I склонение (ср. И. ед. *со́л'а*), а В. А. Чабаненко на материале степных говоров, расположенных в бассейне р. Кінської, приводит такие же примеры, но делает при этом интересное наблюдение: некоторые из односложных существительных (типа *сі́л'*) сохраняют свою исконную словоизменительную модель, тогда как двусложные и многосложные слова

⁷ Ср., например, в статье (Сологуб 1983: 82–83) обоснование различных причин морфологического неразличения падежных форм в парадигмах существительных женского рода в разных русских диалектах.

последовательно склоняются по I склонению. В качестве иллюстрации сказанного приведу из этих говоров лишь отдельные словоформы ряда существительных, которые характеризуются словоизменительной моделью **ā*-основ: И. ед. *сól'a*, *китрэд'a*, *мидál'a*, *гармón'a*, *постѣл'a*, *шál'a*, *смѣрт'a*, *гр'аз'a*, *ши^енѣл'a*, *ми^ешѣн'a*, *дрѣл'a* и др.; Р. ед. *багáто кровѣ*, *смѣрти*, *нимá шѣрсти*, *стáрости*; В. ед. *дай сѡл'у*, *вѣтруси нѣл'у*, *скѣнуѡ шинѣл'у*; Тв. ед. *мáз'ойу*, *крѡѡл'ойу*, *мáз'уйу*, *ѡс'ин'уйу*, *смѣрт'уйу* и под. (Логвин 1965: 37, 38; Чабаненко 1966: 99).

Из сказанного следует, что в вопросе взаимодействия I и III склонений существительных женского рода **диагностическое значение** имеет лишь судьба существительных III склонения типа *соль*. Именно они могут в той или иной степени испытывать влияние со стороны существительных I склонения типа *стена*, *земля*, свидетельствуя тем самым об индукционных процессах в области словоизменения существительных женского рода I и III склонений. Существительные же I склонения устойчиво **сохраняют свой автономный путь развития**: на протяжении истории они, фактически, не подвергались морфологическому влиянию существительных III склонения. Редкие случаи отклонения от указанной линии взаимодействия существительных женского рода I и III типов склонения, найденные нами в опубликованных источниках, отмечены выше.

Следовательно, о результатах взаимодействия двух типов склонения, характеризующих словоизменение существительных женского рода типа *стена*, *земля* и типа *соль*, *ночь* в современных восточнославянских диалектах, можно судить именно по модификациям морфологической структуры существительных, восходящих к старым *-*ī*-основам (*соль*, *ночь*), допуская при этом, что существительные I склонения (*стена*, *земля*) в подавляющем большинстве случаев не подвержены влиянию III склонения.

Очевидно, что для решения указанной проблемы в восточнославянских диалектах в идеале необходимо было бы иметь полные парадигмы ед. ч. существительных женского рода III склонения типа *соль*, собранные в большинстве говоров. Также важно было бы проследить судьбу существительных женского рода III склонения по говорам на одном и том же лексическом материале. Только наличие материала такого исчерпывающего объема и качества может показать на восточнославянской карте действительно реальное распределение различных типов взаимодействия двух субстантивных склонений в рамках женского рода, определить, какие падежи в парадигме III склонения и в какой последовательности подвергались влиянию словоизменительной модели существительных I склонения, и, наконец, ответить на во-

прос о значении лексического фактора в данном процессе. Дело в том, что процесс взаимодействия двух типов женского склонения шел в пределах восточнославянского диалектного пространства неравномерно. В одних говорах оба типа склонения сохранили устойчивость, и смешения флексий не произошло. В других говорах аналогическому воздействию модели I склонения подверглись различные (по говорам) падежи существительных III склонения (это мог быть только И. ед., либо только Тв. ед., либо только Д.–М. ед., либо Р.–Д.–М. ед. и т. д.). В третьих — унификация охватывала только определенные существительные III склонения. В редких говорах все существительные III склонения могли быть поглощены словоизменительной моделью I склонения, в результате чего существительные женского рода в этих ЧДС стали бы в морфологическом плане едиными (найденные нами редкие примеры полной унификации двух «женских» склонений приведены выше).

В тех говорах, в которых аналогическое воздействие существительных типа *стена*, *земля* испытал в первую очередь И. ед. (*сол'а* вм. исконного *сол'*), переход и других падежей в I склонение был, по-видимому, облегчен. Это говорит о том, что в вопросе устойчивости/неустойчивости словоизменительной модели существительных III склонения важно обратить особое внимание на морфологический облик словоформ И. ед. этих существительных (например, *жиз[н']*, *посте[л']*, *гря[з']*, *пе[ч']* или *жиз[н'а]*, *посте[л'а]*, *гря[з'а]*, *пе[ч'а]*). Вполне вероятно, что именно наличие словоформ с флексией *-а* в И. ед. могло быть решающим, провоцирующим фактором, который вызвал появление в существительных III склонения и других падежных словоформ с флексиями I склонения⁸. Однако С. П. Обнорский высказал предположение, что в существительных женского рода старых *-*й*-основ именно косвенные падежи (но никак не И. ед.) первыми подверглись влиянию модели I склонения; в частности, это мог быть Тв. ед., который стал образовываться с флексией *-ей/-ой* (и ее фонетическими модификациями), например, *дв'е-р'ой*, *т'иней*, *ладоней* вм. *ладонью*; словоформы же И. ед. *мóча*, *нóча*, *óс'ен'а* и др. появились уже позднее (Обнорский 1927: 61–62).

К сожалению, в национальных диалектологических атласах русского, украинского и белорусского языков, а также в диалектологической и историче-

⁸ Ср.: «Общность флексии И. ед. является предпосылкой для объединения парадигм одного грамматического рода... При отсутствии этой предпосылки парадигмы одного грамматического рода могут сохранять в истории языка свою обособленность (...*страна и кость*...)... Однако действующим фактором при объединении парадигм является род: общность флексии И. ед. у слов разного грамматического рода не ведет к сближению их парадигм (ср. *конь* и *кость*)» (Иорданиди, Шульга 1984: 214–215).

ской литературе этих языков материал необходимого объема и качества (т. е. наличие полных парадигм ед. ч. существительных III склонения хотя бы из тех говоров, которые представляют основные восточнославянские диалектные группы) отсутствует, что затрудняет решение вопроса о характере и движении во времени и в пространстве аналогического воздействия словоизменительной модели I склонения на модель III склонения, в частности, и о суммарном характере взаимоотношений между двумя «женскими» склонениями в рамках восточнославянского диалектного континуума, в целом.

В нашем распоряжении вполне сопоставимыми были только данные по словоформам Д.–М. и Тв. ед. существительных женского рода III склонения, а также — дополнительно — украинский материал по словоформе Р. ед.; кроме того имелся материал из отдельных восточнославянских диалектов по словоформе И. ед. данных существительных. Однако и тот материал, который оказался доступным, дает более или менее объективную картину современного распределения разных видов взаимодействия I и III склонений на восточнославянском диалектном пространстве.

По характеру взаимодействия указанных словоформ между двумя «женскими» склонениями (что определяется, как было указано выше, по флексиям ед. ч. *существительных III склонения, восходящих к *ĭ-основам*) современные восточнославянские диалекты распределяются в следующие типы⁹:

1) Все три словоформы — Д., Тв. и М. ед. — образуются с закономерными для существительных женского рода старых *ĭ-основ флексиями. Для русских говоров — это флексии Д.–М. ед. [и́] и [и], Тв. ед. [йу], [у]; для белорусских и украинских говоров — флексии Д.–М. ед. [и́/ы́] и [и/ы], Тв. ед. [у] (например, *со́ли, со́лі, со́лы, со́л'у, со́л'йу, со́л'л'у*).

Такие словоформы отмечены в следующих говорах (см. карту¹⁰):

— в **русских северо-западных и западно-среднерусских** (а именно — в онежских, ладого-тихвинских, лачских, белозерско-бежецких, гдовских, псковских, новгородских, селигеро-торжковских говорах), в **восточных среднерусских акающих говорах** (р-н Москвы и западно-владимирские гово-

⁹ Все современные фонетические реализации флексий Д.–М. ед., Тв. ед. (и Р. ед. в украинских говорах) в существительных женского рода, объединенных в современное III склонение, в конкретных восточнославянских ЧДС см. на соответствующих картах в ДАРЯ, АУМ и ДАБМ, а также в (Попова 1995¹).

¹⁰ Обозначенные на карте ареалы выделены по господствующей для говоров, образующих соответствующий ареал, черте, которая указана в легенде к карте. Вариативное употребление флексий в отдельных ЧДС на данной сводной восточнославянской карте-бланковке не отмечено (см. ДАРЯ, АУМ, ДАБМ).

ры), в юго-западных говорах южнорусского наречия (тульских, курско-елецких, верхне-деснинских, южно-смоленских, оскольских и в южной части ливно-елецких говоров);

– в центральных белорусских говорах (в р-не Минска), в восточной части среднебелорусских говоров (бассейн Днепра и его притоков); в могилевских и северно-гомельских (в которых широко распространены варианты с исконными флексиями I склонения);

– в небольших ареалах на юго-западе Украины (в некоторых поднестриевских и закарпатских говорах).

Перечисленные говоры характеризуются наиболее *архаическим состоянием* сосуществования двух типов склонения в рамках женского рода (а именно: существительные как I, так и III склонений *сохраняют* свои исконные флексии в словоформах Д.–М. и Тв. ед.).

Ниже указаны те результаты влияния словоизменительной модели существительных I склонения на существительные III склонения, которые отмечены в словоформах Д.–М. и Тв. ед. (см. карту):

2) Словоформы Д.–М. ед. образуются с исконной для **ī-основ* флексией, словоформа Тв. ед. — с флексией, характерной для старых **ā-основ*. Такими флексиями для русских говоров являются: Д.–М. ед. [и], [и], Тв. ед. [ой, йой, уй, йуй, ойу и др.]; для белорусских говоров это: Д.–М. ед. [и/ы], [и/ы], Тв.ед. [ойу, ейу, эйу, ой, эй, ей]; для украинских говоров: Д.–М. ед. [и<*ī], Тв. ед. [ейу, ойу, еў, оў¹¹] (например, *сѡли, сѡл'ой'ойу, сѡл'оў, с'ѣл'оў*).

Указанные словоформы зафиксированы:

– в западно-русских говорах между Псковом и Смоленском (южная часть псковских говоров в р-не Опочки, северно-смоленские говоры, верхне-днепровская группа говоров);

– во всех белорусских говорах (кроме центральной и восточной частей среднебелорусских и южнобелорусских говоров);

– в юго-западных украинских говорах (западно-волыньских, западно-подольских, поднестриевских, бойковских, закарпатских, гуцульских, покутско-буковинских).

3) Словоформы Д.–М. ед. образуются по модели старых **ā-основ*, словоформа Тв. ед. — по модели старых **ī-основ*. Ср. в русских говорах флексии Д.–М. ед. [э, е, и], Тв. ед. [у]; в украинских говорах Д.–Р.–М. ед. [і], Тв. ед. [у] (например, *сѡле, сѡл'у, сѣл'їу, сѡл'їу, сѡл'л'у*).

¹¹ Об интерпретации украинских флексий еў, оў см. в (Попова 1995²).

Данную черту находим:

– **в северо-восточных русских говорах, в восточно-среднерусских, в рязанской группе говоров** (это — часть лачских и белозерско-бежецких говоров, вологодские — кроме небольшого ареала, расположенного между Вологодой, Кирилловым, Вожегой и Солигаличем, костромские говоры, восточная часть владимирско-поволжских говоров, западная часть восточных среднерусских акающих говоров, северо-западная и восточная части рязанских говоров);

– **фактически, во всех восточно-украинских говорах, в которых на картах АУМ показана флексия I склонения и в словоформе Р. ед.** (северные говоры — восточнополесские, слобожанские, среднеподнепровские, степные, восточные, южные и юго-восточные говоры);

– **в белорусских говорах эта черта не отмечена.**

4) Все три словоформы — Д., Тв., М. ед. — образуются по словоизменительной модели старых **jā* (jā*)-основ.** Данный признак характеризует: — *русские говоры*: флексии Д.–М. ед. [é, е, и], Тв. ед. [ой, йой, уй, йуй, ойу]; *белорусские говоры*: Д.–М. ед. [é, з, е, э], Тв. ед. [эй, ой, ай, эйу]; *украинские говоры*: Д.–М. ед. [i], Тв. ед. [ейу, ойу, уйу, оў, еў] (например, *сóле, сóл'ой'/ойу, с'ілеў, сóл'оў*).

Это явление зафиксировано в следующих небольших ареалах:

– **на северо-востоке в русских вологодских говорах** (севернее Вологды, восточнее Кириллова, южнее Вожеги, западнее Солигалича, а также севернее Ветлуги), **в юго-восточных рязанских говорах** (восточнее линии Рязань — Липецк — Воронеж); **в восточных среднерусских акающих говорах** (западнее линии Саранск — Пенза — Сердобск — Балашов). В юго-восточном ареале употребляются также: форма И. ед. *мы́ша/мышá* и форма В. ед. *ма́тер'у*;

– **в юго-западных белорусских говорах (полесских) в бассейне Припяти и ее притоков;**

– **в западно- и среднеполесских украинских говорах, в восточно-волинских, центрально- и восточно-подольских, степных (в р-не Кировограда) и среднеподнепровских украинских говорах.**

Во всех говорах отмеченные изменения в парадигме существительных III склонения (пункты 2, 3, 4) являются новообразованиями: как указывалось выше, С. Б. Бернштейн в «Очерке сравнительной грамматики» обращал специальное внимание на то, что «процессы индукции различных основ стали особенно интенсивными лишь в X–XIV вв.» (Бернштейн 1974: 144).

В заключение необходимо подчеркнуть, что такое явление, как наличие в парадигме существительных **ĭ*-основ отдельных словоформ с флексиями, характерными для существительных **ā*-основ, распространено во многих современных восточнославянских диалектах. Однако этот факт отнюдь не означает, что те говоры, в которых некоторые словоформы существительных, восходящих к **ĭ*-основам типа *соль*, стали употребляться с флексиями I склонения, имеют «неправильную» или «ущербную» парадигму. В действительности в этих говорах в рамках существительных женского рода типа *соль* и *земля*, по-прежнему, как и ранее, функционируют *две полноценные, самостоятельные парадигмы*, одна из которых продолжает словоизменительную модель старых **ā*-основ в неизменном виде (т. е. не подвергшаяся влиянию III склонения), другая же, возникшая на основе исконной парадигмы III склонения, является, в результате закономерного развития, контаминированной, испытавшей в той или иной степени влияние I склонения¹². Данная контаминированная парадигма так же, как и прежняя, исходная, представляет собой целостную единицу субстантивного словоизменения, так как те словоформы, которые стали употребляться с новыми флексиями, совершенно органично вошли в структуру этой новой парадигмы, характеризующей соответствующее существительное женского рода (например, *соль*) в совокупности всех его словоформ¹³. По справедливому замечанию М. В. Шульги, взаимодействие разных основ в рамках одного рода следует рассматривать, как «взаимодействие парадигм, а не отдельных форм» (Шульга 2003: 73).

Таким образом, в морфологической унификации некоторых однозначных словоформ в двух «женских» парадигмах реализуется, как было указано выше, универсальная славянская тенденция к однозначному соответствию между значением грамматического рода и конкретным (морфологическим) его воплощением.

¹² При этом важно отметить, что в разных ЧДС контаминированные парадигмы, характеризующие существительные исходных **ĭ*-основ, различаются друг от друга составом тех словоформ, которые образованы по моделям I и III склонений, о чем, в частности, свидетельствует карта.

¹³ Ср.: «...средством морфологического выражения рода является парадигма существительного — совокупность всех падежно-числовых форм» (Шульга 2003: 123).

Литература

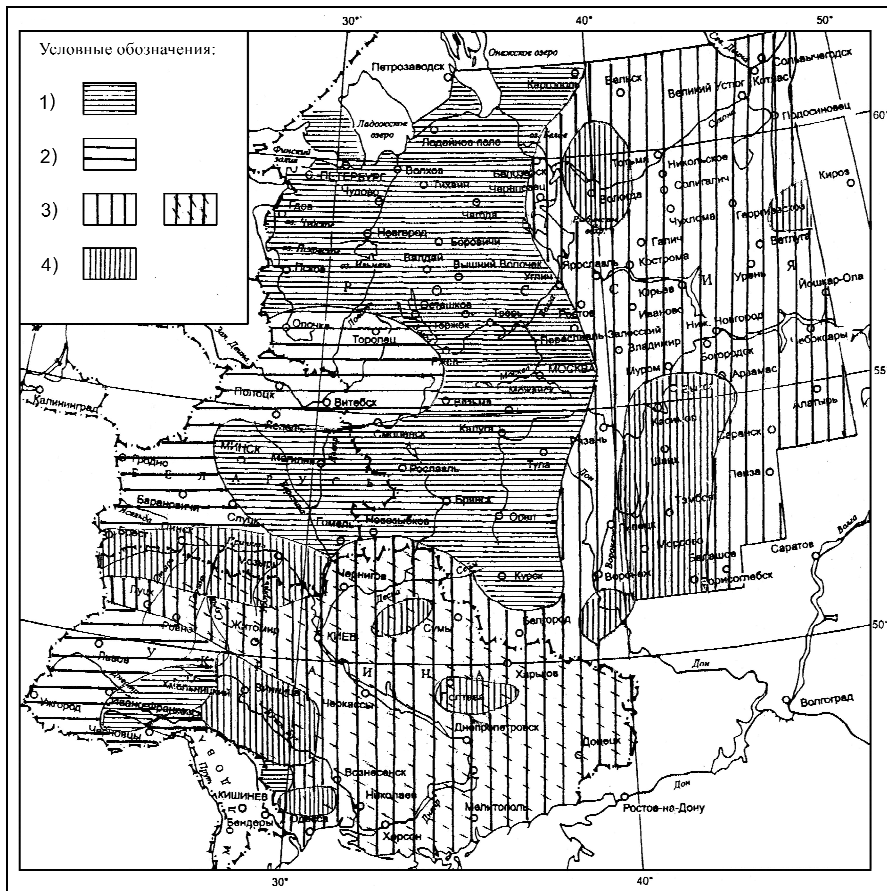
- Бернштейн 1974 — *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1974.
- Зализняк 1988 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание. X МСС. Доклады советской делегации. М., 1988.
- Ивич 1965 — *Ивич П.* Опыт структурной классификации диалектных различий в славянской языковой области // ОЛА. Материалы и исследования. М., 1965, с. 16.
- Иорданиди, Шульга 1984 — *Иорданиди С. И., Шульга М. В.* Морфологическое выражение категории рода в истории русского языка // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1981. М., 1984.
- Логвин 1965 — *Логвин В. П.* Морфологічна система говірок Нижньої правобережної Наддністрянщини // Територіальні діалекти і власні назви. Київ, 1965.
- Обнорский 1927 — *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке. Вып. I. Единственное число. Л., 1927.
- Попова 1995¹ — *Попова Т. В.* Образование падежных форм дательного, творительного и местного единственного числа существительных женского рода типа *соль, грязь, печь, кровь, мать* // Восточнославянские изоглоссы – 1995 / Отв. ред. Т. В. Попова. М., 1995.
- Попова 1995² — *Попова Т. В.* Словоформы творительного падежа единственного числа существительных женского рода с флексией ‘гласный + [ÿ/в]’ (типа *сôleу, сол’оу, сілеу, сіл’оу*) в современных украинских юго-западных говорах // Восточнославянские изоглоссы – 1995 / Отв. ред. Т. В. Попова. М., 1995.
- Сологуб 1983 — *Сологуб А. И.* О синкретизме форм в склонении существительных женского рода единственного числа по диалектным данным // Русские народные говоры: лингвогеографические исследования. М., 1983.
- Хабургаев 1990 — *Хабургаев Г. А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
- Чабаненко 1966 — *Чабаненко В. А.* Особливості відмінювання іменників у степових говірках долини р. Кінської // Українська лінгвістична географія. Київ, 1966.
- Шульга 2003 — *Шульга М. В.* Развитие морфологической системы имени в русском языке. М., 2003.

Summary

T. V. Popova

The category of the gender and rearrangement (reconstruction) of the types of declension in East Slavonic dialects

In the issue on the material of substantives of feminine gender is researched the realization in East Slavonic dialects of tendencies to morphological unification of substantives of same gender but different types of declension.

Легенда к карте

Существительные женского рода III склонения (тип *соль*).

Влияние на них словоизменительной модели существительных женского рода I склонения (тип *земля, баня, стена*). (Словоформы Д., Тв., М. ед.).

- 1) Флексии старых **i*-основ в словоформах Д., Тв., М. ед.:

Русские говоры — Д.-М. ед. [и] [и], Тв. ед. [йу], [у];

Белорусские и украинские говоры — Д.-М. ед. [и/ы] и [и/ы], Тв. ед. [у].

- 2) Флексии старых **i*-основ в словоформах Д., М. ед.; флексии старых **ā*-основ в словоформе Тв. ед.:
Русские говоры — Д.–М. ед. [и́], [и], Тв. ед. [ой, йой, уй, йуй];
Белорусские говоры — Д.–М. ед. [и́/ы́], [и/ы], Тв. ед. [ойу, ейу, эйу, ой, эй, ей];
Украинские говоры — Д.–М. ед. [и < і], Тв. ед. [ейу, ойу, еў, оў].
- 3) Флексии старых **i*-основ в словоформе Тв. ед.; флексии старых **ā*-основ в словоформах Д., М. ед.:
Русские говоры — Д.–М. ед. [é, е, и], Тв. ед. [у];
Украинские говоры — Д.–Р.–М. ед. [і], Тв. ед. [у].
 В использованных источниках по *белорусским говорам* такое соотношение флексий не отмечено.
- 4) Флексии старых **ā*-основ в словоформах Д., Тв., М. ед.:
Русские говоры — Д.–М. ед. [é, е, и], Тв. ед. [ой, йой, уй, йуй, ойу];
Белорусские говоры — Д.–М. ед. [é, э́, е, э], Тв. ед. [эй, ой, ай, эйу];
Украинские говоры — Д.–М. ед. [і], Тв. ед. [ейу, ойу, уйу, оў, еў].

О. А. Абраменко, С. Л. Николаев,
А. В. Тер-Аванесова, М. Н. Толстая

Системы соотношения gen. и dat.-loc. *a*-основ в восточнославянских языках: сравнительно-исторический аспект*

*Итак, кривичи, кривичи, кривичи — одни
и всюду. Они наполняют и свою собствен-
ную землю. Они же заселяют и всю сред-
нюю России. Удивительная плодovitость!
Но куда же делись остальные — словене
новгородские, чудь, весь, меря и другие?*

И. А. Тихомиров. Славянское заселение
Ярославской губернии. — В кн.: Труды IV
Областного историко-археологического
съезда в Костроме. Кострома, 1914, с. 135.

§ 0. ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная статья продолжает серию работ о системах соотношения окончаний род., дат. и местн. п. *a*-основ в восточнославянских говорах. Типологии и синхронной классификации восточнославянских систем посвящены работы (Тер-Аванесова 1998; 2002). В настоящей статье основное внимание уделено сравнительно-историческому анализу основных восточнославянских (преимущественно русских) систем склонения *a*-основ¹. Рассматриваются преимущественно системы, образующие значительные ареалы и претендующие на позднепраславянскую древность (до XII в., конца «племенной» эпохи восточного славянства). Краткий сравнительно-исторический обзор систем склонения *a*-основ содержится в (Николаев 2011: 6–10), ниже положения этой работы приводятся в исправленном и дополненном виде.

В настоящей статье подробно рассмотрены так называемые «обратные» системы, в которых окончания твердого склонения заменены окончаниями мягкого. Впервые описываются русские диалектные системы, сохраняющие праславянские окончания мягкого склонения, противопоставленные окончаниям твердого склонения. Большинство современных русских систем описаны

* Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект «История восточнославянского лингвистического ландшафта»).

¹ Далее — «системы», представленные также «формулами» в фигурных скобках.

по (МДАРЯ). В работу включены описания систем склонения, сделанные авторами по материалу, собранному в экспедициях Института славяноведения РАН и ИРЯ РАН в 1987–2010 гг., и по данным монодиалектных памятников письменности. Ниже рассматриваются далеко не все восточнославянские системы. В частности, не анализируются многие из сомнительных северо-западных систем, описанных по недостаточно представительным материалам ДАРЯ (Тер-Аванесова 1998; 2000; 2002). Также не рассматриваются не образующие значительных ареалов синкретические системы неясного происхождения (такие как система «к юго-востоку от Смоленска», Тер-Аванесова 1998: 191). Не затрагиваются не поддающиеся разумной интерпретации смешанные системы памятников, вероятно возникшие вследствие конфликта между системами протографа и писца, и диалектные системы со свободным варьированием падежных форм, образовавшиеся в результате смешения гетерогенных говоров. Приводимый в статье материал не претендует на полноту — он является иллюстративным.

Следует отметить, что зачастую — как при исследовании древнерусских памятников, так и при исследовании современных говоров — под диалектом/говором часто понимается идиолект писца/информанта.

В случае с русскими, особенно западными и северо-западными говорами, «идиолектность» систем чаще всего объясняется крайней трудностью сбора материала из одного говора более чем от одного информанта. Специфика западного и северо-западного великорусского диалектного ареала заключается в том, что в этих регионах древнейшего заселения старое диалектное членение было сильно нарушено в результате проведенного в 20–30-х гг. XX в. расселения крестьян по хуторам, а далее сселения хуторов и малых деревень в большие, в результате чего старая, зачастую сложная микролингвогеографическая ситуация была в корне нарушена. Области старого заселения характеризовались чрезвычайной дробностью и мозаичностью в лингвогеографическом плане, имеющей древнейшее происхождение (в отличие от территорий нового заселения, где обычно наблюдается диффузное распределение изоглосс). Такая ситуация характерна для Витебской, Тверской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Калужской областей. Таким образом оказывается, что информацию о старых говорах мы можем получить только от носителей (как правило, от пожилых женщин) 1920-х годов рождения, научившихся родному диалекту если не в старой деревне, то хотя бы от родителей на хуторе. Более молодые носители в основном учились языку уже в сселенных деревнях, и чаще всего в их речи сохраняются только отдельные элементы старых говоров, унаследованные от матерей и бабушек. Поэтому представляются крайне важными записи, публикация и исследование речи старейших носителей традиционных говоров указанных регионов.

§ 1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Источники изучения склонения *a*-основ

Задачей настоящей работы является сравнительно-исторический анализ диалектных систем, образуемых окончаниями род., дат. и местн. п. ед. ч. существительных *a*-основ. Поэтому от диалектного материала требуется наличие сведений об окончаниях всех разновидностей склонения *a*-основ и форм всех трех падежей. Минимальным условием является наличие данных о склонении 1) основ на парные твердые согласные, 2) основ на фонологически мягкие согласные.

Основными источниками по *украинским* системам являются атласы и комментарии к ним (АУМ; Зінчук 2010; Назарова 1985). Данные, представленные в перечисленных работах, достаточны для установления систем склонения *a*-основ на всей территории украинского языка.

В *белорусских* говорах в мягком склонении, как правило, релевантны только подударные окончания, так как в большинстве белорусских говоров заударные рефлексy *і и *ѣ, *ѣ не различаются. Полные системы склонения *a*-основ и их ареалы на территории Белоруссии практически неизвестны — за исключением Брестско-Пинского Полесья, которое картографировано в (АУМ II). Система склонения известна из литературного белорусского языка; вероятно, она близка к системе центральнобелорусских говоров в окрестностях Минска. В настоящей статье белорусские системы *a*-основ не картографируются и анализируются в основном по косвенным свидетельствам. В некоторых случаях белорусские системы предположительно устанавливаются на основании систем в украинских и русских говорах, сопредельных близкородственным белорусским.

Систему склонения можно установить только при наличии форм род., дат. и местн. п. твердого и мягкого склонений. В белорусской диалектографии проблему представляет собой окончание родительного падежа. В ДАБМ формы род. п. не картографированы. В (Нарысы: 161) отмечается, что «у некоторых гаворках, акрамя канчаткаў *-ы (-і)*, ужываецца таксама канчатак *-е*. Часцей за ўсё яго маюць назоўнікі з мяккай асновай: *да з'амл'е, была ў радн'е <...>* Сустракаюцца яны ў Гродзенскай і на захадзе Брэсцкай абласцей». Формы род., дат. и местн. п. твердых основ представлены в материалах Архива «Общеславянского лингвистического атласа» Белорусской национальной комиссии ОЛА²,

² Хранятся в Центре исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси. Благодарим Николая Павловича Антропова за любезно предоставленную возможность ознакомиться с этими материалами.

однако немногочисленность пунктов не позволяет установить ареалы систем твердого склонения. Установлению ареалов род. п. мягкого склонения препятствует неудачный выбор основы: в вопроснике ОЛА форма род. п. мягких основ представлена только от *змѣѣ. Форма род. п. $z'm'aj\acute{e}$ отмечена только в говоре с. Беражыстае Кричевского р-на Могилевской обл., в остальных пунктах зафиксированы формы $z'm'aj$, $z'm'ij$ и т. п. Однако в позиции после j в брестско-пинских говорах рефлекс $*i$ и $*\acute{e}$ нейтрализуются в фонеме $/i/$, поэтому в них происхождение окончания $-i$ в основах на j неопределенно.

Достаточно детально известна ареалогия форм дательного и местного падежей твердых a -основ (ДАБМ, карты 65, 66, 67). Ареал окончания $-ы$ в местн. п. мягких основ картографирован в ДАБМ (карта 68) на примере основы *мяжа* на отвердевший шипящий. В этом же ареале, по сведению (Нарысы: 162–163), употребляются формы дат. п. *к дзяжы́*, местн. п. *у дзяжы́*. «Мяжа ўжывання гэтага канчатка (у основ на отвердевшие мягкие. — *Авт.*) праходзіць на поўдзень ад Шаркаўшчыны, Ушач, на захад ад Лепеля, Барысава, праз Беразіно, каля Клічава, на ўсход ад Кіраўска, праз Рагачоў, на захад ад Жлобіна, на поўнач ад Светлагорска і Акцябрскага, на поўдзень ад Старобіна, праз Ганцавічы і Ружаны, далей паднімаецца на поўнач да Берастовіцы, затым праходзіць на ўсход ад Мастоў, Жалудка, Ліды і праз Воранава». Согласно (Нарысы: 162), вне этого ареала используется окончание $-е$. «Канчатак $-i$ або $-е$ (у основ на мягкие. — *Авт.*) мае тую ж тэрыторыю пашырэння, што і адпаведныя канчаткі назоўнікаў з асновай на зацвярдзелы». Это утверждение не всегда подтверждается в материалах ОЛА, ср. Осовец Белыничск. р-на, Стайки Могилевск. р-на Могилевской обл., Лукши Браславск. р-на, Пялики Шарковщинск. р-на Витебской обл., где окончания основ на мягкие и отвердевшие согласные различны.

В Диалектологическом атласе русского языка (ДАРЯ, т. II) есть карты только для форм родительного, дательного и местного (предложного) падежей единственного числа существительных на $-а$ с ударными окончаниями и основой на твердый согласный. Таким образом, по безударным окончаниям, по основам на исконно мягкие, губные и заднеязычные согласные информации в картах ДАРЯ и комментариях к ним нет. Она содержится в материалах ДАРЯ — тетрадах («комплектах»), содержащих ответы на вопросы «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка».

В (Тер-Аванесова 1998; 2002) были проанализированы материалы, собранные для Диалектологического атласа русского языка, и сделаны более подробные, чем в Атласе, карты, так как были учтены все основы, формы с безударными флексиями, разница предложных и беспредложных контекстов

с формами родительного падежа и ряд других факторов, влияющих на употребление той или иной флексии. По материалам ДАРЯ А. В. Тер-Аванесова сделала подробную классификацию восточнославянских систем склонения а-основ согласно соотношению окончаний род., дат. и местн. п. ед. ч. В указанных работах содержится большое число примеров из материалов ДАРЯ. Последовательно проводится идея, что претендующие на относительную древность системы склонения а-основ могут восходить к восточнославянским племенным диалектам.

Карты и материалы ДАРЯ являются основным и главным источником изучения русских систем склонения, а картографирование языковых явлений по сплошной сетке дает возможность установить территорию их распространения. Помимо этого, в ДАРЯ во многих говорах отражена архаическая диалектная норма, которая к настоящему времени утрачена. Особенно ценными являются материалы ДАРЯ по северо-западным говорам (§ 5, 8.2).

Материалы национальных восточнославянских атласов неполны и неоднородны по качеству, а карты не всегда точно отражают лингвогеографию интересующих нас окончаний а-основ. Рассмотрим эту проблему на примере ДАРЯ — не в порядке критики самого издания и неопубликованных архивных материалов (которые многократно превышают по объему издание ДАРЯ), а для того, чтобы разграничить факты, которые заведомо можно извлечь из карт и собранных материалов, и факты, которые специально не собирались для ДАРЯ, поэтому встречаются в материалах sporadически или отсутствуют вовсе.

1) Неполнота собранных материалов ДАРЯ видна из многочисленных лакун в «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. Морфология», вопр. 68 (ДАРЯ II Комм.: 148–161). В большинстве пунктов Атласа на эту тему опрошены именно формы, заданные вопросником, и даже дополнительные примеры не позволяют заполнить все необходимые клетки в таблице:

основы		зубные ³	губные	заднеязычные	мягкие
падежи	предлог				
род. п. с ударным окончанием	без предлога	<i>жена, сестра</i>	?	<i>сноха</i>	?
	с предлогом	<i>жена, сестра</i>	?	<i>сноха, река</i>	<i>земля, семья, родня</i>

³ Под «зубными основами» здесь и далее понимаются основы на парные по твердости/мягкости зубные согласные (t, d, s, z, n, l, r).

основы		зубные	губные	заднеязычные	мягкие
падежи	предлог				
род. п. с безударным окончанием	без предлога	?	<i>корова</i>	?	?
	с предлогом	<i>работа</i>	<i>корова</i>	<i>палка</i>	<i>деревня</i>
дат. п. с ударным окончанием	без предлога	?	?	?	?
	с предлогом	<i>жена, сестра</i>	?	?	<i>земля, семья</i>
дат. п. с безударным окончанием	без предлога	?	?	?	?
	с предлогом	?	?	?	?
местн. п. с ударным окончанием		<i>вода</i>	?	?	<i>родня</i>

Род., дат. и местн. п. *а*-основ на отвердевшие в большинстве русских говоров мягкие согласные — шипящие спиранты и *ц* — по Программе не собирались.

2) В ДАРЯ принята сетка, при которой расстояние между обследованными населенными пунктами составляет около 15 км. Это не позволяет точно картографировать существующие на небольшой территории многочисленные сложно устроенные системы.

3) Территория, на которой зафиксированы оба варианта флексии в каждом из падежей, довольно значительна. Издание «сводного» ДАРЯ не предоставляет информации о том, каким именно образом эти варианты функционируют: чередуются ли они в пределах одного говора или же одна флексия характерна для одного говора, а другая для соседнего с ним, очень близкого, но все-таки отличающегося от первого.

В отечественной диалектологии, к сожалению, все еще господствует «дифференциальный подход», при котором описание диалектных систем подменяется фиксацией отдельных черт, отличных от соответствующих литературных. В первую очередь это касается диалектных словарей и описаний.

Для адекватного описания систем склонения необходимо получить большое количество надежных примеров на все морфонологические типы основ (на зубные, губные, заднеязычные, мягкие⁴ согласные, с ударением на корне и флексии). Для этого из достаточно обширных текстов, записанных на маг-

⁴ Здесь и далее под «основами на мягкие» понимаются основы на праславянские мягкие согласные и **j*. Случаи, когда основы на отвердевшие согласные (шипящие, *ц*) ведут себя по-особому, специально оговариваются.

нитофон, должны быть выбраны все формы род., дат. и местн. п. *a*-основ. Материалом для исследования могут служить только спонтанные формы из текстов, поскольку при «лобовом» анкетном опросе информанты, часто считающие свой говор «некультурным», повторяют за собирателем литературные формы или колеблются между литературными и диалектными, что создает ложное представление о широкой вариантности форм.

Существует еще одна проблема. Большинство сложно устроенных западных и северо-западных систем морфонологически неустойчиво. Наряду с «регулярными» (с точки зрения устройства системы или с исторической точки зрения) формами в записях всегда присутствуют «нерегулярные», появление которых объясняется многими причинами — в первую очередь неустойчивостью системы и влиянием престижных систем (соседних диалектных и литературной). В материалах ДАРЯ собственная система говоров нередко затмевается невнимательной записью — диалектные формы перемешаны с «городскими» и наведенными собирателями. Во многих случаях и сами системы конкретных говоров неоднородны, наблюдается чередование окончаний в одной и той же позиции. В этих случаях роспись большого корпуса текстов незаменима, так как по материалам ДАРЯ обычно невозможно выяснить относительную частотность чередующихся форм. Привлечение обширного однородного материала имеет и «теневую сторону» — одновременно с числом регулярных окончаний растет число нерегулярных, которые, благодаря низкой частотности, почти не попадают в краткие списки из материалов ДАРЯ. Однако изучение нерегулярных форм позволяет понять внутреннюю динамику системы и выявить редкие морфонологические позиции, полезные для анализа материалов ДАРЯ. Большой объем текстов позволяет сделать внутреннюю реконструкцию систем, которые на первый взгляд кажутся хаотичными.

Поскольку задача настоящей работы — сравнительно-историческая классификация систем склонения *a*-основ, для многих диалектных систем делается внутренняя реконструкция. В настоящей статье она делается для систем с морфонологической вариативностью или, наоборот, с «излишней» синкретичностью, затрудняющими прямое внешнее сравнение *gesp.* классификацию системы.

1.2. Замечания по морфонологии русских говоров

Склонения (словоизменительные типы) *a*-основ обычно находятся в бинарной оппозиции (твердое $\Leftrightarrow$ мягкое), иногда существуют сложные оппозиции — добавляется склонение основ на губные и/или заднеязычные согласные. Есть немногие говоры с единым склонением всех *a*-основ. Склонения различаются наборами падежных окончаний, устанавливаемыми для каждого говора. В каждом говоре существует список основ, принимающих окончания одного

из (изменяющихся по одному из) склонений. *Порядок основных (праславянских) падежей* задается описанием, в настоящей статье принимается традиционный порядок — им., род., дат., вин., твор. и местн. п.

В русских говорах отмечены три окончания род., дат. и местн. п. — *-ы*, *-и* и *-ê* (*-е*) (в кириллической нотации *-ы*, *-и* и *-ê* или *-ѣ*) и их фонетические варианты. Каждое из них может быть алломорфом одного из трех окончаний — {ы}, {и} и {ѣ}. В кириллической нотации эти окончания имеют вид {ы}, {и} и {ѣ} соответственно⁵. Окончания {ы} и {и} различаются тем, что последнее «наводит мягкость» на твердые согласные, являющиеся членами пар, противопоставленными по твердости/мягкости, и является окончанием в основах на мягкие согласные, шипящие, *ц* и *ж*. Фонетическое [-ы] в основах на отвердевшие шипящие и *ц* рассматривается как алломорф окончания {и}. В то же время морфонема {ы} в склонении основ на заднеязычные в большинстве систем реализуется как /i/. Окончание {ѣ} присоединяется к любым основам. Описание «безударных» подсистем в настоящей статье тождественно описанию «ударных». Если в безударной позиции нейтрализована оппозиция /i/ и /e/ (в /i/, реже в /e/), то безударное окончание мягкого склонения *-и* или *-е* считается алломорфом соответствующих окончаний под ударением, где фонемы /i/ и /e/ различаются. Например, в условном говоре:

Падеж	Твердое склонение		Мягкое склонение
	парные твердые	заднеязычные	
Род.	{vod+ы́} [vadý́]	{ruk+ы́} [ruk'í]	{zempl'+í} [z'aml'í]
	{glín+ы} [gl'íny]	{múx+ы} [múx'i]	{pr'áz+i} [pr'ázы]
Дат. и местн.	{vod+ѣ́} [vad'é]	{ruk+ѣ́} [ruk'é]	{zempl'+ѣ́} [z'aml'é]
	{glín+ѣ} [gl'ín'i]	{múx+ѣ} [múx'i]	{pr'áz+ѣ} [pr'ázы]

Распределение основ по мягкому и твердому склонению происходит по фонетическому и историческому принципам. Основы на согласные, не образующие пар по твердости/мягкости, оказываются в промежуточном положении, и поэтому в говорах они изменяются то по мягкому, то по твердому склонению, а иногда образуют отдельные склонения. В частности, это относится к основам на отвердевшие шипящие, аффрикату /ц/ и на заднеязычные согласные. Как правило, они изменяются по мягкому склонению в западных и северо-западных великорусских говорах.

⁵ Здесь и далее морфонологическое представление морфем и словоформ дается в фигурных скобках, фонологическое — в косых скобках. Морфонема {ѣ} здесь и далее соответствует рефлексам *ѣ и *ĕ.

Особого комментария требуют основы на губные согласные. В восточно-русских говорах они, как правило, противопоставлены по твердости/мягкости и поэтому относятся к твердому склонению. В западных и юго-западных говорах нейтрализация губных по твердости/мягкости происходит только в ауслауте и перед согласными, а в остальных позициях твердые губные фонемы противопоставлены мягким, поэтому а-основы на губные согласные относятся к «твердым». Другая ситуация на русском Северо-Западе, где, по-видимому, еще недавно в говорах кривичского происхождения губные вообще не участвовали в оппозиции по твердости/мягкости. В частности, в этом ареале в позднепраславянскую эпоху фонемы *у и *і нейтрализовались не только после шипящих и заднеязычных, но и после губных согласных. В дальнейшем, в результате междиалектного взаимодействия, оппозиция губных по твердости/мягкости восстанавливалась, что нередко приводило к появлению гиперкорректных форм. Это прослеживается по смешению рефлексов *vu и *vi в псковских говорах: *ви* и *вы* ‘вы’ (ПОС 4: 6); *вѣмо* и *вѣмо*, *вѣму*, *вѣма* ‘мимо’ (ПОС 6: 16–17); *вѣмя* и *ѣмя* ‘вымя’ (ПОС 6: 20); *вѣзгалка* и *вѣзгалка* ‘овод’ (ПОС 4: 13); *виль* и *вьль* ‘нарост, шишка’ (ПОС 4: 17; 6: 11). В торопецких и селижаровских говорах: великолукск., тороп. *ванѣрь*, род. *ванѣря* ‘кастрированный самец свиньи, боров’ (ПОС 4: 77) наряду с *вянѣрь* < *verǵjъ; андреап. *рѣкша* ‘пѣкши’ в быличке: *Аѣ, гѣвар’ар’, карѣѣшкѣ р’акѣт’, і пр’ігѣвар’ѣиѣт’*: *ѣту рѣкша, ѣтъ н’а рѣкша, ѣтъ рѣкша, ѣтъ н’а рѣкша* (д. Ильбюшино Андреапольского р-на Тверской обл., зап. Ф. Р. Минлоса, 1995 г.); селиж. *Pónovskij rajión* ‘Пёновский район’ (д. Куричино Селижаровского р-на, зап. А. Ю. Киреева, Д. С. Богдашкина, 2008 г.). В Строевском списке Псковской летописи (см. § 7.6.1, 7.6.2) окончание -и вместо -ы: *в тюрми* 208а; *оуправи* 129а; *зимы* 172b; менее показательны формы от «разносклоняемых» *Москѣва*/**Москы* и *Пльскѣва*/**Пльскы*: *с Москѣви* 150b, 182b, *к Москѣви* 213а, *на Москѣви* 83а, 126а, 152а, 155а, 157а, 165b, 178а, *на Москѣви* 148b, 178а, *до Псковѣи* 115а. «Отвердение» (на самом деле — отсутствие фонологической дизъюнктивности) губных прослеживается и перед задними гласными и /a/. В древненовгородском и древнепсковском: *маса* (? ‘мяса’), *сватее* (‘святое’), *измакле* (вместо *измакле*), *бес пати* ‘без пяти’, *паты* (вместо *паты*), *сѣманы* ‘семенами’ (в берестяных грамотах), *Сватонѣ(гѣ)*, *Вачеславу* (в настенных надписях), *помалѣ са* (вместо *помалѣ са*) (в приписке писца к псковскому евангелию), *на пама*⁷ (в записи к псковскому паремейнику) (Зализняк 2004: 79).

Отсюда особый морфонологический статус форм типа {bab+ы}: фонетическая реализация колеблется между [babы] и [bab’i]. По этой причине основы на губные нередко изменяются по особому «губному» склонению: Ляпи-

но (§ 5.3.4), Волково (§ 5.3.5), Трубники (§ 5.3.6), Холм (§ 5.5.3), Селехово (§ 5.5.5), Красное (§ 5.5.6), Машихино (§ 5.6.1), Ново-Никольское (§ 5.6.2), Горки (§ 5.7.1), Шеменец (§ 5.8.1), Подберезье (§ 5.8.2), Рудня (§ 5.8.3) и др.

Также нередки русские говоры, в которых особое склонение образуют основы на заднеязычный. Эти основы повсеместно имеют особенности в склонении по причине перехода **ку*, **гу*, **ху* > [k'i], [g'i] или [y'i], [x'i], в результате чего окончание {*ы*} имеет реализацию [i], со смягчением предшествующих велярных. Вследствие этого во многих говорах основы на заднеязычные согласные в подсистеме род., дат. и местн. п. переходят из твердого в мягкое склонение или образуют собственный тип склонения.

В украинском языке к северу от Карпат и во многих брестско-пинских белорусских говорах **у* и **і* совпали в фонеме /y/, а праслав. финали *-*Ту* и *-*Ті* — в /Ту/, так как позиционная мягкость перед **і* ([T'i]) не фонологизировалась. Напротив, противопоставление **у* и **і* получило развитие в карпатоукраинских говорах, в которых /ы/ и /і/ функционируют как полноценные фонемы.

§ 2. ПРАСЛАВЯНСКАЯ СИСТЕМА СКЛОНЕНИЯ 4-ОСНОВ

$$\{vody \Leftrightarrow v\ddot{o}d\ddot{e}\} \Leftrightarrow \{zemj\check{e} \Leftrightarrow zemji\}^6$$

К этой системе восходят все восточнославянские системы.

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Основы	твердые	мягкие
Род.	* <i>vod-y</i>	* <i>zemj-ĕ</i>
Дат. и местн.	* <i>vod-ě</i>	* <i>zemj-i</i>

Рефлексы системы соотношения род., дат. и местн. п. ед. ч. нужно было бы рассматривать совместно с рефлексами им.-вин. мн. и дв. числа:

Им.-вин. мн.	* <i>vod-y</i>	* <i>zemj-ĕ</i>
Им.-вин. дв.	* <i>vod-ě</i>	* <i>zemj-i</i>

⁶ В праславянском в подвижной акцентной парадигме (а. п. с) формы дат. и местн. п. ед. ч. различались местом ударения, поскольку окончания имели разный просодический статус: {*vody* ⇔ *vōdē* ⇔ *vōđě*} ⇔ {*zemjĕ* ⇔ *zēmji* ⇔ *zemjī*}. В большинстве восточнославянских диалектов акцентологическая оппозиция форм дат. и местн. п. ед. ч. утрачена, поэтому в дальнейшем мы их условно будем считать омонимическими. Формы дат. и местн. п. различаются по ударению в древнерусских памятниках (Зализняк 1985: 140–141); следы сохраняются в адвербиализованных формах современных говоров — обычно адвербиализованные формы местн. ед. также отражают (вторичные) энклитомы (карпатоукр. *вѣсні, ід зімі*; псковск. *к зімы* с вторичным окончанием генитива).

Однако материал по им.-вин. п. мн. ч. для основных восточнославянских атласов (ДАРЯ, ДАБМ, АУМ) специально не собирался. Материал по окончаниям дв. ч., утраченного как категория в современных восточнославянских языках, собран для ДАРЯ в виде «нумератива» — формы при числительных 1–4. В одних говорах нумератив совпадает с формой род. п. ед. ч., в других от нее отличается, но недостаток материала редко позволяет установить систему в каждом из говоров. Поэтому формы им.-вин. мн. ч. и нумеративы от *a*-основ в настоящей статье не рассматриваются. Подробно о формах нумератива от *a*-основ см. (Тер-Аванесова 2000).

§ 3. ТИПОЛОГИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ СИСТЕМ СКЛОНЕНИЯ РОД., ДАТ. И МЕСТН. П. ЕД. Ч. *A*-ОСНОВ

3.1. Разновидности восточнославянских систем

Некоторые восточнославянские системы соотношения окончаний род., дат. и местн. п. ед. ч. *a*-основ прямо отражают праславянскую систему (§ 4):

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>воды</i>	<i>землѣ</i>
Дат. и местн.	<i>водѣ</i>	<i>земли</i>

Подсистема род., дат. и местн. п. склонения *a*-основ в восточнославянских языках развивается в направлении *синкретизма*, т. е. омонимизации падежных форм. «Синкретизмом падежей» ниже называется полная или позиционная омонимия падежных форм без утраты грамматического различия.

При позиционном синкретизме падежи не различаются окончаниями, но алломорфы общего окончания распределены по позициям, в частности, акцентуационным:

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	ударн.	<i>водѣ́</i>	<i>землѣ́</i>
	безударн.	<i>глі́нѣ</i>	<i>прѣ́жи</i>
Дат. и местн.	ударн.	<i>водѣ́</i>	<i>землѣ́</i>
	безударн.	<i>глі́нѣ</i>	<i>прѣ́жи</i>

Ниже под «синкретизмом склонений» будет пониматься замена набора окончаний твердого склонения набором мягкого и обратно⁷. При заимствовании

⁷ В (Тер-Аванесова 2002: 177) системы с синкретизмом склонений называются «монотипными».

нии окончаний падежей действует морфонологическое правило субституции {ы} = {и}, т. е. окончание {и} мягкого склонения заимствуется в твердое в виде {ы}, а окончание {ы} твердого склонения заимствуется в мягкое в виде {и}⁸. В твердом склонении встречаются следующие основные типы парадигм подсистемы род., дат. и местн. п.: 1) с праславянскими окончаниями; 2) с (праславянскими) окончаниями мягкого склонения; 3) синкретическая по окончанию {ы} род. п.; 4) синкретическая по окончанию {ѣ} дат. и местн. п.

В мягком склонении встречаются аналогичные парадигмы: 1) с праславянскими окончаниями; 2) с (праславянскими) окончаниями твердого склонения; 3) синкретическая по окончанию {ѣ} род. п.; 4) синкретическая по окончанию {и} дат. и местн. п.

Прямые называются системы с праславянскими окончаниями в твердом склонении. *Обратными* называются системы с (праславянскими) окончаниями мягкого склонения в твердом склонении. Диалектные прямые и обратные системы могут иметь позиционный синкретизм падежей твердого склонения. Парадигма мягкого склонения для определения конкретной системы как прямой или обратной значения не имеет.

При бинарном распределении основ по твердому и мягкому склонению морфонологическое наполнение этих типов может различаться — например, в одних системах основы на заднеязычные согласные изменяются по твердому склонению, в других — по мягкому, могут существовать дополнительные склонения — «губное», «заднеязычное» и т. д. Количество падежей также может отличаться от праславянского. Например, во многих южнорусских говорах возник особый предложно-родительный падеж; преимущественно «беспредложный») дательный падеж может заимствовать окончания (преимущественно «беспредложного») родительного падежа и таким образом противопоставляться (преимущественно «предложному») местному.

3.2. Диалектное распределение основных типов восточнославянских систем⁹

Исследование соотношения прямых, обратных и синкретических систем особенно важно для исторической лингвгеографии русского Северо-Запада. На остальной восточнославянской территории присутствуют прямые системы, по большей части классифицируемые по парадигмам мягкого склонения.

⁸ В позднепраславянском фонемы */y/ и */i/ после *j, мягких и заднеязычных согласных нейтрализовались в единой фонеме /i/.

⁹ Подробно об истории обратных систем см. в § 5.2.

Прямые парадигмы (с порядком окончаний праславянского твердого склонения), обратные (с порядком окончаний мягкого склонения) и парадигмы, синкретические по окончаниям *-ě (род. п.) либо *-i (дат. и местн. п.), образуют обширные ареалы, в некоторых случаях соотносимые с археологическими ареалами позднепраславянских (древнерусских) племен *gesp.* их диалектами.

По-видимому, парадигма мягкого склонения играла значительную роль в перестройке парадигмы всей системы. Любопытно, что среди систем, образующих обширные ареалы, нет многих из теоретически возможных, что не может быть случайностью. На восточнославянской территории практически отсутствуют системы с синкретизмом падежей в твердом склонении при их различении в мягком¹⁰. Из этого можно сделать вывод, что большинство систем с синкретизмом падежей в обеих парадигмах возникло на основе синкретизма падежей мягкого склонения.

Ниже в таблице указаны основные ареалы распространения основных систем. Слово «вода» обозначает основы на твердые зубные, слово «земля» — основы на фонологически мягкие согласные, падежные окончания показаны под ударением. В таблицу не включены системы с усложненным синкретизмом падежей, в первую очередь в зависимости от ударения. Форма род. п. показана в беспредложном употреблении.

Время формирования большинства восточнославянских систем склонения *a*-основ неизвестно. Долгое время господствовало мнение, что они возникли в довольно позднее время, развившись из единой древнерусской системы, тождественной праславянской. «Для южнославянской и западнославянской ветвей отсутствие соответствующих монолитных праязыков установлено уже достаточно давно. В отличие от этих двух ветвей, восточнославянская ветвь в соответствии с традицией, восходящей в основном к А. А. Шахматову, обычно считалась монолитной. Имеющиеся ныне данные по древненовгородскому и древнепсковскому диалектам показали, что и восточнославянская ветвь не была в этом отношении исключением: подобно двум другим, она вобрала в себя первоначально не вполне тождественные племенные говоры» (Зализняк 2004: 57). Древнепсковский диалект сформировался на основе северных говоров псковско-кривичского диалекта, а его своеобразная система склонения *a*-основ сложилась не позднее появления письменных памятников, т. е. XII–XIII в. (§ 7.6.3). Древнепсковская система скорее всего унаследована из позднепраславянского диалекта псковских кривичей. Полностью синкретическая древненовгородская система, сформировавшаяся в ареале псковских

¹⁰ Такая система засвидетельствована лишь в четырех западнорусских говорах (§ 5.4).

	Твердое скл. с праслав. окончаниями	Твердое скл. с окончаниями мягкого скл.	Твердое скл. с синкретизмом по *-у	Твердое скл. с синкретизмом по *-ѣ
Мягкое скл. с праслав. окончаниями	{воды↔водѣ} ↔ {землѣ↔земли} *	{водѣ↔воды} ↔ {землѣ=земли} – русские сев.- зап. говоры	{воды↔воды} ↔ {землѣ=земли} – единичные зап.-рус. говоры (§ 5.4)	{водѣ↔водѣ} ↔ {землѣ=земли} – не отмечено
Мягкое скл. с окончаниями твёрдого склонения	{воды↔водѣ} = {земли↔землѣ} **	{водѣ↔воды} ↔ {земли=землѣ} – не отмечено	{воды↔воды} ↔ {земли=землѣ} – не отмечено	{водѣ↔водѣ} ↔ {земли=землѣ} – не отмечено
Мягкое скл. с синкретизмом по *-і	{воды↔водѣ} ↔ {земли=земли} ***	{водѣ↔воды} ↔ {земли=земли} – русские сев.- зап. говоры	{воды↔воды} ↔ {земли=земли} – русские сев.- зап. говоры	{водѣ↔водѣ} ↔ {земли=земли} – древнепсков- ский диалект
Мягкое скл. с синкретизмом по *-ѣ	{воды↔водѣ} ↔ {землѣ=землѣ} ****	{водѣ↔воды} ↔ {землѣ=землѣ} – не отмечено	{воды↔воды} ↔ {землѣ=землѣ} – русские сев.- зап. говоры («ильменско- демянская» система)	{водѣ↔водѣ} ↔ {землѣ=землѣ} – древненовго- родский диа- лект, отдельные русские сев.- зап. говоры

* Юго-западный диалект украинского языка, древнесмоленский диалект, древнеполоцкий диалект, а также в преобразованном виде (род. п. *землѣ преимущественно* после предлогов) — русские юго-западные говоры.

** Русские восточные и юго-восточные говоры, восточнополесские украинские говоры, русские говоры Брянского Полесья и, возможно, восточнобелорусские говоры.

*** Белорусский литературный язык, *древнетверской диалект*, древнемосковский диалект, древнепсковский диалект, русские юго-западные говоры.

**** Полесские украинские и *брестско-пинские белорусские* говоры, украинские говоры Волыни, Подолья, Слобожанщины и *Надднепровья*.

кривичей и ильменских словен, засвидетельствована с XI в. (Зализняк 2004: 95–99), т. е. практически с позднепраславянского времени. Это позволяет предположить, что и многие другие восточнославянские системы, имеющие ареалы, соотносимые с археологическими ареалами восточнославянских племен,

имеют позднепраславянское диалектное происхождение. О древних изоглоссах, оставшихся на восточнославянской территории от племенных диалектов и перекрытых более поздними изоглоссами, см. также (Николаев 1988; 1989; 1994; 2008; 2011; Николаев, Тер-Аванесова, Толстая 2013). Прямая система с синкретизмом в мягком склонении, возникшим вследствие уподобления *ja*-основ *i*-основам (род. **vody*, **zemji*, дат., местн. **vodě*, **zemji*), образует изоглоссу, объединяющую часть восточнославянских и севернолехитских диалектов. Но это вряд ли указывает на их специфическое родство, так как генезис данной восточнославянской системы из праславянской прослеживается в истории русских говоров, восходящих к племенному диалекту смоленских кривичей (§ 7.7).

Лингвогеографии (включая историческую) и генезису восточнославянских систем склонения *a*-основ посвящено немало работ, из которых отметим (Соболевский 1907; Обнорский 1927; Парахина 1956; Молодых 1957; Денисевич 1959; Добромыслова 1959; 1961а; 1961б; Яковлева 1959; Кретова 1962; Котков 1963; Мирецкий 1965; Бромлей, Булатова 1972; Хабургаев 1990; Зализняк 1993; 1995; 2004; Дыбо 1988; 1989; Галинская 1991; Тер-Аванесова 1998; Абраменко 2000; Алпатова 2005).

Ниже по преимуществу анализируются системы, отвечающие схемам, вынесенным в подзаголовки¹¹.

§ 4. ПРЯМЫЕ СИСТЕМЫ БЕЗ СИНКРЕТИЗМА СКЛОНЕНИЙ

{ воды ⇔ водѣ } ⇔ { землѣ ⇔ земли }¹²

4.1. Юго-западная украинская система

{ воды ⇔ водѣ } ⇔ { землѣ ⇔ земли }

Система, исторически тождественная праславянской, отражена в Галицкой летописи и в галицко-волинских грамотах (Грамоты XIV). В современных

¹¹ Опущено большинство сложных синкретических систем, в основном характерных для говоров запада Тверской и юга Псковской областей. Эти системы, как правило, являются локальными преобразованиями обратной системы и не образуют ареалов. Авторы намерены посвятить отдельную работу анализу всех засвидетельствованных систем склонения *a*-основ русских говоров Запада и Северо-Запада.

¹² В формулах систем, заключенных в фигурные скобки, формы от *вода* и *земля* обозначают формы твердого и мягкого склонения соответственно. В случае различия между набором окончаний под ударением и без него приводятся формы от *глина* и *пряжа* как основ с безударными окончаниями.

восточнославянских языках эта система сохранилась, по-видимому, только в галицких и карпатоукраинских, а также в отдельных южноволынских говорах северногалицкого происхождения (АУМ II, карта 172). Например, в говоре с. Торунь (Тóрун) Межгорского р-на Закарпатской обл. (Николаев, Толстая 2001: 21) окончание род. п. твердого склонения *-и* и окончание дат. и местн. п. мягкого склонения *-і* морфологически не тождественны, так как представлены разными фонемами:

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>vodú < *vody</i>	<i>zempl'í < *zempl'ě</i>
Дат. и местн.	<i>vod'í < *vodě</i>	<i>zemplí < *zempl'i</i>

В говоре хут. Тúрівка Рожнятовского р-на Ивано-Франковской обл. (информант Л. Тынюк, запись О. А. Мудрака, 1989 г.) слав. *у и *і имеют единый рефлекс /ə/, и поэтому окончания род. п. твердого склонения и дат.-местн. п. мягкого склонения; род. п. мягкого склонения и дат.-местн. п. твердого склонения вторично тождественны:

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>vodə < *vody</i>	<i>zempl'í < *zempl'ě</i>
Дат. и местн.	<i>vod'í < *vodě</i>	<i>zemplə < *zempl'i</i>

4.2. Смоленско-полоцкая система

{ воды ⇔ водѣ } ⇔ { землѣ ⇔ земли }

4.2.1. Древнесмоленский диалект

{ воды ⇔ водѣ } ⇔ { землѣ ⇔ земли }

Система отражена в «Договоре неизвестного князя с Ригою и Готским берегом» (Смоленск. гр.: 10–13) и в списках «Торгового договора Смоленска с Ригою и Готским берегом» 1223–25, 1229 гг., 1-й пол. XIII в. и в копии 1-й пол. XIV в. (там же: 20–25, 30–52). Ниже в таблице — мягкое склонение (в твердом — также тождественная праславянская система { воды ⇔ водѣ }):

	Род.	Дат.	Местн.
Сп. 1223–25 гг.	<i>оу содѣе ; земле</i>		
Сп. 1229 г.	<i>въль /волѣ/; бѣе; земль /землѣ/</i>	<i>кнагини</i>	<i>земли (2х)</i>
Сп. 1-й пол. XIII в.	<i>бладне ; бѣе</i>	<i>кнагини</i>	<i>божници ; бѣи ; воли</i>
Сп. 1270–77 гг.	<i>ни векше ; бѣе</i>	<i>кнагини</i>	<i>бѣи ; божници ; земли ; воли</i>
I список 1-й пол. XIV в.	<i>бѣе ; земле</i>	<i>кнагини</i>	<i>земли (4х)</i>
II список 1-й пол. XIV в.	<i>бѣе</i>		<i>земли (5х)</i>

4.2.2. Гороватка Ржевского р-на Тверской обл. (МДАРЯ Зап. 170, 1951 г.)

{ { воды ⇔ водѣ / водѣ } ⇔ { глины ⇔ глины } } ⇔ { землѣ ⇔ земли }

В современных говорах в своем первоначальном виде смоленская система, по-видимому, не сохранилась. В рудиментарном виде она представлена в ряде говоров к западу от Москвы, в частности в говоре д. Гороватка.

В этом говоре наблюдается полный синкретизм безударных окончаний род., дат. и местн. п. по {ы/и}. Система окончаний под ударением соответствует древнесмоленской (за исключением тенденции к синкретизму окончаний твердого склонения по {ы}):

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные, заднеязычные	мягкие
Род.	ударн.	{ ы } ¹³ - <i>ы́</i> / - <i>и́</i>	{ ѣ } - <i>е́</i>
	безударн.	{ ы } - <i>ы</i>	{ ѣ } - <i>и</i>
Дат. и местн.	ударн.	{ ѣ } - <i>е́</i> ⇔ { ы } - <i>ы́</i>	{ и } - <i>и́</i>
	безударн.	{ ы } - <i>ы</i> / - <i>и</i>	{ и } - <i>ы</i>

¹³ В таблицах, описывающих диалектные системы, в фигурных скобках приводятся окончания в морфонологической записи; далее следуют их зафиксированные реализации в орфографии, принятой в записи данного говора. Через косую черту даются позиционно распределенные алломорфы (напр., -*ы* / -*и*), через запятую — фонетические или орфографические варианты (напр., -*е*, -*ы*, -*и*).

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *дл'и с'астры́, жаны́, снах'у́, дл'и снах'у́, дл'и р'ак'у́*; безударн. *у н'ав'эсты, карóвы*; дат.-местн. ударн. *жан'э* ⇔ *нъ вады́*; безударн. *к н'ав'эсты, нъ кварт'эры, к л'агу́шк'и*.

Мягкое склонение: род. ударн. *дъ з'амл'э, дл'и с'амі́е*; безударн. *з ба́н'и*; дат.-местн. ударн. *нъ з'амл'у́*; безударн. *на вóл'ицы*.

4.2.3. Юго-западные русские системы

Русские юго-западные системы распространены в Окско-Деснинском междуречье, их восточная граница проходит по линии Орел — Ливны — Щигры — Старый Оскол, на юге — по российско-украинской границе (карта 1). Судя по белорусскому ареалу местн. п. *мяжэ*, на западе говоры с юго-западной русской системой отделены от центральнобелорусских говоров литературного типа (§ 7.5) говорами с предположительной восточнобелорусской системой (§ 6.4).

Юго-западная система (включающая подсистему с синкретизмом по {и} в мягком склонении, § 7.1) восходит к древнесмоленской, иначе — к системе смоленско-кривичского диалекта, которая была тождественна праславянской (§ 4.2.1). Конфигурация юго-западной зоны соответствует археологическому ареалу смоленских кривичей IX–XIII в. (Седов 1982: 160–161).

В большинстве русских юго-западных говоров смоленско-кривичского происхождения обнаруживаются системы с перераспределением праславянских окончаний род., дат. и местн. падежей в твердом склонении, в частности связанным с появлением особого предложно-родительного падежа¹⁴. Известны сложные системы с морфологической оппозицией родительного, предложно-родительного, дательного и местного падежей в твердом склонении, с полным или частичным перераспределением праславянских окончаний: {ы} в беспредложном родительном, {ѣ} или {ѣ/ы} в предложно-родительном и местном падежах; в дательном падеже {ѣ} или {ы} по говорам. Устройство и типология «многopaдежных» южнорусских систем подробно проанализированы в (Бромлей, Булатова 1972), см. также (Денисевич 1959: 160; Кретьова 1962: 127). В мягком склонении связь окончаний с предлогами известна только для форм род. п. — {ѣ} или {ѣ/и} в предложно-родительном и {и} в родительном; в дат. и местн. п. всегда {и}.

«Многopaдежные» системы характерны для южнорусских и части среднерусских говоров различного происхождения, и их конкретное формирование проходило различными путями. По-видимому, в сопредельных с юго-

¹⁴ В системах с двумя родительными падежами форма род. п., как правило, используется без предлогов или с определенными предлогами, форма предл.-род. п. — только в предложных конструкциях.

западными говорах с прямыми системами с окончаниями твердого склонения в мягком (§ 6) окончание {ѣ} предл.-род. п. было заимствовано из преимущественно «предложного» локатива, имеющего {ѣ} в обоих склонениях, а окончание {ы} дат. п. — из преимущественно «беспредложного» род. п. Важно подчеркнуть сохранение праславянской оппозиции окончаний местн. п. твердого ({ѣ}) и мягкого ({и}) склонений в юго-западных говорах. Из брянско-полесских и юго-восточных говоров ими была заимствована только «идея» предл.-род. п. на {ѣ} в обоих склонениях, тогда как в локативе твердое и мягкое склонения сохранили разные окончания. Скорее всего окончание {ѣ} предл.-род. (и в части говоров род.) падежа мягкого склонения является непосредственным рефлексом окончания *-ѣ род. п., из мягкого склонения оно было заимствовано в твердое (предл.-род. *водѣ*). В род. п. твердого склонения сохранилось праслав. *-у (*воды*), оно могло быть заимствовано в род. п. мягкого склонения в виде {и} (*земли*).

«Максимальная» юго-западная система форм с нафлекссионным ударением:

Падеж	Твердое склонение ¹⁵	Мягкое склонение
Род.	<i>воды</i>	<i>земли</i>
Предл.-род.	<i>водѣ</i>	<i>землѣ/земли</i>
Дат.	<i>воды (/водѣ)</i>	<i>земли</i>
Местн.	<i>водѣ (/воды)</i>	<i>земли</i>

4.2.3.1. Княжичи Жирятинского р-на Брянской обл. (МДАРЯ Юг 25, 1952 г.)¹⁶

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	ударн.	{ы} - <i>ы́</i>	
	безударн.	{ы} - <i>ы</i>	
Предл.-род.	ударн.	{ѣ} - <i>е́</i>	{ѣ} - <i>е́</i> ⇔ {и} - <i>и́</i>
	безударн.	{ѣ} - <i>и</i>	
Дат., местн.	ударн.	{ы} - <i>ы́</i> ⇔ {ѣ} - <i>е́</i>	{и} - <i>и́</i>
	безударн.	{ѣ} - <i>и</i>	

¹⁵ В большинстве говоров с юго-западной системой по твердому склонению изменяются основы на зубные, губные и заднеязычные согласные, по мягкому — основы на мягкие согласные, *j* и основы на отвердевшие шипящие и *ц*.

¹⁶ Здесь и далее формулы усложненных систем (с предложно-родительным, различающимся дательным и местным падежами и т. д.) не приводятся из-за их громоздкости.

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *жаны́, с'астры́, вайны́, вады́*; безударн. *паро́ды, рабо́ты, пан'овы́*; предл.-род. ударн. у *с'астр'ё, у йау́о жан'ё, дъ вайн'ё, с Маскв'ё, дл'а з'им'ё, ат р'ак'ё*; безударн. у *кры́с'и, с рабо́т'и, ат субо́т'и, къла маши́н'и, с хат'и, дл'а каро́в'и, ат ба́б'и*; дат.-местн. ударн. *аб йады́, аб жаны́, дач'к'и́* ⇔ *к жан'ё, нъ вад'ё, нъ у́лав'ё*; безударн. у *хат'и, у пан'ов'и, аб скат'инк'и, нъ па́с'ик'и, нъ хва́бр'ик'и*.

Мягкое склонение: предл.-род. ударн. *з з'емл'ё* ⇔ *б'из радн'и́, дл'а с'амй́и*; дат.-местн. ударн. *к Ил'л'и́, у з'амл'и́, к с'ам'йи́, нъ скам'йи́*.

4.2.3.2. Акинтьево б. Липицкого р-на Тульской обл. (МДАРЯ Юг 97, 1952 г.)

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	ударн.	{ы} -ы́	
Предл.-род.	ударн.	{ѣ}-ё ⇔ {ы} -ы́	{ѣ} -ё
	безударн.	{ы} -ы ⇔ {ѣ} -и	
Дат., местн.	ударн.	{ѣ} -ё	{и} -и́

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *с'истры́*; предл.-род. ударн. у *с'естр'ё, у жы́н'ё, ат жы́н'ё, у кум'ё* ⇔ *б'из жаны́*; безударн. у *бр'и́уды, о́кала шкóлы, зза́д'и маши́ны, с Ту́лы, б'ис каро́вы* ⇔ *с рабо́т'и*; дат.-местн. ударн. *к с'истр'ё, нъ дл'ин'ё*.

Мягкое склонение: предл.-род. ударн. *с афце́*; дат.-местн. ударн. *ф с'им'йи́*.

4.2.3.3. Второй Белый Колодезь Колпнянского р-на Орловской обл. (МДАРЯ Юг 311, 1952 г.)

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
Предл.-род.	ударн.	{ѣ} -ё ⇔ {ы} -ы́/-и́	{ѣ} -ё ⇔ {и} -и́
	безударн.	{ѣ} -и ⇔ {ы} -ы	
Дат., местн.	ударн.	{ѣ} -ё	{и} -и́
	безударн.	{ѣ} -и	

Материал. Твердое склонение: предл.-род. ударн. *из вад'ё, с Маскв'ё, ис-пъо уар'ё, ат снах'ё* ⇔ *насл'а́ (дъ) вайны́, ис н'ин'к'и́*; безударн. *ис хат'и, ис шкóл'и, с рабо́т'и* ⇔ *ис хаты́*; дат.-местн. ударн. *к с'истр'ё, у капн'ё, у Маскв'ё*; безударн. у *хат'и, ба́б'и, нъ даро́у'и*.

Мягкое склонение: предл.-род. ударн. *с Калпн'ё* ⇔ *у з'имл'и́*; дат.-местн. ударн. *нъ з'имл'и́*.

4.2.3.4. Грунин Воргол Становлянского р-на Липецкой обл. (МДАРЯ Юг 321, 1951 г.)

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	ударн.	{ы} - <i>ы́</i>	
Предл.- род.	ударн.	{ѣ} - <i>ѣ</i> ⇔ {ы} - <i>ы́</i>	{ѣ} - <i>ѣ</i>
	безударн.	{ѣ} - <i>и</i>	
Местн.	ударн.		{и} - <i>и́</i>
	безударн.	{ѣ} - <i>и</i>	

М а т е р и а л. Твердое склонение: род. ударн. *жаны́*; предл.-род. ударн. у *из'б'ѣ*, *ат каз'ѣ*, у *снах'ѣ*, *ат даск'ѣ* ⇔ *ат уары́*; безударн. с *Украи́н'и*, *б'из рабо́т'и*, с *слѹжб'и*; местн. безударн. на *ба́рышн'и*.

Мягкое склонение: предл.-род. ударн. *ат з'амл'ѣ*, *ат афцѣ́*, *ат м'ижѣ́*; местн. ударн. на *з'амл'и́*.

4.2.3.5. Колесово Задонского р-на Липецкой обл. (МДАРЯ Юг 333, 1951 г.)

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	ударн.	{ы} - <i>ы́</i>	
	безударн.	{ы} - <i>ы</i>	
Предл.- род.	ударн.	{ы} - <i>ы́</i>	{ѣ} - <i>ѣ</i>
	безударн.	{ѣ} - <i>и</i> , - <i>ѣ</i> ⇔ - <i>ы</i>	
Дат., местн.	ударн.	{ѣ} - <i>ѣ</i>	{и} - <i>и́</i>
	безударн.	{ѣ} - <i>ѣ</i>	

М а т е р и а л. Твердое склонение: род. ударн. *улуб'ины́*, *с'астры́*; безударн. *п'ь-р'ам'ены́*, *саломы́*; предл.-род. ударн. *б'ѣс п'ил'аны́*¹⁷; безударн. у *Мар'ин'и*, у *с'в'о́к-л'и*, с *рабо́т'ѣ*, с *с'м'ѣн'[ѣ]* ⇔ *из во́лны*; дат.-местн. ударн. *х ка́с'ѣ*, *нѣ ка́с'ѣ*, *к с'т'а-н'ѣ*, *ѹ с'т'ан'ѣ*, *к с'астр'ѣ*, *ѹ Маскв'ѣ*; безударн. *ѹ д'ѣс'ат'ин'ѣ*, *ѹ палн'ив'ѣ*, *нѣ салом'ѣ*, *ѹ л'ѹл'к'ѣ*, *к Ра́цк'ѣ*.

Мягкое склонение: предл.-род. ударн. *из з'амл'ѣ*; дат.-местн. ударн. *ѣ з'амл'и́*, *тѣ з'амл'и́*.

¹⁷ *Пеленá* — свешивающийся край соломенной крыши.

4.2.3.6. Красная Алексеевка б. Микояновского р-на Белгородской обл. (МДАРЯ Юг 509, 1953 г.)

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	ударн.	{ ы } -ы́	{ и } -и́
Предл.- род.	ударн.	{ Ъ } -é ⇔ { ы } -ы́/-и́	{ Ъ } -é ⇔ { и } -и́
	безударн.	{ Ъ } -и	
Дат.	ударн.	{ ы } -ы́	{ и } -и́
	безударн.	{ ы } -ы	
Местн.	ударн.	{ Ъ } -é	{ и } -и́
	безударн.	{ Ъ } -и	

Материал. Твердое склонение: род. ударн. с'астры́, жаны́; предл.-род. ударн. у жан'é, у с'астр'é, дъ вайн'é ⇔ с вайны́, б'из нау'и́, с мук'и́; безударн. кълъ хат'и, с работ'и, ат н'ав'ес'т'и, с пѣт каров'и; дат. ударн. к с'астры́, г жаны́; безударн. к мамы́; местн. ударн. у вад'é, нъ вайн'é; безударн. у хат'и.

Мягкое склонение: род. ударн. з'амл'и́; предл.-род. ударн. у с'амийé ⇔ б'из рад'н'и́, б'из з'амл'и́; дат. ударн. к з'амл'и́; местн. ударн. ў радн'и́.

4.2.3.7. Ровны Вейделевского р-на Белгородской обл. (МДАРЯ Юг 548, 1953 г.)

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	ударн.	{ ы } -ы́	
Предл.- род.	ударн.	{ Ъ } -é	{ Ъ } -é
	безударн.	{ Ъ } -и ⇔ { ы } -ы	
Местн.	ударн.	{ Ъ } -é	{ и } -и́
	безударн.	{ Ъ } -и	

Материал. Твердое склонение: род. ударн. жыны́, с'истры́, крап'ивы́; предл.-род. ударн. у жын'é, у жан'é, у с'истр'é; безударн. пос'л'и работ'и ⇔ дл'и каровы́; местн. ударн. на вад'é, на капн'é, дуу'é, на рук'é, на сах'é, ап с'астры^{е18}; безударн. у хат'и, у шкóл'и.

Мягкое склонение: предл.-род. ударн. б'из радн'é; местн. ударн. на з'имл'и́, у з'амл'и́, у с'им'ийи́.

¹⁸ Аллофон фонемы /e/.

4.2.3.8. Рябиновка Мценского р-на Орловской обл. (МДАРЯ Юг 86, 1952 г.)

В этом говоре основы на заднеязычный изменяются по мягкому склонению. Характерной особенностью является проникновение безударного окончания {и} в твердое склонение, предл.-род. и дат. п. противопоставлены им местному падежу. Возможно, особое склонение образуют основы на заднеязычные.

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	мягкие, заднеязычные
Предл.-род.	ударн.	{Ѣ} -ѣ ⇔ {ы} -ы́	{Ѣ} -ѣ ⇔ {и} -и́
	безударн.	{и} -и	
Дат.	безударн.	{и} -и	
Местн.	ударн.	{Ѣ} -ѣ	{и} -и́
	безударн.	{Ѣ} -а	{и} -и

Материал. Твердое склонение: предл.-род. ударн. у с'астр'ѣ, дѣ вайн'ѣ ⇔ ат суд'бы́; безударн. с работ'и, посл'а работ'и; дат. безударн. каров'и; местн. ударн. на ст'ан'ѣ, на вад'ѣ; безударн. на икón'а, на кварт'ер'а, на хат'а.

Мягкое склонение: предл.-род. ударн. дл'а с'ам'и́ѣ, из нау'ѣ ⇔ у радн'и́, б'из даск'и́; местн. ударн. на з'амл'и́, у с'ам'и́и; безударн. на скам'ейк'и, на тар'елк'и.

4.2.3.9. Почепное Дмитриевского р-на Курской обл. (МДАРЯ Юг 211, 1952 г.)

В говоре с. Почепное в твердом склонении исчезло различие между двумя род. п. в результате генерализации окончания {Ѣ}, однако различаются дат. и местн. п. Таким образом сформировалась система, сходная с обратными южнопсковско-селижаровским (§ 5).

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	ударн.	{Ѣ} -ѣ	{Ѣ} -ѣ
	безударн.	{Ѣ} -е	
Дат.	ударн.	{ы} -ы́	
	безударн.	{ы} -ы	
Местн.	ударн.	{Ѣ} -ѣ ⇔ {ы} -ы́	{и} -и́, -ы́
	безударн.	{Ѣ} -е, -ь	

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *жан'ё*, *дъ с'астр'ё*, *ад жан'ё*, *пъсл'ё въјн'ё*, *дъ вајн'ё*, *круһом труб'ё*, *зл'и з'им'ё*, *с нѡв'еј мук'ё*, *сах'ё*; безударн. *с работ'е*, *с Їасн'ей Пъл'ан'е*, *с хат'е*, *с шкѡл'е*, *дъ субѡт'е*, *ис шуб'е*, *с салѡм'е*, *ат йам'е*; дат. ударн. *к с'астры*, *к казы*; безударн. *н'ив'ёсты*, *к карѡвы*; местн. ударн. *на сп'ин'ё* ⇔ *нъ травы*; безударн. *у... хат'е*, *ѹ... шкѡл'е*, *нъ работ'е*, *к т'ѡтк'ъ*, *у бутылк'ъ*.

Мягкое склонение: род. ударн. *з' з'амл'ё*; местн. ударн. *нъ з'амл'ѹ*; *у д'ажы*, *у бакиы*.

4.2.4. Древнеполоцкий диалект

{воды ⇔ водѣ} ⇔ {земли/землѣ ⇔ земли}

В полоцких грамотах XIV — начала XV в. (Полоцк. гр.) наблюдается переход от древнесмоленской системы {воды ⇔ водѣ} ⇔ {землѣ ⇔ земли} к вторичной {воды ⇔ водѣ} ⇔ {земли=земли} с синкретизмом падежей в мягком склонении (§ 7).

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>воды</i>	<i>землѣ/земли</i>
Дат. и местн.	<i>водѣ</i>	<i>земли</i>

В твердом склонении формы род. п. на *-ѣ* не отмечены. В мягком склонении формы на *-ѣ* отмечены только в род. п. наряду с формами на *-и*: *оу Сваѡтоѣ Соѡѣѣ* (Грамота Еп. полоцкого 1309 г.), *Марье*, *братье* ⇔ *ѣвци бѣци*, *братьи*, *Вельи* (Грамота Короля польского и литовского 1387 г.). После XV в. в полоцких грамотах представлена исключительно система с синкретизмом мягкого склонения по {и}. Морфология говоров, в основе которых лежит полоцко-кривичский диалект, исследована недостаточно, и можно ожидать обнаружения в Северной Белоруссии систем, близких к древнеполоцкой.

На северной периферии смоленско-полоцкого диалекта кривичей, в южнополюских и торопецко-селижаровских говорах, системы с праславянской моделью соотношения падежных окончаний род., дат. и местн. п. преобразовались в обратные, в которых окончания мягкого склонения частично или полностью заимствованы твердым (§ 5).

§ 5. ЮЖНОПСКОВСКО-СЕЛИЖАРОВСКАЯ СИСТЕМА — ОБРАТНАЯ СИСТЕМА С ОКОНЧАНИЯМИ МЯГКОГО СКЛОНЕНИЯ В ТВЕРДОМ

{водѣ ↔ воды} = {землѣ ↔ земли}

5.1. Введение

Южнопсковско-селижаровские обратные системы известны от Опочки на западе до Торжка на востоке. Обратные системы, в которых окончания твердого склонения частично или полностью заменены окончаниями мягкого¹⁹, образуют ареал, занимающий юг Псковской и юго-запад Тверской областей, см. карту 2. Мы называем этот ареал южнопсковско-селижаровским, так как его трудно описать в терминах стандартной классификации русских диалектов. В терминах синхронной классификации в ареале обратных систем расположена часть псковских и смоленских и западная часть селигеро-торжковских говоров. В говорах с южнопсковско-селижаровскими обратными системами в мягком склонении либо сохраняются праславянские окончания, либо наблюдается синкретизм по {и} или по {ѣ}. В части говоров южнопсковско-селижаровской зоны отмечены системы со сложными (и даже сложнейшими) типами синкретизма окончаний {ы/и} и {ѣ}, в некоторых записаны системы с их свободным варьированием. Большинство таких систем происходят из обратных, что видно из сравнения с соседними говорами. Для южнопсковско-селижаровского (как и для всего псковско-новгородского) ареала характерен особый морфонологический статус основ на губные, вызванный особенностями фонологии губных согласных (§ 1.2). Основы на заднеязычные согласные или изменяются по мягкому склонению, или образуют особое склонение. Таким образом, максимальное число словоизменительных типов *a*-основ («склонений») в говорах псковско-селижаровской зоны может достигать 4 — «зубное», «губное», «заднеязычное» и «мягкое». Ниже в качестве эталонного для твердого склонения мы будем анализировать словоизменение основ на зубные, а для мягкого — на мягкие и шипящие согласные.

Приблизительный ареал, в котором распространены обратные системы твердого склонения, можно выявить, наложив друг на друга две карты ДАРЯ (II, карты 1, 2), отражающие, соответственно, формы родительного, дательного и предложного (местного) падежей единственного числа существитель-

¹⁹ Окончания {ы} и {и} являются «взаимозаменяемыми» между склонениями ввиду того, что в большинстве русских говоров они выражены единой фонемой /i/. Окончание мягкого склонения {и} заимствуется в твердое как {ы}; окончание {ы} твердого склонения заимствуется в мягкое как {и}. См. § 1.2.

ных с ударенными окончаниями и основами на парный твердый согласный. В границах распространения дат.-местн. п. на -ы выделяются зоны бытования род. п. на -е гесп. обратные системы склонения. Материалы ДАРЯ и наших экспедиций подтверждают и уточняют этот ареал.

Отличительной чертой южнопсковско-селижаровских систем, по-видимому, является исконное отсутствие окончания {ѣ} в дат. и местн. п. твердого склонения.

Южнопсковско-селижаровские обратные системы представлены тремя основными разновидностями (см. карту 2):

1) Архаическая обратная система с полным или частичным синкретизмом склонений без синкретизма падежей мягкого склонения — по всему ареалу:

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>водѣ / воды</i>	<i>землѣ</i>
Дат. и местн.	<i>воды</i>	<i>земли</i>

Праславянские окончания мягкого склонения отмечены также в ряде говоров южнопсковско-селижаровского ареала, в которых в твердом склонении окончания {ѣ} и {ы} находятся в отношении сложного синкретизма или в свободном варьировании (карта 2).

2) Инновационная обратная система с синкретизмом падежей мягкого склонения по {ѣ}:

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>водѣ / воды</i>	<i>землѣ</i>
Дат. и местн.	<i>воды</i>	<i>землѣ</i>

3) Инновационная обратная система с синкретизмом падежей мягкого склонения по -и:

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>водѣ / воды</i>	<i>земли</i>
Дат. и местн.	<i>воды</i>	<i>земли</i>

Ареал обратных систем соответствует территории расселения южнопсковских кривичей в верхнем и среднем течении р. Великой и также псковских по происхождению кривичей IX–XII вв., которых можно назвать торопецко-селигерскими, живших в верховьях Ловати, Куньи, Днепра, Западной Двины и на Селигере²⁰. В историческое время носители псковско-кривич-

²⁰ В (Седов 1982: 166–167) эти ареалы считаются принадлежностью псковских кривичей — по-видимому, значительного археологического различия между севернопсковскими,

ских южнопсковско-селижаровских говоров, очевидно, продвинулись к востоку от Селигера, достигнув Торжокского р-на Тверской обл., и к югу от бассейна р. Великой, где вступили в контакт с носителями полоцко-кривичских по происхождению говоров, в результате чего образовалось псковско-полоцкое диалектное единство, проявляющееся, в частности, в ряде совместных акцентологических инноваций (Николаев 1989).

Элементы обратных систем встречаются в новгородских памятниках (Добромыслова 1961; Мирецкий 1965; Парахина 1956; Молодых 1957; Дыбо 1981; 1988; 1989), однако, вследствие ориентации языка подобных документов на официально-деловую норму, они, возможно, являются лишь указанием на то, что диалектные системы писцов значительно отличались от системы, воспринимавшейся ими как нормативная.

Типологически «идеальная» обратная система аналогична системам, распространенным в современных штокавских, чакавских, кайкавских и словенских диалектах (с поправкой на южнославянское развитие *ǣ > *ę > е и акцентологическое различие между окончаниями дат. и местн. п. ед. ч.), напр. в сербскохорватском:

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>vòdē</i> < *vod+ǣ	<i>zèmljē</i> < *zeml'ǣ
Дат.	<i>vòdi</i> < *vôd+y	<i>zèmlji</i> < *zèml'i
Местн.	<i>vòdi</i> < *vod+ĩ	<i>zèmlji</i> < *zeml'ĩ

5.2. К истории южнопсковско-селижаровских обратных систем

Первые сведения об обратных системах, распространенных на территории Псковской области, содержатся в сообщениях и исследованиях Московской диалектологической комиссии (Соколов 1917: 154; 1919: 3). Однако как в них, так и в последующих работах (Чернышев 1936: 117; Иеропольский 1930: 591) реальное распределение форм не дается, а лишь указывается, что имеется вариативность форм. Для Тверской обл. впервые более или менее подробно обратные системы представлены в описании С. А. Копорского, который исследовал говоры Осташковского р-на (Копорский 1946: 33–34). Окончания мягкого склонения распространились в этих говорах не только на твердые основы

с одной стороны, и южнопсковскими и торопецко-селижаровскими кривичами, с другой, не было. Однако можно предположить заметное диалектное различие этих племенных ареалов в указанную эпоху: древнепсковская (севернопсковская) система а-склонения уже в XII–XIII в. отличалась от южнопсковско-селижаровской (§ 7.6).

на губные и зубные, но также и на основы на заднеязычные — например, род. *жанé, мукé, зямлé*, дат.-местн. *вады́, избы́, рукí, зямлí*. Однако, поскольку описание выполнено в русле «дифференциального подхода», неясно, являются ли данные формы исключительными или чередуются с формами с другими окончаниями. По материалам ДАРЯ, обратные системы в этом ареале — речь идет о материковых территориях к западу от оз. Селигер, а также прибрежных деревнях Березовского плеса оз. Селигер — существуют, см. карту 2.

Согласно С. А. Копорскому, «в Емельяновском, Старицком, Калининском, Оршинском и др. районах встречается только родительный падеж на *-е*, но и то не во всех случаях: *у сестре, с больной голове, около кассе, у карте*, но *пуд муки* и др.» (Копорский 1946: 34). С. А. Копорский считал обратные системы новгородской чертой, которая «ослабевает» на территориях к югу и юго-востоку. Это неверно, так как северная граница обратных систем проходит в основном южнее новгородской территории.

В современных говорах южнопсковско-селижаровской зоны представлены как «идеальная» обратная система (в оппозиции склонения парных твердых и мягких основ), так и частичные обратные системы, в которых твердое склонение имеет позиционный синкретизм по падежам.

Дальнейшее развитие обратных систем приводит, в частности, к парадоксальному результату, когда оппозиция окончаний мягкого склонения сохраняется в твердом склонении, а в мягком происходит синкретизм по {*ь*} или {*и*}.

В работах (Тер-Аванесова 1998; 2002; Абраменко 2000) подробно рассмотрена эволюция русских северо-западных систем по пути к частичному и полному синкретизму падежных окончаний, поэтому здесь мы этот вопрос затронем вкратце. Во многих южнопсковско-селижаровских говорах тенденция к синкретизму окончаний и влияние литературного языка привели к «смешанной» парадигме твердого склонения {*воды/водѣ=воды/водѣ*}. В ряде говоров под ударением представлено синкретическое окончание {*ы́*}, общее для род., дат. и местн. п., но сохраняется оппозиция безударного окончания род. п. {*ѣ*}, противопоставленного {*ы*} в дат. и местн. п. Также засвидетельствованы говоры с разными типами синкретизма падежных окончаний внутри каждого из склонений и синкретизмом окончаний одновременно по падежам и склонениям; подобные системы могут считаться развитием обратных.

Заметим, что если в 1940–1950-х гг. собиратели материалов ДАРЯ зафиксировали в южнопсковско-селижаровской зоне немало внутренне непротиворечивых систем, включая многочисленные обратные, то нашим экспедициям в 1990-х–2000-х гг. в основном пришлось довольствоваться искаженными системами, испытавшими сильное влияние стандартного языка. В отдельных случаях исконный вид таких деформированных систем удастся ре-

конструировать на основании статистической дистрибуции и при учете особенностей морфологии «культурных» слов (Абраменко 2000; Тер-Аванесова, Рыко 2004: 243, 250).

Модель выстраивания системы по парадигме мягкого склонения представляется несомненной. Эта модель прослеживается не только в обратных южнопсковско-селижаровских системах, в которых заимствование «мягких» окончаний твердым склонением очевидно, но и в севернопсковско-новгородском ареале (§ 8.2.6).

Приоритет парадигмы мягкого склонения во всем псковско-новгородском ареале может объясняться тем, что не только аффрикаты, шипящие спиранты, *j* и заднеязычные, но и губные согласные были фонологически нейтральными по твердости/мягкости, вследствие чего морфонологический набор основ твердого склонения сузился до основ на парные зубные согласные²¹ (§ 1.2).

Предположение о позднейшем происхождении обратных систем, исходящее из отсутствия их в ранних памятниках письменности, не имеет достаточных оснований — берестяные грамоты или рукописи, написанные на южнопсковском или торопецко-селижаровском диалекте, науке не известны²².

Не исключено, что по крайней мере в части ареала современным обратным системам предшествовала система с синкретизмом по {ы} окончаний в твердом склонении с проникновением окончания {ѣ} в род. п. и сохранением праславянской оппозиции в мягком²³:

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>воды (/водѣ)</i>	<i>землѣ</i>
Дат. и местн.	<i>воды</i>	<i>земли</i>

Ниже приводятся образцы обратных систем южнопсковско-селижаровского ареала. В вынесенных в заголовки формулах систем не учитывается склонение промежуточных словоизменительных типов (чаще всего основ на губные согласные).

²¹ Фонологизация оппозиции по твердости/мягкости развивалась в истории отдельных северо-западных диалектов, в частности в древненовгородском (Зализняк 2004: 78–80).

²² «Статистические» предложные системы в новгородских рукописях (Дыбо 1988; 1989) не являются обратными. Единичные обратные системы с предложно-родительным падежом в периферийных говорах могут быть объяснены как результат взаимодействия с системами другого типа (§ 5.7).

²³ Известны четыре говора (§ 5.4), имеющие синкретизм на {ы} в твердом склонении при праславянской оппозиции падежей в мягком. Возможно, что эти говоры сохранили, а не вторично развили «прототип» обратных южнопсковско-селижаровских систем.

5.3. Системы без полного синкретизма падежей мягкого склонения

{водѣ ⇔ воды} = {землѣ ⇔ земли}

5.3.1. Магрево Себежского р-на Псковской обл. (МДАРЯ Зап. 52, 1953 г.)

{ {водѣ (/воды) ⇔ воды} ⇔ {глинѣ ⇔ ?*глины} } ⇔ {землѣ/земли = земли}

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	мягкие, ? заднеязычные ²⁴
Род.	ударн.	{ѣ} - <i>ě</i> ²⁵ (⇔ {ы} - <i>ǫ</i>)	{ѣ} - <i>ě</i> ⇔ {и} - <i>ǫ</i>
	безударн.	{ѣ} - <i>и</i>	
Дат. и местн.	ударн.	{ы} - <i>ǫ</i>	{и} - <i>ǫ</i>
	безударн.		

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *жан'ѣ, с'астр'ѣ, гълав'ѣ* (⇔ *жаны, у жаны, у с'астры*)²⁶; безударн. *посл'ѣ работ'и, дл'ѣ каров'и*; дат.-местн. ударн. к *с'астры, г жаны, нѣ воды*.

Мягкое склонение: род. ударн. *б'ѣз радн'ѣ, р'ак'ѣ* ⇔ *б'ѣз з'амл'ѣ, б'ѣз радн'ѣ, дл'ѣ с'амѣ*; дат.-местн. ударн. *г з'амл'ѣ*.

5.3.2. Черноярво Опочецкого р-на Псковской обл. (МДАРЯ Зап. 2, 1947 г.)

{водѣ ⇔ воды} = {землѣ ⇔ земли}

Обратная система без колебаний в твердом склонении (основы на заднеязычный относятся к мягкому склонению), по-видимому, была характерна также для говора д. Черноярво, однако материал слишком скуден для однозначного вывода: род. *женѣ, корове*, дат., местн. *жены, коровы* ⇔ род. *землѣ, рукѣ*, дат. и местн. *землѣ, рукѣ*.

²⁴ Во многих говорах недостаток материала не позволяет с уверенностью «разложить» основы по склонениям. Во всех подобных случаях кардинальная система говора устанавливается по окончаниям зубных и мягких основ, а материал остальных основ является вспомогательным.

²⁵ В таблицах, описывающих диалектные системы, в фигурных скобках приводятся окончания в морфонологической записи; далее следуют их зафиксированные реализации в орфографии, принятой в записи данного говора. Через косую черту даются позиционно распределенные алломорфы (напр., -*ы/-и*), через запятую — фонетические или орфографические варианты (напр., -*е, -ѣ, -и*).

²⁶ Формы с -*е* помечены как «старшая норма».

5.3.3. Столбово Опочецкого р-на Псковской обл. (МДАРЯ Зап. 14, 1954 г.)

{ {водѣ/воды ⇔ воды} ⇔ {глинѣ ⇔ *глины} } ⇔ {земли/землѣ=землѣ}

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	мягкие, заднеязычные
Род.	ударн.	{ѣ} -ѣ ⇔ {ы} -ы́	{ѣ} -ѣ
	безударн.	{ѣ} -е, -ь, -и	{ѣ} -ь, -и
Дат. и местн.	ударн.	{ы} -ы́	{ѣ} -ѣ ⇔ {и} -и́
	безударн.	{ы} -ы	

Материал. Твердое склонение: род. ударн. с(ѣ)... *стѣран'ѣ* (2х), с *Маскв'ѣ* ⇔ *пос'л'ѣ вайны́, тако́й вышыны́*; безударн. *ат работ'ѣ, с-пѣд машы́н'е, б'ѣс см'атан'ѣ, мал'ин'е, скат'ин'е, с канáв'и, карóв'и, с карóв'ѣ*; дат.-местн. ударн. *в вады́, ф к'ислат'ѣ, аб жаны́, ф... стѣраны́, нѣ вайны́, в ызбы́*; безударн. *г з'и́мы*. Отклонение — род. п. *гл'и карóвы*.

Мягкое склонение: род. ударн. *з'амл'ѣ* (2х), *ат р'ак'ѣ*; безударн. *гл'и дарóг'и, ф... стару́шк'ѣ*; дат.-местн. ударн. *нѣ з'амл'ѣ, на... рук'ѣ* ⇔ *на... рук'и́*.

5.3.4. Ляпино б. Кудеверского р-на Псковской обл. (МДАРЯ Зап. 35, 1952)

{ водѣ ⇔ воды } = { землѣ ⇔ земли }

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Губное склонение	Мягкое склонение
		зубные	губные	мягкие, ? заднеязычные
Род.	ударн.	{ѣ} -ѣ		{ѣ} -ѣ
	безударн.	{ѣ} -и, -ь	{ѣ} -и	
Дат. и местн.	ударн.	{ы} -ы́	{ѣ} -ѣ ⇔ {ы} -ы́	{и} -и́
	безударн.		{ѣ} -и ⇔ {ы} -ы	

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *у жан'ѣ, с'астр'ѣ, у с'астр'ѣ*; безударн. *пос'л'и работ'и, у н'ав'ѣстк'ѣ*; дат.-местн. ударн. *нѣ вады́, к с'астры́, к казы́*.

Губное склонение: род. безударн. *гл'а карóв'и*; дат.-местн. ударн. *у тѣй изб'ѣ* ⇔ *к тѣй избы́*; безударн. *г ба́б'и* ⇔ *к карóвы, у... карóвы*.

Мягкое склонение: род. ударн. *дл'а свин'и́е, ат р'ак'ѣ*; дат.-местн. ударн. *к с'амий́*.

5.3.5. Волково б. Кудеверского р-на Псковской обл. (МДАРЯ Зап. 34)

{водѣ ↔ воды} = {землѣ ↔ земли}

Форма дат. ед. *г ба́б'и* с окончанием {и?} может свидетельствовать об особом статусе губных основ.

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	мягкие, заднеязычные
Род.	ударн.	{ѣ} -ѣ	{ѣ} -ѣ
	безударн.	{ѣ} -ь	{ѣ} -ь
Дат. и местн.	ударн.	{ы} -ы́	{и} -и́
	безударн.	{ы} -ы	

М а т е р и а л. Твердое склонение: род. ударн. *жан'ѣ*, у *с'астр'ѣ*, н'ѣт *с'астр'ѣ*, у *тѣй изб'ѣ*; безударн. *дл'а каров'ь*, у *бал'шѣй каров'ь*; дат.-местн. ударн. к *казы́*, к *с'астры́*, нъ *вады́*, к *тѣй избы́*; безударн. к *каровы́*, на *бал'шѣй каровы́* ↔ *г ба́б'и*.

Мягкое склонение: род. ударн. *дл'а свин'и́е*, ат *р'ак'ѣ*; безударн. н'ав'ѣстк'ь; дат.-местн. ударн. к *с'ам'и́и*.

5.3.6. Трубники Западнодвинского р-на Тверской обл. (МДАРЯ Зап. 106, 1952 г.)

{водѣ ↔ воды} = *{землѣ ↔ земли}

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Губное склонение	Мягкое склонение
		зубные	губные	мягкие, заднеязычные
Род.	ударн.	{ѣ} -ѣ	{ѣ} -ѣ	{ѣ} -ѣ
	безударн.	{ѣ} -и	{ѣ} -и, -ь	
Дат. и местн.	ударн.	{ы} -ы́	{ы} -ы́ ↔ {ѣ} -ѣ	{и} -и́/-ы́
	безударн.	{ы} -ы	{ѣ} -и	

М а т е р и а л. Твердое склонение: род. ударн. *с'астр'ѣ*, у *с'астр'ѣ*; безударн. з *работ'и*; дат.-местн. ударн. *ны быразды́*, *ны уары́*, к *в'асны́*, *ны жары́*; безударн. на *моды́*, *ны хварт'ѣры*, у *хаты́*, у *Адѣсы́*.

Губное склонение: род. ударн. *трав'ѣ*; безударн. з н'и́в'и, кыл *Таро́н'и*, ат *уца́д'б'ь*, с *ы́зб'и*; дат.-местн. ударн. у *Масквы́* ↔ *ѳр'ѣнна ѳылав'ѣ*; безударн. к *каров'и*, к *ры́б'и*.

Мягкое склонение: род. ударн. у *сах'ё*, с *р'ик'ё*; дат.-местн. ударн. у *душ'и*, к *р'и-к'и*, *пы р'ик'и*.

5.3.7. Высокое Кувшиновского р-на Тверской обл. (МДАРЯ Зап. 159, 1952 г.)

{водѣ ⇔ воды} = {землѣ ⇔ земли/землѣ}

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	мягкие, ? заднеязычные
Род.	ударн.	{ѣ} - <i>ё</i>	{ѣ} - <i>ё</i>
	безударн.	{ѣ} - <i>и</i>	{ѣ} - <i>и</i>
Дат. и местн.	ударн.	{ы} - <i>ы́</i>	{и} - <i>и́</i> ⇔ {ѣ} - <i>ё</i>
	безударн.	{ы} - <i>ы</i>	

Материал. Твердое склонение: род. ударн. дѣ *вайн'ё*, у *жан'ё*, у с' *астр'ё*, ат *т'ур'м'ё*; безударн. *насл'и работ'и*, б'аз *баб'и*, дл'а *каров'и*; дат.-местн. ударн. *на... стѣраны́*, нѣ *вады́*, в *ызбы́*; безударн. нѣ *работы́*.

Мягкое склонение: род. ударн. ат з' *амл'ё*, у *сах'ё*, у *снах'ё*; безударн. из д' *ар'ёв-н'и*; дат.-местн. ударн. ф *кваин'и* ⇔ в *ранн'ё*, к с' *аміё*.

5.3.8. Быки Пушкиногорского р-на Псковской обл. (МДАРЯ Зап. 5, 1949 г.)

{водѣ/воды ⇔ воды} = {землѣ ⇔ земли}

В говоре д. Быкі в твердом склонении обратная парадигма; исключение — местн. п. на с' *т'ан'ё*, возможно, с «литературным» окончанием. Основы на заднеязычный образуют особое склонение с синкретическим окончанием {ѣ}.

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Заднеязычное склонение	Мягкое склонение
		зубные, ? губные	заднеязычные	мягкие
Род.	ударн.	{ѣ} - <i>ё</i> ⇔ {ы} - <i>ы́</i>	{ѣ} - <i>ё</i>	{ѣ} - <i>ё</i>
	безударн.	{ѣ} - <i>е</i>		
Дат. и местн.	ударн.	{ы} - <i>ы́</i>	{ѣ} - <i>ё</i>	{и} - <i>и́</i>

Материал. Твердое склонение: род. ударн. у *жан'ё*, с' *астр'ё*, у с' *астр'ё* ⇔ *жаны́*; безударн. *пос'ла работ'е*, *гл'и каров'е*; дат.-местн. ударн. к с' *астры́*, к *жаны́*, на *вады́*.

Заднеязычное склонение: род. ударн. *у снах'ё, ат р'ак'ё*; дат.-местн. ударн. *нъ р'ак'ё*.

Мягкое склонение: род. ударн. *б'из з'амл'ё, гл'и с'амйё, б'из рани'ё*; дат.-местн. ударн. *к з'амл'й, в ради'й, к с'ам'йй*.

5.3.9. Богозино Невельского р-на Псковской обл. (МДАРЯ Зап. 286, 1952 г.).

{ {воды ⇔ воды} ⇔ {глинѣ ⇔ глины} } ≈ {землѣ ⇔ земли}

В говоре д. Богозино окончания мягкого склонения имеют праславянскую оппозицию. В твердом склонении окончания под ударением обобщены, а безударные окончания распределены по обратному принципу: *-ё в род. п. и *-у в местном (исключение — местн. п. у *хат'и*, видимо, инодиалектная форма).

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	мягкие, ? заднеязычные
Род.	ударн.	{ ы } -ы́	{ ѣ } -ё
	безударн.	{ ѣ } -и	
Дат. и местн.	ударн.	{ ы } -ы́	{ и } -й́
	безударн.	{ ы } -ы	

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *жаны́, касы́, вады́, дъ вайны́, дл'ь пл'иты́, у пл'иты́, з уары́*; безударн. *хат'и, с'йл'и, работ'и, рыб'и* (2×), *каров'и*; дат.-местн. ударн. *нъ вайны́, у вады́, на той уары́, в Масквы́, к с'астры́, нъ скъвърады́, нъ пл'иты́, нъ с'т'аны́, к тей стъраны́*; безударн. *ув аднэй бр'иуаты* [sic], *ув ётйй ко́м-ныты́, у ры́бы*.

Мягкое склонение: род. ударн. *з'амл'ё, мук'ё* (2×), *у дачк'ё*; дат.-местн. ударн. *у з'амл'й, у тей с'ам'йй*.

5.3.10. Козловка Торопецкого р-на Тверской обл. (МДАРЯ Зап. 93, 1953 г.).

{ {водѣ/воды ⇔ воды} } ≈ {глины=глины} } ⇔ {землѣ=земли/землѣ}

В говоре д. Козлѡвка в твердом склонении частичная обратная система, в мягком (по которому изменяются и основы на заднеязычный) — праславянская система с проникновением {ѣ} в дат.-местн. п. Отклоняются формы род. п. *дл'а карѡв'и*, местн. п. *в пѡхѣт'ь* и *в гѡлав'ё*.

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	мягкие, заднеязычные
Род.	ударн.	{Ѣ} -ѣ ⇔ {ы} -ы́	{Ѣ} -ѣ
	безударн.	{ы} -ы	{Ѣ} -ы
Дат. и местн.	ударн.	{ы} -ы́	{и} -и/-ы ⇔ {Ѣ} -ѣ
	безударн.	{ы} -ы	

Материал. Твердое склонение: род. ударн. у с'астрѣ, у жан'ѣ, посл'ѣ вайн'ѣ, с Маскв'ѣ ⇔ с вайны, вайны́, ат вады́, ат с'т'аны́, травы́, ат ызбы́; безударн. л'ітры, с'ілы, н'ар'іны, мал'іны, по́сл'ѣ рабо́ты, дл'а каро́вы; дат.-местн. ударн. нѣ... стараны́, нѣ с'н'іны, к с'т'аны́, нѣ вайны́, нѣ вады́, г жаны́, нѣ гары́, в т'ьмнаты́, в фаты́, к (в) Масквы́, в ызбы́, в т'ур'мы́, в г'явы́; безударн. к н'ав'ѣсты, Іры, нѣ квар-т'іры, в пахаты, нѣ р'аз'іны, на рабо́ты, нѣ ахо́ты; к ма́мы, каро́вы, нѣ каро́вы, в це́рквы, в Варшáвы, на жо́пы.

Мягкое склонение: род. ударн. б'ѣз з'амл'ѣ; ѣт р'ак'ѣ, кѣл' р'ак'ѣ, мук'ѣ; безу-дарн. вад'іцы, муч'іцы; дат.-местн. ударн. нѣ м'ажы́, в шалух'і ⇔ з'амл'ѣ, к с'ам'јѣ.

5.4. Системы с синкретизмом по {ы} в твердом склонении

5.4.1. Юринки Торопецкого р-на Тверской обл. (МДАРЯ Зап. 82, 1952 г.)

{воды ⇔ воды} ⇔ {землѣ=земли}

Зубные и губные основы имеют синкретизм по {ы}, заднеязычные по {Ѣ}, но мягкие основы сохраняют праславянские окончания.

Падеж	Оконча- ние	Твердое склонение	Заднеязычное склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	заднеязычные	мягкие
Род.	ударн.	{ы} -ы́	{Ѣ} -ѣ	{Ѣ} -ѣ
	безударн.	{ы} -ы	{Ѣ} -и	
Дат. и местн.	ударн.	{ы} -ы́	{Ѣ} -ѣ	{и} -і́
	безударн.	{ы} -ы	{Ѣ} -и	{и} -и/-ы

Материал. Твердое склонение: род. ударн. у с'астры́, у жаны́, травы́; безу-дарн. по́сл'ѣ и рабо́ты, б'ас с'ілы, рыбы, гл'а каровы́; дат.-местн. ударн. к с'астры́, нѣ вайны́, в ызбы́, ѣ т'юр'мы́; безударн. ѣ канто́ры, на ваты́, нѣ рабо́ты, ѣ ко́мнаты.

Заднеязычное склонение: род. ударн. мук'ѣ, сах'ѣ, с (кыл) р'ак'ѣ; безударн. н'іт-к'и; дат.-местн. ударн. нѣ р'ак'ѣ; безударн. ѣ п'аѣк'и.

Мягкое склонение: род. ударн. з'амл'ё, ат з'амл'ё; дат.-местн. ударн. нъ з'амл'и; безударн. ѱ Кун'и, ѱ куз'н'ицы.

5.4.2. Шарыгино б. Серезинского р-на Великолукской обл.

(МДАРЯ Зап. 85, 1954 г.)

{воды=воды} ⇔ {землѣ⇔земли}

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Заднеязычное склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	заднеязычные	мягкие
Род.	ударн.	{ы} -ы́	{ѣ} -ё ⇔ {и} -и́	{ѣ} -ё
	безударн.	{ы} -ы		
Дат. и местн.	ударн.	{ы} -ы́	{ѣ} -ё ⇔ {и} -и́	{и} -и́
	безударн.	{ы} -ы	{ѣ} -е	{и} -ы

М а т е р и а л. Твердое склонение: род. ударн. з гары́, у с'астры́, б'ады́, вады́; безударн. рабóты, ат рабóты, пóсл'и р'афóрмы; дат.-местн. ударн. нъ вайны́, пъ вады́, пъ расы́, на дра́твы́, в... избы́, нъ избы́, аба т'мы́, в Масквы́; безударн. нъ квар-т'иры́, к мамы́. Отклонение — местн. ф стран'ё.

Заднеязычное склонение: род. ударн. б'ѣз наг'ё, у сах'ё, мук'ё ⇔ с мук'и́; дат.-местн. ударн. к р'ак'и́, пъ наг'и́ ⇔ пъ р'ак'ё; дат.-местн. безударн. г дóч'к'е.

Мягкое склонение: род. ударн. ат шащуйё ('чешуя'), з'амл'ё; дат.-местн. ударн. на з'имл'и́, к суд'и́; безударн. г Дáшы.

5.4.3. Кузёмкино Холмского р-на Великолукской обл.

(МДАРЯ Сев.-Зап. 272, 1948 г.)

{воды=воды} ⇔ {землѣ/земли ⇔земли}

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	мягкие, заднеязычные
Род.	ударн.	{ы} -ы́	{ѣ} -ё ⇔ {ѣ} -и́
	безударн.	{ы} -ы	{ѣ~и} -и
Дат. и местн.	ударн.	{ы} -ы́	{и} -и́

М а т е р и а л. Твердое склонение: род. ударн. в жены́, с'естры́, ф с'естры́; безу-дарн. пóсл'е рабóты, дл'а карбóвы; дат.-местн. ударн. к с'естры́, г жены́, нъ вады́.

Мягкое склонение: род. ударн. б'ѣз з'емл'ё, дл'а с'ем'и́ё, ат р'ек'ё ⇔ б'ѣз ран'-н'и́, ф снах'и́; безударн. з д'ер'ѣвн'и; дат.-местн. ударн. г з'емл'и́, в ран'н'и́, к с'емий́.

5.4.4. Кожеки Велижского р-на Смоленской обл. (МДАРЯ Зап. 298, 1950 г.){ воды=воды } $\Leftrightarrow$ { землѣ/земли $\Leftrightarrow$ земли }

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	мягкие, заднеязычные
Род.	ударн.	{ ы } - <i>ьí</i>	{ ѣ } - <i>ě</i> $\Leftrightarrow$ { ѣ } - <i>í</i>
	безударн.	{ ы } - <i>ьí</i>	{ ѣ~í } - <i>и</i>
Дат. и местн.	ударн.	{ ы } - <i>ьí</i>	{ и } - <i>í</i>

М а т е р и а л. Твердое склонение: род. ударн. *жаны́, у жаны́, с'астры́, у с'астры́*; безударн. *пос'л'ь рабо́ты, дл'а каро́вы*; дат.-местн. ударн. *к с'астры́, к жаны́, нъ вады́*.

Мягкое склонение: род. ударн. *б'из з'амл'е́, дл'а с'амйе́, ат р'ак'е́* $\Leftrightarrow$ *б'из ран'н'í, у снах'и́*; безударн. *из д'ир'е́ун'и*; дат.-местн. ударн. *к з'амл'и́, у радн'и́, к с'амйи́*.

5.5. Системы с синкретизмом мягкого склонения по форме родительного падежа (-ѣ)

{ водѣ/воды $\Leftrightarrow$ воды } $\Leftrightarrow$ { землѣ=землѣ }

Почти во всех подобных системах в твердом склонении наблюдается частичный синкретизм по окончанию { ы }, чем достигается противопоставление твердого склонения мягкому. Стоит отметить, что «чистый» синкретический тип { воды $\Leftrightarrow$ воды } $\Leftrightarrow$ { землѣ=землѣ } в южнопсковско-селижаровском ареале не отмечен.

5.5.1. Кривицы Невельского р-на Псковской обл. (МДАРЯ Зап. 53, 1952 г.){ { водѣ $\Leftrightarrow$ воды } $\Leftrightarrow$ { глѣнѣ=глѣнѣ } } $\Leftrightarrow$ { землѣ=землѣ }

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	мягкие, ? заднеязычные
Род.	ударн.	{ ѣ } - <i>ě</i>	{ ѣ } - <i>ě</i>
	безударн.	{ ѣ } - <i>ь, -и</i>	
Дат. и местн.	ударн.	{ ы } - <i>ьí</i>	{ ѣ } - <i>ě</i>
	безударн.	{ ѣ } - <i>ь</i>	

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *юдол' с'т'ан'э*, *у жан'э*, *з з'им'э*, *улав'э*; безударн. *дл'ь скат'ин'ь*, *дл'ь каров'ь*, *з р'эн'и*, *Марх'и*; дат.-местн. ударн. *нъ расы́*, *к с'астры́*, *нъ пъласы́*, *ў капы́*; безударн. *к каров'ь*.

Мягкое склонение: род. ударн. *з'амл'э*; *мук'э*; дат.-местн. ударн. *нъ з'амл'э*.

5.5.2. Концеборье Западновинского р-на Тверской обл., 1995 г.

{водѣ/воды ⇔ воды} ⇔ *{землѣ=землѣ}

В д. Концеборье (информант М. С. Иванова, 1926 г. р., запись А. И. Рыко и Ю. В. Стрельниковой, 1995) обратная система твердого склонения. В склонении основ на заднеязычный синкретизм по общему окончанию {ѣ} (за одним исключением в род. п.); заднеязычные основы предположительно изменяются по мягкому склонению. Реальное соотношение форм в материале (в скобки заключены немногочисленные отклонения):

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	мягкие, заднеязычные
Род.	ударн.	{ѣ} -é ⇔ {ы} -bí 4х 3х	{ѣ} -é (⇔ {и} -í) 8х (1х)
	безударн.	{ѣ} -il-e ⇔ {ы} -ы 9х 2х	
Дат. и местн.	ударн.	{ы} -bí (⇔ {ѣ} -é) 12х (1х)	{ѣ} -é 9х
	безударн.	{ы} -ы 5х	

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *b'is can'é*, *z ĵar'é*, *yd žar'é*, *n'ét byl'é* ⇔ *jadý*, *pós'li vajný* (2х); безударн. *kartóšyn'i*, *da škól'e*; *v karón'i* (2х), *ryb'i tón'ut*, *tówl'a ryb'i*, *ikrá v ryb'e*, *páp'i*, *u páp'i* ⇔ *z b'ar'ózy*, *s rabóty*; дат.-местн. ударн. *py takój caný* (2х), *pyďan'áic' k caný*, *py žarý*, *f kakój styraný*, *ny skyvyradý*, *ny vadý*, *v vadý*, *v étyj iyrý*, *ny iýty*, *v Zápydnyj Ž'v'íny*; *k ызbý*; безударн. *ny b'a-r'ózy* (2х), *f kakój-n'ibuc' rasúž'íny*, *w skac'íny*; *g žaby*. Отклонение — местн. п. *v zal'é*.

Мягкое склонение: род. ударн. *muk'é*, *z muk'jé*, *z b'étyj muk'é*, *na sátym b'ir'ayú r'ak'é* (2х), *zza r'ak'é*, *n'ét r'ak'é*, *u pluy'é* (им. *pluyá*) ⇔ *v r'ak'í*; дат.-местн. ударн. *v z'aml'é*, *k radn'é*; *k s's'ay'é* (*s's'ayá* 'тропинка'), *py r'ak'é*, *ny blax'é*, *v ruk'é*, *ny r'ak'é* (2х), *v r'ak'é*.

В таблице не учтены формы «разносклоняемого» слова *церква/церковь*: *cér'kv'i n'etu* (им. п. *cér'kva*). Следующие слова, по-видимому, имеют «литературные» окончания: *ny tašyn'i*; *v škól'i*.

Исключениями из обратной системы являются также примеры, полученные при фронтальном опросе по фонетической программе (информант повторяет литератур-

ные формы за собирателями). В этом случае информант повторял формы с «литературными» окончаниями: род. *ad žarǫ́*; дат. *iž'ót k svajěj žan'ě*; *múxa patz'ót py iyl'ě*; *py iyl'ě móžna skyzác' i py iyl'ě*; *g drugój žáb'ě*; местн. *v vaz'ě*; *s'iz'ít čyľav'ěk v ызb'ě*; *v ját'ě* (3х). Эти примеры, а также «наведенные» диалектные формы, т. е. повторенные информантом за собирателем, сознательно подсказывающим ожидаемые диалектные формы (*pa iyl'ě*; *pydašót k ызb'ě*; *pydašót k jámy*), в таблице не учтены.

5.5.3. Холм Западнодвинского р-на Тверской обл. (МДАРЯ Зап. 124, 1952 г.)

{ {воды=воды} ⇔ {глинѣ/глины ⇔ глины} } ⇔* {землѣ=землѣ}

Обратная система в твердом склонении определяется по формам род. п. с безударным окончанием {ѣ}. Отдельное склонение имеют губные основы.

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Губное склонение	[Мягкое склонение]
		зубные, губные	губные	заднеязычные
Род.	ударн.	{ы} - <i>ьí</i>	{ѣ} - <i>э</i> ⇔ {ы} - <i>ьí</i>	{ѣ} - <i>э</i>
	безударн.	{ѣ} - <i>и</i> ⇔ {ы} - <i>ы</i>	{ѣ} - <i>и</i> ⇔ {ы} - <i>ы</i>	{ѣ} - <i>и, -е</i>
Дат. и местн.	ударн.	{ы} - <i>ьí</i>	{ы} - <i>ьí</i>	{ѣ} - <i>э</i>
	безударн.	{ы} - <i>ы</i>	{ѣ} - <i>и</i> (⇔ {ы} - <i>ы</i>)	

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *састры́*, у *с'астры́*, *пóсл'и вайны́*, *ад жаны́*, *дъ Дв'ины́*; безударн. *ат машы́н'и*, *н'эт св'о́кл'и* ⇔ *с рабóты*, *стáр'ий Х'о́хлы*, *рассáды*; дат.-местн. ударн. *нъ вайны́*, *нъ ур'ады́*, в *Зáп'ынн'ий Дв'ины́*, у *Дв'и-ны́*, *нъ сп'ины́*, к *с'астры́*, *па цýл'ины́*; безударн. к *н'ав'эсты*, *аддáм скат'ины́*, на *машы́ны*, у *бр'иуáды*, *нъ хват'эры*.

Губное склонение: род. ударн. *с Маскв'э*, *дъ Маскв'э* ⇔ *избы́*, *прóт'иу́ избы́*; безударн. *б'ѣс карóв'и*, *карóв'и* ⇔ *с рыбы́*, *усáд'бы*, *салóмы*; дат.-местн. ударн. у *избы́*, *нъ избы́*, *г з'имы́*, к *йайэ избы́*, *нъ канвы́*, *нъ травы́*, у *травы́*, *нъ у́лавы́*; безударн. *нъ карóв'и*, *ры́б'и*. Отклонение — местн. п. у *цёрквы*.

[Мягкое склонение]: род. ударн. *р'ак'э*, *с р'ик'э*, *н'эт мук'э*, *б'э́льй мук'э*; безударн. *ат р'эч'к'и*, у *стару́х'е*; дат.-местн. ударн. к *р'ак'э*, *нъ р'ак'э*.

5.5.4. Лотоково Торопецкого р-на Тверской обл. (МДАРЯ Зап. 61, 1952 г.)

{ {воды=воды} ⇔ {глинѣ/глины ⇔ глины} } ⇔* {землѣ=землѣ}

В говоре д. Лотóково обратная система проявляется только в формах твердого склонения с безударными окончаниями (род. п. на {ѣ}, дат. и местн. на {ы}, исключение — род. п. *бáбы*). В мягком склонении синкретизм по {ѣ}.

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	мягкие, заднеязычные
Род.	ударн.	{ ы } -ы	{ Ъ } -é
	безударн.	{ Ъ } -и ⇔ { ы } -ы	
Дат. и местн.	ударн.	{ ы } -ы́	{ Ъ } -é
	безударн.	{ ы } -ы	{ Ъ } -ы

М а т е р и а л. Твердое склонение: род. ударн. с'астры́, ат, у с'астры́, жаны́, у жаны́; безударн. по́с'л'и рабо́т'и, дл'а каро́в'и ⇔ ба́бы; дат.-местн. ударн. к ка́пны, к гра́зы, нъ вайны́, нъ жары́, нъ стъраны́, нъ травы́, в ызбы́; безударн. в п'ахоты́, нъ машы́ны, ф карз'ыны́, к ма́мы.

Мягкое склонение: род. ударн. б'из' з'амл'э́, б'из радн'э́, дл'а с'амйэ́; с мук'э́, кыл р'ак'э́; дат.-местн. ударн. св'ин'йэ́; безударн. в ро́жы.

5.5.5. Селехово Пеновского р-на Тверской обл. (2003 г.)

*{ { воды́ = водо́й } ⇔ { глинѣ ⇔ глины́ } } ⇔ { землѣ = землѣ }

Говор д. Селехово (информант Ма́ринова Вера Васильевна, 1920 г. р., записали М. Н. Толстая, С. Л. Николаев, 2003).

В говоре последовательно различаются три склонения — твердое (склонение основ на твердые парные зубные согласные), склонение на губные согласные и мягкое склонение, к которому относятся основы на исконно мягкие и заднеязычные согласные. Обратная система представлена в склонении на губные согласные при безударных окончаниях, твердое и мягкое склонения синкретичны. Окончание { ы́ } реализуется как [ы́] или [ɨ́]; безударное окончание { Ъ } — как [i], [ɛ] после мягких и [ы], [i] после твердых согласных.

Падеж	Оконча- ние	Твердое склонение	Губное склонение	Мягкое склонение
		зубные	губные	заднеязычные, мягкие
Род.	ударн.	{ ы } -ы́, -ѣ	{ ы } -ы́	{ Ъ } -é
	безударн.	{ ы } -ы	{ Ъ } -i	{ Ъ } -i
Дат. и местн.	ударн.	{ ы } -ы́, -ѣ	{ ы } -ы́	
	безударн.	{ ы } -ы	{ ы } -ы	{ Ъ } -ɛ, -i / ы

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *vadý*, -ѣ (2×), *s vajný* (2×), *dъ vajný* (2×), *pós'ŕ'ъ vajný* (5×), *s' étj b'adý*, *kъl'adъ n'etu*, *z z'v'azdý dъ z'v'azdý*; безударн. *sa škúgy*, *mašyны n'et*, *dъ raboty*, *s raboty*, *sv'in'íny*; дат.-местн. ударн. *na étj vajný*, *nъ vajný* (4×), *v zalý*; безударн. *nъ kvart'éry* (2×).

Губное склонение: род. ударн. *iz gъlavý*, *s Maskvý*; безударн. *u tám'i*, *u ráp'i s támj*, *karón'ъ*, *n'í karón'ъ*; дат.-местн. ударн. *v ызbý*; безударн. *f cёрквы*, *f tój cёрквы*, *u gr'il'óws'kъj cёрквы*, *f kakój slúžby*, *na étj p'ilarámy*, *na f'írty* 'на ферме'.

Мягкое склонение: род. ударн. *n'í avcé*; *muk'é* (2×); безударн. *s tój d'ar'ěwn'i*, *da étj d'ar'ěwn'i*, *s ár'm'ii*, *s kud'él'i*, *n'ikakój pótmšš'i*, *pós'ŕ'i más'l'ьn'ícy*, *pъs'ar'ót úl'ícy*, *n'í kúr'ícy*; *u báp'k'i*, *balánděč'k'i* (2×), *s' p'ěč'k'i* (2×), *u étj haz'áj'k'i*, *ryb'ink'i dás'c'*, *s afč'ink'i*, *v'ér'b'ьč'k'i*, *tabl'ětk'i n'et*, *v adnój dóc'k'i*, *kartóš'k'i* (2×), *s kartóš'k'i*, *kartóf'ink'i* (2×); дат.-местн. безударн. *u d'ar'ěwn'i*, *u báj'n'i*, *na pén's'ii* (5×), *v ár'm'ii* (4×), *v bal'n'ícy*; *u jétj kъl'atúš'k'i*, *f trudavój kn'íšk'i*, *pъ trudavój kn'íšk'i*, *na p'ěč'k'i*, *f p'ěč'k'i*, *f k'ěpk'i*, *k ыkón'k'i*, *v m'átk'i*, *sus'ětk'ę*, *vnúč'k'i*.

5.5.6. Красное Пеновского р-на Тверской обл. (МДАРЯ Зап. 112, 1953 г.)

{ {водѣ=воды/водѣ} ⇔ {глинѣ ⇔ глины/глинѣ} ⇔ {землѣ=землѣ} }

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	мягкие, ? заднеязычные
Род.	ударн.	{ѣ} -ѣ	{ѣ} -ѣ
	безударн.	{ѣ} -и	
Дат. и местн.	ударн.	{ы} -ы ⇔ {ѣ} -ѣ	{ѣ} -ѣ
	безударн.	{ы} -ы ⇔ {ѣ} -и	{ѣ} -и/-ы

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *шпан'э*, *бъран'э*, *с вайн'э*, с... *стан'э*; *трав'э* (2×), *изб'э*, *с изб'э*, *с Маскв'э*; безударн. *парод'и*, *ат парод'и*, *с'в'окл'и*, *кул'тур'и*, *мод'и*, *с работ'и*, *ат с'ил'и*, *у Кул'ин'и*; *ат луч'ин'и*, *фóрм'и*; дат.-местн. ударн. *к в'аснѣ*, *на вадѣ*; *у избѣ* ⇔ *к ст'ан'э*, *на гар'э*; *на (на) изб'э*, *в Маскв'э*, *в изб'э*; безударн. *на кватэры* ⇔ *на сп'ин'и*, *карóв'и*, *на н'ів'и*.

Мягкое склонение: род. ударн. *св'ин'н'э*, *у с'в'ин'н'э*, *з'амл'э*; *мук'э*; дат.-местн. ударн. *с'в'ин'н'э*; *к снах'э*; безударн. *на з'эмл'и*, *на ўл'ицы* (2×); *на избўшк'и*, *на п'еч'к'и*, *в рубáх'и*.

5.5.7. Снегири Оленинского р-на Тверской обл. (МДАРЯ Зап. 92, 1952 г.)

{ воды/водѣ ⇔ воды } ⇔ { землѣ ⇔ землѣ }

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	мягкие, заднеязычные
Род.	ударн.	{ѣ} -ѣ ⇔ {ы} -ѣ́	{ѣ} -ѣ́
	безударн.	{ы} -ѣ	
Дат. и местн.	ударн.	{ы} -ѣ́	{ѣ} -ѣ́
	безударн.	{ы} -ѣ	

М а т е р и а л. Твердое склонение: род. ударн. *дѣ вайн'ѣ ⇔ дѣ вайны́*; безударн. у *каровы́*; дат.-местн. ударн. к *казы́*, нѣ *вады́*, нѣ *жары́*; у *Масквы́*, у *Жукапы́*, нѣ *гълавы́*; безударн. у *газ'ѣты*, нѣ *работы́*, ф *школы́*; па *учобы́*, у *йáмы*.

Мягкое склонение: род. ударн. у *св'ин'ѣ́*, з'амл'ѣ́ (2х), з з'амл'ѣ́; *сах'ѣ́*, *мук'ѣ́*, *кълѣ́* р'ак'ѣ́, зл'и р'ак'ѣ́; дат.-местн. ударн. к з'амл'ѣ́, к с'амйѣ́, к св'ин'йѣ́; нѣ *наг'ѣ́*.

5.6. Обратные системы с синкретизмом падежей мягкого склонения по форме дат.-местн. п. {и}

Общей чертой этих систем является противопоставление склонения основ на заднеязычные мягким основам. Мягкие основы имеют синкретизм по {и}, заднеязычные по крайней мере в род. п. имеют окончание {ѣ}.

В говорах д. Машихино и Егорье отмечена система с обратной парадигмой твердого склонения и обобщением окончания -и в мягком. В твердом склонении также наблюдается тенденция к обобщению окончания {ы}. В склонении губных и заднеязычных основ отмечено только окончание род. п. {ѣ}. Развитие систем этих говоров представляется независимым параллелизмом ввиду того, что эти говоры находятся в противоположных концах южно-псковско-селижаровской зоны.

5.6.1. Машихино Себежского р-на Псковской обл. (МДАРЯ Зап. 24, 1953 г.)

{ водѣ/воды ⇔ воды } ⇔ { земли=земли }

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, ? губные, ? заднеязычные	мягкие
Род.	ударн.	{ѣ} -ѣ ⇔ {ы} -ѣ́	{и} -ѣ́
	безударн.	{ѣ} -и	
Дат. и местн.	ударн.	{ы} -ѣ́	{и} -ѣ́

М а т е р и а л. Твердое склонение: род. ударн. у жан'ё, у с'астр'ё, ат жар'ё, ат р'ак'ё ⇔ жаны́, с'астры́; безударн. по́с'л'а рабо́т'и, дл'ь каро́в'и; дат.-местн. ударн. к с'астры́, жаны́, нъ уары́, нъ жары́.

Мягкое склонение: род. ударн. б'ьс с'амий́, дл'ь радн'и́; дат.-местн. ударн. с'амий́, радн'и́, нъ з'амл'и́.

5.6.2. Ново-Никольское Нелидовского р-на Тверской обл.

(МДАРЯ Зап. 153, 1952 г.)

{ {воды́=воды́} ⇔ {гли́нѣ ⇔ гли́ны/гли́нѣ} ⇔ {земли́=земли́} }

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Губное склонение	Заднеязычное склонение	Мягкое склонение
		зубные	губные	заднеязычные	мягкие
Род.	ударн.	{ы} -ы́		{ѣ} -ё́	{и} -и́
	безударн.	{ѣ} -и	{ѣ} -и	{ѣ} -и	{и} -и
Дат., местн.	ударн.	{ы} -ы́	{ы} -ы́		{и} -и́
	безударн.	{ы} -ы ⇔ {ѣ} -и	{ѣ} -и		

М а т е р и а л. Твердое склонение: род. ударн. по́с'л'и вайны́, дл'и казы́, с'астры́; безударн. по́с'л'и рабо́т'и; дат.-местн. ударн. к с'астры́, к (нъ) вады́, нъ пъласы́, нъ ст'аны́; безударн. на (у) ко́мнаты, нъ ар'ёшыны.

Губное склонение: род. безударн. дл'а каро́в'и; дат.-местн. ударн. у Масквы́, нъ (к) избы́; безударн. к каро́в'и.

Заднеязычное склонение: род. ударн. ад дуу'ё, ат (э) р'ик'ё, ат цах'ё, з мук'ё, з р'ик'ё; безударн. жо́нк'и, у жо́нк'и, у н'ив'ёстк'и.

Мягкое склонение: род. ударн. дл'а с'амий́, дл'а з'амл'и́; безударн. з д'ир'ёун'и; дат.-местн. ударн. к с'амий́, нъ з'амл'и́.

5.6.3. Ёсцы Холмского р-на Новгородской обл. (МДАРЯ Зап. 81)

{ {воды́/водѣ́=воды́} ⇔ {гли́нѣ ⇔ гли́ны} } ⇔ {земли́=земли́} }

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные, заднеязычные	мягкие
Род.	ударн.	{ѣ} -ё́ ⇔ {ы} -ы́	{и} -и́
	безударн.	{ѣ} -и ⇔ {ы} -ы	{и} -и
Дат. и местн.	ударн.	{ы} -ы́	{и} -и́
	безударн.	{ы} -ы	{и} -и

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *дѣ вайн'ѣ; у снах'ѣ, ат р'ак'ѣ, ат рук'ѣ, рук'ѣ, мук'ѣ* $\Leftrightarrow$ *жаны, у жаны, с'астры, у с'астры*; безударн. *пос'л'и работ'и; б'ас палк'и* $\Leftrightarrow$ *каровы*; дат.-местн. ударн. *к с'астры, к жаны, нѣ вады, нѣ вайны; к з'имы, в ызбы, в гълавы*; безударн. *З'инайды, нѣ газ'ѣт'ины, нѣ кварт'ѣры, ѱ школы, ѱ хаты; мамы, на н'івы*.

Мягкое склонение: род. ударн. *б'из з'амл'і; безударн. из д'ар'ѣвн'и, из бány; дат.-местн. ударн. к з'амл'і, в радн'і, к с'ам'ій; безударн. нѣ д'ар'ѣвн'и*.

5.6.4. Егорье Кувшиновского р-на Тверской обл. (МДАРЯ БСТ, I:158)

{водѣ/воды $\Leftrightarrow$ воды} $\Leftrightarrow$ {земли=земли}

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, ? губные, ? заднеязычные	мягкие
Род.	ударн.	{Ѣ} -ѣ $\Leftrightarrow$ {ы} -ы́	{и} -і́
	безударн.	{ы} -ы $\Leftrightarrow$ {Ѣ} -е	
Дат. и местн.	ударн.	{ы} -ы	{и}

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *у с'астр'ѣ, вайн'ѣ, жын'ѣ, у снах'ѣ* $\Leftrightarrow$ *у жыны, с'астры, ат р'ик'і; безударн. посл'и работы* $\Leftrightarrow$ *дл'и каров'е*; дат.-местн. ударн. *к с'астры, к жаны, нѣ вады, в гары; безударн. З'инайды, нѣ газ'ѣт'ины, нѣ кварт'ѣры, ѱ школы, ѱ хаты, мамы, на н'івы*.

Мягкое склонение: род. ударн. *б'из з'амл'і, дл'и с'амій; дат.-местн. ударн. к з'амл'і, к с'амій*.

5.7. Обратные системы с предложно-родительным падежом

5.7.1. Горки Луковниковского р-на Калининской обл. (МДАРЯ Зап. 162, 1952 г.)

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, ? губные	мягкие, заднеязычные
Род.	ударн.	{ы} -ы́	{Ѣ} -ѣ
Предл.- род.	ударн.	{Ѣ} -ѣ	{Ѣ} -ѣ
	безударн.	{Ѣ} -и	
Дат. и местн.	ударн.	{ы} -ы́	{Ѣ} -ѣ
	безударн.	{ы} -ы	

М а т е р и а л. Твердое склонение: род. ударн. *жаны́, с'астры́*; предл.-род. ударн. *у жы́н'ё, у с'истр'ё, с вайн'ё*; безударн. *пóсл'е рабóт'и, дл'а карóв'и*; дат.-местн. ударн. *к с'астры́, нъ в'асны́, на то́ј стъраны́; нъ з'имы́, на гълавы́, в Масквы́, к ызбы́, нъ избы́*; безударн. *на ба́ри'ины, к ма́мы, г ба́бы*. Отклонение — род. *из ызбы́* (особое склонение губных основ?).

Мягкое склонение: род. ударн. *з'имл'ё; р'ик'ё*; предл.-род. ударн. *ад з'имл'ё, б'из радн'ё, дл'а с'им'јё; из р'ик'ё, у снах'ё*; дат.-местн. ударн. *к рани'ё, к с'имјё*.

5.7.2. Бородино Торжокского р-на Тверской обл. (МДАРЯ Зап. 163, 1953 г.)

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, ? губные, ? заднеязычные	мягкие
Род.	ударн.	{ ы } -ы́	
Предл.- род.	ударн.	{ Ъ } -ё́	{ и } -и́
	безударн.	{ Ъ } -и	
Дат. и местн.	ударн.	{ ы } -ы́	{ и } -и́
	безударн.	{ ы } -ы	

М а т е р и а л. Твердое склонение: род. ударн. *жаны́, с'астры́*; предл.-род. ударн. *у с'истр'ё, у жы́н'ё; у снах'ё, ат р'ик'ё*; безударн. *пóсл'и рабóт'и*; дат.-местн. ударн. *к с'астры́, к жаны́, нъ вады́*; безударн. *нъ кварти́ры, нъ уса́д'бы*. Отклонение — *дл'ь карóвы* (особое склонение губных основ?).

Мягкое склонение: предл.-род. ударн. *б'ыз з'имл'и́, б'ыз радн'и́*; дат.-местн. ударн. *к з'амл'и́, в радн'и́, к с'им'ий*.

5.8. Системы южнопсковско-селижаровской зоны со сложным синкретизмом окончаний

Разрушение обратных систем зачастую приводит к возникновению систем со сложным синкретизмом. Приведем несколько примеров из южнопсковско-селижаровского ареала.

5.8.1. Шеменец Пустошкинского р-на Псковской обл. (МДАРЯ Зап. 45, 1953 г.)
 { {водѣ/воды ⇔ воды/водѣ} ⇔ {землѣ = землѣ} }

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	мягкие, заднеязычные
Род.	ударн.	{ѣ} -ѣ ⇔ {ы} -ѣ́	{ѣ} -ѣ
	безударн.	{ѣ} -ѣ ⇔ {ы} -ѣ́	
Дат. и местн.	ударн.	{ы} -ѣ́ ⇔ {ѣ} -ѣ	{ѣ} -ѣ
	безударн.	{ы} -ѣ́ ⇔ {ѣ} -ѣ	

Материал. **Твердое склонение:** род. ударн. у... с'т'ан'ѣ; ат ызб'ѣ, из (с) Маск-в'ѣ ⇔ пос'л'ѣ вайны́, у жаны́; ѱ Масквы; безударн. у (ат) н'ав'ѣс'т'ѣ, с луч'ѣн'ѣ, б'ѣз згарод'ѣ; дл'и салом'ѣ ⇔ з б'ар'ѣсты; дат.-местн. ударн. нѣ вадѣ́, ѱ Д'ѣв'ѣны́, ѱ вадѣ́, к с'астры́; в ызбѣ́ ⇔ ѱ трав'ѣ; безударн. ѱ хаты́, на карты́ ⇔ нѣ машин'ѣ; нѣ каров'ѣ.

Мягкое склонение: род. ударн. з'амл'ѣ, дѣ з'амл'ѣ; кѣл (нѣс'ѣр'ѣт) р'ак'ѣ; дат.-местн. ударн. нѣ м'ѣжѣ́; нѣ р'ак'ѣ́.

5.8.2. Подберезье Селижаровского р-на Тверской обл. (1999 г.)

{ {воды́ = водѣ́} ⇔ {глі́нѣ/глі́ны ⇔ глі́ны/глі́нѣ} } ⇔ {землѣ́ = землѣ́} }

В говоре д. Подберезье (информанты А. Л. Тихомирова, 1906 г.р., и ее родная сестра, А. Л. Рудакова, 1921 г.р., запись Д. О. Кузнецова, 1999 г.) синкретизм наблюдается в формах твердого склонения с окончаниями под ударением (общее окончание {ы́}) и в мягком склонении (общее окончание {ѣ́}). Заднеязычные основы изменяются по мягкому склонению.

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Губное склонение	Мягкое склонение ²⁷
		зубные	губные	мягкие, заднеязычные
Род.	ударн.	{ы́} -ѣ́ 49х	{ы́} -ѣ́ 14х	{ѣ́} -ѣ 13х
	безударн.	{ѣ́} -ѣ́ ⇔ {ы́} -ѣ́ 26х 17х	{ѣ́} -ѣ́ ⇔ {ы́} -ѣ́ 18х 1х	{ѣ́} -ѣ
Дат. и местн.	ударн.	{ы́} -ѣ́ 58х	{ы́} -ѣ́ ⇔ {ѣ́} -ѣ 34х 7х	{ѣ́} -ѣ 18х
	безударн.	{ы́} -ѣ́ ⇔ {ѣ́} -ѣ 15х 18х	{ы́} -ѣ́ ⇔ {ѣ́} -ѣ 2х 9х ²⁸	{ѣ́} -ѣ

²⁷ Материал по безударным окончаниям мягкого склонения не выписан.

²⁸ После парных зубных и губных согласных безударное окончание -ѣ́ в исконных и

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *vadý* (5×), *gr'iv'asty* 'дресва' (3×), *jady*, *stěbutý* 'обувь', *křt sasny*, s... *stěraný* (4×), *šyr'iný*, *sa stár star'iný*, *u kazý*, *karý-ta*, *z garý*, *l'i Vas'il'ófskaj garý* ('около горы'), *p'ity*, *s'astrý*, *vajny* (с предлогами и без них) (26×); безударн. *at prastúdy*, *sa s'v'ókty*, *rabóty* (7×), *s rabóty* (4×), *u N'iný*, *kan'f'et'iný*, *s Ukrajíny*, *výgady n'etu* ⇔ *s subót'i da subót'i*, *lučín'i*, *dě svajěj kan'čýn'i*, *tčýv'n'ín'i-ta*, *s'm'atán'i*, *n'i nnój jágad'in'i*, *kruk étaj l'as'in'i*, *s'v'ókl'i*, *sa fs'ej s'il'i*, *da šór'i* 'сараи', *rabót'i* (7×); *výgad'i n'etu*, *d'én'iznaj'płat'i*, *u N'in'i* (2×), *at N'in'i*, *manufaktúr'i* (2×), *kvar't'ér'i n'etu*; дат.-местн. ударн. *pa čyr'ady* 'по очереди' (3×), *k vadý* (2×), *pъ vadý* (5×), *pъ čyrtý* (2×), *stěraný* (4×), *kazý*, *s'astrý* (2×), *k s'astrý*, *p'ity*, *nъ vadý*, *v vadý* (2×), *nъ skavradý* (2×), *nъ sl'udý* (2×), *na... stěraný* (14×), *v drugój stěraný*, *nъ sasny*, *na nnój sasny*, *na šyrókýj-ta pčasy*, *nъ garý* (5×), *v zaty*, *na čyl'iný*, *nъ garý* (4×), *a pгъ garý-ta* ('при горе'); безударн. *k agrády* (2×), *f katódy*, *f pasúd'iny*, *nъ b'as'edy*, *na lxn'ij mag'ity*, *k N'ity*, *L'eny*, *pa póčty*, *k rabóty*, *nъ rabóty*, *f kómpčty*, *v mašýny*, *na póčty* (2×) ⇔ *pa laščýn'i*, *g drugój pčav'in'i*, *p rabót'i*, *k L'iz'i*, *p javónýj ród'in'i*, *N'in'i*, *v Gátčýn'i*, *na Ukrajín'i*, *nъ mašýn'i* (2×), *v mašýn'i*, *na scén'i*, *na 'dnój zarplát'i*, *v gaz'et'in'i*, *na Ukrajín'i* (3×), *f škól'i*.

Губное склонение: род. ударн. *izby*, *sud'bý*, *z gčlavy* (5×), *travy* (2×), *is travý*, *sl iz Maskvý* (4×); безударн. *svád'b'i* (2×), *ryb'i*, *u karón'i* (4×), *at karón'i* (2×), *mal'ítv'i-ta*, *s mal'ítv'i-ta*, *salóm'i* (3×), *mám'i*, [u] *mám'i*, *u báb'i-ta N'út'i*, *at L'úb'i-ta* ⇔ *ryby*; дат.-местн. ударн. *k etýj izby*, *pъ travý* (3×), *pa gčlavy-ta* (2×), *v majěj iz'bý*, *v ызbý* (13×), *na izbý*, *f travý*, *nъ xaróšýj travý*, *v étaj travý*, *v gčlavy* (3×), *na gčlavy* (2×), *f t'ur'mý*, *Maskvý* (4×) ⇔ *v Maskv'ě* (7×); безударн. *g z'ímy*, *f svád'by* ⇔ *báb'i* (3×), *pъ svajěj služb'i* [церковной], *karón'i* (5×).

Мягкое склонение. Род. ударн. *l'i s'amjé* 'для семьи', *z'aml'é-ta* (2×), *dъ l'jé* (2×), *kuť bl'jé*, *dъ l'jé* 'Ильин день', *at bl'jé P'ěsačn'i* (название церкви) (2×); *tuk'ě* (2×), *iz étaj ruk'ě*, *u snax'ě*; дат.-местн. ударн. *nъ... z'aml'é* (3×), *v z'aml'é*, *k ran'n'ě*, *f s'amjé*, *k bl'jé* (2×); *pъ nag'ě-tъ*, *f právnýj nag'ě*, *na... nag'ě* (2×), *snax'ě* (3×), *k snax'ě*, *na etýj sax'ě*, *na etýj dask'ě*.

5.8.3. Бурцево Нелидовского р-на Тверской обл. (МДАРЯ Зап. 125, 1953 г.)

{водѣ/воды ⇔ воды/водѣ} ⇔ {землѣ/земли = земли/землѣ}

Система с по-видимому произвольным употреблением окончаний.

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	мягкие, заднеязычные
Род.	ударн.	{ѣ} -ѣ ⇔ {ы} -ы	{ѣ} -ѣ ⇔ {и} -и
	безударн.	{ѣ} -и ⇔ {ы} -ы	
Дат. и местн.	ударн.	{ы} -ы ⇔ {ѣ} -ѣ	{ѣ} -ѣ ⇔ {и} -и/-ы
	безударн.		{ѣ ~ и} -и

освоенных словах используется относительно редко. Однако оно часто употребляется в заимствованных словах.

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *у с'астр'ё* (2х), *у (б'ѣж, з) жан'ё*, *дѣ в'ис'н'ё*, *с'астр'ё*, *жен'ё* ⇔ *(дѣ) вайны*, *с в'асны*, *с тѣй стѣраны*, *жаны*, *вады*; безударн. *пос'л'и работ'и*; *б'аз рыб'и*, *с усáд'б'и*, *карóв'и*, *б'ѣс карóв'и* ⇔ *с работы*, *машины*, *с ахоты*; дат.-местн. ударн. *нѣ вады*, *нѣ жары*, *нѣ вайны*, *в бѣразды*, *в йады*, *на скѣвѣрады*, *нѣ лары*, *на быразды*, *с'астры*; в Масквы, в (на) ызбѣ ⇔ *нѣ с'т'ан'ё*.

Мягкое склонение: род. ударн. *б'ѣз з'амл'ё*; *у р'ик'ё*, *мук'ё* ⇔ *с радн'и*; *ат р'ик'и*; дат.-местн. ударн. *в р'ик'ё* ⇔ *нѣ (к) м'ажы*; *нѣ р'ик'и*; безударн. *к Трѣицы*.

§ 6. ПРЯМЫЕ СИСТЕМЫ С ОКОНЧАНИЯМИ ТВЕРДОГО СКЛОНЕНИЯ В МЯГКОМ

Рассматриваемые ниже системы первоначально образовывали обширный ареал, простиравшийся от северо-востока европейской части России до северо-востока Украины. Этот ареал частично перекрыт русскими юго-западными системами с синкретизмом мягкого склонения по {и} (§ 7.1) — карта 1.

6.1. Восточнорусская система. Русский литературный язык

{воды ⇔ водѣ} = {земли ⇔ землѣ}

Противопоставление типов склонения в этой системе условно — фактически речь идет об «*ы*-склонении» и «*и*-склонении», в зависимости от того, какое из этих дополнительно распределенных фонологически окончаний род. п. принимает слово. Эта система, в которой «мягкие» *а*-основы имеют окончания «твердых» — иными словами, все *а*-основы изменяются, в сущности, по единому склонению, имеющему окончания праслав. твердого склонения.

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Им.	<i>вода, рука</i>	<i>зем[л']а, ду[ш']а</i>
Род.	<i>воды, руки</i>	<i>зем[л']и, ду[ш']и</i>
Дат. и местн.	<i>водѣ, рукѣ</i>	<i>зем[л']ѣ, ду[ш']ѣ</i>

Вариант — отдельный подтип образуют основы на твердые заднеязычные, которые относятся к *и*-склонению:

Падеж	Твердое склонение	Заднеязычное склонение	Мягкое склонение
Им.	<i>вода, ду[ша]</i>	<i>ру[к]а</i>	<i>зем[л']а, до[ч'к']а</i>
Род.	<i>воды, ду[шы]</i>	<i>ру[к']и</i>	<i>зем[л']и, до[ч'к']и</i>
Дат. и местн.	<i>во[д'е], ду[ше]</i>	<i>ру[к']е</i>	<i>зем[л']е, до[ч'к']е</i>

Восточнорусская система широко распространена в говорах к востоку от Москвы и является русской литературной нормой. Система {воды ↔ водѣ} = {земли ↔ землѣ} образует сплошной ареал к востоку от линии Саранск — Касимов — Москва — Ржев — Тверь — Устюжна — Вытегра — Каргополь. С конца XV в. эта система стала преобладать в древнемосковском диалекте и постепенно стала господствующей, см. тексты в (ДДГ). В южной части восточнорусских говоров в склонение а-основ включен предложно-родительный падеж с окончанием {ѣ}, употребляющийся с предлогом у (у водѣ, у землѣ), реже с другими предлогами (карта 1).

Восточнорусская система (без предложно-родительного падежа) характерна для русского литературного языка наряду с другими ростово-суздальскими признаками²⁹.

На границе восточнорусских и обратных (§5) систем отмечены системы со сложным синкретизмом падежных окончаний в склонении основ на парные зубные, губные и заднеязычные согласные.

6.1.1. Карманиха б. Луковниковского р-на Калининской обл. (МДАРЯ Зап. 139, 1952)

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Губное склонение	Заднеязычное склонение	Мягкое склонение
Род.	ударн.	{ѣ} -ѣ ↔ {ы} -ы́		{ѣ} -ѣ ↔ {ы} -ы́	{и} -и
	безударн.	{ы} -ы	{ѣ} -и	{ѣ~ы} -и	
Дат., мест.	ударн.	{ы} -ы́ ↔ {ѣ} -ѣ	{ы} -ы́	{ѣ} -ѣ	{ѣ} -ѣ

²⁹ Владимиро-поволжские говоры, в числе других восточных восходящие к древнерусскому ростово-суздальскому диалекту, характеризуются рядом изоглосс, сближающих их с украинскими говорами южноволынского, подольского и галицкого ареалов. В их числе ассимилятивное развитие *ě > i перед мягким дентальным, лексикализированное в формах глагола *sěděti, *sěditi (русс. сидеть, сидит, укр. сидіти, сидить; карпатоукр. сидіти, сидіть/-т — ср. зап.-русс. сидеть, белор. сядзець; в рефlekсах *děte: русск. дитя, укр. дитя, карпатоукр. діт'я, также *sъvědět'ь > русск. свидетель. В белорусских, западно-русских и полесских говорах присутствуют рефlekсы *sěděti, *sěditi без перехода *ě > i. К восточнорусско-украинским изоглоссам относится переход *dъn- > *dъn- перед -ь-: русск. диал. о[д'ѣ]нѣ, о[д'и]нѣ < *о-дънѣ < *о-дънѣ в компактном ареале трапециевидной формы, углы которого расположены примерно в Александрове, Касимове, Арзамасе и Иванове; отдельные пункты с такими рефlekсами расположены к востоку от этого ареала. В литературный русский этот алломорф не проник. Другой общей чертой восточнорусских и украинских (по крайней мере юго-западных) говоров является переход *kridlo > *krydlo (Николаев 2011: 15–16).

М а т е р и а л. Твердое склонение: род. ударн. у жан'ё, у с'астр'ё ⇔ дъ вайн'и, пас'л'и вайн'и, жан'и, с'астры; безударн. пас'л'и работы; дат.-местн. ударн. нъ гары́, на той стъраны́ ⇔ к с'астр'ё, г жан'ё, нъ вад'ё.

Губное склонение: род. безударн. дл'а каро́в'и; дат.-местн. ударн. в Масквѣ́, в ызы́бѣ.

Заднеязычное склонение: род. ударн. у снах'ё, снах'ё, у р'ик'ё, мук'ё, б'из рук'ё ⇔ снах'и́; безударн. б'ас пѧ́лк'и; дат.-местн. ударн. нъ сах'ё.

Мягкое склонение: род. ударн. б'из з'амл'и́, дл'а с'амий́, б'из ран'н'и́; дат.-местн. ударн. г з'амл'ё, к с'амйё́.

6.2. Юго-восточные русские системы

Большинство современных систем склонения *а*-основ в говорах к юго-востоку от Москвы содержит форму предложно-родительного падежа в обоих склонениях (твердом и мягком). Форма предложно-родительного падежа может употребляться только с предлогом *у*, может с частью предлогов (в этих случаях после некоторых предлогов используется форма род. п.) или с любыми предлогами. Форма дат. п. твердого склонения в немногих говорах отличается от формы местн. п. и имеет окончание {ы}, заимствованное из род. п. В отличие от юго-западных систем (§ 7.1), в юго-восточных в мягком склонении формы дат. и местн. п. всегда имеют окончание {ѣ}. В говорах представлены и усложненные системы, в которых выбор окончаний твердого склонения зависит еще и от места ударения. Всегда ли формы мягкого склонения образуются параллельно формам твердого, т. е., иными словами, во всех ли говорах с юго-восточной системой присутствует «общее склонение», невозможно установить из-за недостатка материалов ДАРЯ по праславянским мягким основам. Некоторые говоры с юго-восточной системой имеют, помимо мягкого и твердого, также и заднеязычное склонение с особым набором флексий.

«Принципиальная» юго-восточная система форм с нафлексивным ударением:

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>воды</i>	<i>земли</i>
Предл.-род.	<i>водѣ</i>	<i>землѣ</i>
Дат.	<i>водѣ (/ воды)</i>	<i>землѣ</i>
Местн.	<i>водѣ (/ воды)</i>	<i>землѣ</i>

6.2.1. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл. (1960-е гг.)

Система юго-восточного типа, в которой в словоизменении всех типов основ используются единые окончания: {ы/и} с позиционными алломорфами {ы} и {и} и единое окончание {ѣ}. Типы основ различаются по использованию в их парадигме алломорфов {ы} (основы на зубные, губные, ц, твердые шипящие) или {и} (основы на мягкие, j, заднеязычные). Различаются формы род. и предл.-род. падежей. Формы дат. и местн. п. не различаются. Наблюдается тенденция к синкретизму: формы предл.-род. п. могут иметь окончания род. п. Предл.-род. п. используется после любых предлогов, род. п. — только в беспредложных конструкциях.

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные, отвердевшие шипящие	мягкие, заднеязычные
Род.	ударн.	{ы} -ѣ	{и} -ѣ
	безударн.	{ы} -ы ⇔ {ѣ} -и, -ь	
Предл.- род.	ударн.	{ѣ} -ѣ ⇔ {ы} -ѣ	{ѣ} -ѣ ⇔ {и} -ѣ
	безударн.	{ѣ} -и, -ь ⇔ {ы} -ы	{и~ѣ} -и
Дат. и местн.	ударн.	{ѣ} -ѣ	{ѣ} -ѣ
	безударн.	{ѣ} -и	

Материал (по Бромлей, Булатова 1972: 403–405).

Твердое склонение: род. ударн. *вады* (4х), *йады* (2х), *лисы*, *мъжыты*, *мъкр'ады*, *пъзары*, *пары*, *травы*, *уънабы*, *уълавы*, *избы*, *душы*, *лапы* (2х), *птыцы* (2х); безударн. *абр'ады*, *пауоды*, *работы*, *с'илы* (2х), *расы*, *скары*, *рыбы* (4х), *рыбы-та* ⇔ *капус'т'и*, *абр'ад'ь*, *ват'и*, *пар'и*, *скат'ин'и*; предл.-род. ударн. *ат вады*, *дъ вады*, *ат йады*, *иза...* *йирунды*, *дъ вайны*, *из ъмишары*, *из улы*, *ис цаны*, *б'ис чуры*, *ис...* *шкуры*, *з уълавы*, *б'из уълавы*, *из избы*, *с избы*, *дл'и малвы-тъ*, *с Масквы*, *вбок Масквы*, *край Масквы*; *из души*, *ад д'ажы* ⇔ *у Х'ак'ѣ*, *у сасн'ѣ*, *у жан'ѣ*, *у каз'ѣ*, *у с'истр'ѣ*, *у сасн'ѣ*, *ис т'ур'м'ѣ*, *из Маскв'ѣ*, *ат м'ижѣ*; безударн. *ис халст'ины*, *у...* *Ар'ины*, *у выдры*, *дъ жаг'итвы*, *у жѣн'ишыны*, *из ас'ины*, *ат пауоды*, *вм'ѣстъ пауоды*, *из-за...* *пус'т'ак'ов'ины*, *из ул'ины*, *ис с'илы*, *иза...* *с'илы*, *ис школы*, *б'из думы*, *у бабы*, *б'из бабы* ⇔ *из ул'ин'и*, *ис школ'и*, *окъль школ'и*, *с машын'и*, *да машын'и*, *с морд'ь*, *с морд'и*, *у н'ив'ѣс'т'и* (2х), *с работ'и*, *б'ис скат'ин'и*, *дл'а рыб'и*, *у баб'и*, *у мам'и*; дат.-местн. ударн. *пъ вад'ѣ*, *в вад'ѣ*, *у уълав'ѣ*, *у уълав'ѣ*; безударн. *ѹ школ'и*, *ѹ лаш'и'ин'и*, *нъ усад'б'и*.

Мягкое склонение: род. ударн. *хвай*, *мук'и* (2х), *таск'и*; предл.-род. ударн. *из в'ир'ай*, *и(с) с'им'ий*, *вм'ѣстъ с'вин'ий*, *б'из дуу'и*, *ат рук'и*, *б'из ух'и*, *из р'ак'и* ⇔ *край кълан'ч'ѣ*, *у с'вин'иѣ*, *из р'ик'ѣ*, *у р'ик'ѣ*, *дъ р'ик'ѣ*; безударн. *у т'отк'и*; дат.-местн. ударн. *с'вин'иѣ*, *ап с'вин'иѣ*, *в з'имл'ѣ*, *ф с'им'иѣ*; *к р'ак'ѣ*, *нъ р'ак'ѣ*, *пъ р'ак'ѣ*.

6.2.2. Новосёлки Рыбновского р-на Рязанской обл. (2006)

Для говора д. Новосёлки (пункт ДАРЯ Вост. 550; информанты Рындина Анна Ивановна, 1910 г. р.; Чекмарева Нина Васильевна, 1939 г. р.; Рындин Николай Иванович, 1931 г. р.; Кудинова Мария Петровна, 1922 г. р.; Волкова Евдокия Ивановна, 1913 г. р.; запись А. В. Тер-Аванесовой, М. Н. Толстой, 2006 г.) характерен синкретизм падежей мягкого склонения по {ѣ}, что делает его систему формально близкой к дулебской и новгородским (§8).

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Заднеязычное склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	заднеязычные	мягкие
Род.	ударн.	{ы} -ы ⇔ {ѣ} -и́е	{ы} -и́	{ѣ} -и́е
	безударн.	{ы} -ы ⇔ {ѣ} -и	{ы} -и	{ѣ} -ы
Предл.-род.	ударн.	{ы} -ы́ ⇔ {ѣ} -и́е	{ы} -и́	{ѣ} -и́е
	безударн.	{ѣ} -и, -ь	{ѣ} -и	{ѣ} -и/-ы
Дат. и местн.	ударн.	{ѣ} -и́е, -е́	{ѣ} -и́е	{ѣ} -и́е
	безударн.	{ѣ} -и	{ѣ} -и	{ѣ} -и

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *вады́, з'имы́ ⇔ каси́е*; безударн. *талч'ины* ('толку'), *рабу́оты, сту́пы-т ⇔ кары́т'и* (ж. р.), *кару́ов'и*; предл.-род. ударн. *дъ в'асны́, с'ер'от* *ызбы́, с Масквы́ ⇔ ис кас'и́е*; безударн. *с кары́т'и, с вёр'б'и, у кару́ов'ь* (2х); дат. и местн. ударн. *г з'им'и́е, нъ из'б'и́е, нъ из'б'е́, нъ вад'и́е, нъ вад'е́, с'астр'и́е; ф каси́е, зв'езд'и́е, ф ч'истат'и́е, в ызб'и́е*; безударн. *ф кары́т'и, ва фс'и́ей шку́ол'и, ф пан'о́в'и*.

Заднеязычное склонение: род. ударн. *мук'и́, ал'х'и́*; безударн. *вад'и́ч'к'и*; предл.-род. ударн. *из мук'и́, у р'ак'и́, у р'ек'и́, б'ьз нау'и́* (2х); безударн. *у картóшк'и, у Н'у-шечк'и, з дуб'и́к'и, зам'и́есть рóзу'и, зам'е́с'т' ды́рк'и*; дат. и местн. ударн. *нъ нау'и́е*; безударн. *к Тóн'к'и; в ры́у'и* (2х), *в б'арлóу'и*.

Мягкое склонение: род. ударн. *м'ежйе́*; безударн. *Б'уару́од'ицы*; предл.-род. ударн. *ат м'ежйе́*; безударн. *Тóн'и, с у́л'ицы*; дат. и местн. ударн. *нъ з'емл'и́е-та*; безударн. *ф Салу́отч'и*.

6.2.3. Пустоша Шатурского р-на Московской обл. (1993, 2000–2006)

Говор д. Пустоша́ [пункт ДАРЯ Вост. 313; информанты И. И. Евдокимова-Сергеева (1912–2006), К. В. Швецова (1922–2007), К. Г. Бобкова (1933), А. С. Лазарева (1938), запись А. В. Тер-Аванесовой 1993, 2000–2006 гг.] классификационно относится к владими́ро-поволжской группе. В нем представ-

лено «неполное оканье», взрывное /g/ и прочие северные черты, характерные для северного наречия. Однако система склонения в этом говоре типично юго-восточная. По-видимому, говор д. Пустоша ранее входил в единый массив говоров Мещеры, которые вторично распределились между северно-, средне- и южнорусским наречиями, сохранив более древние общемещерские изоглоссы, одной из которых была юго-восточная система склонения.

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Заднеязычное склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	заднеязычные	мягкие
Род.	ударн.	{ы} - <i>бі</i>		{і} - <i>і</i>
	безударн.	{ы} - <i>ы</i>	{ы} - <i>и</i>	{і} - <i>и/-ы</i>
Предл.-род.	ударн.	{ы} - <i>бі</i> ⇔ {ѣ} - <i>и́е</i>	{ы} - <i>і</i>	
	безударн.	{ы} - <i>ы</i> ⇔ {ѣ} - <i>и</i>	{ы} - <i>и</i>	{і} - <i>и/-ы</i>
Дат. и местн.	ударн.	{ѣ} - <i>и́е</i>	{ѣ} - <i>и́е</i>	{ѣ} - <i>ы́е</i>
	безударн.	{ѣ} - <i>и</i>	{ѣ} - <i>и</i>	{ѣ} - <i>и/-ы, -ые</i>

М а т е р и а л ³⁰. **Твердое склонение:** род. ударн. *войны́* (4х), *ни пизды́*, *воды́*, *гълови́*, *кълбасы́* (2х), *травы́-та*; безударн. *лоси́ашины*, *свадьбы́*, *робу́оты*, *вы́гды* (2х); предл.-род. ударн. *ат войны́* (2х), *посы́ли войны́* (5х), *с войны́*, *с одну́ой стъроны́*, *у пчалы́*, *у пчелы́*, *ат цѣрквы́*, *из Москвы́* (2х) ⇔ *у сестри́е*, *дъ войни́е*; безударн. *с робу́оты* (5х), *с робу́оты-та*, *изъ ли́пы*, *къл (от) шку́блы*, *у кору́бвы*, *проти́ф фѣрмы*, *ис кукуру́зы*, *ни из бери́бзы* ⇔ *до Шу́ри*, *у ба́би Шу́ри* (3х), *у Шу́ри*, *у Ни́ури*, *од ба́би*, *у ба́би*, *у Ли́уби*; дат. и местн. ударн. *сестри́е*, *к сестри́е*, *жони́е*, *к жени́е-тъ*, *по одну́ой стъроні́е*, *нъ войни́е*, *нъ войни́е-то*, *на (в) ѣтъй стъроні́е*, *на ту́ой стъроні́е* (2х), *нъ плити́е*, *в ызьби́е*, *в гълови́е*, *в Москвѣ́и* (5х), *в Москвѣ́и-тъ*, *ф ти́урьми́е* (3х), *нъ Кълы́ми́е*, *к травѣ́и*; дат. и местн. безударн. *к Ы́рини*, *И́рини*, *г ба́би*, *ба́би Оли́они*, *к Ё́ури*, *Шу́ри*, *пъ робу́оти*, *к одну́ой робу́оти*, *пъ конáви* (3х), *на фѣрми*, *в маши́ни*, *на лесну́ой по́иани*, *в одну́ой квартѣ́ри*, *нъ (в) болу́ботини*, *в одну́ой ко́мнѣти*, *нъ ли́убу́ой робу́оти*, *на пуб́очи* (2х), *ф (при) шку́бли* (3х), *ф шку́бли*, *в моги́ли*, *ф Шата́ури* (2х), *нъ кварти́ри*, *в одну́ой кварти́ри* ³¹.

³⁰ См. о материале говора Пустошей в статье А. В. Тер-Аванесовой в настоящем сборнике.

³¹ Формы *пъ таку́бый картóвин[ə]*, *ни к каку́бый скоті́н[ə]*, *нъ своей́и рудóдин[ə]*, *на своей́и маши́н[ə]*, *на таку́бый робу́от[ə]*, *в моги́л[ə]*, *на лесну́ой по́иан[ə]* имеют аллофон фонемы /e/, перед которым зубные согласные автоматически отвердевают. Алломорф -е окончания {ѣ}, возможно, имеет инодиалектное происхождение.

Заднеязычное склонение: род. безударн. *му́ки, ни копе́йки, мѣ́тѹхи, копе́йки, вѣ́ли, сме́танки*; предл.-род. ударн. *дѣ рекѣ́, биз ру́ки* (2×); безударн. у *Шу́рки, ис су́мки-то, дѣ Гусѣ́ськой дорѹ́бѣ, у торфу́шки, у тѹ́бтки, у пе́чки* (3×), у *соба́ки, у иго́лки, у лежа́нки*; дат. и местн. ударн. *нѣ доски́ѣ*; безударн. *Тамáрки, к Тамáрки, з ба́бки, к сосѣ́тки, к Шу́рьчки, Кла́фки, ф Самáтихи, в ли́бульки, на му́ки, на кнѣ́ишки, в ба́нчки, ф сѣ́риѹтки* (2×), на *тѹ́бѣ дорѹ́бѣ, ф сторѹ́бишки, нѣ дорѹ́бѣ, при Ге́нки, на вѣ́тки, нѣ верѣ́фки*.

Мягкое склонение: род. ударн. *землі́, зѣ́мліи*; безударн. *у́лицы, лі́нии, ку́хни*; предл.-род. безударн. *до этѣ́й ста́нцыи-то, от пи́щи, у Кла́вди, у Ори́шы*; дат. и местн. ударн. *на офи́цѣ*; безударн. *з Ду́си, к Ори́шы, ф типогра́фи, в больни́цѣ, в больни́цы, на у́лицы, на этѣ́й же́ у́лицы, в ба́ни, в а́рмии* (2×), *в дере́вни, на ку́хни, нѣ вѹ́ди-тѣ*.

6.3. Брянско-полесская система

{воды ⇔ водѣ} = {земли ⇔ землѣ}

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>воды</i>	<i>земли</i>
Дат. и местн.	<i>водѣ</i>	<i>землѣ</i>

Брянско-полесская система на северо-востоке Украины образует ареалы в междуречье Припяти и Днепра, на севере Черниговской, Сумской и Харьковской областей. На русском Юго-Западе эта система продолжается в говорах вдоль границы в Задесенье («брянском углу»), являясь естественным продолжением ареала восточнорусских систем, прерванного пришедшей с севера системой {воды ⇔ водѣ} = {земли ⇔ землѣ} (§ 7.1). Об аналогичной системе в Белоруссии см. § 6.4.

В русских говорах с брянско-полесской системой нередко присутствует предложно-родительный падеж, его наличие предполагается и в сопредельных украинских говорах. По крайней мере в русских говорах предложно-родительный отличается от простого родительного только в твердом склонении — в этом заключается важное отличие брянско-полесских систем от юго-восточных русских. Отмечается также зависимость распределения окончаний от ударения.

Ниже приводятся образцы русских говоров с брянско-полесской системой³².

³² Во многих юго-западных русских говорах в склонении *а*-основ сохраняется чередование веларных со свистящими (*к/ц* и т. д.). После чередующихся свистящих используются окончания твердого склонения.

6.3.1. Антоновка Гордеевского р-на Брянской обл. (МДАРЯ Юг 5, 1953 г.)

{ {воды} ⇔ водѣ } ⇔ { гліны ⇔ гліны / глінь } } = { земли ⇔ землѣ }

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	ударн.	{ ы } - <i>ы́</i>	{ и } - <i>и́</i>
	безударн.	{ ы } - <i>ы</i>	
Дат. и местн.	ударн.	{ ѣ } - <i>е́</i>	{ ѣ } - <i>е́</i>
	безударн.	{ ы } - <i>ы</i> ⇔ { ѣ } - <i>е</i>	

М а т е р и а л. Твердое склонение: род. ударн. *старанѣ, жанѣ, у жанѣ, с' астрѣ*, у *с' астрѣ*; безударн. *каро́вы, с хаты, по́сл' и рабо́ты*; дат.-местн. ударн. *к в' есн' е́, к жан' е́, к с' астр' е́, ѱ старан' е́, у жар' е́, на вайн' е́, пр' и малад' б' е́, у Маскв' е́, к р' ац' е́*; безударн. *ѱ н' е́чы, ѱ ба́бцы ⇔ на кн' і́жце, ѱ ѱард' ейейце, на даро́з' е*.

Мягкое склонение: род. ударн. *дл' а с' имѣй, б' из радн' и́*; дат.-местн. ударн. *к з' амл' е́*.

6.3.2. Петровка Ершицкого р-на Смоленской обл. (МДАРЯ Юг 8, 1951 г.)

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	ударн.	{ ы } - <i>ы́</i>	
Предл.- род.	ударн.	{ ѣ } - <i>е́</i>	{ и } - <i>и́</i>
	безударн.	{ ы } - <i>ы</i>	
Дат. и местн.	ударн.	{ ѣ } - <i>е́</i>	{ ѣ } - <i>е́</i> ⇔ { и } - <i>и́</i>
	безударн.	{ ѣ } - <i>ь</i>	

М а т е р и а л. Твердое склонение: род. ударн. *н' ет жанѣ, н' ет с' астрѣ*; предл.-род. ударн. *у жан' е́, у снах' е́, у с' ас' тр' е́*; безударн. *по́с' л' ь" рабо́ты, дл' и каро́вы*; дат.-местн. ударн. *к с' астр' е́, к жан' е́, нъ вад' е́*; безударн. *нъ рабо́т' ь*.

Мягкое склонение: предл.-род. ударн. *б' из з' амл' и́, дл' и с' ам' и́й*; дат.-местн. ударн. *w радн' е́ ⇔ h з' амл' и́*.

6.3.3. Сметковщина Клетнянского р-на Брянской обл. (МДАРЯ Юг 20, 1953 г.)

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	ударн.	{ ы } - <i>ы́</i>	
	безударн.		
Предл.- род.	ударн.	{ ѣ } - <i>е́</i> ⇔ { ы } - <i>ы́</i>	{ и } - <i>и́</i>
	безударн.	{ ы } - <i>ы</i>	
Дат. и местн.	ударн.	{ ы } - <i>ы́</i>	{ ѣ } - <i>е́</i>

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *н'эту-т'и жаны́, с'астры́*; предл.-род. ударн. *у жан'э* ⇔ *у с'астры́*; безударн. *посл'а рабо́ты, дл'а каро́вы*; дат.-местн. ударн. *к с'астр'э, нъ вад'э*.

Мягкое склонение: предл.-род. ударн. *б'ыз з'амл'и́, дл'и с'ам'ји́, б'ыз радн'и́*; дат.-местн. ударн. *г з'амл'е, к с'ам'је*.

6.3.4. Галинск Стародубского р-на Брянской обл. (МДАРЯ Юг 151, 1952 г.)

{воды ⇔ водѣ} = {земли = землѣ}

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	ударн.	{ы} -ы́/-и́	{и} -и́
	безударн.	{ы} -ы	
Дат. и местн.	ударн.	{ѣ} -э́	{ѣ} -э́
	безударн.	{ѣ} -и / -е, -ы	

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *жаны́, у жаны́, н'ема с'астры́, у с'астры́, дл'а в'асны́, б'ез вады́, посл'а з'имы́, ат р'ак'и́, дл'а снах'и́*; безударн. *у л'ипы́, из ваты́*; дат.-местн. ударн. *к кап'э, к вад'э, на вад'э, к жан'э, на гар'э, ў трав'э; к дач'к'э, на рук'э, на руцэ́, к дуу'э, к дуз'э, к наз'э, к нау'э, ап сас'э, а сах'э, к даццэ́*; безударн. *к каро́в'и, ў хат'и, к д'эўк'и, на ро́рк'и, на дьро́у'и, на даро́у'е, на лаўк'и, ў п'эч'к'и, ў рубáшк'и, на траўк'и, к в'ар'оўк'и, к му́х'и; на лаўце́, к в'ар'оўцы́, на даро́з'и, к му́с'и*.

Мягкое склонение: род. ударн. *б'ез з'амл'и́, рук'и́, хунт мук'и́*; дат.-местн. ударн. *к з'амл'э́, на бад'је́, ў радн'э́*.

6.3.5. Святец Клинцовского р-на Брянской обл. (МДАРЯ Юг 152, 1953 г.)

{воды ⇔ водѣ} = {земли ⇔ землѣ/земли}

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	ударн.	{ы} -ы́/-и́	{и} -и́
	безударн.	{ы} -ы	
Дат. и местн.	ударн.	{ѣ} -э́	{ѣ} -э́ ⇔ {и} -и́
	безударн.	{ѣ} -е	{ѣ~и} -и

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *н'ема́ жаны́, н'ет с'астры́, у жаны́, у с'астры́, посл'е ва́жны́, ат р'ак'и́*; безударн. *посл'е рабо́ты, дл'а каро́вы, пры-*

шбѹ из вајѣнај слѹжбы; дат.-местн. ударн. *к с'астр'ѣ*, *у жан'е*, *на вад'ѣ*; безударн. *ѹ пан'ѡв'е ид'ѣ*.

Мягкое склонение: род. ударн. *б'ез з'амл'і́*, *дл'а с'амјі́*; дат.-местн. ударн. *к радн'ѣ*, *к с'ам'јѣ*, *у з'амл'ѣ* ⇔ *к з'амл'і́*, *к с'ам'јі́*; безударн. *на скрѣпк'и*.

6.3.6. Кабановка Клинцовского р-на Брянской обл.

(МДАРЯ Юг 153, 1953–1954 гг.)

{воды ⇔ водѣ} ⇔ {земли ⇔ землѣ/земли}

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	ударн.	{ы} -ы́	{и} -і́
	безударн.	{ы} -ы	
Дат. и местн.	ударн.	{ѣ} -ѣ́	{и} -і́ ⇔ {и} -і́
	безударн.	{ѣ} -е	

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *н'ѣт с'астры́*, *у жаны́*, *у с'астры́*; безударн. *ка́ла хаты́*, *з рабѡты́*, *пасл'а рабѡты́*, *дл'а карѡвы́*, *з хаты́*, *б'ез пѡл'зы́*; дат.-местн. ударн. *к с'астр'ѣ*, *к жан'ѣ*, *на вад'ѣ*; безударн. *на рабѡт'е*, *на тар'ѣлце*.

Мягкое склонение: род. ударн. *б'ез з'амл'і́*, *б'ез радн'і́*; дат.-местн. ударн. *к з'амл'ѣ*, *на з'амл'ѣ*, *к с'ам'јѣ* ⇔ *ѹ радн'і́*.

6.4. Восточнобелорусская система (?)

{воды ⇔ водѣ} = {земли ⇔ землѣ}

На территории Белоруссии система {воды ⇔ водѣ} = {земли ⇔ землѣ} устанавливается по косвенным данным, так как в ДАБМ она не имеет прямого отражения, но подтверждается данными АУМ I и II, атласа Т. В. Назаровой и ДАРЯ, которые показывают фрагменты белорусской территории и смежные с ней области. В ДАБМ картографирован только местн. п. от основ на (отвердевшие) шипящие (ДАБМ, карта 68), однако в (Нарысы: 161) подтверждается, что у основ на мягкие согласные «канчатак -і або -е мае тую ж тэрыторыю пашырэння, што і адпаведныя канчаткі назоўнікаў с асновай на зацвярдзелы». Точный ареал (в частности, северная граница) восточнобелорусской системы неизвестен, так как в ДАБМ не картографированы формы род. п. а-основ мягкого склонения, а сведения, которые можно почерпнуть из других источников, слишком скудны и отрывочны. Эта система засвидетельствована на юго-востоке Могилевской и востоке Гомельской областей (по-видимому,

продолжение ареала брянско-полесской системы, § 6.3), возможно, также на востоке Витебской. Неясны и детали функционирования восточнобелорусской системы — в частности, нет сведений, используется ли в ней предложно-родительный падеж, характерный для сопредельных русских говоров с брянско-полесской и юго-западной системами.

6.5. К происхождению восточнорусской, брянско-полесской и юго-восточной русской систем

Восточнорусская система входит в пучок изоглосс позднепраславянского происхождения, принадлежащий ростово-суздальскому («мерянскому») диалекту славянского племени, первые памятники которого, характеризующиеся браслетообразными височными кольцами с сомкнутыми или заходящими концами, в Волго-Клязьминском междуречье датируются V–VI в. Такие кольца «бытовали в рассматриваемом ареале непрерывно до XIII в. включительно и стали одним из важнейших этнографических признаков племенной группировки Ростово-Суздальской земли. В IX–X вв. носители этих украшений распространились на север, достигнув Белозерья <...> Очевидно, в условиях славяно-финского симбиоза этноним местного населения — меря — был перенесен, как это нередко было в древней истории Европы, на все население междуречья Волги и Клязьмы. Накануне и в период становления Древнерусского государства все жители Ростовского края назывались мерей» (Седов 2002: 393–394, 397).

Юго-восточные русские и брянско-полесские системы прямого склонения без синкретизма окончаний в мягком склонении и (в русских говорах) преимущественно с использованием предложно-родительного падежа (и иногда морфологической оппозиции дат. и местн. п. в твердом склонении) распространены на обширной территории. К юго-восточным русским говорам примыкают восточные средне- и севернорусские говоры ростово-суздальского происхождения, с предложно-родительным падежом только в сочетании с предлогом *у* (§ 6.1). Как субстратная категория предложно-родительный падеж был заимствован частью смоленско-кривичских говоров юго-западной локализации (§ 7.1).

Системы с перераспределением окончаний первичного род. п., по-видимому, восходят к близкородственным диалектам вятичей и славян Верхнего Дона (Седов 1982: 140–150; Николаев 1994). Археологические культуры этих племен включаются В. В. Седовым в «русскую» группу, происходящую от позднепраславянской антской культуры (Седов 2002: 245–294). Ареалы вя-

тичей (бассейны верхней Оки и Угры) и славян Верхнего Дона соответствуют распространению говоров с предложно-родительным падежом и использованием окончания {ѣ} в мягком склонении.

Прямые южнорусские системы русского Задесенья («брянского угла»), юго-восточной Белоруссии и украинского северо-восточного Полесья восходят к племенному диалекту северян (северскому диалекту). Первоначальный ареал северян ограничивался средним течением Десны, бассейном Сейма и верховьями Сулы. По данным археологии, «самым надежным этнографическим признаком северян служат спиральные височные кольца. Они найдены в бассейне Сейма, на Суле и на средней Десне, т. е. именно там, где локализуется это племя летопись <...> На западе северяне вплотную соприкасались с полянами <...> На северо-западе северяне соседствовали с радимичами по водоразделу Десны со Сновью и Ипатью, а на северо-востоке — с вятичами по водоразделу Десны и Оки. На юго-востоке северянская территория охватывала бассейны Сейма, Псла и Ворсклы. Здесь северяне соседнили уже с кочевыми племенами» (Седов 1982: 133). После XIII в. потомками северян постепенно была заселена более северная лесистая территория вокруг Брянска. Древний Брянск был в составе Черниговского княжества, в которое входила территория западных северян (Зайцев 1975: 57–117). После разрушения в 1239 году Чернигова, Новгорода-Северского и других городов княжества монголо-татарами было образовано (в 1246 году) удельное Брянское княжество, куда, по-видимому, происходил отток населения из подвергавшейся набегам кочевников лесостепной зоны. В настоящее время северянские по происхождению говоры на западе соседят с говорами древлянского и дреговичского происхождения, на севере — с говорами смоленско-кривичского и вятичского происхождения, на востоке — с говорами вятичского и верхнедонского происхождения. Мнение П. А. Расторгуева о северском (северянском) происхождении части брянских говоров вполне обоснованно (Расторгуев 1927; 1960).

Замена окончаний род., дат. и местн. п. мягкого склонения *a*-основ окончаниями твердого склонения, по-видимому, была древней изоглоссой, объединявшей племенные диалекты славян, населявших современные восточную и южную Россию, юго-восточную Белоруссию и северо-восточную Украину — славян Волго-Клязьминского междуречья, вятичей, славян Верхнего Дона и северян. Сплошной ареал был разорван вследствие переселения смоленских кривичей и их языковых потомков в Деснинско-Окское междуречье и южнее в сторону Белгорода.

§ 7. ПРЯМАЯ СИСТЕМА С СИНКРЕТИЗМОМ МЯГКОГО СКЛОНЕНИЯ ПО ФОРМЕ ДАТЕЛЬНОГО И МЕСТНОГО ПАДЕЖЕЙ (-i)

{ воды ⇔ водѣ } ⇔ { земли = земли }

Данная система занимает два ареала, первый из которых образует какая-то часть центральнобелорусских говоров (система известна из белорусского литературного языка), второй ареал очень обширен — русские юго-западные говоры. До XV–XVI вв. этот ареал был гораздо шире — в него входили верхневолжские говоры и говоры Москвы и части Подмоскovie, восходящие к древнетверскому и древнемосковскому диалектам (§ 7.3, 7.4). Современные говоры, системы которых восходят к этим древнерусским диалектам, не образуют значительных ареалов, так как к настоящему времени в Тверском Поволжье и в Подмоскovie эта система в основном вытеснена прямыми системами восточнорусского типа, с окончаниями твердого склонения в мягком.

В основе русских говоров с системой { воды ⇔ водѣ } ⇔ { земли = земли } лежат племенные диалекты смоленско-полоцких и тверских (верхневолжских) кривичей, причем по историческим памятникам и ряду говоров (§ 4.2.3) прослеживается развитие этой системы из системы, исторически тождественной праславянской. Система { воды ⇔ водѣ } ⇔ { земли = земли } известна также как одна из древнепсковских систем.

7.1. Русские юго-западные говоры с синкретизмом мягкого склонения по {и}

{ воды ⇔ водѣ } ⇔ { земли = земли }

К этой группе относятся говоры с усложненной падежной системой, имеющей морфологическое выражение только в твердом склонении. В твердом склонении эти системы обычно имеют с окончанием {ѣ} (заимствованным из местного), зачастую дательный с окончанием {ы} (заимствованным из род. п.). Формула { воды ⇔ водѣ } отражает оппозицию окончаний род. и местн. п. В мягком склонении представлен синкретизм по {и}. Системы этого типа происходят из юго-западных систем с частичным сохранением праславянских окончаний мягкого склонения, см. § 4.2.3.

Принципиальное устройство таких систем:

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>воды</i>	<i>земли</i>
Предл.-род.	<i>водѣ</i>	<i>земли</i>
Дат.	<i>воды (/водѣ)</i>	<i>земли</i>
Местн.	<i>водѣ (/воды)</i>	<i>земли</i>

В древнесмоленском списке В (готландская редакция) «Торгового договора Смоленска с Ригою и Готским берегом» от 1297–1300 гг. (Смол. гр.: 25–30) представлена система {воды $\Leftrightarrow$ водѣ} $\Leftrightarrow$ {земли=земли} — в отличие от других редакций «Договора» с «праславянской» системой. Мягкое склонение (в твердом система {воды $\Leftrightarrow$ водѣ}): род. п. *бѣи; земли; дат. п. княгини; местн. п. земли* (4х).

7.1.1. Огорь Жиздринского р-на Калужской обл.

(МДАРЯ Юг 37, 1952 г. и Бромлей, Булатова 1972: 365–367)

В твердом склонении различаются два окончания: родительного, с одной стороны, и предложно-родительного, дательного и местного падежей — с другой. По особому склонению изменяются основы на заднеязычный согласный — от твердого склонения оно отличается безвариантным безударным окончанием {и} во всех падежах. В мягком склонении (по недокументированному свидетельству в Бромлей, Булатова 1972: 365–367) единое окончание {и} (с алломорфами *-и* и *-ы*). В МДАРЯ есть формы предл.-род. и местн. п. с безударным *-и*, видимо, являющимся одним из алломорфов {ѣ}: предл.-род. *да шкѡл'и*, местн. *ѹ шкѡл'и*, *у шѡхт'и*. В (Бромлей, Булатова 1972: 365–367) этот вариант окончания не приводится.

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Заднеязычное склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	заднеязычные	мягкие
Род.	ударн.	{ы} <i>-b́i</i>	{и} <i>-íi</i>	{и}
	безударн.	{ы} <i>-bi</i>	{и} <i>-i</i>	{и}
Предл.-род.	ударн.	{ѣ} <i>-é</i> $\Leftrightarrow$ {ы} <i>-b́i</i>	{и} <i>-íi</i> $\Leftrightarrow$ {ѣ} <i>-é</i>	{и}
	безударн.	{ѣ} <i>-a, -ъ, -b, -и</i>	{и} <i>-i</i>	{и}
Дат. и местн.	ударн.	{ѣ} <i>-é</i> $\Leftrightarrow$ {ы} <i>-b́i</i>	{ѣ} <i>-é</i> $\Leftrightarrow$ {ы} <i>-i</i>	{и}
	безударн.	{ѣ} <i>-a, -и</i> $\Leftrightarrow$ {ы} <i>-bi</i>	{и} <i>-i</i>	{и}

Материал [из (Бромлей, Булатова, 1972: 365–367) (без пометы) и МДАРЯ]. Твердое склонение: род. ударн. МДАРЯ *касѣ н'ет, красѣ, лѹч'шы Масквѣ*; безударн. *пѡс'л'и работ'и, дл'а карѡв'и*; предл.-род. ударн. *с' в'ис'н'э, с вайн'э* (2х), *с... ѹлав'э, дѣ з'им'э, с Маскв'э* (3х), *ис' т'ур'м'э* $\Leftrightarrow$ *дѣ вайны, да... вайны, ат вайны, с вайны, пѡс'л'ь вайны, б'из ѹразы, ад жары, ат касѣ, у с'астры, ис'т'ур'мы, ат хад'бы*;

безударн. у ба́б'а, из Жы́здр'а, у кал'и́н'а, с каро́в'а, ат... пауо́д'а, с рабо́т'а, да служб'а, с Укра́йн'а, с Укра́йн'ъ, с хат'а, ис халст'и́н'а, ваз'л'е́ цёркв'а, о́кълъ шко́л'а, МДАРЯ из Жы́здр'а, с хат'а, с халст'и́н'а ⇔ с во́лны, с свайе́й во́лны, з жу́с'а-т'ины, ат жу́с'а́кый зы́разы, у на́ишый Л'и́ды, с л'и́пы, ат маши́ны, с' м'а́ты, ат пр'и-ч'и́ны, ис сукн'и́ны, ат хаты, МДАРЯ б'ас ко́фты, иза фс'е́й прав'и́ны, с халст'и́ны; дат.-местн. ударн. жан'е́, з з'им'е́ (2х); пр'и вайн'е́; нъ вайн'е́, в... вайн'е́, в у́лав'е́ (2х), нъ у́лав'е́, у Маскв'е́, нъ с'п'ин'е́ (2х), нъ у́лав'е́ (2х), нъ з'им'е́, па... ст'я́н'е́, МДАРЯ у у́лав'е́, ф ту́р'м'е́, у Маскв'е́ ⇔ к в'асны́, у́лавы́, жа́ны, казы́, Масквы́, с'астры́; пр'и уразы́, пр'и с'астры́, ап... трубы́; МДАРЯ к кумы́; безударн. мау'и́л'а, каро́в'е; на жа́т'в'а, у Жы́здр'а (2х), на кал'и́н'а, нъ квар́т'и́р'ъ, нъ крап'и́в'ъ, на л'у́стр'а, нъ каро́в'а (2х), нъ каро́в'ъ, у пан'о́в'а, нъ пр'я́хлад'а, нъ рабо́т'ъ, у Ту́л'а, у хат'ъ, у хат'а, нъ маши́н'а, в маши́н'а, па лыс'и́н'а; МДАРЯ у пан'о́в'а, на со́д'а, нъ маши́н'а, в бо́мб'а, нъ хат'а ⇔ к Ъку́л'и́ны (2х), к мау'и́лы (2х), Г'и́ны, скат'и́ны (2х); нъ маши́ны, МДАРЯ к Ле́ны.

Заднеязычное склонение: род. ударн. МДАРЯ вауо́н мук'и́; предложно-род. ударн. у дач'к'и́, ис... мук'и́, у уал'х'и́, да... нау'и́, МДАРЯ с мук'и́ ⇔ о́кълъ... науе́; безударн. ат ла́мпач'к'и́, ат ла́мпатк'и́, о́кълъ ра́к'и́тчы́к'и́, у́ стару́х'и; дат.-местн. ударн. нъ т'я́к'е́, нъ сах'е́, у рук'е́, нъ нау'е́, нъ ш'и́ш'ьк'е́ ⇔ дач'к'и́, нъ нау'и́; безударн. к ра́к'и́тк'и́, к с'астру́шк'и́, к... стару́х'и, Та́н'к'и́, у́тк'и́; нъ даро́ру́; у з'имл'а́нчы́к'и́, в и́а́мк'и́, на ма́тк'ъ, а плаи́ па́латк'и́, р'е́ч'к'и́, на р'е́ч'к'и́, на ры́у'и, у чуу́нк'и́, МДАРЯ в даро́ру́и.

Мягкое склонение: дат.-местн. ударн. МДАРЯ нъ з'амл'и́.

7.1.2. Маслово Сосковского р-на Орловской обл. (МДАРЯ Юг 225, 1953 г.)

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	ударн.	{ы} -и	{и} -и́/-ы́
Предл.-род.	ударн.	{ѣ} -е	{и} -и́
	безударн.	{ѣ} -ъ, -а, -и	
Дат. и местн.	ударн.	{ѣ} -е́	{и} -и́/-ы́
	безударн.	{ѣ} -ъ, -а, -ь	

Материал. Твердое склонение: род. ударн. рук'и́, нау'и́; предл.-род. ударн. с в'ис'н'е́, из Маскв'е́, дъ з'им'е́, о́кълъ вад'е́, ис сас'н'е́, у с'истр'е́; безударн. у ба́б'ъ, б'ъс (с) каро́в'а, изза́т' (ис, м'и́ма, у) хат'а, с уса́д'б'и, дъ паб'е́д'и, с рабо́т'и, с Укра́йни́, ис шко́л'и; дат.-местн. ударн. жан'е́ пр'исла́л, к с'истр'е́; у капн'е́, у Маскв'е́, у рук'е́, нъ нау'е́; безударн. к рабо́т'ъ, каро́в'ъ, на у́л'и́н'а.

Мягкое склонение: род. ударн. м'ажы́, з'амл'и́ (2х); предл.-род. ударн. дл'а сви́н'-ји́; дат.-местн. ударн. нъ м'ажы́, нъ адне́й душы́, нъ з'амл'и́, у с'ам'и́й, к с'ами́й.

7.2. Говоры к западу от Москвы

{ {воды ⇔ водѣ} ⇔ {глі́нѣ = глі́нѣ} } ⇔ {земли = земли}

Прямые системы восточнорусского типа, но с синкретизмом безударных окончаний твердого склонения по {ѣ} (ср. параллельное развитие в говорах с ильменско-демянской системой, § 8.2.4), известны из говоров к западу от Москвы (Тер-Аванесова 2002: 183). Эти системы связаны своим происхождением со смоленско-кривичскими (см. выше) и древнемосковской (§ 7.3) системами, так как в мягком склонении имеют синкретизм по {и}:

Падеж		Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	ударн.	<i>водѣ</i>	<i>землі</i>
	безударн.	<i>глі́нѣ</i>	<i>прѣжи</i>
Дат. и местн.	ударн.	<i>водѣ</i>	<i>землі</i>
	безударн.	<i>глі́нѣ</i>	<i>прѣжи</i>

7.3. Древнемосковский диалект

{ воды ⇔ водѣ } ⇔ { земли = земли / землѣ }

Система { воды ⇔ водѣ } ⇔ { земли = земли } последовательно представлена в предположительно московской по языку Софийской 1-й летописи старшего извода (рукопись XV в., ПСРЛ, т. 6), в том числе и в тексте «Повести временных лет»³³.

В московских грамотах XIV–XV вв. формы род. п. мягкого склонения всегда имеют окончание *-и*, а дат. и местн. на *-и* и на *-ѣ* сосуществуют, при этом численное соотношение форм на *-и* и на *-ѣ* изменяется от XIV к XV в. в

³³ За исключением немногих архаических форм на *-ѣ* в род. п., по-видимому, перенесенных из протографа ПВЛ, ср. *от Малушѣ ключницы* л. 47. Характерной чертой древнетверского (судя по тверским грамотам и «Хожению» Афанасия Никитина) и древнемосковского диалектов (судя по грамотам начиная с XIV в.) является окончание *-ѣхъ* местн. мн. в «мягких» основах м. р., заимствованное из «твердых» основ. В местн. п. ед. ч. «мягких» *о*-основ в тверских и московских памятниках отмечены как старые формы на *-и*, так и новые на *-ѣ* (*на конѣ, въ сельцѣ*). Старое окончание *-ѣ* в вин. п. мн. ч. «мягких» *о*-основ и в им.-вин. п. *а*-основ в древнетверском и древнемосковском диалектах последовательно заменено вторичным *-и* по аналогии с «твердыми» основами: *кони* вместо **конѣ*, *земли* вместо **землѣ*.

пользу последних. Окончание дат. и местн. п. -ѣ в мягком склонении, по-видимому, заимствовано из соседних восточно- и южнорусских говоров в связи с увеличением населения Москвы за счет миграции из Ростово-Суздальского, Рязанского, Серпуховского и прочих сопредельных княжеств.

Ниже приводятся формы мягкого склонения из текстов в (ДДГ). У твердых основ последовательная оппозиция {воды ⇔ водѣ}.

Грамота	Род.	Дат.	Местн.
Ранний период			
Ивана Васильевича Калиты ок. 1339, 1-й вариант	<i>кнагини</i>	<i>кнагини 4х; Бѣи</i>	<i>на Вори</i>
Семена Ивановича 1353	<i>у Овци; купли; кнагини</i>	<i>кнагини 2х; братьи ⇔ кнагинѣ 5х</i>	<i>братѣ</i>
Ивана Ивановича ок. 1358	<i>Поротли; кнагини</i>	<i>кнагини 2х; [кнаги]ни; Бѣи 2х ⇔ кнагинѣ 3х</i>	<i>бра^ти</i>
Дмитрия Ивановича ок. 1375 (писал Нестерко)		<i>кнагини 2х; [кнаг]ини; Бѣи</i>	
Василия Дмитриевича ок. 1390	<i>с лодии; бе³ торговли</i>	<i>братьи 2х; бра^ти 4х ⇔ землѣ; по землѣ</i>	
Поздний период			
Василия Дмитриевича 1406		<i>кнагинѣ 15х</i>	<i>бра^ти ⇔ по дѣиѣ; кнагинѣ</i>
Василия Дмитриевича 1417		<i>кнагинѣ</i>	
Василия Дмитриевича 1423 (писа ^т Олексѣи Строиловъ)		<i>кнагинѣ 18х; Софѣѣ; черницѣ; братѣ 2х</i>	
Софии Витовтовны, 1451 (писал Ярлык)	<i>кнагини</i>	<i>кнагинѣ 3х; Мръе ⇔ Тр^оци</i>	<i>по своей дѣи; по дѣи; в земли</i>
Василия Васильевича 1469 (писал Василия Беда)	<i>тр^оци 2х; кнѣни 3х; воли</i>	<i>кнѣнѣ 37х; Тр^оцѣ; куплѣ</i>	<i>на Издѣтмелѣ; на Городнѣ; при... кнѣнѣ; воле</i>

Особняком в раннем периоде стоит грамота вел. кн. Дмитрия Ивановича ок. 1389 г., написанная Внуком, в которой преобладают ростово-суздальские черты. Помимо преобладания *-ѣ* в дат.-местн. ед. мягких основ, в этой грамоте последовательно употреблено твердое окончание *-тъ* 3 ед., что говорит о северо-восточном или восточном говоре писца: род. *княгини* 4х; *воли* ⇔ дат. *княгинѣ* 16х (⇔ *княгини* 2х), местн. *княгинѣ* (⇔ *воли*).

7.4. Древнетверской (верхневолжский) диалект

{воды ⇔ водѣ} ⇔ {земли=земли}

Система {воды ⇔ водѣ} ⇔ {земли=земли} была характерна для древнерусского тверского диалекта, в основе которого лежали говоры тверских кривичей (Николаев 2011: 6–10). Представлена в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина: в предположительно близком к протографу Троицком списке в мягком склонении устойчивое окончание *-и* в род., в дат. и местн. п. (Афанасий Никитин: 11–30):

Твердое склонение

Род. п.: *до... горы* 372b, *пошлины* 374a (2х), *воловины* 377a, *со... головы* 378a, *яловичины* 378b, *боранины* 378b, *куратины* 378b, *рыбы* 378b, *свинины* 378b, *вѣры* 380a, 383b, 387b, *среды* 380a, *ястѣвы* 380b, *славы* 380b, *пошлины* 382a, *среды* 383b, *ѿ... бѣды* 383b, *воды* 388a, *казны* 390a, 390b, *от... головы* 391a, 392a, *ис Савы* 391b, *из орды* 391b, 392a, *до Кафы* 392a, *до Вонады* 392a, *ис Платаны* 392a; *Волгы* 369б; *изъ Бакі* 371a, *книгы* 380a ⇔ *пошлины* 378a.

Дат. п.: *веснѣ* 376a, *по вѣрѣ* 383b (2х), 391a; *к Бакѣ* 371a (3х), *по тенкѣ* 381b ⇔ *по однорятки* 369б (2х).

Местн. п.: *на головѣ* 372a, 373b (2х), *в горѣ* 375b, 382b, 390a, *на горѣ* 381b, *на... хороминѣ* 375b, *о вѣрѣ* 377a, *в... губѣ* 386b, *въ тавѣ* 391a, *въ рѣѣ* 391b, *в Кафе* 392a, *в Платанѣ* 392a; *в руцѣ* 375a, *в... руцѣ* 378a, *на дорозѣ* 378b; *на шапкѣ* 385a, *в калмкѣ* 385b, *в Бакѣ* 386b.

Мягкое склонение

Род. п.: *лѣжицы* 378b, *до земли* 379a, *пятницы* 380a, *платници* 383b, *до Инѣи* 383b, *с безводици* 390a, *ис Султаници* 391b.

Дат. п.: *Трѣци* 369a, *по земли* 379a, 380a, 384a ⇔ *къ Ширваниѣ* бѣгу 370b.

Местн. п.: *в... земли* 372b (5х), 373a (3х), 374b, 384b, 386b (3х), 391a, *на земли* 379a, 383b, *в Инѣи* 383b, *во Инѣи* 384b ⇔ *на конюшне* 387b (2х).

В современных говорах в окрестностях Твери эта система не отмечена, она заместила восточнорусской.

Древнетверская система в XV–XVI вв. была характерна и для севернотверских по происхождению белозерских говоров — она представлена в Москов-

ско-Академической и Радзивиловской летописях³⁴ (как в тексте ПВЛ, так и в целом по тексту летописи). О преимущественно древнетверском происхождении белозерских и восточновологодских говоров см. (Николаев 2011: 5).

Ниже в материале Московско-Академической летописи не учитываются церковнославянские формы род. п. на *-а* (*-я*, *-а*). По-видимому, из протографа сохранились формы род. п. на *-ѣ*: *ѿ грекине* 39, *ѿ чехинѣ* 39. Форма *ѿ болгарины* 39 — описка вместо **болгарыни*.

Род. п.: *Бѣи* 65, *землі* 12 об., *земли* 32 об. (2х), 33, 34, 68, 72 (2х), *ѿ земли* 67 об., *ѿ лодыи* 15 об., *ѿ Малуши* 33 об. и т. д.

Дат и местн. п.: *Бѣи* 65, *въ... Бѣи* 68, *братыи* 74, *по... вѣверици* 7 об., *на грекини* 36 об., *къ двѣи* 52, *земли* 51 об., 58, 68 об., 73 об., *в земли* 67, *в земли* 17 об., *на земли* 2, 41 об., 56, 59 об., 61, 70, 73 об., *по... земли* 2, 28 об., 53, 54, *по земли* 2, 20 об., *по землі* 45, *ко зміи* 44 об., *ко Куриніи* 1, *в лодіи* 26 об., *в лоѣи* 26 об., 31 об., *Мѣи* 52, *о млѣныи* 29, *по нужіи* 15 об., *въ Паніи* 11, *пищи* 68 об., *по пустыни* 48, 48 об., *по пустыни* 48 об., *в Самаріи* 49 об (2х) и т. д.

7.5. Белорусский литературный язык. Центральнобелорусская система

{воды ⇔ водѣ} ⇔ {земли = земли}

Система {воды ⇔ водѣ} ⇔ {земли = земли} с сохранением оппозиции падежей в твердом склонении и с синкретизмом в мягком по форме дат.-местн. п. характерна для многих белорусских говоров. Она была стандартной в белорусской «простой мове» XV–XVIII вв.³⁵ и является литературной белорусской нормой:

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>вады</i>	<i>зямлі, душы, гары</i>
Дат. и местн.	<i>вадзе</i>	<i>зямлі, душы, гары</i>

³⁴ В Московско-Академической летописи регулярно отмечается графическое неразличение *ѣ* и *ь* в услауте не только после губных (что характерно для всех севернорусских говоров новгородского происхождения), но и после зубных шумных согласных, что указывает на фонетическую твердость последних. При общем наборе остальных признаков, характеризующих говор писца Московско-Академической летописи как севернорусский, именно отверждение дентальных, наряду с системой склонения *а*-основ, надежно локализует рукопись в белозерско-западновологодском регионе.

³⁵ См., например, тексты в: [Протоиерей И. Григорович]. Белорусский архив древних грамот. Часть первая. М., 1824.

Есть основания полагать, что данная система образует сплошной ареал в центральной и северо-западной Белоруссии, ее юго-восточная граница проходит по междуречью Припяти и Днепра, см. подробности в (Тер-Аванесова 2002: 183 и карта). Система близка к древнетверской (верхневолжской) (§ 7.4), за одним отклонением: в белорусских говорах по мягкому склонению изменяются основы на *t по аналогии с основами на *tj в результате утраты фонологической оппозиции /t/ ~ /t'/.

Центральнобелорусские говоры, праславянская диалектная основа которых неясна (по-видимому, смешанная дреговичско-полоцко-кривичская), сформировались в языковом союзе с севернолехитскими говорами, в которых развилась аналогичная система склонения (§ 7.7). Усложненные варианты центральнобелорусской системы представлены в говорах русско-белорусского пограничья, имеющих полоцко-кривичское происхождение.

7.5.1. Хмельник Городокского р-на Витебской обл. (2005)

{ {воды́=воды́} ⇔ {глины́ ⇔ глины́/глинѣ́} } = {рукѣ́=рукѣ́} ⇔ {земли́=земли́}

Инф. Т. И. Коробова (Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 140).

Прямая система в твердом склонении сохраняется только при безударных окончаниях. Общее окончание зубных основ под ударением -ы, губные и заднеязычные основы имеют синкретизм по {ѣ́}, мягкие — по {и́}.

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Губное и заднеязычное склонение	Мягкое склонение
		зубные	губные, заднеязычные	мягкие
Род.	ударн.	{ы́} -ы́	{ѣ́} -ѣ́	{и́} -ы́
	безударн.	{ы́} -ы́	{ѣ́} -ѣ́	
Дат., местн.	ударн.	{ы́} -ы́	{ѣ́} -ѣ́	{и́} -и́/-ы́
	безударн.	{ы́} -ы́ ⇔ {ѣ́} -и́	{ѣ́} -и́, -ѣ́	{и́} -ы́

Материал. Твердое склонение: род. ударн. залѣ́, вадѣ́; безударн. стóръны; местн. ударн. нѣ́ вадѣ́; безударн. на В'ѣц'ипищыны, нѣ́ (у) кварц'ѣры ⇔ у хѣц'и, нѣ́ рѣн'и.

Губное и заднеязычное склонение: род. ударн. мук'ѣ́, иѣлх'ѣ́; безударн. у бѣб'ѣ́, бул'б'ѣ́; местн. ударн. нѣ́ рук'ѣ́, нѣ́ гѣлѣв'ѣ́; безударн. г бѣб'и, нѣ́ бѣб'и, на бул'б'ѣ́, нѣ́ салом'и.

Мягкое склонение: род. ударн. с' м'ажѣ́; дат.-местн. ударн. нѣ́ м'ажѣ́, м'ажѣ́, нѣ́ з'амл'и́; безударн. у йѣжы́.

7.5.2. Рудня Городокского р-на Витебской обл. (2005; инф. В. А. Марач [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 139–140])

{воды/водѣ=воды/водѣ} ⇔ {рукѣ=рукѣ} ⇔ {земли=земли}

Зубные и губные основы имеют синкретизм по {ѣ/ы}, губные и заднеязычные — синкретизм по {ѣ}, мягкие — по {и}.

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Заднеязычное склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	заднеязычные	мягкие
Род.	ударн.	{ы} -ы́ ⇔ {ѣ} -é	{ѣ} -é	{и} -í
	безударн.	{ы} -ы ⇔ {ѣ} -и		
Дат. и местн.	ударн.	{ы} -ы́ ⇔ {ѣ} -é	{ѣ} -é	{и} -í
	безударн.	{ы} -ы ⇔ {ѣ} -и		

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *с вайны́, вайны́, с тей стѣраны́* ⇔ *у н'ил'э;* безударн. *къла цѣрквы, с полнаты, с'ылы* ⇔ *с кофц'и, са школ'и, ат школ'и, бул'б'и;* дат.-местн. ударн. *тей гары́, в пл'иты́, в вады́, на, у капы́* ⇔ *у вадз'э, в гълав'э;* безударн. *В'еры Ал'екс'евны* ⇔ *в хяц'и, у школ'и.*

Заднеязычное склонение: род. ударн. *къл р'ак'э, дачк'э;* дат.-местн. ударн. *нѣ р'ак'э, нѣ нагэ, у р'ак'э.*

Мягкое склонение: род. ударн. *з'амл'и́;* дат.-местн. ударн. *з з'амл'и́.*

7.6. Древнепсковский диалект

*{воды=водѣ} ⇔ {земли=земли}

Вероятно, независимо от перечисленных выше систем развились (северно)псковские системы с синкретизмом мягкого склонения по {и}. Между смоленско-полоцким и севернопсковским ареалом расположены также кривичские по происхождению обратные системы с сохранением оппозиции праславянских окончаний в мягком склонении (§5). В древнепсковских памятниках отмечены 3 системы, первая из которых, по-видимому, наиболее близка к протосистеме {воды=водѣ} ⇔ {земли=земли}. В современных севернопсковских говорах превалирует полностью синкретическая система {воды=воды}={земли=земли} (III новгородская система, §8.2.5).

7.6.1. I древнепсковская система. Строевский список Псковской 3-й летописи. Первый основной почерк

{воды/водѣ=водѣ} ⇔ {земли=земли}

Строевский список Псковской 3-й летописи (далее СтрСп.), написанный, по всей видимости, в 60-х годах XVI в. (ПЛ 1955: IX–X), является памятником древнепсковского (в других терминах, псковского кривичского) диалекта XVI в.

Первый основной (акцентуированный) почерк представлен на лл. 1а–182а (исключая листы 3а–3б, 42а–42б, 51а–51б, 53а–54б, 124б). В общем виде система род. и дат. и местн. I почерка Строевского списка представляет собой систему {водѣ/воды ⇔ водѣ} ⇔ {земли=земли}.

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение	
	Зубные, губные, заднеязычные	Шипящие и <i>ц</i>	Мягкие сонанты и <i>ј</i>
Род.	<i>воды/водѣ</i>	<i>душѣ/души</i>	<i>земли</i>
Дат. и местн.	<i>водѣ</i>	<i>душѣ/души</i>	<i>земли</i>

«Относительно поздней является система: Р. ед. *жены* (и *женѣ*), *земли*, Д. М. *женѣ* (и *жены*), *земли*. Она отразилась в ряде поздних списков с грамот XIV–XV вв.» (Зализняк 1993: 215). В частности, эта система характерна для Псковской судной грамоты (по списку XVI в.).

Материал³⁶.

Твердое склонение

Род. на {ы}

Основы на зубные: *силы* 8а, 10б, 24б; *Силы* 48б; *Феклы* 36а; *Николы* 17б, 21б, 23б, 28б, 37а, 38а, 78а, 78б, 100б, 105б, 173а; *Похвалы* 117б; *весны* 13б, 20а, 43б, 45б, 52а, 55б, 65б (2х), 77а, 79б, 104б, 105а, 118б, 180а, *из весны* 33б; *вины* 137б; *стѣны* 68б, 87а, 100б, *до стѣны* 92б, *у...* *стѣны* 39б, *оу...* *стѣны* 116б; *от...* *страны* 25б; *дружину* 43а, 44а, 48а; *измѣны* 127а, *с Бѣзмены* 153а; *от иконы* 61а, 61б, 78а, 88б; *оу Коломны* 151а; *Латины* 7а; *вотчины* 112б, *от...* *вотчины* 110б, 112а, *до...* *вотчины* 165б; *отчины* 180б; *с оукраины* 7а; *Оульаны* 9а; *воды* 24б, 91а, 142б; *с воды* 162а; *езды*

³⁶ В диссертации (Алпатов 2005) приводится материал СтрСп. по формам род., дат. и местн. ед. *ā/jā*-склонения, однако он разобран не по типам основ, а по признаку «подударное/безударное окончание», причем ударение определяется по русскому литературному языку. По-видимому, это случилось вследствие незнания автора с рукописью, в которой 1-й основной почерк сплошь акцентован. Акцентуационная система, представленная в

166b, 170b; *ис...* мзды 126a; *из Орды* 68a; *воеводы* 5b; *ради обиды* 50b; *правды* 134b; *Оулиты* 47a; *грозы* 7a; *от Роусы* 133b, *из Роусы* 145b.

Основы на губные: *из...* головы 1b, главы 78b, 95b; *Литвы* 62b, 7000 *Литвы* 63b, *из Литвы* 15a, 40b, 71b, 77a, 80a, 138b, *от Литвы* 24a; *с Москвы* 46b, 80a, 94a, 101a, 104b, 105a, 111a, 118b, 124a, 126a, 131a, 140a, 147a, 166b, 180a, 182a, *съ Москвы* 148b, *из Москвы* 70a, 70b, 151b; *из нятвы* 40b; *от Псковы* 38b, *до Псковы* 43b; *Савы* 28b; *оуправы* 125b; *рыбы* 92a; *зимы* 3b, 9a, 19b, 25a, 45a, 45b (2х), 46b, 57b, 69b, 76b (2х), 79a, 80a, 101a, 102a, 104b, 110a, 111a, 112b, 118b, 121b, 123a, 130b, 132b, 134a, 148b, 149a, 156b, 156b, 157a, 159b, 160b, 165a, 171b, 172a, 178b, 180a, *до зимы* 43b; *Козьмы* 100a, *Козмы* 105a; *из Костромы* 160a; *Фомы* 116a; *истомы* 114b, 176b.

Основы на заднеязычные: ({ы} = /и/): *рѣки* 49a, *от...* *рѣки* 38b, 43b, 68b, 100b, 115a, 118a, *от рѣки* 113a, *до...* *рѣки* 38b, 43b, *стоящие...* *оу рѣки* 52b; *ис...* *роуки* 129b; *оу Вопоки* 17b, *до Опоки* 17b; *оу рѣчки* 23a.

Род. на {ѣ}

Основы на парные зубные: *противъ...* *горѣ* 69b, *от...* *горѣ* 115a; *оу Похвалѣ* 100a; *от Гоболѣ* 92b; *Николѣ* 77b, 104b, 142a, 157b, *въ [=у]...* *Николѣ* 153b, *от...* *Николѣ* 153b; *силѣ* 102b, 144a, *противоу силѣ* 89a, *около...* *силѣ* 143b; *весне* 61b, 120a, 127a, 138b, 150a, 157a, 157b, 165b, 167a; *тоя же веснѣ* 173a; *с вѣшне* 139b; *стенѣ* 113a, *с стѣне* 142b; *с...* *сторонѣ* 100b, *с...* *стороне* 135b; *тишине* 112a; *дружине* 16a, *дружине* 20b; *с...* *вотчинѣ* 173a; *царевне* 154a; *послине* 176b; *старинѣ* 176b; *от...* *Баибородѣ* 48b; *звезде* 149a; *колодѣ* 164a; *оу Лодѣ* 172b, 173a (р. Лада); *от Климате* 118a; *до Роусѣ* 172a, *из Роуше* 146a.

Основы на губные: *около...* *голове* 26a; *исправѣ* 156b; *оуправѣ* 138b, 157b, *до оуправѣ* 168b; *с...* *гоубѣ* 144a; *до...* *избе* 52a; *зимѣ* 61a, 61b, 111a, 125a, 126a, 177b, 178a; *от...* *папѣ* 78b; *от Псковѣ* *рѣкѣ* 100b, *на Кромоу от Псковѣ* 60b, *от...* *Псковѣ* 113a, *от Псковѣ* 115a.

Строевском списке, такова, что ударение с конечного открытого слога обычно оттягивается на предшествующий слог (ударение не оттягивается только через слабый редуцированный). Ниже приводится весь акцентуированный материал из I (основного) почерка СтрСп. по формам род., дат. и местн. п. от основ, имеющих в литературном языке конечное ударение: **весня́:** род. *вѣсны* 13b, 20a, 43b, 45b, 52a; *и³ вѣсны* gen. sg. 33b; местн. *в вѣснѣ* 46a, *в вѣсне* 47a, *вѣсне* 120a; **водя́:** род. *вѣды* 114b; **горя́:** местн. *на Гѣрѣ* 13a; **грозя́:** род. *грѣзы* 7a, *грѣзы* 10a; **женя́:** дат. *жѣне* 25b, *жѣнѣ* 32a; **земля́:** род. *зѣмли* 34b, 71b, *зѣмля* 8a (один раз «стандартное» *зѣмлі* 1b в начале рукописи); местн. *зѣмли* 68b, 73a, 76a, 107a, 145a; **зима́:** род. *зѣмы* 19b, 24b, 43b, 45b, 57b, 93b, 101a, 102a, 104b, 110a, 112b, 134a, 148b, 149a, 171b, 172a, 178b; *зѣмѣ* 125a; **луна́:** местн. *в лоу́нѣ* 67b; **река́:** род. *рѣки* 43b, 68b, 118a, *оу рѣки* 52b, *рѣке* 151a; дат. *рѣке* 127b, 118a, *к рѣке* 49a; местн. *на рѣке* 20a, *о рѣке* 52b, *рѣкѣ* 75a, *рѣке* 147b, *в рѣце* 49a, *в рѣцѣ* 21b; **стѣня́:** род. *стѣны* 68b, *с стѣне* 142b; дат. *к стѣнѣ* 71a; местн. *на стѣне* 35b. Церковнославянские заимствования: **глава́:** дат. *по гла́вѣ* 10a; **страна́:** род. *стра́ны* 25b; местн. *въ стра́нѣ* 10a, *стра́не* 45a, *во стра́не* 56a. Следовательно, разбор склонения с учетом «ударности/безударности» окончаний здесь не имеет смысла.

Основы на заднеязычные: у Оке 151а; от... рѣке 70а, 115а, от... рѣкъ 100б, оу... реке 76а, до... рѣке 115а (2х), с... рѣке 161б; до рецѣ 1б (sic!); оу... владыке 146б, от владыке 155б; оу рѣчке 172б, 173а; подле... стенке 38б; от Кирыпиге 50а, до Кирыпиге 50а, 152б, оу Кирыпиге 56б; из Рыге 76а, 132б.

Род. на {и}

Только 2 примера у основ на губные: оуправи 129а; зими 172б. Формы с Москвы 150б, 182б могут быть род. п. от параллельной основы *Москы — ср. ниже местн. Москвы. Так же может объясняться форма до Псковы 115а — ср. регулярную основу *Пльскъ- > Пскв- во II почерке.

Дат. и местн. на {ь} (специально отмечается дат. падеж)

Основы на парные зубные: в вѣре 34а, о вѣртѣ 138а; на горѣ 18б, на... горе 39а, 43б, на... горѣ 80б, 84а, 100а, 118а; в грамотѣ 101б, 110а, 110б, оу... грамотѣ 122а, на... грамотѣ 115а, о... грамотѣ 122а (2х), по... грамотѣ 131а–б, дат. грамотѣ 171а; на Оугрѣ 55а; в... опалѣ 175а; в силѣ 8а, 14а, 23б, 36б, 66б, 70б, 89а, 102а, в силе 40б, в силе 145б, дат. силѣ 159б, 161б; в веснѣ 47а; в Вилнѣ 139а, 139б; по гривне 52а; на Двинѣ 4б, на Двьине 46а, в Двине 6а, по Двине 6а; по дѣдине 18а; на Доубровнѣ 95б; в... дружинѣ 20а, 21а, 23а, 24а, 72а, 76а; дат. женѣ 25б, женѣ 32а; к... Ионе 97а; в лоунѣ 9а, 12а, 67б, 68а (2х), 69б (2х), в лоуне 46а; на Мироповнѣ (название речки) 7б; на Опочне 19а; дат. вотчинѣ 97б, вотчинѣ 111б, 131а, 173б, 174а, отчине 112б, 155а, 159б (2х), 182б (3х); дат. отчине 112б, по отчинѣ 18а, по... вотчинѣ 131б, на... вотчинѣ 45б, в... отчине 70б, в вотчинѣ 154б, к... вотчинѣ 176б; по полтине 118б; по... пошлѣ 74б, 96б, по... пошлѣ 84а, по... послѣ 91а, на... пошлѣ 81а, на... пошлѣ 104б, 119а, о послѣ 108а; по старинѣ 18а, 59а, 66б, 90б, 99а, 108а (2х), 115а, 115б, 163б, 170б, 181б, по старинѣ 56б, 57а, 73б (2х), 74а, 79б, 90а, 92а, 101а, 112б, 114б, 115а, 115б, 140б, 146б (2х), 157а, 177б, по старинѣ 101б, 116а, по... старинѣ 166б, в старинѣ 169а, оу старинѣ 171а, в старинѣ 182а; на стѣне 35б, 83а, 113б, на... стѣне 61б, 118а, в... стѣне 43а, 86а, в... стене 87а, 105а, 113б, дат. к... стѣне 43а, 44б, к стѣне 71а, по... стѣне 87б; на... сторонѣ 49а, на... сторонѣ 129а, 135б; в странѣ 10а, в стране 33б, во стране 56а, на... стране 45а; в водѣ 7б, 125б, о водѣ 125б, 132б, 133а, 157а; о воеводѣ 144а, дат. воеводѣ 107б, 162а, воеводе 143а, к... воеводѣ 162а, по мздѣ 168а; въ... насаде 152б; в Роусѣ 142а.

Основы на губные: на Вдовѣ 67б; по главѣ 9б, 106а, на главѣ 154а; по... сдержавѣ 162б; в Литве 18а, 71б, 156б, в Литвѣ 30а, 78а; дат. Лоувѣ (антропоним) 5а; дат. молитвѣ 26б; на Москвѣ 61б, 87а, 100а, на Москве 147б, дат. к Москвѣ 82а, к Москве 150а, 156а (2х); на Наровѣ 13б, на Норовѣ 83б, 81б, 109а; на Псковѣ 39б, 207б, на Псковѣ 59а, 75а, ко Псковѣ 118а; на славѣ 5б; в Уиштовѣ 135б; в... гоубѣ 142а, на... гоубѣ 197б; на слоужбѣ 190а, на... слоужбѣ 192б.

Основы на заднеязычные: дат. владыке 73а, 148б, 168б, 171б, о владыке 112б; на вологѣ 155а; на Горке 38б, на Горкѣ 59б; на Жалачке 98б; дат. Иголке 159а; по Любкѣ 24б; об Оке 151а; на Опочке 59б, к... Опочке 62а; на рѣке 20а, 49б, на... рѣке 75а, 147б, о рѣке 52б, об... рѣке 151а, дат. к... реке 13а, к рѣке 49а, к... рѣке 70б, ко... рѣке 118а, по... рѣке 127а; с отражением «ауслатного яканья»: на Сини река 113а; на Черехе 67а, 147б. С церковнославянской палатализацией веларных: дат. владыче 64а,

владыцѣ 86b, 115b, к владычѣ 97a, къ владыцѣ 121b; на рѣцѣ 4b, 7b, в рѣцѣ 14b, 21b, 49a, на рече 34a, на... рѣце 81b, на... рѣцѣ 103b, дат. к рѣце 140b; по той руке 107b; дат. к Рыге 133b; -з-: к Рызѣ 162b.

[Местн. на {и} и {ы}: Регулярно встречается в местн. п. от «Москва», но эта форма, по-видимому, представляет собой местн. п. от *Москы: на Москви 83a, 126a, 152a, 155a, 157a, 165b, 178a, на Москви 148b, 178a. «Разносклоняемостью» основы объясняются и компромиссные формы дат.-местн. п. в Москвы 70b, к Москвы 72a, на Москвы 112b, 172a].

Мягкое склонение

Род. на {и}: от гребли 52a; **земли** 1a, 1b, **земли** 106b, **изо...** **земли** 15a, **из...** **земли** 34b, 85b, **от...** **земли** 97a, 99a, с... **земли** 114b, с **земли** 162a; **недели** 28b; **погони** 5a; **святыни** 35a; **Магдалыни** 73b; **Марьи** 73b; **Богородици** 9b, 43a, 78b, 81a, 99b, 100a (2x), 115a, 116a, 117b, 118a, 121a, 125b, 128a, 150b, 168a, 159a; с **божницы** 94a; **до вербницы** 102b; **оу...** **грядницы** 128b; **от...** **лавицы** 86a, 87a–b, **от...** **лавицы** 92b, 115b, **до...** **лавицы** 92b, **лавицы** 92b; **мученицы** 36a; **великомученицы** 61b; **Троицы** 7a, 7b, 60a, 85a, 91a, 116a, 122b, 154a, 154a, 155a, 157a, 158a, 159a, 164b, 165a, **оу...** **Троицы** 59b; **у...** **Троицы** 85a, **оу...** **Троицы** 25a, 116a, 121b; **оу...** **оулицы** 62a, **из...** **оулицы** 91b, **оулицы** 92b.

Род. на {ѣ}: оу Мѣкужице 23a, **до Омовже** 1b, **по обѣ стороны Омовже** 20a.

Дат. и местн. на {и}: по... **воли** 15a, 56b, 57a, 109a, 109a, 146b, 172a, **на воли** 162a, **на...** **воли** 164a, 164a; **по...** **земли** 1a, 107a, 145a, 145b, **земли** 7b, **на...** **земли** 20a, 45b, 66a, 66a, 70a, 75a, 81b, 82a, 86b, 123b, **в...** **земли** 68b, 72b, 68b, 76a, 90b, 94a, 140b, **оу...** **земли** 75b–76a (**оу** = **въ**), **о земли** 125b, 125b, 133a, 138b, 157a, **о земли** 132b; **в...** **недели** 1b, **на недели** 13b, **на...** **недели** 33b, 59a, 65b, 66b, 72a, 72a, 72a, 77a, 80a, 87b, 88a, 89a, 103b, 104b, 140a, 140b, 169a, 169a, 173a, дат. **недели** 69b, к **недели** 116b, 139a; дат. **ко княгини** 18a; **о...** **Ильи** 28a; дат. **Богородицы** 34a, к... **богородицы** 153b; **в грядьницы** 128b; **на Званицы** 117b; **на...** **колоколници** 61b, 118a; **на Серицы (рѣке)** 49b; **в...** **Троицы** 4a, 11b, 25a, 81a, 178b, **въ...** **Троицы** 83b, 86a, 91a, 96b, дат. к... **Троицы** 19a, 62a, 28a, **Троицы** 26b, 50a, **ко...** **Троицы** 59a, 61b, 113b; **в...** **оулицы** 118a, дат. **ко...** **оулицы** 87b; **о доуши** 31a, 127a; **о...** **чаши** 127a; **на Мирожу** 105b, 163b.

Дат. и местн. на {ѣ}: в... **Троицѣ** 29a; **о Мѣкоужиче** 23a; **на Званице** 128b; **на Пивже** 20a; дат. **госпоже** 34a; **по вечерне** 128a; **на...** **неделе** 47b, 55b.

Многочисленные формы на род. п. твердых основ с окончанием {ы}, по-видимому, принадлежали говору писца, наряду с альтернативным окончанием {ѣ}. Система Строевского списка является аналогом системе Псковской судной грамоты и, тем самым, системой городского псковского диалекта XVI в. и, вероятно, более раннего времени, так как система склонения *а*-основ остается неизменной на протяжении всей летописи. Архивский список 3-й Псковской летописи является «причесанной» версией СтрСп. с «олитературированием» многих диалектизмов, однако система склонения в нем в принципе не отличается от системы СтрСп. Род. п. на -ы (*голови, весны* и т. п.) в Строевском списке летописи и в Псковской судной грамоте вряд ли объясняется церковно-

славянским влиянием из-за общей «бытовой» стилистики текста, в котором церковнославянские формы употребляются только в специальных контекстах³⁷.

Немаловажно то, что не все типы основ ведут себя одинаково при употреблении окончаний род. п. В количественном отношении преобладает исконное для твердого склонения окончание {ы}. Частота употребления инновационного окончания {ѣ} зависит от типа основы.

В основах на губные и зубные флексия {ы} употребляется чаще, чем флексия {ѣ}; в основах с конечными плавными и заднеязычными частота употребления обеих флексий приблизительно одинакова. Это свидетельствует о неравномерности проникновения окончания {ѣ} в форму род. п. твердого склонения. Два случая — род. п. *оуправи* 129а; *зими* 172b — объясняются особым статусом губных согласных, см. § 1.2.

Флексия род. п. {ѣ} отмечена в основах на шипящие (отвердевшие, и потому принимающие окончания твердого склонения): *оу Мѣкужице* 23а, *до Омовже* 1b, *по обѣ стороны Омовже* 20а. В дат. и местн. окончание {ѣ} также в основном встречается в основах на шипящие и *ц*: *на Пивже* 20а, *госпоже* 34а, *о Мѣкоужице* 23а, *в святѣи Троицѣ* 29а, *на Званице* 128b. Исключения — *на... неделе* 47b, 55b, *по вечерне* 128а.

Таким образом, синкретический характер род., дат. и местн. п. мягких основ в I почерке Строевского списка не вызывает сомнений.

7.6.2. II древнепсковская система. Строевский список Псковской 3-й летописи. Второй основной почерк

{водѣ/воды≈водѣ/воды}⇔{земли=земли}

Второй основной (неакцентуированный) почерк Строевского списка представлен на лл. 182b–214b. Система род., дат. и местн. второго основного почерка СтрСп. синкретична, кроме основ на губные, которые имеют особое окончание дат.-местн. п. -и, заимствованное из мягкого склонения:

Падеж	Твердое склонение			Мягкое склонение
	зубные	губные	заднеязычные	мягкие
Род.	<i>воды/водѣ</i>	<i>рыбы/(рыбѣ)</i>	<i>муки/мукѣ</i>	<i>земли</i>
Дат. и местн.	<i>водѣ/воды</i>	<i>рыбы/рыби</i>	<i>муки/мукѣ</i>	<i>земли</i>

³⁷ Регулярное исключение — окончание *-jѣ в род. п. ед. ч. членных прилагательных и местоимений и в им.-вин. п. мн. ч. *-ѣ существительных, почти всегда записываемое как -а. «Русское» окончание -е в этой позиции встречается гораздо реже. Впрочем, не исключено, что в диалекте писца в этих позициях действительно произносилось [-ja] с «псковским яканьем».

Ниже приводится материал по склонению основ на парные зубные, губные и заднеязычные согласные.

Основы на зубные: род. *чкоты* 201а, *волокиды* 210b, *отчины* 210b, *вѣсны* 193а (2х) ⇔ *чхоте* 193b, *чхотѣ* 193b, *стороне* 207b, *от...* *стене* 212а; *всеи проторѣ* 195а, 199b, *около...* *горе* 203а, *силе* 200b; дат. и местн.: 17 примеров с {ѣ} ⇔ *к стѣны* 198а, *в...* *стены* 211b, *в...* *стены* 212а, *Николы* 194а, 198а.

Основы на губные: род. *без главы* 214b, *рыбы* 188а, *зимы* 192b (2х), 195а, 197а (2х), 197b, 200а, 202b; с *Москвы* 183а, 184b, 194а, 199а; на *оустыи Псковы* 208а ⇔ *рыбе* 188а, *зиме* 210b, а также в формах от **Москъва/*Мъскъв-* и **Пльскъва/*Пльскъв-*: от *Москве* 213а, *Пскове* 212а, *от...* *Пскове* 212а; дат. и местн. к *Москвы* 203b, 210b, 210b ⇔ в *тюрми* 208а; к *Москви* 213а (так же в I почерке [§ 7.6.1; см. комментарий в § 1.2]).

Основы на заднеязычные: род. *до Толокнянки* 202b; *от реки* 212а (2х), *до...* *реки* 212а, *рѣкы* 187а ⇔ *рѣцѣ* 187а (в неправильной церковнославянской форме), *моуке* 188а; дат. и местн. *на...* *реки* 202b, *к...* *реки* 207b, на *Оусохи* 208а, на *Опочки* 205а, к *Опочки* 213а ⇔ *владыке* 191b, 192а, на *Рыге* 193а, *по...* *реке* 193b(2х), *на...* *рекѣ* 207b, *по...* *рѣце* 196а, к *Опочке* 213а.

Эта система структурно близка к III древнепсковской системе (так же синкретична по падежам при различении склонений), однако, наряду с {ѣ}, имеет окончание {ы} в дат. и местн. п. твердого склонения.

7.6.3. III древнепсковская система

{водѣ=водѣ} ⇔ {земли=земли}

По немногочисленным подлинным древнепсковским берестяным и пергаменным грамотам XIII–XIV вв. А. А. Зализняк описал систему с генерализацией {ѣ} в твердом склонении и генерализацией {и} в мягком. Эта синкретическая система приводится здесь, поскольку она, по-видимому, происходит из разобранной выше I древнепсковской системы.

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>водѣ</i>	<i>земли</i>
Дат. и местн.	<i>водѣ</i>	<i>земли</i>

Материал по твердым основам, релевантным для определения типа системы: род. п. *оу Даних[е]* БГ № 4 (XIV₁), *гривне* Хрест., № 35 (нач. XIV), *Микоуле* Валк, № 1 (1418–19 гг.), с *половине*, *оцѣне* (3х), *воде* Мар., № 33 (1417–21 гг.), *белке*, *исправе* Хрест., № 42 (1463–65 гг.); дат. и местн. п.: *беле* БГ № 6 (XIII), к *Вацюте* БГ № 7 (XIII), *Комоурде* Хрест., № 35, *оцѣне*, *сестре*, на *Ваде* (2х) Мар., № 33, *грамоте*, *по сеи грамоте*, *по правде* Валк, № 1, *по...*

послине Хрест., № 42 (Зализняк 1993: 214). «В рамки этой же системы укладывается материал ряда грамот, дошедших до нас лишь в списках XVII в. Таковы: Мар., № 1, 2, 3, 6, 12, 19, 20, 21, 23, 25, 29, 32; ГВНП, № 342, 343, 346 (правда, в некоторых из них материала очень мало)» (там же). Не исключено, что в перечисленных грамотах случайно отсутствует род. п. на -ы твердого склонения, употребляющийся параллельно с формами на {ѣ} в Строевском списке Псковской летописи и в Псковской судной грамоте (§ 7.6.1, 7.6.2). В современных псковских говорах III псковская система не обнаружена.

7.7. Внешние связи системы {воды=водѣ} ⇔ {земли=земли}

Система с синкретизмом род., дат. и местн. п. мягкого склонения по -i, видимо, возникшим по аналогии с *i*-склонением (род. **zemj+i* как **soli*), характерна не только для восточнославянских диалектов, но и для северо-восточных польских говоров, включая польский литературный язык: род. *trawy*, дат. и местн. *trawie* ⇔ род., дат. и местн. *ziemi* (Зализняк 1993: 216). Эта инновация противоположна той, что характеризует сопредельную дулебскую систему (§ 8.1), в которой синкретическое окончание род., дат. и местн. п. *ja*-основ *-ě (< *-ѣ, *-ѣ) было заимствовано склонением *i*-основ. Развитие лехитской, центральнобелорусской и остальных восточнославянских систем с синкретизмом {zeml'i=zeml'i} происходило одновременно, так как смоленско-полоцкие кривичи, по данным памятников письменности, еще в XIV в. имели систему склонения, исторически тождественную праславянской (§ 4.1.4, 4.2.4). Представляется вероятным распространение синкретизма окончаний мягкого склонения по -i с запада на восток — в говоры полоцко- и смоленско-кривичского происхождения — из севернолехитско-центральнобелорусского ареала. Аналогичная древнепсковская система, по-видимому, представляет собой результат независимого развития.

Синкретизм мягкого склонения по -i отмечен также в нескольких карпатоукраинских говорах, где он, по-видимому, независимо развился под влиянием парадигмы *i*-основ (АУМ II, карта 172).

§ 8. ПРЯМЫЕ СИСТЕМЫ С СИНКРЕТИЗМОМ МЯГКОГО СКЛОНЕНИЯ ПО ФОРМЕ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА (*-ѣ)

Синкретизм форм мягкого склонения по форме родительного падежа отмечается в двух обширных ареалах, полесско-припятском и псковско-новгородском.

8.1. Дулебская система. Украинский литературный язык

{ воды $\Leftrightarrow$ водѣ } $\Leftrightarrow$ { землѣ = землѣ }

Дулебская (припятско-полесская) система характерна для дулебских по происхождению волынско-полесских украинских, брестско-пинских белорусских, среднеполесских и большинства восточнополесских украинских говоров, а также для украинских говоров смешанного происхождения, сопредельных полесским и/или происходящим от них: южноволынских, подольских, слобожанских и юго-восточных: ср.-полесск. род. *vodŭ*, дат. и местн. *vod'jé* $\Leftrightarrow$ род. *zeml'jé*, дат. и местн. *zeml'jé* и их фонетические варианты (АУМ I, карты 182, 187; II, карта 172). Система соотносится с ареалом дулебов и их потомков — близкородственных племенных диалектов волянян, дреговичей, древлян и полян (Седов 1982: 90–22; Николаев, Тер-Аванесова, Толстая 2013). Фонетическое преобразование этой системы в украинском литературном языке:

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>води</i> < * <i>vody</i>	<i>землі</i> < * <i>zeml'ě</i>
Дат. и местн.	<i>воді</i> < * <i>vodě</i>	<i>землі</i> < * <i>zeml'ě</i>

Синкретическое окончание *-ě, общее для род., дат. и местн. п. *ja*-основ, заимствовано склонением *i*-основ: род., дат. и местн. п. *coli* < **sol*+ě. Эта инновация противоположна той, что характеризует сопредельную центрально-белорусскую систему (§ 7.5), в которой исконное синкретическое окончание род., дат. и местн. п. *i*-основ *-i сохранилось и, возможно, было заимствовано в мягкое склонение *a*-основ. Судя по сплошному ареалу в полесских говорах от Бреста до Чернигова и распространению по всей Волини и юго-востоку Украины, система { воды $\Leftrightarrow$ водѣ } $\Leftrightarrow$ { землѣ = землѣ } не является поздней инновацией.

8.2. Новгородские системы

*{ воды = водѣ } $\Leftrightarrow$ { землѣ = землѣ }

Ниже приводится анализ ряда генетически связанных систем, некоторые из которых синкретичны с древнего времени — I новгородская известна с XI в., III новгородская с XV в. Формально их протосистема (также сохранившаяся в диалектах) совпадает с дулебской системой (§ 8.1), однако генетическое родство этих систем маловероятно.

8.2.1. **И новгородская система**

{водѣ/воды=водѣ} ⇔ {землѣ=землѣ}

8.2.1.1. Древненовгородский диалект

{водѣ/воды=водѣ} ⇔ {землѣ=землѣ}

И новгородская система отражена в ранних берестяных грамотах, где окончания совпали преимущественно в -ѣ (Зализняк 1993: 214–216; 2004: 95–98) (в квадратных скобках — по-видимому, инодиалектные формы):

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>водѣ</i> , редк. <i>воды</i>	<i>землѣ</i> [/земли]
Дат. и местн.	<i>водѣ</i>	<i>землѣ</i> [/земли]

Большинство форм мягкого склонения на -и отмечено в ранних грамотах, имеющих диалектные особенности, указывающие на диалект, близкий к древнепсковскому: *оу Данѣиши* Гр. 336 — в этой же грамоте *длѣжьнѣ*, *Влѣчькови*, *в срочѣкъ*, *срочѣка* (2х) (Зализняк 2004: 284–285) с развитием ТьRT > TRѣT, ТоRT > TRoT; *ко Съѣиши* Гр. 682 (там же: 394–396) — в этом же тексте *въ борожь* /въ бъръзѣ/ ‘спешно, срочно’ с псковским «шоканьем»; форма род. *отъ Поутеиши* Гр. 850 — в грамоте, написанной «Ѡ Бъръза и отъ Поутеиши и отъ вѣхоѣ дружиинѣ» с диалектным (неновгородским) *вѣхоѣ* ‘всей’; дат. к *Акѣиши* Гр. 821 — в этом же тексте «пример съгонилѣ — самое раннее надежное свидетельство проникновения нового окончания -ѣ (взамен исконного -и) в формы перфекта. Он почти на сто лет старше самых ранних примеров этого рода из известных доньше» (Зализняк 2004: 320). Формы род. п. Ѡ *Твѣрьдаты* Гр. 84, *тоцины* Гр. 222 отмечены в берестяных грамотах без выраженных диалектных особенностей.

Из древненовгородских грамот известны также омонимичные окончания род., дат. и местн. п. ед. числа формы им.-вин. мн. и дв. ч.:

Им.-вин. мн.	<i>воды</i> , редк. <i>водѣ</i>	<i>землѣ</i>
Им.-вин. дв.	<i>водѣ</i>	<i>земли</i> , редк. <i>землѣ</i>

В парадигме мн. и дв. числа в собственно древненовгородском диалекте преимущественно представлена праславянская система с тенденцией к синкретизму по {ѣ}. По-видимому, эта тенденция в ед. ч. мягкого склонения была проведена полностью (если считать формы на -и принадлежащими не новгородскому, а говорам, близким к древнепсковскому диалекту), а в твердом

склонении почти полностью. То, что в древненовгородском диалекте начиная с древнейших берестяных грамот представлена почти синкретическая система, показывает, что тенденции к синкретизму и унификации вариантов *а*-склонения в отдельных регионах действовали еще в эпоху существования позднеславянского диалектного континуума (Зализняк 1995: 127).

8.2.1.2. Бараново Пушкиногорского р-на Псковской обл. (1996)

{ {водѣ ⇔ водѣ́} ⇔ {глі́нѣ = глі́нѣ́} } ⇔ {землѣ́ = землѣ́́}

Система говора д. Бараново (информант Надежда Павловна Иванова, 1929 г. р., запись Ю. В. Стрельниковой, 1996). Статистика употребления окончаний позволяет предположить вторичность окончаний род. п. зубных основ *-ѣ* и *-ы*. Основы на губные и заднеязычные согласные изменяются по мягкому склонению.

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные	мягкие, губные, заднеязычные
Род.	ударн.	{ы} <i>-бі</i> (⇔ {ѣ} <i>-ѣ́</i>) 19х 3х	{ѣ} <i>-ѣ́</i>
	безударн.	{ѣ} <i>-е</i> (⇔ {ы} <i>-ы́</i>) 11х 2х	{ѣ} <i>-е, -і</i>
Дат. и местн.	ударн.	{ѣ} <i>-ѣ́</i>	{ѣ} <i>-ѣ́</i>
	безударн.	{ѣ} <i>-е</i>	{ѣ} <i>-е, -і</i>

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *z gr'az'ě* (гряда), *da pl'ic'ě* (плита), *dъ vajn'ě* ⇔ *grazbı́* (2х), *ad grazbı́* (2х), *vadbı́* (6х), *s vadbı́, travbı́, pös'l'e vajnbı́* (7х); безударн. *s palav'in'e, mal'in'e* (2х), *z góre* (4х), *s pad góre, da étoj góre, ѱ s'v'ókl'e, at étoj mag'il'e* ⇔ *s'v'in'ıny daváta, kolq póšty*; дат.-местн. ударн. *pa étoj stǵran'ě* (2х), *tój staran'ě, s'astr'ě*; безударн. *pa s'il'e, skac'in'e* (2х), *pa étoj stóran'e, k pagód'e, k s'ir'az'in'e, g zavál'in'e, pa étoj zavál'in'e, v kapús'c'e, v Mыз'i* (д. Мыза), *na dnój salóm'in'e, na étoj dór'in'e, na garóz'in'e, na góre* (3х), *v étoj amśár'e*. То же в адвербиальных формах: *pas'r'az'in'e z'ar'ėvn'e; pas'ir'az'in'e žı́l'i*. Формы дат. и местн. на *-ы* встретились только в словах, заимствованных из литературного языка: *k póčty; v vāny* (2х). Записана также неоднозначная форма (род. или дат.?) *majój mām'e s'astrá*.

Мягкое склонение: род. ударн. *kuc'jé* (кутья), *dl'i svajěj s'amjé* (2х), *s pod z'aml'ě, s pod z'aml'ě; pǵs'ar'ót ыз'b'ě* (2х); *sax'ě* (2х); *u nás n'i r'ak'ě n'i vóz'era n'ět*; безударн. *ryb'e* (2х), *slúžb'i, b'es páp'e, ѱ páp'e, kuł karón'e, at karón'e, u étaj karón'e, ѱ mām'i, a ѱ mām'e, ѱ majěj mām'e, kòto jām'e, s étoj jām'e; pǵsr'az'ı́ cėrkv'e; pa's'ar'ót cėrkv'i;*

дат.-местн. ударн. *g z'aml'ě, v z'aml'ě* (2×); *pa iz'b'ě, v trav'ě, na trav'ě, v g'člav'ě; na ruk'ě, xarašó státa nag'ě*; безударн. *báb'e* (2×), *karón'e* (5×), *karón'e-ta, karón'i, g z'im'e, v kakój z'aržáv'e, v jam'e; v cérkv'e* (5×); *maladux'e*.

8.2.1.3. Романово Пушкиногорского р-на Псковской обл. (1996)

{ {воды/водѣ=водѣ (/воды)} } ⇔ {глинѣ ⇔ глинѣ/глины} } ⇔ {землѣ=землѣ}

Синкретическая система говора д. Романово (информант Анастасия Евстафьевна Евстифеева, 1909 г.р., запись А. В. Тер-Аванесовой, июль 1996 г.). В этом говоре основы на губные имеют окончания мягкого склонения, за исключением безударного окончания дат.-местн. *-ы*, по-видимому, заимствованного из склонения основ на зубные. Романовская система, возможно, показывает, как прямая система { {воды ⇔ водѣ} } ⇔ {глинѣ=глинѣ} } ⇔ {землѣ=землѣ} с преимущественным синкретизмом на {ѣ}, представленная в говоре д. Бараново, заменяется системой {водѣ (/воды)=водѣ} ⇔ {землѣ=землѣ} с почти полным синкретизмом, аналогично тому, как это произошло в древненовгородском диалекте. Прямое происхождение романовской системы из древненовгородской маловероятно, так как говоры Романова и Баранова относятся к группе близкородственных говоров с центром в д. Велье.

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение	
		зубные	губные	мягкие, заднеязычные
Род.	ударн.	{ѣ} -ѣ ⇔ {ы} -бі 2× 1×	{ѣ} -ѣ 5×	{ѣ} -ѣ
	безударн.	{ѣ} -е (⇔ {ы} -бі) 8× 1×	{ѣ} -е 2×	
Дат. и местн.	ударн.	{ѣ} -ѣ ⇔ ({ы} -бі) 5× 1×	{ѣ} -ѣ 5×	{ѣ} -ѣ
	безударн.	{ѣ} -е, -и ⇔ {ы} -бі 5× 7×	{ѣ} -е ⇔ {ы} -бі 5× 2×	

Материал. Твердое склонение: род. ударн. *s tój st'ran'ě, vdól' p'il'ě ⇔ vadý*; безударн. *da kapús'c'e, z' b'ar'óz'e* (2×), *sa s'v'in'ěv'juj škúr'e, pós'l'e kantór'e, s rabóc'e, gl'i rabóc'e ⇔ s'm'ěny*; дат.-местн. ударн. *k s'astr'ě* (3×), *na p'xas'ě* (пахота), *na p'il'ě ⇔ na vadý*; безударн. *pa s'il'e, pa étoj škúr'e, báb'e, na katxóznój rabóc'e, v mašín'e, v kantór'i* (3×) ⇔ *k Rúsy pr'istavát, i R'ity sv'ezála, na póčty* (4×), *v kómnaty*. То же в адвербиальных формах: *pas'r'az'ín'e z'ar'ěvn'e; pas'r'az'ín'e žbíl'i*. Формы дат. и местн. на *-ы* встретились только в словах, заимствованных из литературного языка:

k róčty, v vápnny (2×). Записана также неоднозначная форма (род. или дат.?) *majój mām'e s'astrá*.

Мягкое склонение. Губные: род. ударн. *trav'ě, s Maskv'ě* (4×); безударн. *u báb'e, u mām'e*; дат.-местн. ударн. *ръ iz'b'e; v ыз'b'ě; v Maskv'ě* (3×); безударн. *karón'e* (3×), *k svajěj karón'e, L'úb'e* ⇔ *karónы* (2×); **мягкие, заднеязычные:** род. ударн. *дъ z'amlé; krugóm nag'ě* (3×), *koło nag'ě* (3×), *dug'ě*; дат.-местн. ударн.: *нъ nag'ě, nakałac'ila na dask'ě mьłatkóm, kák naxujnú kamú ръ bašk'ě*.

8.2.1.4. Разинино Селижаровского р-на Тверской обл. (1999 г.)

Система говора д. Разинино (информант Н. Н. Цветкова, 1921 г.р., запись Д. О. Кузнецова, Ф. Р. Минлоса, 1999 г.), находящейся невдалеке от д. Хотюшино и городища на месте новгородского поселения Хотшин³⁸.

Падеж	Окончание		Твердое склонение	Мягкое склонение
			зубные, губные	мягкие, заднеязычные
Род.	ударн.	без предлога	{ы} -bí (⇔ {ѣ} -ě) 20× 6×	{ѣ} -ě
		с предлогом	{ы} -bí ⇔ {ѣ} -ě 54× 30×	{ѣ} -ě
	безударн.		{ѣ} -i ⇔ {ы} -bi 78× 19×	{ѣ} -i
Дат. и местн.	ударн.		{ѣ} -ě (⇔ {ы} -bí) 61× 6×	{ѣ} -ě
	безударн.		{ѣ} -i (⇔ {ы} -bi) 111× 4×	{ѣ} -i

Материал. Твердое склонение: род. ударн. без предлога *vadbí* (13×), *kьlbasy* (3×), *jadbí* (2×), *travbí, gr'astvbí, xudabáy-ta, ыnval'ít f'ínskыj vajnbí, órd'in krásnыj zv'az-dы* ⇔ *aná p'át' m'ětrьf dьl'in'ě, vòt takój tьłšč'in'ě stalbь, vòt éta tak'iji tkál'i šыr'in'ě, mь nьtalk'óm gr'astv'ě étyj*; с предлогом *rád'i... jadbí, zza jadbí, iz-za vadbí, s krьsatы 'внешний вид', s smatь, pós'l'i vajnbí* (27×), *дъ vajnbí* (13×), *s vajnbí* (8×), *pr'ijaž'ž ájut ыз Maskvь* ⇔ *s tój stьran'ě* (5×), *s nášыj stьran'ě, u V'it'inьj žan'ě, u s'astr'ě* (2×), *и... s'astr'ě* (2×), *b'is trub'ě, at vajn'ě, s t'ur'm'ě, iz/s Maskv'ě* (14×), *дъ Maskv'ě, kùt Mask-*

³⁸ В форме *Хотюшино* (сейчас Хотю́шино, старое ударение Хóтошино) присутствует характерное для верхневолжско-кривичского диалекта сохранение заударного слабого -ъ- (такое же, как в *о́сыпа, осы́па* 'оспа' < *осьпа, *о́леха, о́лиха* 'ольха' < *ольха и т. д.) (Николаев 2011: 5).

v'é; безударн. *paród'i*, *paród'i-ta* (*paróda* 'происхождение (о человеке)'), *ramánŋfŋskŋj paród'i* (об овцах), *smaród'i* (3×), *kapús't'i* (2×), *sm'atán'i*, *sv'ók'l'i*, *mašín'i*, *s'm'atán'i*, *s'íl'i-ta*, *s vajén's'in'i* 'военная служба', *z dasád'i*, *ad zabót'i*, *at Suxašín'č'in'i*, *at N'út'i*, *u N'ín'i*, *u Aksán'i*, *u L'íz'i* (2×), *u Šúr'i*, *u Tamár'i*, *s nášŋj br'igád'i*, *s rabót'i*, *at rabót'i* (7×), *kuť mašín'i* (2×), *s mašín'i*; *rub'i* (11×), *mám'i* (4×), *salóm'i*, *b'is karón'i* (3×), *kuť karón'i* (2×), *u báb'i* (2×), *u mám'i* (4×), *u páp'i*, *da Ržév'i* (2×), *iza Ržév'i* (*Ržéva* 'Ржев'), *s Šŋr'am'ét'iv'i* (диал. Шереметева, на картах Шереметево), *u L'úb'i* (9×), *pós'l'i L'úb'i* ⇔ *kvar't'íry n'ét*, *kŋman'd'ír d'iv'íz'iji l'i róty tám*, *nač'ál'n'ik šáxty*, *sŋ sm'atány*, *s rabóty* (9×), *iz br'igády*, *s Ukrajinŋy*, *u L'ízy*, *sa škóty*; *órd'in Slávŋy*, *u L'úby* (2×); дат.-местн. ударн. *s'astr'é* (2×), *na skŋvŋrad'é*, *na tój stŋran'é* (3×), *na... stŋran'é*, *nŋ žan'é-ta*, *nŋ kas'é*, *nŋ gar'é*, *nŋ smaľ'é* (2×), *nŋ vajn'é* (4×); *v ыз'b'é* (15×), *Maskv'é*, *v Maskv'é* (26×), *v L'itv'e* (2×), *f'íur'm'é* ⇔ *Kát'i s'astrŋj pŋdar'ú*, *na... vajnŋj* (3×), *nŋ vajnŋj*, *nŋ smaľŋj-ta*; безударн. *N'ín'i* (3×), *L'íz'i* (3×), *Tamár'i*, *Klár'i*, *pa tój paród'i*, *k n'av'és't'i*, *pŋ... ikón'i*, *pa fs'ej Suxašín's'in'i*, *pa Suxašín's'in'i*, *k L'id'i*, *k N'út'i*, *k... N'út'i*, *k L'iza-v'ét'i* (2×), *k Aksán'i*, *k N'ín'i*, *k L'íz'i* (2×), *k Tamár'i*, *pŋ rabót'i*, *pa... rabót'i*, *k rabót'i*, *pa f'iskul'túr'i*, *pŋ kvar't'ír'i*, *f paród'i*, *a vajén'č'in'i*, *v vajén's'in'i*, *nŋ vajén's'in'i* 'военная служба', *na Ukrajin'i*, *nŋ mašín'i* (10×), *v mašín'i* (3×), *f káždŋj br'igád'i*, *v... kótnŋt'i* (2×), *na póč't'i* (3×), *v ŋbarón'i*, *f kvar't'ír'i*, *f kantór'i* (3×), *f škól'i* (2×), *(na) rabót'i* (7×); *karón'i* (2×), *páp'i* (2×), *báb'i* (2×), *mám'i*, *L'úb'i* (10×), *k... báb'i*, *g báb'i Márf'i*, *g báb'i Vas'én'i* (2×), *pŋ karón'i*, *k mám'i* (3×), *pa... pragrám'i* (2×), *k L'úb'i* (3×), *f šúb'i* (3×), *nŋ salóm'i*, *f... kazám'i*, *na... kazám'i*; *va Ržév'i* (2×), *v Ržév'i* (7×) (формы от *Ržéva* 'Ржев') ⇔ *L'ídy* (2×), *N'íny*, *nŋ rabóty*.

Мягкое склонение: род. ударн. *str'apn'é-ta*; *muk'é* (2×), *iz mič'k'é*, *kút' r'ak'é*; дат.-местн. ударн. *s'amjé*; *snaŋ'é*, *k r'ak'é-tŋ*, *pa fs'ej r'ak'é*, *v r'ek'é-ta*, *na... ruk'é*³⁹.

В твердом склонении во всех падежах употребляются оба окончания ({ŋ} и {ŋj}), поэтому формально система является синкретической. Однако обращает на себя внимание распределение ударного окончания {ŋ} в род. п. на -é без предлога — это только обозначения размеров: *dŋl'in'é*; *tŋlšč'in'é*; *šŋr'in'é*. Отклонение — *gr'astv'é* 'дресва'. В остальных случаях окончание {ŋ} представлено только в предложных сочетаниях. Дат. п. на -ŋy употребляется почти только в именах собственных. Местн. на -ŋy встретился 6 раз: *nŋ smaľŋj*, *na... vajnŋj* (3×), *nŋ vajnŋj*, *nŋ rabóty*. Низкий процент примеров с окончанием -ŋy в дат.-местн. п. твердого склонения (менее 10% для ударных окончаний, менее 4% — для безударных) может говорить о заимствовании этого окончания, так же как и -é в род. п. в обозначениях размеров, из сопредельных селижаровских говоров с обратной системой.

³⁹ Материал по безударным мягким окончаниям не приводится.

Предполагаемая вторичность окончаний *-é* в род. п. и *-ы* в дат. и местн. п. в разининском говоре позволяет реконструировать прямую «протосистему» с синкретизмом по {ѣ} в безударных формах род. п. твердого и во всех падежах мягкого склонения. Полученная система {води́↔водѣ}↔{глі́нѣ=глі́нѣ}↔{землѣ=землѣ} совпадает с системой говора д. Бараново (§ 8.2.1.2).

8.2.3. Системы с синкретизмом по {ѣ}

{водѣ=водѣ}={землѣ=землѣ}

«Ятевые» системы, аналогичные «максимальной» древненовгородской, в чистом виде в материалах ДАРЯ почти не встречаются. По материалам ДАРЯ говоры с такими системами единичны — например, д. Козодои Пустошкинского р-на Псковской обл. (Зап. 50), возможно, д. Кукушкино Селижаровского р-на Тверской обл. (Зап. 140). В немногих новгородских говорах представлена система {води=води}={земли=земли} с генерализованным *-и* < *-ѣ*, известная из новгородских берестяных грамот позднего периода (Зализняк 2004: 96–98) и из двинских грамот (Шахматов 1903).

8.2.4. II новгородская (ильменско-демянская) система

{воды=воды}↔{землѣ=землѣ}

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>воды</i>	<i>землѣ</i>
Дат. и местн.	<i>воды</i>	<i>землѣ</i>

К югу от говоров с III новгородской системой {воды=воды}={земли=земли} (§ 8.2.5) распространены говоры с совпадением род., дат. и местн. п., но различием (хотя бы и частичным) твердой и мягкой разновидности склонения. Тип {воды=воды}↔{землѣ=землѣ} (Тер-Аванесова 1998: 181) был назван «верхневолжским», с учетом основного ареала бытования системы, так как она распространена в говорах, расположенных на южном побережье оз. Ильмень и в диалектной области, прилегающей к северной оконечности оз. Селигер (Демянский р-н Новгородской обл.) (Тер-Аванесова 1998: 181). В настоящей статье мы называем эту систему ильменско-демянской согласно распространению; термин «верхневолжская» двусмыслен (относится также к Тверскому и Ярославскому Поволжью). Ильменско-демянская система отмечена также в говорах на востоке новгородского ареала и вдоль юж-

ного берега о. Волгб, которые мозаично располагаются пообок с говорами с обратными южнопсковско-селижаровскими системами (ср. также говор д. Разиново с I новгородской системой, § 8.2.1.4).

8.2.4.1. Верхние Горицы Селижаровского р-на Тверской обл.

(МДАРЯ Зап. 136, 1953 г.)

{воды=воды} ⇔ {землѣ=землѣ}

В говоре д. Верхние Горицы в твердом склонении синкретизм по {ы}, в мягком — по {ѣ}.

Падеж	Окончание	Твердое склонение	Мягкое склонение
		зубные, губные	мягкие, заднеязычные
Род.	ударн.	{ы} - <i>ы́</i>	{ѣ} - <i>е́</i>
	безударн.	{ы} - <i>ы</i>	{ѣ} - <i>и</i>
Дат. и местн.	ударн.	{ы} - <i>ы́</i>	{ѣ} - <i>е́</i>

М а т е р и а л. Твердое склонение: род. ударн. *жаны́*, у *жаны́*, с' *астры́*, у с' *астры́*; безударн. *посл'и работы́*; дат.-местн. ударн. к с' *астры́*, к *жаны́*, к *ызбы́*, нъ *вады́*.

Мягкое склонение: род. ударн. б' *ас...* з' *амл'е́*, дл'а с' *амйе́*, б' *аз радн'е́*, у *снах'е́*, ат р' *ак'е́*; безударн. из д' *ар'евн'и*, б' *ас палк'и*; дат.-местн. ударн. к... *радн'е́*, к... с' *амйе́*, к з' *амл'е́*.

8.2.5. **III новгородская система** (система с синкретизмом по {ы/и})

{воды=воды}={земли=земли}

Система {воды=воды}={земли=земли} характеризует практически все современные новгородские говоры и имеет восточную границу по линии Онежское озеро — Торжок. Также она распространена в севернорусских говорах западного (новгородского) происхождения.

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>воды</i>	<i>земли < землѣ и/или земли</i>
Дат. и местн.	<i>воды</i>	<i>земли < землѣ и/или земли</i>

Происхождение этой системы представляет собой загадку. По памятникам синкретическая система с -*ы/-и* известна с XV в. — в это время в пергамен-

ных грамотах (и рукописях) в твердом склонении фиксируется окончание дат. и местн. п. *-ы*. В берестяных же грамотах, даже позднейших, это окончание не отмечено (Зализняк 2004: 97–98), а следовательно, в новгородском городском койне до XV в. не было употребительным. Отмечена также система *же[нѣ]*, *корѡ[ве]*, *зем[л'ѣ]*, *ру[к'ѣ]* в говоре д. Мхи Осьминского района Ленинградской обл. (МДАРЯ Сев.-Зап. 87, 1947 г.). Фонологически это *же/нѣ/*, *корѡв/ы/*, *зем/л'ѣ/*, *ру/к'ѣ/*. В этом говоре представлена особая фонетическая реализация конечных *-ы/* как [ə], [ɜ] и *-и/* как [e], ср. в д. Ёстрека Старорусского р-на Новгородской обл.: *ν L'itvǝ* «в Литвы» ('в Литве'), *ot rabǝtǝ* 'от работы', *ub'egl'ǝ* «убегли» ('убежали') и т. д. (запись Ф. Р. Минлоса, А. А. Смирнитской, 1997 г.).

Обращает на себя внимание, что северо-восточная часть ареала (в районе Будогощи, Волхова и Тихвина) системы {воды=воды}={земли=земли} находится на территории развития **-ě > -i* перед мягкими согласными (ДАРЯ I, карта 42). На карте ДАРЯ не нашел отражения известный факт, что в говорах, в которых представлен переход **ě > i* перед мягкими согласными, как правило наблюдается такое же развитие и в открытом конечном слоге. Это отражено и в берестяных грамотах с *i < *ě*: «В окончаниях *и* на месте *ѣ* пишется заметно чаще, чем в основах (обычно речь здесь идет просто об окончании *ѣ*) <...> Перед мягкими согласными такая замена наблюдается чаще, чем перед твердыми» (Зализняк 2004: 71). Ареал перехода **ě > i* перед мягкими согласными (и, соответственно, в ауслауте), очевидно, был шире, чем в настоящее время, и примыкал к Новгороду с северо-востока и востока — на это указывают отдельные говоры по течению Волхова, Мсты и вокруг Вышнего Волочка. Говоры с **ě > i* перед мягкими согласными и в ауслауте (иногда только в ауслауте) отмечены по течению Шелони, Ловати и к северо-западу от оз. Селигер. Отметим также, что в говорах с ильменско-демянской системой конечные рефлексy **ě* звучат как очень близкое на слух к [i] напряженное [ê] (Тер-Аванесова 1998: 181). Процент новгородских берестяных грамот со смешением *ѣ* и *и* постепенно нарастал с 1% в середине XII в. до 40% в середине XIV в. (Зализняк 2004: 26). Так как примерно с этой же скоростью в грамотах росло число других восточноновгородских черт, то и нарастание примеров на **ě > i* нужно связывать не с собственным развитием новгородского диалекта, а с увеличением числа переселенцев, носителей говоров с очень узким произношением /ѣ/ или с рефлексом **ě > i*. В говорах к западу от Ловати и Новгорода издревле существовали кривичские диалектные системы с синкретизмом падежей мягкого склонения на *-и*, производные от древнепсковской (§ 7.6). По крайней мере к северо-востоку и востоку от Нов-

города и к востоку от Ловати синкретическое окончание *-и* мягкого склонения восходит как к **-ě*, так и к **-i*. В этом случае протосистема имеет вид:

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение	
		запад	восток
Род.	<i>воды</i>	<i>земли</i>	<i>землѣ</i>
Дат. и местн.	<i>воды</i>	<i>земли</i>	<i>землѣ</i>

Таким образом, III новгородская система в восточном ареале своего распространения является результатом развития ильменско-демянской системы (§ 8.2.4), а в западном ареале — результатом развития древнепсковской системы (§ 7.6). Преимущественное распространение III новгородской системы в новгородских говорах, образующих четкий ареал к западу от говоров, восходящих к древнетверскому диалекту, не позволяет считать ее результатом позднейших морфонологических преобразований, ср. (Галинская 1991).

Разумеется, в простейшую синкретическую систему под давлением престижной I новгородской системы в ее «ятевой» форме могли постепенно превращаться синкретические и другие системы, бытовавшие на периферии Новгородской земли, — южнопсковско-селижаровская обратная {водѣ ⇔ воды} ⇔ {землѣ = земли} (§ 5), древнетверская {воды ⇔ водѣ} ⇔ {земли = земли} (в районе Бежецка и Вышнего Волочка — § 7.4) и древнепсковская {воды/водѣ ⇔ водѣ} ⇔ {земли = земли} (§ 7.6).

8.2.6. К истории новгородских систем

Наиболее вероятным прототипом новгородских систем оказывается система, которая известна как архаический вариант I новгородской системы; из нее развились древненовгородская синкретическая {водѣ = водѣ} = {землѣ = землѣ}, II новгородская (ильменско-демянская) система {воды = воды} ⇔ {землѣ = землѣ}, она же, по-видимому, предшествовала III новгородской системе:

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>воды</i>	<i>землѣ</i>
Дат. и местн.	<i>водѣ</i>	<i>землѣ</i>

Данная система, вероятно, принадлежала племенному диалекту ильменских (новгородских) словен — все три новгородские системы расположены в их археологическом ареале (Седов 1982: 169–185). Древнейшая (XI в.) фик-

сация городской новгородской системы {водѣ/воды ⇔ водѣ} ⇔ {землѣ = землѣ} предполагает, что она и ильменско-демянская система {воды = воды} ⇔ {землѣ = землѣ} характеризовали разные группы ильменско-словенских говоров. Эта система отличалась одновременно от древнепсковской и древнетверской синкретизмом падежей мягкого склонения по -ѣ.

А. А. Зализняк считает, что I (древненовгородская) система {водѣ = водѣ} ⇔ {землѣ = землѣ} «должна рассматриваться как результат взаимного влияния западной (древнепсковской) системы “Р. ед. *женѣ, земли*, Д. М. *женѣ, земли*” (с совпадением Р. ед. и Д. М. ед.) и восточной системы “Р. ед. с Д. М. ед. *женѣ, землѣ*” (с совпадением твердого и мягкого вариантов). В др.-новг. койне доведены до своего логического завершения инновационные тенденции обеих этих периферийных систем» (Зализняк 2004: 146). Однако это стройное объяснение наталкивается на ряд трудностей: 1) древнепсковская система, по-видимому, имела вид «Р. ед. *жены/женѣ, земли*, Д. М. *женѣ, земли*» (§ 7.6); 2) древненовгородские говоры не имели прямого контакта с восточнорусскими диалектами — их разделяла зона древнетверского диалекта с системой «Р. ед. *жены, земли*, Д. М. *женѣ, земли*» (§ 7.4); и, наконец, 3) реконструкция ильменско-словенской протосистемы по архаическим новгородским говорам приводит к результату «Р. ед. *жены, землѣ*, Д. М. *женѣ, землѣ*» — система, засвидетельствованная в варианте с синкретизирующимся твердым склонением — «Р. ед. *жены/женѣ, землѣ*, Д. М. *женѣ, землѣ*» (§ 8.2.1). По-видимому, последняя система, в результате полной замены окончаний твердого склонения окончаниями мягкого, преобразовалась в древненовгородскую систему «Р. ед. *женѣ, землѣ*, Д. М. *женѣ, землѣ*».

§ 9. ДРЕВНЕРУССКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮЖНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ

{воды ⇔ водѣ} = {земли/землѣ ⇔ землѣ/земли}

Для древнерусских грамот, происходящих с юга и юго-востока от Москвы, характерно кажущееся свободным варьирование окончаний -ѣ и -и в род., дат. и местн. п. мягкого склонения. Твердое склонение исторически тождественно праславянскому. Характерной особенностью этой системы является окончание -ѣ (употребляемое наряду с -и) в род., дат. и местн. п. мягкого склонения.

Например, в Договорной грамоте Владимира Андреевича, кн. Серпуховского и Боровского («писалѣ Мещеринѣ»), ок. 1401–02 гг., в мягком склонении: род. *кнѣни* 3х, дат. *кнѣне* 14х, *кнѣнѣ* 2х; дат. к *Луже* ⇔ *кнѣни* 4х; местн. в

Луже, *дѣѣ* ⇔ *ω кнѣни* 2х. В грамоте кн. серпуховско-боровского Василия Ярославича, 1433 г.: род. *братѣ*; дат. *браѣ* ⇔ *браты*; *браѣи*. В Договоре в. кн. Василия Дмитриевича с рязанским князем 1402 г. (по-видимому, написанном рязанским писцом) предположительно восточнорусская система: род. *лоѣ* ⇔ дат. *браѣ* 3х; местн. *в зеѣлѣ* (ДДГ) и т. п.

Смешанная система южнорусского типа представлена также в одном из списков (середина XIV в.) Договора Смоленска с Ригой и Готским берегом (Смоленск. гр.): род. ед. *бладнѣ* ⇔ ни *вѣкши*, дат.-местн. *кнагини* ⇔ *божницѣ*.

В ранних южнорусских грамотах материал по склонению скуден и не позволяет определить, действительно ли формы мягкого склонения на *-ѣ* и *-и* находились в свободном варьировании или их употребление регулировалось неизвестными нам правилами, в результате приведшими к формированию «многападежных» систем (§4.2.3, 5.7, 6.2, 6.3, 7.1). Изучение южнорусских памятников XVI–XVII вв. также не привело к определенным результатам (Котков 1963: 177–179): южнорусские морфологические системы в то время, по-видимому, были не менее сложными, чем современные, а объем текстов, представляющих отдельные говоры, как правило недостаточен. Обширный корпус текстов в (ПЮНО; ПЮНТ; ПЮНЧ) нуждается в новом исследовании на предмет системы склонения *a*-основ.

9.1. Повесть временных лет (по Ипатьевскому и Лаврентьевскому спискам)

{воды ⇔ водѣ} ⇔ {землѣ/земли ⇔ земли/землѣ}

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>воды</i>	<i>землѣ/земли</i>
Дат. и местн.	<i>водѣ</i>	<i>земли/землѣ</i>

Исторически тождественная праславянской (с поправкой на северо-восточный переход *ѣ > ѣ в отличие от *ѣ > е в Южной Славии) система в течение долгого времени считалась характеристикой древнерусского языка (Шахматов 1957: 69–82; Борковский, Кузнецов 1963: 178), который понимался как праязык всех восточнославянских языков и диалектов. После отказа от концепции «древнерусского праязыка» данная система склонения стала считаться принадлежностью «наддиалектного» древнерусского языка Киевской Руси: «Примерно до конца XIII в. наддиалектная форма древнерусского языка в основном едина для всей Руси» (Зализняк 2004: 5). Наличие в этом языке системы склонения *a*-основ, исторически тождественной праславянской, в учебниках подтверждается формами, подобранными из древнейших

светских памятников древнерусского языка, в первую очередь из текста «Повести временных лет» в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях.

Однако в гипотетически киевском по происхождению тексте Повести временных лет в двух древнейших летописях — Лаврентьевской (1-й и 2-й почерки) и Ипатьевской (1-й и 2-й почерки) — обнаруживается система с колебанием окончаний в мягком склонении, которая, вероятно, была свойственна протографу, и отождествить ее с праславянской невозможно, так как неизвестно, какая система распределения окончаний мягкого склонения предшествовала фактически обнаруживаемой⁴⁰.

Преобладание форм на *-и* в дат. и местн. п. обманчиво, так как в текстах обеих летописей накладываются одна на другую две системы — диалектная русская и церковнославянская с *-а* в род. п. (*земла*) и *-и* в дат. и местн. п. (*земли*); это может искажать удельный вес диалектного окончания *-и* (если оно вообще было представлено в диалектах писцов). Обращает на себя внимание более частотное, чем инновационное *-и*, «праславянское» *-ѣ* в им.-вин. п. мн. ч. мягкого склонения.

Сравнимое количество вариантов окончаний род., дат.-местн. п. ед. ч. и им.-вин. п. мн. ч. в двух почерках Лаврентьевской летописи и в двух почерках Ипатьевской летописи — текстах, принадлежащих к разным изводам Повести временных лет и написанных писцами с разной диалектной принадлежностью — может указывать на то, что такая же «смешанная» система мягкого склонения *а*-основ присутствовала в протографе, общем для обоих изводов, а возможно, и в первоначальном тексте ПВЛ⁴¹. По-видимому, свободное варьирование форм на *-ѣ* и *-и* в престижном протографе было принято переписчиками за норму.

Лаврентьевская летопись

Род. п. на *-ѣ*. 1-й почерк: *до... братѣ* 3 об., *ѿ грекинѣ* 25 об., *землѣ* 19, *землѣ* 21 об., *до землѣ* 2 об., *ѿ землѣ* 32, *Илѣ* 13 об., *ключницѣ* 21, *ѿѣ* 40 об., *до шие* 40 об.
2-й почерк: *Бѣѣ* 77, *братѣ* 53 об., 54 (2х), *ѿ братѣ* 53 об., 65 об., *Влѣ* 77, *вонѣ* 61, *с Воронѣ* 82, *вдовѣ* 82 об., *дѣѣ* 80, *землѣ* 64, 67, 89, 93 об., *до землѣ* 66, *и-землѣ*

⁴⁰ В тексте Повести временных лет Московско-Академической, Радзивилловской и Софийской I (старшего извода) летописей представлена древнетверская или древнемосковская система {воды ⇔ водѣ} ⇔ {земли = землѣ} (§ 7.3, 7.4).

⁴¹ Отметим, что смешение этимологических *ѣ* и *и* отмечено только во II почерке Ипатьевской летописи, по-видимому, принадлежавшем галицкому переписчику. Для Лаврентьевской летописи и I почерка Ипатьевской смешение этих букв не характерно. Это доказывает морфологическую, а не фонетическую причину смешения окончаний *-ѣ* и *-и* в мягком *а*-склонении.

56, ѿ землѣ 44 об., 59 об., ѿ наложницѣ 91, ѿ пустынѣ 78, пиеницѣ 44, оу Стѣицѣ 91 об., Софѣѣ 54 об., у... Софѣѣ 78, 85 об.

Род. п. на -и. 1-й почерк: ѿ болгарыни 25 об., из гробли 23 об., земли 20, 26, 29 об., до... земли 10, Ильи 14, бес купли 12, любодѣици 25 об., отъ Малуши 21. 2-й почерк: Бѣи 65, для... Бѣи 69 об., братьи 54 об., браѣи 72, до вечерни 82 об., гордыни 74, земли 86 об., 88 об., 93 об., до земли 80, Софѣи 73 об.

Дат. и местн. п. на -ѣ. 1-й почерк: Бѣѣ 7 об., по... вѣверицѣ 6 об., по землѣ 2 об., къ змиѣ 29, к лодѣѣ 20. 2-й почерк: ѿ... Бѣе 79, ѿ Влѣще 79, въ гридьницѣ 43 об., землѣ 58, по землѣ 58, [въ] лодѣѣ 60, на Съжницѣ 67, ѿ цѣрицѣ 54 об.

Дат. и местн. п. на -и. 1-й почерк: по... братьи 4, во Врѣтаныи 5 об., земли 28, 34 об., 74, в земли 20 об., на земли 2 об., 26 об., 34, 37 (2х), 39 об., 40 об., по земли 11, 29 об., по... земли 2 об., 17 (2х), 33 об., 35 об., въ лодѣи 15 (2х), в лодѣи 19 об., въ лодѣи 15, къ... Мрѣи 34 об., ѿ милѣтни 17 об., в Никии 39, въ Пании 9 об., в Самарии 33 (2х), въ Синопи 3 об., на харатыи 14 (2х), 22 об. 2-й почерк: въ алчи 75, въ Африкии 55 об., Бѣи 43, въ... Бѣи 45, братьи 64 об., 66, 84, браѣи 66, 89 об., ко... браѣи 92 об., в воли 78 об., по Востри 42, вѣдѣици 57, дѣи 82 об., 84 об., в жажи 75, земли 45 (2х), 47 (2х), 48, 56, 59, 76, 78 об., 84, 89 об., в... земли 51, 53, 67 об., 88 об., 92 об., в... земьли 88 об. (2х), в земли 48, 51, 80 об., въ земли 76 об., на земли 43, 46, 84 об., на... земли 41, 79 об., ѿ... земли 76 об., по земли 57 об., 73, по... земли 50 об., 68, 75 об., 79 об., 89, на Золотѣи 92 об., в кельи 64 об., въ кельици 64 об., в лодѣи 56 об., 67 об., на Медѣдѣици 86, на межи 91, недѣи 62 об., 72, 72 об., по нужи 84 об., в пустыни 49 об., на Рудици 87, на свинѣи 64 об. (2х), въ Софѣи 52 об., в... Софѣи 52, 52 об., в... Софѣи 54 об., въ... Софѣи 72 об., сѣчи 67 об., Теревовли 89 об., на трапезницѣ 95 об., въ Трѣи 42, въ... оулицѣ 64 об., на оутрени 64 об.

Им.-вин. п. мн. ч. на -ѣ. 1-й почерк: вежѣ 17, землѣ 16 об., на лодѣѣ 10 об., мышѣцѣ 31 об., в овцѣ 14 об., усобицѣ 6 об. 2-й почерк: вежѣ 76, 94, 95 об., в вежѣ 75, на вежѣ 76, галицѣ 91 об., деревнѣ 77, змиѣ 66 об., 85, кѣльѣ 53 об., лжицѣ 43 об., лодѣѣ 48 об., 49, лучѣ 55 об., ѿвцѣ 94, птицѣ 79 об., свѣцѣ 61, оубицицѣ 46, оусобицицѣ 55 об.

Им.-вин. п. мн. ч. на -и. 1-й почерк: бани 3 об. 2-й почерк: кѣльи 53, черници 89.

Ипатьевская летопись

Род. п. на -ѣ. 1-й почерк: милостѣици 27 об. 2-й почерк: Бѣѣ 71 об., 77 об., 85 об., 94, влѣицѣ 85 об., землѣ 52, 90 об., ѿ наложницѣ 92 об., ѿ пустынѣ 86, пиеницѣ 48, оу Стѣицѣ 93 об., цѣрицѣ дѣла 42, ѿ цѣрицѣ 60.

Род. п. на -и. 1-й почерк: изъ гробли 29 об., земли 12, 18 об., 25, 26 об. (2х), 27, 28, 39, близъ земли 14, до земли 3 об., ѿ Малуши 27 об. 2-й почерк: братьи 59, ѿ братьи 77 об., земли 49, 88, 90 об., до земли 72, изъ земли 61 об., на Медѣдѣици 87, пиеници 63, Софѣи 42, 58, 58 об., оу... Софѣи 80, 87, чаши 62, съ иѣи 50 об.

Дат. и местн. п. на -ѣ. 1-й почерк: над дициѣ (*на дициѣ) 16. 2-й почерк: Бѣѣ 46 об., в жажѣ 82, землѣ 42 об., 61 об., 84, в... землѣ 74 об., 90, в землѣ 83 об., 84 об., на землѣ 41, 79 об., на... землѣ 44 об., ѡ... землѣ 84 об., по... землѣ 75, по землѣ 81, 81 об., оу землѣ 82, въ кѣльиѣ 71, ѡ млѣтнѣ 78 об., по... недѣлѣ 87 об., в... сорочиѣ 89 об., сѣѣѣ 75.

Дат. и местн. п. на -и. 1-й почерк: по... вѣверици 8 об., къ ѣвци 40, ѡ... дѣи 39 об., земли 27, 39 об., на земли 3 об., 32 об., 39, по земли 18, 35 об., по землѣ 4, по... земли 24 (2х), по... землѣ 3 об., нѣ... земли 40 об., ко зми 35, лодѣ 14, въ лодѣ 21 об., 22, в лодѣ 22 (3х), 22 об., 26, Мѣи 40, ѡ млѣтнѣ 24, по нужѣ 14 об., в Пани 11, по пустыни 37 об., въ Самарѣ 38, на харотѣ 21 (2х), 29. 2-й почерк: в Африки 61 об., въ... Бѣѣ 49, братьи 59 (2х), 70 об. (2х), 72, въ братьи 67 об., в братьи 69 об., в... братьи 90, ко братьи 88, по братьи 79 об., вдовици 63, въ гридници 47, земли 49 об., 52 (2х), 52 об., 56 об., 62 об., 64, 64 об., 74 об., 95 об., землѣ 95 об., в... земли 56, 58 об., 69 об., в... земли 94, на земли 41 об., 43, 47, 50, 51, 52 об., по земли 63 об. (2х), по... земли 90 об., оу... земли 90 (2х), на Золотѣчи 94 об., в кельи 70 об., оу кѣльи 85 об., в лодѣ 62, 75, къ... Мѣи 78 об., въ... медуши 48, в мовьници 65 об., недѣли 80, в Никии 43, в Никеи 43, 43 об., в пици 49 об., в пустыни 54 об., на Рудици 88 об., на свинѣ 70 об. (2х), в... сорочици 89 об., въ... Софѣи 60, в Сурици 61 об., на Съжици 74 об., на синици [*сѣбници] 83 об., въ Троици 45 об., тысящи 77, въ... оулицѣ 71, по оулицѣ 79 об., по Оустры 45 об.

Им.-вин. п. мн. ч. на -ѣ. 1-й почерк: банѣ 5, ѡвѣѣ 11, въ ѡвѣѣ 21 об., оусобиѣѣ 8 об. 2-й почерк: вежѣ 96, на вежѣ 84, оу вежѣ 82 об., галиѣѣ 93, деревнѣ 85, ѡвѣѣ 82 об., 96, распѣѣ 80 об.

Им.-вин. п. мн. ч. на -и. 1-й почерк: ѣвци 31 об., земли 27. 2-й почерк: земли 90 об., лжици 47 об., ѡладѣи 58, сѣѣѣи 78.

Следует отметить преимущественное использование окончания -ѣ в род. и местн. п. в основах на (отвердевшее?) -и- в обоих почерках Ипатьевского списка, что характерно также для текста «Слова о полку Игореве» (§9.2) и 1-го почерка Строевского списка Псковской летописи (§7.6.1). Древнекиевский диалект нам практически неизвестен, однако скорее всего он относился к дулебской группе (Николаев, Тер-Аванесова, Толстая 2013) и имел систему {воды ⇔ водѣ} ⇔ {землѣ = землѣ}. Современные украинские говоры — практически все — имеют окончание -ѣ в род. п. ед. ч. и им.-вин. мн., а также дв. ч. (современный нумератив) мягкого склонения. Поэтому киевское происхождение протографа ПВЛ сомнительно. Маловероятно и его черниговское происхождение. В современных черниговских говорах, наряду с дулебской, представлена прямая система с окончаниями твердого склонения в мягком,

она же характерна для русских говоров Брянского Полесья и, вероятно, для части восточной Белоруссии (§6.3). В этой системе род. п. ед. ч. мягкого склонения имеет стабильное окончание *-и* и дат.-местн. падеж окончание *-ѣ* — система {воды ↔ водѣ} = {земли ↔ землѣ}. О позднепраславянском происхождении последней системы см. §6.5.

Система *а*-склонения, исторически тождественная праславянской, видимо, никогда не была «стандартной» системой древнерусского языка. Только два периферийных диалектных ареала имели систему, исторически тождественную праславянской. В юго-западных украинских говорах, сформировавшихся на основе древнерусского галицкого диалекта, эта система существует по сей день (§4.1). Она характерна для памятников древнесмоленского и (с тенденцией в сторону синкретизма по *-и* в мягком склонении) древнеполоцкого диалектов (§4.2.1, 4.2.4). «Праславянская» система лежит в основе «предложных» юго-западных систем (§4.2.3), имеющих смоленско-кривичское происхождение. Южнопсковско-селижаровские говоры с обратными системами (§5), расположенные к северу от смоленских и полоцких, также сохраняют праславянские окончания мягкого склонения. В остальных древнерусских диалектах, по-видимому, были представлены порой далеко зашедшие в своем развитии системы — в частности, почти синкретические древне-новгородская (§8.2.1) и древнепсковская (§7.6.3). Древнерусской является и система с синкретизмом окончаний по твердому склонению (§6).

Следует обратить внимание на следующий факт исторической фонетики, представленный только в Ипатьевском списке ПВЛ: *цѣвѣтнѹю* 68 об., *цѣвѣтокъ* 70, *цѣвѣтокъ* 70 об. (2х) с «приписным» *цѣ-* вместо **тѣвѣтнѹю*, **тѣвѣтокъ* в протографе. В Лавр. лет. соответствующие формы имеют *цѣ-* (NB: рефлекс **květ-* в ПВЛ отмечены только в истории Киево-Печерского монастыря, там же *цѣвѣлити*). Соответствующий отрывок (с *цѣ-*) присутствует и в 12-м Слове «Киевско-Печерского патерика», авторство его не обозначено (по-видимому, не Нестор). Гипотеза Ю. Шевелева о том, что «особое написание *цѣвѣтокъ* в Ипат. летоп. (два раза против одного *цѣвѣтокъ*, 1074) могло возникнуть из-за смешивания *tv* (вместо *kv* <...>) в киевском оригинале и *cv*, обычного для волынского или галицкого переписчика» (Шевелев 2002: 79), противоречит фактам. В северо-восточных украинских памятниках не встречается написание *тѣ-* в данной позиции, только *кѣ-* (и *зѣ-* [fv] < *gv-): *кѣвѣлю*, *роскѣвѣлила*, *кѣвѣты*, *зѣвѣзда*, *зѣвѣздар* (там же: 79). Замечание Ю. Шевелева о «*cv*, обычном для волынского переписчика» неточно, так как *кѣ-* в корне **květ-/ *kvit-/ *kvьt-* характерно именно для волынских (как полесских, так и

южных), остальных полесских и подольских говоров, и вряд ли в древности конфигурация изоглоссы принципиально отличалась от современной (АУМ II, карта 120 «[кв]/[цв] (*квітус* — про жито)»). «Аффрикатный общеславянский» рефлекс *kv > cv свойствен юго-западным украинским (галицким, карпатоукраинским, лемковским), восточноновгородским (ильменско-словенским), восточнорусским (включая юго-восточные) диалектам, мозаично распространен в говорах в окружении «смычного» рефлекса *kv. Рефлекс *kv- в позиции II палатализации без перехода *k в с (т. е. без аффрикатизации) в украинских полесских, южноволынских, подольских и в смешанных по происхождению юго-восточных говорах представляет собою особую проблему. Не исключено, что эта северо-восточная украинская изоглосса является продолжением «центрально-восточнославянской», отраженной в белор. *ц'в'ет* (фонологически /цв'ет/ < *cvěť или /ц'в'ет/ < *t'věť или *cvěť, в данной позиции фонемы /ц/ < *с и /ц'/ < *[t'] нейтрализуются в большинстве белорусских говоров), южнорусск. *т'в'ет* (возможно, она связана с ареалом племенного диалекта вятичей, хотя не исключено и ее смоленско-кривичское происхождение) (Николаев 1994: 39–42); кривичские рефлексы: торопецко-селижаровское *t'věť > *т'в'ет*, *ц'в'ет*, псковск. и западноновгор. *k(')věť > *квѣтъ*, *к'в'ет*, *кв'ет*. Гиперкорректное написание *цѣтѣтокъ*, *цѣтѣтноую* в монастырской истории в составе Ипат. соответствует южнорусскому («вятичскому»?) или «полоцко-торопецко-селижаровскому» мягкому дентальному в рефлексе праслав. *kv-.

9.2. Диалект «Слова о полку Игореве»

{ воды ⇔ водѣ } ⇔ { { землѣ = земли } ⇔ { дѣвицѣ / дѣвици = дѣвицѣ / дѣвици } }

Склонение *а*-основ в тексте «Слова о полку Игореве», по-видимому, исключает киевское или черниговское происхождение известной нам редакции «Слова» — в дренируских диалектах современных Украины, южной Белоруссии и юго-западной России, по всей видимости, были представлены иные системы склонения *а*-основ (§ 6.3, 8.1). В тексте преобладает окончание *-и* в род., дат. и местн. п. мягкого склонения, тогда как для всего позднепраславянского припятско-полесского (дулебского) ареала было характерно синкретическое окончание {ѣ} (ср. укр. литер. род.-дат.-местн. *землі* < *землѣ) (§ 8.1); для черниговского и брянского (как и для всего северянско-верхнедонского) ареала — окончания род. {и}, дат. и местн. п. {ѣ} (§ 6.3).

Падеж	Твердое склонение		Мягкое склонение	
	зубные, заднеязычные	губные	-ц- (отвердевшее?)	мягкие сонанты и <i>j</i>
Род.	{ы} ⇔ {ѣ}	{ы} ⇔ {ѣ}	{ѣ}	{и}
Дат. и местн.	{ѣ}	{ѣ} ⇔ {ы}	{и} ⇔ {ѣ}	{и}

Материал. Твердое склонение. Основы на зубные: род. *съ... Каялы, Каялы* (2х), *до Немиги, рѣкы ⇔ ладѣ*; дат.-местн. *по бѣлѣ, Влѣзѣ, ко Гзѣ, дружинѣ, къ дружинѣ, на Каялѣ* (2х), *въ Каялѣ, млѣѣ, Немизѣ* (2х), *по ногатѣ, по резанѣ, на рѣцѣ* (2х), *въ... рѣцѣ, къ рѣцѣ, сѣдинѣ, ужинѣ ⇔ по Сули*. Основы на губные: род. *головы, славы ⇔ изъ... слаѣ*; дат.-местн. *на... травѣ ⇔ головы*.

Мягкое склонение. Основы на мягкие сонанты и *j*: род. *среди земли* (2х), *от земли, изъ земли, пустыни, у...* *Софеи*; дат.-местн. *земли* (4х), *въ... земли, по земли* (5х), *ко... Софи*. Основы на -ц-: род. *дѣвице*; дат.-местн. *къ... Богородици ⇔ въ гридницѣ*.

В тексте «Слова» отмечены редкие формы род. п. твердого склонения на -ѣ (*изъ... слаѣ, ладѣ*), отмеченные и в современных псковских и полоцких (севернобелорусских) говорах. Обращает на себя внимание особый статус основ на губные согласные. Окончание -ы засвидетельствовано в дат. п. *головы* во фразе *тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы*. Мена окончаний род. и дат.-местн. п. твердого склонения характерна для ареала «обратных» систем, включающего севернорусские говоры. Для этого же ареала характерен особый статус основ на губные согласные. Единственная форма твердого склонения с дат.-местн. на -и — *по Сули* вместо **по Сулѣ* — неясна; так как она единична, вряд ли ее можно связывать с восточноновгородским -и < -ѣ, ср. (Зализняк 2008: 144).

Форма род. п. *дѣвице* параллельна местн. п. *въ гридницѣ* — формы на -ѣ представлены только в суффиксальных образованиях на -ица. По употреблению окончания -ѣ в основах на (отвердевшее?) -ц- система «Слова» близка, с одной стороны, к древнепсковской системе, отраженной в I почерке Строевского списка Псковской летописи (§7.6.1), а с другой — к системе, отраженной в Ипатьевском и Лаврентьевском списках «Повести временных лет» (§9.1).

Дошедший до нас текст «Слова о полку Игореве» имеет характерные особенности псковских и полоцких говоров — такие как спорадическое цоканье и форма *шизымѣ* ‘сизым’ (*шизымѣ орломъ подѣ облакы*) с «шоканьем». Существенно, что в дошедшем до нас тексте представлена II палатализация заднеязычных согласных в словоизменении (*Немизѣ, Влѣзѣ, на рѣцѣ* и т. д.),

которая своей последовательностью, по-видимому, исключает (северно)-псковско-новгородское происхождение как первоначального текста, так и его редакций. Аффрикаты/спиранты на месте заднеязычных в позиции II палатализации — изоглосса, отделяющая близкородственные полоцкие и южно-псковские говоры: в первых представлена «смоленская» система палатализации (с аффрикатами/спирантами), во вторых — «древнепсковская» (с сохранением велярных) (Николаев 2011: 12–14).

В (Зализняк 2008: 139–155) приводятся доводы, согласно которым, вслед за Н. М. Каринским, текст «Слова» связывается целым рядом диалектных черт с псковской диалектной зоной, однако указывается, что «нужно учитывать, что признаки, заставляющие предпочесть псковскую зону перед полоцкой, не слишком жестки и держатся на единичных примерах» (там же: 148). К сожалению, в (Зализняк 2008) не учтена работа (Дыбо 2006), в которой подвергается сомнению псковская атрибуция памятника.

Для текста «Слова» характерны

- 1) отсутствие собственно новгородских признаков;
- 2) отсутствие специфических псковских признаков;
- 3) присутствие общих псковско-полоцких признаков;
- 4) присутствие признаков, в северо-западном древнерусском ареале характерных только для полоцкого ареала (аффрикатизация велярных в позиции II палатализации и прочие «общерусские» черты, не свойственные древнепсковскому диалекту).

А. В. Дыбо, проанализировав весь комплекс диалектных черт текста «Слова», пришла к сходным с нашими выводами о его диалектной принадлежности: «Особенности второй палатализации (регулярная палатализация заднеязычных, отсутствие палатализации сочетания *ск*) при наличии цоканья скорее говорят о полоцко-смоленском <...> диалекте раннего типа. Остальные диалектные явления, которые можно отнести к раннему слою, не противоречат такой локализации» (Дыбо 2006: 464)⁴². Смоленской атрибуции диалекта текста «Слова» препятствуют псковско-полоцкие черты (такие как «шоканье»), отсутствовавшие в диалекте смоленских кривичей. В последнем склонение *a*-основ вплоть до XV в. было исторически тождественно праславянскому (§ 4.2.1).

⁴² Не исключено, что первоначальный текст «Слова» был создан на одном из говоров южнопсковско-полоцкого круга XII–XIII вв., этим объясняется отсутствие в «Слове» северноукраинских фонетических и морфологических черт (хотя они богато представлены в лексике, что может объясняться проживанием автора в Киеве или Чернигове). Если же оригинальный текст был на другом диалекте, то он был подвергнут коренной редакции, фактически переводу на полоцкий диалект.

§ 10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на многие остающиеся вопросы и недостаток материала (в первую очередь не хватает систем, для которых были бы равноценно описаны различные фонетические и грамматические черты), можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что

1. На восточнославянской территории практически отсутствуют системы с синкретизмом окончаний род., дат. и местн. п. в твердом склонении при их оппозиции в мягком (§ 3.4). Из этого можно сделать вывод, что большинство систем с синкретизмом падежей одновременно в обеих полупарадигмах возникло на основе синкретизма падежей мягкого склонения. Синкретизм падежей мягкого склонения по окончанию **-i* может объясняться влиянием *i*-основ, однако внешнее влияние не объясняет по-видимому независимо развившийся синкретизм по **-ǣ* в дулебской и новгородской системах (§ 8).

2. Система, исторически тождественная праславянской {воды ⇔ водѣ} ⇔ {землѣ ⇔ земли}, с оппозицией твердого и мягкого склонения с «перекрестными» окончаниями род. и дат.-местн. п., характерна (§ 4) для украинских юго-западных (галицких и карпатоукраинских) говоров, в основе которых лежит позднепраславянский диалект днестровских хорватов, впоследствии ставший древнерусским галицким диалектом. Эта же система сохранялась в диалектах полоцких и смоленских кривичей, в древнерусских диалектах Смоленска и Полоцка, и в преобразованном («предложном») виде дожила до наших дней в ряде юго-западных русских говоров. Данных о том, что эта система была «наддиалектной древнерусской», нет.

3. Прямая система твердого склонения и синкретизм мягкого по дат.-местн. п. (с единым окончанием *-i*) {воды ⇔ водѣ} ⇔ {земли = земли} (§ 7) представлена:

а) В говорах, образующих межгрупповой ареал, который включает севернолехитские и центральнобелорусские говоры.

б) В большинстве полоцко- и смоленско-кривичских и в верхневолжско-кривичских говорах, на основе которых сформировались древнетверской и древнемосковский диалекты; при этом в полоцко- и смоленско-кривичских говорах эта система в историческое время заменила «праславянскую».

Третьим ареалом системы {воды ⇔ водѣ} ⇔ {земли = земли} является древнепсковский диалект.

Представляется вероятным распространение синкретизма окончаний мягкого склонения по **-i* с запада на восток из севернолехитско-центральнобелорусского ареала.

Распространенные на большой территории говоры, восходящие к племенному диалекту кривичей, имеют разные системы склонения *a*-основ, что, скорее всего, говорит о «протокривичской» системе, исторически тождественной праславянской {воды ⇔ водѣ} ⇔ {землѣ ⇔ земли}. Возможно, что она сохранялась в городских древнесмоленском и древнеполоцком говорах, тогда как в окружающих «сельских» говорах под влиянием центральнобелорусских говоров развилась система {воды ⇔ водѣ} ⇔ {земли ⇔ земли}, которая доминирует в современных говорах смоленско-полоцкого происхождения. До XV в. она была характерна и для говоров, возникших на основе диалектов верхневолжских и тверских кривичей.

4. Обратные системы, имеющие общий вид {воды(/водѣ) ⇔ воды} ⇔ {землѣ=земли}, в твердом склонении используют окончания мягкого склонения ({ѣ в род. п.; {ы} в дат. и местн. п. как морфонологический аналог «мягкого» окончания {и}). Эти системы расположены в южнопсковско-селижаровской зоне (§5). В мягком склонении сохраняются праславянские окончания или наблюдается вторичный синкретизм по окончаниям *-i или *-ě (-ѣ).

А. А. Зализняк считает, что формирование далеко зашедших в своем развитии древненовгородской (§8.2.1) и восточнорусской (§6.1) систем началось задолго до появления первых некижных памятников из этих регионов и может быть отнесено практически к позднепраславянской эпохе (Зализняк 1993: 216). Можно думать, что возникновение северо-западных обратных систем (§5) также следует относить к этому времени. Обратные системы характерны для говоров, восходящих к племенным диалектам южнопсковских и торопецко-селижаровских кривичей. Кривичи оказались на рассматриваемой территории уже в VII в., и в их диалектах разные системы склонения *a*-основ начали формироваться в эпоху до «падения редуцированных» и возникновения других черт, традиционно считающихся пороговыми между позднепраславянским диалектно раздробленным языком и отдельными славянскими языками.

6. Прямая система с синкретизмом основ, в которой в мягком склонении используются окончания твердого (род. *-i как субститут *-ы; дат.-местн. *-ě), характеризует группы говоров, из которых по крайней мере группы (б) и (в) связаны позднепраславянским родством (§6):

а) восточнорусские говоры, в основе которых лежали племенные диалекты славян Волго-Клязьминского междуречья;

б) русские юго-восточные говоры, сформировавшиеся на основе диалекта славян Верхнего Дона;

в) восточнополесские украинские говоры, русские говоры Брянского Полесья и сопредельные белорусские говоры, сформировавшиеся на основе племенного диалекта северян.

7. Говоры с прямой системой твердого склонения и синкретизмом мягкого по окончанию род. п. *-ĕ образуют два ареала (§8). Сходные системы склонения сформировались в них, скорее всего, независимо.

а) Новгородский ареал. К системе с синкретизмом по {ѣ} в мягком склонении, по-видимому, восходят древненовгородские системы а) с окончанием -ѣ (и более редким -ы) в род. п. и -ѣ в дат.-местн. п. обоих склонений и б) система с синкретизмом по -ы в твердом и -ѣ (> -и) в мягком склонении. Эти системы, восходящие к протосистеме {воды ↔ водѣ} ↔ {землѣ = землѣ}, входят в пучок изоглосс диалекта ильменских словен.

б) Полесско-припятский и восточноукраинский ареал. По-видимому, система сформировалась в ареале близкородственных племенных диалектов волянян, дреговичей, древлян и полян.

Литература

- Абраменко 2000 — *Абраменко О. А.* Новые данные по рефлексации индоевропейских окончаний gen., dat. и loc. Sg. ā-склонения (на материале западных и северо-западных говоров русского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.
- Алпатова 2005 — *Алпатова Е. А.* Формы родительного-дательного-местного падежей единственного числа существительных с исторической основой на *-а в памятниках псковской письменности XIV–XVII веков. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- АУМ — Атлас української мови. Т. I–III. Київ, 1984–2001.
- Афанасий Никитин — *Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472.* М.; Л., 1955.
- Борковский, Кузнецов 1963 — *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
- Бромлей, Булатова, 1972 — *Бромлей С. В., Булатова Л. Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
- Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008 — *Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В.* Говоры белорусско-русского пограничья // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008. С. 118–180.
- Галинская 1991 — *Галинская Е. А.* К истории синкретичных именных форм в русских северо-западных говорах // Вестник Московского университета. 1991. Сер. 9. Филология. № 5.
- Грамоты XIV — *Грамоты XIV ст. / Упорядкування, вступна стаття, коментарі і словники-показники М. М. Пешак.* Київ, 1974.
- ДАБМ — *Дыялекталагічны атлас беларускай мовы.* Мінск, 1963.
- ДАРЯ — *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР.* Вып. I–III. М., 1986–1989.
- ДАРЯ II Комм. — *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Выпуск II. Морфология. Комментарии к картам.* М., 1989.

- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л. 1950.
- Денисевич 1959 — *Денисевич Г. В.* О падежных флексиях существительных на -а в местных говорах // Уч. зап. Курского пед. ин-та. IX. Гуманитарный цикл. Курск, 1959.
- Добромыслова 1959 — *Добромыслова А. Н.* К истории форм дательного–местного на -Ы в северновеликорусских говорах // Вестник МГУ. 1959. № 3. С. 87–100.
- Добромыслова 1961a — *Добромыслова А. Н.* К истории форм женского склгнения в древнем новгородском говоре // Вестник МГУ. 1961. № 4. С. 41–49.
- Добромыслова 1961b — *Добромыслова А. Н.* К интерпретации одного явления падежного синкретизма в древнем новгородском говоре // Вопросы языкознания. 1961. № 6. С. 83–89.
- Дыбо 1981 — *Дыбо А. В.* К вопросу о диалектной принадлежности Чудовского Нового завета // Исследования по древним и новым языкам. Переводы с древних языков. М., 1981. С. 29–42.
- Дыбо 1988 — *Дыбо А. В.* Деклинационные различия в новгородских диалектах XIII–XIV в. и их локализация // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 79–115.
- Дыбо 1989 — *Дыбо А. В.* Деклинационные различия в новгородских диалектах XIII–XIV в. и их локализация // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989. С. 162–186.
- Дыбо 2006 — *Дыбо А. В.* Проблема реконструкции первоначального текста «Слова о полку Игореве» с лингвистической точки зрения // Чернов А. Ю. Хроники изначного времени. «Слово о полку Игореве»: текст и его окрестности. СПб., 2006. С. 419–464.
- Зайцев 1975 — *Зайцев А. К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 57–117.
- Зализняк 1985 — *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 1993 — *Зализняк А. А.* К изучению языка берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 191–318.
- Зализняк 1995 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
- Зализняк 2008 — *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд. М., 2008.
- Зінчук 2010 — *Зінчук Р. С.* Атлас словозміни іменників у західнополіських говірках. Луцьк, 2010.
- Иеропольский 1930 — *Иеропольский К. А.* Говор деревни Савкино Пушкинского района Псковского округа // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. Т. III. Кн. 2. Л., 1930. С. 585–597.
- Копорский 1946 — *Копорский С. А.* Архаические говоры Осташковского района Калининской области // Ученые записки Калининского гос. пед. института. Т. X, вып. 3. Калинин, 1946. С. 3–163.
- Котков 1963 — *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963.
- Кротова 1962 — *Кротова В. Н.* Морфологические особенности южнорусских говоров б. Рождественско-Хавского района Воронежской области // Известия Воронежского гос. пед. ин-та. Т. 42. Воронеж, 1962.

- МДАРЯ — Материалы Диалектологического атласа русского языка (хранятся в Отделе диалектологии и лингвогеографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН).
- Мирецкий 1965 — *Мирецкий А.Л.* К вопросу об истории форм родительного, дательного и местного падежей *singularis* женского склонения в новгородском говоре (по материалам новгородских деловых памятников конца 16 – 17 вв.) // Вестник ЛГУ. № 14. 1965. С. 134–142.
- Молодых 1957 — *Молодых Л.И.* Именное склонение в новгородских грамотах старшей поры // Ученые записки Мордовского гос. пед. ин-та. Вып. 6. Саранск, 1957. С. 131–161.
- Назарова 1985 — *Назарова Т.В.* Лінгвістичний атлас Нижньої Прип'яті. Київ, 1985.
- Нарысы — Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964.
- Николаев 1988 — *Николаев С.Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 115–154.
- Николаев 1989 — *Николаев С.Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989. С. 187–225.
- Николаев 1994 — *Николаев С.Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 23–49.
- Николаев 2008 — *Николаев С.Л.* Балкано-карпатские изоглоссы как реликт позднеславянского лингвистического ландшафта // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой. М., 2008.
- Николаев 2011 — *Николаев С.Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. Верхневолжские (тверские) кривичи // Славяноведение. 2011. № 6. С. 3–19.
- Николаев, Толстая 2001 — *Николаев С.Л., Толстая М.Н.* Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М., 2001.
- Николаев, Тер-Аванесова, Толстая 2013 — *Николаев С.Л., Тер-Аванесова А.В., Толстая М.Н.* Вокализм полесских говоров в праславянской перспективе // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 99–140.
- Обнорский 1927 — *Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке. Вып. I. Единственное число. Л., 1927.
- Парахина 1956 — *Парахина М.Ф.* Имена с основой на -а в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи // Вопросы русского языкознания. Кн. 2. Львов, 1956. С. 99–112.
- ПЛ 1955 — Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. Вып. 2. М., 1955.
- Полоцк. гр. — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М., 1977.
- ПОС — Псковский областной словарь. Вып. 1–22. Л., СПб., 1967–2011.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- ПЮНО — Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. М., 1977.
- ПЮНТ — Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги. М., 1982.

- ПЮНЧ — Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи. М., 1993.
- Расторгуев 1927 — *Расторгуев П. А.* Северско-белорусский говор. Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. М., 1927.
- Расторгуев 1960 — *Расторгуев П. А.* Говоры на территории Смоленщины. М., 1960.
- Седов 1982 — *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
- Седов 2002 — *Седов В. В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.
- Смоленск. гр. — Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подг. к печати Т. М. Сумникова и В. В. Лопатин под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.
- Соболевский 1907 — *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907.
- Соколов 1917 — Говоры Псковской губернии // Русск. филологии, вестник. 1917. Т. 77. № 2. С. 152–163.
- Соколов 1919 — *Соколов Н. Н.* Говоры Псковской губернии // Труды Московской диалектологической комиссии. Вып. 8. М., 1919. С. 1–12.
- Тер-Аванесова 1998 — *Тер-Аванесова А. В.* Окончания родительного, дательного и местного падежа единственного числа существительных *а*-склонения // Восточно-славянские изоглоссы 1998. Вып. 2. М., 1998. С. 179–195.
- Тер-Аванесова 2000 — *Тер-Аванесова А. В.* Раздел II. Морфонологические закономерности выбора флексий после именных основ на задненебные согласные. — В статье: Лопатина Л. Е., Тер-Аванесова А. В. Морфонологические особенности склонения имен существительных с основой на заднеязычный гласный // Восточнославянские изоглоссы 2000. Вып. 3. М., 2000. С. 54–61.
- Тер-Аванесова 2002 — *Тер-Аванесова А. В.* Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных **а*-склонения в восточнославянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002. С. 168–209.
- Тер-Аванесова, Рыко 2004 — *Рыко А. И., Тер-Аванесова А. В.* Говорить по-культурному и лязгать по-заонежски (о языковых разновидностях в Заонежье) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 9: Методы изучения территориальных и социальных диалектов. К итогам опыта славянской диалектологии XX в. М., 2004. С. 227–290.
- Хабургаев 1990 — *Хабургаев Г. А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
- Чернышев 1936 — *Чернышев В. И.* Говор Пушкинского района // Язык и мышление. Вып. VI–VII. М.; Л., 1936. С. 105–131.
- Шахматов 1903 — *Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903.
- Шахматов 1957 — *Шахматов А. А.* Историческая морфология русского языка. М., 1957.
- Шевелев 2002 — *Шевельов Ю.* Історична фонологія української мови / Переклад з англійської. Харків, 2002.
- Яковлева 1959 — *Яковлева Г. А.* К истории именного склонения существительных (по материалам делового письма новгородского говора) // Ученые записки Кабардино-Балкарского гос. ун-та. Вып. 4. 1958. С. 409–436.

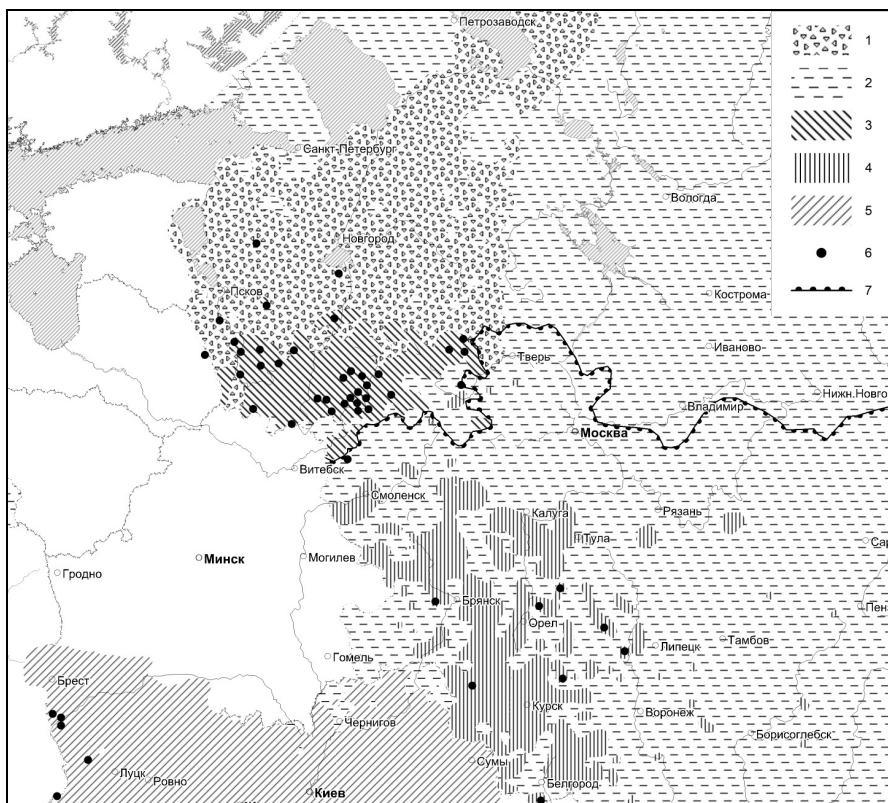
Summary

*Abramenko O. A., Nikolaev S. L.,
Ter-Avanesova A. V., Tolstaya M. N.*

The systems of correlation of endings of Genitive, Dative and Locative of the former *a*-stems in the East Slavic dialects: comparative aspect

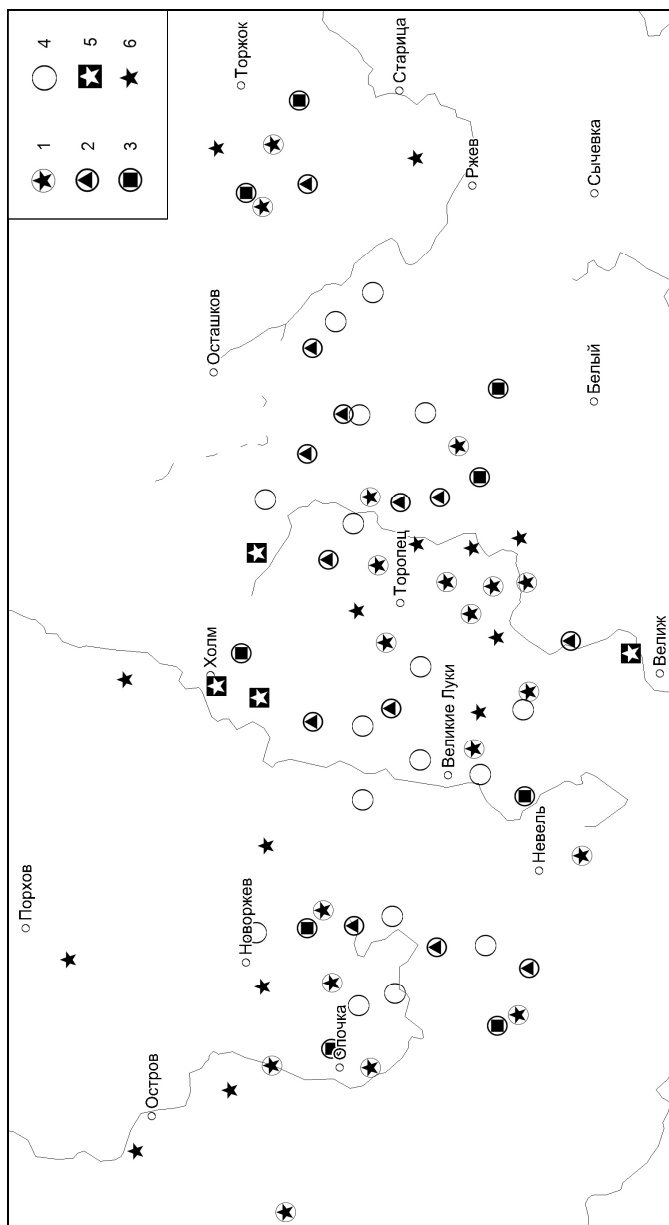
The article continues the series of publications on the systems of correlation of endings of Genitive, Dative and Locative Sg. of the former *a*-stems in the East Slavic dialects. The present article is dedicated to the comparative analysis of the main East Slavic (predominantly Russian) systems of the *a*-stems declination. A special consideration is given to the systems forming sizeable areas and having the presumable Proto Slavic origin. The so called “reverse” declinational systems, in which the Proto Slavic soft endings substitute the hard endings, are analysed in detail. Some new found Russian systems reserving the Proto Slavic opposition of the hard and soft declinations are described. The article includes data gathered by the authors during the scientific expeditions.

The authors used the materials of the Russian Language Dialectological Atlas, the materials collected by the expeditions of the Institute of the Slavic Studies and the authors’ records as well.

Карта 1. Огрубленные ареалы систем, устанавливаемых по соотношению подударных окончаний род. и местн. падежей ед. ч.:

- 1 — система { воды = воды } = { земли = земли }
- 2 — система { воды ⇔ водѣ } = { земли ⇔ землѣ }
- 3 — система { водѣ / воды ⇔ воды } ⇔ { землѣ ⇔ земли } и ее варианты (см. карту 2)
- 4 — система { воды ⇔ водѣ } ⇔ { земли = земли }
- 5 — система { воды ⇔ водѣ } ⇔ { землѣ = землѣ }
- 6 — сохранение окончаний праслав. мягкого склонения: подсистема { землѣ ⇔ земли }
- 7 — северная граница использования предложно-родительного падежа в русских говорах

Карта 2. Обратные системы и системы с праславянским мягким склонением в южнославяно-селижаровском ареале

1 — обратные системы с праславянским мягким склонением, 2 — с синкретизмом по {ъ} в мягком склонении, 3 — с синкретизмом по {и} в мягком склонении, 4 — тип мягкого склонения неизвестен; 5 — система {воды=воды} ⇔ {земль ⇔ земля} (§5.4); 6 — праславянское мягкое склонение в других системах.

Формы настоящего времени в белорусском смешанном говоре на балто-славянском пограничье

В представленной работе речь пойдет о структурных особенностях уникального по своей языковой природе и пока еще очень мало исследованного средства общения, распространенного на территории белорусско-литовского пограничья, точнее сказать, по обе стороны государственной границы Белоруссии с Литвой и Латгалией (юго-восточной Латвией). Сами говорящие — по крайней мере, на белорусской стороне пограничья — указывают на то, что разговаривают они «па-просту», и называют свой язык «простым» или «ту-тэйшым». С лингвистической точки зрения, мы имеем дело с так называемым «смешанным говором», складывающимся из элементов различных славянских — белорусского, русского, польского — языков и неславянского литовского языка. При этом необходимо отметить, что основа названного говора белорусская, о чем свидетельствует ряд признаков, например, наблюдаемый в нем тип аканья, тип морфонологических чередований и др.

На формирование белорусского смешанного говора во многом повлияло многовековое взаимодействие славянских и неславянских культур в процессе истории, что, в свою очередь, привело к образованию на указанной территории ситуации многоязычия и повседневного контакта различных языков не только в рамках одного географического ареала, но и, что еще важнее, в рамках одного языкового коллектива¹.

Белорусский смешанный говор — это неотъемлемая составляющая балто-славянской языковой зоны (Circum Baltic Area по определению (Dahl, Kortjevskaja-Tamm 2001)). Формирование балто-славянской контактной ситуации началось еще в XIII в. во времена Великого Княжества Литовского (ВКЛ). Польское языковое влияние, которое на указанных территориях было заметно уже с конца XIV в., еще больше усилилось в связи с запретом в 1697 г. Простой Мовы (административного языка ВКЛ, представляющего собой койне на восточнославянской основе) и введением польского как административного языка в рамках политики Речи Посполитой. В этот период польская ассимиляция коснулась в основном только представителей крупной, а затем и мелкой восточнославянской и литовской шляхты. «Вторая волна» польской ассимиляции выпала на вторую половину XIX в. и затронула, в первую очередь, простое восточнославянское и литовское население, что

¹ Подробнее о взаимодействии и взаимовлиянии славянских и неславянских языков в процессе истории, см. (Wiemer 2003), а также (Turska 1995; Иванов 2003).

впоследствии привело к возникновению на литовско-белорусских территориях трех сплошных польскоязычных ареалов, известных в диалектологической литературе под названием «северная польщизна кресова» (польск. *poliszczyzna kresowa*); подробнее см. (Turska 1995: 106–107).

На сегодняшний момент, по данным в (Булыко, Крысин 1999), польско-говорящее население сконцентрировано в основном вдоль государственной границы Белоруссии с Литвой и юго-восточной Латвией. Важно, что территория распространения польщиzny кресовой практически совпадает с территорией распространения белорусского смешанного говора, последний однако занимает более сплошной ареал и остается по-прежнему основным средством общения, т. е. преобладающее большинство говорящих на польщизне кресовой владеет и белорусским смешанным говором. Интересно, что региональный польский, подвергшийся интенсивному восточнославянскому влиянию, и белорусский смешанный говор совпадают по целому ряду фонетических и морфологических черт², но все же представляют собой, что подтверждает и перцептивный опыт, два различных явления. Их описание поэтому не может ограничиваться простым перечислением структурных особенностей, как это делалось в большинстве источников диалектологической литературы, посвященной польщизне кресовой, а должно включать анализ пропорций выступления отдельных вариантов в парадигмах (*type frequency*), а также речи (*token frequency*) носителей того и другого говора.

Что касается других языков белорусско-литовского пограничья, то можно сказать следующее. Роль литовского языка на данных территориях — в особенности в белорусских регионах — в последние десятилетия заметно снизилась. Еще в 60-е годы территория распространения литовских диалектов обрисовывалась в монографии (Судник 1975: 4–6) как ареал, глубоко врезающийся в белорусскую государственную территорию. Исследования, проведенные в 2002 году Б. Вимером на отдельных участках белорусско-литовского пограничья, показали уже совсем иную картину: «Литовским языком (иногда наравне с МП³ и польским кресовым) в той или иной мере владели

² К таковым относятся, например, преимущественно недиссимилативное аканье (в обоих говорах осуществляется непоследовательно), мягкое произношение [x] перед гласными переднего ряда, протетические согласные, окончание {u} вместо {ovi} в дательном падеже единственного числа у существительных мужского рода продуктивного склонения, окончание {ov} (с фонетическими вариантами) в родительном падеже множественного числа для существительных всех родов и типов склонения и др., см. подробнее в (Эркер 2009; Wiemer, Erker in print).

³ Здесь «Мова Проста», лингвоним, используемый вслед за самими носителями для обозначения белорусского смешанного говора пограничья.

только опрошенные жители Девенишек и Адутишкиса (по литовской стороне пограничья). По белорусской стороне пограничья информанты по-литовски не говорили и, за редким исключением, не знали его даже пассивно» (Wiemer 2006: 442). Зато в результате советской и постсоветской языковой политики значительно возросло влияние русского языка на литовских и белорусских территориях. Очевидно, что существующий на протяжении многих десятилетий языковой симбиоз регионально маркированных белорусского, русского, польского и на определенных участках также литовского языков способствовал развитию на указанной территории общих языковых черт. Эти черты объединяют все говоры данной территории в общий языковой континуум и делают невозможным изолированное их рассмотрение.

Белорусский смешанный говор является в полной мере некодифицированным и существует исключительно в устной форме. У местного населения он пользуется низким престижем. В этой связи, его часто приравнивают к «Трасянке», социолекту, распространенному в основном в крупных населенных пунктах Белоруссии, однако это неверно. Белорусский смешанный говор отличается от *Трасянки* как по ареальному распределению, так и по структурным характеристикам, хотя следует указать на то, что как одно, так и другое явление остаются пока до конца неисследованными и какие-либо выводы в этой области делать пока преждевременно.

Также хотелось бы коротко затронуть вопрос о соотношении белорусского смешанного говора и так называемых «белорусских традиционных диалектов». Принятое в белорусской диалектологии членение диалектного массива на северо-восточную, юго-западную и лежащую между ними переходную зону не распространяется на рассматриваемый смешанный белорусский говор. Этот говор уже в силу своего географического расположения проходит через все три зоны и способен, как это подтверждают проведенные мною исследования [см. например, (Эркер в печати)], проявлять различные черты, отмеченные исследователями для дифференциации названных зон⁴. Другой, не менее важной, проблемой в этой области является то, что с момента появления монографий и атласов по белорусской диалектологии прошло довольно много времени, за которое диалектологическая картина Белоруссии могла сильно измениться.

Одной из главных проблем в изучении белорусского смешанного говора — вытекающей непосредственно из обрисованной выше в ее общих чертах осо-

⁴ Подробнее о традиционных белорусских диалектах см. (Аванесаў et al. 1968; Блінава, Мяцельская 1969; 1991).

бой контактной ситуации — является его высокая вариативность. По причине недостаточной изученности и отсутствия каких-либо исчерпывающих работ в области структурных особенностей этого говора на данный момент исследований удастся отметить лишь непоследовательность употребления структурных признаков и реализацию в одних и тех же условиях (один и тот же регион распространения, одни и те же фонетические и/или морфологические условия, даже один и тот же информант) некоторого числа вариантов. На этом этапе для нас важно выявить все возможные варианты, выступающие в одной функции, и установить их пропорции, в то время как предметом последующих исследований может стать выявление закономерностей реализации того или иного варианта.

Основная цель представленной работы — рассмотреть особенности образования форм настоящего времени в белорусском смешанном говоре. Задача такого исследования заключается в определении характерных черт белорусского смешанного говора в названной области, что поможет лучше понять место, занимаемое данным языковым идиомом среди других восточнославянских диалектов, в частности это касается диалектов балто-славянской языковой зоны.

Представленное в данной работе исследование основывается на диалектных данных, полученных в результате полевых работ, проведенных в 2003 году в Браславском и Лидском районах на территории Белоруссии. Выбор именно этих двух точек не случаен. Сопоставление данных из Лиды и Браслава, представляющих собой — с территориальной точки зрения — два наиболее отдаленных друг от друга пункта распространения исследуемого говора, позволит получить более комплексную картину его функционирования. В общей сложности для исследования были использованы диктофонные записи диалектной речи⁵ 55-ти информантов (28 — из Браславского района и 27 — из Лидского). Примеры в тексте обозначены соответственно: Браславский район имеет обозначение (Бр.), Лидский — (Лид.). Информанты подбирались по возрастным (от 65 до глубокой старости) и социальным (посещения начальной польской школы, владение, как минимум на уровне понимания, региональным вариантом польского языка) факторам. Для всех опрошенных

⁵ Письменное оформление устной речи информантов в данной статье производится с учетом стандартов, приближенных к международному фонетическому алфавиту (IPA). При этом звуки [i] и [y] передаются при помощи двух знаков: *i* — после мягких согласных и *y* — после твердых. Учитывая это положение, дополнительное обозначение мягкости/твердости согласного как [‘i] излишне.

информантов белорусский смешанный говор является основным средством общения.

1. Единственное число настоящего времени

Формы настоящего времени в смешанном белорусском говоре образуются от основы настоящего времени при помощи личных окончаний; при этом формы настоящего времени совершенного вида выражают значение простого будущего времени.

В **1-м л. ед. ч.** у глаголов обоих типов спряжения в белорусском смешанном говоре представлено окончание {u} (ударное и безударное): *raskažu* (Лид.), *ní rótn'u* (Лид.), *yavarú* (Бр.), *s'p'aváju* (Бр.).

У глаголов II спряжения типа *xadzic'*, *yl'adz'ec'* наблюдаются чередования *dz' // dž*, ср. *s'adzú* (Лид., Бр.), *yl'adžú* (Лид.), *xadžú* (Бр.). Однако в обоих районах чередования осуществляются непоследовательно, при этом может наблюдаться параллелизм форм — ср. *xažu* (Лид.), *s'ažu* (Бр.), *vuxóžu* (Лид.), *sižu* (Лид.) и др. Такую непоследовательность в области глагольных чередований отмечает и (Мацкевич 1959: 48–52) для всех белорусских говоров; она является, по мнению исследовательницы, результатом влияния русского литературного языка.

Чередования *z // ž*, *s // š*, губной // губной + *l'* и др. в глаголах II спряжения в говоре обоих районов осуществляются последовательно, ср. *kazác' – kažu* (Лид., Бр.), *pisác' – pišu* (Бр.), *l'ubíc' – l'ubl'ú* (Лид., Бр.), *lavíc' – laul'ú* (Бр.) и др.

Во **2-м л. ед. ч.** настоящего времени у глаголов I спряжения в белорусском смешанном говоре представлены окончания {eš}, реже — вариант {aš}, ср. *panímáješ* (Бр.), *uznajéš* (Бр.), *v'az'éš* (Лид.), *pracistúješ* (Лид.), *zv'ázaš* (Бр.). Наблюдаемый здесь спорадически вариант {iš} у глаголов I спряжения является, по всей вероятности, результатом фонетической редукции [e] > [i] в заударном слоге: *nalívájiš* (Лид.), *pac'áymiš* (Лид.), *sapréjiš* (Бр.), *n'e abmániš* (Бр.). Зарегистрированное в Лидском регионе окончание {oš} в глаголе *ní rajm'óš* предположительно является прямой интерференцией из регионального русского языка.

Глаголы II спряжения имеют во 2-м л. ед. ч. окончание {iš/yš}: *l'úbíš* (Лид.), *kúpíš* (Лид.), *yavóryš* (Лид.), *zaplóciš* (Бр.), *prósiš* (Бр.).

В окончаниях **3 л. ед. ч.** между двумя точками распространения белорусского смешанного говора наблюдается некоторое расхождение, обусловленное наличием и отсутствием [с'] в составе личного окончания глаголов. Так, [с'] в форме 3-го лица настоящего и будущего простого времени наблюдает-

ся в Браславском районе у всех глаголов независимо от их типа спряжения, в то время как в Лидском районе непосредственную роль в наличии или отсутствии [с'] играет тип спряжения глагола.

Глаголы I спряжения в 3-м л. ед. ч. в Браславском районе характеризуются окончанием {ес'}, в качестве фонетического варианта здесь также выступает {ic'}, которое возникло в условиях фонетической редукции [e] > [i] в заударном слоге. Глаголы II спряжения имеют окончание {ic' / yc'}. Ср. примеры глаголов I спряжения и глаголов II спряжения: I спряж. — *žyv'éc'* (Бр.), *rabótajec'* (Бр.), *pryn'as'éc'* (Бр.), *zalivejic'* (Бр.), *pryjazžájic'* (Бр.), *čakájic'* (Бр.). II спряж. — *vózic'* (Бр.), *xódzic'* (Бр.), *čavórys'* (Бр.), *l'acíc'* (Бр.), *xódzic'* (Бр.)

В Лидском регионе в 3-м л. ед. ч. у глаголов I спряжения преобладает окончание {e}: *n'as'é* (Лид.), *vladz'éje* (Лид.), *vúrje* (Лид.), *pracúje* (Лид.), *s'p'aváje* (Лид.), *naryvájje* (Лид.). Отмеченное здесь окончание {a} в примерах *rabótaja* (Лид.) и *prýjdz'a* (Лид.) представляет собой, по всей вероятности, результат фонетической редукции [e] > [a] в заударном слоге под влиянием белорусского недиссимилятивного яканья. Глаголы II спряжения имеют окончание {ic' / yc'}: *yl'adzíc'* (Лид.), *čavórys'* (Лид.), *stajíc'* (Лид.), *zavísic'* (Лид.), *abyónic'* (Лид.), *padyxódzic'* (Лид.).

Наряду с вышеназванными окончаниями в 3-м л. ед. ч. в обоих регионах распространения белорусского смешанного говора sporadически выступают окончания {ót}, {et}, {it/yt}, например, *n'as'ót* (Бр.), *pajdz'ót* (Бр.), *prydz'ót* (Лид.), *kín'et* (Лид.), *pruxódzit* (Лид.), *súšyt* (Бр.), *stán'et* (Бр.), *kipít* (Лид.), *dávit* (Бр.), *zavižžyt* (Лид.), возникшие здесь, предположительно, под влиянием контактного русского языка. Формы с окончанием {ot} в белорусском смешанном говоре могут свободно варьироваться с формами на {ес'} в Браславском регионе и с формами на {e} в Лидском: ср., *dajót* (Бр., Лид.) и *dajéc'* (Бр.), *dajé* (Лид.); *žyv'ót* (Бр., Лид.) и *žyv'éc'* (Бр.), *žyjé* (Лид.) и др.

Изоглоссы наличия и отсутствия [с'] в составе личного окончания глаголов 3-го лица единственного числа проходят через всю территорию белорусских говоров. При этом территория Лидского района включается в ареал белорусских говоров с отсутствием конечного [с'], а территория Браславского района вместе с северо-восточными белорусскими говорами образует ареал, где [с'] в форме 3-го лица единственного числа наблюдается у глаголов обоих спряжений, по белорусским традиционным говорам см. Мацкевич (1959: 118–123) и ДАБМ (1963: Карта 148). Также Янковяк (Jankowiak 2009: 149) отмечает наличие [с'] у глаголов I и II спряжения в белорусских говорах Краславского региона Латвии, говоря в этой связи об унификации окончаний обоих спряжений.

2. Множественное число настоящего времени

В 1-м л. мн. ч. в белорусском смешанном говоре у глаголов обоих спряжений наблюдается исключительно окончание {Vm}. Отмеченное для традиционных белорусских диалектов юго-западной зоны в монографиях (Аванесав et al. 1968; Мацкевіч 1959) параллельное распределение окончаний {mo/ma} в белорусском смешанном говоре не зарегистрировано.

В Браславском районе в 1-м л. мн. ч. глаголы I спряжения имеют окончания {óm}, фонетические варианты {em} и {im} выступают реже, последнее является, по всей видимости, результатом перехода [e] > [i] в заударном слоге, ср. следующие примеры: *n'as'óm* (Бр.), *kradz'óm* (Бр.), *pradajóm* (Бр.), *žyv'óm* (Бр.), *pójdz'em* (Бр.), *znájem* (Бр.), *razyavaryvajim* (Бр.), *ruyájim* (Бр.).

Преобладание окончания {om} в 1-м л. мн. ч. отмечено исследователями как для преобладающего большинства белорусских традиционных диалектов, так и для белорусского литературного языка в целом. Появление этой формы в (Мацкевіч 1959: 143) объясняется как фонетический переход [e] > [o] перед твердым [m]. В свою очередь, Орлова (1961: 11) подобную особенность наблюдает в западных русских говорах: «Характерное для западных русских говоров употребление глагольных форм I спряжения *н'ес'эи*, *н'ес'эм'*, *н'ес'эм'е* при *н'ес'óm* в 1-м лице мн. ч. отличает их от собственно южновеликорусских говоров, где *e* произносится во всех формах».

Глаголы II спряжения в 1-м л. мн. ч. имеют окончание {im / um}: *malócim* (Бр.), *γavórym* (Бр.), *smótrym* (Бр.). Отмеченное здесь окончание {om} в примерах *sp'om* и *pryl'ac'óm* может быть образованием по аналогии с отмеченными выше формами глаголов I спряжения. В свою очередь, (Мацкевіч 1959: 152) находит вышеназванные формы в говорах Витебской, Молодеченской и северной части Гродненской областей и причисляет их к «узким местным диалектизмам».

В Лидском районе у глаголов I спряжения в 1-м л. мн. ч. настоящего времени в равной степени употребляются оба окончания {om} и {em}; ср. *b'aróm* (Лид.), *vidz'óm* (*razyavóry*) (Лид.), *pajdz'óm* (Лид.), *s'ádz'em* (Лид.), *abýjdz'em* (Лид.). Окончание {em} (отсутствие перехода /e > o/) в 1-м лице множественного числа отмечается у глаголов I спряжения в белорусских говорах юго-запада и имеет некоторое разбросанное распространение в восточном направлении (Орлова 1961: 11). Этим может быть объяснена и различная частотность употребления окончания {em} наряду с {om} в Браславском и Лидском районах.

Варианты {im} и {am}, как результат фонетической редукции в заударном слогe (иканье, диссимилятивно-недиссимилятивное яканье), наблюдаются в следующих глаголах I спряжения: *yrájim* (Лид.), *vóz'mim* (Лид.), *pakatajím* (Лид.), *pamajám* (Лид.), *znájdzim* (Лид.), *vylamajam* (Лид.) и некоторых других.

Глаголы II спряжения имеют в 1-м л. мн. ч. окончание {im/ym}: *jéz'dim* (Лид.), *výkrucim* (Лид.), *pirapús'cim* (Лид.), *báčym* (Лид.), *xódzim* (Лид.).

Во **2-м л. мн. ч.** в Браславском и Лидском районах у глаголов обоих типов спряжения преобладает окончание {ic'e} с его фонетическими вариантами {ici}, {ec'e}: *tancújic'e* (Лид.), *pómníc'e* (Лид.), *v'édajic'e* (Бр.), *atkórmic'e* (Бр.), *pruxadzic'e* (Лид.), *pám'atajici* (Бр.), *pús'cici* (Лид.), *výnisici* (Бр.), *pám'atajici* (Бр.), *znájici* (Бр.), *žyv'éc'e* (Бр.), *ustajéc'e* (Бр.), *n'as'éc'e* (Лид.).

В обоих регионах sporadически встречаются фонетические варианты с конечным [ʼa], появление которых вызвано, по всей вероятности, переходом безударного [e] > [a] под влиянием распространенного в белорусском смешанном говоре недиссимилятивного яканья, см. следующие примеры: *pús'ci-c'a* (Лид.), *výjdzic'a* (Лид.), *znájac'a* (Лид.), *znájec'a* (Бр.).

В Браславском районе зарегистрирован единственный случай употребления окончания {c'o} в примере *pajas'c'ó*. По данным в (Мацкевич 1959: 160), окончание {c'o} свойственно севернобелорусским говорам, где оно развилось в условиях последовательной замены конечного [e] > [o] не только в соответствующих фонетических условиях, но и вообще в условиях последовательной морфологизации этого явления в разных грамматических формах.

В **3-м л. мн. ч.** настоящего времени образование глаголов I спряжения в обоих регионах происходит при помощи окончания {uc'}, глаголов II спряжения — {ac'}: I спряж. *pačynájuc'* (Лид.), *vyp'isvajuc'* (Лид.), *abiščájuc'* (Бр.), *žyvúc'* (Бр.), *prýjduc'* (Бр.), *dadúc'* (Лид.); II спряж. *sidz'ác'* (Лид.), *prós'ac'* (Лид.), *zabal'ác'* (Лид.), *xódz'ac'* (Бр.), *judz'ác'* (Бр.), *zaplóc'ac'* (Бр.).

Часто в качестве варианта здесь могут выступать {ut} и {at}, см. следующие примеры из обоих регионов распространения белорусского смешанного языка: *n'a brěšut* (о собаках) (Бр.), *vúp'jut* (Бр.), *dz'éržat* (Бр.), *s'p'avájut* (Лид.), *nakapájut* (Лид.), *lőžat* (Лид.).

В Лидском районе глаголы с окончаниями {ut}, {at} по численности преобладают над Браславским. В (Мацкевич 1959: 177–178) отмечены такие варианты окончаний в белорусских диалектах Брестской области. Наличие твердого [t] в 3-м л. мн. ч. объясняется как результат процесса отвердения [t'] перед гласными переднего ряда, что в свою очередь обусловило твердость согласных в личных окончаниях единственного и множественного числа

(иду́, идё́ш, идé, идéмо, идéте; ходжу́, хóдыш, хóдымо, хóдыте)⁶. Предполагается, что именно этот процесс повлиял на выравнивание твердости согласного в формах 3-го л. мн. ч. Принимая во внимание мнение Ю. Мацкевич, нельзя забывать также и о влиянии регионального русского языка. Свойственные русскому языку окончания 3-м л. мн. ч. {ut}, {at} могли распространиться в белорусском смешанном говоре в качестве дополнительных вариантов по образцу контактной идиомы.

Случаи смешения окончаний I и II спряжения встречаются довольно редко, ср. примеры окончаний {uc' } у глаголов II спряжения: *pasádz'uc'* (Бр.), *prynós'uc'* (Бр.), *ɣavóruc'* (Бр.), *xódz'uc'* (Лид.), *zvón'uc'* (Лид.). Эти формы могли образоваться в речи информантов по аналогии с преобладающей по численности группой глаголов I спряжения. На широкое употребление окончания {uc' } с глаголами II спряжения с ударением на основе в белорусских диалектах северо-восточной зоны указывает и (Мацкевіч 1959: 171), объясняя это явление фонетическими особенностями северо-восточных белорусских диалектов, а именно наличием редукции безударных гласных в условиях свойственного этой зоне диссимилятивного аканья и яканья. Примеров окончания {ac' } у глаголов I спряжения в белорусском смешанном говоре не зарегистрировано.

3. Обзор и заключение

Результаты проведенного выше исследования глагольной парадигмы настоящего времени в белорусском смешанном говоре пограничья наглядно представлены в таблице 1 для глаголов I спряжения и в таблице 2 для глаголов II спряжения.

Приведенные выше данные позволяют сделать следующие выводы. Парадигмы окончаний настоящего времени в обоих регионах почти полностью совпадают, основное различие здесь наблюдается лишь у глаголов I спряжения в 3-м лице единственного числа. Как указывалось в разделе 1, подобное расхождение отмечалось еще в 60-е годы исследователями белорусских традиционных диалектов. По всей видимости, отмеченные для северо-восточных и юго-западных белорусских говоров соответствующие изоглоссы распространяются и на территорию белорусского смешанного говора и, что еще важнее, на протяжении многих десятилетий сохраняют свою устойчивость. Что же касается других членов приведенной выше парадигмы настоящего вре-

⁶ Приводится здесь в записи автора.

Таблица 1. ПАРАДИГМА ГЛАГОЛОВ I СПРЯЖЕНИЯ В НАСТОЯЩЕМ ВРЕМЕНИ

Лицо, число	Браслав	Лида
1-е лицо ед. числа	{u}	{u}
2-е лицо ед. числа	{eš}, реже {aš}, {iš}	{eš}, реже {aš}, {iš}
3-е лицо ед. числа	{ec'}, {ic'}, вариативно {ót}, {et}	{e}, реже {a}, вариативно {ót}, {et}
1-е лицо мн. числа	{om}, реже {em}, {im}	{om}, {em}, спорадически {im}
2-е лицо мн. числа	{ic'e/ici/ec'e}, спорадически {ic'a}	{ic'e/ici/ec'e}, спорадически {ic'a}
3-е лицо мн. числа	{uc'}, вариативно {ut}	{uc'}, вариативно {ut}

Таблица 2. ПАРАДИГМА ГЛАГОЛОВ II СПРЯЖЕНИЯ В НАСТОЯЩЕМ ВРЕМЕНИ

Лицо, число	Браслав	Лида
1-е лицо ед. числа	{u}	{u}
2-е лицо ед. числа	{iš}	{iš}
3-е лицо ед. числа	{ic'/yc'}, вариативно {it/yt}	{ic'/yc'}, вариативно {it/yt}
1-е лицо мн. числа	{im/ym}, спорадически {óm}	{im/ym}
2-е лицо мн. числа	{ic'e/ici/ec'e}, спорадически {ic'a}	{ic'e/ici/ec'e}, спорадически {ic'a}
3-е лицо мн. числа	{ac'}, вариативно {at}	{ac'}, вариативно {at}

мени, то они показывают скорее обратное. Хотя наборы окончаний настоящего времени в белорусском смешанном говоре и традиционных белорусских диалектах в сущности совпадают (что еще раз отчетливо указывает на

белорусскую основу исследуемого говора), их географическое распределение совершенно различно. В этом отношении белорусский смешанный говор показывает более «размытую» картину, т. е. классификация окончаний по регионам здесь отсутствует.

Также необходимо отметить, что наблюдаемая в говоре довольно высокая внутрипарадигматическая вариативность основывается в общем на двух факторах.

Во-первых, она может быть вызвана фонетическими условиями, т. е. формируется на базе различных способов артикуляции безударных гласных — вариативность такого типа представлена, например, у глаголов обоих спряжений во 2-м лице множественного числа. Интересным и пока нерешенным на данный момент остается вопрос, от чего зависит использование различных способов артикуляции — ср. переход безударного /e/ > /i/, /a/ (иканье, аканье) либо его сохранение, см. здесь, например, форму 2-го лица единственного числа у глаголов I спряжения.

Во-вторых, внутрипарадигматическая вариативность создается за счет дополнительных вариантов окончаний в своих определенных морфологических функциях, которые распространяются на белорусский смешанный говор по образцу контактных языков, чаще локального русского; ср. например, вариативное употребление окончаний {ót}, {et} — здесь, как и в первом случае, с сохранением безударного /e/ у глаголов I спряжения в 3-м лице единственного числа.

В заключение хотелось бы обратить внимание на ценность белорусского смешанного говора пограничья как объекта исследования. Белорусский смешанный говор является органической составляющей балто-славянской контактной зоны и заслуживает в этой связи особого внимания. Поскольку исследование говора, развившегося только на основе ситуации языкового контакта без какого-либо влияния со стороны письменности и вобравшего в себя тем самым различные черты всего балто-славянского ареала, могло бы дать ответы на многие вопросы не только в области балто-славянских исследований, но и прояснить ситуацию языкового контакта в общем.

Литература

- Аванэсаў et al. 1968 — *Аванэсаў Р., Атраховіч К., Мацкевіч Ю.* Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак. Мінск, 1968.
- Блінава, Мяцельская 1969 — *Блінава Э., Мяцельская Е.* Беларуская дыялекталогія. Мінск, 1969.
- Блінава, Мяцельская 1991 — *Блінава Э., Мяцельская Е.* Беларуская дыялекталогія. Практыкум. Мінск, 1991.
- Булыко, Крысин 1999 — *Булыко А., Крысин Л. П.* (ред.). Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси. Минск, 1999.
- ДАМБ 1963 — Диалектологический атлас белорусского языка. Минск, 1963.
- Иванов 2003 — *Иванов Вяч. Вс.* Славянские диалекты в соотношении с другими языками Великого Княжества Литовского // *Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов.* Люблина, 2003. Доклады российской делегации. М., 2003.
- Мацкевіч 1959 — *Мацкевіч Ю.* Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове. Мінск, 1959.
- Судник 1975 — *Судник Т.* Диалекты литовско-славянского пограничья (очерки фонологических систем). М., 1975.
- Эркер 2009 — *Erker A.* Фактор языкового контакта в исследовании особенностей флективной морфологии флективной морфологии ‘Мовы прастай’ (на примере окончаний родительного падежа существительных) // *B. Wiemer, L. Scholze (eds.). Von Zuständen, Dynamik und Veränderungen bei Pygmäen und Giganten (Festschrift für Walter Breu zu seinem 60. Geburtstag).* Bochum, 2009.
- Эркер (в печати) — *Эркер А.* Специфика именных парадигм в белорусском смешанном говоре на балто-славянском пограничье // *Балто-славянские исследования* 18. Москва.
- Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001 — *Dahl Ö., Koptjevskaja-Tamm M.* (eds.). *The Circum-Baltic Languages (Typology and Contact)*, vol. 2: *Grammar and Typology.* Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Jankowiak 2009 — *Jankowiak M.* Gwary białoruskie na Łotwie w rejonie krasińskim. Warszawa, 2009.
- Turska 1995 — *Turska H.* O powstaniu polskich obszarów językowych na Wilenszczyźnie. Vilnius. [photomechanischer Nachdruck von *Studia nad polszczyzną kresową* I. pod. Red. J. Riegera i W. Werenicza. Wrocław etc., 1982], 1995. S. 19–122.
- Wiemer 2003 — *Wiemer B.* Dialekt and language contacts on the territory of the Grand Duchy of Lithuania from the 15th century until 1939 // *K. Braunmüller, G. Ferraresi (eds.). Aspects of Multilingualism in European Language History.* Amsterdam; Philadelphia, 2003. P. 105–143. (Hamburg Studies on Multilingualism 2.)
- Wiemer 2006 — *Wiemer B.* Осуществление согласных в «Мове простой» как показатель изменений в условиях контактов // *Acta Baltico-Slavica* 30. Warszawa, 2006. P. 439–452.
- Wiemer, Erker (in print) — *Wiemer B., Erker A.* Manifestations of areal convergence in rural Belarusian, or: Is there anything specific with ‘Mowa Prosta’? // *Journal of Language Contact*, N 4–2.

Summary

A. Erker

Present tense verb forms in the Belorussian idiom of the Baltic-Slavic frontiers

This work investigates formation of the present tense verb forms in a Belarusian mixed vernacular, which is spoken on the Belarusian-Lithuanian and Belarusian-Latvian border. Belarusian mixed vernacular belongs to the Baltic-Slavic Contact Zone. The rise of this specific contact situation involving varieties not only of Slavic (Russian, Belarusian, Polish), but also of Baltic (Lithuanian, Latvian) languages, has been favoured by diverse historical factors and language policy during the last 200 years. Belarusian mixed vernacular is an exclusively oral variety without any kind of explicit norm. As a rule, its speakers are multilingual, they actively use at least one of the local contact varieties of Polish (the so-called ‘polszczyzna kresowa’), Russian, Lithuanian or Latgalian. Mixture of features typical for different Belarusian dialects and of non-standard Russian is very high and has probably enhanced during the Soviet period until our days, whereas Lithuanian influence seems to have diminished. Since the level of mixture with features from contact varieties on a Belarusian basis is enormous (even in the speech of individual speakers), the task to determine its structural features, their provenance and the boundaries of variation becomes extremely demanding.

This report is an attempt to investigate the frequency, distribution and the combinability of several variants (morphological, phonetical) in the same grammatical function and to specify, as far as possible, the provenience of variation (= sources of variation). The examination of the present tense verb forms are on dialectological data from two areas in Belarus: regions of Lida and Braslav.

Об аналогическом преобразовании презентной основы некоторых глаголов в болгарских говорах

В болгарском литературном языке и говорах есть небольшая группа глаголов I и II спряжений, различающихся конечными согласными презентной и аористной основ, которые выступают в регулярном чередовании в рамках всей их парадигмы. Эта группа глаголов давно описана в существующих грамматических трудах, особенно подробно в работе П. Пашова «Болгарский глагол. I. Классификация. Видообразование. Словообразование» (1966) — материал литературного языка и в монографии Т. В. Поповой «Глагольное словоизменение в болгарском языке» (1975) — материал восточноболгарского говора с. Былгарене (р-н Ловеч), западноболгарского говора с. Лопян (р-н Ботевград) и литературного языка. Полная парадигма этих глаголов в литературном языке дана также в «Орфоэпическом и орфографическом словаре болгарского языка» П. Пашова и Хр. Пырвева (4-е изд., 2004). Таковы исходные (бесприставочные) глаголы:

а) с чередованием [ж] ~ [з] типа наст. вр. *маж-а*, *маж-еш*, аор. *маз-ах*, *маз-а*: глаголы *бележа*, *ближа*, *вържа*, *кажа*, *лижа*, *мажа*, *нижа*, *режа*, *харжа*, *каканижа*;

б) с чередованием [ж] ~ [г] типа наст. вр. *лъж-а*, *лъж-еш*, аор. *лъг-ах*, *лъг-а*: глаголы *лъжа*, *стрижа*, *стружа*, *стържа*;

в) с чередованием [ч] ~ [к] типа наст. вр. *плач-а*, *плач-еш*, аор. *плак-ах*, *плак-а*: глаголы *бауча*, *дъвча*, *мяуча*, *плача*, *смуча*, *суча*, *тъпча*;

г) с чередованием [ш] ~ [с] типа наст. вр. *пиш-а*, *пиш-еш*, аор. *пис-ах*, *пис-а*: глаголы *бриша*, *бърша*, *мириша*, *(о)паша*, *пиша*, *уйдиша*, *уйдурдиша*, *чеша*; так же и у глагола *реша* ‘чесать, причесывать’ (не смешивать с *реша́* ‘решить’!) наст. вр. *реш-а*, *реш-еш*, аор. *рѣс-ах*, *рѣс-а* в парадигме по I спряжению, но также и без чередования [ш] ~ [с] — наст. вр. *реш-а*, *реш-иш*, аор. *рѣш-их*, *рѣш-и* в парадигме по II спряжению (ПП 987)¹.

Приведенный ряд глаголов с различающимися исходами основ настоящего времени и аориста можно дополнить и несколькими глаголами, презентная и аористная основы которых различаются не одним конечным соглас-

¹ Список сокращений источников см. в конце статьи. Иллюстративные примеры, приводимые в статье без указания источника, почерпнуты из материалов «Болгарского диалектологического атласа» (картотек и приложенных к ним текстов, комментариев к картам), собранных во время диалектологических экспедиций в середине XX в.

ным, а сочетанием двух согласных. Таковы с чередованием [шт] ~ [ск] глаголы *драця* (наст. вр. *драця* [драшт-я], -иш, аор. *драск-ах, драск-а*); *поця* (наст. вр. *поця-я* [пошт-я], -иш, аор. *поск-ах, -а*); с чередованием [жд] ~ [зг] глагол *гложда* (наст. вр. *гложд-я, -иш*, аор. *гложг-ах, -а*).

В болгарском литературном языке и в большинстве говоров, как известно, презентная основа выступает в парадигме настоящего времени (*пиш-а*), имперфекта (*пиш-ех*), будущего времени (*ще пиш-а*), повелительного наклонения (*пиш-и*), действительных причастий настоящего времени (*пиш-ещ*) и в л-овом причастии форм настоящего времени и имперфекта пересказывательного наклонения (*пише-л*), а основа аориста — в парадигме аориста (*пис-ах*), действительных причастий прошедшего времени (*пис-ал*) и страдательных причастий прошедшего времени (*пис-ан*), усеченного инфинитива (*пис-а*). В говорах небольшого числа сел, однако, презентная и аористная основы в некоторых формах приведенных выше глаголов не различаются — в исходе основ этих форм настоящего времени чередование согласных не происходит: в них выступает одна и та же унифицированная (обобщенная) основа, которую условно — «соотнося» ее с аористой основой в литературном языке и большинстве говоров — можно было бы назвать аористой. Такая основа в формах парадигмы настоящего времени появилась по аналогии с формами аориста.

Впервые единичные примеры употребления глаголов такого типа были отмечены в начале прошлого века известным болгарским диалектологом Л. Милетичем — *ка́зъм, разка́зът* в демир-хисарском и *вѣрзът* в хасковском говоре (Miletič 1903: 261). Позднее, уже в 60-е годы, несколько других глаголов такого типа (*лъга, плака* и др.) были отмечены Г. Горовым в работе «Странджанский говор», содержащей описание фонетических и грамматических особенностей и словарные материалы этого говора (Горов 1962), и в статье автора этих строк, в которой указано употребление таких глаголов в современных говорах по данным материалов «Болгарского диалектологического атласа» (*низа, маза, писа* и др.) и в Свиштовском дамаскине — памятнике болгарской письменности XVIII в. (*отвърза*) (Венедиктов 1969: 82–84).

Ниже приводим все известные нам формы **настоящего времени**, презентная основа которых совпадает с аористой.

1 л. ед. ч.: *ни́за* (с. Сливово, р-н Грудово — I.3998) в примере из текста: «Йѣс *ни́за* т’ут’уно»; ср. здесь же и аорист *низáх* в «фчера го (тютюн) *низáх*»; *о́плака* (с. Стефан Караджово, р-н Елхово — I.3964); *лѣ́га, не лѣ́га* (с. Габыр, р-н Бургас — I.4003); *ма́за, лѣ́га, пла́ка, пи́са* (с. Кирово, р-н Грудово — I.4010); *ка́за, ни́за, пи́са* (с. Долно Ябылково, р-н Грудово — I.4012); *пи́са* (с. Горно

Ябылково, р-н Грудово — I.4014); *лъга, пла́ка* (Странджа² — [БД: 34, 35, 126]); *по́плакам* (с. Господинци, р-н Гоце Делчев — III.4546); *стѣрга* (с. Нова Ловча, р-н Гоце Делчев — III.4594). В некоторых говорах окончание формы этого лица не *-а*, а *-ам* (*-ъм*): *пи́сам* (с. Буково, р-н Асеновград — I.4666); *ка́зъм* [Демир Хисар — (Miletič 1903: 261)].

2 л. ед. ч.: *врѣзеш* (с. Габыр, р-н Бургас).

3 л. ед. ч.: *врѣзѣ* (с. Студена, р-н Свиленград — I.4388) — «Мáстора го (тютюн) редѣ и го *врѣзѣ* и го нóсиме в идѣн дáм».

1 л. мн. ч.: *врѣзѣм* (с. Кирова, р-н Грудово — I.4010); *да вѣрзѣм* [с. Нова Надежда, р-н Хасково — I.3861 (ИИБЕ: 249)]; *врѣзем* (с. Церово, р-н Благоевград — III.4064); *вѣрзѣм* (с. Црынча, р-н Гоце Делчев — III.4612), *свѣрзѣм* (с. Батанци, р-н Мадан — III.4677; с. Бориново, р-н Мадан — III.4685); *вѣрзѣме* (с. Планинец, р-н Ивайловград — I.4854) — в речи переселенца из с. Голям Дервент, р-н Софлу (примечание собирателей материала), что на территории нынешней Греции, южнее болгарского города Ивайловград.

3 л. мн. ч.: *врѣзѣт* (с. Габыр, р-н Бургас); *врѣзѣт* (с. Батанци, р-н Мадан — III.4677); *врѣзѣт, стрѣзѣт* (с. Обидим, р-н Разлог — III.4122); *вразѣт* (с. Филипово, р-н Разлог — III.4124); *вѣрзѣт* [Хасково — (Miletič 1903: 261)]; *разкѣзѣт* [Демир Хисар — (Miletič 1903: 261)].

² Топонимом «Странджа» здесь обозначается часть крайней юго-восточной области Болгарии, занимаемая странджанским говором. Г. Горов в описании данного говора (Горов 1962), из которого взяты эти и цитируемые ниже другие примеры, приводит их без указания населенных пунктов, в говорах которых они употребляются. Он указывает таких населенных пунктов 11: р-н Мичурин — с. Резово (4424) и с. Българи (4042); р-н Малко Тырново — с. Кондолово (4041), с. Граматиково (4043), с. Заберново (4040), с. Бяла вода (4009), с. Звездец (4020), с. Брышлян (4022), с. Стоилово (4044), Калово (4038; в БДА не картографирован) и г. Малко Тырново (4422). На приложенной карте говоров области Странджа к странджанскому отнесены также не картографируемые в БДА говоры сел Сливарово, Визица и Изгрев (Горов 1962: 14). Всего, таким образом, согласно данным Г. Горова, «единный странджанский говор» — объект его изучения — представлен в 14 населенных пунктах. К ним следует добавить еще говоры 6 близлежащих сел: Индже воевода (4007), Крушевец (4004), Ново Паничарево (4029) и не картографируемые в БДА говоры сел Ясна Поляна, Приморско, Веселие, которые «в языковом отношении принадлежат странджанскому говору» (Горов 1962: 14, карта). Большая часть материалов собрана Г. Горовым в его родном селе Заберново. Он отмечает, что «существенных различий в говорах отдельных сел с единым рупским диалектом нет», если не считать «некоторых незначительных отклонений, какие могут встречаться и в говоре отдельных лиц одного и то же села и даже в разных случаях в говоре одного и того же лица» (Горов 1962: 18). Из этих пояснений невозможно определить, употребляются ли конкретные формы, приводимые автором работы в описании и в словаре, в говоре всех названных сел или только в некоторых из них, где они могут быть отнесены им к «незначительным отклонениям».

Формы **будущего времени** с аористой основой глагола нам известны следующие: **1 л. ед. ч.** *ке ка́за* (с. Факия, р-н Грудово); **3 л. ед. ч.** *ке връ́зе* (с. Голямо Буково, р-н Грудово); **1 л. мн. ч.** *ке връ́зем* (с. Кирово, р-н Грудово); ср. и в текстовых примерах: «Ке го [лен] на́ложим да го́ри на слъ́нцето. *Ке го връ́зем* на гръ́сници», «Ке го сберём и ке го *връ́зем* па́к на гръ́сници» (там же); *ше връ́земе* в текстовом примере «Като сто́ри се́дмица, ше гу (коноп) *връ́земе* на гръ́шница» (с. Калово, р-н Малко Тырново); *ше превръ́земе* (с. Кондолово, р-н Малко Тырново — «Сётне ше гу (вътък) вдёнеме ф ни́тите, *ше гу превръ́земе* на штъ́нѣт и ве́ке ше гу тка́еме».

Имперфект с аористой основой нам известен только по форме **1 л. ед. ч.** *пла́каф*, отмеченной Л. Милетичем в ряду с *пи́скаф*, *водѣф* в говоре Баната, р-н Ропка (Miletič 1912: 65).

Формы **повелительного наклонения** с аористой основой: **2 л. ед. ч.** *врѣ́зи* (с. Маломир, р-н Ямбол — I.3943) в примере «ами *врѣ́з'и* ку́па за куй-ру́ка и гу пусни́ в Ту́нца»; *врѣ́зи* — в примере «*врѣ́зи* кѣ́рпа на главѣ́та» [Батак, р-н Ропка — (Miletič 1912: 68)], *прѣ́'врѣ́з'* (там же); **2 л. мн. ч.** *на́врѣ́зите* в примере «*На́врѣ́зите* хи е́днѣ за дру́го!» [Странджа — (БД: 39)].

Другие формы, образуемые с основой настоящего времени, совпадающей с аористой, от указанных выше глаголов (действительные причастия настоящего времени, настоящее время и имперфект пересказывательного наклонения), в наших материалах отсутствуют.

Рассматриваемых глаголов с аористой основой в презентных формах в наших материалах — всего 9: *врѣ́за* (*врѣ́за*), *каза*, *лъ́га*, *ма́за*, *ни́за*, *пи́са*, *пла́ка*, *стри́га*, *стѣ́рга*. Это около трети глаголов, презентная и аористная основы которых в литературном языке и в других говорах различаются конечными согласными (список таких глаголов см. в начале статьи). Нельзя исключать, что и в числе двух третей других глаголов тоже есть такие, в парадигме которых вместо презентной в говорах выступает основа аористная.

В приведенном выше материале бросается в глаза большое различие в количестве примеров на отдельные формы глагольной парадигмы и самим составом глаголов, что требует пояснения.

Большую часть имеющихся у нас примеров употребления рассматриваемых форм составляют, как видим, презентные формы и прежде всего формы **1 л. ед. ч.**, **1** и **3 л. мн. ч.** настоящего времени. Это объясняется тем, что основным источником наших материалов являются данные первых двух томов БДА, охватывающих территорию Юго-Восточной и Юго-Западной Болгарии. Программой БДА (Стойков 1959) был предусмотрен сбор материалов об окончаниях презентных форм **1 л. ед. ч.** исходных (бесприставочных) и приставоч-

ных глаголов (вопр. 85, 86), форм 1 л. и 3 л. мн. ч. глаголов I и II спряжений (вопр. 87, 88) (Стойков 1959: 33). Сбор материалов по окончаниям форм 2 и 3 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. настоящего времени программой не предусматривался. Она включает также вопросы, касающиеся образования форм будущего времени, имперфекта, повелительного наклонения, причастий, но в материалах БДА некоторые из рассматриваемых здесь глаголов отмечены лишь в единичных случаях, а другие и вовсе отсутствуют. Важно иметь в виду, что все эти вопросы программы БДА ориентированы на получение ответа об окончаниях, частицах будущего времени и месте ударения, посредством которых образуются и характеризуются соответствующие глагольные формы. Вопросы программы БДА никак не ориентированы на то, чтобы собиратели материала обратили внимание и на конечные согласные презентной и аористной основ указанных глаголов, что можно было бы сделать хотя бы, например, включением двух-трех из этих глаголов в качестве опорных (обязательных) в иллюстративном списке приводимых глагольных форм. Это не упрек «Программе» Ст. Стойкова (она не могла охватить все разнообразие диалектных различий, тем более практически почти не известную тогда рассматриваемую здесь особенность презентной основы некоторых глаголов), а лишь пояснение того, что материалы БДА не дают не только исчерпывающего, но даже более или менее полного перечня употребляемых в говорах глаголов с утраченной исходной презентной основой. Дело в том, что интересующие нас формы таких глаголов остались не зафиксированными в материалах БДА (на картах, в картотеках и текстах) случайно, а не потому, что ни один из этих глаголов (например, *кажа*, *мажа*, *пиша*) в каких-то говорах вообще не употребляется. Вряд ли можно сомневаться в том, что более целенаправленный и настойчивый поиск форм таких глаголов позволит увеличить как сам их перечень, так и число говоров населенных пунктов, где они употребляются.

Обратимся теперь к описанию приведенного выше материала.

Из всех приведенных глаголов, имеющих парадигму настоящего времени с аористной основой, как видим, наибольшим числом примеров представлен глагол литер. *вържа* — диал. 2 л. ед. ч. *вързеш*, 3 л. ед. ч. *вързэ*, 1 л. мн. ч. *върз-эм* и др., 3 л. мн. ч. *върз-ат* и др. Что касается недостающих форм 1 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч., то их отсутствие в наших материалах совсем не означает, что эти формы с аористной основой в говорах вообще не употребляются: если в каких-то говорах с такой основой употребляются формы 2 и 3 л. ед. ч. и другие формы настоящего времени, то в них с такой основой употребляются (должны употребляться?) и формы 1 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. Не может быть такого положения, чтобы в говорах, в которых употребляются, на-

пример, формы *врѣзеш*, *врѣзѣ*, *врѣзѣм*, *врѣзѣт*, отсутствующие в материалах формы 1 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. имели не аористную основу *врѣз-* (*врѣз-*), а только презентную *врѣж-* (*врѣж-*). Можно поэтому сказать, что в нашем случае полную парадигму настоящего времени с аористной основой в современных болгарских говорах имеет, возможно, только глагол *врѣжа* и его приставочные производные. Но такова ли и полная презентная парадигма этого глагола и его производных в каждом конкретном говоре конкретного населенного села, в котором отмечены отдельные формы с аористной основой, определенно сказать без специальных наблюдений живой речи носителей соответствующего говора, на наш взгляд, было бы опрометчиво.

Судить о полной парадигме настоящего времени остальных 8 из 9 рассматриваемых здесь глаголов на основании имеющегося у нас материала было бы тоже опрометчиво. Большая часть из них с аористной основой представлена в нем только формой 1 л. ед. ч. — *лъга*, *маза*, *низа*, *писа*, *плака*, *стѣрга*, один глагол только формой 3 л. мн. ч. — *стригат* и один глагол только формами 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. — *каза*, *разказѣт*. Понятно, что «вывести» из таких данных исход основы в остальных формах настоящего времени этих глаголов невозможно. Это особенно относится к формам 1 и 2 л. ед. ч. и форме 2 л. мн. ч. Предположить, что в говорах, в которых употребляются приведенные здесь формы 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., аористную основу имеют и формы 2 л. ед. ч. *лъгеш*, *низеш*, *плакеш* и др., формы 3 л. ед. ч. *мазе*, *писе* и др. или 2 л. мн. ч. *мазете*, *низете*, *стѣргете* и др., конечно, можно, но уж очень необычными они кажутся. В связи с кажущейся необычностью и как бы даже невозможностью таких форм в живом употреблении носителей говоров вспоминаются слова выдающегося знатока болгарской народной речи проф. Стойко Стойкова, который при обсуждении материалов БДА на замечания подобного рода молодых участников-собеседников не раз полушутя-полусерьезно отвечал, что в болгарских говорах всё возможно. И тем не менее нам представляется, что полной унификации основы настоящего времени приведенных глаголов в говорах (во всяком случае не во всех) все же не произошло — в одних формах настоящего времени выступает уже основа аористная, но в других остается презентная.

В подтверждение сказанному сошлемся на приведенные Г. Горовым данные странджанского говора, где глаголы *лъжа* и *плака* аористную основу *лъг-* и *плак-* в парадигме настоящего времени имеют только в форме 1 л. ед. ч., а во всех других формах настоящего времени, а также имперфекта, повелительного наклонения, *л-*ового причастия форм настоящего времени и имперфекта пересказывательного наклонения выступает презентная основа: наст.

вр. *лъг-а*, но *лъж-еш*, *-е*, *-ем*, *-ете*, *-ет*; *плак-а*, но *плач-еш*, *-е*, *-ем*, *-ете*, *-ет*; имперфект *лъж-ех*, *-еше*, *-еше*, *-ехме*, *-ехте*, *-еха*; *плач-ехме*, *-ехте*, *-еха*; повел. накл. *лъж-и*, *-ите*; причастие пересказыв. накл. *лъж-ел*, *-ела*, *-ело*. Во всех формах аориста этих глаголов выступает исходная аористная основа: *лъг-ах*, *-а*, *-а*, *-ахме*, *-ахте*, *-аха*; *плак-ах*, *-а*, *-а*, *-ахме*, *-ахте*, *-аха* (Горов 1962: 34–39). В словаре странджанского говора Г. Горов с аористной основой в 1 л. ед. ч. в качестве заглавной словарной формы приводит только *пла́ка*, иллюстрируемой примерами «Мӣ *пла́ка*, ма́ле, мӣ се пұ́ка. Йа́ вейке не́ма да *пла́ка*» (Горов 1962: 126). Глагол *лъжа* в качестве заглавной словарной формы в нем отсутствует (*лъга*), но в статье на *лъжл’у* в иллюстративном примере употреблена форма 2 л. ед. ч. с исходной презентной основой *лъжеши* (Горов 1962: 108). Однако вместо вроде бы ожидаемой формы 1 л. ед. ч. *ни́жа* (при *лъга*, *плака*) в качестве заглавных приведены формы с исходной презентной основой *ни́же* с примером «Лил’ён’ки ше хи про́де трӣ йў́за йелт́н’е – да *ни́же*, да *се нани́же*» и *ни́жет се* с примером «Панагиржи́ете *се ни́жет* по път́ката наѓбре» (там же: 119). Отметим здесь также и приведенную выше форму 2 л. мн. ч. повелительного наклонения *на́вързите* (с аористной, а не исходной презентной основой), иллюстрирующую в числе других место ударения в приставочных глаголах (там же: 39); в словарной же части цитируемой работы форма 1 л. ед. ч. настоящего времени этого глагола (скорее всего *на́върза*; или *на́вържа*?) как заглавная словарная форма отсутствует; нет здесь и исходного (бесприставочного) глагола.

Сказанным и исчерпываются интересные данные о рассматриваемых основах презентной парадигмы глаголов, которые предоставляет работа Г. Горова о странджанском говоре. Они довольно скудны и тем не менее позволяют обратить внимание на два важных момента. Во-первых, из них следует, что в странджанском говоре в парадигме настоящего времени рассматриваемых глаголов аористная основа выступает вместо исходной презентной только в форме 1 л. ед. ч. [типа (аз) *плак-а*]; во всех других формах этой парадигмы сохраняется исходная презентная основа [типа (той) *плач-е*, (те) *плач-ат*]. У нас нет оснований сомневаться в том, что такое распределение презентной и аористной основ существует (может существовать) и в других говорах. Исключение представляет, по-видимому, только глагол *вържа* с его производными приставочными образованиями, аористная основа которого, как видно из приведенных выше примеров, выступает и в других формах парадигмы настоящего времени. Здесь, вероятно, речь уже должна идти о лексикализации аористной основы *върз-* (*върз-*), заменившей исходную презентную основу *върж-* (*върж-*); срв. отсутствие данных о полной парадигме настоящего времени,

имперфекта и других форм с основой аориста глаголов *пиша*, *нижа*, *мажа* и др. Во-вторых, в странджанском говоре параллельно представлены два варианта парадигмы настоящего времени, формы которых имеют а) только исходную презентную основу или б) аористную основу в формах 1 л. ед. ч. и исходную презентную в остальных формах (ср. словарный пример *ни́жа* и приведенные в описательной части работы *лѣка* и *плѣка*, который дан и в словарной части). Эти данные не должны вызывать сомнений, потому что для Г. Горова странджанский говор — его родной говор (он уроженец с. Заберново в Страндже), и трудно себе представить, чтобы в словаре он привел форму 1 л. ед. ч. *ни́же*, а не *ни́за*, если бы она в его родном говоре не употреблялась. Из работы Г. Горова, однако, совсем неясно, употребляются ли в странджанском говоре параллельно формы настоящего времени с обеими — презентной и аористной — основами одних и тех же глаголов (типа, например, 1 л. ед. ч. *плака* и *плача*, 3 л. мн. ч. *се нижат* и *се низат*) или нет.

Имеющиеся у нас материалы БДА также не дают более или менее ясного представления об употреблении форм настоящего времени с этими основами в других болгарских говорах. Есть говоры, в которых разные основы выступают в формах разных глаголов, например, 1 л. ед. ч. *бплака*, но и *пи́ша* (и *пѣтпи́ша*), *ка́жа*, 3 л. ед. ч. *ка́жи*, 2 л. мн. ч. *пи́шети* (с. Стефан Караджово); 1 л. ед. ч. *ма́за*, *ни́за*, *пи́са*, *лѣ́га*, но 3 л. ед. ч. *пи́ше*, *ка́жи* (с. Сливово); 1 л. ед. ч. *ма́за*, *пи́са*, но 3 л. мн. ч. *пи́шат* (с. Голямо Буково); 1 л. ед. ч. *лѣ́га*, но и *пи́ша*, *ка́ж'ъ* (с. Габыр); 1 л. ед. ч. *пи́са*, но и *пи́ша* (с. Горно Ябылково).

Формы будущего времени с аористной основой в наших материалах представляют только глаголы *вържа* и *кажа* — 1 л. ед. ч. *ке ка́за*, 3 л. ед. ч. *ке врѣ́жэ*, 1 л. мн. ч. *ке врѣ́жэм*.

Имперфект с аористной основой нам известен только по форме 1 л. ед. ч. *плѣкаф* (*plákaф*), которую Л. Милетич отметил в говоре Баната. Эта имперфектная форма в сущности совпадает с приведенной им формой 1 л. ед. ч. аориста *плѣкаh* (*plákaḥ*) (Miletič 1912: 65–66). Употребляются ли в каких-либо говорах формы имперфекта с аористной основой типа 1 л. ед. ч. *мазех*, *писех* вместо *мажех*, *пишех* или 3 л. мн. ч. *мазеха*, *писеха* вместо *мажеха*, *пишеха*, мы не знаем.

В целом же на основании приведенных разрозненных и ограниченных данных о формах с аористной основой в парадигме настоящего времени рассматриваемой группы глаголов складывается лишь самое общее и предварительное представление, а именно: а) в современных болгарских говорах презентные формы с аористной основой употребляются параллельно с формами с исходной презентной основой, б) аористная основа, возможно, выступает в

презентных формах не всех приведенных глаголов и 3) состав глаголов, образующих презентные формы с аористной основой, в разных говорах разный. Происходит ли в настоящее время в современных говорах постепенное расширение употребления презентных форм с аористной основой, сказать трудно.

Гораздо определеннее можно сказать о территориальном распространении презентных форм с аористной основой в парадигме настоящего времени. Такие формы употребляются в юго-восточных (рупских) говорах Болгарии. Материал, которым мы располагаем, дает основание утверждать, что наиболее широко такие формы употребляются, вероятно, в факийско-грудовском и странджанском говорах восточнорупского диалекта, расположенных в области Странджа на крайнем юго-востоке Болгарии. Факийско-грудовская группа говоров, описанная С. Б. Бернштейном и Е. В. Чешко по материалам БДА (Бернштейн, Чешко 1963: 294–296), охватывает говоры 14 сел, в 6 из которых (Сливово, Факия, Голямо Буково, Кирово, Долно Ябылково, Горно Ябылково) употребляются презентные формы с аористной основой. Такие же основы употребляются и в говорах двух близлежащих сел за пределами этой группы (Стефан Караджово, Габыр) и в соседнем странджанском говоре, но из данного Г. Горовым описания этого говора невозможно сказать, употребляются ли они в говорах всех 11 сел, охватываемых этим говором, или только в какой-то их части. Встречаются презентные формы с аористной основой и во фракийских говорах восточнорупского диалекта (с. Нова Надежда, р-н Хасково). Употребляются они и в других рупских говорах — центральных или родопских (Буково, Планинец, Батанци, Бориново) и западнорупских (Обидим, Филипово, Господинци, Нова Ловча, Црынча, Церово), но, судя по имеющемуся материалу, вероятно, менее широко, чем в восточнорупских. Аористная основа в формах настоящего времени небольшой группы глаголов предстает, таким образом, как одна из характерных отличительных особенностей рупских и особенно восточнорупских говоров, которая в существующей литературе (Стойков 1957; Горов 1962; Бернштейн, Чешко 1963) осталась не отмеченной.

Появление презентных форм с аористными основами типа *каз-а*, *плак-а*, *нис-а* в болгарских говорах — факт не самого последнего времени. Отдельные случаи употребления таких форм зафиксированы уже в некоторых памятниках новоболгарской письменности XVIII в., например, в Свиштовском дамаскине (рукопись 1753 г.) видим форму глагола *сврѣза*: «И туй кату чю господарѣтъ, повелѣ да ги *сврѣзатъ* за шійте и да ги завидѣтъ в' блѣтоту» (л. 432). Встречается такая же презентная основа этого же глагола и в печатных

текстах начала XIX в., например, в *да*-конструкциях 3 л. ед. ч. *да връзе* и 3 л. мн. ч. *да връзатъ* в книге «Повесть ради страшного и второго пришествия Христова» Иоакима Кырчовского (1814): «скоро да имъ *връзе* оумоть» (с. 28), «да ги *връзатъ*» (с. 28), «да имъ *връзатъ* руки и ноги оу страшни синджирь желѣзни» (с. 18); в *да*-конструкциях 3 л. ед. ч. *варзи*, *са варзе* в книге «Христоития или благонравие» Райно Поповича (1837): «А което са вижда, съ руцѣ са хваща, съ важе са *вѣрзе*, съ ножъ са сѣче, ако ли е духъ, нето са вижда, нето са хваща, нето са *вѣрзи*, нето огнь го гори» (с. 48–49); 3 л. мн. ч. *вѣрзатъ* в *да*-конструкции в письме Г. Бусилина (10 мая 1843): «Дано даде Богъ тези чувства да не исчезнатъ, но да процфѣтъ и да *вѣрзатъ* плодъ основателния надежди българскаго будущаго щастия!» (Известия на Архивния институт. Кн. II. София, 1959. С. 194).

Приведенный материал, как видим, показывает, что из рассмотренных выше глаголов чаще других в современных говорах и в говорах гораздо большего числа населенных пунктов встречаются новые презентные формы с исконно аористой основой *вѣрз-а*. В отличие от *вѣрж-а* другие глаголы с основой на *ж* — *каж-а*, *лѣж-а*, *маж-а*, *ниж-а* и др. — в формах настоящего времени с аористой основой (типа *каз-а*, *маз-а*, *низ-а*, *лѣг-а*) выступают в говорах гораздо реже, и появились они в них позднее презентных форм с основой *вѣрз-а*.

Источники

- БД — Българска диалектология. Проучвания и материали. София, 1962. Кн. I.
БДА — Български диалектен атлас. София, 1964. Т. I. Югоизточна България; 1975. Т. III. Югозападна България.
ИИБЕ — Известия на Института за български език. София, 1955. Т. IV.

Литература

- Бернштейн, Чешко 1963 — *Бернштейн С. Б., Чешко Е. В.* Классификация юго-восточных говоров Болгарии // Известия Отделения литературы АН СССР. 1963. Т. XXII, вып. 4.
Венедиктов 1969 — *Венедиктов Г. К.* Из наблюдений над морфологией глагола в болгарских диалектах // Славянская филология: Сб. ст. Л., 1969.
Горов 1962 — *Горов Г.* Странджанский говор // Българска диалектология. София, 1962. Т. I.
Кочев 1988 — *Кочев И.* Основно диалектно деление на българския език // Български диалектен атлас. Обобщаващ том. Встъпителна част. София, 1988.
Пашов 1966 — *Пашов П.* Българският глагол. I. Класификация. Видообразуване. Словообразуване. София, 1966.

- Пашов, Първев 2004 — *Пашов П., Първев Хр.* Правоговорен и правописен речник на българския език. София, 2004. 4-то изд.
- Попова 1975 — *Попова Т. В.* Глагольное словоизменение в болгарском языке. Морфонологический аспект. М., 1975.
- Стойков 1957 — *Стойков Ст.* Странджанският говор // Български език. 1957. № 3.
- Стойков 1959 — *Стойков Ст.* Програма за събиране на материали за Български диалектен атлас. София, 1959.
- Стойков 1968 — *Стойков Ст.* Българска диалектология. София, 1968.
- Miletič 1903 — *Miletič L.* Das Ostbulgarische. Wien, 1903.
- Miletič 1912 — *Miletič L.* Die Phodopemundarten der bulgarischen Sprache. Wien, 1912.

Summary

G. K. Venediktov

On analogical formation of present stem of some verbs in Bulgarian dialects

Bulgarian (both in standard and in regional varieties) has a small group of verbs, attributed to the so called 1st and 2nd conjugation, which exhibit an alternation between present stem ending on -ž, -š (1 Sg. *kaž-a*, 2 Sg. *kaž-eš*) and aorist stem on -z, -s (1 Sg. *kaz-ah*, *kaz-a*). In some dialects, however, historically regular present stem is substituted by the aorist stem, yielding such forms as 1 Sg. *kaz-a*, *pis-a*. Such loss of alternation is attested in the South-East varieties of Bulgarian.

Формы глаголов 1 л. мн. ч. настоящего времени в белорусских говорах Общеславянского лингвистического атласа

Образование форм 1 лица множественного числа настоящего времени глаголов 1 спряжения типа *i'z'om, tra's'om* в белорусских говорах достаточно подробно описано в различных диалектологических работах (Мацкевіч 1959; Нарысы 1964; Лінгвістычная геаграфія 1968). Реализации этих форм посвящена карта № 150 ДАБМ «Зычны асновы і націскны галосны ў 1 асобе множнага ліку цяперашняга часу дзеясловаў 1 спражэння» (Дыялекталагічны атлас 1963). Авторы последующих исследований так или иначе опирались на лингвогеографическую представленность рассматриваемого явления на этой карте. В статье (Попова 2006) была рассмотрена специфика реализации таких глагольных форм в восточнославянском контексте, описаны основные различия, связанные с этим явлением в русских, украинских и белорусских диалектах.

В нашем исследовании мы еще раз обращаемся к этой теме с привлечением материалов Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА 2008).

Как известно, данный международный лингвогеографический проект реализуется в двух сериях: фонетико-грамматической и лексико-словообразовательной. И если на сегодняшний день вышло уже семь томов, посвященных фонетике, то грамматические/морфологические выпуски находятся пока только на стадии разработки. Рассматриваемые глагольные формы сочетают в себе явления морфологического, морфонологического и фонетического уровней. Нам было важно узнать, дает ли материал ОЛА по этому вопросу какие-нибудь новые данные, и как его можно презентовать методами лингвогеографии. В связи с этим была создана лингвистическая карта, материалом для которой послужили ответы на вопросы 726 1 pl praes *jъdetъ и 1508 1 pl praes *tręsetъ из (Вопросник ОЛА 1965). Картографируемые данные, выписанные из белорусской картотеки ОЛА, иллюстрируют лингвогеографическую представленность форм глаголов 1 лица множественного числа настоящего времени в белорусских пунктах сетки ОЛА (см. карту).

Традиционно глагольные формы 1 лица множественного числа настоящего времени *i'z'om, tra's'om* рассматривают по соотносительным (различающимся) диалектным признакам, которые образуют соответствующие явления:

- 1) фонетическую реализацию консонантного исхода глагольной основы — оппозиция твердость / мягкость конечного согласного основы;
- 2) реализацию тематического гласного — произношение звуков [o] или [e];

- 3) реализацию флексии глагола — различение форм с *-ем* и *-емо*;
- 4) акцентную характеристику словоформ.

По материалам ОЛА четвертый признак — характер ударения — был снят с рассмотрения из-за однотипности обследованного материала. Практически во всех пунктах отмечено фиксированное ударение на тематическом гласном. Только в отдельных говорах Жлобинского и Хойникского р-нов Гомельской обл. (н. пп. 392, 399) были отмечены случаи употребления словоформы *'trus'im*, которые в силу единичности фиксации были отклонены от картографирования. Еще один различающийся признак, который ранее не брался во внимание и который, по данным ОЛА, может составить дополнительную оппозицию, — это наличие или отсутствие гласного [o] (o подъема выше среднего) в рассматриваемых формах глагола.

По признаку **фонетическая реализация консонантного исхода глагольной основы** карта отражает оппозицию твердость/мягкость конечного согласного основы. Явление отвердения основы зафиксировано в южной и юго-восточной части Беларуси в говорах Каменецкого, Березовского, Брестского, Дрогичинского, Логишинского, Ганцевичского, Пинского, Лунинецкого р-нов Брестской обл.; Пуховичского, Копыльского, Березинского, Солигорского, Стародорожского р-нов Минской обл.; Бобруйского, Быховского р-нов Могилевской обл.; Житковичского, Капоткевичского, Октябрьского, Жлобинского, Чечерского, Лельчицкого, Мозырского, Хойникского, Брагинского р-нов Гомельской обл. (н. п. 357, 362, 363, 366–368, 372, 374–376, 382, 384–395, 399, 400). В этих пунктах отмечено употребление форм: *i'dom*, *tra'som*; *i'dem*, *tra'sem*; *i'dom*, *tra'som*; *i'demo*, *tra'semo*. Во всех остальных говорах сетки ОЛА зафиксированы формы с мягким гласным на конце основы: *i'z'om*, *tra's'om*; *i'z'em*, *tra's'em*; *i'z'emo*, *tra's'emo*.

По признаку **реализация тематического гласного** прежде всего рассматривается употребление тематических гласных [e] или [o]. Произношение гласного [e], как видно на карте, фиксируется в разрозненных пунктах северной части Беларуси в Докшицком р-не Витебской обл.; Сморгонском, Гродненском, Щучинском р-нах Гродненской обл.; Крупском р-не Минской обл.; Ивацевичском, Пинском р-нах Брестской обл.; Осиповичском р-не Могилевской обл., Ветковском р-не Гомельской обл. (н. пп. 331, 336, 340, 344, 350, 364, 382, 377, 398). Следует отметить, что употребление гласного [e] в этих районах фиксируется и на карте ДАБМ, но не отмечено на соответствующих картах в (Мацкевич 1959) и в (Попова 2006). Причину этого можно видеть в приемах картографирования явления, неразграничении форм с *-ем*, *-емо* в легенде ДАБМ и единичным характером употребления таких форм.

Параллельное употребление форм с [е] и [о] отмечено в говорах Шарковщинского р-на Витебской обл., Копаткевичского и Брагинского р-нов Гомельской обл. (н. пп. 328, 390, 400): *i'z'em, tra'som*.

Во всех остальных белорусских пунктах сетки ОЛА употребляется форма с [о], как после мягких согласных основы, так и после твердых: *i'z'om, tra's'om, i'dom, tra'som*.

По третьему различающемуся диалектному признаку **наличие или отсутствие гласного** [о] формы 1 лица множественного числа настоящего времени глаголов *i'z'om, tra's'om* ранее не рассматривались. Как видно на карте, гласный [о] встречается параллельно с [о] в южной части Беларуси. На карте ДАБМ формы с [о] и [о] обозначаются одним знаком, что также не позволяет дифференцировать эти явления. По материалам ОЛА говоры с [о] в глагольных формах *i'dom, tra'som* были выявлены в Копыльском, Пуховичском, Солигорском р-нах Минской обл.; Октябрьском, Хойникском р-нах Гомельской обл. (н. пп. 366, 367, 385, 391, 399). Во всех этих пунктах закрытый звук [о] употребляется после твердых согласных. Оппозиция наличие / отсутствие [о] имеет фонетический характер и совпадает ареально с соответствующим фонетическим явлением, которое различает белорусские говоры по составу гласных фонем.

По признаку **реализация флексии** в глаголах 1 л. мн. ч. настоящего времени по материалам ОЛА отмечается противопоставление вариантов *-ем* и *-емо*. Стоит отметить одно существенное различие, которое дают нам материалы ОЛА и ДАБМ. В (Дыялекталагічны атлас 1963) в легенде к карте № 150 одним знаком отмечены формы с *-ем* и формы с *-емо*, что не предполагает разграничение соответствующих форм, иными словами, без обращения к материалам нельзя установить, употребляются в пункте только формы с *-ем* (*i'z'em, tra's'em*), либо только формы с *-емо* (*i'z'emo, tra's'emo*), либо в говоре эти две формы сосуществуют параллельно. При картографировании материалов ОЛА мы использовали отдельные значки для реализации тематического гласного [е] во флексии *-ем* и для реализации тематического гласного [о] во флексии *-емо*, что дало возможность уточнить ареалы употребления таких форм.

Флексии с *-емо* локализованы в юго-восточной части Беларуси и дифференцируются по употреблению после твердых и мягких согласных на две подгруппы. Первая подгруппа включает в себя говоры с основой на мягкий согласный: *i'z'emo, tra's'emo* (Мостовский, Свислочский, Зельвенский р-ны Гродненской обл. (н. пп. 343, 353, 354)). Вторая подгруппа объединяет говоры с основой на твердый согласный: *i'demo, tra'semo* (Каменецкий, Березовский, Брестский, Дрогичинский, Логишинский р-ны Брестской обл. (н. пп. 362, 363, 372, 374, 375)). На всей остальной картографируемой территории употребляются формы с концевым *-ем*.

Таким образом, по выявленным четырем противопоставлениям, с учетом всех рассматриваемых различительных признаков, можно выделить девять групп говоров:

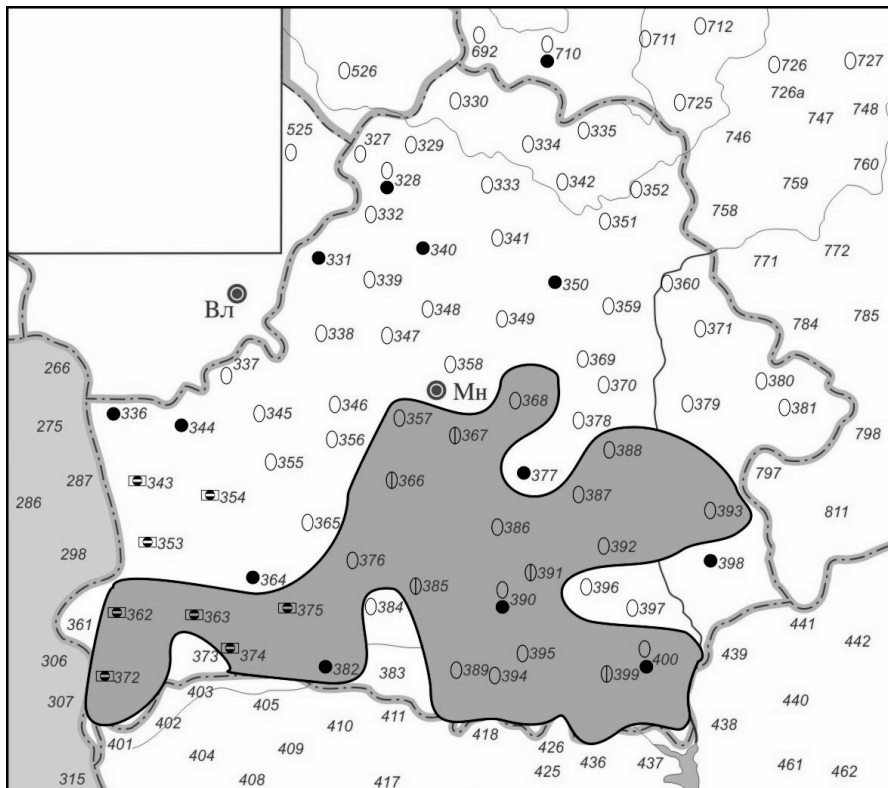
- 1) с мягкой основой и тематическим гласным [о]: *i'z'om, tra's'om* (36 н. пп.);
- 2) с твердой основой и тематическим гласным [о]: *i'dom, tra'som* (11 н. пп.);
- 3) с мягкой основой и тематическим гласным [е]: *i'z'em, tra's'em* (8 н. пп.);
- 4) с твердой основой и тематическим гласным [е]: *i'dem, tra'sem* (1 н. п.);
- 5) с твердой основой и тематическим гласным [о] при наличии форм с [о]: *i'dom (i'dom), tra'som (tra'som)* (5 н. пп.);
- 6) с мягкой основой и флексией -емо: *i'z'emo, tra's'emo* (3 н. пп.);
- 7) с твердой основой и флексией -емо: *i'demo, tra'semo* (5 н. пп.);
- 8) с мягкой основой и тематическими гласными [е] и [о]: *i'z'em, tra's'om* (1 н. п.);
- 9) с мягкой и твердой основой и тематическими гласными [е] и [о] *i'z'em, tra'som*.

Схематично реализацию этих признаков можно показать в виде таблицы:

Таблица. ФОРМЫ ГЛАГОЛОВ 1 ЛИЦА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ
В БЕЛОРУССКИХ ГОВОРАХ ОЛА

№	Твердость (т) / мягкость (м) согласного основы	Тематический гласный е / о	Наличие / отсутствие о	Флексии -ем / -емо	Н.пп.	Формы
1	м	о	—	-ем	36	<i>i'z'om, tra's'om</i>
2	т	о	—	-ем	11	<i>i'dom, tra'som</i>
3	м	е	—	-ем	8	<i>i'z'em, tra's'em</i>
4	т	е	—	-ем	1	<i>i'dem, tra'sem</i>
5	т	о	о	-ем	5	<i>i'dom, tra'som</i>
6	м	е	—	-емо	3	<i>i'z'emo, tra's'emo</i>
7	т	е	—	-емо	5	<i>i'demo, tra'semo</i>
8	м	е / о	—	-ем	1	<i>i'z'em, tra's'om</i>
9	т / м	е / о	—	-ем	2	<i>i'z'em, tra'som</i>

Карта. ФОРМЫ ГЛАГОЛОВ 1 ЛИЦА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ
В БЕЛОРУССКИХ ГОВОРАХ ОЛА

ЛЕГЕНДА

○	o
⊖	q
●	e
□	-emo
■	твёрдость конечного согласного основы

Літаратура

- Вопросник ОЛА 1965 — Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М., 1965.
- Дыялекталагічны атлас 1963 — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы / Пад рэд. Р. І. Аванесавы. Мінск, 1963.
- Лінгвістычная геаграфія 1968 — Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак / Акад. Навук ССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; пад рэд. Р. І. Аванесавы [і інш.]. Мінск, 1968.
- Мацкевіч 1959 — *Мацкевіч Ю. Ф.* Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове. Мінск, 1959.
- Нарысы 1964 — Нарысы па беларускай дыялекталогіі / Пад рэд. Р. І. Аванесавы. Мінск, 1964.
- Общеславянский лингвистический атлас 2008 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 5. Рефлексы *о. М., 2008.
- Попова 2006 — *Попова Т. В.* Глагольная форма 1 лица множественного числа настоящего времени // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 4. М., 2006. С. 109–145.

Summary

A. R. Chernyavski

The Plural Forms of the First Person Present Tense Verbs in the Belarusian Dialects (on the Materials of SLA)

The formation of the plural forms of the first person present tense verbs in the Belarusian dialects is considered in the article. On the materials of the Slavic Linguistic Atlas a map which illustrates areas of spreading of different variants of the phenomenon has been drawn.

Морфонология белорусских диалектных глаголов

В русле общего направления морфонологических исследований актуальным остается изучение глагольных, в том числе диалектных, парадигматических и синтагматических изменений современного белорусского языка, в которых проявляется его исторически сложившееся своеобразие, осязаемое даже на восточнославянском фоне. Опираясь на лингвогеографические материалы атласов (национального — ДАБМ и общеславянского — ОЛА), зафиксировавших состояние диалектов в 1950–1980-х гг. XX в., устанавливаются особенности функционирования морфологических изменений белорусского диалектного языка.

В настоящее время в изучении морфонологической структуры языков достигнуты несомненные успехи, что сделало возможным выявление специфики отдельных языков/диалектов. Большинство лингвистов изучают роль чередований, представленных в формах одной морфемы, т.е. выявляют те функции, которые закрепляются за ступенями чередования в процессе словоизменения и словообразования. О чередующихся фонемах говорят как о морфологизованных ступенях, являющихся показателями определенной категории слов и их форм. Каждая ступень чередования реализуется самостоятельной фонемой, сочетанием фонем или нулем звука. Грамматическая обусловленность морфонологических изменений позволяет учитывать лишь такие различия в звуковых оболочках одной словоизменительной морфемы, которые отражают фонетическую сущность чередования в парадигме морфемы, указывая на направление проводимой альтернации: от исходного морфа — к производным (Ильина 1980; Русак 2003; Rosiechina 2009). Для описания морфонологической характеристики диалектных глаголов белорусского языка избрана модель, которая в лингвистической литературе получила название «единица и аранжировка» (Кубрякова 1983). При таком подходе основное внимание уделяется установлению уже сложившейся системы морфонологических альтернаций — их фонологическому составу, удельному весу в языке, их связанности с определенным типом спряжения и констатации морфонологических особенностей. Отвечая сложившимся традициям, основной вариант морфемы представляется в словарной форме слова — в форме инфинитива. Иерархия морфов определяется от исходного морфа к производным соответственно их появлению в составе определенным образом упорядоченной парадигмы, что также отвечает сложившимся традициям и, значит, соответствует критерию натуральности описания. Это коррелирует с представлением об особой

роли словарной формы не только в парадигматике языка, но и в номинативной деятельности человека, что и послужило основой для избрания в лексикографической практике именно ее для фиксации слов в словаре. Количество альтернантов, как правило, соответствует количеству морфов, в которых реализуется в конкретных словоформах определенная морфема.

Лингвистический анализ фактического материала позволил получить морфонологическую характеристику изменения фонемного состава морфем в пределах определенных морфологических структур (слова и основы) при образовании диалектных глагольных словоформ. Тесная связанность морфонологических явлений с грамматическими, их участие в создании функционально-системных противопоставлений и различий в системе языка обуславливает то, что морфонологические данные диалектных глаголов позволяют выявить специфику белорусского языка при его сравнении с другими славянскими языками. А также показать отличительные особенности территориального варьирования морфонологических явлений в основных типах белорусского языка, общие тенденции взаимоотношений между традиционными говорами как основными источниками диалектной основы литературного языка и влияние кодифицированной нормы на диалектный язык.

В ходе анализа установлены существенные отличия в характере распределения вокалических и консонантных чередований по говорам белорусского диалектного языка, основного и западнополесского типов, которые образуют два граничащих территориальных объединения. В соответствии с местом, которое эти говоры занимают в составе языка, и их ролью в национальном белорусском языке, первые получили название основного массива говоров, а говоры небольшой территории на западе Белорусского Полесья называют западнополесскими говорами белорусского языка.

Диалектные отличия в глагольной лексике отмечаются на всех трех морфонологических уровнях: варианты морфем *-ці/-цы/-чы*, *-óm/-ém/-éмо* (*везці, пісаць, бегчы*; *нясём, нясём, нясэмо*); чередование фонем *(к ~ ч)*, *(ч ~ ц)* (*пнякёць ~ пнячэць, пёкчы ~ пёкці*); акцентуация (*пражыў ~ пражыла, пёкці ~ пнякці*).

Использование морфонологических явлений в словоизменительной парадигме глаголов не в одинаковой степени характерно для разных диалектов и литературного языка. В диалектах морфонологические альтернации шире представлены в глаголе и имени, по сравнению с литературным языком.

В литературном языке присоединение суффиксальных морфем к основе глагола определяется морфонологической позицией. Что же касается суффиксальных морфов инфинитива, то они обусловлены характером основы:

-ць присоединяется к основе на гласный *пісаць, чыіаць, ляцець, мыць*; **-ці** — к основе на согласный *везці, несці, церці, грэбці*; **-чы** — к основе на заднеязычный *легчы, бегчы, секчы, сцерагчы*.

Инфинитивная форма глаголов является отличительной морфонологической особенностью говоров основного белорусского вида. При основе на гласный глаголы имеют здесь суффикс **-ць**: *касіць, жаць, рабіць, піць, малоць, выжыць, пець, казаць* (как и в литературном языке). Однако в значительной части говоров (по линии Полоцк — Могилев — Гомель) этот суффикс характерен и для формы инфинитива с основой на согласный: *с'ес'ц', прас'ц', грыз'ц', нес'ц'*, которые в литературном языке закреплены за морфем **-ці**. Архаические формы инфинитива с суффиксом **-ці** с наибольшей последовательностью сохранились в говорах Гродненской и Брестской областей: *вазіці, насіці, курыці, чуці, браці* (ДАБМ, к. 173).

Существенная морфонологическая особенность функционирования глаголов западнополесских говоров, как отдельного языкового типа, заключена также в оформлении формы инфинитива. Здесь глаголы как с основой на гласный, так и на согласный имеют в инфинитиве конечный суффиксальный морф **-ти**: *нести, робити, жити, митиса*.

Глаголы с основой на заднеязычные /г/, /к/ характеризуются отличительным морфонологическим оформлением: *б'еиц', б'ар'ежц, стр'іжц', н'еиц', с'еиц'*, распространенным в Гомельской и Могилевской областях на границе с русскими говорами; *беражчы, стрижчы, стеражчы, поможчы*, распространенным в говорах Брестско-Пинского Полесья (ДАБМ, к. 178, 179).

Альтернации согласных фонем отражают фонологическую структуру временных сегментов, которые регулярно заменяют друг друга при чередовании конечных сегментов корневых морфем и входят в формообразовательные основы. Глаголы диалектного языка с основой на заднеязычные имеют большее число форм, маркированных чередованием согласных в парадигме настоящего времени: *н'аку ~ н'ак'еш ~ н'ак'е ~ н'ак'ом ~ н'акуц'; стрыгу ~ стрыгу'еш ~ стрыгу'ом ~ стрыгуц'*.

В словоформах одной корневой морфемы в зависимости от территориального употребления глаголов могут находиться разные фонемы: /к/ — /к'/ — /ч/, /г/ — /г'/ — /ж/: *н'аку — н'ак'еш — н'ачэш, стрыгу — стрыжеш — стрыгуом — стрыгц', стрижу — стрижеш — стрижут*.

Карты белорусского диалектологического атласа фиксируют выравнивание основ с чередованием фонем парных по твердости-мягкости в витебских и Mogilevских говорах, что, возможно, объясняется влиянием западных русских говоров. Однако выравнивание основ находим и во многих полесских

говорах до Бреста, а также в гомельских говорах (ДАБМ, к. 158). Здесь это могло возникнуть только в результате самостоятельного развития. Глаголы западнополесских говоров в сравнении с литературным языком имеют большее число словоформ, маркированных чередованием в виде замены заднеязычных на шипящие /к, г/ ~ /ч, ж/: *печу ~ печеш ~ печем ~ печут; стрижу ~ стрижеши ~ стрижем ~ стрижут*. Глаголы говоров западнополесского вида во всех личных формах, в том числе и в 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., имеют в основе перед окончанием согласный /ж/ или /ч/: *можу, можеши, може, могут; пичу, пичеш, пиче, пичут*.

В литературном языке этим чередованием маркированы формы 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., противопоставленные остальным словоформам: *пяку, пякуць ~ пячеш, пячэ, пячом, печачэ; стрыгу, стрыгуць ~ стрыжэши, стрыжэ, стрыжом, стрыжацэ*. Важным, а возможно, и решающим фактором при формировании нормативного облика белорусских литературных глаголов явилось произношение центральных белорусских говоров, привнесенное в литературный язык представителями этих говоров и во многих случаях зафиксированное орфографией.

Совершенно закономерно в 1 л. мн. ч. группа глаголов пережила переход **е > о**. Распространенные в белорусских говорах глаголы с **-ом (-ём)** при ударении на окончании типа *бяро́м, сцеражо́м, кладзе́м, нясе́м, вязе́м* определены в качестве нормы. Лишь в части юго-западных белорусских говоров (Гродненская и Брестская области) в этой позиции глаголы не знают перехода **е > о**: *нясе́м, вязе́м* (ДАБМ, к. 161). Диалектная база форм на **-ем** весьма ограничена, особенно если учесть, что формы этого типа даже не занимают отдельной территории, а сосуществуют с формами на **-мо (-ма)**: *ідзе́м, ідзе́ма*.

Комплекс морфонологических особенностей, которыми характеризуется в целом западнополесский структурный тип говоров, является единством достаточно отличительных противопоставлений основному белорусскому типу. В западнополесских говорах отмечаются фонетические явления, связанные с губными согласными в исходе основы. Характерными в парадигме настоящего времени являются формы с согласным /л'/ после губного согласного основы не только в 1 л. ед. ч., но и в 3 л. мн. ч. — *робл'у, ломл'у, купл'у, и робл'ат', ломл'ат', купл'ат'*. В этих же формах фиксируется спирант /j/: *роб'ју, лом'ју, куп'ју и лов'јат, став'јат, корм'јат* (ДАБМ, к. 180).

Анализ морфонологических глагольных парадигм позволил установить маркирование определенных грамматических позиций и личных форм при изменении глаголов. Стоит отметить, что за каждой подобной словоизменительной группой диалектных глаголов достаточно устойчиво закреплены конкретные альтернативы, присущие только ей.

В небольшой группе глаголов неконечные части корневых морфов, входящих в состав инфинитива и прошедшего времени, различаются гласными фонемами /e/ и /o/. Чередование ⟨e ~ o⟩ отмечено в глаголах, которые сохраняют фонему /e/ в инфинитиве и замещают ее на фонему /o/ в форме прошедшего времени перед нулевой флексией мужского рода и перед суффиксом -ў (из *1). В глагольной парадигме литературного языка этим чередованием в корневой морфеме морфонологически маркирована категория времени, подчеркнута противопоставленность настоящего и прошедшего времени: *везці ~ вёз, несці ~ нёс, церці ~ цёр*. Однако есть глаголы, у которых в аналогичных формах гласный /e/ сохранился и не перешел в /o/: *бегчы ~ бег, секчы ~ сек, сесці ~ сеў*. Исторически в этой группе глаголов /e/ образовался из *ѣ*, который не переходил в /o/. В диалектах выделяются две группы глаголов — с переходом /e/ в /o/ под ударением перед твердым согласным и без этого перехода.

Что касается ударной фонемы /e/ в формах жен. и ср. р. мн. ч. прошедшего времени, то в белорусских диалектах выделяются три момента:

(1) анализируемым формам свойственно чередование ⟨e ~ o⟩ на значительной территории северо-восточных говоров: *заперці ~ запёрла, памерці ~ памёрла, церці ~ цёрла*. Формы без перехода /e/ в /o/ характерны для юго-западных говоров: *померла, поперла, аддзерла, сперлі, сцерлі*. Исторически образование этих форм в белорусском языке могло быть связано со смещением ударения на корневой гласный: *вёзла (вёзлі) ~ вязла (вязлі), грэ́бла (грэ́блі) ~ гра́бла (гра́блі), лё́гла (лё́гли) ~ ля́гла (ля́гли)*;

(2) ударная корневая фонема /e/ — единственный вариант: *дзёрла (дзёрлі), мёрзла (мёрзлі), цёрла (цёрлі)*. Скорее всего, в данных формах переход ударения произошел после завершения изменения *e* в *o* в этих говорах;

(3) ударение только конечное: *мяла́ (мялі́), пляла́ (плялі́), някла́ (няклі́)*. Формы с конечным ударением более распространены в говорах Витебской, Могилевской, Брестской, восточной части Гомельской областей.

Формы прошедшего времени односложных глаголов *быць, жыць, віць, ліць, пляць, слыць* во всех белорусских говорах удерживают конечное ударение: *была́ (былі́), жыла́ (жылі́), піла́ (пілі́)*. О том, что формы с ударением на корневой гласной более новые, свидетельствует тот факт, что ударение на окончании в ед. ч. — единственно возможное в русском языке.

Считается, что фонетический переход /e/ в /o/ в белорусском языке завершился до отвердения шипящих согласных. Это имеет прямое отношение ко 2-му л. ед. ч.: *нясеш, пляцеш, мяцеш*, где перед /ш/ представлен гласный /e/. Лишь в северо-восточных говорах белорусского языка непоследовательно

встречаются формы с /o/: *нясёш, вязёш, пляцёш*. Белорусские диалектологи объясняют случаи типа *нясёш* влиянием русского языка. В большинстве этих говоров известны также варианты с /e/. Нет условий для перехода /e/ в /o/ в 3-м л. ед. ч., так как здесь ударный гласный находится в конце слова: *нясе, пляце, заве, жне*, или перед /ц'/: как в северо-восточном диалекте: *нясець, пляцець*.

С широким вовлечением в научный оборот данных лингвистических атласов — как материалов, собранных для них, так и самих карт атласов — возник новый, уникальный источник изучения диалектного языка. Появилась возможность интерпретации картографируемых явлений во всей полноте их реализаций в разных говорах, отражающих ареальные расхождения одних явлений и сближения других и в этом смысле являющихся пространственной проекцией пережитых языком исторических процессов.

Анализ современных устных текстов показывает, что у глаголов 1-го спряжения в 3-ем л. ед. ч. фактически отсутствует звук /ц'/: *ідзе, бярэ, нясе*. В то время как карты ДАБМ еще зафиксировали почти параллельное употребление форм типа *ідзе, грэе, меле* и *ідзець, меліць, грэіць* даже в среднебелорусских говорах. Это значит, что при оперировании глагольными обозначениями средствами (глаголами) местное население сохраняет преемственность в употреблении языковых словоизменительных форм (Хрестоматия 2009).

В предлагаемом исследовании мы постарались показать актуальное состояние отдельных морфонологических чередований, связанных с функционированием вариантных грамматических форм глагола в белорусских диалектах основного и западнополюсского типа.

Литература

- Бромлей 1974 — Бромлей С. В. Морфология и грамматика // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. М., 1974. С. 25–48.
- ДАБМ 1963 — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
- Ильина 1980 — Ильина Н. Е. Морфонология глагола в современном русском языке. М., 1980.
- Кубрякова 1983 — Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г. Морфонология в описании языков. М., 1983.
- Русак 2003 — Русак В. П. Марфаналогія сучаснай беларускай мовы. Мінск, 2003.
- Хрестаматія 2009 — Хрестаматія па беларускай дыялекталогіі. Цэнтральная зона. Мінск, 2009.
- Pociechina 2009 – Pociechina H. Грамматическая вариативность в славянских языках: морфонологический аспект. Olsztyn, 2009.

*Summary**V. P. Rusak***Morphonology of the Belarusian dialect verbs**

Basic features of morphonological dialect phenomena dynamics illustrated by dynamics of verbal forms are considered in the article. The problem is investigated with reference to materials of languageographic atlases such as the national Dialect Atlas of the Belarusian Language (DABL) and the Slavic Linguistic Atlas (SLA). The morphonological analysis of language means is carried out in two aspects: distinctive features of linguistic phenomena territorial variation in main types of the Belarusian dialects are outlined; tendencies concerning traditional dialects interrelations (traditional dialects regarded as the main source of dialect basis of literary language) are determined. As well as tendencies of reverse influence of a codified norm on dialect language.

Морфология глагола в польском говоре деревни Вершина Боханского района Иркутской области

Польский говор сибирской деревни Вершина — это говор поляков-переселенцев из Домбровского угольного бассейна и прилежащих к нему районов. Переселение это осуществлялось в рамках реформы П. А. Столыпина и произошло 100 лет назад: 10 июля 2010 года жители современной Вершины (прежнее название, существовавшее до 20-х годов XX века, Вершинино) отмечали столетие со дня основания родной деревни. Польский анклав здесь, помимо Вершины, включает ещё 2 населенных пункта: деревню Нашата (в произношении жителей — варианты *Našyta* // *Našata* // *Našeta*) и бывший заречный улус Хонзой (в произношении поляков: *Xunzój*). Если в деревне Нашата население исключительно польское, то в Хонзое проживают представители разных национальностей: поляки, украинцы, буряты. Деревня Вершина до Второй мировой войны была моноэтническим (польским) поселением. После Великой Отечественной войны ситуация изменилась: в настоящее время здесь проживают и русские семьи, и украинцы, а также одна бурятская семья. Судя по могилам на местном кладбище, жили в Вершине и литовцы. Нередки теперь смешанные (польско-русские и польско-украинские) браки, в которых дети, как правило, переходят на русский язык. Тем не менее польский этнический элемент по-прежнему остается преобладающим. Местный островной польский диалект сохраняет яркие особенности (малопольско-силезские) «материнского» диалекта в области фонетики, морфонологии, морфологии, словообразования и лексики, то есть относится в своей основе к *юго-западному* типу польских диалектов. Естественно, что, находясь длительное время в русскоязычном окружении, функционируя в условиях преподавания (после закрытия в 30-х гг. польской школы) на русском языке, польский диалект не мог не впитать в себя также черт русского идиома, в первую очередь, лексических. Так, совершенно забыты вершинянами польские названия месяцев. Ср. также такие русизмы, лексемы и словоформы, как *čaj* «чай», *strojeńe* «строение», *uxážyval'i* «ухаживали», *usp'eju* «успели», *ńežel'a* «неделя», *gotov'im* «готовим», *groz na skšypce* (ед. ч.) и мн. др. При этом русизмы часто функционируют в польском фонетическом (например с мазурением) и даже морфологическом облике. Ср. парокситоническое ударение в формах прошедшего времени *ośv'ížy, vyrašćil'i, vusp'ityváca*, в инфинитиве *vuskóćyć*, твердость *n* и «уканье» в неосемантизме *jo pumne* «я помню», диалектные польские окончания *-on* и *-tu* в презентных формах ру-

сизмов *ujeżżajion*, *gotov'iny*, *rugamy*, характерную для польского говора утрату согласного *ł* в русизме *xod'il'nik* «холодильник», *ogob'el'* «оглобля». Передки также синтаксические русизмы. Например, употребление глагола *ucyć* в значении 'изучать' с винительным падежом существительного (польск. *uczyć się czego*) и с дательным в значении 'обучать чему-либо' (польск. *uczyć czego*): *ucy pol'sk'i, ħet'eck'etu jenzukov'i ucyl'i*. Ср. также: *v'incyj ħežel'i n'e padaćo* «больше недели не было дождя». Под влиянием русского языка в говоре появляется много неосемантизмов (ср. вышеприведенную лексику *n'e-žel'a* «неделя» [польск. 'воскресенье']). Не останавливаясь подробно на характеристных для юго-западной Польши особенностях, представленных в данном говоре, укажем только некоторые из них, часть из которых существенна для диалектной глагольной парадигматики.

К ярким фонетическим юго-западным «родимым пятнам» вершинского диалекта относятся такие, как:

- *o* на месте **ā* (а также распространившееся вследствие аналогических процессов): *jo* 'ja', *trova* 'trawa', *jojka* 'jajka', им. п. ед. ч. ж. р. прил. *tako* 'taka', *Sojino* 'Soina' — фамилия жены, образованная от фамилии мужа *Soja*, *nos* 'nas' и т. д.;
- *i/y* на месте **ē* (и по аналогии): *polyfka* 'polewka', *ml'iko* // *mlyko* 'mleko', *xl'iv* // *xlyf* 'chlew', *p'ic* 'piec', *v'im* 'wiem';
- *u* на месте **ō* (*curka* 'córka');
- узкий характер континуантов носовых гласных и такое же произношение континуантов **ě* и **ā* перед носовыми согласными (*šv'into* 'święto', *jinzuk* 'język', *zajunc* 'zając', *pruśuntko* 'prosiątko', *mum* 'mam');
- наличие бифонемного сочетания *um* (реже *un*) в качестве континуанта носового гласного заднего ряда в позиции конца слова (*sum* 'są');
- мазурение (вернее, цеканье, поскольку в качестве системного фонетического явления представлено только *c* на месте *č*);
- звонкий тип сандхи и звонкость *v* после глухих согласных и другие; подробнее — (Ананьева, в печати).

К малопольско-силезским особенностям относится и добавление *k* к наречиям (*do teraska*), а также яркие лексические признаки, характерные для южной и юго-западной Польши, в том числе усвоенные материнским диалектом из чешского, словацкого и немецкого идиомов. Примеры подобных лексем: малопольск. *kaj* «где», *k'ej* «когда», *gażina* «скот», *furgac* «порхать», силезск. *żouxa* и *żouška* «девушка, девочка». Ср. германизм *fest* «очень; быстро; сильно», словакизмы и богемизмы *ohyńe* «голубика», *modžyn* «лиственница»,

rusy «тараканы». В говоре представлены интересные макросистемные метатезы (*rustel'ko* 'lusterko' «зеркало», *garalyta* 'galareta' «желе; студень», в фамилии Rolek 'Lorek'), архаизмы (ср. *uny* — генетически им. п. мн. ч. жен. р. 'ony'), упрощения групп согласных (особенно частотно выпадение *t* после консонанта, но не только: *sup* 'ślup' «столб», *xop* 'chłop' «мужик; муж», *duż* 'deszcz' «дождь», *ху́сіć* 'chwycić' «поймать» и мн. др.), лексико-фонетическое отсутствие носового в футуральных формах глагола *być* (*byde*, *bydżeś* и т. д.) при одновременном лексико-фонетическом наличии вторичных (неэтимологических) носовых (*jin̄zoro* 'jezioro' «озеро», *jangrest* 'agrest' «крыжовник»).

Яркие южные и юго-западные польские фонетические черты данного говора (*o* < **ā*, -*um*, реже -*un* на конце слова в качестве континуантов **ā*, *i*/*y* < **ē*, *u* < **ō*, сужение или расширение гласных перед носовыми согласными) повлияли как на огласовку глагольных корней, так и на вид морфологических показателей словоизменительных парадигм, конституирующих глагольную парадигматику. Рассмотрим некоторые особенности глагольных форм вершинского диалекта.

1. Конъюгационные презентные парадигмы

Глаголы, соответствующие глаголам *am*-спряжения литературного польского языка (далее ЛПЯ), имеют следующий вид парадигматических показателей:

с гласным *u* перед *m*-содержащей флексией — 1 л. ед. ч. -*um* (*cytum* 'czytam', *tum* 'mam', *pam'intum* // *pam'entum* *co* 'pamiętam', *jo* // *ja še spytum* 'spytam'), 1 л. мн. ч. -*umy* (*pam'entumy* 'pamiętamy', *n'e śadumy* 'nie siadamy', *my zb'irumy* 'zbieramy', *n'e rozgl'undumy* 'nie rozglądamy', *śp'evumy* 'śpiewamy', русизм *n'e rugumy* 'nie rugamy' — «не ругаем» и т. д.);

с гласным *o* перед другими консонантными компонентами флексий, а также на конце слова в 3 л. ед. ч. (2 л. ед. ч. -*oś*: *n'i moś* 'nie masz'), 3 л. ед. ч. -*o* (*cyto* 'czyta', *vymorzo* (о яблоне) 'wymarza', *p'es šeko* 'pies szczeka', *gro* 'gra', *vyrosto* 'wyrasta', русизм *prygo* 'pryga' («прыгает»), хотя в отрицательной конструкции, содержащей глагол *mieć*, изменяющийся по этому типу спряжения, представлено -*a*: *n'i ma* «не имеется, нет»;

2 л. мн. ч. -*oće* (*ježel'i doće* 'jeżeli dacie', *to n'e odb'eroće* 'to nie odbieracie', *pytoće kaj* 'pytacie kaj').

В 3 л. мн. ч. всех конъюгационных типов представлена флексия -*um* (< **ā*), реже -*un*: *drog'i še roszozum* 'drogi się rozchodzą', *hozum* 'chodzą', *n'esum butel'ke* 'niosą butelkę', *żyjum* 'żyją', *nacnum* 'naczną', *p'ekum* 'pieką', *Buraty šamañum* 'szamania' (из русск. *шаманят*). Редко в 3 л. мн. ч. отмечается оди-

ночный гласный -о или бифонемное сочетание -un (*do teraska krašo, kv'itno*, русизм *pševl'ekajo, pšyvol'o; p'erun* 'piorą'). Таким образом, можно сказать, что *am*-спряжению ЛПЯ в говоре Вершины соответствует *um*-спряжение.

Глагол *em*-спряжения ЛПЯ *wiedzieć* (генетический атематический глагол) в говоре вершинян относится к *im*-спряжению: *v'im* (*n'e v'im burack'i jinzyk* «я не знаю бурятского языка»), *v'iš, v'i, v'imu, v'ice* (*v'ice jag byčo* «вы знаете, как было»). Корневой вокал *e* представлен постоянно в 3 л. мн. ч.: *v'ezun*. То же в производных префиксальных от этого глагола: *do p'untka pov'ezum* «до пятницы скажут». Тем не менее в аналоге глаголу ЛПЯ *umieć* в 1 л. ед. ч. отмечен перед *t* гласный *e* (может быть, не без влияния русск. умею): *um'em, n'e um'em cytać* «я не умею читать».

Исторически атематический глагол *być* имеет следующие формы презенса: 1 л. ед. ч. *jezdem* (отражение звонкого типа сандхи), 3 л. ед. ч. *jest//je* ~ 3 л. мн. ч. *sum*: *p'ečnik'i sum* «есть печники», *Novok'i sum* «есть Новаки» (семья по фамилии Новак), *sum Pol'ak'i i dobre i złe, fšaki razny sum* «есть поляки и хорошие и плохие, разные есть», *kuhe sum corne, kare, b'joce, šive* «кони есть воронные, белые, сивые». Формы будущего времени этого глагола вследствие лексикализованного отсутствия в них ринезма (возможно, под воздействием форм прошедшего времени и инфинитива) выглядят следующим образом: *byde, byžeš // byd'eš, byže* (*b'ida byže* «будет нищета»), *bydum (bydum p'ić* «будут пить»).

В глаголах, соответствующих *e*- и *i*-спряжениям ЛПЯ (или I и II спряжений) в 1 л. мн. ч. не дифференцируется тематический гласный (морфологическое следствие воздействия на характер предшествующего гласного последующего носового согласного): *gotujimy* 'gotujemy' (*gotujimy na ml'iku* «мы готовим на молоке»), *idymy* 'idziemy', *n'esymy* 'niesiemy', *b'erymy* 'bierzemy', *mogymy//mogemy* 'możemy', *ježžymy* 'jeżdżymy', *sazemy* 'sadzimy', *posazemy* 'posadzimy', *pšyvožemy* 'przywozimy', *pol'emy* 'palimy' и *syr rob'imy* 'robimy' «мы делаем творог», *muv'imy* 'mówimy'.

В некоторых из вышеприведенных примеров видна еще одна (известная, в частности, силезским говорам) особенность морфонологического характера: в ряде глаголов с консонантными чередованиями финальный согласный основы не только 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. (как в ЛПЯ), но и 1 л. мн. ч. противопоставлен финали всех остальных презентных форм: *moge, mogymy // mogemy, mogum // mogon* ~ *možeš, może; saze, sazymy // sazemy, sazum* ~ *sažiš, saži; hoze, hozymy, hozum // hozun* — *hožiš* и т. д.; *ide, idymy, idum* ~ *ižeš* и т. д. Вероятно, альтернант в 1 л. мн. ч. появился по аналогии с формой 1 л. ед. ч. Типологическое соответствие такого распределения членов чередования представле-

но, например, в белорусском языке (ср. белор. *стрыгу, стрыгом, стрыгуць* ~ *стрыжешь* и т. д.).

I- и е-спряжения всегда дифференцируются во 2 л. мн. ч. (ср. *pułgważyce* 'pogwarzycie' ~ *podeńżęcie* 'podejdziecie', *pujżęcie* 'pójdziecie') и, по всей видимости, в 2–3 л. ед. ч. (ср. *potem sosna iże* «потом сосна идёт (т. е. следует)» ~ 3 л. ед. ч. *leży* 'leży', *krova becy* «корова мычит», *kuń kficy* «конь ржет», *spółi* 'spali', *kot pšel'eći droge* 'przeleci' «кот перебежит дорогу» и т. д.). Хотя и в этих формах может быть иная дистрибуция гласных -i (-y) – -e по сравнению с ЛПЯ: *m'eći* 'miecie', *rośni* 'rośnie', *syp'i śnig* 'sypie' «сыплет снег» (но *kosy kl'ep'e* «отбивает косы»).

Особенностью, находящей соответствие в юго-западных говорах Польши, является полное отсутствие чередований в парадигме глаголов типа *brać, prać* (как вокалических, на фоне форм *m'etła* 'miotła', так и *r ~ ż/ś*). Во всех формах презенса представлена финаль *r* и корневой гласный *e*: *b'ere* 'biorę', *b'e-reś* 'bierzesz', *b'ere* 'bierze', *b'erymy* 'bierzemy', *b'ereće* 'bierzecie', *b'erum* 'biorą'. Ср. наличие *r*-финали также в формах императива: *b'er* 'bierz', *p'er* 'pierz'. С другой стороны, в глаголах *tżyć, dżyć* (соответствующих глаголам ЛПЯ *drzeć, trzeć*) во всех членах презентной парадигмы представлен шипящий (в ЛПЯ чередование *r ~ ż/ś*): *čše* 'trę', *čšeś* 'trzesz', *čše* 'trze', *čšymy* 'trzemy', *čše-će* 'trzecie', *uny čšum* 'trą'. Только в соответствии с глаголом ЛПЯ *umrzeć* в 1 л. ед. ч. сохраняется *r* (возможно, поддерживаемое русским *умру?*): *umre* – *umżeś* 'umrzesz', *umže* 'umrze', *umžymy* 'umrzemy', *umžeće* 'umrzecie', *umžum* 'umrą'.

Отсутствие консонантного чередования *v ~ v'* представлено в глаголе *rvať* и производных префиксальных: *rv'e* 'rwe', *rv'eś* 'rwiesz', *rv'e* 'rwie', *rv'imy* 'rwiemy', *rv'eće* 'rwiecie', *rv'um* 'rwą'.

В вышеперечисленных глаголах с отсутствием чередования представлены омоформы 1 л. ед. ч. и 3 л. ед. ч.: *b'ere* 'biorę' и *b'ere* 'bierze', *rv'e* 'rwe' и *rv'e* 'rwie', *čše* 'trę' и *čše* 'trze' и под.

В глаголе *vzuńść (wziąć* ЛПЯ) представлено консонантное чередование *n* (1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.) ~ *ń* (остальные члены парадигмы).

Отсутствие результатов перегласовки *e > o* отражается, помимо глаголов типа *brać, prać*, также в презентной парадигме глаголов типа *nieść, wieźć, wieść*. В них представлены только консонантные альтернации. Например, *s ~ ś*: *ńese* 'niosę', *ńesymy* 'niesiemy', *ńesum* 'niosą' ~ *ńeseś* 'niesiesz', *ńese* 'niesie', *ńeseće* 'niesiecie'.

При наличии чередования *e ~ a* в *jechać* и производных от него префиксальных (ср. *pojade* 'pojadę' – *jo kaj pojade* «куда я поеду» — и *jeżeś* 'jedziesz') оно отсутствует в парадигме глагола, соответствующего глаголу ЛПЯ *leźć* (и производных префиксальных): *vyleze* 'wylazę'. О морфологии гла-

гола в говоре деревни Вершина см. также (Ананьева 2011). В говоре Вершины функционирует региональный (юго-западный) тип спряжения глагола *plev'ić* (литер. *pleć: pieleć, pielesz* и т. д. «полоть»): *plev'e, plev'iš, plev'i, plev'imy, plev'íce, plev'um*.

Представлен также лексико-морфонологический архаизм — сохранение *ń* после префиксов перед глагольным корнем *-iść: zańde 'zajde', podeńżece 'podejdziecie', pšyńżemy 'przyjdziemy'*.

II. Императив

Как и в общепольском языке, во 2 л. ед. ч. представлена нулевая флексия (ср. *ić stunt!* «иди отсюда!», *veś!* «weź!», *herbatk'i nalej!* «чайку налей!»), во 2 л. мн. ч. *-će (n'e bujajće!)*.

Фонетические особенности говора отражаются на вокалической огласовке корня и качестве гласного, предшествующего финали основы: 2 л. ед. ч. *jic!* 'jedz' (2 л. мн. ч. *jicće!* 'jedzcie'), 2 л. ед. ч. *n'e rušoj!* 'nie ruszaj', 2 л. мн. ч. *šaduǰće!* 'siadajcie', *zacekuǰće!* 'zaczekajcie'. Встречаются формы с окситоническим ударением (влияние русского языка): *n'e pšynóś!* 'nie przynóś'.

III. Прошедшее время

В прошедшем времени частотно употребление форм с отсутствием личных окончаний (как в русском языке). Примеры:

1 л. м. р. *jo plev'iu* «я полол», *to jo sum rob'iu* «это я сам делал», *ja katank'i katau* «я валенки валял», *jo f šaxće rob'iu f Ćeremxov'e* «я на шахте работал в Черемхове»;

1 л. ж. р. *ja rob'iu dojarkun, do škoǰu hoǰiu* «я работала дояркой, в школу ходила», *žuo b'idno* «я жила бедно»;

2 л. м. р. *ty plev'iu* «ты полол» (ср. также 3 л. ед. ч. м. р. *un plev'iu* «он полол»);

1 л. мн. ч. *my najmoval'i* «мы нанимали», *my jeǰiu* «мы ездили», *jag my ros pojechał'i* «как мы раз поехали», *my čšymal'i* «мы держали», *my podl'ol'i* «мы полили», *kaj my m'el'i kaj hoǰić* «куда нам было куда-то ходить».

При этом в омоформах 1–2–3 л. мн. ч. даже в речи одного и того же информанта фиксируются варианты на *-li* и *lylly*: *xopu dumy stavjaǰu, pot-šinuval'i, pšygrošal'i, dvoje zašǰu, nas ucel'i, na kuńax darl'i, Nemcy žyl'i, Buraty dobry buǰu, švock'i šyǰu, xusteck'i naǰivaǰu, jašk'i v'aǰal'i, Rusk'e tkal'i, bapće buǰu, žatk'i naše pšyjechaǰu, Ćexy žyl'i*. Выявление более точных условий дистрибуции этих форм требует исследования больших контекстов. Вследствие характерной для говора субституции *o* вместо *a* отмечаются омоформы для ср. и ж. р. Ср. 1 л. ед. ч. ж. р. *žuo b'idno* и 3 л. ед. ч. ср. р. *spol'iuo caǰe strojeńe, ne zamocyu*.

Наряду с формами с отсутствием личных окончаний отмечаются также в ряде идиолектов формы с личными окончаниями. Примеры:

1 л. м. р. *obrodł'oŭem* «я окучил», *ot bl'axa i zapomniŭem* «вот черт, я и забыл», *kovol'em rob'iŭem* «я кузнецом работал», *spotkoŭem* «я встретил», *pow'eżoŭem* «я сказал», *podl'oŭem* «я полил»;

1 л. ж. р. *jo spaŭam* «я спала», *jo jak m'alam* «как у меня было», *co pš'e'ndŭam* «что я пряла», *fšo raskazuvaŭam*, *skuncyŭam*, *ja vuxożiŭam f położeŭe*, *ja byŭam stroga*, *kuŭcyŭam i fšo*;

2 л. мн. ч. *byl'išće f tym kuncu?* (обращение к трем эксплораторам).

Отмечаются также формы *pluralis maiestatis*: *babka cytal'i Apokalita* «бабушка читала Апокалипсис».

Яркая особенность вершинского диалекта — наличие форм 1 л. ед. ч. м. р. (с личными окончаниями), в которых отражен результат звонкого сандхи: *po-šedem* 'poszedłem', *podnŭzem* 'podniosłem'. При отсутствии чередования *e ~ o* в м. р. глаголов *ńeść* 'nieść', *v'ęść* 'wieść' и префиксальных от них представлено *u < *ō*. Обычно в полифункциональных (т. е. функционирующих как омоформы 1, 2 и 3 л.) формах 3 л. (*zańus*, *pšyńus*, *pšyŭ'us*), а также в формах 1 и 2 л. с личными окончаниями (*podnŭzem* 'podniosłem').

В прошедшем времени глаголов *dźyć* 'drzeć', *tšyć* 'trzeć', *umžyć* 'umrzeć', как и в ЛПЯ, представлена основа на *-ar* (*tata jag umar* «как папа умер»). В глаголах на *-uń(ś)ć* (*-qć* в ЛПЯ) представлены полидиалектные и характерные в том числе для юго-западной Польши претеритальные формы на *-n* (*vžuińść* 'wziąć': ж. р. *vžina* — м. р. *vžun* (*vžun drugom* «взял другую»), *un vžun se* «он взял себе»; ср. *хѹор пошет*, *vžun*, *a ja ņe vžina* «муж пошел, взял, а я не взяла»). Ср. также: м. р. *načun p'ic* (префикс *na-* в этом глаголе, как и *č*, — результат влияния русского языка) «он начал пить» ~ мн. ч. *uny nasunu p'ic* «они начали пить», *nasunu kv'itnuńć* «начали цвести», *nasunu žyć* «начали жить». Однако если перед *-uń(ś)ć* представлено *n*, то прошедшее время образуется с помощью показателя *u/l*: *žnyl'i*, *žnyl'i*.

На корневую огласовку (как и в презентных формах) влияет диалектное правило *o < *ā* (и по аналогии): *dou* 'dał', *stoŭ* 'stał', *lol'i* 'lali', *muj na skšypce groŭ* 'grał' «мой на скрипке играл», *my dovńej kunop'i sol'i* 'siali' «мы раньше коноплю сеяли». Вследствие частотной замены *a* на *o* увеличено число компонентов вокалических альтернатив по сравнению с ЛПЯ в претеритальных формах глагола *m'eć* 'mieć' (*o ~ a ~ e*): *m'ou* 'miał' ~ *m'aŭa* 'miała' ~ *m'el'i* 'mieli'.

Суффикс страдательного причастия вследствие фонетических закономерностей выглядит как *-un*: *nal'ep'uny* 'nalepiony', *smažuny* 'smażony', *ožeńuny s Pol'acko*, *ožeńuny s Rusko* 'ożeniony'.

IV. Некоторые формы инфинитива

На огласовку инфинитива, как и других компонентов глагольной парадигмы, влияют фонетические особенности диалекта. Ср.: *p'ic* 'piec', *vźuńś* 'wziąć' и др.

В говоре активен старый суффикс итеративизации (-*owa*), представленный как в прошедшем времени, так и в инфинитиве в виде -*uva*: *vyp'isuvać* (*vyp'isuval'i*), *Buraty sputkuval'i*, *vypytuvać* и т. п.

Таким образом, предварительный анализ некоторых особенностей глагольной парадигматики свидетельствует о сохранении юго-западной основы говора на протяжении столетнего функционирования данного идиома в отрыве от материнского ареала. Воздействие русского языка в морфологии глагола проявляется минимально. Парадигматические показатели (как и корневая огласовка) глагольных словоформ в большинстве случаев представляют собой «запечатленное» в морфологии следствие характерных для диалекта фонетических закономерностей.

Литература

Ананьева 2011 — *Ананьева Н.Е.* Фрагмент диалектной морфонологии польского говора дер. Вершина под Иркутском // Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д. ф. н., проф. С. Б. Бернштейна. 15–17 марта 2011 г. Москва. М., 2011. С. 47–48.

Ананьева, в печати — *Ананьева Н.Е.* Островной польский диалект (в печати).

Summary

N. E. Ananjeva

The Morphology of the verb in the Polish dialect in the village of Vershina in Bokhansky District of Irkutsk Region

Morphological and some peculiarities of the verb in the Polish dialect in the village of Vershina are analyzed in this article. The people of the village of Vershina are descendants of the Polish who moved to Siberia a hundred years ago in the course of Stolypin's reforms. The south-west background of the dialect functioning during a century being deprived of the mother-dialect has been stated. The influences of the Russian language in the verb morphology are minimal. Morphological peculiarities in most cases are a result of phonetic features typical of the dialect.

Производные формы глагольной парадигмы и некоторые отглагольные частицы в одном среднерусском говоре

В этой работе предложен краткий обзор производных глагольных форм — восходящих к плюсквамперфекту, форм повелительного наклонения, причастий, деепричастий, некоторых отглагольных частиц — и их контекстных значений в восточном среднерусском говоре села Пустош¹ Шатурского р-на Московской области, расположенного в 180 км к востоку от Москвы. Говор Пустошей — архаичный владимирско-поволжский (муромский) говор, с некоторыми рязанскими особенностями. Ему свойственно различие двух фонем «типа *о*» и двух фонем «типа *е*», слабая палатализация «парных мягких» согласных, неполное оканье и достаточно последовательное ёканье (произношением [i^ho] или [e^ho] в 1-м предударном слоге перед твердыми согласными на месте *е, *ь и *ё). Пустошенскому словоизменению также присущ ряд ярких восточнорусских черт; система ударения говора в историческом плане характеризуется чертами позднепраславянского 4-го («восточного») диалекта (ОСА: 140–142; Тер-Аванесова 2005).

Пустошенская глагольная система, по-видимому, близка к той, что представлена в разговорной форме литературного языка и в старом московском «просторечии». Большинство приводимых ниже форм упоминаются и в диалектологической литературе. Тем не менее кажется целесообразным привести материал, демонстрирующий систему этих форм в одном говоре; к тому же употребление или образование глагольных форм в говоре всё же несколько отклоняется от литературного.

Примеры в основном взяты из корпуса расшифрованных аудиозаписей речи жителей Пустошей (около 120 тыс. текстовых словоформ), сделанных в 1992, 2000–2007 гг.¹ Количество примеров до некоторой степени позволяет

¹ Лексико-грамматические базы данных по говору с. Пустоша созданы в формате STARLING С. А. Крыловым и А. В. Тер-Аванесовой при поддержке гранта РФФИ (2003–2005 гг.) — база данных размещена на сайте Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, и при поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований (2011–2012 гг.) — база данных, включающая также небольшой материал из д. Якушевичи Шатурского р-на Московской обл., размещена на сайте С. А. Старостина «Вавилонская башня» и на сайте ИРЯ РАН. Кроме того, на сайте «Вавилонская башня» имеется небольшая база данных по говору трёх деревень Харовского р-на Вологодской обл., созданная теми же авторами при поддержке гранта РГНФ (2006–2008 гг.). Пустошенские аудиоза-

судить об употребительности в говоре тех или иных форм и их значений. Редкие глагольные формы или редкие значения глагольных форм иллюстрируются также записями из полевых дневников.

Тексты были записаны от нескольких информантов старшего поколения. Это Ирина Ильинична Евдокимова-Сергеева (1912–2006) (О — *Ориша*), Клавдия Васильевна Швецова (1922–2007) (К), Клавдия Григорьевна Бобкова (1932) (Б), Надежда Даниловна Фомина (1933) (Н), Елена Григорьевна Жёлтикова (1936) (Е), Александра Васильевна Лазарева (1938) (Ш).

Некоторые из рассматриваемых ниже форм на сегодняшний день употребляются широко всеми жителями села: таковы страдательные причастия на *-н-*, *-т-* в роли именной части сказуемого, с перфектным значением (*Весь Рошаль был задымлённый*. Е; *Иа там рожди́бна, и мѣсть мойо там зако́пнѣйа*. О); формы, восходящие к плюсквамперфекту, с несклоняемым вспомогательным глаголом (частицей) *был* (*пришл́а был*); формы повелительного наклонения 3 лица с частицей *дай* (*дай зна́ит, дай рѣзговáривут*); другие формы встречаются лишь у старшего поколения (деепричастия типа *жалем-иш*); третьи встретились лишь у отдельных информантов самого старшего поколения (деепричастия типа *ходя*, формы, восходящие к плюсквамперфекту, со склоняемым вспомогательным глаголом: *был́а пришл́а*). Материал по глагольным формам и отглагольным частицам показал, сколь тонкой может быть возрастная дифференциация говора (например, употребление форм вводного слова *пой / поді* ‘наверное’); возможно, это состояние говора накануне его утраты.

1. Формы, восходящие к плюсквамперфекту

В говоре Пустошей широко представлены предикаты, формы которых восходят к так называемому «русскому» плюсквамперфекту — образованиям с вспомогательным глаголом в *л*-форме, который согласуется по роду и числу с *л*-формой основного глагола: *был пришел, была пришла, было при-*

писи, выполненные на разных носителях, оцифрованы М. Н. Толстой и Е. В. Корпечковой. В настоящее время пустошенский аудиоархив расшифрован и включен в названные базы данных чуть более чем наполовину; его копии имеются в аудиоархиве отдела диалектологии ИРЯ РАН, восточнославянской диалектной фонотеке Института славяноведения РАН и в аудиоархиве А. В. Тер-Аванесовой. Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-04-18005е «Диалектологические исследования центра Европейской части России и восточнославянского пограничья».

Автор благодарит С. К. Пожарицкую и М. Н. Толстую за советы и большую помощь в работе над этой статьёй.

шло, были пришли. В современном литературном языке наследием плюсквам-перфекта считается конструкция с несогласованным *было* (*было пришла/пришёл/пришли*), получившая название «антрезультативной» (Плунгян 2001). В севернорусских архангельских говорах встречаются формы как с согласованным, так и с несогласованным вспомогательным глаголом (Пожарицкая 1991); л-формы с согласованным вспомогательным глаголом отмечаются во владимирско-поволжских говорах (Малышева, в печати).

В говоре Пустошей в подавляющем большинстве случаев представлены формы с несогласованным вспомогательным глаголом (частицей) *был*: *был пришлѧ, был писѧл, был зарядѧли* и под., и лишь в нескольких примерах — с согласованным (типа *былѧ ушлѧ*).

Частица *был* представлена в говоре в сочетании с л-формами и никогда — с причастиями, деепричастиями или *praesens historicum*, как в русском литературном языке (в письменных текстах), начиная со второй четверти XIX в. (Сичинава 2012: 264). Имеется также единственный пример сочетания частицы *был* с формой будущего времени:

(1) *Со мнѹбѣй робѹдѣтъ ѡвѹбѣ брѧтъ двѹѣрѹднѣй, а ѡн бригадѣр нѣтъ слисарѣѧми, жѹнѧтѣй, пѣжылѹѣ. Мѣл Кѹля, «Хтѹ тебѣѧ был обѣдѣт, гѹлѣву ѣтрублѣѹ!» Ребѣѧта дѣсѣтъ обѣдѣт.* К².

В двух пустошенских примерах вероятно употребление *был* с нулём глагола, однако в них возможен и эллипсис: *А ѡн был с какѹбѣй рѧдѣсѣѹ; Был ничѣдѹбѣ, а пойдѣѣш, <...> насѣлу придѣѣш* (см. ниже, 1.4).

1.1. Частица *был* имеет свойства «синтаксической энклитики»³: ее расположение во фразе в 24 примерах из 27 соответствует правилу Вакернагеля. Точного описания действия в говоре правила Вакернагеля в этой работе не

² Транскрипция, примененная в этой работе, не является стандартной, что связано с особенностями пустошенской фонетики: выраженной дифтонгичностью аллофонов передних гласных фонем после мягких согласных фонем (относительно мало дифтонгизированные аллогровые варианты этих фонем, преимущественно в безударных позициях, обозначены как *я*, *ю*) и дифтонгичностью репрезентантов фонем «верхнее-среднего подъема». Фонологически мягкие согласные фонемы, парные твердым, представлены слабо палатализованными звуками; перед гласными переднего ряда, в том числе *и*, *е* в составе дифтонгов, палатализация согласных не обозначается; на конце слова и перед согласным палатализация обозначена знаком *ь*.

³ В работах последнего времени проводится различие между синтаксическими и фонетическими (просодическими) клитиками; освещение этой проблемы в (Зализняк 2008; Толстая 2000; 2012; Циммерлинг 2009).

дается. Можно лишь отметить, что в пустошенском говоре только несколько служебных слов, в том числе частица *был*, располагаются во фразе более или менее в соответствии с этим правилом⁴.

Статус энклитики связка *быль*, *были* в составе форм плюсквамперфекта приобрела, по-видимому, в древнерусский период (Зализняк 2008: 39–40); несогласованная связка *было* в современном литературном языке и в языке XVIII в., по данным НКРЯ, в значительной степени сохраняет свойства энклитики (Сичинава 2012).

1.1.1. В говоре Пустошей расположение частицы *был* соответствует правилу Вакернагеля в следующих примерах.

Частица *был* занимает положение после первого полноударного слова фразы. В большинстве таких примеров *был* стоит в препозиции к л-форме.

1) Препозитивная частица *был* в составе первой тактовой группы фразы отделена от л-формы полноударными словами:

А сидстра́ был од ба́би ушла́ О; *Ту́т был сту́бл зди́ельли* О; *Он был зна́иши ста́л учы́ць на сва́рыцика* К; *Он был учы́ць ста́л* К.

2) Препозитивная частица *был* является единственной энклитикой в составе первой тактовой группы и не отделена от л-формы другими словами:

Ну а уш йа́ был пѣдриади́льсь на ви́тку. О; *Вот он меня́ был пѣлиу́бил.* К; *У меня́ был стои́ала.* К; *Йову́д был пѣсади́ли.* К; *Мы́ был по́мирьли ф со́рък шесту́дм году́; вот при ё́тим был жы́ли* О; *И вѣ́дм был зѣриади́ли зѣ оху́дтъи-тъ* О; *Ту́д был за́жыли немну́шка* О; также во фразе без л-формы: *А он был с каку́й ра́дѣсийу* Н.

3) Препозитивная частица *был* в составе первой тактовой группы фразы не отделена от л-формы другими словами, размещаясь на втором месте в последовательности из двух энклитик: *Йа́ тие́ был роска́зѣла* К; *Ту́т въ́т был жы́ли*⁵ О.

⁴ Имеется группа словоформ и служебных слов, которые демонстрируют свойства как синтаксических клитик, так и полноударных слов, например, формально «краткие» словоформы местоимений *мя*, *тя*, *тие*, ср. *Йа́ тие́ фсю пра́вду ба́йу*, *йа́ тие́ был роска́зѣла*, и с другой стороны: *Тие́ как псу́ пот хвѣст*; *Они́е на тий́ поху́ди*; частица *вуо(т)(а)*, ср. *вот ё́та въ́т, вот та́к въ́т*, и с другой стороны — *вот так вѣ́дм*, и *вѣ́дм, вот-вѣ́дм, вѣ́дта*; *Вот тепе́рь у йейо́ ми́аса пой вѣ́д* ‘вот теперь у неё мяса, наверное, — во (сколько)’; их синтаксические свойства в говоре пока не изучались.

⁵ Клитика *вуот* образует тесное синтаксическое единство с полноударным словом, к которому она относится (*вот ё́тот вот, вот та́м вот, вот ту́да вот, вот та́м, та́м вот* и под.), никогда не отделяясь от него другими словами, кроме предлогов (*вот на ё́том вот*) или частиц-суффиксов (*тако́й-то вот*).

4) В нескольких примерах препозитивная частица *был* отделена от л-формы частицей *и* — проклитикой, начинающей следующую тактовую группу: *Он хърошуб был и писал <...> йа был и гъворила <...> йа был и книшки фсиё купила* Н.; частица *был* отделяется от л-формы тактовой группой с проклитикой *и*: *А потубом уш ы, вот был и жысть-то, нъчалубсь немнубшка, не лнубф не стала, не приасьть не стала, гулиай в любубое время* О.

В нескольких примерах частица *был* является энклитикой не первой тактовой группы фразы, располагаясь в препозиции к л-форме:

Онйе тут дом был купили К; *Мениа рас токъм был убил* К; *Он ф сельсовйети одну с мосту был спустил* К; а также «повторяющаяся» *был*: *Вот эта мй был ф сельпо-ть был эта ф палатку-ть был фсиё ходили* О.

Частица *был* стоит в постпозиции к л-форме; в трех примерах *был* располагается между частями сложного сказуемого: *йа хотила был сказать* О; *Он не стал был дидеть, пубн ётът вът* К. (Ср. выше пример: *Он был знаши стал учыиць на сварыщика* К);

в одном примере находится в постпозиции простому сказуемому: *Была был клиуька тут риадъм* Н.

1.1.2. Примеров, в которых расположение *был* во фразе не соответствует правилу Вакернагеля, несравненно меньше.

1) Частица *был* стоит в начале тактовой группы (примеры с несогласованной связкой *было* в начале тактовой группы (фразы) не отмечены в XVIII веке и единичны в современном литературном языке (Сичинава 2012: 261); изредка они встречаются в современных говорах):

Она такайа ну не очинь, был пьступила в буфети робуботъть — дидела ни пошуб К. *Бвала нъкладидиш, съ мидста-та вылизииш, мы-ть были ищб не болънъ такийе. Был ничидовуб, а пойдидиш, с киломитър пройдиш, — и на эту сторъну, и на эту сторъну, насилу придиш.* [Бывало, наложишь, выйдешь с места (где лежала туша лося), мы-то были еще не очень большие. Поначалу идти еще можно, а пройдешь с километр, начинаешь перекладывать с одного плеча на другое и насилу дойдешь] О.

2) Частица *был* входит как энклитика в тактовую группу, постпозитивную по отношению к л-форме (в русском языке XVIII века и в современном литературном языке примеры такого рода с частицей *было* крайне редки (Сичинава 2012: 259); изредка они отмечаются в современных говорах):

Маненьки вот тут и ходила с ними был и ф цёркву О; *Эта вот нажыли фсиб был* О.

1.2. Что касается согласованного вспомогательного глагола, то имеется четыре примера форм ж. рода *была́* (исконно имевших фонологическое ударение), которые занимают свободное положение во фразе, см. 1.5.

1.3. Частица *был* фонетически безударна в любой фразовой позиции, т. е. является не только синтаксической, но и фонетической (просодической) энклитикой. По-видимому, это, а также редукция безударных — не несущих словесного ударения — гласных до нуля непосредственно за слогом, несущим словесное ударение, оказало влияние на ее форму (*был* < *было* с отпадением конечной гласной). Едва ли отпадение конечной гласной в связке *был* можно объяснять исключительно редукцией безударных гласных до нуля, поскольку такая редукция не имеет в говоре регулярного характера. С другой стороны, в говоре Пустошей и ряде других восточнорусских говоров встречается употребление, как предикативное, так и атрибутивное, и других несогласованных форм, очень разнородных, имеющих формальные признаки м. рода ед. числа. Если исключить экспрессивные употребления (*Събралáсе и пошóл О*), употребления в условном наклонении (*чѣ-нито дáл бы йому* — Ориша о себе), то это прежде всего несогласованные прилагательные *похóбж* и *пóлон* в предикативной функции (формы категории состояния?) морфологически мужского рода: *Диѣвъчкѣа фсѣа́ на Пѣтю похóбш; Рибѣа́тѣишки на тѣа́ похóбш; Видóруб пóлн* К. В говоре также широко представлены слова и словоформы с факультативным «отпадением конечной гласной фонемы»: *тож / тóже, пой / подѣ* ‘наверное’, *ску́ок / ску́олькѣ, там / тáма, тут / тúта, здѣсь / здѣ́сья*. Возможно, аллегривый характер имеет форма *ку́дй* во фразе: *Ета не ку́дй винóб пѣут, а ку́дй ку́длѣуца; ку́дй* ‘который, какой, каков’ — склоняемое относительно-вопросительное местоимение: в атрибутивной функции — ж. р. *ку́дѣа*, мн. ч. *ку́дѣ*, в предикативной функции — ср. р. *Койó и тебѣ́, ты бы подóх!*. Эти и подобные весьма интересные примеры нет возможности обсуждать в настоящей работе.

1.4. Семантике форм с частицей *было* в русском языке посвящено в последнее время немало работ, см. обзор в (Сичинава 2012: 257–258). Представляется удачным объяснение этих форм как выражающих «идею «нарушения нормального хода течения событий», частными случаями которой являются как отмененный или недостигнутый результат, так и недостижение прагматической цели в рамках некоторой более широкой «макроситуации» (по Ю. П. Князеву)» ([Сичинава 2012: 265], со ссылкой на [Барентсен 1986; Князев 2004]). Контекстные значения пустошенских форм «частица *был* + л-

форма» соответствуют такой трактовке, а сами формы обнаруживают особенности сочетаемости, утраченные современным литературным языком, но еще сохранявшиеся в языке XVIII века, судя по указанной работе Д. Сичи-навы.

1.4.1. Семантика «нарушения нормального хода событий» с очевидно-стью проявляется в контекстах, где результаты каждого из действий, обозначенных формами типа *был купила*, достигнуты, но не достигнуто важное общее следствие этих результатов:

(2–5) *Он хърошубъ был и писалъ — не взйали [в школу]. Йа́ был и гъворила. А он был с какубй радъсцйу! Йа́ был и книшки фсйе купила. А ётъ-т пъ робуботи он вездйе бы.* Н. [Мальчик научился хорошо писать, очень хотел поступить в школу, мать говорила (об этом с директором школы) и купила учебники, но в школу его не приняли (как перенесшего черепно-мозговую травму). А что касается работы, то он способен делать любую.]

(6) *А потубом, дипутат, йейо сёдо́стра, она́ у менйа́ и ф конто́ру был ходи́-да. А ф конто́ру [я] пришла́ — фсйе сри́а́жъныйе, а йа́ пустошёнска къло-ту́шка така́йа, и гъворйу́, «Ой, нйёт, ф какуйу́, Стёша, йа́ ни пойду́! Йа́ пойду́ в завубот робуботъть», — «Иди́».* [Родственница-депутат ходила в контору, чтобы устроить туда К. на работу, но К. испугалась и отказалась от этого предложения] К.

1.4.2. В большинстве имеющихся контекстов отчетливо видна «таксисная» составляющая семантики рассматриваемых форм: предикаты типа *был пришла* в основном встречаются в контекстах, где они соотносены с другими предикатами и обозначают предшествующее им действие/состояние (результат которого отменен или которое прекращено вследствие последующего действия). Такого рода контексты типичны для форм «плюсquamперфекта с согласованной связкой» в архангельских говорах (Пожарицкая, в печати).

1) Предикаты «*был* + л-форма совершенного вида» имеют значение действия в прошлом, результат которого отмененен следующим действием (это значение свойственно глаголам достижения результата, движения, попытки, инхоативам).

(7) *А сидстра́ был од ба́би ушла́ тут ф кварта́ру <...>. Двухку́бматна кварта́ра, ну в ондубй кварта́ри вот она́ и жыла́. Пйа́нь то́жъ. Ну она́ у ётъй пожыла́, а та́ пйот, и ёта́ будит жора́ть, как рас. Ну и тепёръ ушла́ опйа́ть з ба́би, жыви́от О.*

(8) *Йову́д был пьсади́ли. Ф Самáтихи* [село, где находится районная психиатрическая больница] *двѣ недѣли пьли́джал. Поту́бм вы́пустили К.*

(9) *Они́е тут до́м был купи́ли. Тепе́рь и́их куды-ть увезы́ли* [и они больше здесь не живут] К.

(10) *Ну а уш и́а был пьдриади́льсь на ви́етку в реа́монт, пúть реманти́рвьѣли. <...> Ну слушай мени́а, и вот э́та: мени́а оте́ц снѣа́л с робу́дты. Эт вот купи́л уш одну́ ма́ньк такúу лоша́тку-ту, вот уса́дъбы убѣра́л зь карто́шку <...> Ну ъдному́-ть йому́ чи́б ди́ельть, мени́а снѣа́л с робу́дты О. [Дочь поступила на работу и некоторое время проработала на железной дороге — отец, купив лошадь, заставил дочь уйти с работы и помогать ему].*

(11) *И ву́т был зьриади́ли зь оху́дтъй-ть вот с Къзаку́довым. Сь Ми́шай. Ну оте́ц събира́ицъ как уш сказа́л, събира́ицъ, а он иди́от и гъвори́т: «Ди́ада Ильи́а, отло́ш дава́й, до за́фтря, мени́а чи́б-ть вон Ива́н нъ восмо́й тре́бу́ет чо́ву́б-та» О.*

(12) *Она́ така́я ну́ не о́чинь, был пьступи́ла в буфе́ти робу́дтъть, хоти́ѣла прѣда́цъом — ди́ель ни пошлу́б К.*

(13) *Он не ста́л был ди́ельть* [отпевать погибшего в аварии], *ну́бм э́тъм вѣт, и́а руга́льсь с нѣм да́вну́б. И́а гъворю, ть́к э́та, у на́с хтó на фрóнти уби́тый, присыла́йут изъвеце́ньѣе уби́тъва, с э́тим изъвеце́ньѣим ѣтпи́д-ва́йут упоку́бѣйника. Ну, отъни́ѣл. К.*

(14–15) *Он на фси́б у мени́а бы́л. Он был зна́иш ста́л учѣи́цъ на сва́рыци-ка. А бранхи́т. Бис конча́ ли́джа́л в больни́цы. А поту́бм зна́чит ы... и́а увида́ла вра́чѣ, коту́бра́йа ле́чит, и́а говорю да́й йому́ спра́фки што́п он конча́л э́та учѣ́ньѣе. Вѣтъ сва́рыцик — и гла́за по́рътецѣъ, и мо́жна... искра́ попаса́ть <...> Он был учѣи́цъ ста́л, он не то́ што специа́льна, а он ѣстава́лси по́сьли рабу́дты учѣ́лси. У мени́а он гра́мътный К. [Сын начал учиться на сварщика — мать добилась прекращения учёбы].*

(16) *Оди́н па́ринь, он шо́фир, вот он мени́а был пьли́убѣл. Но и́а — с солда́тъми ни пойдѣ́ш гули́ать, та́м пору́бк большо́й. К.*

2) Предикаты «был + л-форма несовершенного вида» имеют значение «прекращенного или отмененного действия/состояния в прошлом», ср. то же в архангельских говорах (Пожарицкая, в печати).

(17–18) Манёньки вот тут ы ходила с ними был и ф цёркву, когда вот открыли римантирьвэть, ходила был и тожэ ѣтпидвала. И манёньки ф службу ходила, а то бросила фсид О.

(19) Была был кли́ква тут риадьм, а фсид пьгорие́ла. Про́шлым го́дьм. Те́перь там фсид згорие́та Н.⁶

(20) Вот эта мы́ был ф сельпо́-ть был эта ф палáтку-ть был фсид ходи́ли. Купиши, фсид хьрошу́б [палатка впоследствии закрылась] О.

(21) Дивáн привезы́ли, фсид нубва привезы́ли, у мени́а был стойа́ла К [Диван и другую новую мебель привезли (в новую квартиру), до этого она стояла в доме К.].

(22–23) Тут вѣт был, вот при ё́тим был жы́ли, как йову́б-т, пёрьд Гьр-бачу́бвым-ть, у́мир ку́бй, вот при нím фсид-тки, туд был зажы́ли немну́бшка, фсид-тки, как сказать, и... пълуча́ла пёнсийу уш небольшу́йу йа вѣт, а фсид-тки жы́ли. У мени́а фсид была́. А тиде́перь ничову́б ние́т, ни тура́⁷. О [При Брежневѣ жили/начали жить благополучно, а теперь у нас ничего нет].

(24) Вот она́ щас приходíла, йа хоти́ела был сказа́ть — ну немну́бшкъ, ту́р с йим, не мойо́ эта ди́ела О.

(25) А нъчи́двали-ть ё́ти ребя́та, таку́бйе у нѣх зда́ние иде́от. Пёрва зда́ние туо́лет. Потом́ фтору́бйе ѣдде́ление ду́ш, трётьйе ѣдде́ление ё́ти робу́бчы́е та́м жы́ли. Пьсеа́лил. Мни́е был нъбива́лси. А до́ма, двѣ те́ра́ски! До́м ка́кой с ку́хний! К.

1.4.2. В меньшем числе контекстов предикаты типа *был пришла* не соотнесены с другими предикатами. В одном из них форма *был сделали* обозначает действие в прошлом, результат которого имел временный характер:

⁶ Употребление глагола *быть* в конструкции с несогласованным *было* встречается крайне редко в письменных текстах XVIII–XIX вв. и не свойственно современному литературному языку (Сичинава 2012: 269–270). *Быть* как полнозначный глагол в формах, восходящих к плюсквамперфекту, зафиксирован в архангельских говорах (Пожарицкая 1996); в закарпатских говорах он регулярно встречается в формах плюсквампефекта сослагательного наклонения: *Toto t'ažko bylo, toto odna nijaž by byla s tym ne byla* (с. Синевир) и другие примеры см. в (Толстая 2000: 140).

⁷ Эвфемизм, по ударению и сочетаемости наиболее близкий лит. разг. *чёрт*: в говоре встречается *ту́р с йим*, *ни тура́* (но не **до тура́*), *иди́ к ту́ру* (нет **на тура́*); также: *акърачкѣ-турачкѣ*.

(26) *Мы на по́хръны ни пошлѝ. Мы тут — у нас вот пусты́рь вот сечя́с гди́е вот ту́т, гди́е прут сечѝ́ас вот, нидали́бокъ, прѣти́ф Насѣти. Тут был сту́бл зди́ельли, и эти скаме́йки кругѡм, на́м пра́вдѣ она́ прини́дсла́ ску́бокъ-тъ е́тъ вот выпѣть и зѣкусѣть на е́тът сту́бл там, домѹ́бѣ-тъ мы ни пошлѝ. О [Часть людей не пошла на поминки в дом умершей, а расположилась за столом на улице. Скорее всего, *стол был сделали* только на время поминок, а потом его разобрали].*

В одном примере форма *был* рассказывает об отсылающей ситуации в прошлом, безотносительно к реальной последовательности событий, о которых идёт речь:

(27) *Вот гди́е зѣ Крива́ндыным, чѣри́з мо́ст упáли, ѡ́а ти́е был роска́звѣла. Вот шѡ́фер-та жѣѣ́ф, и сечѝ́ас наернѣ́ жѣѣ́ф, ѡ́а уш и не зна́ѡу. К [я тебе рассказывала об этом раньше, в другом разговоре].*

Остальные пустошенские примеры, где предикаты типа *был* пришли не соотносены с другими предикатами, имеют в современном русском языке ярко выраженный «диалектный» характер. В четырех примерах в сочетании с частицей *был* выступают «глаголы необратимого результата» (*был померли*, *был убило*), означающие действие, результат которого почти достигнут; сочетания типа *был умерли* синонимичны литературным конструкциям *чуть было не умерли*, *едва не убило*:

(28) *Мени́а рас то́към был уби́ла, в завѹ́бди. К;*

(29) *Мы́ был по́мирьли ф со́ръкъ шестѹ́бм годѹ́ (тетрадь)⁸.*

(30) *Он зѣ мени́а — бывáла хтѡ мени́а пѣкорѣ́т гди́е, он с мо́сту спѹ́стит. Он ф сельсовѣ́ти однѹ́ с мо́сту был спу́стил. К [Он в сельсовете одну женщину чуть было не спустил с лестницы].*

(31) *Ста́ла однá корѣ́тъ мени́а, а она́, — сѣ фторѹ́бѡв ѡ́итажá был бро́сил. К (о том же событии, что и в примере (30), в другом разговоре).*

(32) *А она́, ну ста́ръѡѣ, чу́тъ пѣмолѹ́бѡжы мени́а, она́ гди́е-тъ зѣблудѣ́льсѣ, ходѣ́ла глѣ́дѣ́ла Пусто́ша, и ушла́ был в Ё́ршѣл. Вѹ́бт ѡ́а и на́д нѣ́ѣ смеѣ́альсѣ! К [... она где-то заблудилась, ходила осматривала Пустоша, и чуть было не ушла в Уршель].*

Подобные примеры зафиксированы в текстах XVIII века (Сичинава 2012: 270–272).

⁸ Аналогичный пример с глаголом *помереть* записан в Задонском р-не Липецкой обл. И. И. Исаевым и О. В. Кармаковой (фонотека отдела диалектологии ИРЯ РАН).

В четырех примерах у одной информантки, каждый из которых мог бы найти свое место в приведенной выше классификации, с помощью форм типа *был* (*за-*, *на-*)*жили*, с глаголом *-жить*, описывается изменение жизни к лучшему. Наличие контрастного по смыслу второго предиката позволяет интерпретировать семантику форм типа *был зажили* как «нарушение нормального хода ситуации» в примерах (22–23), а именно, ‘при Брежневе стали было жить хорошо, а сейчас у нас ничего нет’, см. выше. В двух других примерах, (33) и (34), при помощи форм типа *был зажили* описываются такие изменения в укладе сельской жизни, которые говорящая в 2000-е гг. уже могла оценить как необратимые (перестали сеять и обрабатывать вручную лен, пряхь лен вручную; мясорубки появились в каждом доме):

(33) *А потудом уш ы, вот был и жысть-то, нъчалудось немнудиска, не лнудф не стала, не приасьть не стала, гулиай в либубудье время.* О.

(34) *Тогда не было этих [мясорубок]. Эта вот нажыли фсиб был, а тогда не была никакых мисорубк О.*

По-видимому, формы с несогласованной связкой *был* здесь выражают «смягчение категоричности» утверждения об улучшении жизни, возможно, из суевренных соображений, или принципиальную неуверенность говорящего в необратимости изменений жизни к лучшему. Подобные значения конструкций с частицей *было* отмечены в текстах XVIII века, ср. (Сичинава 2012) со ссылкой на статью И. М. Мальцевой в (Словарь XVIII).

Таким образом, подавляющее большинство употреблений форм типа *был пришла* в говоре Пустошей сохраняют значение, свойственное плюсквамперфекту, а именно, обозначают действие, завершившееся в прошлом и (в большинстве контекстов) предшествующее другому действию в прошлом. В чистом виде такие значения выступают у рассматриваемых форм очень редко. У подавляющего большинства употреблений форм типа *был пришла* на первый план выступает семантика «нарушения нормального течения ситуации» и как ее частные случаи значение отмененного или недостигнутого результата и значение действия/состояния, прекратившегося вследствие последующего действия. В говоре отмечены употребления форм типа *был пришла*, не свойственные современному русскому литературному языку, но фиксируемые в более ранний период его истории — в XVIII–XIX вв. или в других современных говорах. Это «тавтологическое» употребление частицы *был* со смысловым глаголом *быть* (типа *была был*), употребление форм типа *был померли* в значении ‘чуть было не умерли’, употребление данных форм для «смягчения категоричности утверждения» и некоторые другие.

1.5. Согласованный вспомогательный глагол *был* (*была́*) + форма прошедшего времени.

Имеется всего несколько примеров в речи самых старших информанток.

(35) *Ну и Тамарику сказа́ли, Шу́ри сказа́ли тут, си́дстра́ йейо́ прийи́хэ́ла была́, — о́ни́е у́трэ́м пои́ли.* О [О гибели старушки односельчане рассказали ее родственницам — Тамарику и Шуре, сестре Тамарика(?), которая накануне приехала, — и они (обе) утром пошли (готовиться к похоронам)].

(36) *А у Шу́рки оти́а́ли́лася-то перву́шко́м была́ ли́е́тьсэ, а си́дву́до́ни фто́ры́м. Ай пе́рвым, уш ка́г бы не схва́стэ́ть, пэ́годи́.* О [А у Шурки корова отелилась первым теленком в прошлом году, а в этом году — вторым. Или первым, уж как бы не соврать, погоди].

(37) *А до́чь, была́ рэ́дилэ́сь хору́ди́а — с таку́бо́й ма́мэ́й така́йа жэ ста́ ла.* К.

Во всех примерах формы типа *была пришла* обозначают действие, предшествующее другому действию в прошлом, названному в данном контексте.

Единственная зафиксированная форма «плюсquamперфекта условного наклонения» (с согласованным вспомогательным глаголом), поначалу казавшаяся следствием оговорки (*жила* вместо *жива*):

(38) *Была́ бы она́ жыла́, она́ п те рэ́сказа́ла, каку́йу она́ жыла́ жы́зню.* Н — получила почти дословное подтверждение в материале из д. Татарино Муромского р-на Владимирской обл., где формы с согласованным вспомогательным глаголом типа *была работала* регулярны: *У м'ен'а н'э́ была́ вы́в'и хэ́ф-тэ́ пр'и н'е́й, когда́ она́ жыла́-тэ́ была́.* (Малышева, в печати)⁹.

2. Частицы *бывало*, *бывает*

Частицы (вводные слова) *бывало*, *бывает* широко употребляются в пустошенском говоре и в литературном языке (*бывало* вводн. сл. 'О вспоминаемом: случалось в прошлом, прежде' свойственно разговорной форме литературного языка [Ожегов, Шведова 1992: 63]).

Семантика как литературного, так и пустошенского *бывало* близка семантике частицы *был(о)*: 'некоторое положение дел имело место (возможно, неоднократно) в некотором замкнутом интервале в прошлом' (Сичинава 2012: 276). Представляется, что это толкование можно отнести ко всем случаям упо-

⁹ Напомним о наличии некоторых других «муромских» особенностей в пустошенском говоре.

требления *бывало* в говоре. В отличие от частицы *был*, частица *бывало* регулярно сочетается не только с формами прошедшего (только несовершенного вида?), но и настоящего и будущего времени. При этом конструкции типа *бывало гуляли* (частица *бывало* с формами прош. времени), как правило, встречаются в таких контекстах, где есть указание на изменение ситуации в разных временных планах ('раньше гуляли [не работали] в церковные праздники, а теперь работают', см. ниже пример (1)). В конструкциях типа *бывало пойду* или *бывало читаю* (частица *бывало* с формами наст. и буд. времени), встречающихся заметно чаще первых, акцент ставится на самом содержании воспоминаний.

Бывало (с формой прош. времени):

(1) *Фсѣѣ, быва́ль-ть — слуша́й мени́а. Быва́ль фсѣѣ прáзьники, вот при-миѣрнь Покро́ф. Три дни́а гульба́, гули́ади. Вот Миха́льф де́нь был вот. Престу́бл у нас, то́жса, и то́жса три дни́а. Тепе́рь дни́а-то ни́хто, на Па́ску-ту рбубо́тайут!* О.

(2) *Быва́ль зна́ш у нас прáзьники фсѣѣ ѓтмечя́ди.* О [Раньше отмечали (все) праздники, сейчас нет (или: не все отмечают)].

(3) *Быва́ль у нас тут, и́а тѣѣ скажу́, мы бы́ли, бва́ль веть, Влади́мирсь-кий о́бласти мы бы́ли. На́с тут отпрѣ́зали уш, ра́за два́ нас ѓтри́о́зали. Присѣедини́а — а поту́ом нас опе́ть О.*

(4) *О́н веть быва́ла пѣл, вот у мени́а жы́л, и́а не зна́ла, што он тако́й К* [он пил в тот период, когда жил у К., сейчас не пьёт].

(5) *И́а быва́ла и́а и ма́ла рѣзговáривала.* К [Раньше, когда у К. был большой круг общения, она была немногословна, а сейчас от одиночества стала говорить подолгу].

(6) *Ву́бт быва́ла ма́ть мниѣ гѣвори́ла зна́иш как? «Носи́ пока́ в жы́вно-сти».* К [Мать убеждала не беречь, а носить новую одежду (матери давно нет в живых)].

Бывало (с формой наст. или буд. времени):

(7) *Вот быва́ла зна́иш вѣт, ху́бтиць вить и на у́лицу бы сходи́ть — ф су-бу́бту ту́бкъ уш. Ище́ на́дѣть пѣтолѣ́бчь (лѣн) О.*

(8) *Бва́ль ни ѓдда́ду́т за́муш и́есьли зѣ пло́хой ро́т. Вот та́к-то Б.*

(9) *Вот и́а иейо́, вот кнѣ́гу, етъ быва́ла по фсе́й но́чи чита́йу К.*

(10) *Быва́ла дро́ф нѣпи́лит, прода́ст дро́ва, и ву́бт и́х пои́т К.*

(11) Бва́ль пойдѹ вот, с робу́ды-та, ма́ть ска́жѹт ѳа гди́е бы́ла. «Вот теа́биѹ вели́ла на фѣрму приходи́ть. Лѣшаде́й рѣсприя́гать навѹдс роз-ва́жѣвать». О.

(12) Па́ринь-тѣ бы́л кѹ́бийва грозу́й-то уби́ть, о́н-тѣ ищѹ бы́л у на́с ни-большо́й, бва́ль вот сиди́т нѣ око́шки, фси́ѹ рѣви́ѹт. О.

(13) Быва́ль вот к до́му пѣдойди́ѹт [корова], и бѹдит стойа́ть до ти́ѣх пѣр, кода́ загѹ́ниши. К.

(14) Дѣ у мени́а тако́й бы нѣпилси́ чуда́к, нѣчуди́л бы на стра́м ли́уди́а́м. Он ничовѹ́ ни бо́ицѹ во-пѣрвых, быва́ла. К.

(15) О́ой, сѣ ѳѹ́нных ли́ѣт, бва́ла ли́ѹн пѹ́блим, вѹ́дсимѣ ли́ѣт, ф по́ли сиди́ши пѹ́блиши ли́ѹн. О.

(16) Бва́ла нѣклади́ѹш [мяса лося, убитого в лесу далеко от села], сѣ ми́ѣста-та вы́лизиши, мы-тѣ бы́ли ищѹ не бо́льнѣ тако́йе. Был ничи́ѹвѹ́, а пойди́ѹш, с кило́митѣр приди́ѹш, — и на ѣту сто́ръну, и на ѣту сто́ръну [переложить мешок], насѹ́лу приди́ѹш. Огнѣ́й-то нѣ была, итѣ фси́ѹ бы́ла сы́ра, и не зна́ѹу ка́к ходи́ли тут фси́ѹ приа́мко́м. Вот ту́т на Сѣвистѹ́-нѣѹ, та́к вот иди́ѹш, иди́ѹш приа́м болѹ́ѹтѣм. О.

(17) Быва́ль в розы́лѣ, ет ф постѣ́, зѣ глухари́а́ми схѹ́дѹт вѹ́ѹт гди́е щас десѣ́а́тый, одѣ́нѣѣ́тый кило́митѣр — нѣзы́ва́ласе Смѹ́ѹлка, смоли́а́к был. О.

(18) С е́тим ми́а́сѣм, быва́ль как чѹ́ть уже́ слы́шина: Илѣ́а, уби́ли ло́си́а там, с ки́ѣм-та ко́гда-та, ет вот ѣ́та вре́ми́а бы́ла. О.

(19) Бывала чѹ́ть ни́ѣту [внука дома вечером], — «О́ри́шѹк, фси́ѹ ни́ѣту, кѹ́да ш ѣ́та, о́й-о́й-о́й», — ну приди́ѹт, она успо́ку́ицѹ, то́гда уш у́с-ни́ѹт. О.

Говор не отличается от литературного языка по употреблению вводного слова **бывает**:

(20) А то́ не събе́риѹ́т [пчеловод пчелиный рой], и быва́ѹт ѹлѣ́тиа́т в ли́ѣс. Быва́ѹт, сѹ́ѹѹ́лки уѹ́ѹѹ́нѣ. ѹлѣ́тиа́т Б.

3. Частицы *дай, давай* и формы повелительного наклонения

Как и в литературном языке, в говоре имеется парадигма синтетических форм повелительного наклонения 1 и 2 лица, в которой специфическими для повелительного наклонения являются формы 2 лица, а формы 1 лица совпадают с формами настоящего/будущего времени изъявительного наклонения.

На имеющемся материале системно представить образование форм повелительного наклонения нет возможности; в большинстве случаев оно совпадает с литературным, за исключением форм от отдельных глаголов: *дудй, отлѡж, не трѡгте*. В 3 лице, как и в литературном языке, представлены только аналитические формы с частицей; в Пустошах это частица *дай*; свойственная литературному языку частица *пусть* у информантов старшего поколения не зафиксирована.

Частицы *дай* и *давай* в говоре, как и в литературном языке, особенно в его разговорной форме, являются формообразующими частицами повелительного наклонения, ср. (РГ-80, I: 622–623). Частица *давай* факультативно употребляется для образования форм «совместного действия» (*давай* + 1 л. мн. ч. повелительного наклонения / настоящего времени: *давай восстановим*; формы типа *давайте восстановим* в пустошенском материале отсутствуют, видимо, случайно). Частица *давай* в говоре Пустошей факультативно сочетается с формой 2 л. ед. ч. повелительного наклонения (*почитай давай, давай скажи, нѧ давай* наряду с *почитай, скажи, нѧ, нѧ выпей, выпей-нѧ*; сочетания *давайте* с формами 2 л. мн. числа типа *давайте скажите* не встретились). Сочетания типа *почитай давай*, довольно частые в пустошенском материале, характерны и для разговорной формы литературного языка, но не считаются там самостоятельными формами «синтаксического побудительного наклонения» (РГ-80 II: 111, примечание 2)¹⁰. Семантические различия форм повелительного наклонения с частицей *давай* и без нее в говоре Пустошей нам не ясны.

Частица *дай* факультативно употребляется с формами 1 л. ед. ч. повелительного наклонения / будущего времени (*дай пойду*, наряду с *пойду*, ср. лит. *дай-ка пойду*). В 3 лице, как уже сказано, частица *дай* является регулярным средством образования форм повелительного наклонения.

В говоре зафиксированы конструкции, сочетающие формальные показатели повелительного и сослагательного наклонений:

(1) *Дай мѧть бѧ зобѡдѧлася! С оцѡм! О.*

Об употреблении форм 2 л. ед. ч. повелительного наклонения с частицей *бѧ* см. в разделе 4 (представляется, что частица *бѧ* возможна в только сочетании с «неизменяемой формой ирреального наклонения», омонимичной форме 2 л. ед. ч. повелительного наклонения).

¹⁰ В литературном языке возможно употребление *дай* как синонима *давай* (РГ-80 I: 225, II: 622).

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	(2) <i>да́й пойдѹ́</i>	(1) <i>пойи́ѣдим</i> (2) <i>дава́й въстанѹ́вим</i>
2 л.	(1) <i>отлѡжѣ; слѹшай</i> (2) <i>дава́й купи́</i>	(1) <i>не трѡгте</i>
3 л.	(2) <i>дай пѣми́райт</i>	(2) <i>дай рѣзговѣ́ривут</i>

(16) Дядя Ильйá, отлóш давай, до зáфтра О.

(17) А ёт прѣдафи́цица гди про́мтовáрнѣй был ра́нѣиѣ oddи́ельнѣ: «Ой, дава́й скажы́ — пойду за́муш, и́есяли мнѣ де́ньги фси́е потѣпи́шыш на кнѣишки!» К.

(18) «Ма́, вот на́ дава́й жы́ ёта, фси́о, припасáй», — ну́ ийѣ́сть им. О. [«Мама, вот возьми же это всё, готовь (еду)», — ну есть им].

(19) И гъворѣт: «Орѣ́шык, идѣ́-кь суды́!» Потхо́жу. «Пѣчыта́й давай». О.

3 л.:

(2) (20) Жы́сь ет хвалѣ́тъ ийейо́ — хто да́й хва́лит хто не про́бѣвѣл ийейо́! О.

(21) Ма́тъ ривака́ [после экспроприации керосина], оте́ц приио́л, «Ты ни реви́, — приа́мъ ма́тъм ругну́лси, — прини́осу ещó. Да́й он, — грит, — ѣбо-жри́оциѣ им». О.

(22) А жа́лкъ йову́о стрели́ать-то [старую собаку]. Да́й своей́ смёрты́у пѣми́раит. Гри́у, не стрели́ай, не на́дѣтъ. Б.

(23) Да́й Йѣ́льцын ийѣ́ст с ёти́х блѣсти́ащих [кастрюль], а мы́ корто́ви фчы́гуна́ф нѣе́ди́мси! К.

(24) Онѣ́ там оп Ста́лини, а Гърбачю́бви — йá уш выхо́жу: да́й рѣзго-ва́ривут. (тетрадь).

Разнообразие побудительных высказываний создается обилием частиц при формах повелительного наклонения. Примеры частиц (*то, ка, да, уж, ти, си*) при спрягаемых формах повелительного наклонения:

(25) Ни студѣ́ ча́й-то! (О);

(26) Орѣ́шык, идѣ́-кь суды́! (О);

(27) Орѣ́ш, дѣ́ пойи́е́дим, уш сьйи́е́зды́м (О);

(28) Поду́май-ки-си! К.

(29) Ф пи́ать часу́боф пѣфстава́й-ки-ти! К.

(30) Гди́е она́ робу́отат сечя́с, ат Китáйáа ѣргѣ́низа́цыйáа кака́й-та. Нѣ-бира́йут на́руо́т в ё́тът, в ё́ту канто́ру. **Вѣ́т ты́ пирейди́-ка!** И́а грю́ «Ску́ольки ты́ пѣлуча́иш?» — «Пока́ ву́осимъ ты́сичь», гъворѣ́т. Ну ты́ ме́ньшы пѣлуча́иш. А йá и поду́мѣл, йá, гъври́у, «Она́ ме́ньшы пѣлуча́ит, ву́о́д бы пирѣш́ла». А гди́е там у и́йх рабу́ота, йá не зна́йу, ка́к ийѣ́зды́тъ. Ти́е дали́о́ка ийѣ́зды́тъ? [Клавдия Васильевна пыталась устроить меня на хорошо оплачиваемую работу].

4. Неизменяемая форма, омонимичная форме 2 л. ед. ч. повелительного наклонения типа *стой*: «наклонение произвольного действия» (Якобсон 1985: 214–217). В Грамматике-80 выделяется «долженствовательное наклонение», с описанием характерных для него синтаксических конструкций (РГ-80, II: 116–119); круг явлений, описываемых как «долженствовательное наклонение», соответствует одному из значений «наклонения произвольного действия» по Р. Якобсону.

В пустошенском материале имеется четыре формы типа *встань*, три примера таких форм в сочетании с частицей *бы* (*выходи бы*) и один пример — с частицей *лишь* (*лишь пилй*). Имеется также три употребления форм типа *порасти* (*бы*), нерелевантных для различения повелительного наклонения и «наклонения произвольного действия», имеющих «обобщенно-личное» значение. Частица *бы* при неизменяемых формах типа *выходи* вносит значения ирреальной модальности: нереального условия (примеры 2, 3, 4, 6) и желания (8).

4.1. Как и в литературном языке, формы типа *встань* (без частицы *бы*) в пустошенском говоре могут выражать реальное условие, что встречается только в сложных предложениях:

(1) *Одну́б дѣла фста́нь — фсѣ́а мѣстерска́йа сто́йт.* К.

Формы с частицей *бы* (*выходи бы*) выражают нереальное условие, ср. примеры (2) и (3–4 *выходи бы... да хорони*). Их употребление также, по-видимому, ограничено сложными конструкциями:

(2) *Йѣ́й бы так, ѣбзовѣ бы, сын-тѣ како́й, на ма́дь бы и ни взгля́ну́л. Таки́ тиро́ги.* О [Обозвала бы она, сын-то (у нее) какой, — он бы (после этого) на мать и не взглянул].

(3–4) *Слу́шай, вот ѣти вот стѣри́ки фсѣ́е сва́тъли, и у фсѣ́ех на кнѣ́шки де́ньги бы́ли, и у фсѣ́ех де́ньги-тѣ пропа́ли. А онѣ́ ту́д жѣ по́мирьли, вот йа гѣворѣ́: выходи́ бы за них за́муш, дѣ хьронѣ́ нѣ свои де́ньги! К [...Вышла бы я за них замуж, и пришлось бы хоронить на свои деньги].*

4.2. Рассматриваемую форму можно интерпретировать как выражение «долженствовательного наклонения» (РГ-80, II: 116–119) или одного из значений «наклонения произвольного действия» — значения «действия, навязанного субъекту» (Якобсон 1985: 214–215), см. пример (5):

(5) *Де́нишки згреблѣ́, прѣписѣ́лисе дѣи пропѣ́ски, и стубѣ́й вот он! Б [... и дом должен теперь стоять (без присмотра и разрушаться; в действительности дом стоит)].*

Частица *бы* вносит дополнительное значение нереального условия, см. пример (6) и, скорее всего, (4: *хорони*) с эллипсисом частицы *бы*:

(6) *Но йа нико́вѹ не пуска́йу. Ици́ бы в ё́тъй, ф селі́е!* [Я никого не пускаю (к себе жить, а тебя пустила. Иначе) пришлось бы искать в селе, (где поселиться); в действительности искать не пришлось]] К.

4.3. В примерах *встань* (1), *обзови бы* (2), *выходи бы замуж* (3), а также (7) *давай* можно усматривать значение «произвольного, неожиданного, немотивированного действия» как одного из частных значений «наклонения произвольного действия» [Якобсон 1985: 214–215]:

(7) *Она́ йовѹ́б в заго́рбѣк-та, и дава́й!* Б. [она (ребенка) за спину, и давай (бежать)].

4.4. Неизменяемая форма, совпадающая с 2 л. ед. ч. повелительного наклонения, в сочетании с частицей *лишь*, видимо, представляет собой устойчивую конструкцию — один из способов выражения желания. Частица *бы* в говоре, можно предполагать, является часто встречающимся (если не обязательным) элементом «желательных» конструкций с частицами *лишь* и *только*:

(8) *Дро́ф ёти́х бы́ ли́ш пи́ли, но та́м не ви́йе́диш.* Н [(хоть/вот) дров этих — только пили\, но туда не подъедешь].

Ср. конструкции «*только бы* X», «*только бы* + инфинитив» со значением желания:

(9) *Ми́аса как ми́ась. Ту́бкь одну́б ми́ась та́м ы йёсь. Ту́бкь катле́ты бы да бы йи́есть* (О) [Мясо (лося) как мясо... Только (были) бы котлеты и (только) бы ел].

4.5. К рассматриваемому классу, по-видимому, близки употребления форм, тождественных формам повелительного наклонения на 2 л. ед. ч., со значением ‘попробуй встать на его место и делать (длительное время) то, что он делает/делал’ или ‘попробовал бы кто-нибудь...’, ‘каково это, ...’; при таких формах может употребляться частица *бы*. Возможно также, что *бы* в примере (10) образует более тесную смысловую связь с *вот ты*, а не с глагольной формой:

(10) *Пъро́сти́ вот ты́ бы́ шысьти́дрых!* К. [Попробуй растить, хоть вот ты, шестерых детей!]

(11) *Ф пи́ать часѹ́бѣ пѣфстава́й-ки-ти!* К.

(12) *Побу́ть не йи́емишы фси́д вре́ме!* К.

К рассматриваемой форме, по-видимому, восходят некоторые частицы и вводные слова (*дай, давай, знай, будь, поди*). Ср. также:

(13) *Отѣц у нас тако́й, буди-буди Н.* (выражение высшей положительной оценки).

5. Частицы *пой, поди* ‘наверное; может быть; вероятно’; *знать* ‘наверное’

Частицы (вводные слова) *поди* и *пой*, выражающие неуверенность или приблизительность представления говорящего, в современном говоре *поди* должны считаться возрастными вариантами: исключительно частицу *пой* употребляет самая старшая информантка О 1912 г. р., частицу *поди* и никогда *пой* — все остальные информанты. Возможно, в прошлом разные варианты частицы были свойственны разным поддиалектам села Пустоша (об этих поддиалектах в связи с фонемным составом корней *i*-глаголов и др. явлениями см., например, [Тер-Аванесова 2005]). Действительно, лишь О — уроженка и жительница Шемиловки (одной из двух «улиц» Пустошей), а по крайней мере К и Ш родились в центре села.

В (Ожегов, Шведова 1992: 551) *поди* (вводное слово) ‘вероятно, пожалуй’ помечено как просторечное.

Обе частицы фонетически безударны в подавляющем большинстве контекстов (кроме *поди́* в примерах 18–19). Расположение их во фразе в основном обусловлено тем, относится ли неуверенность говорящего ко всему содержанию фразы (примеры 12–14, 18–29) или только к отдельным ее компонентам (примеры 1–11, 30–32). В примере (15–17) первое употребление *пой* относится к содержанию всего предложения, а два следующих — к содержанию каждой из фраз. Приведенный ниже материал содержит также интересные данные о разделительных, в том числе повторяющихся союзах, которые в настоящей работе нет возможности комментировать.

Пр и м е р ы.

Пой:

(1) *Эту шкóбу москвичáм прóдли нъ тринáцѣтый, этим, кáкъ их, дáчьникѣм. Онѣ пой дóма трѣ изъ ниáвóу здиѣ́лли. О.*

(2) *Онá дóм это свóй увидзла пой ф Чѣрусти или в Рошáль ли. О.*

(3) *Йá там и тубóк и была фсѣвóу два рас пой. За фсѣб врѣмѣд. О.*

(4) *Ну тоудá вот исключы́ли [нас из колхоза], купы́ли вот лошáтку здиѣсь вѣт. Ну навѣ́рнъ в двáцѣть сѣáдьмóу двацѣть восмóу ли году фхóдили пой. О.*

- Поди:*

(32) *Онá фсидó клáла и клáла, у йейó дéник пропáла тй́ех, поди тй́сеч сем-на́цицъть.* К.

Вводное слово (частица) **знать** ‘наверное, видимо’ выражает, как кажется, большую уверенность по сравнению с *пой/поди*:

(33) *А йе́щó у нас при́ийе́хъли вот т́ут, йá д́умала с н́еба слетй́ела стар́уха. Году́оф стó. Онá знать п́ыйána илá.* К.

В (Ожегов, Шведова 1992: 237) вводное слово *знать* («то же, что *наверное*») помечено как просторечное.

6. Частица (вводное слово) *мол* при передаче прямой речи

В (Ожегов, Шведова 1992: 371) указывается, что вводное слово *мол* (с пометой «разговорное») употребляется при передаче чужой речи, при ссылке на чужую речь. В Пустошах его широко употребляет только самая старшая информантка, у которой *мол* выступает не только в качестве вводного слова, но и — чаще — как неизменяемое сказуемое в составе вводного предложения: *йá мъл*, а также у К — *мол Кóля*. В восьми примерах (5–12) *мол* употребляется при передаче собственной речи и лишь в четырех случаях (1–4) — при передаче чужой речи. В примерах (8, 9, 12) при передаче диалогов, в которых участвует рассказчица, *мол* вводит речь рассказчицы (я *мол*), а речь ее собеседника вводится словом *говорит*.

П р и м е р ы:

‘скажешь’ или ‘скажи’ —

(1–2) *А бáпка мъл, онá тáк и тáк уж гъворй́т. Й́ей мъл б́ылъ ушй́ ета. Такй́ вот пиро́гй́.* О [объяснение, которое диалектолог должен дать своему начальству по поводу резких высказываний О].

‘говорит’ —

(3) «Ой, т́ы мъл ъбещáлъсь, ты при́ийе́диши, йá при́ду, при́ду, и нй́ету. Ну лáдна. А ты гди́е была?» — «Вод гди́е б́ылá, вот и́ска́ли О́ришы́ка». О.

(4) *Мъл Кóлия, «Хтó тебй́á был обй́дит, гóльву ътрублй́!» Ребй́áта дэ́с-кй́ть обй́дут.* К [Коля говорит:...].

‘говорю’ —

(5) *Вот тут у мн́я племи́анницъ при́ежж́яла из У́ршъла. «Нй́на, — йá мъл — чову́б у вас сечй́ас?»* О.

(6) *Й́á щáс и гъворй́т: «Гъворй́áт, йá мъл, он при́áдъи́нъй. Гъворй́áт, а чй́орт йову́б з́найт».* О.

(7) Но *йá* ни за*дúм*ля, *йá мьл* «Бúду там мениáть фси éти! Тáк и бúду». А фсйё братйá Сергéивы. [Но я не стала (менять фамилию), я говорю: «Буду я еще менять все эти (документы)! Так и останусь». ...] О.

(8) Он Сергéф пíшъца, а у мениá-ть Йивдоки́мъва. И гъвэрит: «Ну Ори́ш, вот ты рьскажы́, кáк жъ́ вот ты́ вот еть́ Йивдоки́мъва?» — «Да *йá мьл* мы́ вот от рáзных оицúдф». О.

(9) «Нú, вы к кому́». Она́ грит: «Йá г Бъзунúбу». А он гъворит: «Бъзунúва сичя́с тут нй́ету, ну он тúта, в éтим ла́гири, но не с нáми сечя́с». *Йá мьл* «А *йá* к Сергéиву». О.

(10) *Йá мьл*, «Нú-ка вы́звыи éтъвъ́ Сергéива-то фтору́ова éта». Он пошóл: «Сергéиф, вы́ди на вы́хът». О.

(11) «Бáба, иди́ш?» — *Йá мьл* «Идú сынóк». О.

(12) Лидик мениá звалá. «Приходí — гъворит — кáк вот», *йá мьл*, «А ди́ефки-ть *мьл* прие́жжя́ют?» — «Дъ́ вот сули́ацъ — гъворит — вот при́йедут на дни́аф. Приходí». О.

7. Причастия и деепричастия

7.1. *Н/м-причастия* в составе сказуемого имеют перфектное значение. Примеры приведены выборочно; встретились формы м. рода с окончанием -/ой/, ж. р. -/а/, ср. р. -/о/ и -/ойе/, мн. ч. -/и/ и -/ийе/, ср. такой набор окончаний причастий и в муромском говоре с. Татарово (Малышева, в печати); глагол-связка в основной массе примеров — настоящего времени, в нескольких примерах — прошедшего. Остается открытым вопрос о том, чем обусловлены варианты окончаний ср. р. и мн. ч. — непоследовательным стяжением гласных или семантикой.

М. р. (1) А *йá сиди́ла* с ма́льчыкѣм в два́ццъть фтору́бм годú. Ту́бкъ *ро́ж-ди́бнъй был*, нибольшóй ищó тако́й-то пой. О.

(2) Сёмдисит ли́ет хра́м *бы́л закры́тъй*. О.

(3) И éтът басéйн, и *на́литъй* каг дъ́ пътолúбк воды́. К.

(4) Вали́ер *зди́еланъй* зди́есе. Б.

(5) Кли́он *посáжженъй* вездй́е. Давну́б сажáли, вóн он рьсплоди́лси. Б.

(6) Вёсь Рошáль *был задымли́бнъй*. Заву́бт, *убранъй* он од го́рьда. Е.

(7) Он тáм гъвэ́т то́жъ *ни пропи́санъй*. О. — Йому́ зди́есь не́ дали ку́бм-нъту, ищó он тáм *пропи́санъй*. Ш. — И тáм *ни пропи́санъй* ни пизды́! О.

(8) *А тут, фси́б кирпи́чна, ни одну́б кирпи́чя не вы́льмьна, п̣толу́бк нѣска, и по́л на́сланы́й. И одна́ дьве́рь, бу́бльшы ничову́б ни́ет.* К.

Ж. р. (9) *Вот и́а н̣приме́р ни могу́ ф це́ркви стои́а́ть, и́а могу́ упáсьть. Там во́здух мнѣ́ ни тако́й: и́а э́травли́она.* К.

(10) *Ви́етир то́ш там ви́отлу слома́л; там ни ви́отла́, а кака́й-ть п̣са-жо́на.* О.

(11) *В двѣ́х ми́дста́ф судни́а сожго́на.* О.

(12) *И́а там рожди́она, и ми́е́сть мойо́ там зако́панайа.* О [речь о «детском месте», которое закопано под домом, в котором родился ребенок].

Ср. р. (безличные употребления показывают исключительно окончание -/о/, тогда как единственный пример употребления с подлежащим — окончание -/о́йе/:

(13) *У и́ей х̣рошу́б зди́ельнѣ. У и́ей о́чинѣ да́жы хору́би́шьи́ по́струб̣ойке, не ка́к на́ша.* Б.

(14) *Ску́льки вездѣ́ г̣вори́л мой му́ш, ще́ на́м зди́елана.* К [...что на нас навели порчу].

(15) *Они́е га́дют, и вот э́тъ н̣зыва́ицѣ, говну́б и́йхна, пропо́люс. Он по-ле́знѣй о́чин. У мени́а н̣ь си́льни́киѣ закры́та в ба́нѣчки, душы́стѣй, ка́к па́хнут х̣рошу́б!* Б.

(16) *О́н (бассейн) — как кле́йонкѣ́й круго́м опи́ы́та.* К.

(17) *Нѣ че́рдаки́ѣ там со́струбу́йѣна, ка́къ и да́ча-та. Та́м и жы́ву́т нѣ чи́рдака́ф.* Б.

(18) *Роди́лись-ть мы́ в одну́б вре́мя, ву́от йову́б-ть ма́ть ска́зывает̣ йому́, що́ у мени́а припи́сьнѣ два го́да, а о́н быва́ль мени́а ие́цо хва́стъл [пугал тем, что расскажет об этом].* К.

(19) *Была́ был̣ кли́кѣ́ва ту́т ри́адѣ́м, а фси́б п̣згори́ѣла. Про́шлым го́дѣм. Те́пе́рь там фси́б згори́ѣта.* Н.

Мн. ч. (20) *Фси́а у́лица одны́ м̣скѣ́вичы́ жы́ву́т. Ка́ки́ дома́-ть на́струбу́и́ныѣ фси́е!* О.

(21) *Фси́б з̣ьг̣зро́ди́ли, вот у на́с це́ркѣ́ву з̣ьг̣зро́ди́ли — так и и́йх дома́ з̣ь-гору́б̣одены.* К.

(22) *Ву́от как ра́ньше ми́брли ди́ети, ис̣ь пели́он̣ѣ́к уш̣ вы́ръщены, бу́бль-шень́кийе.* Н.

(23) Ду́му, ни́е́чива мни́е с и́йми, пра́вда? и не́рвы по́рътитъ, они́е у мени́а и та́к фси́е испо́рчины. К.

(24) Чорда́к он и нъзыва́ецъ чорда́к: пѣтолѹ́бъ, дѣ тру́бы вы́видины́е туды́, опи́лки насы́паны́е, гли́нъи замáзны́е. Б.

(25) А у и́ей нави́е́рнь, у Шу́ри, посáжыны́ йа́блѣни, ни́ету ничову́б? Б.

(26) И́а к ним ходи́ла, они́е мени́а крича́ли [звали], сиди́еть про́сть. А те́перь губы́ чйо́-тъ, закры́ты нѣ семи́ замка́ф, не зна́ю да́жы, чову́б съ ним случи́льсь. К.

7.2. В нескольких примерах представлены *н/т*-причастия в атрибутивной функции(?) и субстантивированное причастие. Они имеют те же формальные особенности, что и причастия в предикативном (перфектном) употреблении:

(27) Корубо́ву де́ржут. Фси́б свойо́ лүти́гъ чим күпли́на. Б.

(28) И три́ па́ръниа. Здо́рубо́вые, нариа́жены. <...> Мъло́дые, сриа́женны́е, ну им годѹ́б по три́цѣтъ, не бу́льшы. К.

(29) Тут изъ мени́а как поли́езла, и́а грю «Ах вы йобѣ́ны́е, Йѣл'цы́на ва́шѣва отру́бѹ́йа!» К.

7.3. Примеры *м*-причастия и *ш*-причастия:

(30) В э́ту во́йну нипѣбе́ди́мых не бу́дит. Е.

(31) Ма́нины́кий, весь въло́са́ми обру́ди́шый — ну вы́литый отѣ́ц (о домо́вом) Е.

7.4. Деепричастия.

В говоре имеются деепричастия двух типов: 1) образованные от основы настоящего времени и восходящие к форме *пот. sg. m.* старых действительных причастий: *зна́йа*; 2) от основы прошедшего времени, восходящие к форме *пот. sg. f.* старых действительных причастий (но с изменением согласного суффикса): *зна́миш*¹². Субъект действия, названного деепричастия-

¹² Следует отметить, что *причастия* с суффиксом *-ш-* в говоре, по-видимому, очень редки, единственный пример (31) см. выше, 7.3; есть тенденция к замене этого суффикса суффиксами *-н-* или *-т-* у причастий в «перфектных» конструкциях, см. в разделе 7.1 формы типа *сгорѣ́тъ*.

ем и глаголом-сказуемым, совпадают не всегда; имеются случаи «предикативного употребления» деепричастий на *-миш*.

В пустошенском материале имеются в основном деепричастия от глаголов несовершенного вида; от глаголов совершенного вида — в примерах (1, 11, 16, 17, 22).

7.4.1. Деепричастия с суффиксом -а в говоре встречаются реже, чем деепричастия на *-миш*. Имеются следующие примеры:

- (1) *Кóлиа сто́йт рóт рoз́и́нiа*. К.
- (2) *Ву́т свѣа́зала ва́ришки по па́мити, не зна́йа щóта*. К.
- (3) *Он нъдойи́ст тiе хoди́а* К (сказано хозяйке бегучей собаки).

Деепричастия «с адвербиальными значениями», по-видимому, в говоре употребляются регулярно:

- (4) *Еть пѣрва слóва, фси́у доруб́огу проши́и мо́лча*. К.
- (5) *Ну руга́цц не б́удиш нъ доруб́оги, кáк ты [думаешь]? Ид́у молчю́. Мо́лча брюжэ́жю и фси́о, пѣтихóньку*. К.
- (6) *Йа ви́азала, бывáла и либ́ожа ли́агши, ви́а́жши*. К.

7.4.2. Деепричастия на -миш.

7.4.2.1. В большинстве случаев деепричастия на *-миш* обозначают состояние или действие, одновременное с действием, обозначаемым глаголом-сказуемым, либо качественную характеристику этого действия. Относительно часто встречаются деепричастия *вытимши*, с отрицанием *не емиш*, *не спамиш*.

- (7) *Здоруб́вайа ни́ету — не йи́емиш не б́удиш* К.
- (8) *Побу́ть не йи́емиш фси́о вре́ме!* К.
- (9) *Кáк жэ ли́буди йи́едут суды́ три часá отт́уда, не йи́емиш зáт назáт?* К.
- (10) *Ну приий́едут они́е, приий́едут к вѣ́чире. Не спáмиш*. К.
- (11) *Събира́мси иди́ть ф кл́уп — к нáм прии́о́л, и ву́от нáчъл вѣ́тимши [говорить]*. К.
- (12) *Йову́о нáть при́асть, дъ уми́емиш нáть при́асть-то. На при́алки*. Б.
- (13) *Он сиди́ел цѣ́лель дѣнь тáг жа, ни рѣ́зговáрива́миш* К.
- (14) *Он к ма́тири прии́о́л: Клáфки плóха — ни ругáмиш, ничи́о* К.
- (15) *Ву́от бы умерéть ни хворáмиш!* К.

7.4.2.2. Предикативное употребление деепричастий на -(м)шы.

(16) *Йа́ вът привы́кшы к нару́бѹ, што тут одна́ с ума́ схожу́.* К.

(17) *Учи́бным ху́же чи́ем... вот йа́ негра́мѣтна, йа́ гди́е ху́ди пойду́, йа нѣ ли́буѹи робу́ти уш привы́кшы. А ты́ поди́ дрова́ грузи́ть, чову́б ты зди́лаш, ничову́б.* К.

(18) *Йа́ их ни рѣзби́ра́йу. А ка́к йову́б, ни отъмени́ш [не отличишь ужа от гадюки]. Ё́тъ хто зна́мшы ить на́дѣть.* Б.

7.4.2.3. Деепричастия на -мишы выражают различные обстоятельственные значения (уступки, условия, причины); субъекты действий, названных деепричастием и глаголом-сказуемым, при этом часто бывают различны:

(19) *И вѹ́бт ничову́б ни ди́ельмишы, им де́нѣги.* К.¹³

(20) *Их на́ть пѣлива́ть. А ни пѣлива́мишы они́е не бу́дут рѹ́бсьть.* К.

(21) *Мни́е тогд́а и а́лемѣнты-тѣ да́ли жали́емшы.* К.

(22) *Они́е и рѣсчасо́мишы, чову́б у не́й за́ вѣльсы!* К.

* * *

Краткий обзор некоторых производных форм глагольной парадигмы и отглагольных частиц в говоре с. Пустоша показывает, что не все они употребляются информантами одинаково активно. Количество приведенных примеров показательно в данном случае только для О и К, поскольку записи их речи проанализированы примерно в равном объеме, а рассмотренные в этой работе записи речи всех остальных информантов вместе по протяженности равны записям от К или О.

Выше уже сказано об употреблении «фонетических» вариантов частицы *пой* и *поди*, первый из которых свойствен только речи О, а второй употребляется всеми информантами; можно считать *пой* и *поди* «возрастными» вариантами. Частица *мол* в составе «вводных предложений» *я мол* зафиксирована только у О. У К встретился единственный аналогичный пример *Коля мол*; предпочтительны для нее употребления типа *я-то* в тех случаях, где О употребляет *я мол*.

¹³ Ср. *Н'и рѣбат'а н'и заплу́б'ут!* — д. Шеино Шатурского р-на Московской обл. (местность Ялмоть), примерно в 30 км к югу от Пустошей; говор, генетически близкий пустошенскому.

«Грамматическое разнообразие» свойственно прежде всего речи К (а также Н., от которой не удалось записать развернутых текстов). Притом что употребление конструкций типа *был пришла* в стандартном для говора «антирезультативном» значении свойственно всем информантам без исключения, специфические случаи употребления таких конструкций принадлежат в первую очередь К (также Н и О). Конструкции с согласованным вспомогательным глаголом типа *была пришла* встретились у О и К. Подавляющее большинство примеров употребления деепричастий принадлежит К (а также они есть у Б); полное отсутствие их у О мы считаем случайностью.

В отношении употребления и образования форм повелительного наклонения; неизменяемой формы, омонимичной форме 2 л. ед. ч. повелительного наклонения типа *стой*, а также сочетаний этой формы с частицей *бы*; страдательных причастий прош. времени в роли сказуемого; частиц *бывало* и *бывает* — идиолекты жителей с. Пустоша не различаются.

Литература

- ОСА — Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии. Словарь. М., 1993.
- Барентсен 1986 — *Barentsen Adrie*. The use of the particle *было* in Modern Russian // *Dutch Studies in Russian Linguistics* (= *Studies in Slavic and General Linguistics* 8) / eds. A. A. Barentsen, B. M. Groen, R. Sprenger, 1–68. Amsterdam, 1986.
- Бромлей, Булатова 1972 — *Бромлей С. В., Булатова Л. Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
- Зализняк 2008 — *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Князев 2004 — *Князев Ю. П.* Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004.
- Кузьмина, Немченко 1971 — *Кузьмина И. Б., Немченко Е. В.* Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.
- Мальшева, в печати — *Мальшева А. В.* Экспедиция в село Татарово Муромского р-на Владимирской области. Морфология. Синтаксис. Лексика // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1 (24) (в печати).
- Ожегов, Шведова 1992 — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- Плунгян 2001 — *Плунгян В. А.* Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1. Глагольные категории / Ред. В. А. Плунгян. М., 2001.
- Пожарицкая 1991 — *Пожарицкая С. К.* О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // *Revue des études slaves*. 1991. LXIII/4.

- Пожарицкая 1996 — *Пожарицкая С. К.* Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования 1991–1993 гг. М., 1996.
- Пожарицкая, в печати — *Пожарицкая С. К.* Конструкции с глаголом *быть* (*был, была, было, были*) в одном севернорусском говоре. К вопросу о плюсквамперфекте (в печати).
- РГ-80 — Русская грамматика. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1982; Т. II. Синтаксис. М., 1980.
- Сичинава 2012 — *Сичинава Д. В.* Частицы *было* и *бывало* в русском языке XVIII века // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24).
- Словарь XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Л., СПб., 1984–.
- Тер-Аванесова 2005 — *Тер-Аванесова А. В.* Отклонения от правила распределения двух фонем «типа *о*» в восточнорусском говоре Пустошей // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 6. Славянская диалектология и история языка. М., 2005.
- Толстая 2000 — *Толстая М. Н.* Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балто-славянские исследования 1998–1999. Вып. XIV. М., 2000.
- Толстая 2012 — *Толстая М. Н.* Карпатоукраинские энклитики в южнославянской перспективе // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. Вып. II. 2009–2011. М., 2012.
- Циммерлинг 2009 — *Zimmerling A.* Clitic particles and the typology of 2P languages // Cambridge Occasional Papers in Linguistics 2009. Vol. 5.
- Якобсон 1985 — *Якобсон Р. О.* О структуре русского глагола // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.

Summary

A. V. Ter-Avanesova

Derived forms of verbal paradigm and some deverbial particles in one Middle-Russian dialect

The article is devoted to the system of verbal categories in the East Middle-Russian dialect of Pustosha (Moscow region, Shatura district) and is a revue of «plusquamperfect», imperative, gerundives, and a number of deverbial particles.

Флексия им. ед. м. р. местоименных прилагательных как особенность русских диалектов

Праформу флексии им. п. ед. ч. м. р. местоименных прилагательных принято реконструировать как **ьjь*, **ьjь*. Считается, что в этой последовательности в прасл. период первый редуцированный гласный получал более высокое и напряженное образование и имел вид редуцированного *ÿ*, *ĩ* (Шахматов 1915: 16; Дурново, 116; Селищев, 294; Бернштейн, 234; Иванов, 315; Горшкова, Хабургаев, 59).

Анализу рефлексии редуцированных **ÿ*, **ĩ* посвящена обширная литература. Рассмотрению проблемы на материале русских и шире — восточнославянских диалектов посвящены работы (Пшеничнова 1967; Пшеничнова 1995). В них автор анализирует континуанты **ÿ*, **ĩ* в различных морфемах, к числу которых относится и флексия им. п. ед. ч. м. р. местоименных прилагательных. При этом предметом рассмотрения являются только те флексии, в которых рефлекс **ÿ*, **ĩ* находятся под ударением.

Объектом анализа в предлагаемой статье являются ударная и безударная флексии в их взаимоотношении в русских говорах. Полагаем, что такой подход к генезису флексии поможет более адекватно отразить суть явления. В статье используется материал картотеки ОЛА (Вопросник, 26), карты 3 в ВСИ 1995, карты 17, 20 в ДАРЯ I.

Изменение **ь*, **ь > ÿ*, *ĩ* принято относить к числу общеславянских особенностей. Напряженные гласные *ÿ*, *ĩ* в сильном положении, т. е. перед следующим редуцированным, изменялись в *у*, *і*, а в слабом положении утрачивались. Именно напряженные редуцированные гласные *ÿ*, *ĩ* лежат в основе местоименной флексии с гласными *у*, *і* — (стяженной *-у*, *-і*), (нестяженной — *-uj*, *-ij*). Флексия, содержащая гласные *у*, *і*, как единственный вид данной морфемы, присуща всем славянским языкам/диалектам, а в русском она присутствует как вариант. Далее на материале русских диалектов рассматриваем флексию, выступающую после исконно непалатализованных согласных, т. е. **ÿj*.

В русском языке/диалектах наряду с флексией *-uj* используется флексия *-oj*, *-ej* (восходит как к **ь*, **ь*, так и **ÿ*, *ĩ*). Такая флексия находится в известном противоречии не только с тезисом об общеславянском статусе редуцированных *ÿ*, *ĩ* на месте **ь*, **ь*. Она не соответствует и представлению о древнерусском единстве, сообразно которому все правосточнославянские диалекты имели только флексию *-uj*, *-ij*.

Для того чтобы устранить это противоречие, предлагается объяснение, согласно которому в прарусском языке напряженные редуцированные в сильном положении получили такой же рефлекс, как *ѣ, *ѥ, т. е. *о, е*. Это произошло потому, что напряженные *ŷ, ĭ* ко времени падения редуцированных понизили свое образование, вновь превратившись в *ѣ, ѥ* (Дурново, 116; Иванов, 315; Горшкова, Хабургаев, 237), т. е. реконструируется фонетический процесс **ѣj > ŷj > ѣj*. По-иному объясняет то же явление Шахматов — в «общерусском праязыке» гласные *ѣ, ѥ* и далее *о, е* во флексии появились в результате аналогического выравнивания, в частности, по кратким формам указательных местоимений *тъ, съ* (Шахматов 1915: 258).

Но при любом объяснении появление флексии *-oj* относится к достаточно раннему периоду.

Особенность рассматриваемой флексии состоит в том, что в русском литературном языке и во многих говорах она имеет разную фонетику в зависимости от ударения — гласный *о* под ударением и «не *о*» в заударном положении. Обычно отсутствие заударного *о* в окающих говорах и в литературном языке раннего периода считается результатом влияния церковнославянского произношения и старославянской орфографии (содержит флексию *-uj*), а при аканье — следствием редукции безударного *о*.

Для выяснения того, насколько приведенные суждения о фонетике рассматриваемой флексии корректны, мы проанализировали русский диалектный материал, взятый из названных выше источников.

В материале ОЛА среди рассмотренных прилагательных по признаку ударности ~ безударности флексии в современных диалектах выделяются следующие группы континуантов включенных в Вопросник ОЛА праформ:

(1) только с ударной флексией *slěръѣ, *tǫръѣ, *suxъѣ, *dorgъѣ;

(2) только с безударной флексией *bělъѣ, *sъgmъѣ, *devęтъѣ, *solnъѣ, *melĭnъѣ, *xoldьnъѣ, *orzъѣ, *soldъkъѣ, *lěvъѣ, *mękъkъѣ, *kortъkъѣ

(3) с флексией, ударность ~ безударность которой варьируется по говорам, причем с разной частотой для отдельных лексем — *tęžъkъѣ, *cělъѣ, *nēmъѣ, *dъlъgъѣ, *bošъѣ, *moldъѣ (имеет безударную флексию параллельно с ударной в нескольких севернорусских пунктах).

В абсолютном большинстве русских говоров местоименная флексия им. п. ед. ч. м. р. под ударением имеет гласный *о*.

В безударной флексии представлены гласные *о, ы, ə, а*, а также *і* после палатализованных задненебных согласных. Как было сказано, положение об одинаковой рефлексации *ѣ во флексии *ѣj независимо от ударения побуждало искать причины появления безударной флексии с «не *о*» в более позд-

них фонетических процессах, а именно в редукции заударного *о*. Редукция безударного гласного неверхнего подъема является особенностью акающих говоров. Однако флексия с «не *о*» в виде *-ыј* распространена во многих окающих говорах.

В окающих говорах относить произношение безударной флексии с гласным «не *о*» за счет влияния церковнославянского произношения сомнительно. Трудно предположить, что языковой идиом вообще может откликнуться на влияние, ведущее не к унификации парадигмы одного типа, а, наоборот, к увеличению различий между компонентами парадигмы как по флексии, так и по исходу основы — *-ој* под ударением, *-уј* без ударения, твердый задненебный перед ударной флексией, палатализованный перед безударной.

Флексия с безударным гласным «не *о*» в окающих говорах может иметь иное объяснение.

При рассмотрении фонетики этой безударной флексии согласные, оканчивающие основу, следует делить на два класса: задненебные и задненебные согласные. Особенность *задненебных* состоит в том, что после них во многих говорах безударная флексия с «не *о*» начинается на *i*, а задненебный согласный перед ним палатализуется — эта закономерность проявляется в виде варьирования даже в одном говоре — *t'ašk'oj* ~ *t'ašk'ij*. Соответствие типа (*'ko* ~ *'k'i*) редукцией заударного гласного не объясняется не только в окающих, но и в акающих говорах. Палатализованность задненебного согласного перед безударной флексией с гласным *i* распространена практически по всей русской территории, но перед другими заударными гласными на месте *о* сохраняется твердость задненебных (*'dolgaj*, *'t'ixaj*, *ko'rotkaj*). Таким образом, гласный *i* после палатализованного задненебного однозначно указывает на у (*ы*) более раннего периода.

После *незадненебных твердых* согласных безударная флексия с «не *о*» содержит гласные *ы*, *э*, *а*. По данным картотеки ОЛА, наиболее частыми являются формы с *ы*. Так, прилагательное *starъjъ с флексией *-уј* зафиксировано в 131 пункте, с *-эј* — в 42, *-ај* — в 27.

В акающих говорах флексия с «не *о*» принято считать результатом редукции *о* в заударном слоге; при этом *ы*, *а* рассматриваются как дальнейшая стадия первоначального результата редукции в виде гласного *э* (ѣ) (повышение или понижение его артикуляции). Учитывая большую частоту варианта безударной флексии *-ыј*, надо было бы признать, что именно в этой морфеме заударный гласный *о* проявил особенную склонность к изменению в *ы*. Дело в том, что, по данным ДАРЯ I (карта № 17 и комментарии к ней, 112), произношение заударного *ы* в соответствии с *о* ударного слога в словах *колос*,

холод, подросток в русских говорах распространено ограниченно, в виде отдельных небольших островов, в пределах которых обычно *ы* варьируется с *а*, *э* (*кóлас / кóлэс / кóлыс*).

Качественной редукции в заударном слоге в русских говорах может подвергаться и гласный верхнего подъема *ы*, что выражается в его замене заударными *а*, *э*. Распространение этого явления показано на карте № 20 ДАРЯ в словах *вымыл, выбыл, вырыл*. Произношение типа *вѣмѣт, вѣрьѣт, вѣсьѣл, вѣрат* распространено в акающих говорах. Часто *а*, *э*, *ы* употребляются параллельно, как варианты. При этом, как указано в комментарии к карте, к *э* приравнены знаки *а^в*, *ѣ^а*, *ы^в*, *ѣ^и* (ДАРЯ I, комментарий, 117). Знаки эти могут быть с равным основанием отождествлены с *а* и *ы*. Поскольку изменение *о > ы* в заударном слоге происходит значительно реже, чем *ы > э*, *а*, логично предположить, что в акающих говорах заударная флексия *-эј*, *-ај* после задненебных согласных развилась на месте флексии *-ыј*, которая до сих пор является наиболее частой в русских говорах. На флексию (*-ыј < -*уј*), как было сказано, указывает и гласный *і* после палатализованных задненебных.

Сказанное дает основание для вывода, согласно которому в русских говорах сильный редуцированный в составе флексии **ѣј* имел разное развитие под ударением и без ударения (как условие такого вывода принимаем, что современное распределение ударения в формах им. п. ед. ч. м. р. местоименных прилагательных хотя бы в общем виде отражает состояние периода падения редуцированных). Под ударением **ѣ* изменился в *о* (флексия *-ој*). Безударная флексия через стадию напряженного редуцированного *ѣ̆* получила гласный *ы* (*-ыј*).

В то же время этой концепции противоречат такие факты, как наличие безударной флексии *-ој* в окаяющих говорах и твердость задненебного согласного перед безударной флексией с гласным «не *о*» в любых говорах. Формы с твердым задненебным реже выступают как единственно возможные, чаще параллельно с формами, имеющими палатализованный задненебный.

Традиционно при объяснении путей формирования местоименных флексий в русском языке привлекается аргумент морфологической аналогии (Шахматов 1957, 190, 341; Кузнецов, 146). Этот аргумент можно применить и для объяснения названных отклонений от модели (**ѣј > ој* под ударением) ~ (**ѣј > ѣ̆ј > ыј* без ударения). Побудительной причиной аналогии могло быть стремление унифицировать в составе парадигмы основу на задненебный согласный, т. е. приравнять их к другим основам на твердый согласный. Это достигается путем устранения мены твердого и мягкого задненебного. Потребность в таком выравнивании возникла после изменения *кы, гы, хы > к'і, г'і, х'і*.

g'i, *x'i*. Выравнивание происходило путем возвращения *k*, *g*, *x* в форму им. п. ед. ч. м. р., что сопровождалось обратной заменой гласного *i* через *ы*. Этот *ы* в одних говорах редуцировался, а в других оставался без изменения. Ср. *t'aškыj*, *m'axкыj*, *ko'rotкыj*, *dol'ыj*.

В окающих говорах выравнивание основы на задненебный согласный сопровождалось также унификацией флексивного гласного независимо от ударения под влиянием ударной флексии им. п. ед. ч. и форм косвенных падежей — результатом этого явилась безударная флексия *-oj*. Об аналогии в парадигме прилагательных см. (Пшеничнова 1967, 121).

Сообразно сказанному, безударная флексия *-oj* в окающих говорах должна считаться инновацией, а флексия *-ыj* — архаизмом.

Есть еще один аргумент в пользу вторичности безударной флексии *-oj*. В отдельных севернорусских говорах наряду с безударной флексией *-oj* зафиксированы формы, утратившие конечный спирант *j* — эти формы кончаются на *ы*. Ср. в архангельских говорах — *'c'ornы*, *'razны*, *ko'rotk'i*, *'d'ik'i* и *'b'eloj*, *'dolgoj*, *'staroj* и др. Эти факты однозначно указывают, что утрата спиранта *j*, являющаяся достаточно старым процессом, происходила, когда флексия имела вид *-ыj*, *-ij* — с появлением флексии *-oj* утрата *j* перестала быть актуальной.

В зоне оканья безударная флексия *-oj* лишь в части говоров полностью вытеснила флексию с «не *о*». В некоторых говорах *-oj* отсутствует, во многих — варьируется с *-ыj*, *-эj*. Что касается твердых задненебных, то они заменили собою палатализованные в конце основы там, где безударная флексия представлена только в виде *-oj*. Перед флексией с «не *о*» как при оканье, так и при аканье во многих говорах мягкий задненебный или сохранился, или варьируется с твердым. Это указывает, что процесс выравнивания парадигмы не завершен.

Архаической формой рефлексии сильного редуцированного в местоименной флексии им. п. ед. ч. м. р. в русских говорах является гласный *е* после твердого согласного. Локализация этого явления описана в (Пшеничнова 1967; Пшеничнова 1995). Фиксируется гласный *е* под ударением, а в заударной флексии в тех же говорах констатируется результат редукции гласного неверхнего подъема (Пшеничнова 1967, 117). В материалах ОЛА это явление отражено в западнорусских говорах в виде немногих, иногда единичных, записях — *s'v'a'tej*, *məla'dej*, *su'x'ej*, *n'a'mej*, *mus'k'ej*.

На возможность развития **ьjь* в *ej* минуя ступень *ыj* указывает (Зализняк, 168). Но более распространено мнение, что флексия *-ej* явилась результатом изменения **у > е* (Дурново, 118; Пшеничнова 1967, 196).

Условием фонетического развития *e* во флексии **ъjъ* является регрессивная аккомодация гласного палатальному спиранту. Следствием аккомодации явилось сближение *ъ* с *ь*, что и привело к рефлексу *e*. На то, что полной трансформации *ъ* в *ь* не происходило, указывает твердость предшествующего задненебного согласного. Что касается задненебных согласных, то для них смещение *ъ* в направлении к *ь* могло быть достаточным, чтобы повысить свой тон, т. е. палатализироваться. В то же время эта палатализация происходит не во всех русских говорах, имеющих флексию *-ej* — возможны и твердые задненебные в этой позиции (Пшеничнова 1967, 118).

Рассмотрение особенностей формирования флексии им. п. ед. ч. м. р. местоименных прилагательных позволяет сделать следующие выводы.

В диалектах, легших в основу русского языка, гласные **ъ*, **ь* в указанной флексии имели разное развитие в зависимости от ударения. В слоге под ударением гласные **ъ*, **ь* сохраняли свое качество и далее изменялись в *o*, *e*. Без ударения гласные **ъ*, **ь* перед *j* повышали подъем и получали напряженность, результатом чего явилось изменение в *û*, *ĩ*. В дальнейшем это сформировало местоименные флексии *-oj* под ударением, *-uj*, *-ij* без ударения.

О таком развитии свидетельствует фонетика ударной и безударной флексий в окающих говорах и палатализованность задненебного согласного перед безударной флексией, встречающаяся на всей русской территории. Отступление от изложенной модели рефлексии редуцированных гласных в местоименной флексии им. п. ед. ч. м. р. в русских говорах можно объяснить морфологической аналогией (выравнивание исхода основы и гласного элемента флексии).

Оформление флексии им. п. ед. ч. м. р. местоименных прилагательных может свидетельствовать о том, что прарусские диалекты в период, определяемый как «древнерусское единство», отличались от других восточнославянских диалектов.

Литература

- Бернштейн — *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- ВСИ 1995 — Восточнославянские изоглоссы. 1995. М., 1995.
- Вопросник ОЛА — Общеславянский лингвистический атлас. Вопросник. М., 1966.
- Горшкова, Хабургаев — *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

- ДАРЯ I — Дialeктологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Выпуск I: Фонетика / под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. М., 1986.
- Дурново — *Дурново Н. Н.* Очерк истории русского языка. М., 1924.
- Зализняк — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988.
- Иванов — *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1983.
- Кузнецов — *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
- Пшеничнова 1967 — *Пшеничнова Н. Н.* Некоторые фонетико-морфологические особенности говоров к югу и юго-западу от Онежского озера // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
- Пшеничнова 1995 — *Пшеничнова Н. Н.* Гласные на месте редуцированных **ŷ*, **ĩ* // Восточнославянские изоглоссы. 1995. М., 1995.
- Селищев — *Селищев А. М.* Старославянский язык. М., 1952.
- Шахматов 1915 — *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Шахматов 1957 — *Шахматов А. А.* Историческая морфология русского языка. М., 1957.

Summary

L. E. Kalnyn'

Inflexion N adj pron sg m as a Specific Feature of Russian Language/Dialects

In the dialects, which became the basis of Russian language, vowels **ъ*, **ь* in inflexion N adj pron sg m developed differently depending on the stress. Under the stress vowels **ъ*, **ь* preserved their quality and changed into *o*, *e*. Without stress vowels **ъ*, **ь* before *j* increased the raising and acquired tension, what resulted into a transformation into *ŷ*, *ĩ*. It formed pronominal inflexion — *oj* under the stress, *-yj*, *-ij* without stress.

Phonetics testify to such development of stressed and unstressed inflexion in okanje-dialects and palatalization of velar consonant before the unstressed inflexion everywhere on the Russian territory. A departure from such a model of reduced vowels changing into inflexion N adj pron sg m in Russian dialects may be explained by morphological analogy.

The specific features of inflexion N adj pron sg m may testify that Pra-Russian dialects in the period defined as “drevnerusskoye edinstvo” differed from other Eastern Slavic dialects.

Опыт описания частной морфемной модели в смоленских говорах

Среди основных единиц морфемики, к которым традиционно относятся разные виды морфем и их блоков, особо выделяется морфемная модель. Под морфемной моделью понимается «абстрактная схема», отражающая предельные возможности русского языка в сочетаемости морфем (Тихонов 2002: 682). Каждая часть речи имеет определенный набор моделей, состоящих «из определенных последовательностей конкретных морфем» (там же: 682). Абстрактные морфемные модели различных частей речи складываются из конкретных моделей, которые, в свою очередь, состоят из последовательностей конкретных морфем. Важную роль и в конкретных, и в абстрактных моделях играет корень, который принадлежит слову определенной части речи — именно по видам сочетаний морфем с корнями слов определенных частей речи формируются частные, а из них и абстрактные морфемные модели.

Морфемные модели отражают строение слов различной степени сложности, изменяемых и неизменяемых. Модели различаются по количеству входящих в них слов: выделяются такие, которые включают очень большое количество слов (в абстрактной модели «корень существительного + суффикс + окончание, или **Кс–С–О**, выделяется частная модель «корень существительного + *-щик*, или **Кс-щик** (нулевое окончание у производных существительных не обозначаем): *фонарь/щик, стекло/щик*), наравне с ними существуют модели, охватывающие несколько слов, и модели, представленные единичными последовательностями (например, частная модель «корень глагола + суффикс **-ин-** + суффикс **-ист-** + окончание», или **Кг-ин-ист(ый)**: *мори/ин/ист(ый)*).

Различные типы абстрактных морфемных моделей (или типы морфной структуры — в терминах источника) были описаны в «Русской грамматике-80» — там выделено 57 типов сочетаний морфем у словоформ с простой основой (Русская грамматика, 1982: 130–131), еще двадцать видов сочетаний, преимущественно парных, введены в научный оборот И. С. Улухановым (Улуханов 1999: 86–96). Отдельные сведения о функционировании частных морфемных моделей даются А. Н. Тихоновым в «Морфемно-орфографическом словаре» (Тихонов 2002: 683–684), а разновидности морфемных последовательностей перечислены в корневых гнездах «Словаря морфем русского языка» А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой (Кузнецова, Ефремова, 1986).

В качестве одной из основных единиц морфемики, раскрывающей особенности морфемной структуры производных существительных в смолен-

ских говорах, можно выделить морфемную модель — абстрактную схему, отражающую морфемную структуру производных существительных, которая формируется на основании принадлежности корней анализируемых слов к определенной части речи и складывается из частных морфемных моделей, реализуемых в говорах.

Морфемный анализ в русском языке ориентирован на выделение конечных составляющих в структуре слова. Морфемный анализ диалектных существительных, на наш взгляд, дополнительно должен быть ориентирован на учет собственно диалектных и литературных элементов в структуре слова и описание особенностей их дистрибуции, поскольку зачастую именно синтагматические связи морфов определяют диалектную специфику слова.

Отождествление сегментов диалектного слова как алломорфов, вариантов морфем, субморфов требует учета функционирования морфемы в отдельном говоре. Мы придерживаемся мнения, что смоленские говоры — исторически сложившаяся диалектная система, функционирующая на протяжении многих столетий и отличающаяся особенностями в фонетике, лексике, словообразовании, морфологии и синтаксисе, которые позволяют противопоставить ее другим частным диалектным системам. Однако целью исследования не являлось описание всего разнообразия диалектных морфемных особенностей отдельных говоров, что и обусловило подачу материала по членению диалектных слов без сведения морфов в отдельные морфемы, ведь известно, что «отождествление морфем требует описания специального диапазона формального и семантического варьирования морфем в говорах» (Морфемика и словообразование русского языка 2002: 195). Отождествлять же морфемы на уровне системы родственных говоров без учета особенностей отдельных говоров, на наш взгляд, нецелесообразно.

Описание морфемных моделей (ММ) производных существительных, функционирующих в смоленских говорах с корнем заданной части речи, проводится по следующей схеме:

1. Количество частных ММ, которые включаются в общую модель, и их разновидности.
2. Характеристика корней ММ: общее количество корней, литературные и диалектные корни.
3. Характеристика аффиксов: общее количество аффиксов, совпадение или несовпадение диалектных и литературных аффиксов в структурно-семантическом плане.
4. Комбинаторика морфем: характер сочетаемости, количество слов в ММ, соответствующих схемам сочетаемости.

Среди морфемных моделей производных существительных в смоленских говорах самой репрезентативной в количественном отношении является модель с корнем существительного и одним суффиксом (**Кс—С—О**) — в ней 1300 слов с конкретно-предметной семантикой (в статье анализируются только наименования артефактов; наименования лиц и натурфактов не рассматривались).

В модели **Кс—С—О** представлено совокупно 216 частных диалектных моделей. Из общего количества частных ММ на долю модели **Кс-к(а)** приходится большинство слов — 214. Остальные модели можно расположить по частотности следующим образом: **Кс-ник** (129), **Кс-ин(а)** (92), **Кс-ок** (68), **Кс-ниц(а)** (58), **Кс-овк(а)** (44), **Кс-ик** (40), **Кс-ищ(е)** (35), **Кс-к(и)** (27), **Кс-анк(а)** (26), **Кс-ец** (25), **Кс-иц(а)** (25), **Кс-ень** (23), **Кс-ушк(а)** (21), **Кс-н(я)** (20). Таким образом, на долю 15 моделей приходится 847 слов, или 65% от общего количества всех производных существительных-наименований артефактов в смоленских говорах, построенных по схеме **Кс—С—О**.

Менее распространенными в смоленских говорах являются модели, включающие от 15 до 3 производных существительных, соответствующих схеме **Кс—С—О**, — всего их 49. В порядке убывания данные модели располагаются следующим образом: **Кс-ј(е)** (15), **Кс-овник** (13), **Кс-ак (Кс-як)** (12); **Кс-енк(а) (Кс-онк(а))** (12), **Кс-аник** (11), **Кс-инк(а)** (11); по десять слов функционирует в моделях **Кс-арк(а)** и **Кс-ек (Кс-ёк)**. Модели, включающие менее десяти производных существительных, достаточно разнообразны и широко представлены в смоленских говорах: **Кс-очк(а)** (9), **Кс-ух(а)** (9), **Кс-ин(ы)** (8), **Кс-ан** (7), **Кс-ашк(а)** (7), **Кс-ель** (7), **Кс-овин(а)** (7), **Кс-ц(ы)** (7), **Кс-чик** (7), **Кс-еник** (6), **Кс-ј(ё)** (5). По четыре слова функционирует в моделях **Кс-арь**, **Кс-атк(а)**, **Кс-ач**, **Кс-евин(а)**, **Кс-евник**, **Кс-ёх(а) (Кс-ох(а))**, **Кс-к(о)**, **Кс-н(о)**, **Кс-ник(и)**, **Кс-няк**, **Кс-ул(я)**; по три слова — в моделях **Кс-ј(а)**, **Кс-ак(и)**, **Кс-айк(а)**, **Кс-анк(и)**, **Кс-арник**, **Кс-арок**, **Кс-ашник**, **Кс-ейк(а)**, **Кс-ениц(а)**, **Кс-ешк(а)**, **Кс-ик(и)**, **Кс-ил(а)**, **Кс-ищ(е)**, **Кс-овј(е)**, **Кс-овик**, **Кс-овищ(е)**, **Кс-онок**, **Кс-ух**, **Кс-ц(а)**. На долю данной группы моделей приходится в общей сложности 273 слова, или 21% от общего количества слов группы.

Наименее частотными являются модели, включающие два производных существительных. Однако следует отметить, что их количество в речи в смоленских говорах достаточно велико и достигает 34, а и сами модели достаточно разнообразны по аффиксальному оформлению: **Кс-Ø(а) (Кс-Ø(я))** (слова женского рода с нулевым суффиксом и окончаниями -а/-я), **Кс-анок**, **Кс-арн(я)**, **Кс-атик**, **Кс-атин(а)**, **Кс-евень**, **Кс-ежк(а)**, **Кс-ен(я)**, **Кс-енник**, **Кс-ет**, **Кс-еш(а)**, **Кс-ешк(и)**, **Кс-ён(а)**, **Кс-ёнк(и)**, **Кс-ик(а)**, **Кс-ильн(я)**, **Кс-овниц(а)**, **Кс-отк(а)**, **Кс-очек**, **Кс-ошк(а)**, **Кс-уг(а)**, **Кс-уль**, **Кс-ульк(а)**, **Кс-ур(а)**, **Кс-ур-**

к(а), Кс-утк(и), Кс-уш, Кс-ушк(и), Кс-ушник, Кс-шк(а), Кс-чик(и), Кс-ырь, Кс-ышек, Кс-яг(а).

Все остальные модели представлены единичными существительными — всего 118 ММ:

Кс-Ø(и), Кс-ав(а), Кс-ак(а), Кс-ал(о), Кс-аль, Кс-альник, Кс-аник(и), Кс-анищ(е), Кс-аночк(а), Кс-ар, Кс-ар(ы), Кс-арих(а), Кс-арищ(е), Кс-арух, Кс-ат, Кс-ах, Кс-ашк(и), Кс-ашищ(а), Кс-(в)етк(а), Кс-д(ы), Кс-дёвок, Кс-ев(а), Кс-ев(о), Кс-евик, Кс-евищ(е), Кс-евн(я), Кс-евух(а), Кс-ег(а), Кс-езник, Кс-ейк(и), Кс-ёл, Кс-елин(а), Кс-елищ(е), Кс-ен(и), Кс-ен(о), Кс-ен(ы), Кс-енёнок, Кс-енк(о), Кс-енчик, Кс-еньк(а), Кс-ерк(а), Кс-етин(а), Кс-ётк(и), Кс-ёток, Кс-ех, Кс-ечин(а), Кс-ечк(а), Кс-ечок, Кс-ешн(я), Кс-ешник, Кс-иј(и), Кс-ийк(а), Кс-ик(о), Кс-ильн(о), Кс-ин, Кс-инк(и), Кс-иск(а), Кс-истк(а), Кс-ищ(е), Кс-ищ(ы), Кс-ичин(а), Кс-ичк(а), Кс-ищ(а), Кс-л(о), Кс-л(я), Кс-линк(а), Кс-льниц(а), Кс-мень, Кс-н(и), Кс-н(ы), Кс-новк(а), Кс-нок, Кс-нушин(а), Кс-нушк(и), Кс-одн(я), Кс-ожень, Кс-ольн(я), Кс-оматик, Кс-от(а), Кс-отон, Кс-отон(я), Кс-оч, Кс-очк(и), Кс-ошк(и), Кс-т(а), Кс-уган, Кс-ук, Кс-ук(и), Кс-ул(и), Кс-улк(а), Кс-ун, Кс-уник, Кс-унк(а), Кс-унок, Кс-урник, Кс-урочк(а), Кс-утин(ы), Кс-утк(а), Кс-уш(а), Кс-уш(и), Кс-ушј(е), Кс-ушек, Кс-ц(о), Кс-чук, Кс-чух, Кс-щин(я), Кс-ыг(а), Кс-ык(а), Кс-ылок, Кс-ыль, Кс-ыльн(о), Кс-ын(я), Кс-ынк(а), Кс-ырк(а), Кс-ысл(о), Кс-ыш, Кс-ышк(а), Кс-ышник.

Таким образом, на долю ММ, реализуемых одним или двумя существительными, в совокупности приходится 186 слов, или около 14% от общего количества.

Корневые морфемы ММ характеризуются разнообразием номенклатуры и вариативностью в наборе морфем. В группе преобладают и чаще встречаются в отдельных ММ корни, известные литературному языку.

Общее число корней, встречающихся в 10–5 словах, — 42, из них самыми распространенными, в порядке убывания, являются следующие: *грабл-* и *дров-*, каждый функционирует в десяти производных существительных; *берест-*, *верх-*, *рог-*, *свет-* и *цеп-* — каждый корень из пяти названных встречается в девяти словах; *баб-* и *коз-* — в восьми словах. Группа корней, фиксируемых в семи мотивированных существительных, достаточно обширна и отмечается в одиннадцати случаях: *вил*, *мост-*, *овеч-*, *пар-*, *рук-*, *свин-*, *суд-*, *холод-*, *хрест-* (именно данный субморф), *чепел-* и *шал-*. Группа корней, фиксируемых в шести мотивированных существительных, незначительно меньше предыдущей и отмечается в девяти случаях: *жар-*, *копот-*, *кос-* (орудие труда), *курт-*, *масл-*, *мыл-*, *перед-*, *стол-*, *шуб-*. По пяти слов было обнару-

жено в частных моделях с корнями *гарц-*, *дороб-*, *драб-*, *куб-*, *лед-*, *обор-*, *пелес-*, *сол-*, *спод-*, *стог-*, *ух-*, *хомут-*, *ячмен-*.

Достаточно распространенной является группа корней, представленных в четырех словах, — здесь отмечено 40 частных случаев: *амиш-* (именно указанный субморф морфа *мох-*), *балд-*, *бечай-*, *быч-*, *воз-*, *греч-*, *гриб-*, *гуз-*, *гумн-*, *жерд-*, *зад-*, *калган-*, *квас-*, *клюш-*, *колес-*, *колоб-*, *колос-*, *коп-* (диалектное *копа*), *корг-*, *круг-*, *круп-*, *куль-*, *лип-*, *лохм-*, *ночев-*, *оброт-*, *окн-*, *олад-*, *платей-*, *резв-*, *рж-*, *сал-*, *сковород-*, *слон-*, *стожар-*, *сукон-*, *творож-*, *тын-*, *хлеб-*, *ям-*.

Самой обширной в количественном отношении является группа корней, функционирующих в трех словах каждый, — в данной группе зафиксировано 64 корня: *баран-*, *блин-*, *ват-*, *вотроб-*, *гас-*, *гашин-*, *гвозд-*, *глаз-*, *глин-*, *голён-*, *голов-*, *горб-*, *груд-*, *двор-*, *деж-*, *досточ-*, *завор-*, *игл-*, *картофел-*, *каш-*, *ковнер-*, *козыр-*, *конур-*, *кос-*, *кос-*, *коточиж-*, *кош-*, *краш-*, *кремен-*, *кут-*, *кутей-*, *кухл-*, *лад-*, *лестнич-*, *лоб-*, *луб-*, *луст-*, *меж-*, *мук-*, *овощ-*, *перст-*, *погреб-*, *подвал-*, *прясл-*, *пиенич-*, *руб-*, *ряс-*, *свердёл-*, *сдоб-*, *сер-*, *скиб-*, *смерёт-*, *солод-*, *стекл-*, *стол-*, *сусл-*, *узел-*, *ул-*, *фирыб-*, *цебар-*, *черен-*, *числ-*, *шкур-*, *шмот-*, *шул-*.

Таким образом, среди корней, функционирующих в моделях с количеством слов от десяти до трех, преобладают корни, известные литературному языку, — их 110. Диалектные корни были зафиксированы в 36 случаях, это корни *баб-*, *балд-*, *бечей-*, *гарц-*, *гашен-*, *дороб-*, *драб-*, *завор-*, *калган-*, *ковнер-*, *коз-*, *колоб-*, *конур-*, *коп-*, *корг-*, *коточиг-*, *кош-*, *курт-*, *кут-*, *кухл-*, *лоб-*, *луст-*, *мост-*, *пелес-*, *резв-*, *руб-*, *сверд-*, *скиб-*, *слон-*, *стожар-*, *стол'-*, *спод-*, *фирыб-*, *цебар-*, *чепел-*, *шул-*.

Существенно отличаются в количественном выражении корни модели Кс—О, встречающиеся в одном или двух словах: парные корни были обнаружены в 150 случаях, тогда как единичные — в 386 случаях.

Среди корней, реализуемых в двух словах, преобладают корни, известные литературному языку, — их 106: *бадж-*, *бан-*, *берез-*, *блюд-*, *блюз-*, *блях-*, *Бог-*, *бот-*, *брус-*, *бутл-*, *ведр-*, *вечер-*, *вод-*, *говн-*, *горл-*, *груз-*, *гуж-*, *двер-*, *дегот-*, *дом-*, *ел'-*, *изб-*, *изюм-*, *каган-*, *калош-*, *капуст-*, *кий-*, *кисел'-*, *кист-*, *клен-*, *клет-*, *кляп-*, *ковиш-*, *ковыл'-*, *кож-*, *кол-*, *ком-*, *конопл-*, *кон-*, *кор-*, *короб-*, *край-*, *кружсев-*, *крюк-*, *кукуруз-*, *лапот-*, *лапиш-*, *лён-*, *лес-*, *лист-*, *ложк-*, *луг-*, *лук-*, *лучин-*, *маржет-*, *могил-*, *молок-*, *морков-*, *мочал-*, *мякин-*, *навоз-*, *нит'-*, *обух-*, *овин-*, *оглобл-*, *пар-*, *пекл-*, *пеньк-*, *печ-*, *пирог-*, *пласт-*, *повет-*, *половин-*, *полоз-*, *помой-*, *постанов-*, *пруд-*, *прут-*, *рубец-*, *рям-*, *сатин-*, *сельд-*, *сит-*, *скирд-*, *спин-*, *спиц-*, *ствол-*, *столб-*, *сторож-*, *стул-*,

ступ-, суп-, сыр-, тепл-, торб-, труб-, фитил'-, хлеб-, цвет-, цеп-, чел-, шапер-, шерст-, шершен-, шеј-, щеп-.

Корни, функционирующие в смоленских говорах, встречаются в 44 случаях: *баклаг-, балей-, баляс-, баркан-, бед-, болон-, брусниц-, буб-, буд-, бульб-, вочеп-, горн-, губ-, дор-, жерел-, испод-, кавал-, комј-, крал-, крем-, кубел-, кудел'-, кулаг-, лав-, латк-, мат'-, ободн-, одёр-, отос-, пап-, порт-, пял-, сулей-, сур-, тулов-, хлуд-, хуст-, цандал'-, цац-, цибул'-, чун'-, шиб-, шкурат-, шпак-.*

Среди корней, обнаруженных в единичных случаях, преобладают корни, известные литературному языку, — их 251 из 386: *алмаз-, амунич-, аршин-, атлас-, бальзам-, баркас-, батист-, бок-, бергамот-, берд-, блох-, болван-, бомб-, борт'-, боров-, борозд-, бочк-, браг-, бревн-, брюкв-, бубен-, булав-, буфет-, вал-, венгер-, веретен-, весл-, вех-, ветв-, возжж-, ворот-1, ворот-2, вяз-, галдарей-, галун-, гарус-, глыб-, гнид-, говор-, голуб-, гончар-, горшок-, гост-, грузд'-, гряд-, губ-, гус-, дерев-, дир-, дожд-, дорог-, дуб-, дуг-, дупл-, жбан-, желудок-, жит-, жук-, звен-, зев-, зеркал-, зим-, зуб-, казак-, казакин-, калош-, камен-, каравай-, караул-, кашемир-, кин-, китай-, клин-, клуб-, кобыл-, койк-, коленкор-, колод-, колымаг-, консерв-, копн-, корен-, коров-, корсет-, косм-, костыл'-, кочерг-, крахмал-, крест-, кросин-, кузов-, кур-, куч-, лабаз-, лавр-, латыш-, лафет-, лен-, лес- (лесá), лет-, ливер-, лисиц-, литов-, лиф-, лоб-, ложе-, лоз-, лопатк-, лоскут-, лошад-, луч-, лык-, лыч-, лягушк-, лямк-, мак-, манк-, марл-, машин-, мед-, медвед-, мерлог-, мех-, мир-, монист-, мороз-, мотор-, мотыг-, муслин-, мут-, мяс-, мяч-, ног-, нос-, нутр-, обод-, образ-, овес-, окорок-, ольх-, осин-, пакл-, панам-, панихид-, папирос-, пассажир-, перил-, пер-, печат-, пив-, плет-, плот-, плюш-, погост-, подпруг-, полк-, пост-, потолок-, потрох-, пружин-, пуп-, пух-, район-, ракист-, рам-, реп-, репс-, рессор-, решетк-, риг-, риз-, ров-, рогож-, рубаш-, рядн-, саж-, сан-, сарай-, саратов-, седл-, сен-, сет-, ситец-, сохатер-, скот-, слез-, сметан-, стенок-, сноп-, сод-, сок-, солом-, сор-, сох-, спичк-, стержен-, стропил-, струб-, ступн-, таблетк-, таган-, талон-, тамбур-, твар-, телег-, тел-, тест-, ток-, толокн-, торф-, трактор-, требух-, тряк-, туес-, удил-, узор-, усадьб-, устѣј-, утк-, уют-, хат-, хвост-, хлам-, хобот-, хромат-, целков-, церькв-, чад-, час-, част-, чепец-, чернил-, черт-, чехол-, шахтёр-, шест-, шиворот-, шип-, ширм-, шкап-, шлей-, шоколад-, шотланд-, шпульк-, шпунт-, щит-, юбк-, яйц-, ям-, япон-, ярцев-.*

Диалектных единичных корней 135: *бед-, бахр-, берн-, берц-, беск-, болубен-, бор-, брыл'-, брынд-, букат-, буконк-, булдыг-, бунт-, бурак-, виро́к-, вотрин-, гак-, глуд-, груб-, грузд-, дروحён-, дрон-, дюбк-, жур-,*

задруг-, закут-, запон-, кадолб-, калит-, кан-, канап-, кандей-, кирас-, козов-, кокор-, кол- (коло), колоб-, комел-, ком-, копан-, копыл-, кот-, котух-, кошев-, крант-, кресл-, кром-, крошн-, кулган-, кулитк-, куманок-, купел-, курдоп-, лабуд-, лагун-, лапун-, ласк-, лат-, лек-, лик-, лисапед-, лиштв-, лодыг-, лопех-, лут-, ляд-, лял-, мажар-, малах-, мар-, матер-, матк-, махотк-, махр-, мотуз-, мошн-, мур-, муток-, навет-, ножн-, нуч-, обейк-, облак-, облог-, овоз-, олей-, пампук-, пасм-, патл-, подлов-, полник-, посуд-, пришив-, простин-, рак-, руд-, рул-, рундук-, рынк-, ряжк-, свит-, скаб-, скальн-, скор-, скрын-, смык-, сокол-, сочен-, стоп-, стурбан-, сур-, сыморот-, сыт-, талер-, торок-, тран-, фарбот-, феряз-, халун-, хибур-, хлоп-, хлуст-, хмар-, холяв-, хотул-, цегл-, цен-, цукер-, чёбот-, чухн-, шанец-, шихт-, шмор-, шор-, юр-.

Таким образом, в совокупности в 1300 словах модели **Кс-С-О** функционирует 682 корня; из них корней, известных литературному языку, — 467, или 68% от общего количества. Корней, функционирующих лишь в смоленских говорах, — 215, или 32%. В группе корней, встречающихся в 10–3 словах, соотношение литературных и диалектных корней составляет 110 к 36, или примерно 3 литературных к 1 диалектному. В группе корней, встречающихся в одном или двух словах, литературных корней 357 против 179, известных смоленским говорам, что составляет менее чем два литературных к одному диалектному. Указанные факты свидетельствуют о регулярном использовании общелитературных корней в ядерных моделях **Кс-С-О**, тогда как в периферийных моделях намечается иная тенденция — более активное использование диалектных корневых морфем.

Характеристика аффиксов диалектной ММ дается с учетом полного или частичного совпадения диалектных и литературных морфем и их последовательностей в структурно-семантическом плане: диалектные морфемы либо соответствуют полностью морфам, известным литературному языку, — фонетическим обликом, сочетаемостью с корнем заданной части речи и значением (тогда можно говорить о полном соответствии), либо соотносятся по двум из данных характеристик (неполное соответствие), причем обязательной из характеристик является совпадение в фонетическом облике. Совпадение в значении отмечается только в том случае, когда в литературном языке какая-либо морфема (или её морф) обладает тождественным словообразовательным значением в рамках словообразовательного типа. Отдельно выявляются аффиксы и их сочетания (последовательности), не имеющие параллели в литературном языке.

Аффиксы, встречающиеся в модели **Кс-С-О**, характеризуются как полным, так и частичным совпадением с морфами литературного языка. Рассмо-

трим отдельно характеристики относительно частотных аффиксов, встречающихся в трёх и более словах.

Полным совпадением — в фонетическом облике, сочетаемости с корнем заданной части речи и в словообразовательном значении — характеризуются аффиксы *-ак* (*-як*), *-анк(а)*, *-арь*, *-арник*, *-атник*, *-евин(а)*, *-еник*, *-ениц(а)*, *-ин(а)*, *-иц(а)*, *-иц(е)*, *-к(а)*, *-к(о)*, *-н(я)*, *-ник*, *-няк*, *-овин(а)*, *-овиц(е)*, *-овк(а)* (*-ёвк(а)*), *-овник*, *-ох(а)*, *-ух(а)*, *-ушк(а)* — всего 23 суффикса.

Частичное совпадение (за счет мутаций в СЗ) наблюдается у 19 суффиксов: *-ан*, *-ач*, *-ашк(а)*, *-ень*, *-ец*, *-ик*, *-ин(ы)*, *-инк(а)*, *-j(ё)*, *-ниц(а)*, *-ок* (*-ёк*), *-овн(я)*, *-онк(а)* (*-ёнк(а)*), *-онок*, *-очк(а)*, *-ул(я)*, *-ух*, *-ц(а)*, *-чик*. Не совпадают с морфами литературного языка из-за сочетаемости с корнем другой части речи следующие девять аффиксов: *-айк(а)*, *-ейк(а)*, *-ель*, *-j(а)* (ж. р.), *-j(а)* (pluralia tantum), *-к(и)*, *-овj(е)*, *-ушк(и)*, *-ц(ы)*.

Не встречаются в литературном языке и являются собственно диалектными 16 аффиксов: *-ак(и)*, *-аник*, *-анк(и)*, *-арк(а)*, *-арок*, *-атк(а)*, *-ашиник*, *-евник*, *-ешик(а)*, *-ик(и)*, *-ил(а)*, *-ник(и)*, *-ниц(е)*, *-j(е)*, *-н(о)*, *-овик*. Интересен факт, что среди указанных 16 аффиксов три обладают относительно высокой частотностью: *-j(е)* отмечен в 15 существительных, *-аник* встречается в 11 словах, *-арк(а)* — в 10.

Среди аффиксов с низкой частотностью распределение по совпадению — несовпадению с литературным языком выглядит следующим образом.

Встречаются в литературном языке в тождественном виде с тем же словообразовательным значением и в сочетании с корнем существительного лишь семь аффиксов: *-аль*, *-ёл*, *-енник*, *-ерк(а)*, *-овниц(а)*, *-уш(а)*, *-ыль*.

Существуют в литературном языке и сочетаются с субстантивным корнем, но имеют другую словообразовательную семантику аффиксы *-аг(а)*, *-ак(а)*, *-ар*, *-ат*, *-атин(а)*, *-евн(я)*, *-еньк(а)*, *-ет*, *-етк(а)*, *-ечк(а)*, *-ён(а)*, *-ик(а)*, *-ик(о)*, *-ин*, *-иц(а)*, *-л(я)*, *-от(а)*, *-уг(а)*, *-уган*, *-ук*, *-ун*, *-ур(а)*, *-урк(а)*, *-ц(о)*, *-чук*, *-ик(а)*, *-ышек*, *-ышк(а)* — всего 28 морфов. Существуют в литературном языке, но сочетаются с корнями других частей речи 15 аффиксов: *-ах*, *-ев(а)*, *-евик*, *-ежк(а)*, *-л(о)*, *-льниц(а)*, *-н(и)*, *-отк(а)*, *-ул(и)*, *-ульк(а)*, *-ютк(а)*, *-ыг(а)*, *-ык(а)*, *-ырь*, *-ыш*.

Не обнаруживается в литературном языке и функционирует лишь в смоленских говорах самая значительная в количественном отношении группа аффиксов, которая включает в себя 96 морфов:

-Ø(а), *-Ø(и)* — нулевые суффиксы с соответствующими окончаниями встречаются в словах *верхи* ‘сливки’ (морфемная структура вслед за словообразовательной мотивацией *верхи* ← *верх*, *верх-Ø-и*) и *вечера* ‘вечерняя еда’ *вечер-Ø-я*; *-ав(а)*, *-ал(о)*, *-альник*, *-аник(и)*, *-аниц(е)*, *-анок*, *-аночк(а)*,

-ар(ы), -арих(а), -арищ(е), -арн(я), -арух, -атик, -ашк(и), -ашиниц(а), -д(ы), -ев(о), -евень, -евищ(е), -евух(а), -еџ(а), -езник, -ейк(и), -елин(а), -елищ(е), -ен(и), -ен(о), -ен(ы), -ен(я), -енёнок, -енк(о), -енчик, -етин(а), -ех, -ечин(а), -ечок, -еиш(а), -еишк(и), -еишн(я), -еишник, -ёвок, -ёнк(и), -ётк(и), -ёток, -иј(и), -ийк(а), -ильн(о), -ильн(я), -инк(и), -иск(а), -истк(а), -иц(е), -иц(ы), -ичин(а), -ичк(а), -мень, -н(ы), -нушин(а), -одн(я), -ожень, -ольн(я), -оматик, -отон, -отон(я), -оч, -очек, -очк(и), -ошк(а), -ошк(и), -т(а), -ук(и), -улк(а), -уль, -уник, -унк(а), -унок, -урник, -урочк(а), -утин(ы), -утк(и), -уш, -уш(и), -ушј(е), -ушек, -ушник, -чик(и), -чух, -цин(а), -ылок, -ыльн(о), -ын(я), -ынк(а), -ырк(а), -ысл(о), -ышник.

Следует отметить, что многие из указанных выше аффиксов, возможно, имели иную морфную структуру в системе смоленских говоров в диахронии (-аль/ник и т. п.), но в синхронных языковых отношениях исключают возможность какого-либо другого членения. Так, диалектное *ручальник* «глиняный горшок с ручкой» соотносится лишь с существительным *рука*, поскольку слово *ручало* в смоленских говорах не фиксируется.

Таким образом, совокупно в диалектной модели **Кс–С–О** действует 213 аффиксов, которые условно можно разделить по количественному признаку на две группы: встречающиеся более чем в трех и менее чем в трех словах.

Функционирование данных аффиксов представлено следующим образом: на долю суффиксов, часто употребляемых в говорах и совпадающих по всем показателям с аналогичными единицами литературного языка, приходится 11% от общего количества, на долю аналогичных мало употребляемых единиц — 3%. Частотные суффиксы первой группы, имеющие в смоленских говорах иное словообразовательное значение или дополнительную морфемную дистрибуцию, встречаются в 13% от общего количества аффиксов; аналогичные единицы второй группы — в 20% случаев.

Собственно диалектные аффиксы, выделяемые в морфемной системе смоленских говоров, также могут быть соотнесены по количественному признаку: часто употребляемые аффиксы отмечаются примерно в 8% случаев, тогда как аффиксы, функционирующие в одном или двух словах, — в 45%. Однако следует заметить, что мало распространенные диалектные аффиксы второй группы, составляющие большинство среди всех зафиксированных в модели **Кс–С–О**, встречаются приблизительно в 10% от общего количества слов, тогда как относительно немногочисленная группа распространенных аффиксов, совпадающих по всем показателям в смоленских говорах и в литературном языке, встречается приблизительно в 70% всех слов.

Комбинаторика морфем данной ММ обусловлена характером сочетаемости корней и аффиксов в производных существительных, функционирую-

щих в смоленских говорах. Комбинаторика описывается по следующим схемам: «литературный корень + литературный аффикс», «диалектный корень + диалектный аффикс», «литературный корень + диалектный аффикс», «диалектный корень + литературный аффикс». Сочетания аффиксов в модели Кс–С–О можно классифицировать на основании приведенных выше данных о принадлежности морфов литературному языку или смоленским говорам следующим образом:

- 1) «литературный корень + литературный аффикс» — 815 слов, или около 62% всех слов модели Кс–С–О;
- 2) «диалектный корень + литературный аффикс» — 292 слова, или около 23% слов данной модели;
- 3) «литературный корень + диалектный аффикс» — 149 слов, или около 12%;
- 4) «диалектный корень + диалектный аффикс» — 44 слова, или около 3% всех производных слов данной модели.

Литература

- Кузнецова, Ефремова 1986 — *Кузнецова А. Н., Ефремова Т. Ф.* Словарь морфем русского языка. М., 1986..
- Морфемика... 2002 — Морфемика и словообразование русского языка: Учеб. пособие. Вологда, 2002.
- Русская грамматика 1982 — *Русская грамматика*. Т. 1. М., 1982.
- Тихонов 2002 — *Тихонов А. Н.* Морфемно-орфографический словарь. М., 2002.
- Улуханов 1999 — *Улуханов И. С.* Об изучении морфной структуры русских словоформ // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М., 1999. С. 85–96.

Summary

E. S. Lun'kova

The experience of description the particular morpheme model in Smolensk dialects

The article is devoted to the problems of the dialect morpheme modeling. The author draws the readers' attention to the particular morpheme model "Root of noun + suffix + inflectional ending". This model includes 1300 dialect nouns with the concrete meaning and is realized by 216 special morpheme models, which are analyzed by means of giving descriptions of their roots, suffixes and peculiarities of the morpheme combinatoring. The results of the analysis are correlated with the contemporary Russian language.

Возвращаясь к проблеме категории числа у русского наречия

В статье более чем тридцатилетней давности мы высказали суждение, согласно которому неверно считать русское наречие частью речи, которой принципиально не свойственно словоизменение (за исключением форм сравнительной степени у группы качественных наречий) (Журавлёв 1980: 226–235). При лёгком генезе наречия как части речи не вызывает удивления просвечивание в его системе следов прежнего грамматического существования. Меняя свой частеречный статус, приобретая адвербиальные функции, слово может в остаточном виде сохранять оппозиции утрачиваемых граммем. В разных языках с развитой морфологией заметным явлением оказывается адвербиализация падежных форм существительных, знающих категорию числа, поэтому числовые оппозиции могут иметь место в грамматической подсистеме наречия. Но суть даже не столько в сохранении наречиями следов именных грамматических противопоставлений в «окаменелых», «застывших» формах, сколько в принципиальной возможности на этой подоплёке складываться новым противопоставляемым формам — уже внутри собственно адвербиальной сферы (другое дело — пользуются ли языки этой возможностью).

В упомянутой статье дело касалось соотносительных наречий *верхом* : *верхами*, *пешком* : *пешками*, *босиком* : *босиками* и однокоренных с ними, которые генетически связаны с числовыми формами творительного падежа и о которых можно говорить как об обладающих категорией числа. При этом в идеальном случае первые члены этих пар употребительны, когда речь идёт о единственном отправителе действия или «носителе состояния» (положение тела в пространстве), а вторые — о неединственном. Однако идеальное распределение наречных форм и семантики в пределах говора или идиолекта наблюдается сравнительно редко, вернее было бы судить о «плюративах» и «сингулативах» как соответственно маркированных и немаркированных членах противопоставления.

Сейчас, с продолжением сводного «Словаря русских народных говоров», приростом областных словарей и изданием списков а tergo к ряду лексиконов (в первую очередь Инверсионного индекса к СРНГ), возникла возможность расширить примеры на упомянутые слова, найти новые противопоставления интересующего нас характера, выйти за пределы охватываемой наречиями предметно-семантической области, которая на меньшем материале

была очерчена ранее. Существенной задачей настоящей работы является уточнение статуса категории числа, обнаруживаемой у наречия: относится ли оно к области согласовательных (синтаксических) фактов или же к явлениям семантическим, когда выбор формы наречия не определяется жёстким образом числовой формой слова (преимущественно глагола), с которым в пределах предложения наречие связано синтаксической зависимостью.

Прибегая к повтору текстуальных данных, показанных ранее, лишь тогда, когда возникает необходимость прокомментировать их в соответствии с целями настоящей работы, попытаемся дополнить и суммировать наши наблюдения. В предлагаемый ниже обзор включаются только наречия, у которых в диалектах и (для диалектных «плюративов» *пешиками*, *босиками*) в литературном языке обнаруживаются формальные корреляты «другого числа». Это означает, что наречия *раздежкой* / *раздѣжкой* ‘без верхней одежды, налегке’ и *разушкой* ‘босиком’ (Иванова: 435, 436; Тимофеев: 97), для которых не нашлось соответствий **раздежками* и **разушками* не только в данном говоре, но и в других диалектах, к рассмотрению не привлекаются. Мы, однако, не можем поручиться за сколько-нибудь полную отслеженность подобных случаев, как и вообще не ставили своей задачей сплошной просмотр всех русских региональных словарей, полагая, что и выборочный анализ — в силу непредсказуемости и «неангажированности» каждого отдельного факта — позволит сделать наблюдения достаточной достоверности¹.

В нашем обзоре будут рассмотрены главным образом наречия образа действия. Основное внимание будет сосредоточено на скоординированности / несоординированности наречных форм, которым мы склонны приписать грамматическое значение единственного / множественного числа, с синтаксически связанными с ними формами других слов в ближайшем контексте, большей частью с глаголом-сказуемым и именем-подлежащим. Примеры, демонстрирующие оговорённую несоординированность, следуют после графически выделенной пометы «но».

Группа обстоятельственных наречий времени, используемых в описаниях повторяющихся событий, в которой также могут быть усмотрены грамматизированные семантические различия по числу (*зимой* : *зимами*, *весной* : *вёснами*, *обыдѐнкой* : *обыдѐнками* и под.) рассматриваться не будет: их форма, хотя и может «резонировать» с числовой формой существительного-подлежащего и глагола-сказуемого, продиктована заведомо не ими, то есть

¹ На географию диалектного факта указания даются далее минимальные, поскольку здесь эта сторона дела специально не рассматривается.

не связана с множественностью отправителя действия, и категория однозначно является несогласовательной (независимой).

Верхáми 'верхом': «Бабы на лошадях ездили *верхами*», «Казаки *верхами* уехали» (Воронеж. сл-рь 1: 206), «Только *верхами* ездили раньше, больше-то никак не пройдешь» (Новосибир. сл-рь: 58); «Из Турана в Уюк *верхами* ездили. На лошадь, да и туда!» (Тыва, Сл-рь Сибири I, 1: 130), «Однажды белых погнали. Мы только выехали туда, за старое Томска [? — А. Ж.], как *догоняют* *верхами*. Давай стрелять по нам» (томск., там же), «От Томского же города езды на лошадях *верхами* со вьюками две недели» (сиб.; Панин: 17), «*Вирхáми паехали*», «*Коня́ми вирхáми ехали*», «*Приедутъ* *вирхя́ми*, лашадей свaix брасають, хороших вазьмутъ» (Сл-рь Одесщины I: 75); **но:** *служить верхáми* 'служить в кавалерии': «*Отец служил* в Катери́но-Нико́льским *верхами*, вестовым был» (Сл-рь Приаму́рья: 277). В СРНГ наречие *верхами* не включено (как, согласно дифференциальному принципу, и формально соотносительное **верхом**), несмотря на обычай этого словаря диалектные формы из Даля использовать; однако по причине широкой встречаемости *верхами* в литературных текстах XIX века оно справедливо могло быть расценено как принадлежащее не только диалектному словарю). Прочие примеры на противопоставление *верхом* : *верхами* см. в упомянутой нашей статье.

Верхачáми — **верхачо́м**. В дополнение к прежним материалам: «*Едутъ* *пад вутра* *верхачомъ*» (Смолен. сл-рь 2: 31; пример из разряда «**но:**»).

Пешка́ми 'пешком': «Ну, *пошли* *пешками*, раз лошади нет!» (Урал, СРНГ 27: 14; в картотеке СРНГ, если судить по географическим пометам в словарной статье, имеется не менее 15 регистраций этой формы, от Печоры до говоров на территории Армении и от Курской области до Амура, но словарь, к сожалению, даёт только одну иллюстрацию), «*Шли* *пешками*» (Ярослав. сл-рь [7]: 105), «С России-то *пешками* сюда *шли*», «*Пешками приходили люди* из России» (Сл-рь Сибири 3: 232), «*Пишкáми рáньшэ хадíли* и в *Мухаршыбёрь*, и ф *Питрóфск*» (забайк., Сл-рь семейских: 343), «Да *Ельникф* *пишками бегьли* *раньшэ*» (Сл-рь говоров Мордовии), «*Пайд'ом* *п'ишкáм'и* *дамóй*» (Сл-рь рус. говора Азербайджана: 413); **но:** «*Пешками* на суд *пошла*» (Сл-рь Сибири 3: 232). — Форма **пешком** в дифференциальных словарях как правило не отражается, о чём можно лишь сожалеть: если в говоре наличествуют противопоставленные числовые формы, то грамматико-семантические делимитации между ними лишают диалектное наречие *пешком* функционального тождества с литературным словом, а это является важным дифференциальным моментом и требует включения *пешком* в диалектный словарь.

Пеша́ками: без иллюстрации (новосиб., СРНГ 27: 12), «С Кучугура пешаками на Зеленый Клин *бежали*», «Теперь доярок на машине возят, а мы пешаками *шпарили*» (Сл-рь Сибири 3: 232). — — **Пешако́м, пешеко́м** (в СРНГ отмечается 7 регистраций в южновеликорусских говорах, из которых иллюстрирована только одна): «Пешаком *идти*ть далеко» (брян., СРНГ 27: 12); «У нас есть еще такие места, как ты думаешь, пешаком-то» (Сл-рь Карелии 4: 503), «Хто потакоvé жы́ли, позажы́точье, а *наш брат* пешако́м [в армии]», «Отку́да при́ехал? — Да я пешако́м» (Сл-рь Низовой печоры 2: 36); **но:** «...а мы *хадили* нъ сабе пъ симина, пишаком...», «*Хадили* пишаком у Кияв», «Раньшъ-тъ мы пешаком да Болхъвъ в църкву хадили» (Орлов. сл-рь [9]: 94), «Когда в Славгород приезжали, *ходили* пешаком девять километров на озеро Яровое», «В больницу *ходили* пешаком» (Сл-рь Сибири 3: 232), «Подводы некакой не было, в школу всё пешаком *бегали*» (курган., Лютикова: 116).

Пёшами: «Пёшами редко *ходим* далёко» (Сл-рь Карелии 4: 503), «Рань пешами *ходили*» (Сл-рь Сибири 3: 232). — — **Пёшем:** без иллюстрации (рязан., СРНГ 27: 12), «К нему надо пешем *идти*» (Ярослав. сл-рь [7]: 104), «Пёшем *ходила* раньше-то я в церковь», «Тут близко, пёшем можно *дойти*» (Сл-рь Карелии 4: 504); «*Вы-то* опять пешем *пойдёте?*» (с неясной отнесённостью к множественному или единичному адресату: *вы* может быть «вежливым» местоимением, обращённым к одному лицу); **но:** «По ягоды *ходим* пешем четыре километра» (иркут., Сл-рь Сибири 3: 232), «Мы из Поярковой пешем *ходили*» (Сл-рь Приамурья: 201); **пёшом, пешо́м:** «*Пойду* пешом» (Ярослав. сл-рь [7]: 104), «Все пешо́м да на себе надо было», «Неужоли пешо́м *пойдешь*, ой, ой, ума-то нет», «Два раза *ходила* на аэродрон, все пешо́м, по тропинке, да под гору» (Сл-рь Карелии 4: 504–505), «Фсё пешо́м не *выходишь*» (Меркурьев: 112); **но:** «А ны́нче вот на машы́нах ёзды́т и пешо́м не *хóдят*» (там же), «В Тарту пяшо́м *ходили*» (Паликова, Ровнова: 113), «Пешом *пойдём* на поле» (Сл-рь Сибири 3: 232); **пешо́й / пешо́ю:** «Ниужли *пишой идти*», «Если бы суха, я п *пяшой ушла*», «Я нынчи десить киломитръв *прашла*, и усё *пяшою*», «*Доцк*, *пяшою* з бльшака, или падвёс хто?» (Орлов. сл-рь [9]: 95); **но:** «Да школы раньше семь киломитръв *пешой хадили*» (там же), «Отгуй *пешо́й шли*» (Сл-рь Карелии 4: 504), «Трясины были. Пешой, было, *проходили*, а верхом не пройдёшь» (Сл-рь Сибири 3: 232).

Пешехо́дами: «Они пешеходами *приходили*» (кемер.; Сл-рь Кузбасса: 151; Сл-рь Сибири 3: 232; СРНГ 27: 12; остаётся неясным, имеется в виду ‘много раз’ или ‘множественным составом лиц’). — — **Пешехо́дом:** «Итти пешэходом — эть пешком, значит, *итить*», «Фсяк рас за хлебём пешэходым *идёш*, за ягдьми», «...так и *идёт* пишыходым, три дня дъ Масквы» (под-

моск., Иванова: 351), «Дак вот куда я без сопровождения, с больной ногой-то, пешеходом я куда?» (Сл-рь Карелии 4: 504); **но:** «Да вон *мы* раньше до Квашоньк пешэходьм *ходили*», «В Димитрьф пешэходьм *ходили*», «Бываль, в Маскву *хадили* пишыходьм» (Иванова:351), «Раньшъ усе пишаходьм *хадили*» (Орлов. сл-рь [9]: 94), «А *мы* раньше всё пешеходом *бегали*, не было машин-то», «А раньше до городу всё пешеходом *ходили*, машин не было» (Беляева: 253; Перм. сл-рь 2: 98); «Мы на автобусе приехали, а *они* *решили* пешеходом *идти*», «От нас раньше пешеходом *ходили*» (Сл-рь Карелии 4: 504), «*Ходили* *оне* пешеходом ли как ли» (Сл-рь Кузбасса: 151), «*Ходили* обычно пешеходом», «Раньше поезда не было, пешеходом *шли* в Сибирь», «Домой все пешеходом, ни машин, ничё этого не было» (Сл-рь Сибири 3: 232), «Пешеходом *пошли*, машин не было», «*Ходили* все пешеходом» (Сл-рь Приамурья: 201), «Попервости-то худо жили, до Мостовки всё пешеходом *добирались*» (курган., Лютикова: 116). Отражения ср. также в художественной литературе исторического и этнографического содержания: «На государеву расправу *ты* пешеходом *гонишься* в Москву со стражниками» (А. Платонов, «Епифанские шляпы»), «Не пешеходом с котомкой за плечами *он* домой *воротился* — три подводы с добром в Сосновку привел» (П. Мельников-Печерский, «На горах»). Наречие *пешеходом* отмечается и в отличных значениях: *ехать пешеходом* 1) ‘медленно ехать (чтобы не отставал рядом идущий человек)’ — «*Мы* с дровами все время пешеходом *ехали*», 2) ‘ехать сушей’ (арханг., СРНГ 27: 13); тем самым его форма синтагматическими связями не определяется и может быть проигнорирована.

Босика́ми (/ **босья́ками**) ‘босиком’: «И сейчас летъм бьсиками *ходим*, бьсиками значит без обуви», «В лес бьсиками ни *ходите*, там колкъ», «Бьсиками — эть ничиво не нъдивают на нъги», «Малинькими были, фсё время бьсиками *бегъли*» (подмоск.; Иванова: 39; Войтенко: 51), «Басиками *бегали*», «В лес басяками *хадили*», «Басиками *хадили*, абутца нечива была» (Воронеж. сл-рь 1: 132), «*Дети* босиками *бегают*», «Холодно уж, а *вы* всё босиками, мотрите, простынете» (урал., Малеча I: 158), «Раньшъ *да́или*-та каро́ф босика́ми. Но́ги ф све́жий назём заро́биш, типло́», «По́мню, ишо прата́линки, а *мы* уж босика́ми *хади́ли*, и ничо́, но́ги ни ме́рзли» (забайк., Сл-рь семейских: 48); **босья́ками:** «*Ребятишки* летом всегда босьяками *бегают*», «Малы были — босьяками *бегали*» (Новосибир. сл-рь: 38), «Босьяками на работу *ходили*, [а] холоди́шша была», «Все *ребятишки* босьяками *бегают*, а тут стёкла» (Сл-рь Сибири I, 1: 85), «Босьяками *ходили* по воде на пашню: ни машин, ни подвод не было» (Сл-рь Приамурья: 28); **но:** «Вон *ты* бьсиками *ходиш*, а я в ботинкѣх», «Ни

тваи ли, бидняк, дети просяют пѣд акнами? Ни твая ли, бидняк, *жана*, *ходить* бѣсиками?» (Войтенко: 51²), «Босиками *бегат* (внучка)» (Малеча I: 158). — **Босиком**: в силу дифференциального подхода, принятого в большинстве региональных словарей, наречие, формально совпадающее с литературным словом, в словник не включается; возможное грамматико-семантическое отличие, как правило, составителями словаря не осознаётся, но даже если мысль о преимущественном отнесении формы к ситуации с единственным отправление действия (ходьбы, бега) возникает, из-за малого количества свидетельств собиратель или лексикограф не рискует делать такие обобщения.

Бисика́ми: «Рѣбятѣшки летѣм бисиками *бегайут*» (Сл-рь говоров Башкирии 1: 44, оговоркой: «если речь не об одном человеке»), «Дети все нагишами, все бисиками» (Малеча I: 158), «Убратца было не ва што, бисиками на улицу *хадили*», «Раньше мы дятишками *хадили* бисиками» (Воронеж. словарь. 1: 132); см. также воспроизведённый в нашей статье 1980 г. барнаульский пример, где в толкование включено пояснение «(если речь идет не об одном человеке)» (СРНГ 2: 296). — **Бисиком** (*/ бисяком*) ‘босиком (об одном человеке)’: «Босиком-то не *бегай*, охál’ник» (Сл-рь говоров Башкирии 1: 44), «Ни *хади* босиком» (Воронеж. сл-рь 1: 108); **но**: «Па снигу босиком *бегали*», Тада и зимой бисяком на варок *бегали*» (там же), «Босиком *борновали*», «Глину правой пяткой *мнут* босиком», «Сидит Гитлер на заборе, плетёт лапти языком, чтобы вшивые *фрицы* не *ходили* босиком» (Малеча I: 158).

Босы́нями: «Дѣтки у мянѣ басы́нями *хóдют*, тѹфель нѣту, парвалѣся», «Босы́ними ня *хадѣти*, пясок тут крѹпный: наколѣтись» (Псков. сл-рь 2: 132: «в знач. нареч.»). — **Босы́ней**: «Не *хадѣ* басы́ней, мо́крѣ в ём [хлеву]», «Что ж ты босыней-то *ныриши*, аль лапти-то кот съел?» (там же; в отличие от проигнорированного «плюратива», повторено, с сокращением иллюстраций, в: СРНГ 3: 127).

Разу́тками ‘босиком’: без иллюстрации (воронеж., СРНГ 34: 75). — **Разу́ткой**: «Ходит разуткой, раздеткой», «А ты не *ходи* разуткой-то, ногу наколѣшь»; **но**: «Бывало, как чуть растает, все ребятишки разуткой *бегут*», «Разуткою *стоят*», «Разве лесом разуткой *бегут*? Об коренья все ноги *побили*» (средне- и южнорус., там же).

Раздѣ́вками ‘без верхней одежды, раздевшись’ «Разде́вками *бегае́те*, потом грохае́те» (р. Урал, СРНГ 33: 322). — **Раздѣ́вкой, раздѣ́вкой**: «Не вы-

² Ставшая народной песня, в основе которой лежат стихи И. Сурикова («Не твои ли, бидняк, дети / Прсят под окном? / Не твоя ль жена в лохмотьях / Бродит босиком?»).

бегай раздевкой», «Нарядют невесту, везут на лошадях, совсем раздевкой», «Раздевкой никогда не бегаю», «Вышел раздевкой и опростыл — вот и кашель» (Урал, Поволжье; там же), ср. ещё *раздѣвочкой*: «Я раздевочкой так и бегала, румянец заигрался» (р. Урал; там же). Пример с *невесту* и *везут* синтаксически несколько двусмыслен в силу эллиптичности контекста: конкретная синтаксическая привязка наречия *раздевкой* может реконструироваться двояко: как *[*невеста*] *раздевкой*, и как прикаузативная связь **везут раздевкой* (ср. *знали пешком, пускаешь ребят босиком*, уже с прилагательным в наречной функции — *голым в Африку пуцу*). Ср. ниже пример с наречием *стойками*, где также используется каузативный глагол.

Развѣзками ‘с непокрытыми головами, без платков (о женщинах)’: «Сидят развѣзками в ряды *бабы* молоды на свадьбе» (р. Урал, СРНГ 33: 298). — **Развѣзкой** ‘с непокрытой головой, без платка (о женщине)’: «Что ты все развѣзкой *бегаешь?*», «Куды *понеслась* развѣзкой, надует в уши-то!» (средне-, южнорус.; там же); в кемеровском примере фраза «Ветер такой холодный, а вы развѣзкой, раздеткой» (там же), вероятно, обращена к одному, малознакомому лицу (предположительно диалектологу-собирателю), включает «вежливое» множественное число и потому «правильного» употребления числовой формы наречия не нарушает. Видимо, сюда же *развѣскою* ‘с непокрытой головой, без платка (о женщине)’ (с отражением фонемы *а* после мягкого согласного в подударном положении аллофоном [’ǝ]) — без иллюстрации (воронеж., СРНГ 33: 286).

Космачами (1) ‘с непокрытой головой, без головного убора’, (2) ‘с расчёпанными, непричёсанными волосами’: «Кокетками прикрывались. Всяки носили. Космачами не *ходили*» (томск., СРНГ 15: 56), «Што кѣсмачами *ходи-ти?*» (Сл-рь говоров Мордовии К–Л: 74; в глаголе ударение, по всей видимости, на корне), «Космачами *девки* не *ходили*, без платка», «Теперь мода голушей, космачами *ходить*» (Сл-рь Приамурья: 128). — **Космачом** (1) ‘с непокрытой головой, без головного убора’: «*Ходить* космачом» (из словаря Даля), «Надень платок, чо космачом *ходишь*» (единственная иллюстрация на не менее чем 13 регистраций в Поволжье, на Урале и за Уралом — там же: 57), «Космачом *бежит* *девка*, без платка, дак ругали иѐ пустоволоска...» (перм., Беляева: 253), «Хълади́на такая, а паринь кѣсмачѐм *валят*» (в глаголе ударение, видимо, не накорневое — < *валяет*), «Дунькѣ, што ты кѣсмачѐм *нашла*? Платок пѣвяжы», «Кѣсма́цом-тѣ *снима́цѣ* вроди ни ладит» (Сл-рь говоров Мордовии К–Л: 74), «Ты чо это всё космачом на улицу-ту *ходишь*:

холодно!» (курган.; Тимофеев: 58), «Девка *ходит* космачом, простоволосая», «Что *ходишь* космачом? Прикройся» (Сл-рь северных красноярских говоров: 139), «*Танька* назавтра космачом *пошла*, а потом заболела», «*Идёт* космачом, а на улице холодно» (Сл-рь Приамурья: 128); (2) 'с растрёпанными, непричёсанными волосами': «Как сидела в избе, так космачом и *побегла* на улицу» (СРНГ 15: 57; в словаре не менее 11 регистраций, но примеров мало), «Да ты причеши волосы-те, не ходи космачом» (Тимофеев: 58), «*Идешь* на люди космачом, эх ты, урод» (Сл-рь северных красноярских говоров: 139), «Чё космачом пошла, причешись!» (Сл-рь Приамурья: 128); **но**: «Девки косы себе пообрезали, космачом *ходят*» (СРНГ 15: 57), «Ноне космачом *летают*, только голова веет» (Беляева: 253), «Космачом *ходят*, красятся» (Сл-рь Приамурья: 128). Ср. также отражение в художественном тексте, отражающем диалектное словоупотребление: «...ожидал, как, держа пальцы в мелких карманах драных джинсов, космачом, без шапки, спустится от избышки заросший человек, беспечно поздоровается» (В. Астафьев, «Царь-рыба»; отметим подчинение наречия не глаголу, а имени).

Раскосмáтками 'с растрёпанными, непричёсанными волосами': «Раскосматками *стали* ходить» (саратов., СРНГ 34: 134). — — **Раскосмáткой** (1) 'с непокрытой головой, без головного убора': «Вера, *ты* космаком *пойдешь*? (Это как?) Непокрыткой, раскосматкой» (рязан., саратов.; там же); (2) 'с растрёпанными, непричёсанными волосами' (без иллюстрации, саратов.; там же).

Нагишáми 'без одежды, нагишом': «Прежде нагишами *спали*», «Нъгишами *ребята* малыйт *ходят* на улицы, да и то ретка», «*Мьлодѣи* нъгишами *по-йехали*» (Сл-рь русских говоров Башкирии), «*Дети все* нагишами, *все* бисиками» (Малеча I: 158). — — **Нагишóм** (1) 'без одежды, в голов виде': «Лéтом *купáлись* нагишóм»; (2) 'без запасов одежды, имущества': «Нёмцы *избú* *разорíли*, амбáры сожгlí, как есть нагишóм *остáвили*» (Псков. сл-рь 19: 315).

Телешáми то же что *телешом* («о нескольких лицах»!): «Приехали *деўки* з гораду. На Патпольнай *купаюца* тилишами, адин страм» (Сл-рь донского казачества: 526). — — **Телешóм** 'без одежды, ничем не прикрыв тело': «Скидаиш усё и *бигиш* у воду тилишом» (там же). В орфографии Даля, хотя рифмовка в примере указывает на [ó] во флексии, — *тѣлешёмъ* 'нагишем, голую, раздетым, непокрытым': «Хоть телешем, да в шапке, или: да молодцом» (Даль₂ IV: 449).

В обратный словарь к СРНГ (Инверсионный индекс: 168, 193, 302), кроме предыдущей пары наречий, помещены адвербиальные лексемы **телешийной** — **телешийнами** [‘без одежды, голышом’], возможно, также образующие пару, члены которых противопоставлены по числовой грамматической семантике. Однако 44-й выпуск СРНГ, в котором наречия с основой *телеши-* / (**теляши-*) должны найти отражение, ещё лишь ожидает выхода в свет.

Стойка́ми ‘стоя, стоймя’: «Нарубишь лесу, стойками поставишь и обкладешь дерном» (Южн. Урал; СРНГ 41: 187). — — **Стойко́м (стоять)** (а) ‘во весь рост, стоймя (о человеке)’: [фолькл.] «...Да Егорей-от в котле-то он стойком *стоит*, Он стоит-то в котле-то да все стихи поет» (беломор.), [фолькл.] «Под конем-то Егорьюшко стойком *стоит*», «Стойком-то стою на печи» (арханг.), (б) торчком, дыбом (о волосах, шерсти)’: «Шерсть стойком *стоять будет*» (арханг.); (в) ‘колом (о несгибающихся, затверделых предметах)’: «Платье грязное на ней, стойком стоит» (новосиб.; там же: 187–188)); **но:** (а): «Едем на работу, а девки на машине стойком *стоят*» (прииртыш.; там же: 187), (б) «Раньше волосы сахаром примазывали, чтоб не разъезжались, стойком не *стояли*» (арханг.; там же). Противопоставление, по малости имеющегося у нас материала, выглядит натянутым: в отличие от примеров с наречием на *-ом*, наречие «плюратив» в первом примере стоит при каузативном глаголе и характеризует состояние не субъекта, а объекта действия.

Отдельного интереса заслуживает источник диалектного материала, выше не упоминавшийся.

Пространный «Обратный словарь архангельских говоров»³ выгодно отличается от Инверсионного индекса к СРНГ тем, что отдельные категории слов, грамматическая квалификация которых может быть для читателя, точнее, «считывателя» голого вокабулярия, затруднительной, сопровождаются в нём частеречными пометами (для наречия — в обязательном порядке; помета «н»). В нём насчитывается 80 адвербиальных единиц на *-ами/-ями* (ОбрСлАрханг: 152), из которых по меньшей мере 32 могут входить в формально соотносительные пары с наречиями на *-ом (-ем) / -ой (-ей, -ью)*: *ве́-ко́м — века́ми, в́заку́чей — в́заку́чами (и заку́чами), вно́чью — ноча́ми, воло-*

³ Его объём, как указано в предуведомлении «От редактора», — 178 864 словарных единицы. Ср. цифру «около 240 000 слов», сообщаемую для обратного словника СРНГ. Разработанность АОС в этом сравнении выглядит поразительной: численность сельского населения Архангельской области сегодня меньше численности всего сельского населения РФ приблизительно в 120 раз (плотность населения в области — самая низкая в европейской России), но словник АОС при этом всего лишь на четверть уступает словнику СРНГ.

сáтком / *волосáткой* — *волосáтками* ('с непокрытой головой', последняя форма снабжена оговоркой «(о многих)»: Арханг. сл-рь 5: 52), *вóсенью* (и *осе́ней*) — *осе́нями*, *гóдом* — *годáми*, *днём* — *дня́ми*, *заплéчкой* — *заплéчками*, *запо́ем* — *запо́ями*, *зímой* — *зимáми*, *лёжком* / *лёжкой* — *лёжками*, *мё-том* — *мeстáми*, (?) *мóлью* — *мóлями*, *нагу́шкой* — *нагу́шками*, *наслы́шком* — *наслы́шками*, *но́чeй* — *ночáми*, *пáрой* — *пáрами*, *пéредом* — *передáми*, *подпáзухом* / *подпáзухой* — *подпáзухами*, (?) *покой́з* — *пока́ми*, *порóй* — *по-ра́ми*, *ра́зом* — *разáми*, (?) *руко́й* — *рука́ми*, (?) *ряды́шком* — *ряды́шками*, *та́ском* / *та́ской* — *таска́ми*, *уко́ро́нкой* (*ухорóнкой*) — *уко́ро́нками*, *укра́д-ком* / *укра́дкой* — *укра́дками*, *уры́вом* — *уры́вами*, *у́тром* — *утра́ми*, *ухва́т-ком* — *ухва́тками*, *цели́ком* — *цели́ками*, *чeредом* — *чeредáми*. Под подозрением также пара *су́ткой* — *су́тками*, первый член которой пометой «н» не снабжён и может быть прилагательным⁴. Лексическая семантика некоторых слов остаётся гадательной, и не только по той причине, что они будут помещены в выпусках, ещё только ожидающих своего времени: например, словарных статей с анлаутом *взакуч-* на алфавитном месте нет; не исключено, впрочем, что эти слова в качестве случаев с морфемной вариантностью будут фигурировать в томе на *за-* (как, видимо, и регистрируемое обратным индексом наречие *вно́чью* — в пока не существующей статье *ночь*).

Судить о внутрипарной противопоставленности или тождестве в семантическом плане можно лишь относительно небольшой части приведённых слов, поскольку пока Архангельский областной словарь издан до начальной буквы *ж-* включительно (вып. 1–14). Члены, например, наречной пары *днём* — *дня́ми* 'в дневное время суток', размещённой в опубликованном диапазоне словаря, без сомнения, составляют искомое нами противопоставление, хотя оговорок на этот счёт в толкованиях не содержится: «Серёткой *днём* дóm згорёл» (в составе сочетания *серёдка днём* 'в середине дня') — «Она́ на робо́те *дня́ми-то*», «Она́ *дья́ми* свободна» ('днём, в дневное время суток'); настоящая публикация, однако, ограничивается анализом только наречий образа действия, наречия с темпоральной семантикой оставляются в стороне. Мы вынуждены были отказаться от принципиальной возможности выяснения смысловых отношений внутри пар путём обращения к картотеке этого лексикона. Труднопредставимая объёмность имеющегося там материала потребует очень большой работы, которая несомненно должна приобрести самодостаточный характер: обследования требуют не только члены названных 32 пар, но и все остальные зарегистрированные наречия на *-ами*, поскольку

⁴ В СРНГ прилагательное **суткий* (**суткой*) не отмечено.

косвенные или прямые указания на наличие у них грамматико-семантических ограничений типа «о многих» могут быть обнаружены в иллюстрирующих контекстах.

Иные указатели а *tergo* к диалектным словарям (например, «Обратный индекс...», данный Приложением к Словарю русских говоров Среднего Урала, — Ср.-урал. сл-рь VII: 75–189; «Обратный индекс...» к переизданию старого вологодского областного словаря — Дилакторский: 591–677) существенного материала на интересующую здесь нас тему не дают.

Нужно сказать, что, насколько нам известно, выявление грамматического статуса наречных обсуждаемого типа входит в задачи ещё не законченного исследования Н. Л. Самсоновой (в сотрудничестве с С. К. Пожарицкой; см.: Пожарицкая — Самсонова, в печати), имеющего дело с материалами рязанского Деулинского словаря (где, можно отметить, в качестве аргументативного параллельного материала при необходимости используются и показания Архангельского словаря).

Взглянем на то, как обстоят дела в литературном языке.

Из нетемпоральных наречий с формантом *-ами*, перечисленных в обзоре диалектных фактов, в Национальном корпусе русского языка (основной корпус) встретилось четыре:

босиками — только один раз, в «Отрывке путешествия в *** И*** Т***» А. Радищева (1772). Согласуется с множественным числом управляющего глагола. Словоупотребление принадлежит авторской речи и, по-видимому, не воспринималось отклонением от литературной нормы. Для современной речи словоупотребление ненормативно;

телешами — также единичная регистрация, у М. Шолохова, в «Тихом Доне». Согласуется с глаголом. Форма *телешом* в Национальном корпусе русского языка отражена 10 вхождением (9 документов) — у Н. Лескова («Заячий ремиз»), Ф. Крюкова, Шолохова, В. Липатова, Б. Васильева и др. (6 примеров — в речи персонажей). 3 из 10 употреблений наречия *телешом* приходится на контексты, где удобоприменима была бы коррелирующая форма на *-ами*. В диалектном подкорпусе НКРЯ этих слов не обнаружено (последнее не показательно по причине малого объёма подкорпуса: в нём не встречается даже самое употребительное из рассмотренных наречий — *верхами*);

нешками — встретилось дважды, в памфлете М. Щербатова «О повреждении нравов в России» (1786 или 1787) и в романе Н. Гейнце «Дочь Великого Петра» (1913), а точнее, в цитируемом там документе 1732 г. Согласуется

в множественным числом имен деятеля. Форма регистрируется только с XVIII века (в СлРЯ XI–XVII вв. слово отсутствует);

верхами — в письменности встречается с середины XVII века (СлРЯ XI–XVII вв. 2: 102). Словарь XVIII в. на наречия *верхом* и *верхами* примеров даёт мало, заведомо меньше, чем могло быть, и чёткой контекстной обусловленности выбора той и другой формы они не рисуют (см.: СлРЯ XVIII в. 3: 59); впрочем, об одном приведённом там употреблении *верхами* будет сказано далее. В НКРЯ с этим наречием, в отличие от перечисленных выше, приведено (в значении ‘*equis*’, но также ‘*equo*’) 256 цитат, от середины XVIII века до нынешнего времени, с постепенным, однако, убыванием встречаемости. Динамика встречаемости слова наречия *верхами* ‘*equis*’ в НКРЯ по полувекowym периодам такова: 1800–1850 — 20% вхождений; 1851–1900 — 35%, 1901–1950 — 28%, 1951–2000 — 14%. Что же до коррелирующего наречия *верхом*, то оно в письменной речи, по данным НКРЯ, употребляется в контекстах с множественным субъектом, уже с М. Ломоносова (не позже 1758 года, в «Древней российской истории») и Д. Фонвизина (не позже 1774 года, «К родным»).

* * *

Оговорив заведомую неполноту приведённого материала, его тем не менее можно оценить достаточно представительным. Обзор даёт возможность предложить соображения следующего характера.

1. В русских диалектах имеются наречия, суффиксальные элементы которых совпадают с флексиями творительного падежа имён существительных. Среди них выделяются соотносительные наречия, образующие пары, внешнее различие между членами которых состоит в снабжённости показателями, в первичном качестве являющимися именными флексиями разных форм числа — единственного и множественного.

2. Суждения о прямой — завершённой или застрявшей на полпути — адвербиализации падежных форм существительных затрудняются тем, что не всегда этим наречиям можно предъявить в соответствие реальное существительное (ср.: *пешаком* / *пешаками* : **пешак* / **пешаки*; *гулом* / *гулами* : **гул* / **гулы*, ср., однако, *огул* ‘опт, гуртовой счёт’), что, однако, не означает отсутствие таких существительных вообще: наши сведения о лексическом составе говоров, особенно в их прошлом состоянии, всегда ущербны (однако вероятность их отсутствия всё же высока). Если же формально такие слова словарями регистрируются, то семантические расхождения между ними и наре-

чиями часто не позволяют выводить данное наречие непосредственно из данного тождественного по основе имени: *босиками* ‘без обуви’ не является производным от получившего словарную прописку *босикѹ* вятск. ‘берестяные лапти для дома...’ и др., ‘новг. ‘женские остроносые башмаки с высокими передами на каблуках...’, тульск. ‘летние башмаки’ (СРНГ 3: 123), *раздевкой* / *раздѣвкой* ‘без верхней одежды’ не выводится из *раздѣвка* урал. ‘снятие со стволов плодовых деревьев защитных зимних обмоток (от грызунов)’ (СРНГ 33: 322, единственная известная нам регистрация существительного; однако нужно заметить, что это слово принадлежит к производным ультрарегулярного характера, которые в живой речи могут *ad hoc* плодиться в множестве для реализации номинативных потребностей в довольно широком семантическом диапазоне) и проч. В исчисленном списке более или менее оправданной выглядит лишь связь наречий *космачом* / *космачами* с существительным *космѹч* ‘человек с непокрытой головой, без головного убора’ (яросл.; Мельниченко: 94; Ярослав. сл-рь [5]: 75; СРНГ 15: 56), также «о женщине с непокрытой головой и растрѣпанными волосами» («Чѣ ты тут ходишь?! Хуже парня. Космач! Косматая»), «о непокрытой голове с растрѣпанными волосами» («...Обрезали! Тресут космачами») (перм.; Акчим. сл-рь II: 68–69), — подобно паре *голышом* / *голышами* в литературном употреблении (ср.: «И мы поплелись к свои родителям голышами» — А. Яковлев, «Омут памяти»; «Ходим голышами» — Н. Крышук, «Отступление»). Но и в таких случаях отношения наречий с тождественноосновными существительными не выглядят вполне безоблачными. Во-первых, граница между наречием и адвербиальным употреблением падежной формы существительного теоретически остаѣтся зыблящейся; во-вторых, в акчимском примере ощущения окказиональности имени *космач*, применѣнного к женщине, что вызывает подозрение, не является ли тут производность как раз обратной: из наречия *космачом*, внутреннее грамматическое устройство которого говорящему понятно, на ходу с помощью обратной деривации возникло имя *космач*, тут же потребовавшее грамматически приспособительного объяснения («Косматая!»). Несмотря на неоднократно формулируемое значение *верх* ‘спина лошади’ (СРНГ 4: 158; Арханг. сл-рь 3: 128: *верх* 4. — с отсылкой к *верховна* 1. ‘спина, круп лошади’), наречия *верхом* / *верхами* всё же не взывают к анатомической терминологии, чему свидетельство — лёгкость метафор вроде *верхом на хворостинке*, *сѣсть на стул верхом* (‘грудью к спинке’) и под.; ср. (полутавтологическое) растолкование ‘верховая езда’ слову *верх* у Даля, далее *скакать конѣм* ‘верхом’, *конѣм не объѣдѣшь*.

3. Между наречиями на *-ом (-ем) / -ой (-ей)*, с одной стороны, и *-ами*, с другой, в «чистых» случаях можно усмотреть те же грамматико-семантические различия, что и между формами единственного и множественного числа имён существительных: первые (на *-ом...*) связываются с представлением единственности (субъекта и проч.), вторые (на *-ами*) — множественности.

4. Однако общая картина соотношения между формой наречия и его грамматическим значением строго не выдержана: в отличие от именных словоизменительных парадигм, где «мена» граммемами числа, по-видимому, исключена, в рассматриваемой группе наречий как «плюративы», так и «сингулятивы» могут нести грамматическое значение, присущее коррелятивным членам пар.

5. Подобные несоответствия весьма обычны у наречий на *-ом / -ой* (*едутъ вирхачом, разуткой бегут*), но у форм на *-ами* они буквально единичны. Если, оговоримся, вообще имеют место. В нашем распоряжении находится 95 текстуальных диалектных примеров с наречиями на *-ами*, показанными в настоящей работе. Из них только пять фраз, то есть немногим более 5%, построено с использованием глагола-подлежащего в единственном числе, но прямолинейная трактовка этих случаев в пользу числовой десемантизованности наречной формы сомнительна. Дело в том, что числовая семантика наречия определяется не только глаголом-подлежащим, в свою очередь грамматически координируемым с именем или местоимением; число у наречия выступает не только как синтаксическая (согласовательная) категория, но во многих контекстах ведёт себя как категория собственно семантическая, свободная от поверхностно-синтаксических условий. Граммема множественности у наречной формы может обнаруживать связь как с неединственностью субъекта действия (*казаки вярхами уехали; раздевками бегают*) или его собирательностью (*свита / капральство верхами*, ср. ниже), так и с неоднократностью, повторяемостью действия (ср. *Пешиками приходили люди из России; И сейчас летъм бсыками ходим*). Поэтому о числовой десемантизованности наречия в песенной фразе *Ни твая ли, бидняк, жана, ходить бсыкамы?* судить несколько рискованно (правда, в пользу утраты грамлемы множественности может свидетельствовать выравнивающая рифмующая позиция наречия: фраза следует за стихом *Ни тваи ли, бидняк, дети просятъ пьд акна́ми?*). То же следует сказать и о примере из «Юрналив и камерфурьерских журналов 1695–1774», приведённом в словаре XVIII в.: «*Капитан ъздил верхами на мост*» (СлРЯ XVIII в. 3: 59). В этом отношении гораздо менее сомнителен пример *Отец служил в Катерино-Никольским верхами, вестовым был*. Глагольное словосочетание, едва ли не фразеологизм, *служить*

верхами характеризует длительное пребывание в статусе конного вестового, и использование наречия-«плюратива» *верхами*, скорее всего, связано с многократностью обязательного по должности применения лошади; замена его на «сингулятив» (**служил верхом в Катерино-Никольском*) нами воспринимается как чувствительная смысловая неловкость. Из несомненно «неправильных» примеров употребления наречий-«плюративов» в сущности остаётся только фраза *Пешками на суд пошла*.

Симметричным образом довольно большое количество несогласованных употреблений наречий-«сингулятивов» в диалектных контекстах с глаголом во множественном числе, не требует объяснения только отсутствием оппозиции граммем множественности и единичности у наречия (как это легко было бы сделать применительно к картине в литературном языке). Случаи «несогласования» стандартны и для тех говоров, где указанная оппозиция отмечается (*В больницу ходили пешаком; Пешой, было, проходили, а верхом не пройдёшь; ходили обычно пешеходом; Космачом ходят...*). Подобные «несоответствия» нетрудно отклонить параллелями с синтаксисом литературных высказываний, где форма единственного числа (изменяемого по числу) существительного, употреблённого в творительном падеже с наречной функцией, связана с категорией определённости / неопределённости: «В Крым мы *самолётом* не летаем, а *ездим поездом*» (вряд ли в Крым летает только один воздухоплавательный аппарат и ходит только один, физически из тех же вагонов, железнодорожный состав). Заметим, что в параллельных диалектных текстах рисуется не актуальная, а повторяющаяся привычная ситуация, для описания которой установка на неопределённость нормальна, что и обнаруживается в использовании наречия-«сингулятива». В ряде диалектных высказываний другого сорта, с обрисовкой актуальной ситуации, употребление «сингулятивных» наречий вполне может быть уподоблено случаям дистрибутивного употребления форм единственного числа существительных (Русская грамматика 1982 I: 472) в примерах типа *Собаки бежали задрав хвост* (что в работе А. Д. Дуличенко моделируется с помощью понятия «слабой позиции множественного числа» и представления об эллиптизации распределительных составляющих: *Собаки бежали задрав* [каждая свой] *хвост*; см.: Дуличенко 1998: 59 и след.).

Но и эти соображения могут оказаться вполне излишними, если принять во внимание абсолютную допустимость фраз *Народ повалил толпой* и *Народ валил толпами*. В словаре под ред. Д. Н. Ушакова (Ушаков IV: стб. 730) слово *толпой* выделено в особую статью и снабжено пометой «*нареч.*» (что повторено в: ОбрСл: 266, но не поддержано в: Зализняк: 337). Пример показы-

вает, что далеко не всякий раз форма наречия или существительного (какую бы частеречную квалификацию ни предпочесть) определяется числовой граммемой, представленной глаголом, хотя в данных случаях синтаксическая зависимость наречия и (или) существительного от глагола труднооспорима.

Наконец (о чём мы до сих пор не говорили, но что, разумеется, не могло ускользнуть от читательского внимания), неопределяемость формы наречия формой глагола нагляднейшим образом сказывается в свободном присоединении наречия к инфинитиву (множество примеров выше).

Таким образом, в предпринятом выше обзоре диалектных фактов видимые случаи несогласования между наречием и управляющим членом предложения могут получать объяснения, не опирающиеся на традиционную концепцию неперемещения отсутствия у наречия грамматической категории числа.

6. Здесь мы решаемся прямо говорить о том, что в русских диалектах некоторая — весьма небольшая и нечётко очерчиваемая — совокупность единиц, в частеречном отношении являющихся наречиями, обладает категорией числа. Жёсткость суждения о непроницаемости русского наречия грамматическими категориями, свойственными другим частям речи, и, соответственно, принципиальной его неизменяемости тем самым ослабляется.

7. Сказанное выше, в пункте (2.), позволяет судить, что по крайней мере у некоторых рассмотренных пар числовые формы и противопоставления сложились в рамках наречия (как самостоятельной части речи) и наречной категориальной семантики.

8. Категория числа у наречия выступает не как синтаксическая (согласовательная), а как семантическая, независимая, реализация граммем которой определяется не грамматической связью с глаголом (допустима зависимость от существительного: *скачка верхами*, *Показались двое казаков верхами*), а внутренним содержанием наречия или особенностями ситуации, описываемой в предложении.

9. Выбор граммемы множественного числа наречия, окажется категория развитой или хотя бы жизнеспособной, принципиально может быть связан по меньшей мере (а) с множественностью субъектов действия (или состояния) (большинство рассмотренных примеров), (б) с множественностью объектов действия (*поставить стойком* : *поставить стойка́ми*), (в) с множественностью пространственных «обстоятельств» (как у существительных в наречной функции *двором* : *дворами*, *окраиной* : *окраинами*, *огородами* и к *Котовскому*), (г) с многократностью (повторяемостью) действия или ситуации, независимо от того, совершается ли действие тем же субъектом или разными; в

настоящей публикации этот тип обстоятельственных наречий времени (*весною : вёснами*, ср. *вечером : вечерами*) специально не затронут.

10. Мы сделали оговорку «окажись она развитой или жизнеспособной». Однако диалектная лексикография, как, впрочем, и историческая, застаёт категорию числа у наречия в состоянии очевидной рецессии. По данным, которыми мы располагаем, следы её присутствия в письменных текстах прослеживаются, как было уже сказано, с XVII века (что никак, однако, не указывает на её возраст), она характеризует небольшой круг лексических единиц, при этом чрезвычайно неровно. Из наречных форм множественного числа обильными записями представлено лишь наречие *верхами*, существенно реже регистрируются *пешками*, *босиками*, а прочие «плюративы» отмечены единичными или почти единичными диалектными фиксациями (их малость, помимо невысокой употребительности в говорах, объясняется и несфокусированностью собирательского взгляда: целенаправленный поиск, с применением наводящих приёмов в беседах с информантами, мог бы, думается, количество образцов существенно увеличить). В литературном языке держится только адвербиальная пара *верхом : верхами*, да и то встречаемость множественной формы, как мы видели, неуклонно идёт на убыль. У единиц с темпоральным значением *ночами*, *вечерами*, с нашей точки зрения, достаточно причин считаться наречиями, и они могли бы в оппозитивном сближении с наречиями *ночью*, *вечером* рассматриваться как аналоги паре *верхом : верхами*, тем самым несколько укрепляя незавидное положение категории. Но большинство лингвистов избегает столь решительных суждений и расценивает их не как наречия, а как падежные формы существительных. Если, далее, рассмотренные здесь наречия на *-ами*, за незначимыми исключениями, монотонно характеризуются одной числовой граммемой и могут считаться маркированными членами оппозиций, то тождественноосновные наречия на *-ом* и проч. издавна показывают склонность к размытию грамматической монсемичности, оказываясь членами немаркированными.

Всё сказанное подвигает к мысли, что категория числа у русского наречия, не найдя сил системно оформиться, обречена на постепенное, но окончательное угасание.

Об этом можно только сожалеть: процесс связан с тенденциями энтропийной утраты многообразия.

Литература

- Акчим. сл-рь — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Вып. 1–. Пермь, 1984–.
- Арханг. сл-рь — Архангельский областной словарь. Вып. 1–. М., 1980–.
- Беляева — Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Сост. О. П. Беляева. Пермь, 1973.
- Войтенко — А. Ф. Войтенко. Словарь говоров Подмосковья. Вып. I–. М., 1995 [2-е, исправленное и дополненное, издание словаря: Иванова (см.); продолжения не было].
- Воронеж. сл-рь — Словарь воронежских говоров. Вып. 1–. Воронеж, 2004–.
- Даль₂ — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955 [перепечатка 2-го изд. СПб.; М., 1880–1882].
- Деулин. сл-рь — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969.
- Дилакторский — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006.
- Дуличенко 1998 — А. Д. Дуличенко. Размышления о числовой координации в русском языке 1. *Собаки бежали задрав [каждая свой] хвост...* // Число — язык — текст. Сборник статей к 70-летию А. Е. Супруна. Минск, 1998.
- Журавлёв 1980 — А. Ф. Журавлёв. Об одном периферийном явлении в русской морфологии: категория числа у наречия // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1978. М., 1980.
- Зализняк — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение / Около 100 000 слов. М., 1977.
- Иванова — А. Ф. Иванова. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
- Инверсионный индекс — Инверсионный индекс к Словарю русских народных говоров. СПб., 2000.
- Камчат. сл-рь — Словарь русского камчатского наречия. Хабаровск, 1977.
- Кудряшова — Словарь донских говоров Волгоградской области / Под ред. Р. И. Кудряшовой. Вып. 1–. Волгоград, 2006–.
- Малеча — Н. М. Малеча. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. I–. Оренбург, 2002–.
- Мельниченко — Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820–1956 гг.). Т. I. Введение и словарь. Ярославль, 1961.
- Меркурьев — И. С. Меркурьев. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
- Мызников 2010 — С. А. Мызников. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб., 2010.
- Новосибир. сл-рь — Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>
- Орлов. сл-рь — Словарь орловских говоров. [Вып. 1–]. Ярославль [Орел], 1989–.
- ОбрСл — Обратный словарь русского языка / Около 125 000 слов. М., 1974.
- ОбрСлАрханг — Обратный словарь архангельских говоров. М., 2006.

- Паликова, Ровнова — *О. Н. Паликова, О. Г. Ровнова*. Словарь говора староверов Эстонии. Книга для учащихся. Тарту, 2008.
- Панин — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / Сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991.
- Панов 1966 — *М. В. Панов*. Русский язык // Языки народов СССР. Т. 1. Индоевропейские языки. М., 1966.
- Перм. сл-рь — Словарь пермских говоров. Вып. 1, 2. Пермь, 2000, 2002.
- Пожарицкая, Самсонова, в печати — *С. К. Пожарицкая, Н. Л. Самсонова*. Некоторые наблюдения над структурой и семантикой наречий в одной диалектной системе (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.) // Русский язык в научном освещении (в печати).
- Псков. сл-рь — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–. Л. (СПб.), 1967–.
- Русская грамматика 1982 — Русская грамматика. Т. I–II. М., 1982
- Сл-рь говоров Башкирии — Словарь русских говоров Башкирии. Вып. 1–6. Уфа, 1982–2005.
- Сл-рь говоров Мордовии — Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. Вып. А–Г–, Саранск, 1978–; также: Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб., 2008 [электронная версия 2-го, доработанного издания].
- Сл-рь донского казачества — Большой толковый словарь донского казачества / Около 18 000 слов и устойчивых сочетаний. М., 2003.
- Сл-рь Карелии — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
- Сл-рь Кузбасса — Словарь русских говоров Кузбасса. Новосибирск, 1976.
- Сл-рь Низовой Печоры — Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 1–2. СПб., 2005.
- Сл-рь Одесщины — Словарь русских говоров Одесщины. Т. I–II. Одесса, 2000–2001.
- Сл-рь Приамурья — Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.
- Сл-рь рус. говора Азербайджана — *Л. Г. Гулиева, Ф. Аг. Мамедбейли, Э. А. Гейдарова, Г. О. Керимова*. Словарь русского островного говора Азербайджана. 2-е изд. Баку, 2006.
- Сл-рь северных красноярских говоров — Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. Красноярск, 1992.
- Сл-рь семейских — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999.
- Сл-рь Сибири — Словарь русских говоров Сибири. Т. I–. Новосибирск, 1999–.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975.
- СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–. Л. [СПб.], 1984–.
- Смолен. сл-рь — Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11. Смоленск, 1974–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1, 2. М.; Л., 1965–1966; вып. 3–. Л. (СПб.), 1968–.
- Ср.-урал. сл-рь — Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. I–VII. Свердловск, 1964–1988.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка. Под ред. *Д. Н. Ушакова*. Т. I–IV. М., 1935–1940.
- Ярослав. сл-рь — Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991 [нумерация выпусков, начиная со второго, в предисловиях к ним].

*Summary**A. F. Zhuravlev***Turning back to a problem of grammatical category of number
as applied to Russian adverbs**

There is a small and vague group of adverbs in Russian dialects that possess a grammatical category of number. In this article we cover those adverbs that trace back to the forms of the instrumental case. The vast majority of plural forms of adverbs are *marked* (*нешками, космачами* — about many only). The vast majority of singular forms of adverbs are *unmarked* (*нешком, космачом* — about single and many). The number of adverb is a non-syntactic category, which disappears gracefully.

К истории некоторых непродуктивных именных суффиксов в русском языке

Теоретическое направление в исследовании проблем славянского словообразования, успешно продолженное в работах М. Докулила, развивается и по сей день. Деление словообразовательных значений на модификационные, мутационные и транспозиционные наиболее полно и убедительно чешский ученый обосновал в монографии «*Tvoření slov v češtině*» (Praha 1962). Это направление в его различных реализациях предоставляет надежный инструментарий и объективные методы для изучения и описания системных и структурных особенностей словообразования в отдельных языках Славии или их объединений. И в этом направлении проделана огромная работа. Однако большие успехи, достигнутые в разработке теоретических и методологических вопросов синхронного и сопоставительного словообразования славянских языков, не снимают вопроса об актуальности диахронно-синхронных дериватологических исследований. Абсолютное разграничение синхронии и диахронии, начавшееся с известного постулата Соссюра (Ф. де Соссюр 1977: 123–128), оставляет в стороне необходимость дать «описание того, что есть...», должествующее «быть описанием того, как это стало...» (Grzegorzcykova, Puzynina 1959: 250). Такой точки зрения придерживаются многие лингвисты. Так, акад. О. Н. Трубачев (Трубачев 1994:19) отмечает: «Всякая синхрония при ближайшем рассмотрении сползает в диахронию... Сейчас, пожалуй, словообразование как лингвистическая дисциплина страдает как раз от не в меру строгого разграничения синхронии и диахронии... Если строгость метода (иначе — «чистота») метода вступает в коллизию с широтой охвата данных языка, мы предпочитаем широту...»

В своем подавляющем большинстве работы теоретического плана опираются на синхронный материал литературных языков; в них, как правило, не учитывается огромный массив исторических и диалектных данных, которые могут существенно обогатить, уточнить и расширить представления о возможностях словообразовательной системы. На историческом и диалектном материале наиболее ярко «высвечиваются» те или иные грани словообразовательных особенностей языка. Справедливости ради следует сказать, что в течение последнего десятилетия исследователи современного русского языка стали настаивать на необходимости обращения к фактам диахронии при семантических описаниях (семантической деривации), что связано, по словам Анны А. Зализняк (Анна А. Зализняк 2001: 13), «со сменой научной парадиг-

мы, характеризуемой установкой на объяснительность». Так, В. А. Плунгян (Плунгян 1998: 325) отмечает: «...оказался преодолен негласный запрет на использование данных истории языка при синхронном анализе... полное описание языка должно учитывать и диахронические аспекты». Еще более категорично на эту тему двумя десятилетиями ранее высказался В. М. Солнцев (Солнцев 1977: 181): «...сам по себе синхронный подход, взятый в отрыве от диахронического, оказался не в состоянии дать адекватное объяснение фактам всевозможных структурно-семантических преобразований в языке, его периферийным и реликтовым явлениям». Приведем еще одно высказывание об этой же проблеме: «Синхронное и историческое словообразование изучались изолированно друг от друга, и это оставляло в стороне интересные теоретические проблемы соответствия или несоответствия синхронных связей и исторические процессов» (Улуханов 2005: 19).

Русское историческое словообразование за последние десятилетия пополнилось рядом монографий конкретного и интерпретационного характера, но до полного описания процесса развития русской деривационной системы и ее отдельных звеньев еще далеко (см. Историческое словообразование 1984, Николаев 1987 и др.). Такая цель была поставлена И. С. Улухановым еще в начале 90-х гг., но не реализована до сих пор.

Диахронно-синхронные и диалектные дериватологические штудии дают неограниченный материал для теоретических обобщений. К образцовым исследованиям такого рода относятсяopus Ю. С. Азарх (Азарх 1984 и др.), в которых наряду с описанием словообразовательных средств в их историческом движении представлен и богатейший диалектный материал. Исследования подобного рода показывают преобразования семантической структуры словообразовательных типов во времени и пространстве, позволяя уточнять, развивать или обстоятельно дополнять уже существующие объяснительные построения.

Думается, что описание эволюции словообразовательных средств, начиная с древнейших времен, окажется продуктивным и при исследовании функциональной нагрузки суффиксов (его семантического объема) на протяжении истории языка.

Следует констатировать, что несмотря на «продвинутость» изучения отглагольных *nomina actionis* (см. работы Ю. С. Азарх, Ж. Ж. Варбот, И. В. Гореловой, Е. И. Коряковцевой, В. Н. Хохлачевой), все же история как отглагольных, так и отыменных существительных с процессуальным значением в отношении эволюции их семантической структуры требует дополнительных исследований.

Суть происходящих в семантике девербативов изменений связана с тенденцией развития предметных значений у имен действия — в результате уменьшения глагольности в этой категории слов в историческом движении языка. А. А. Потебня (Потебня 1968: 5), касаясь отношений между именем и глаголом, четко формулирует следующее: «...в русском языке и других заметно: увеличение противоположности имени и глагола и стремление сосредоточить предикативность в глаголе на счет предикативности имени». Процесс «опредмечивания» девербативов развивался на фоне активизации глагола в грамматической системе русского языка по отношению к нашему времени и привел «к переосмыслению прежних и установлению новых семантических отношений между именем и глаголом: все «глагольные» значения в имени (действие, результат действия, орудие, объект, субъект, место действия и др.) стали осмысляться как вторичные по отношению к глаголу... поскольку значение действия является общим категориальным значением глагола, а не имени» (Историческое словообразование: 11). Как справедливо отмечает В. Н. Хохлачева (Хохлачева 1969: 100), «усилия языка направлены на забвение глагольной формы отглагольных существительных».

Углубление семантической и грамматической противопоставленности имени и глагола — с одной стороны, и двойственная семантико-грамматическая природа отглагольных *nomina actionis* — с другой (совмещение двух категориальных значений: процессуальности и предметности) стимулировали тенденцию развития предметных значений у отглагольных существительных. Как нам представляется, принципиальное значение для исторических словообразовательных штудий приобретает введение понятия *критерий глагольности*, которое может быть определено как способность имени действия сохранять в своей семантической структуре в той или иной степени значение процессуальности (см. подробнее Иорданиди 1998: 144–150; Иорданиди 2002: 184–185). Исследователями уже выявлены условия сохранения процессуального значения у отглагольных имен: это сочетание девербативов с глаголами определенных лексико-семантических групп (Кузнецова, Сиверина 1979: 64–70; Коряковцева 1998: 39–40). Не менее важным представляется и лингвистическая интуиция исследователя в «паспортизации» наблюдаемых фактов (Мельчук 1998, I: 21).

Ориентируясь на *критерий глагольности*, попытаемся воссоздать картину преобразований семантической структуры девербативов некоторых непродуктивных словообразовательных типов (при этом обзорность материала играет решающую роль в выборе объекта исследования) в русском языке XI–XX вв. Уже в древнейших памятниках письменности отглагольные имена

действия характеризуются сложностью семантической структуры. Все возможные виды глагольно-именных семантико-словообразовательных отношений в парах глагол: имя действия могут быть представлены в следующем виде: 1. $V \text{---} N_v$; 2. $V \text{---} N_s$; 3. $V \text{---} N_{vs}$, где V — глагол, N_v — сущ. со значением процессуального признака, N_s — сущ. со значением предметности и N_{vs} — сущ., совмещающее в себе значения процессуальности и предметности. Иначе говоря, суффиксы отглагольных имен действия выступают как транспозиционные (образуя чистые транспозиты), мутационные (образуя сущ. с мутационным значением) и мутационно-транспозиционные (образуя слова со смешанным мутационно-транспозиционным значением) (Улуханов 1996: 168–169).

Статья посвящена описанию функционирования нескольких непродуктивных суффиксов (*-тва*, *-тво*, *-н(ь)*, *-нб*) в русском языке начиная с XI по XX в., а также в диалектном распространении. Эти суффиксы относятся к периферийным участкам словообразовательной системы отглагольного имени в русском языке. Фрагмент для исследования был выбран неслучайно: задача заключается в том, чтобы продемонстрировать, как диахроническое исследование периферийных участков деривационной системы дает новые данные для решения части теоретических проблем исторического и синхронного словообразования. Основное внимание уделено изменениям семантической структуры названных словообразовательных типов в течение XI–XX вв.

Мотивированные глаголами сущ. ж. р. с суффиксом *-тва(а)* (*клятва*, *молитва*, *мытвa* и другие) уже в древнерусских памятниках XI–XIV вв. составляют словообразовательный тип, в котором представлен весь комплекс значений, реализующийся в эволюции глагольно-именных словообразовательных отношений. Значение процессуального признака (N_v) заключено в таких deverбативах, как *въздатвa* ‘воздаяние’ от *въздати* ‘воздать’, *гоубитвa* ‘уничтожение, погубление’ от *гоубити* ‘уничтожать, губить’, *колитвa* ‘заклание’ от *клати* ‘колоть’, *мытвa* ‘мытье’ от *мыти (са)* ‘мыться’, *оратвa* ‘возделывание земли, пахота’ от *орати* ‘пахать’, *сѣятвa* ‘сеяние’ от *сѣяти* ‘сеять, засеивать’, *желѣтвa* (*желитвa*) ‘плачь’ от *желѣти* ‘скорбеть, сожалеть’. Конкретно-предметные значения (N_s) представлены в лексемах *бритвa* ‘нож, бритва’ от *бритиса* ‘бриться’, *хранитвa* ‘предохранительная навязь’ от *хранити* ‘хранить’, *чувитвa* ‘орган чувств’ от **čiti*. Более широкий спектр значений демонстрируют существительные *жатвa*, *жъртвa*, *клатвa*, *ловитвa*, *молитвa*, *наствa*, *ѣствa* (они относятся к группе N_{vs}).

Так, *жатвa* от *жати* ‘жать, сжинать’: 1. Жатва, уборка хлебных злаков; || время жатвы; || поле, готовое к жатве; || собранный хлеб; 2. Лето; *жъртвa* от *жърти* ‘приносить жертву, совершать жертвоприношение’: 1. Жертво-

приношение; 2. То, что приносится в жертву; *клятва* от *клати* ‘проклинать’: 1. Проклятие, пожелание зла; 2. Клятва, присяга; 3. Завещание; *ловитва* от *ловити* ‘охотиться, ловить зверя, птицу, рыбу’: 1. Охота, рыбная ловля; 2. Ловушка; 3. Добыча, улов; 4. Вид игры или состязания; *молитва* от *молитиса*: 1. Мольба, просьба; 2. Молитва, моление, слово, обращенное к Богу; *паства* от *пасти* ‘пасти скот’, ‘воспитывать, наставлять’: 1. Пасение скота; *перен*. Наставление, воспитание; 2. Пастбище; *перен*. духовное стадо, паства; *ѣства* от *ѣсти* ‘есть, принимать пищу’: 1. Принятие пищи, трапеза; 2. Пища.

Итак, семантически неоднородными были уже древнейшие образования на *-тва*, принадлежавшие праславянскому словарному фонду (Vaillant 1974, IV: 384), хотя в древнерусской письменности они обнаруживают еще тесную семантическую связь с производящими глаголами. Значение этих имен мотивировалось лексико-семантическими вариантами производящего глагола: либо это совпадающие с глаголом *nomina actionis*, либо слова с результативными или конкретно-предметными значениями, но также представляющие собой названия «продукта» действия.

Сравнительное исследование материалов древнерусской и среднерусской письменности дает возможность заключить, что семантическая структура дериватов на *-тва*, засвидетельствованных в источниках XI–XIV и XV–XVII вв. в части случаев совпадает. Вместе с тем обнаруживается тенденция к ослаблению или утрате процессуального признака в соответствии с тенденцией к ослаблению глагольности, действующей в истории *nomina actionis*. Процесс «опредмечивания» протекает как вытеснение на периферийные позиции транспозиционного значения действия. Так, существительное *паства* со значением процессуального признака ‘пастба, пасение’ в письменности среднерусского периода фиксируется в единичных случаях. Аналогичная трансформация значений наблюдается в истории слова *клятва*. Первичное значение ‘проклятие, пожелание зла’ в древнерусских текстах представлено значительным массивом образований. *Клятва* в этом значении засвидетельствована в различных по характеру источниках — *Изб 1076*, *Надп 1161*, *СбТр XIII/XIII*, *КР 1284*, *ГА XIV₁*, *МПр XIV₂*, *ПКП 1406* и др. Аналогичное значение сущ. *клятва* в среднерусских источниках представлено единичными примерами в текстах XVI в. В более поздних материалах фиксируются многочисленные примеры таких значений, как ‘клятва’, ‘присяга’, ‘обет’. Движение по пути «опредмечивания» демонстрирует и сущ. *питва*, выступающее в древнерусских источниках в значении ‘состояние опьянения’. Но уже тексты XV–XVI вв. документируют это образование в значениях ‘хмельной напиток’, ‘пир, торжество с обильными хмельными напитками’.

Переход *nomina actionis* в *nomina instrumenti* иллюстрирует история слова **britva* в славянских языках (ср. *britval/britev* *golenie* ‘бритье’ в словенском языке).

Любопытный случай перехода *nomina actionis* в *nomina agentis* зафиксирован в архангельских говорах: здесь дериват *битва* имеет значение ‘бойкий ребенок’ (ЭССЯ 1974, I: 101); *бритва* выступает в значении ‘рыба, к роду сельдей причисляемая’.

«Снижение» глагольности или ее потеря в истории русского языка предстает не как жестко детерминированный процесс: немногочисленные образования на *-тва*, закрепившиеся в современном литературном языке, все же сохраняют в своей семантической структуре в качестве основного значение процессуальности (*битва*, *жатва*, *молитва*) (РГ 1980, I: 165). В то же время *паства* и *яства* манифестируют полную утрату транспозиционного значения действия.

Семантическая структура сущ. с суффиксом *-тва*, отмеченных в русских говорах, отличается от семантики соответствующих образований в литературном языке. Говоры демонстрируют наличие новых значений в кругу deverbatивов на *-тва*, в частности, расширение круга мутационных образований: *бритва* ‘большой широкий острый нож для очистки кожи животных’; *едства* ‘еда, кушанья’; *питства* ‘то, что дают пить’, *жатва* ‘солома, оставшаяся после жатвы на корню’; *жнитва* ‘скошенная рожь во время жатвы’. Другие диалектные образования имеют преимущественно значение имен действия: *боронитва*, *грабитва*, *конопаства* (см. СРНГ).

Таким образом, можно констатировать регулярную полисемию слов-транспозитов, т. е. возможность выражать ими, кроме общего, и частные словообразовательные значения (РГ 1980, I: 136).

Дериваты ср. р. с суффиксом *-тв(о)*, мотивированные глаголами физического действия и состояния, на всем протяжении истории языка представляют собой компактную группу лексем, выступающих с транспозиционным и мутационно-транспозиционным значениями. Немногочисленные имена с этим суффиксом, закрепившиеся в современном языке, составляют непродуктивный словообразовательный тип: *шитво*, *крытво* (спец.), *жнитво* (РГ 1980, I: 161).

Суффикс **-tvo* относится к числу праславянских словообразовательных формантов (Варбот 1969: 86; Vaillant 1974, IV: 384). Имена с этим суффиксом представлены в древнерусском языке следующими двумя образованиями: *творитво* (наиболее точное определение значения этой лексемы предложено А. Вайаном (там же: 410): ‘свойство, качество мастерства творца, созда-

теля') и *чувитво* (вариант к *чувитва*) 'орган чувств'. В старорусский период словообразовательный тип на *-тв(о)* пополнился следующими лексемами: *жнитво* от глагола *жати*, *жну* — 'время, пора жатвы' (Работникомъ... и монастырскимъ служебникомъ, въ оржаное и въ яровое жнитво и въ сѣнокось, и лошадемъ, ржи и овса, и муки ржаной, и крупъ овсяныхъ... девяносто одна четья *АИ IV, 151. 1651* (СлРЯ XI–XVII); *опасство* (*опаство*) от глагола *опасати(ся)* (Варбот 1969: 86) — 'тщательность, старательность; осторожность, предосторожность' (Роспрашивать накрѣпко съ болшимъ опасствомъ и остерегательствомъ: изъ которыхъ они мѣсть приѣхали или пришли *ДАИ X, 1371 1582*); *пропаство* от глагола *пропасти* — 'провал' (в Римской странѣ их земли погибель ся учинила, пропаство..., пропал город великий. *Посл. Феод. Дедеркина на Москву. Сб. Кир.-Б.м., 40, XV в.*). В словарях XVIII–XIX вв. это образование не отмечено.

Русские диалектные образования обладают ярко выраженным значением процессуальности. Часть зафиксированных в диалектном языке имен представляют собой варианты формы к сущ. на *-тва*: *гретво/гретва* 'нагревание, тепло' от *греть*, *грабитво/грабитва* 'сгребание сена' от *'грабить, сгребать'*. Два deverbativa — *жнитво* и *шитво* совмещают в себе два значения: процессуальное и конкретно-предметное. Так, *жнитво* функционирует как имя действия и как сущ. с конкретно-предметными значениями: 'уборка хлебов, жатва' Петерб., Казан., Псков., Твер., Ярослав., Костром., Влад., Ряз., Тул., Пенз., Саратов., Куйб., Казан., Новосибир., Том., Тобол., Смол.; 'время уборки сена' Новос.; 'остатки стеблей сжатых злаков на ниве, стерня' Амур.; 'спелый хлеб на корню' Волог., Костром., Смол. (СРНГ). Сущ. *жнитво* представлено в САР 1847 г. и в последующих словарях, вплоть до словарей современного русского языка (с пометами *обл.*, *прост.*; см., например, СРЯ). *Шитво* от глагола *шить* имеет два значения — 'действие по глаголу шить' и 'то, что сшито или вышито'.

Таким образом, образования с суф. *-тв(о)* представляют собой атрибут древне-, средне- и новорусской лексической систем. Немногочисленность имен на *-тв(о)*, отмеченных в русской письменности различных периодов и в диалектном языке, а также в материалах других славянских языков, свидетельствует о непродуктивности этого словообразовательного типа на территории Славии (за исключением словенского языка, где эти образования выступают в том числе и как транспозиционные) (Vaillant 1974, IV: 410).

Суффикс *-нъ*, восходящий к праславянскому суффиксу **-nъ* (**-nъs*), в древнерусском языке оформляет лишь одно существительное — *станъ*, весьма частотное (80 употреблений) и располагающее рядом значений: 'лагерь,

стан', 'жилище', 'страна, предел, владение', 'округ, территориальное деление', 'подстава; место, где меняют лошадей на пути следования', 'подставка на весах, куда кладут взвешиваемый товар'. На протяжении истории языка часть значений утрачивается в связи не только с языковыми (развитием синонимичных образований), но и с экстралингвистическими условиями (исчезновением соответствующих реалий). В современном языке сущ. *стан* сохраняет значение 'лагерь, место стоянки' и развивает переносное значение 'воюющая, борющаяся сторона, общественно-политическая группировка' (см. Ожегов, Шведова 1992).

Рассматриваемое образование, восходящее к прасл. **stanъ* (Sławski 1974–1995, 1: 115) отмечается в древнейших славянских текстах в значении 'лагерь, стан': *падъ посрѣдѣ стана ихъ* *Пс* 77, 28 *Син.*; *сихъ тѣлеса съжагажъ внѣ стана* *Евр* 13, 11 *Ен* (ССС: 623).

Первые фиксации существительного *станъ* (в значении 'лагерь, стан, временная стоянка'), по данным Картотеки СДРЯ, относятся к XIII в. В *КР 1284 г.* представлен следующий контекст: *аще воинъ или купецъ. или простыи члѣвкъ или инъ оруужникъ въ воиньскихъ станохъ прѣбываа. елико еще лѣтъ прѣбоудеть. да ѡжидаетъ его жена его 255 в–г.* Другие примеры: и побегоша не оупсѣвъше ничтоже половци назадъ. и потыпташа бежаще *станы* роу(с)скихъ кнѣзъ *ЛН XIII₂*, 98 об.; а Василка яша руками безбожнии, и поведода в *станы* своѣ. *ЛЛ 1377, 162 об.* В значении 'жилище': *бахоутъ же станове* в городѣ соломоу чиненѣ *ЛИ* ок. 1425, 284 об.; в значении 'страна, предел, владение': (*епископ*) ѡ томъ грамотоу пишетъ. къ братоу своѣмоу... *ѣже кѣтъ въ станоу* ц(с)рвѣ *КР 1284, 101 б–в*; в значении 'округ, территориальное деление': *стан(у) ієву* (Иев — землевладелец) *ГрБ № 1* (к. XIV в.) (Зализняк 2001: 548); даль есмь в своемъ старѣшинствѣ в олахсиньскомъ *стану*... ѡзеро смѣхро. со всѣми истоки. *Гр к. XV (стародуб.)*; в значении 'подстава, место, где меняли лошадей по пути следования': и кони ставити *по станомъ* *Гр 1359 (2, моск.)*; в значении 'подставка на весах': а коли товаръ *на стану* станенеть ѡтступити прочь. а рукою не приимаи. *Гр 1309 (полоцк.)*. И. И. Срезневский (Срезневский 1989, III: 493–494) выделяет еще два значения: 'постоянство': *истовый миръ отъ ба бе-станоу* бо есть родъ члѣвчьскыи *Изб 1073, 68*; и 'отступление, нарушение': *оцъа феодора игоумена стоудиискаго ѡ станѣхъ* *КУст XIII/XIV, 130*.

В среднерусский период функционирование исследуемой лексемы, ее частотность предопределяются присущей ей многозначностью. Все отмеченные для древнерусского языка значения остаются актуальными и для языка средневековой Руси. Так, значение 'подстава' представлено в таком примере, как: *По всѣмъ станомъ конемъ дволно корму давати им самим* *ЛПск I (6981 г.)*;

другие значения: ‘стан, лагерь’ — Псковичи подъ Изборскомъ въ *станахъ* стоять опочиваючи Там же, 6851 г.; ‘округ, волостное деление’ — Купили есмя ... село... в Можайско(м) уездѣ, в Берестовѣ *стану*. Купч. 1490 г. (Срезневский 1989, III: 492–493). С развитием ремесел и производства у девербатива *стан* появляется новое значение — ‘машина, прибор, составляющий одно целое для каких-либо работ’; ‘станок’ — ткацкий *стан*, скоропечатный *стан*, прокатный *стан* и т. п. Еще одно новое значение — ‘туловище, туша, все тело без головы и конечностей’ (о человеке и животном) — формируется в среднерусский период: лошадь всѣмъ *станоу* упала; онъ сутулъ *станоу*.

В диалектном языке (Даль 1956, IV: 312–313), помимо уже отмеченных, сущ. *стан* выступает и в других (более узких значениях): ‘подстолье, подкладка под улей’; ‘состоянье, званье, сословие’, ‘логово зверя’, ‘ток, место, где токует птица’, ‘пристанище рыбаков и охотников’ и некоторые др.

В словарях современного русского языка представлено три омонима: *стан*¹ — ‘туловище человека’ (девичий стан); *стан*² — ‘место стоянки, лагерь’, *перен.* ‘общественно-политическая группировка’; *стан*³ — ‘большая машина или прибор для тканья’.

Девербативы женского рода с суффиксом *-нь*, мотивированные глаголами физического действия, на всем протяжении истории языка представляют собой компактную, но семантически неоднородную группу слов.

Суф. *-nis > -ni > -нь* — праславянский словообразовательный формант. Исконная принадлежность суф. **-ni* праславянской словообразовательной системе констатируется в этимологических и историко-лингвистических работах. Так, наблюдения о происхождении описываемых образований в славянских языках содержатся в исследовании А. Вайана (Vaillant 1974, IV: 599–602). Образования на *-нь* зафиксированы в древнейших славянских текстах. По данным СС, в старославянских памятниках отмечены следующие девербативы с формантом *-нь*: *брань* ‘борьба, бой, битва’; *дань* ‘налог, дань, подать’; *казнь*¹ ‘наказание’, *казнь*² ‘приказ, указ’; *сѣнь* ‘сень, тень’ и др. Часть девербативов на *-нь*, зафиксированных в древнерусских письменности, по этимологическим данным, принадлежит праславянскому словарному фонду (**bornь*, **danь*, **kazнь*, **sěнь*). Что касается таких слов, как *въстань*, *резань*, *ругань*, *копань*, *клепань*, *показнь*, *сторонь* и под., то они могут быть расценены как восточнославянские и собственно русские новообразования.

В текстах XI–XIV вв., в том числе и в новгородских берестяных грамотах, зафиксированы следующие девербативы с суф. *-нь*: *боронь* ‘препятствие, помеха’, *брань* ‘бой, битва, сражение’, *дань* ‘дар, подарок, приношение’, ‘дань, налог, подать’; *казнь* ‘наказание, кара’, ‘приказ, распоряжение, наказ’,

рѣзань ‘отрезок, кусок’; ‘мелкая монета’; *сѣнь* ‘покров’, ‘навес, полог в алтаре над престолом’, ‘жилище, обитель, селение’. В современном русском языке они «называют собирательное понятие — объект или результат действия, названного мотивирующим словом» (РГ 1980, 1: 154). Конкретные существительные в древнерусский период являются названиями предметов, связанных с принудительным воздействием: *дань* (от *дати*), *рѣзань* (от *рѣзати*). Отвлеченные существительные с этим суффиксом как в древнерусский так и в последующий периоды называют совокупность действий, направленных против кого- или чего-либо: *брань*, *боронь*, *казнь*, *вѣстань*.

Исходя из данных древнерусской письменности, можно установить хронологию употребления отдельных сущ. описываемого словообразовательного типа. Такие имена, как *брань*, *дань*, *казнь*, *сѣнь* отмечаются в памятниках XI в.; *боронь* от *боронити* фиксируется с XIII в. (такое же и роусину волно коупити всакии товаръ без *борони* ГрС 1229, сп. 1270–1277); *рѣзань*¹ — с XIV в. (ср. вариантное образование *рѣзана*, представленное большим числом примеров в берестяных грамотах): Рѣзань мяса Ник. л. 6951 г. Срезн. III: 219; *рѣзань*² ‘мелкая монета’).

Самым частотным в др.-рус. письменности было сущ. *брань*: ‘бой, битва, сражение’ — Не съвѣштаваи съ спрашивѣмъ о *брани* Изб 1076, 152; ‘борение, одоление’ — сло(в) ѿ патерика. ѿ *брани* любодѣланиа ПрЛ 1282, 476; ‘оборона, оборонительное сооружение’ — да лоуче ны жєть оумьрети оу ц(с)ра град). неже ли съ срамомъ ѿ(т)ити. ѿ(т)оль начаша строити *брань* къ град) ЛН XIII₂, 68 об.; ‘гонение, притеснение, враждебные действия’ — неприязнина *брань* раздроушиться Изб 1076, 202; ‘сопротивление’ — *брань* тво-раше къ вражию насилию ПНЧ 1296, 172 об.

В древнерусской огласовке — *боронь* значительно уступает своему неполногласному эквиваленту по частотности. В ряду *брань* — *боронь* обнаруживается следующая общая закономерность: более употребительное слово обладает большим семантическим объемом. Так, *боронь* выступает лишь в одном значении — ‘препятствие, помеха’, в то время как *брань*, по данным СДРЯ, совмещает в себе несколько значений (СДРЯ 1998–2008, I: 304–305).

В старорусский период семантическая структура рассматриваемых существительных претерпевает определенные изменения. Так, *боронь* развивает значение ‘защита, брань’; помимо отмеченных, выступает со значением ‘упреки’, ‘ругань, брань’. Появляются такие понятия, как *смертная казнь*, *торговая казнь* ‘публичное наказание кнутом на торговой площади’. Расширение семантического объема характерно и для существительного *сѣнь*. В среднерусский период у него появляется значение ‘видимость, подобие’.

Слова с формантом *-нь*, отмеченные в среднерусский период, принадлежат народно-разговорному типу языка. В последующий период за ними закрепляются специальные значения (*клепань* — ‘особого рода оковка у лафетов и повозок артиллерийского обоза’; *рвань* — ‘железная скоба для скрепления колесных ободов’; *пояснь* — ‘опояска, перевязь’ и др.).

Словообразовательный тип на *-нь* остается непродуктивным на всем протяжении истории языка. В книжно-письменном языке XVIII в. класс образований на *-нь* почти не пополняется. Засвидетельствована лексема *вязáнь* ‘вязаное изделие’, имеющая конкретно-предметное (а если точнее — специальное) значение.

В этот период обнаруживается изменение семантического содержания некоторых дериватов с рассматриваемым формантом. Так, лексема *брань* расщепляется на два омонима — *брань* ‘сражение, битва’ и *брань* ‘неприсстойные, оскорбительные слова’, ‘ругание’, ‘поношение такими словами’: ср. ругательство есть *брань* гнусными словами выраженная *Трут. 1769* (см. СлРЯ XVIII). (В СлРЯ XI–XVII оба значения еще представлены в одной словарной статье). Более широкий спектр значений отмечается в XVIII в. и у сущ. *казнь*. Помимо уже отмеченных выше, фиксируется значение ‘мучение, страдание’ (обычно от раскаяния, стыда).

Слова с суффиксом *-нь* в диалектном языке также демонстрируют семантическую неоднородность. Кроме того, здесь имеются также тематические группы, неизвестные литературному языку: обозначения состояния человека и природы (*устань* ‘усталость’, *невстань* ‘дремота’, *мешань* ‘усталость’, *заморень* ‘первозимок’), наименования лиц и животных по отрицательному признаку (*осидень* ‘домосед’, *путань* ‘бестолковый человек’, *сорвань* ‘нахальные люди’, *задрань* ‘тот, кто задирает нос’, ‘домашнее животное, задранное волком или человеком’, *одрань* ‘плохая лошадь’), названия пришедших в негодность вещей (поношенная одежда, тряпье) — *латань*, *надрань*, *подрань*, *урвань* и мн. др. Семантика диалектных существительных уже не мотивируется производящей глагольной основой; она скорее обусловлена грамматической формой имен, их принадлежностью определенному деклинационному типу (Азарх 1974: 18–19). Утраченное словообразовательное значение форманта, по словам исследователя, «некоторое время еще продолжает ощущаться в семантической близости имен, образованных с его помощью»). Таким образом, словообразовательная модель инициирует аналогические образования, уже не связанные с глагольной основой (производящей основой служат, скорее всего, атрибутивы — *усталый*, *путаный*, *латаный*, *подраный* и т. д.).

Итак, о преобразовании семантической структуры рассмотренных словообразовательных типов можно сделать следующие выводы:

1. Изменению словообразовательных значений (в данном случае девербализации) подвержены те лексемы с формантом *-тв(а)*, которые совмещают в себе значение предметности и процессуальности, т. е. относятся к мутационно-транспозиционным образованиям: *клятва, питва, паства, яства, жертва, молитва*. Дialeктный язык демонстрирует более широкий круг девербализованных образований: *битва, жатва, жнитва*. Аналогичные процессы прослеживаются и на материале сущ. с суффиксом *-тво*.

2. Девербатив с суффиксом *-н(ъ)* — *станъ*, выступающий на протяжении истории языка как *potina* loci, расщепляется на три омонима: с мутационным словообразовательным значением ('ткацкий стан', 'девичий стан') и мутационно-транспозиционным ('стоянка, лагерь'), т. е. также идет по пути девербализации. В словарях современного языка они представлены в разных словарных статьях.

3. Образования на *-нь*, представленные более широко, демонстрируют расширение круга слов с мутационным и мутационно-транспозиционным значением. Семантическая неоднородность характерна и для диалектного языка. Девербатив *брань* расщепляется на два омонима ('битва' и 'оскорбительные слова, ругань').

В настоящее время уже можно говорить о полной инвентаризации словообразовательных формантов в русском и других славянских языках. Это открывает перспективы «фронтального изучения связей между единицами словообразования... актуальными задачами становится выявление... особенностей организации отдельных подсистем и системы в целом» (Улуханов 1996: 4). Подробное исследование функционирования каждого форманта в его историческом движении позволит создать полную картину семантических преобразований словообразовательной системы.

Как справедливо отмечал В. В. Виноградов, «в синхроническом тождестве слова есть отголосок его прежних изменений и намеки на будущее развитие. Следовательно, синхроническое и диахроническое — лишь разные стороны одного и того же исторического процесса. Динамика настоящего — прорыв в будущее. Соотношение значений в современном употреблении слова, их иерархия... всегда заключают в себе диахронические отложения прошлых эпох» (Виноградов 1994: 17). Думается, что полное дериватологическое исследование каждого из диалектных языков в историческом движении важно не только для констатации тех или иных изменений, но и для последующего выявления диахронических констант (в терминологии М. М. Гухман) или исторических хроногloss (в терминологии Ю. Н. Караулова). Это позволит получить наиболее точную картину системных преобразований в исследуе-

мых языках, в том числе отношений мотивации (производности), утраты или формирования новых словообразовательных типов, расширения/сужения словообразовательного значения и т. п. Работа эта огромна и требует значительных усилий большого круга энтузиастов.

Источники

Тексты

В целях экономии места мы не даем расшифровку названий рукописей, поскольку в статье используются сокращения, принятые в СДРЯ XI–XIV вв., Словаре И. И. Срезневского, Старославянском словаре, СлРЯ XI–XVII и СлРЯ XVIII в.

Словари

- Даль — *Даль Владимир*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1956.
- Ожегов, Шведова — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- САР 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка, сост. Вторым Отделением Академии наук. Т. 1–4. СПб., 1847.
- СДР — Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. I–IV. М., 1999.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–8. М., 1998–2008.
- СлРЯ XI – XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1975–2008.
- СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–8. Л., 1984–1997.
- Срезн. — *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. Репр. изд. Т. 1–3. М., 1989.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л., 1965–. Вып. 1–.
- СС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. Вып. 1–36. М., 1974–2010.
- Ślawski L. Słownik prasławiański. T. 1–7. Wrocław etc., 1974–1995.

Литература

- Азарх 1974 — *Азарх Ю. С.* Из истории именного словообразования (слова женского рода на -нь) // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974.
- Азарх 1984 — *Азарх Ю. С.* Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.
- Варбот 1969 — *Варбот Ж. Ж.* Древнерусское именное словообразование. М., 1969.

- Виноградов 1994 — *Виноградов В. В.* Слово и значение как предмет историко-лингвистического исследования // История слов. М., 1994.
- Иорданиди 1998 — *Иорданиди С. И.* О некоторых аспектах изучения *nomina actionis* в истории русского языка // Четвертые поливановские чтения. Сборник научных статей по материалам докладов и сообщений. Ч. I. Смоленск, 1998. С. 144–150.
- Иорданиди 2002 — *Иорданиди С. И.* Преобразование семантической структуры некоторых словообразовательных типов в истории русского языка (от исходной системы) // Аванесовский сборник. М., 2002.
- Историческое словообразование 1984 — Историческое словообразование русского языка. Казань, 1984.
- Зализняк 2001 — *Зализняк Анна А.* Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2.
- Коряковцева 1998 — *Коряковцева Е. И.* Имена действия в русском языке: история, словообразовательная семантика. М., 1998.
- Кузнецова, Сиверина 1979 — *Кузнецова Г. А., Сиверина Е. Г.* Лексические указатели процессуального значения отглагольных существительных и условия его сохранения // Лексическая семантика и словообразование в русском языке. Куйбышев, 1979. С. 64–70.
- Мельчук 1997–1998 — *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. I–II. Москва; Вена, 1997–1998.
- Плунгян 1998 — *Плунгян В. А.* Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- Потебня 1968 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. III. М., 1968.
- РГ 1980, I — Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
- Соляцев 1977 — *Соляцев В. М.* Язык как системно-структурное образование. М., 1977.
- Ф. де Соссюр 1977: — *Фердинанд де Соссюр.* Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977.
- Трубачев 1994 — *Трубачев О. Н.* Синхрония, диахрония — und kein Ende... (маргиналии по русскому историческому словообразованию) // Исследования по русскому словообразованию. М., 1994.
- Улуханов 1996 — *Улуханов И. С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
- Улуханов 2005 — *Улуханов И. С.* Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М., 2005.
- Хохлачева 1969 — *Хохлачева В. Н.* К истории отглагольного словообразования в русском литературном языке нового времени. М., 1969.
- Grzegorzczkova, Puzynina 1959 — *Grzegorzczkova R., Puzynina J.* Z zagadnień słowotwórstwa synchronicznego // Poradnik językowy. 1959. № 6–7.
- Vaillant 1974, IV — *Vaillant A.* Grammaire comparée des langue slaves. Т. IV. La formation des noms. Paris, 1974.

Summary

S. I. Iordanidi

Towards the history of unproductive nominal suffixes in Russian

The article describes the evolution of semantic derivatives with unproductive suffixes *-tva*, *-tvo*, *-n(b)*, *-nb* throughout the history of Russian. Data from Old Russian (11–14th centuries), Middle Russian (15–17th centuries) sources, as well as the dialect data are used.

Способы выражения собирательности в русских говорах: грамматика и семантика

В картине мира носителя диалекта идея собирательности занимает более важное место, чем у носителя литературного языка (ЛЯ). Для многих говоров различение собирательного множества (непрерывного, интенсивного, обобщенного, усиленного) и дискретного является очень актуальным, и это находит отражение, в первую очередь, в количестве собирательных существительных в диалектном словаре и в семантическом противопоставлении вариативных форм множественного числа.

Категория собирательности определяется в Лингвистическом энциклопедическом словаре как категория понятийная (ЛЭС: 385), которая выражает множество как совокупность однородных предметов. С логической точки зрения собирательность совмещает в себе черты единичных и общих понятий, т. е. она, с одной стороны, связана на грамматическом уровне с категорией числа, а с другой стороны, с лексической категорией «массы», недискретной субстанцией, т. е. вещественными существительными. При этом следует подчеркнуть, что «С. к. лишь в сигнификативном аспекте — единство, в денотативном же аспекте она — множество; за собирательным именем всегда стоит некоторый ряд дискретных предметов, которые по крайней мере потенциально доступны пересчету. В отличие от категории числа, С. к. актуализирует не столько количественную, сколько качественную сторону (однородность) совокупности предметов...» (ЛЭС: 473).

Таким образом, в категории собирательности можно выделить следующие семантические признаки: 1) множество; 2) совокупность; 3) «качественность», которая обусловлена однородностью единиц, объединенных в собирательное множество; 4) нерасчлененность, непрерывность; 5) обобщенность. Первые три являются наиболее важными, определяющими функционирование собирательных существительных в языке.

Традиционно в качестве основного критерия для выделения собирательных существительных выступала их семантика: в группу собирательных включались слова типа *лес*, *стадо*, *дружина*, *толпа* (В. А. Богородицкий, Ф. И. Буслаев, Я. Х. Востоков, М. В. Ломоносов, А. М. Пешковский, И. И. Мещанинов и др.).

Позже лингвисты старались найти формальные признаки для выделения рассматриваемой группы существительных: наличие словообразовательного форманта, выражающего значение собирательности (Л. В. Щерба и его по-

следователи), невозможность образовывать форму множественного числа: «Категория собирательности находит свое грамматическое выражение в отсутствии форм множественного числа» (Виноградов 1986).

А. А. Реформатский предложил в качестве формального признака собирательности тройное противопоставление — так называемое «правило треугольника», базирующееся на наличии одноосновного соотносимого с собирательным существительным конкретного имени, обозначающего один предмет (Реформатский 1960: 394):

	<i>зверь</i>	
	ед. \ мн.	
<i>зверь</i>		<i>звери</i>
ед. \ ед.		мн. \ мн.

В русской грамматической традиции конца XX в. возобладал формальный подход и категорию собирательности не рассматривали как понятийную, а только как лексико-грамматическую и словообразовательную. Приведенное выше высказывание В. В. Виноградова сыграло важную роль в дальнейшей разработке проблем, связанных с этой категорией, во многих исследованиях стало общим местом утверждение, что собирательные существительные не могут иметь форм множественного числа. В (Грамматике 1980: 461–462) лексико-грамматический разряд собирательных существительных выделяется также по признаку отсутствия форм множественного числа. Внутри собирательных существительных различаются две группы: 1. выражающие значение собирательности с помощью суффикса (словообразовательно); 2. выражающие эти значения лексически: *ботва, мелюзга, хлам, мебель*. В духе идей Виноградова написана интересная, но дискуссионная статья (Лопатина 2007), в которой анализируется собирательность с позиций функциональной грамматики на обширном материале современного русского языка, включая разговорную речь, просторечие и жаргон.

Иной взгляд на категорию собирательности высказан в работах (Маркова 1974; Еселевич 1979), опирающихся на исторические данные русского и других славянских языков, при этом показана принципиальная возможность включения собирательного имени в числовое противопоставление. И. Э. Еселевич вслед за традицией XIX века рассматривает в качестве собирательных все существительные, объединенные семантическим критерием, т. е. «логико-понятийным содержанием» (Еселевич 1979: 15).

Разный подход к выделению этого разряда приводит к тому, что в толковых словарях литературного языка не совпадает круг существительных, трактуемых как собирательные.

Представляется, что совместить логико-понятийный и грамматико-словообразовательный подход помогает теория поля. Она позволяет наиболее последовательно и непротиворечиво описывать как литературный, так и диалектный материал¹. В последние годы появились работы, которые именно с этих позиций исследуют собирательность в русских говорах (Высотская 2002; Букринская, Кармакова 2003; Крылова 2007).

Как всякая понятийная категория собирательность имеет ядро и периферию. Подобный иерархический подход позволяет описать все проявления идеи собирательности на разных уровнях языка.

Ядром категории являются существительные, у которых значение собирательности выражено тремя формальными признаками:

(1) словообразовательным аффиксом;

(2) наличием соотносительности с однокоренным конкретным единичным именем («треугольник» Реформатского), что предполагает мотивацию их исходным существительным;

(3) отсутствием форм множественного числа.

Именно их можно назвать собственно собирательными существительными. Самым продуктивным при их образовании выступает суф. **-j-**, ударение может падать как на окончание, так и на основу: *волосьё*, *волосье*, *зубьё*, *крыльё*, *дерёвьё*, *елосье* ‘еловые лесоматериалы’, *кустосьё*, *кореньё*, *листьё*, *пеньё*, *сучьё*, *жердьё*, *гвоздьё*, *кирпичьё*, *каменьё*, *угольё*, *музьё*, *зятьё*, *сыновьё*, *зверьё*, *бараньё*, *боровьё*, *вороньё*, *голубьё*, *медвежьё*, *окуньё*, *бабьё*, *девьё*, *плутьё*, *солдатьё* и др. (АОС, СРНГ, СВГ, ЯОС). Приведем еще примеры с наиболее распространенными суффиксами: **-ник/-ик**: *балáнный* ‘распиленные тонкие бревна’ АОС, *жердьáнный* ‘жерди’ СВГ, *батóжный* ‘длинный срубленный лес, непригодный для строительства’ АОС; **-няк/ -ак/ -як**: *жердьáк* ‘жерди’ СРНГ, *кустовя́к* ‘заросли кустов’ СРНГ, *песня́к* ‘застольные песни’ (*песня́ка* *дерём*) ДАРЯ, *сучя́к* ‘сучья’ СРНГ; – суф. **-от(а)**: *гусóта* ‘гуся’ СРНГ, *мошкотá* СРНГ, *мухотá* СРНГ, *блохотá* СРНГ, *пчелотá* СРНГ; с суф. **-ня(я)**: *волосня́* ‘длинный конский волос, применяемый для изготовления лесок’ СРНГ, *детня́* ‘дети’ СРНГ, *мухóтня* ‘мухи, большое количество мух’ СРНГ, *родствня́* ‘родственники’ СОГ, *петушня́* ‘петухи’ ДАРЯ; с

¹ Статья не содержит исчерпывающего анализа диалектных данных по собирательности, зафиксированных в словарях, статьях, монографиях. Её основная цель — попытка систематизировать материал, связанный с категорией собирательности, на разных уровнях языка, а также описать семантические и грамматические признаки собирательных существительных и собирательных форм множественного числа.

суф. **-ств(о)**: *братовство* ‘участники свадебного обряда’ СРНГ, *жительство* ‘население’; *родовство* ‘родственники, родня’ СРНГ; **-нн(а)**: *брати́на* ‘единокровные или единоутробные дети’ СРНГ, *губина* ‘общее название любых съедобных грибов’ СВГ, *балани́на* ‘срубленный лес, состоящий из тонких бревен’ АОС; **-щин(а)**: *татарщи́на* ‘представители татарского народа’ СРНГ, **-в(а)**: *гусьва́* ‘гуси’, *глиствá* ‘черви для ужения рыбы’ СРНГ, *детва́* ‘дети’ СРНГ; сущ. женского рода на **-а** с нулевой суффиксацией, окончание **-а** выступает у подобных форм и как показатель собирательности: *гнида́* ‘много гнид, гниды’, *гриба́*, *зайца́*, *мошка́*, *муха́*, *пыля́* ДС.

Модель с суф. **-j-** является общерусской и встречается в подавляющем большинстве диалектов, особенно продуктивны собирательные этого типа в вологодских и архангельских говорах (ДАРЯ II, карта 34). Продуктивность таких форм в диалектах объяснима: они восходят к общеславянскому словообразовательному типу и были продуктивны еще в древнерусском языке.

В современных архангельских говорах они составляют большой словообразовательный класс. Помимо перечисленных, здесь употребляются и собирательные с суф. **-j-** (Шляпникова 1991):

(1) образованные от существительных, уже имеющих значение совокупности (от лексических собирательных): *Вот прежде какой нарядёё* (одежда) *было. А он во фсём обрёдёе* (одежде) *на диван повалился. Теперь уж навожеено фсякой одеждоы, обувёё. Котомоцьку наклала срядёя* (одежды); а также *еденьё, ломёё, лёсьёе, питеньё, скотьё, стряпёньё* ‘выпечка’, *хламёё*;

(2) образованные от существительных с вещественным значением: *би́серьё, бумажёё, грязьё, кожёё, лычьё, ситцевёё, стекольё, шёрстьё* и др.;

(3) также собирательными являются слова, которым в литературном языке соответствуют pl. tantum: *дровьё* ‘дрова’, *за́пряжьё* ‘оглобли’, *святёё* ‘святки’.

Как видно из этих примеров, диалектам свойственно эксплицировать, формализовать идею собирательности, заложенную во многих лексических собирательных, вещественных существительных и pl. tantum. В ЛЯ все перечисленные типы существительных находятся на периферии поля собирательности, а в архангельских говорах — в центре.

В северных говорах, где широко распространены формы на **-jo-** (*пеньё, листьё*), они употребляются в функции мн. числа, глагол-сказуемое при таких существительных может стоять как в форме ед., так и в форме мн. ч.: *братёё пришло* — *братёё пришли*, *угольё сгорело* — *угольё сгорели*, *полозьё переломалось* — *полозьё переломались*; *Всё сыновёё моё со мной живет*; *Все сыновёё да зятьё гостили* (Арханг. обл., Каргопольск. р-н). Формы мн. ч. на **-и** (*пни*, *угли*) практически не употребляются. В этих говорах категория числа

имеет черты словообразовательной категории. Как известно, употребление собирательных существительных в функции мн. ч. отражено памятниками письменности в основном северного происхождения.

Собирательные с другими суффиксами (см. выше) являются более поздними, Ю. С. Азарх называет их «вторичными производными собирательными существительными», этот класс, по ее мнению, формируется в старорусский период (Азарх 1984: 159–162).

Близкую к ядру группу составляют существительные, которые можно назвать качественно собирательными. Слова данной группы характеризуются наличием словообразовательного аффикса, включая нулевой, отсутствием форм множественного числа и несоотнесенностью с существительным в единственном числе. Входящие в неё слова могут иметь разную мотивацию: на основе прилагательных или словосочетаний, где основную смысловую нагрузку несет прилагательное, реже от глаголов и существительных. В некоторых случаях на синхронном уровне установить мотивацию затруднительно. Приведем примеры собирательных этой группы с различными суффиксами.

Суф. **-ѣ-**: *бáсье* ‘то, что служит для украшения’, *белѣ* ‘белые грибы’, *гну́тьѣ* ‘то, что можно согнуть’, *дарьѣ* ‘подарки жениха и невесты друг другу или гостям’, *дряньѣ* ‘ветошь’, *коротьѣ* ‘короткие бревна’, *кузьѣ* ‘кузнечные изделия’, *молодьѣ* ‘молодежь’, ‘молодые деревья’, *мытьѣ* ‘выстиранное бельё’, *скупьѣ* ‘скупые люди’, *сметьѣ* ‘сор’, *сушьѣ* ‘сухие деревья’, ‘ветви, хворост’, *сыпаньѣ* ‘то, что насыпано, чаще зерно’, *шелковьѣ* ‘шелковые вещи’ (АОС, СРНГ, СВГ, ЯОС);

нулевая суффиксация: *бель* ‘белые стебли ржи с пустыми колосьями’ АОС, *бель* ‘всякая мелкая рыба’ ЯОС, *встань* ‘заботы, связанные с ранним вставанием’ ПОС, *сладь* ‘все сладкое’ СРНГ, *суш* ‘сухие, без меда, соты’ и ‘мелкая сушеная рыба’ СРНГ, *сушь* ‘просушенные некрашеные ложки’ СРНГ, *сущ* ‘сушеные снетки’ СРНГ;

суф. **-н(я)**: *поберня́*, ‘те кто побирается’ СОГ, *ругня́* ‘грубые слова’ СОГ, *тварня́* ‘детвора’ СРНГ;

суф. **-щин(а)**: *горóдщина* ‘жители города’ СВГ, *дэльщина* ‘белье, одежда домашнего, не фабричного изготовления’ СВГ, *деревéнщина* ‘жители деревни’ СВГ, *базáрищина* ‘изделия фабричного производства’ АОС;

суф. **-ость**: *дáвность* ‘старые вещи’ АОС, *жй́вность* ‘скот’ СРНГ, *ста́рость* ‘старые вещи’ ДАРЯ;

суф. **-ин(а)**: *валѣ́жина* ‘поваленные в лесу деревья’ СВГ, *дежені́на* ‘изделия из недрожжевого теста’ АОС, *озері́на* ‘озерная рыба’ СВГ, *сушені́на* ‘грибы, пригодные для сушки’ ЯОС;

суф. **-от(а)**: *босотá* ‘бедные’ СРНГ, *блазнóта* ‘маленькие дети’ СРНГ;
 суф. **-яжк/-ёжк(а)**: *молодýжка*, *молодѐжка* ‘молодые люди’ СРНГ;
 суф. **-чик**: *жйвчик* ‘мошкара’ СВГ, **-ик**: *сýщик* ‘мелкая сушеная рыба’ ДАРЯ;
 суф. **-як**: *ближнýк* ‘люди, близко живущие от чего-л.’ ЯОС, *порожнýк* ‘пустая, ничем не наполненная посуда’ СОГ;

существительные ж. р. на **-а** с **нулевой суффиксацией**: *деньжá* ‘деньги’ СРНГ, *покрáса* ‘праздничная женская одежда, покрывала и полотенца’ СОГ, а также слова с неясной мотивацией и словообразовательной структурой, у которых значение собирательности поддерживается аффиксом **-а**, например: *гольтепá* ‘беднота’ СРНГ, *галýда* ‘дети’ СВ, *пѐжа* ‘еда, которую берут с собой в поле’ ДАРЯ, *шибарá* ‘безалаберные люди’ ЯОС.

Отдельную группу собирательных образуют названия однородного множества деревьев (одного вида или одинаковых по какому-либо признаку) или растений. Исторически они сформировались в результате семантического стяжения словосочетания: прилагательное + существительное, обозначающее совокупность, — *дубный лес* и под. Подробный словообразовательный и лингвогеографический анализ существительных этой группы сделан Ю. С. Азарх (2000: 129–134). Данная группа характеризуется наличием форманта собирательности, соотносённостью с единичным именем, при этом от существительных этой группы можно, как правило, образовать форму мн. ч. Для них характерны те же суффиксы, которые были перечислены выше, — **-ник/-ик**: *беломóшник* ‘заросли мха ягеля’ АОС, *белоцвѣтник* ‘заросли белоцветки (ромашки)’ АОС, *берѣзник* ‘заросли березы’, *ви́шник* ‘заросли вишни’, *в́язник*, *дубник*, *елóшник* ‘заросли ольхи’ (от *елoxa* ‘ольха’), *йвник*, *молодýжник* ‘молодой лес’, *листв́яник*, *олѣшник* ДАРЯ; **-няк/-ак(-як)**: *березнýк*, *бреднýк* ‘заросли ивы’, *бревнýк* ‘лес на бревна’, *губнýк* ‘лес, зараженный грибом’, *крушнýк* ‘заросли крушины’, *листв́як* ‘лиственные деревья’, *малиннýк*, *олешнýк*, *смороднýк*, *шелепнýк* ‘молодой густой лес’, *хвойнýк* ДАРЯ; **-няг/-аг(-яг)**: *березнýг*, *дубнýг*, *кустóрнýг*, *липýг*, *листв́яг*, *ольш́аг*, *соснýг*; а также менее продуктивные суффиксы: **-ук(-юк)**, **-уг(-юг)**: *березнóук*, *кустарнóук*, *олешнóук*, *соснóук*, *березу́га*, *березнóг*, *дубнóг*, *елу́га* ‘большой еловый лес’; **-овник**: *елóвник*, *кедрóвник*, *ольхóвник*. Суффиксы **-няк/-ак(-як)**, **-няг/-аг(-яг)**, **-ук(-юк)**, **-уг(-юг)** продуктивны в говорах северо-запада и севера (ДАРЯ III 1996, 2004, карта 85). Немногочисленны собирательные этой группы с суф. **-ин(а)**: *бредíна* ‘заросли ивы’, *липíна*, *преснíна* ‘молодой лес с неокрепшей древесиной, непригодный для рубки’, *яснíна* ‘заросли ясени’; **-ач**: *елáч*, *кедрáч*, *пихтáч*; **-ј-**: *ви́шенье*, *ли́пье*, *олѣшье*; **-ниц(а)** — *эльница*, *сосóнница*; **-овк(а)** — *елóвка*, *соснóвка*.

В говорах велика вариативность в образовании собирательных форм, особенно это касается слов, обозначающих что-либо, связанное с лесом и древесиной: *жердьё, жердяник, жердняк, валежьё, валежень, валежнина, балан, баланина, баланьё*, а также обозначение родственников: *родовá, родствá, родствó, родствня́, родовствó, родословие, рóдствия, родня́, родняк, родня́не*. Вариантные формы от одного корня могут употребляться как в пределах одного говора (синонимия в частной диалектной системе), так и в разных говорах (междиалектная синонимия).

К периферии поля собирательности относятся лексические собирательные типа *живот* 'имущество' СРНГ, *гад, гнус* 'любые неприятные насекомые, животные' СВГ, *страм* 'мусор, грязь' ДАРЯ, *скот* СРНГ, *ягода* 'сушеные фрукты для компота' ЯОС и др.

Большой интерес представляют факты употребления в диалектной речи собирательных по формальному показателю лексем для обозначения одного предмета или лица: *Вица — прутьё от ывы длиннóе. Он один, кыльё-то. Сять на стўльё. Платье у меня — старьё. Она мне родня. Ты моложэ меня, а я вот старўшьё. Мужычьё, правда, неплохое было* (речь идет о единственном муже). В приведенных примерах собирательные существительные обозначают один предмет из класса или совокупности предметов, таким образом, в этих случаях значение количества нейтрализуется, а на первый план выступает качество (однородность), иначе говоря, отнесенность к определенному классу вещей. Подобные употребления еще раз подтверждают, что собирательность в отличие от категории числа актуализирует не столько количественную, сколько качественную сторону совокупности предметов.

Такие примеры с конкретно-предметным значением у ряда собирательных можно найти и в ЛЯ: *дрянь, мелочь, родня, старьё* (Ожегов, Шведова 1997). Очень широко подобное явление распространено в разговорной и жаргонной сфере, слова типа *наркота, пьянь, хамьё, шпана, школотá, гопотá, гопьё, гопотёнё* и др. употребляются и как собирательные, и как обозначающие одного человека. Об этом пишет В. В. Лопатин, отмечая, что «конкретно-предметное и собирательное значение тесно взаимосвязаны... и нередки случаи их взаимопроникновения, синкретизма...» (Лопатин 2007: 573–574). Кодифицированный литературный язык, с одной стороны, и разговорная, просторечная, а также жаргонная стихия, с другой, — очень отличаются друг от друга употреблением собирательных существительных. Если в литературном языке собирательные вытесняются формой множественного числа и представляют собой непополняемую группу слов, то в разговорно-просторечной сфере эта группа востребована и продуктивна, что говорит о близости различных

типов устной речи, в том числе диалектной. В разговорной и жаргонной речи собирательные существительные ярко экспрессивны и эмоционально окрашены, они имеют, как правило, уничижительно-пренебрежительный оттенок: *алкота, бредятина, пацанё, попся, развлекуха, сволота, фигня* и др. В диалектах собирательные существительные в большинстве случаев нейтральны и не содержат в себе пейоративной окраски. При этом у некоторых собирательных есть дополнительное значение интенсивного, обширного множества: *мух́а, гриба́, гнида́*, славянские суффиксы *-ак, -як, -аг, -яг, -ук, -уг, -юг*, по мнению Ю. С. Азарх (2000: 131), имеют экспрессивно-увеличительный оттенок значения: *елуга* ‘большой еловый лес’, *бабнѹг, бабняг* ‘бабы’ ПОС. Собирательные формы часто сочетаются со словами *столько, много, всякий, разный* и т. п., которые подчеркивают усилительную множественность.

Как известно, собирательные существительные распределяются по нескольким тематическим группам. Число подобных тематических групп и количество существительных, входящих в каждую из них, по говорам очень различается. Это в первую очередь зависит от того, как воспринимается носителями диалектов множество тех или иных предметов. Обобщая данные русских говоров, можно выделить наиболее часто встречаемые и репрезентативные группы слов.

Неодушевленные существительные: названия совокупности (1) деревьев, растущих вместе или объединенных по какому-либо признаку: *березняк, валежина, дубье, кедрач, листвяк, молодняжник, тополюг*; (2) растений и их частей: *беломошник, брусничё, вересняк, лапё* ‘ветки ели’, *лопушьё* ‘лопухи’, *колосье, пеньё, прутьё*; (3) изделий из дерева или разных видов древесины с точки зрения использования ее в строительстве и хозяйстве: *баланина, батѹжник, бревёнье, брусѹвье, верши́нье, голти́нье* ‘сосновая дранка для плетения корзин’, *долготё* ‘длинные бревна’, *жердя́ник, колье, еловье* ‘еловые лесоматериалы’; (4) частей тела человека и животных: *зубье, волосё, жи́лье, колёнье, костё, крылё, пёрстё* ‘пальцы’, *перё, хвосте*; (5) предметов одежды, включая украшения: *бусё, гри́бье* ‘воланы, оборки на сарафане, платё’, *дѣльщина* ‘белье, одежда домашнего, не фабричного изготовления’, *кафтанё, кружевё, латоні́на* ‘поношенная одежда’, *нарядё, обряжёнё, обувё, платѹвье* ‘платки’, *платьё, покра́са, поя́сье* ‘пояса’, *скру́та, спра́ва, сря́да, старё, шелковё*; (6) предметов, связанных с хозяйством и строительством: *блю́дье* ‘миски’, *гвозде, камень, кирпичё, клубё, кузовё, стульё, стеколье, кузьё* ‘кузнечные изделия’, *уголье*; (7) названия еды, продуктов питания: *деженина, единё* ‘еда’, *ко́лѹбье* ‘выпеченные изделия круглой формы’, *кола́чье* ‘выпеченные изделия закругленной формы’, *перепечё* ‘выпеч-

ка', *питеньё* 'то, что пьют', *постряпёнье* 'выпечка', *сладь* 'все сладкое', *суц*, *сушишик* 'сушеная рыба', *ягода* 'сушеные фрукты для компота'; (8) названия чего-либо плотного, слежавшегося: *глыбье* 'глыбы', *глызьё* 'куски чего-либо: соли, сахара, грязи, снега', *груданье* 'груды чего-либо', *каты́ише* 'мелкие комочки муки', *клочёвье*, *кλόчье* 'кочки', *комбóвье*, *комчье* 'комки', *лдьи́ньё* 'лдины', *плітьё*, *пластїньё*, *пла́стье* 'пласты'.

Среди одушевленных существительных наиболее представительными являются следующие группы собирательных: (1) термины родства: *братьё*, *внўчье*, *деверьё*, *зятьё*, *мужьё*, *отрёбье* 'близкие родственники, представители рода', *родняк*, *родства*; (2) наименования детей и молодежи: *галяда* 'дети', *девье* 'молодые девушки', *детва*, *молодѣжка*, *пацаньё*, *робятёшка*; (3) названия людей, объединенных каким-либо признаком: *ближняк*, *бродьё* 'люди, любящие погулять', *босота*, *городищина*, *дуральё* 'глупые люди', *лодырьё*, *музурьё* 'хулиганы', *поберня*, *посторонница* 'чужие люди', *татарщина*; (4) названия животных: *зверьё*, *баранье*, *медведьё*, *котьё*, *лошадьё*, *овечье*; (5) названия птиц: *воробьё*, *вороньё*, *коршуньё*, *петушня*, *гбголье*; (6) названия рыб: *мельё*, *мольё* 'мелкая рыба', *малява*, *налимьё*, *озерїна*, *окуньё*, *язовьё*; (7) названия насекомых: *блехотá*, *гнїдá*, *гнус*, *комарьё*, *мошкарьё*, *муравьё*, *оводьё*, *осьё*.

На морфологическом уровне категория собирательности проявляется в том, что у ряда существительных форма мн. ч. может иметь добавочное собирательное значение. Это формы на *-j(a)* типа *волосья*, *лісья*, *лошадья* и формы Им. п. с окончанием *-а* типа *хлебá*, *жемчугá*, *волосá* (исключая формы, генетически восходящие к двойственному числу: *рога*, *бока*).

Как уже говорилось, в севернорусских говорах продуктивны собирательные существительные с суф. *-j-* (*-jol/-je*), а в южном наречии в том же собирательном значении широко распространены формы Им. п. мн. ч. на *-j(a)*, особенно в Восточной (Рязанской) группе говоров: *ўголья*, *камёнья*, *волосья*, *пёнья*, *оводья*, *брáтья*, *боровья*, *голубья*, *лошадья*. Кроме того, они отмечены в заонежских и гдовских говорах, где образуются от существительных всех трех родов и охватывают большой круг лексики: *берёзья*, *нівья*, *кóстья*, *я́мья*, *одея́ловья*, *внўчья*, *мужчї́нья* (ДАРЯ II, карта 27, 31).

О происхождении таких форм нет единого мнения. Так, В. М. Марков и И. Э. Еселевич полагают, что они образовались как формы мн. ч. от собирательных существительных: *пенья* от *пеньё* (Марков 1974: 69–74; Еселевич 1979: 89). Однако новые диалектные данные, обширные материалы атласов восточнославянских языков, диалектных словарей, многочисленных экспедиций позволяют выдвинуть и другое предположение. Старый суффикс **-bj-*

мог оформляться как окончанием единственного числа ср. р. *-e* (*-ě*), так и окончанием мн. числа *-a*, т. е. формы типа *пеньё*, *пенья* могли образоваться независимо друг от друга и были противопоставлены территориально.

Традиционно в древнерусском языке собирательные существительные с суф. *-*ъj-* разделяются на два класса: (1) названия родственников и лиц мужского пола (сущ. ж. р. типа *братия*, впоследствии переосмысленные как формы мн. ч.); (2) названия предметов (сущ. ср. р. типа *угольё*). Более поздние собирательные, производные от наименований животных и пренебрежительные названия людей (типа *зверьё*, *ворьё*) в разных диалектах ведут себя по-разному: присоединяются к одной из вышеназванных групп или образуют свою. В части вологодских и костромских говоров, а также в диалектах других славянских языков представлена система, идентичная древнерусской, в которой названия родственников образуют формы на *-j(a)*: *братья*, *дядья*, а от названий предметов и животных употребляются собирательные — на *-j(o)*: *угольё*, *брусъё*, *зверьё*. В большинстве архангельских и вологодских говоров от сущ. всех трех названных групп употребляются собирательные на *-j(o)*: *братьё*, *дядьё*, *угольё*, *брусъё*, *зверьё* (см. выше). В говорах южнорусского наречия известны системы, где зафиксированы формы на *-j(a)* во всех группах: *братья*, *дядья*, *уголья*, *брусья*, *зверья*. Подробное описание различных систем соотношения собирательных на *-j(o)* и форм Им. п. мн. ч. на *-j(a)* рассмотрены в (Букринская 1994).

Собирательным оттенком значения обладают и формы Им. п. мн. ч. на *-a*: *волосá*, *деревнjá*, *лошадjá*, *грехá* и т. п. Об их собирательном значении писали (Соболевский 1907; Потебня 1968; Сими́на 1970). А. А. Потебня обратил особое внимание на тот факт, что «собирательное значение этих окончаний явственно там, где рядом с ними употреблены и правильные. Этим последним придается значение единичной множественности, т. е. множества предметов или лиц, рассматриваемых отдельно... первым — собирательной множественности, в коей теряется неделимость предметов. Так, *меха* и *мехи*, *образа* и *образы*...» (Потебня 1975: 44). Следует заметить, что формы множественного числа с окончанием *-a* не являются специфически русскими: они встречаются в других славянских языках и практически везде имеют собирательный оттенок (Букринская 1985: 122–129; Букринская 1991: 55–58).

Собирательное значение понимается нами широко: как значение сплошного непрерывного множества, его определенной модификацией у форм на *-a* можно считать значение обширного, интенсивного, усиленного множества, протяженного в пространстве или во времени: *какие страстьá*, *грязя́ были больш́ие*, *кругом одни степя́*, *страшные грехá*, поэтому эти формы часто со-

четаются с определениями, имеющими обобщенное или усилительное значение: *всякие, разные, такие, какие, страшные, сильные* и т. п. Наиболее продуктивны формы на *-а* в восточных говорах южного наречия (Рязанская, Воронежская, Тамбовская обл.), где они образуются от сущ. м. и ж. р. разных акцентологических типов: *дождя́, плотника́, пустяка́, скотника́, супа́, дыня́, шуба́, яблоня́, дверя́, лошады́, печа́* и др. (ДАРЯ II, карта 31). Собирательный оттенок форм на *-а* особенно ощутим при наличии вариантных форм с окончанием *-и/-ы* в пределах одного говора, например: *на эти улицы — улицá были длинные, были морозы́ — сильные морозá стояли* (д. Поповка Тамбовской обл.).

Следует сказать, что формы мн. ч. на *-ја* и на *-а* находятся на периферии поля собирательности, также к периферии поля относятся синтаксические способы ее выражения.

Итак, самым продуктивным способом выражения собирательного значения в говорах является суффикс *-ј-*, который может оформляться окончанием ед. ч. ср. р. *-е* (*-ё*): *братё, зятьё, листьё, пеньё, уголье, колье, зверьё, оводё* или окончанием мн. ч. *-а*: *братья, зятья, листья, пеня, уголья, колья, зверья, оводья*.

Продуктивность собирательных существительных и форм множественного числа с собирательным оттенком в диалектах объясняется прежде всего нацеленностью говорящего на «качественную множественность», которая обозначает совокупность предметов, объединенных определенными признаками, присущими данному классу. Это свойство объединяет разговорную и диалектную речь.

Литература

- Азарх 1984 — Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.
- Азарх 2000 — Азарх Ю. С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М., 2000.
- Букринская 1985 — Букринская И. А. О соотношении окончаний *-а* и *-и* (*ы*) в именительном падеже множественного числа существительных (на материале одного южнорусского говора) // Диалектография русского языка. М., 1985.
- Букринская 1991 — Букринская И. А. Именительный падеж множественного числа существительных женского рода в русских говорах и категория собирательности // Современные русские говоры. М., 1991.
- Букринская 1994 — Букринская И. А. Собирательные формы с суффиксом * *ьј* в восточнославянских говорах // Проблеми сучасної ареалогії. Київ, 1994.

- Букринская, Кармакова 2003 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. О категории собирательности в литературном языке и русских говорах // Русский язык сегодня. Вып. 2. Активные языковые процессы конца XX века. М., 2003.
- Виноградов 1986 — Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1986.
- Высотская 2002 — Высотская И. А. Русское собирательное имя в лингвопрагматическом аспекте. АКД, Ростов-на-Дону, 2002.
- Грамматика 80 — Русская грамматика / АН ССР. Ин-т русского языка. Т. 1, М., 1980.
- Еселевич 1979 — Еселевич И. Э. Из истории категории собирательности в русском языке. Казань, 1979.
- Крылова 2007 — Крылова А. Б. Лексико-грамматическое поле собирательности в современном русском языке и его территориальных диалектах // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. Симферополь, 2007, № 110, т. 1.
- Лопатин 2007 — Лопатин В. В. Собирательность в русском языке. Фрагмент функциональной грамматики // Многогранное русское слово: избранные статьи по русскому языку. М., 2007.
- Марков 1974 — Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974.
- Ожегов, Шведова — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь современного русского языка. Изд. 4. М., 1997.
- Потебня 1968 — Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968.
- Потебня 1975 — Потебня А. А. Значение ударения в образовании именительного падежа множественного числа существительных мужского рода // Мовознавство. 1975, № 5.
- Реформатский 1960 — Реформатский А. А. Число и грамматика // Вопросы грамматики: сб. статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова. М.; Л., 1960.
- Симина 1970 — Симина Г. Я. Очерки по морфологии пинежского говора. Л., 1970.
- Соболевский 1907 — Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- Шляпникова 1991 — Шляпникова О. Г. Собирательные существительные среднего рода с суффиксом -j- в архангельских говорах. Дипломная работа. Рукопись. МГУ, 1991.

Принятые сокращения

- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецевой. Вып. 1–13–МГУ, 1980–2009–.
- ДАРЯ II — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. II. Морфология. Карты и комментарии. М., 1989.
- ДАРЯ III 1996 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. III. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. Справочный аппарат. М., 1996.
- ДАРЯ III 2004 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. III. Ч. 2. Синтаксис. Лексика. Карты. М., 2004.
- ДС — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1 – 12. Вологда, 1983–2007.

СОГ — Словарь орловских говоров. Вып. 1–15–, Ярославль, Орел, 1989–.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–19–. Л./СПб., 1967–2010–.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–43–. Л./СПб., 1961–2010–.

ЯОС — Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.

Summary

I. A. Bukrinskaya, O. E. Karmakova

Collective nouns in the Russian dialects

The article aims to systematize dialectal data about collective nouns and to describe semantic properties and grammatical features of collective nouns and the plural forms of nouns. Collective nouns are very significant and productive class in the various Russian dialects.

О проницаемости грамматической системы в ситуации межязыковой интерференции в говоре потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе

0. Из более чем десятка чешских и смешанных чешско-русских сел, основанных во второй половине XIX в. чешскими колонистами на Черноморском побережье Северного Кавказа, куда они, наряду с представителями других народностей, приглашались царским правительством для освоения земель, обезлюдивших после Кавказской войны, в наши дни лишь два остаются местами компактного проживания непренебрежимого числа потомков этих переселенцев, сохраняющих самобытный чешский говор, а именно Кирилловка под Новороссийском и Варваровка (вместе с Павловкой, слившейся с ней в 1960-е гг.) под Анапой. С Кирилловкой так или иначе связаны носители данного говора, живущие некомпактно в других населенных пунктах в составе муниципального образования Новороссийск (Мефодиевка, Борисовка, Гайдук), некоторые же уроженцы Варваровки/Павловки живут в Анапе.

Численность чехов в Кирилловке, Мефодиевке, Варваровке
и Павловке в конце XIX – начале XX в.¹

Село	Год основания	1872 г.	1910–1911 гг.	1926 г.
Кирилловка	1869	181 ²	358	335
Мефодиевка		91	200	нет данных
Варваровка	1870	165	350	306
Павловка		94	161	154

Ныне на 1200 жителей Кирилловки, где при переписи населения 2002 г. чехами заявили себя 66 человек, насчитывается всего около 25 лиц, для которых местный чешский говор является родным и которые активно пользуются или способны пользоваться им в повседневном общении. В подавляющем большинстве это люди старшего поколения (1920–30-х гг. рождения),

¹ Данные из книги (Пукиш 2010: 34–36, 213).

² Как вспоминал покойный Павел Матвеевич Лузум (1911–2005), «первых чехов в Кирилловке было семь семей — семь землянок. Это Лузум, Вондрушка, Вайгант, Ружичка, Коза, Швец и Канька» (см. Пукиш 2010: 298).

реже — следующего за ним (1940–50-х гг. рождения), на котором естественная передача чешского языка в семьях оборвалась. Еще в начале 1960-х гг., по словам старожиллов, дети в селе говорили по-чешски, часто даже не владея в раннем возрасте русским языком, однако позже чешский вне сферы общения людей пожилого возраста почти перестал звучать. Аналогичная ситуация наблюдается в Варваровке (ее население, вместе с Павловкой, составляет примерно 1600 чел.), число чешскоговорящих жителей которой в настоящее время еще меньше: около 20 чел. в возрасте от 57 до 94 лет, включая живущих в Анапе.

На протяжении полутора веков своего существования и преемственного развития говор северокавказских чехов не был объектом внимания лингвистов. Только в 2009–2011 гг. авторы данной работы предприняли пять поездок в Кирилловку и Варваровку, в том числе три с участием студентов РГГУ. По результатам первой из них была напечатана пока единственная статья (Скорвид, Третьякова 2009); материалы следующих еще ждут подробной обработки и публикации.

Нашими информантами были:

в Кирилловке — супруги Евгения Тимофеевна (урожд. Божена Ясан) и Леонид Васильевич Ружечко (Ружичка, 1926 и 1927 г. р.), Мария Тимофеевна Викторова (урожд. Ясан, 1923 г. р.), Мария Владиславовна Коваль (урожд. Грах, из Варваровки, 1935 г. р.), Мария Владимировна Сисель (Чехова, из Борисовки, 1925 г. р.), Владислав Павлович Кабрда (1931 г. р.), Ружена Васильевна Гайдамака (урожд. Пфлегер, 1927 г. р.), Милослава Иосифовна Дубовик (урожд. Чмелинская, 1924 г. р.), Василий Павлович Ружечко (Вацлав Ружичка, 1940 г. р.), Иосиф (Йозеф) Кириллович Виктор (1946 г. р.), а также:

в Мефодиевке — супруги Мария Иосифовна (урожд. Шусс, из Кирилловки) и Владислав Павлович Пфлегер (1938 и 1939 г. р.), в Борисовке — Надежда Антоновна Студиград (урожд. Шмидберская, из Кирилловки, 1919 г. р.), в пос. Гайдук — Эмилия (Милослава) Ивановна Краль (урожд. Мареш, из Кирилловки, 1928–2012);

в Варваровке — Анна Ивановна Вельчик (1921 г. р.), Мария Иосифовна Белоконь (урожд. Машек, 1931 г. р.), Ярмила Эмильевна Мосейчук (урожд. Гейль, 1932 г. р.), Нина Даниловна Полянова (урожд. Хищенко, 1940 г. р.), Мария Петровна Копервас (1950 г. р.);

в Анапе — Анастасия Петровна Сланец (1913–2010), ее дочь Мария Васильевна Малик (урожд. Шусс, 1931 г. р.) и внучка Евгения Васильевна Филиппова (урожд. Малик, 1954 г. р.).

Материал наших записей дает основания утверждать, что северокавказский чешский говор, сохраняющийся в селах Кирилловка под Новороссийском и Варваровка под Анапой (далее СКЧ), достаточно единообразен и с однозначностью возводится к юго-западным диалектам собственно Чехии. Разделяя основные общие черты группы так наз. собственно чешских диалектов, прежде всего фонетические ($e\dot{j} < *y, \dot{i} < *e$, протеза v перед $o-$, утрата l после согласного в конце слова и др.), он обнаруживает многочисленные диагностические признаки юго-западных говоров как в фонетике, так и в грамматике, не считая присутствия специфических южно- и/или западночешских лексем (в том числе региональных германизмов). При этом на всех названных уровнях данный говор несет на себе следы интенсивной межъязыковой интерференции, чешско-русской или, шире, чешско-русско-украинской (в фонетике: наложение некоторых особенностей кубанской «балачки»³).

Грамматика СКЧ демонстрирует, с одной стороны, хорошую сохранность исходного диалектного состояния, включая явления, обязанные давним контактам диалекта-источника с немецкой языковой средой, а с другой — разнообразные результаты воздействия русского языка окружения (далее РЯО)⁴ на уровне системы и/или речи (при вкраплении также некоторых чешских диалектных форм в русский дискурс).

То и другое позволяют наглядно показать четыре выбранных нами фрагмента грамматической системы описываемого чешского говора.

1. Выражение принадлежности

1.1. Одной из самых ярких примет юго-западных чешских говоров, наблюдающейся у северокавказских чехов, являются застывшие неизменяемые формы им.-вин. п. ед. ч. ср. рода притяжательных прилагательных на **-ovo** и реже **-ino** от одиночных названий лиц соответственно мужского и женского пола, ср. примеры из Кирилловки: *taťínkovo bratr... taťínka mojevo*⁵ *bratr... d'elal na závodě, na Krasnom dv'íhatele*⁶ *tam...* 'папин брат... папы моего брат...

³ В частности, несомненно из «балачки» с ее двоякой рефлексацией украинской средневерхней гласной /i/ северокавказскими чехами была воспринята колеблющаяся реализация своей фонемы /i/: с одной стороны, в звуке, аналогичном русскому [ы], а с другой — в звуке, склонном к [e] (наряду с обычным [i]). В примерах ниже мы транскрибируем первый вариант как [y], а второй — как [e¹].

⁴ Под этим мы подразумеваем распространенный на данной территории интердиалектный южнорусский идиом, вобравший в себя в условиях контакта многие элементы украинского типа.

⁵ Прописной буквой здесь и в других подобных случаях обозначается ударение как в РЯО или вообще смещенное с начального слога (не обязательно под воздействием РЯО).

⁶ В данной статье мы пренебрегаем при транскрипции различием между гортанным чешским [h] и велярным южнорусским [ɣ], выступающим в цитатной лексике.

работал на заводе, на «Красном двигателе»; *to bila moje kmotřička, taťínkovo sestra* ‘это была моя крестная, папина сестра’; *mámn’e se... d’edouškovo... Kateřina říkalo* ‘маме... дедушкиной... Катержина имя было’. Формы на **-ino**, при этом без чередования корневого задненебного согласного (по образцу РЯО), зафиксированы нами в Варваровке: *Taťínkovo mamka, mamkino mamka* — *von’i š fšechni bili Čechi. Daže ešče maminkino máma, vona babičku mn’ela nastojAščí Češku*. ‘Папина мама, мамина мама — они же все были чехи. Даже еще мамина мама, у нее бабушка была настоящая чешка’.

В рассказе анапчанки М. В. Малик встретилось также употребление неизменяемой формы на **-ovo** в сочетании с добавочно присоединенным постпозитивным определением в род. п. ед. ч.: *moje teta... vona mn’e nerodna, dvojurodna... tátovo mojejo sestra* ‘моя тётя... она мне не родная, двоюродная... папы моего (двоюродная) сестра’. Ср. в ее же речи сочетание изменяемого притяжательного прилагательного, образуемого суффиксом **-in-** (с несмягчающим [y], как в РЯО), с препозитивным приложением в род. п. и несогласуемой фамилией в дистантной постпозиции: *To nejn’i baby Chanyna dočka N’emců, ne... co vona umřela, nebo pot pojest popadla, nebo co, nevíte... měтя Хана, babičkina sestra?* ‘Это не бабы Ханы дочка Немцов(ых), нет? Той, которая умерла, то ли под поезд попала, то ли что, не знаете? Тетя Хана, бабушкина сестра?’

В остальном, как это демонстрирует во второй части вышеприведенный контекст, изменяемые притяжательные прилагательные образуются вполне регулярно от одиночных названий лиц как мужского, так и женского рода (от последних — суффиксом **-in-** с чередованием корневого согласного или без него), ср.: *v devadesát vosum let umřela ta babička, taťínkova maminka...* ‘в 98 лет умерла та бабушка, папина мама’; *vona cht’ela ject do Brna na otcovu mohilku* ‘она хотела поехать в Брно на отцову могилку’; *von svoje d’eťi jako ne to... nevichovává a kór jako bratrovéⁱ d’eťi bude vichovávat* ‘он своих детей не того, не воспитывает — а тут еще детей брата будет воспитывать’; *a mamin-ka ešče i maminčina sestra bili živí moje* ‘а мама и мамина сестра еще мои были живы’; *tadi mám ešče nehde strejčka, jako maminčiního bratrAnce* ‘тут у меня еще есть где-то дядя, то есть мамин двоюродный брат’; *fšecki přicházeli k nám svoji vlastn’í... sestri maminčini i bratrancei...* ‘все родственники приходили к нам... сёстры мамины и двоюродные братья...’; *a d’edoušek můj bil ve mn’est’e, babičkin manžel* ‘а дедушка мой жил в городе, бабушкин муж’; *von’i žijou tam f Kirilce, tam Mařenkina pol doma je...* ‘они живут там, в Кирилловке, там Марженкины полдома есть (у них)’ (где притяжательное прилагательное восприняло краткую [!] флексию русской формы род. п. ед. ч. *дома*). В сме-

шанном чешско-русском дискурсе встретилось притяжательное с суффиксом **-in-** от существительного муж. р: *Čti fамилию — ЯсАн Виктор Иосифович. Ну всё, думаю, asi to je Josin, это, sin* ‘Читаю... наверное, это Ёсин сын’ (Ёся — распространенное у северокавказских чехов уменьшительное образование от имени Иосиф, русской замены чешского Josef).

С притяжательными прилагательными (а также с застывшими формами на **-ovo/-ino**) в СКЧ конкурируют формы род. п. ед. ч., регулярно употребляющиеся в случае осложнения существительного зависимыми компонентами, ср.: *u Alžbjetiněho táti d'elal* ‘у Альжбетиного отца работал’, но *pracoval... u toho táti tej Alžbjeti* ‘работал у того отца той Альжбеты’. Характерной особенностью говора кажется частая препозиция таких именных групп с главным словом в род. п. по отношению к определяемому существительному, например: *muj strejček Frantiík, mojeho taťinka bratr, von žil f Čechách* ‘мой дядя Франтик, моего папы брат, он жил в Чехии’; *to je mího bratra tcera* ‘это моего брата дочь’; *mojí teti taki manžel se nevrátil* ‘моей тети муж тоже не вернулся’; *teti mojí taki holčička tadi virosla* ‘тети моей тоже девочка тут выросла’ и т. д.⁷ Подобная именная группа иногда включает другую препозитивную ИГ в род. п., ср. *jeho sin <...> nu, mího brat... manžela bratra sin* ‘его сын... ну, моего мужа брата сын’; нередко же в ее состав входят семейно-притяжательные формы на **-ů/-u** либо иные, выполняющие функцию фамилий (подробнее о них см. ниже), которые могут находиться между главным словом ИГ в род. п. и определяемым ею существительным или в дистантной постпозиции: *Dušanu strejček, Josi Dušanu táta, von se tam f Čechách vostal* ‘Душанек(ов) дядя, Ёси Душанека/Душанеков отец, он остался там, в Чехии’; *Míša, Svjeti Bednářku manžel... von tam žije i skovává se* ‘Миша, муж Светы Беднаржик(овой)... он там живет и скрывается’; *tuhle Havel Stud'ihradú, souset, Nád'i tej manžel, Šimberskejh* ‘вот Гавел Студиград(ов), Нади этой муж, Шимберской/Шимберских’.

Об устойчивости препозитивного употребления именных групп с главным словом в род. п. в исследуемом говоре свидетельствует такой фрагмент диалога между Леонидом и Боженой Ружечко с участием племянницы последней, Светланы Виноградовой, у которой чешская речь уже заметно менее естественна:

⁷ Своеобразен случай дублирования препозитивно употребленной именной группы в род. п. препозитивным же притяжательным местоимением: *můžeš provjedit toho Frantiíka jeho ženu, вона je živá prej* ‘ты можешь провести этого Франтика его жену, она жива, говорят’.

- B.: *Tudle Bjeti Chalupú máma,*
babička... říkali jí kerak? – Вот Беты Халупов(ой) мама,
 бабушка... звали ее как?
- L.: *Hdo-hdo?* – Кто-кто?
- S.: *Babička Bjeti Chalupú.* – Бабушка Беты Халупов(ой).
- B.: *Bjeti Chalupú babička.* – Беты Халупов(ой) бабушка

Подобный словопорядок наблюдается и в русской речи северокавказских чехов, ср.: *Племянницы — двоюродного брата дочери.*

Формы род. п. ед. ч., употребляемые иногда в постпозиции к определяемому ими существительному (по образцу РЯО?), но чаще в препозиции, а также в составе предиката, возможны и у одиночных существительных, напр.: *nu a Mirek ešte d'elal, bratr manžela* ‘ну а Мирек еще работал, брат мужа’; *potom jednoho... strejčka žena vzala jako vospítivat* ‘потом одного (сына) дядина жена взяла, как бы на воспитание’; *tadi bila d'edouška spAln'a, mojeho muža* ‘тут была спальня деда, моего мужа’; *Mařeni strejček... bil tam, ona potom ros-káže* ‘Маржены дядя был там, она потом расскажет’⁸; *hodn'e holek sem do Kirilki se vdali... tahle Viktoru bila votet', jedna Viktorú⁹ toho, Edi, druhá... to bili Chalupki sestri* ‘много девушек сюда, в Кирилловку, вышло замуж... вот Викторова была оттуда, одна Викторова — этого, Эды, вторая... это были Халупы сёстры’; *A ešte n'íž byla (vinice), ne? – Ta byla Bočka.* ‘А еще ниже был (виноградник), нет? – Это был Бочка.’

Наконец, в речи М. В. Сисель (Чеховой) встретился еще один способ выражения принадлежности: конструкция существительного в род. п. с предлогом (*v*)*od*, выдающая немецкий источник: *já si pamatuju do dvanácti let toho d'edouška babičku... vot mího taťínka* ‘я помню до 12 лет того дедушки бабушку... (со стороны) моего папы’; *ot mího taťínka babička bila... z západních Čechú* ‘моего папы бабушка была... из Западной Чехии’¹⁰.

⁸ На территории юго-западных диалектов собственно Чехии аналогичные конструкции типа *taťínka bratr* ‘папы брат’, *sestri kluk* ‘сестры сын (парень)’, наряду с типом *taťínkovo bratr, sestřínol-íno kluk*, отмечали Я. Белич (Bělič 1972: 173) и позднее М. Янечкова (Janečková 1994: 12; 1995: 14).

⁹ Официальная фамилия главы этой семьи — Виктор (по-чешски *Viktora*), местная семейно-притяжательная форма — *Viktorú/-u*; в данном контексте она выступает препозитивно в именной группе с приложением и катафорически отсылающим к нему местоимением в род. п., помещенной в предикативную позицию.

¹⁰ Конструкция с предлогом (*v*)*od*, аналогично немецкой с *von*, может выражать также предмет речи, например: *Tu si babičku já pamatuji pjekn'e, ta mn'e dicki víprávjela vot tej babički, jako maminčinej sestri* ‘Эту бабушку я хорошо помню, она мне всегда рассказывала о той бабушке, то есть маминой сестре’; *tam je vot náboženství víc* ‘там (в брошюрах) о религии больше’.

1.2. Своеобразной чертой СКЧ является употребление семейно-притяжательных форм с окончанием **-ů/-u**, образуемых от имен собственных (реже — нарицательных) мужского рода и выражающих принадлежность семье (либо к семье), а одновременно служащих в качестве местных названий семьи и ее членов, т. е. — за исключением отапеллятивных форм — фактически фамилий¹¹. Примеры: *Růžičkú náš taki bil... starej dům* ‘Вот и наш, семья Ружичка, тоже был старый дом’ и *naše rodiče říkali: já sem Růžičku a to Luzumú* ‘наши родители говорили: я Ружичка, а то — Лузум(ы)’; *Nu Ružičkú bilo tři... štiri...* ‘Ну, семья Ружичка были три... четыре...’; *Tuhle bil Luzumú na kozu... se menuvali... Luzumú modláři... to bili modláři... jejich tata se modlil dicki, na funusách a fšude* ‘Вот тут был Лузум-на-козу, так они прозывались... Лузумы-молельщики, эти были молельщики (букв. *молельщиков/ы*), их отец всегда молился, на похоронах и всюду’; *z drugej strani... Krahulců plán, d’íl bil* ‘с другой стороны семьи Крагулец надел был’ и *teťe Božen’e Krahulců do saraje taki bouchlo* ‘тете Божене Крагулец в сарай тоже молния ударила’; *Marija B’elo-kon’ú, ta je ešče na rok starší* ‘Мария Белоконь, она еще на год старше’; *potom virOsla, potom uš našla Tomášku* ‘потом она выросла, потом нашла себе Томашека’ и т. д. Аналогично формам на **-ů/-u** функционируют формы род. п. мн. ч. (и иногда ед. ч.) морфологически адъективных имен собственных, напр.: *babInka... kovárů... Dlouhejch... nu, vona u nás babInkou bila* ‘повивальная бабка-кузнечиха... Длоугих... ну, она у нас повитухой была’ (ср. рус. фамилии типа *Долгих*).

Наряду с семейно-притяжательными формами на **-ů/-u** в функции «домашних» фамилий в речи северокавказских чехов встречаются и официальные фамилии без этого окончания, которые в женском варианте либо совпадают с мужскими, либо принимают суффикс **-ov(á)**. Ср.: *Pecháčku bila jedna babička, jedna bila Hrachú* ‘одна бабушка была Пехачек(ов), а одна — Грах(ов)’, но: *potom uš (...) tuhleta babička vlastn’í se vdala za toho Hrachá, vot, i ten Hrach tag z(v)ostal, uš maminka potom bila Hrachová i tag Hrachová i z(v)ostala* ‘потом уже та родная бабушка вышла за этого Граха, вот, и так этот Грах остался, мама уже потом была Грахова и так Граховой и осталась’; *tuottu Mán’u Čechú... má familiji Čech... ji votet’ s Čech vislali* ‘вот Маню Чех(ов)... фамилия у нее Чех... ее оттуда, из Чехии, выслали’. При обозначении семьи наряду с

¹¹ Формы этого типа широко известны также в народном чешском языке на территории Чехии, в том числе в диалектах, включая южночешские. Ср. в диалектных записях из этой области: *tam bál nákej Koželuhú* Kuba; *nevím, kerej to bil, Havlú Hondza nebo Bačkú Jouza* (Lamprecht 1976: 81, 85).

теми же формами на **-ů/-u** иногда используются так же, как в литературном чешском языке, формы мн. ч. притяжательных прилагательных на **-ov(i)** или, по русскому образцу, формы мн. ч. имени главы семьи, например: *žili bohato, ti Kaskovi... no von'i Kaski mn'eli ti, jak Ruski nazívali, taksí, fajetOni* ‘богато жили эти Касковы... ну, эти самые Каски держали, как русские называли, такси, фэтоны’ (фамилия главы семьи — Kaska); *von'i Bednářiki, von'i (<...> tam vodjeli, tam umřeli* ‘эти самые Беднаржики, они туда уехали и там умерли’.

Остается добавить, что формы на **-u** у северокавказских чехов фигурируют как фамилии и в русском дискурсе, например: *тётя Женя Ружичку* (из речи), *Мария Тимофеевна Викторова/Виктору* (из письма).

Другую сферу применения форм на **-ů/-u** представляют местные микро-топонимы — двухсловные названия вершин, холмов, горных склонов, ущелий (балок) и т. д., например: *(vlk) přes Frimlů kopec... až do N'emců bálki vodnes kozu* ‘(волк) через Фримлов холм аж в самую Немцов(у) балку унес козу’; *Králů bálka tám je... potom se menovalo Jasanů strán'* ‘Кралов(а) балка там есть, а дальше называлось — Ясанов склон’; *A tadidlE v dóle... v dole je... cesta... Karásku taki se menuje... taki: Hde si bil? Na Karásku cestě.* ‘А вот тут внизу — дорога... Карасеков(а) называется... и вот: Где ты был? На Карасеков(ой) дороге’.

Я. Гебауэр в «Исторической грамматике чешского языка» (Gebauer 1960: 268), фиксируя «семейно-притяжательные» формы типа *Bartošů vědro* ‘ведро семьи Бартоша’, *Bartošů Marie* ‘Мария из семьи Бартоша’ в южночешских диалектах, усматривал здесь результат застывания притяжательных прилагательных в им. п. ед. ч. муж. р. (с изменением *-ón > -uo/v/ > -ů*). В то же время Й. Зубатый отождествлял первый член подобных сочетаний с формами, используемыми для обозначения семьи в таких контекстах, как *u Nováků* ‘у Новаков(ых)’, которые он трактовал как реликт исконных именных форм притяжательных прилагательных с флексией род п. мн. ч. *-ъ, заключая: «это подтвердилось бы точнее, если бы обнаружилось, что где-то действительно говорят *byli u nás Nováků*», т. е. ‘[люди] Новаков(ых)’ (Zubátý 1921: 263, 266). Как обнаружилось, так говорят северокавказские чехи; тем не менее конкуренция адъективных форм род. п. мн. ч. и ед. ч. в микротопониме *Tupejch bálka* ‘балка Тупых’, отмечающаяся в наших записях (*tadi je bálka Tupího... Tupejch bálka*), не позволяет сделать однозначный выбор в пользу той или иной интерпретации форм на **-ů/-u** типа *Frimlů kopec*. Ср. также русско-чешский диалог внука с дедом (В. П. Кабрдой): *Родник этот как, говоришь, называется? – Karáskú. – Караскуф? /так!/ – Jo. Karásek bil takovej... (внук, знакомый с чешским литературным языком, воспринял название Karáskú как*

форму им. п. ед. ч. муж. рода притяжательного прилагательного от фамилии одного из жителей села, и дед в своем ответе ‘Да, был такой – Карасек’ поддержал это).

2. (Не)выражение одушевленности у имен существительных, прилагательных и местоимений во множественном числе

2.1. Результатом далеко идущей чешско-русской интерференции с РЯО в говоре северокавказских чехов является чрезвычайно неустойчивое выражение одушевленности у существительных мужского рода твердого типа склонения в им. п. мн. ч. Особую форму с маркирующим одушевленность чередованием конечного согласного основы перед унифицированным окончанием *-i* (выступающим и у неодушевленных существительных) относительно последовательно сохраняют только некоторые лексемы со значением лица или животного. Перечислим типы отмеченных нами чередований.

а) *ch ~ ŝ*

• Čech – Češi: *Tadi Češi pjekn’e žili, pjekn’e!* ‘Чехи тут хорошо жили, хорошо!’; *a naše d’eťi uš, choť i mají napsáno Češi, ale nemluví...* ‘а наши дети уже, хоть и записаны чехами, не говорят...’; *hde bili starí Češi, tak teť... na tí zemn’e* // *uš pochováaji Ruskí* ‘где были старые чехи, так сейчас в той земле уже хоронят русских’ (при унифицированной, не выражающей одушевленности форме им. п. мн. ч. прилагательного, как и во всех собственно чешских диалектах);

• аналогично hoch – hoši: *Nu hdo ch’el! Hoch... hoši holkám stavjeli māj* ‘Ну кто хотел! Парень... парни девушкам ставили майское деревце’; *to já ešče si pomatuju <...> že hoši chod’ili i povídali <...> d’edouškovi: dejte mi ten kříš slamete* ‘я это еще помню, как парни ходили и говорили деду: дайте мы этот крест сломаем’;

б) *k ~ c*

• kluk – kluci: *Bejvalo tak, že se i prali tam kluci* ‘бывало, что и дрались там парни’; *Mladí takoví kluci, po patnáct po štrnáct let, do armiji to nevzali...* ‘Молодые такие ребята, по 15, по 14 лет, в армию их не взяли...’; *(V)on’i š ti kluci teť fšechni mladí, u nás fšechna молодějъ, ríjou, наркоманят...* ‘Они ж сейчас все эти молодые ребята, вся молодежь у нас, пьют, наркоманят...’;

• то же чередование нередко наблюдается у существительных с суффиксальным (или так интерпретируемым) элементом *-ák*, охватывая и адаптированные русские лексемы с подобным суффиксом: *psi chudáci jen havkali, lid’i žádní nebili* ‘собаки, бедняги, только гавкали, людей никаких не было’; *vot i školu tu uđelali — bila, hde pasák žil... pasáci tam žili* ‘вот и школу эту постро-

или — она была, где пастух жил, пастухи там жили'; *a taki di_to uklízeli, vinohrat školaáci... a tam hodn'e nechávali* 'ну и когда его убирали, виноград школьники, много там оставляли'; *jeli tam fšecki kon'e, co bili ti... fšecki fešáci jeli tam* 'и помчались туда все кони и которые были эти... все парни туда поехали'; *přeci vojáci bili, jak se to(mu) po česki řekne, nu jako obespečení, vojáci* 'ведь солдаты были, как это по-чешски называется, обеспеченные, солдаты'; *von'i ho tak bili tím, jak mají kováci ti... p'lotki, aha* 'они его так били этим, как у казаков бывают... плетки, да'; *nu bosáci k vlasti přišli, vot i fs'o* 'ну босяки к власти пришли, вот и все'; *von'i lid'i dřív brali do vojni taková státní, taková bili moráci* 'раньше людей брали в армию таких статных, вот такие были моряки'; аналогично: *nechod'ili sme se modlit, (byli jsme) bezbožn'íci* 'мы молиться не ходили, были безбожники';

• из названий животных то же чередование представляет лексема vlk – vlci: *Přes den sme tam šli... a von'i přišli tam... aš tři přišli vlci* 'Днем мы туда пошли, а они и пришли туда, целых трое пришло волков';

в) *r ~ ř, n ~ n', d ~ d', t ~ t'*

• bratr – bratři: *a moje bratři jezdili do Čech* 'а мои братья ездили в Чехию';

• Cikán – Cikán'i: *a pak se sem poselili Cikán'i* 'а потом тут поселились цыгане'; аналогично: *a teť to fšechno dohromadi: i Armen'i, i Ruskí, i Češi* 'а сейчас все вместе: и армяне, и русские, и чехи'¹²;

• Žid – Žid'i: *"Mn'ela sem mňho sináčka, Žid'i mn'e ho vzali, na kříš mi ho..." Nejste žádnej Žid'i?* '«Был у меня мой сыночек, евреи у меня его отняли, на крест его...» Вы тут никто не еврей?'; *kamarád – kamarád'i: mušel to vartovat do rána, ináďž bi mi to kamarád'i tam slámali* 'он должен был караулить (дерево) до утра, иначе друзья бы его сломали'; *soused – souseďi: souseďi nám to přišli říct* 'соседи пришли нам это сказать'; *host – host'i: tatínek spíval často <...> tak dicki host'i přicházeli, nakrejšval stůl, víno – a už spíval* 'папа часто пел, так всякий раз приходили гости, он накрывал стол, вино — и начинал петь'¹³.

¹² Ср. не адаптированный русизм в русской же форме им. п. мн. ч.: *teť už sou tam Arm'an'e* 'сейчас там уже армяне'. Совпадение смягчения в чеш. *Cikán'i, Armen'i* со сходным русским перед флексией *-е* могло, видимо, лишь дополнительно способствовать сохранению чередования в СКЧ.

¹³ Формы им. п. мн. ч. *hosti, souseďi*, а также *Žid'i* (в отличие от лит. *hostė, souseďė, Židė*) выступают и в большинстве собственно чешских диалектов. В совпадении со смягчением в рус. *гости, соседи* также можно видеть лишь дополнительный фактор, поддерживающий сохранение форм с чередованием, который отсутствует в других случаях. Ср. при этом: *Pili, kamarád'i chod'ili, souseďy se zabírali...* (?) 'Пили – друзья приходили, соседи собирались...' с отчетливо твердым [d] во второй из подчеркнутых словоформ.

В речи северокавказских чехов спорадически встречаются также другие словоформы им. п. мн. ч. (исключительно заимствованных слов, усвоенных через русский язык и часто сохраняющих русское место ударения), в которых перед окончанием *-i* слышится мягкий [ʲ]: *vibjehli na uliceⁱ a koukají se, jakí sou ti soldatí* ‘выбежали на улицу и смотрят, какие они, эти солдаты’; *von hdiž bili komun’istí, tak (v)on bil Volkov* ‘когда были коммунисты, его фамилия была Волков’; *a naše turistí, nekerí sou pjekn’í (?) a nekerí chitají...* ‘а наши туристы — некоторые хорошие, а некоторые хватают (без разбору)...’. Так как обычно в данных словоформах, как и в соответствующих им русских, фигурирует твердый [t], мы склонны дать этим изолированным случаям не морфологическую, а фонетическую интерпретацию. В ситуации постоянной интерференции с РЯО все двуязычные носители исследуемого говора сталкиваются с необходимостью выбора между русскими зубными и чешскими альвеолярными (гингивальными) фонемами /t/, /d/ и /n/, реализацию же первых двух сопровождает аспирация, иногда сильная, которая может быть артикуляционно — и акустически — близка русской палатализованности (как и альвеолярность [n], см. выше *pjekn’í*). Подобная мнимая мягкость, особенно перед узкими гласными, морфологически явно нерелевантная, изредка отмечается в им. п. мн. ч. не только существительных, но и прилагательных, напр.: *uš povimírali ti (...) starí a mladí (?) uš sou Ruskí* ‘старика уже поумирали, а молодые — уже русские’¹⁴.

У существительных, не утрачивающих формы им. п. мн. ч. с чередованием конечного согласного основы, другие падежные формы мн. ч. также могут образовываться от основы с чередованием (или напрямую от формы им. п. с «сингармонизацией» окончаний), напр.: *Češú uš je málo, on’i se porozjžděli, hdo hde je* ‘чехов уже мало, они поразъехались кто куда’, *mezi Češima* ‘среди чехов’ (букв. ‘между чехами’); *Vod vojni se tadi klucí vostalo docela n’ic* ‘после войны здесь парней осталось всего ничего’; *toliká klucí — dvacet človjek!* ‘столько парней — двадцать человек!’; *i honem na tu stranu zas ke klucím* ‘и скорей на ту сторону, назад к ребятам’; *Nejste žádnéj Židí? Ze Židí?* ‘Вы тут никто не евреи? Из евреев?’.

На территории Чехии аналогичное явление отмечал Я. Белич в северо-восточных — но не в юго-западных! — говорах (*hoch, kluk* — им. п. мн. ч. *hoši*,

¹⁴ Аналогично /t/ перед узкими гласными в потоке речи иногда факультативно реализуется с ассимиляцией: *nekeří (?) daže se stidejí říct, že sou Češi* ‘некоторые даже стыдятся сказать, что они чехи’. Безусловно, эти изолированные примеры не свидетельствуют о выражении одушевленности в им. п. мн. ч. прилагательных.

kluci и далее род. п. *hoši, kluci*; тв. п. *hošima, klucima*), допуская, что оно внутренне связано с характерным для тех же северо-восточных и центральночешских говоров совпадением форм им. и вин. п. мн. ч. одушевленных существительных, типа *potkal dva vojáci* ‘встретил двух солдат’ (Bělič 1972: 164). Подобное совпадение наблюдается и в СКЧ, ср. выступающие в позиции вин. п. формы им. п. мн. ч.

• Češi: *do tej armiji budou brát tuhleti fšecki Češi ruskí* ‘в эту армию будут брать вот этих вот всех чехов русских’; *f sedumdesát nákim roku... chod’ili tadi, přepisovali fšechni Češi* ‘в семьдесят каком-то там году ходили тут, переписывали всех чехов’; то же с предлогами *za* и *pro* (в значении рус. разг. *про*): *dříf, do vojni, vdávali se jenom za Češi* ‘раньше, до войны, замуж выходили только за чехов’; *máma málo roskáživala pro Češi, protože vona sama n’ic nevjeďela, rodila se tam, ve Varvarofce uš* ‘мама мало рассказывала про чехов, потому что сама ничего не знала, она родилась уже в Варваровке’;

• *kluci* (в двух случаях с характерным для юго-западных чешских диалектов долгим окончанием -í): *vo vrem’a vojni tuhleten voзраст kluci akorát, fšechni zničili* ‘во время войны парней, как раз вот этот возраст, всех уничтожили’; *N’emci sebírali fšechni ti mladí kluci a hnali to tam, na front* ‘немцы собирали всех этих молодых ребят и гнали их туда, на фронт’; *a vona ešče byla mn’ela dva kluci, nazvala je tám uže f ČechoslovAkii nazvala jejích jmená, vot, ti kluci...* ‘а она еще была, имела двоих парней (сыновей), назвала она их уже там, в Чехословакии дала им имена, вот, этих ребят (назвала)’; аналогично: *aftobus sem přijíždí, zabírá školáci* ‘автобус сюда приезжает, забирает школьников’; *Nu a to tadik buráčku sem nasázel, hodn’e. Ftáci krmít — moc pjekn’e*. ‘Ну а тут я свеколок посадил, много. Птиц кормить — очень хорошо’ (существительное *fták < pták* ‘птица’);

• *kamarádi*: *von taki sám to neďál, von mn’el kamarádi, s kamarádama to stavjeli* ‘он это не один делал, он имел друзей, с друзьями они его ставили’.

Интересное употребление в позиции вин. п. формы им. п. мн. ч. чешского названия животного (с чередованием *d ~ d’* в основе и долгим окончанием -í) и соответствующего русского родового наименования наблюдается в макаронической русско-чешской фразе, записанной в Варваровке: *он любил вот эти, kerak — zvířata ... tam medvjed’í, tuhleto, víš... ну вообще звери, звери, von mn’el rat* ‘он любил вот этих, как их — животных... медведей там, все это, понимаешь... ну вообще зверей он любил’.

Особый случай, отличный от приведенных примеров перенесения в вин. п. исконных форм им. п. мн. ч., представляют старые формы вин. п. мн. ч. *hostí*

и *lid'i*, напр.: *já čekám hosti* ‘я жду гостей’¹⁵; *von léčil lyd'i vod rán* ‘он лечил людей от ран’ и т. п. Их омонимия с формами им. п. мн. ч.¹⁶ — результат распространения на последние окончания им. п. мн. ч. -’i из продуктивного типа склонения (вместо давнего -ie < *-ьje).

Большей частью, однако, одушевленность существительных муж. р. твердого типа склонения в формах им. п. мн. ч. в исследуемом говоре не выражается. Эти формы в основном совпадают с исконными формами вин. п. мн. ч., в результате чего устраняется не только их внутрипарадигматическая оппозиция, но и противопоставленность хотя бы одной из них синкретичной форме им.-вин. п. мн. ч. неодушевленных существительных. Ср. примеры: *a teť sem přišli Tatari a Turki a fšecko tadi je* ‘а теперь сюда пришли татары и турки, и всякие тут есть’ (чеш. лит. *Tataři, Turci*); *a von’i to bili či Uzbeki nebo Hruzíni — ne Ruski* ‘а это были то ли узбеки, то ли грузины — не русские’ (чеш. лит. *Uzbeki, Gruzínové* // разг. *Gruzíni* с мягкостью *n*’); *nu Rumini... von’i bili jako lidma* ‘ну, румыны... они были еще как бы людьми’ (чеш. лит. *Rumuni* с мягкостью *n*’)¹⁷; *vnuki... už máloco rozumí i nemluví, a pravnuki teprva* ‘внуки... уже мало что понимают и не говорят, а правнуки тем более’ (чеш. лит. *vnuci* // *vnukové, pravnuci*); *sedí babički, dědečki tam f parku, mi jim pjekn’e rozumíme* ‘сидят там в парке бабушки, дедушки, мы их хорошо понимаем’ (чеш. лит. *dědečci* // *dědečkové*)¹⁸; *d’eln’íki š jeli na práci do závodu* ‘рабочие же ехали на работу на завод’ (чеш. лит. *dělníci*); *abi na jejich cestě žádněj nebil, jen von’i bili páni* ‘чтобы у них на пути никого не было, только они чтобы были

¹⁵ Ср. также усвоенное из русского языка устойчивое предложное сочетание указанной древней формы вин. п. мн. ч.: *šest’ čelov’ek žijem tadik, ešče dva přichází v hosti* ‘шесть человек нас тут живет, еще двое приходят в гости’.

¹⁶ Ср.: *lid’i mn’eli i les svůj, i mn’eli tadi pole* ‘люди имели и лес свой, и поле тут имели’; *a ti lid’i chod’ívali do kolchozu* ‘и люди ходили (на работу) в колхоз’ и т. п. Форма им. п. мн. ч. *lid’i* выступает также во всех чешских диалектах и в разговорном чешском языке (в отличие от лит. *lidė*).

¹⁷ Названия большинства народов носители данного говора явно воспринимали в (южно) русском звуковом облике, при этом, по-видимому, усваивая и русскую форму им. п. мн. ч. Ср. также: *Vot f Sukó... Tam sou Armeni, potom Moskvičí...* ‘Вот в Сукко... Там живут армяне, потом москвичи...’ (с твердым *n*, вопреки обычной в СКЧ форме *Armen’i*) и не адаптированный русизм *u náz je teť i Arm’Ani, i jakí chceš* ‘у нас сейчас и армяне (= армяны в РЯО), и какие хочешь’ в речи М. И. Белоконь из Варваровки.

¹⁸ В аналогичном контексте *Přijedou tam starí bábi, dědi — komu vi ste tam nuží?* ‘Приедут туда старые бабки, дедки — кому вы там нужны?’ можно видеть форму им. п. мн. ч. существительного *děd* или *děda* другого типа склонения (мужского рода на -a; в обоих случаях чеш. лит. *dědové*).

господа' (чеш. лит. *páni* с мягким *n'*); *krocani sou pješní: hdiš mu nohu usekneš, tak máš kus masa* 'индюки хороши: такому если ногу отрубишь, имеешь кусок мяса' (чеш. лит. *krocani* с мягким *n'*).

В сочетаниях с числительными *dva, tři, štiri*, помимо форм им. п. мн. ч. с окончанием *-i*, как правило, без чередования, одушевленные существительные твердого типа могут получать «счетную» форму с усвоенным из русского языка окончанием *-a*, ср.: *štiri kluci... i teta Růžena* 'четыре мальчика и тетя Ружена', но *potom dva klučíki umřeli* 'потом два мальчика умерли' (чеш. лит. *klučící*), *jedna tčera bila i tři siní* 'была одна дочь и три сына' (чеш. лит. *synové* // разг. *syní* с мягким *n'*), а также *dva siná jako bilo u dceri, tej Hedviki* 'два сына, значит, было, у дочери, этой Гедвики' (в русской конструкции с глаголом «быть»); та же форма в позиции вин. п. (в чешской конструкции с глаголом «иметь»): *von taki ten Tatar mn'el štiri siná* 'этот самый татарин имел четырех сыновей'. Интересен контекст *nosílki bili takoví... tadik po dva človjeki na každéj ruce bili... vosum človjek ti nosílki nesli* 'носилки такие были... по два человека за каждую рукоятку — восемь человек несли эти носилки', где говорящий явно трансформирует русскую счетную форму (*два*) человека в новую чешскую форму им. п. мн. ч. без чередования *k ~ c* (супплетивные формы мн. ч. *lidí, lid'í*... в сочетаниях с числительными в СКЧ не используются).

Колебания в выражении одушевленности в им. п. мн. ч. посредством чередования конечного согласного основы демонстрирует даже лексема *Čech*. Форма *Čechi* (= рус. *чехи*) слышится изредка в Кирилловке, ср. *an'i českí filmi naše nekuřijou tam a Čechi neprodávají asi... Češi sou moc ozlobení na Ruski, na Rusi* 'и фильмов-то чешских наши (т. е. россияне) не покупают там, а чехи и не продают, наверное... чехи очень озлоблены на русских', *bíl tam láger' takovej, Čechi bili zvlášč a mi bili zvlášč* 'там был такой лагерь — чехи были отдельно, а мы отдельно', а также в Мефодиевке, ср. *čistí Čechi už nejsou <...> hdo se vdal za ruski a hdo žen'il se na ruski* 'чистых чехов уже нет... кто вышел замуж за русских, а кто женился на русской', регулярно же ее употребляют в Варваровке: *Čechi žili bídn'e f Cechách, tak se sem verbovali* 'чехи бедно жили в Чехии, поэтому они сюда и вербовались', *a mi už sme takoví Čechi: jedno slovo po česki...* 'а мы уже такие чехи: одно слово по-чешски...', *nastojAšči Čechi, jako já sem Češ(ka), možno říct, človjek sedum jesli je tadi* 'настоящие чехи, вот как я чешка, таких, можно сказать, человек семь если тут (наберется)', *A dříf tadi bili, tudleta ulice, jedni Čechi. Samí Čechi tadi bili. A teť už fs'o. Nema Čechov*. 'А раньше тут были, вот эта улица, одни чехи. Сплошь чехи тут были. А теперь уже всё. Нема чехов.' Те же колебания отмечены в им. п.

мн. ч. существительного *Slovák* (с суффиксом *-ák*): *A tudle, jak Slováci spívali? Marus'u, víš, jak to je? Pro Marusi...* [To je rusky?] *Ne-ne, to Slováci spívali.* 'А вот эту, что словаки пели? «Марусю» — знаешь, как она? Про Марусю. [Это по-русски?] Нет-нет, это словаки пели.'

Из одушевленных существительных мягкого типа склонения специфическое окончание им. п. мн. ч. *-i* (отличное от окончания *-e* у неодушевленных существительных) сохраняют, при несомненной поддержке со стороны РЯО, в первую очередь образования с суффиксом *-ec*, особенно *N'emec* – *N'emci*, но и другие, напр.: *Strojili to Japonci* 'Строили это японцы'. В остальном окончание *-i* у собственно чешских слов этого типа отмечается редко, для русских же (в чешском дискурсе), напротив, является обычным, ср.: *Luzumí modláři* 'Лузумы-молельщики' в примере из 1.2; *a naše rodiči tak kór poumírali už fšeckí* 'а наши родители так и вообще уже все поумирали' (при регулярной форме *rodíče*, как и в чеш. лит.; здесь по образцу рус. *родичи?*); *tadi už bili N'emci i nás... a policEji (!) bili...* 'тут у нас уже были немцы, и полиция были...' (русизм). Формы им. п. мн. ч. существительных с суффиксом *-tel* сохраняют исконное окончание *-e* (с краткостью, как и в собственно чешских диалектах, в отличие от чеш. лит. *-ě*), ср.: *Vi ste přátele? Né...* 'Вы родственники? Нет...' ¹⁹; *No a jak vaše učení*k*i? Von'i už končívají, da? Budou učitele?* 'Ну а как ваши ученики? Уже заканчивают, да? Учителя будут?'. Другого происхождения *-e* представлено в форме *rodíče* (исконно им.-вин. п. дв. ч.), в построенных же по русскому образцу «счетных» формах *bilo dva te'ch kn'eze* 'были два этих священника' и *tři krále choďejí* 'три короля (ряженье) ходят' чеш. *-e* субституирует русскую флексию счетной формы *-а*, которая имеет такой же генезис.

Формы им. п. мн. ч. одушевленных существительных мягкого типа склонения с окончанием *-i* в исследуемом говоре нередко выступают также в позиции вин. п. Нормой употребление такой унифицированной формы им.-вин. п. мн. ч. является для лексемы *N'emec* – *N'emci*, например: *jak nalítli naše samol*O*ti ruskí, načali bombyt ti N'emci, N'emci gdo kam* 'как налетели наши самолеты русские, стали бомбить этих немцев, немцы — кто куда'; *a ten Калинин, kapitan Калинин <...> diš už k n'emu potcházeli, tak von se pojtrhnul i N'emci pojtrhnul... tak N'emci jemu ud'elaly... pochovaly hO i ud'ály mu kříš* 'а этот капитан Калинин <...> когда к нему уже подходили, подорвал сам себя и немцев подорвал... так немцы ему поставили... похоронили его и поставили

¹⁹ Существительное *přítel* в исследуемом говоре имеет архаичное значение 'родственник' (и производное от основы мн. ч. *přátelka* — 'родственница').

ему крест'. У других лексем, с регулярной флексией им. п. мн. ч. **-е** и факультативной **-i**, формы вин. п. мн. ч. на **-i** также встречаются лишь спорадически: *furt si rodiče fspomínali*, *furt si fspomínali českí učitelé* 'родители все время вспоминали чешских учителей'; *podešel, pozdráfváls'a, votkeť sém a jesli mám rodiči* 'подошел, поздоровался, мол, откуда я и есть и у меня родители'; *hdiš ešče mama bila živa, ja_jsem fšechno za naše, za naši rodiči psala* 'когда еще мама была жива, я все про наших родителей записывала'; а *na tři králi takí sme chod'ili* 'и на Трех королей мы тоже ходили'.

В целом можно заключить, что хотя — несмотря на процессы унификации — устранение оппозиции форм им. и вин. п. мн. ч. одушевленных существительных в СКЧ до конца не произошло, она проявляется очень ограничено только в рамках твердого типа склонения (ср. пример из рассказа о кладбище в Кирилловке: *dríf tam bilingi Češi a teť uš tam vozí i z Methodejki, i Ruski, i z mn'esta tam vozí, i z Hejduku tam vozí... nu z Hejduku tam vozí Čechi jenom* 'раньше там были одни чехи, а сейчас туда уже возят и из Мефодиевки, и русских, и из города, и из Гайдука... ну, из Гайдука туда возят чехов только'). Унификация этих форм движется в двух направлениях: в одном случае происходит перенесение исконных форм им. п. мн. ч. в позицию вин. п., во втором — распространение исконных форм вин. п. мн. ч. на им. п. Первый процесс лежит в русле тенденции, издавна действующей в диалектах на территории Чехии; второй, более активный, несомненно, обязан влиянию РЯО²⁰. При этом заслуживает внимания, что данное влияние практически не приводит к развитию у одушевленных существительных новой дифференциации форм им. и вин. п. мн. ч. в силу совпадения последних с формами род. п. мн. ч., как в русском языке. Случаи подобного совпадения в исследуемом говоре крайне редки, например, в речи М. В. Сисель: *do Krimu přijeli — a tam už bilingi Tatari... jak ten ešče... <...> náš SuvOrof, vot... jak vihнал tech TatArú... tich Turkú, a zvostali jen Tatari* 'приехали в Крым, а там уже были татары... когда еще этот... наш Суворов, вот, выгнал тех татар... тех турок, и остались только татары' (но та же информантка о том же иными словами: *tak jim řekli, že v Krimu né, že tam sou teť uš Tatari, že jako ti... Turki, Suvorov je vihнал a zvostali tam Tatari* 'так им сказали, что в Крыму — нет, что

²⁰ В диалектах собственно Чехии тенденция к распространению форм вин. п. мн. ч. на им. п. затрагивает из одушевленных существительных только лексико-грамматический разряд названий животных, ср. из Южной Чехии: *takoví kapři tam bilingi* 'вот такие карпы там были' (Janečková 1994: 9; чеш. лит. *kapři*). Разумеется, названия животных в СКЧ в этом плане не составляют исключения, напр.: *Králíki sou. Chcete uvidět králíki?* 'Кролики есть. Хотите увидеть кроликов?' (чеш. лит. им. п. мн. ч. *králíci*, вин. п. мн. ч. *králíky*).

там теперь уже татары, что эти... турки / этих... турок, Суворов их выгнал и остались там татары»). Ср. также: *osvobodili Krim, brali těch lidí ruskejch v armiju, popohn'ali...* 'освободили Крым, брали этих, русских людей в армию, пополючили...' Нормой же является состояние, когда им. п. мн. ч. = вин. п. мн. ч., но вин. п. мн. ч. ≠ род. п. мн. ч., что распространяется также на русские одушевленные существительные в чешском дискурсе, например: *já prej mám taki roctven'iki f Čechách* 'я, говорит, тоже именю родственников в Чехии'; *tam bili samí jevr'Eji, žili f tej vesn'ici... tak ti jevr'Eji fšechni N'emci potřileli* 'там были одни евреи, жили в той деревне, так тех евреев всех немцы расстреляли'.

2.2. У согласуемых с существительными слов в СКЧ выражение одушевленности во мн. ч. также нарушено. Регулярные формы им. п. мн. ч. всех разрядов адъективных слов при согласовании с одушевленными существительными, даже так или иначе выражающими одушевленность в данном падеже, — «неодушевленные», равные формам вин. п. мн. ч.²¹ У прилагательных и указательного местоимения *ten* (с производными *tenhle*, *tuhleten* и др.) это состояние совпадает с общедialeктным на территории собственно Чехии, напр.: *tí vojáci tadi stáli, n'emeckí* 'эти солдаты тут (у нас) стояли, немецкие'²²; у притяжательных же местоимений, а также определительного *fšechen* 'весь' (и его варианта с суффиксом *-ck-*) такая генерализация «неодушевленных» форм отмечается в центральночешских и в северо-восточных говорах, но не в юго-западных (см. Bělič 1972: 177). В СКЧ она тем не менее вполне обычна, ср.: *jó, to ešče moje rodiče spívali* 'да, это еще мои родители пели'; *naše sousedí to tam lámali...* 'наши соседи там ломали (стены дома)'; *naše vojáci tam ochra-n'ali* 'наши солдаты там охраняли'; *a takle to povídají: vaše soldAti nám to vzali* 'и говорят так: ваши солдаты у нас это отобрали'; *tadi škola te' nejn'i... vona je na Dolin'e... i lidí tam fšechni, to jest školáci tam fšechni jezdejí* 'тут сейчас школы нет, она в Долине, и люди все туда, то есть школьники все туда ездят'; *i sin přijde s nevestou, i fšeckí hostí za stolem* 'и сын придет с невесткой, и все гости за столом' и т. д. Спорадически, однако, встречаются и «одушевленные» формы им. п. мн. ч. таких местоимений с окончанием *-i* (иногда и в позиции вин. п.): *já tadi mám ešče přátele f Kirilce, sou to Růžičkú, to sou*

²¹ Исключение — генетически адъективное (и согласуемое) слово *rád*, употребляемое как сказуемое определение, с унифицированной «одушевленной» формой мн. ч. *rádí*, ср. *babičky si taki rádí випili* 'бабушки тоже любили выпить / охотно выпивали' (впрочем, здесь возможна и «мнимая мягкость» альвеолярного согласного, описанная в 2.1).

²² Ср. также форму склоняющегося аналогично *ten* числительного-местоимения *jeden* 'один' (в русском употреблении): *tam žijou jedni arestAnti* 'там живут одни арестанты'.

moji přátele ‘у меня тут еще родственники в Кирилловке, это Ружички, они мои родственники’; *pak tam už naši soldati přijeli* ‘потом туда уже пришли наши солдаты’; *ja jsem fšechno za naše, za naši rodiči (!) psala* ‘я все про наших родителей записывала’. Пример с формой *fšichn’i*, относящейся к существительному грамматически среднего рода со значением лица женского пола, впрочем, говорит о том, что окончание *-i* не является у подобных форм показателем одушевленности: *a Viktorú... fšichn’i bili húd’ata <...> z Varvarofki, jo* ‘а в семье Виктора... все девушки были из Варваровки, да’.

Об этом же свидетельствует субстантивированное употребление форм *moji, naši, fšichn’i* наряду с доминирующими *moje, naše, fšechni*, ср.: *Devjed d’etích mn’eli von’i, moji...* ‘Девятерых детей они имели, мои...’ (= дедушка с бабушкой); *Nu, přišli naši domú s pláčem. N’ic nám nepřinesli...* ‘Ну, пришли наши домой с плачем. Ничего нам не принесли...’ (речь о женщинах, ходивших в войну менять одежду на продукты), но: *Naše visad’ili d’esAnt f štiricet druhím roku nehde* ‘Наши высадили десант где-то в 42-м году’²³; *posle vojni nás brali do Čech... a už sme mn’eli tolika dakum’Entov... jo, že tam pojedou z Varvarofki nu fšichni’i, fšichn’i* ‘после войны нас хотели забрать в Чехию... и у нас уже столько документов было... да, что из Варваровки туда поедут — ну все, все’, но также: *proto já vám povídam, že sme svarbi d’elali fšechni dohromadi, domi sme strojili taki fšechni dohromadi, protože jeden to nesmoch bi ud’elat* ‘потому я вам и рассказываю, что свадьбы мы устраивали все вместе, дома строили тоже все вместе, потому что один не смог бы’ и т. д. Характерны колебания в вин. п. мн. ч.: *nás vot s mámou votpust’ili — a fšichni vostatn’i vodvezli do druhej vesn’ice tam do hor i tam je fšechni rostríleli* ‘нас вот с мамой отпустили, а всех остальных отвезли в другую деревню, в горы, и там их всех расстреляли’.

Изначально «одушевленную», но унифицированную, как в диалектах собственно Чехии (а также как в русском языке), форму им. п. мн. ч. имеет местоимение 3-го лица (*von*) – (*von’i*), употребляемое и атрибутивно в качестве «согласуемой частицы». Форма эта корреспондирует/согласуется далеко не только с одушевленными существительными мужского рода, но и со всеми остальными, ср.: *potom se¹ postavjeli domečki... komišem bili nakrití, já už bila vdaná tadi a von’i tam bili pořát komišem...* ‘потом построили себе домики...

²³ Интересно, что говорящий в первой части этого высказывания трансформирует русскую фразу *Наши высадили десант*, по сути дела лишь заменяя чужезычную форму местоимения на «свою» с другим окончанием: *naše*. Ср. аналогично: *Já pám: Ну как ваши? Nu a naše — Mařena umřela...* ‘Я спрашиваю: Ну как ваши? Ну а наши — Маржена умерла...’

камышом были крытые, я уже была здесь замужем, а они (= домики) там так и были камышом...'; *jen trošku... jen matka tam zalEze i von'i sem sami sednou... aš potom drošku víc i von'i tam zalEzli — a jedna ne!* 'только чуть-чуть, пусть только matka туда залезет, и они (= пчелы) сами туда сядут... а я потом чуть больше, и они туда залезли, а одна — нет!'; *s celej vesn'ice sme sem nosili ban'ki z mlíkem... a von'i ženckí potom přicházejí a — hde je moje ban'ka...* 'со всей деревни мы сюда сносили банки с молоком, и вот (они, эти) женщины потом приходят и — где моя банка...' Форма *voní* (с твердым *n*), при этом отсылающая к одушевленному существительному, отмечена единожды: *dali dvacet štíri hod'ini N'emcům, abi se uklid'ili s Čech... tak voni si tam co vzali...* '24 часа дали немцам, чтобы они убралась из Чехии... ну и они там кое-что взяли...'

Под воздействием РЯО у местоимения 3-го лица, а также у определительного и некоторых иных адъективных слов в вин. п. мн. ч. распространяется форма, равная форме род. п. При этом у личного местоимения такая форма (*jich* наряду с обычной *je*) также корреспондирует не только с одушевленными существительными, ср.: *Čerk Esi bili i jich vihnali* 'Черкесы были, и их выгнали'; *a přivezli jih do Hlebofski, tam taki bili Češi* 'и привезли их в Глебовку, там тоже были чехи'; *vona posílala tam... svího jako známího do Brna... abi našli, našla jich* 'она посылала туда, своего то есть знакомого, в Брно, чтобы найти их' (= родных), но, с другой стороны, *jesli kvočka s kuřatama — zavři jich tam, abi nechod'li* 'если курица с цыплятами — запри их там, чтобы они не ходили'; *a hdiš jich s tohohle kusu vichitáš fšechn — fs'o, vona tam víc nebude* 'а если их с этого куска выловишь всех — все, ее там больше не будет' (речь идет о медведках в огороде). Интересен контекст *sebrali jich, tich starejch, jako starších a starejch, kerí si pamatují česki... češskij jazik a trošku ti naviki českí, tak že jako budou vodvírat ten kostel* 'собрали их, этих стариков, то есть пожилых и старых, которые помнят чешский язык и немного чешские обычаи, что, мол, будут открывать костел', где форма вин. п. мн. ч. *jich*, здесь явно отсылающая к группе лиц в том числе мужского пола, уточняется субстантивированными прилагательными также в форме вин. п., равной форме род. п. мн. ч.

Видимо, только с одушевленными существительными соотносятся встречающиеся иногда в позиции вин. п. формы определительного местоимения *fšech* и *fšeckích* (наряду с *fšechni/fšeckí*), как и совпадающая с формой род. п. мн. ч. форма числительного *dva*, ср.: *a ten čas akorát fšeckích i s Čech, i N'emci, fšeckí zasílali sem do Ruska d'elat* 'а в то время как раз всех и из Чехии, и немцев посылали сюда, в Россию, работать'; *i hodn'e takovejch sem... Dolejška vislali votteť i... fšech* 'и много таких сюда... Долейшека оттуда выслали, и всех'; *von povídá: jo, jo, pojte sem, pojte, fšeckí ti (?) N'emci, fšech vihnali...* 'он

говорит: да-да, идите сюда, эти немцы всех, всех выгнали'; *a von'i poťichon'-ku přišli s tej strani kopce i rostrřileli fšech* 'а они потихоньку зашли с той стороны холма и расстреляли всех'; *nu a tadi bili u řech, u N'emcejch (!) bili ruskí plenńi <...> tak vot popadla tam dvouch, on'i přišli...* 'ну а тут у этих, у немцев, были русские пленные... так вот, она там взяла двоих, они пришли...'

Авторы монографии «Говор чешских реэмигрантов с Украины» Я. Янчакова и П. Янчак, очертив сравнимую с северокавказской ситуацию в области (не)выражения одушевленности у волинских чехов (*Češi si jen brali Češi* 'чехи брали себе в жены/мужья только чехов', *naše d'edečki bili vocat* 'наши дедушки были родом отсюда' — тип, вне группы названий животных незнакомый диалектам на территории Чехии), в главе «Иноязычные и новые влияния в украинском чешском», в разделе о морфологии, которая «принадлежит к наиболее устойчивым языковым уровням, в том числе и при близком родстве языков, как уже достаточно хорошо известно из работ по межъязыковой интерференции», несколько неожиданно на фоне описанных фактов заключают, что применительно к данному уровню в изучаемом ими идиоме «можно говорить лишь об отдельных случаях, но не о влиянии всей системы. К таким влияниям можно отнести только тип *voba sou Vlád'i /Vlád'ovél, tři Poláčkj i náz bili /Poláčkové/* ('они оба Влади', 'у нас было трое Полачеков'. — Д. П., С. С.), т. е. по существу тип, окраинный в категории семейных наименований» (Jančáková, Jančák 2004: 39, 123–124). Мы, напротив, полагаем, что как северокавказский, так, несомненно, и волинский идиом испытали системное влияние РЯО в первом и украинского — не без участия русского — языка во втором случае, причем не на окраинных участках категории одушевленности, результатом которого стал своеобразный внутренне динамичный баланс: исходное состояние в сфере выражения одушевленности во множественном числе было разрушено, хотя и не до конца, но переход к новой системе по образцу воздействующего языка с распространением на множественное число соотношения «вин. п. = род. п.», в СКЧ лишь намечающийся, не осуществился.

3. Выражение побуждения

3.1. Система форм повелительного наклонения, служащих главным средством выражения побуждения, также имеет в СКЧ особенности, с одной стороны, связанные с юго-западночешским генезисом этого идиома, а с другой — развившиеся в нем вследствие длительной интерференции с РЯО. При этом оказывается, что интерференция в данном говоре далеко не всегда приводила к нарушению исходного диалектного состояния, но могла и поддерживать сохранение отдельных его элементов.

Так, для СКЧ осталось характерно изначально юго-западночешское пространство показателя императива **-i** из форм 2-го л. ед. ч. (где он по русскому образцу может быть «восстановлен» даже после одиночного согласного, ср. *Man'ičko, jen trošku třesi, jen trošku!* ‘Манечка, трясись только чуть-чуть’, чеш. лит. и диал. třes) на формы мн. ч., напр.: *přes potok nejd'ite* ‘через речку не ходите’, букв. ‘не идите’; *nu a říkali nám: nejezd'ite domů, mi vám dáme tadi biti* ‘ну и нам говорили: не уезжайте домой, мы вам тут квартиры дадим’, букв. ‘не ездите’; *mi sme tahali přes rameno uzle a švejnovu mašinku... nač (v)ona nám bila potřebná, řekn'ite?* ‘мы тащили через плечо узлы и швейную машинку — зачем она была нам нужна, скажите?’; *na louce taki nás zastavili kopat, a bil voják a povádá: sedn'ite si, nekopejte* ‘на лугу-то нас и заставили копать, а был (с нами) солдат, и он говорит: сядьте, не копайте’ (чеш. лит. jejděte, nejezděte, řekněte, sedněte si). Формы, совпадающие с литературными, а также с центральночешскими, используются в целом реже и всякий раз в особых случаях: в формульных обращениях, при передаче чужих слов и т. п., ср. *Tág, holčički, sedn'ete si* ‘Так, девочки, садитесь’ (приглашение опрашивающих за стол); *Já se sem sad'ila — nu, máma řekne: sedn'ete si, d'eři, já vám budu číst modličky, a Vena nechťel* ‘Я сядилась — ну, мама скажет: сядьте, дети, я буду читать вам молитвы, — а Вена не хотел’.

Я. Янчакова и П. Янчак, фиксируя аналогичные формы императива 2-го л. мн. ч. типа *řekn'ite, sedn'ite si* в речи уроженцев одного из чешских сел на Вольни (Малиновки), считают таковые исключительно наследием состояния, наблюдаемого в исходных говорах на окраине Северо-Восточной Чехии, пограничных с Центральной Моравией, и отрицают вероятность влияния на них близких украинских и русских форм. Для СКЧ мы, напротив, допускаем наличие подобного влияния как дополнительного фактора, поддерживающего сохранение своих форм. Ср. фрагмент рассказа о прохождении таможенного досмотра на границе: *Přijeli sme na tu hran'icu (!) — todle nepovezete! (...) Pošlinu nada bilo, vot tak. Aha... D'eda povídá: no já pen'íze nemám. — Tak si zajmte n'ehde¹. — A h'de (!) já zajmu? Zajmi mn'e! У тебя есть? Zajmi mn'e tahdA!* ‘Приехали мы на границу — вот это вы не повезете! Пошлину надо было (платить), вот так. Ага... Дед говорит: но у меня денег нет. — Так займите где-нибудь. — А где я займу? Займи (= одолжи) мне! У тебя есть? Займи мне тогда!’

Из других югозападночешских особенностей при образовании форм императива в СКЧ отмечаются:

- у глаголов типа *prosit* — формы с чередованием свистящих согласных презентной основы с шипящими, в том числе *st ~ šč*, ср. *chleb (!) náš vezdejší dej ho (!) nám dnes a otrušč nám naše viny...* ‘хлеб наш насущный даждь нам

днесь и остави нам долги наши...’ (молитва «Отче наш»; чеш. лит. *odpust’*); *votpušte mi to* ‘простите меня за это’ (< *-pušče*, чеш. лит. *odpust’te*); *vemte si to, no pušte nás h (!) d’etem* ‘заберите это себе, но пустите нас к детям’; *ni poprošte u babički* ‘ну попросите у бабушки’ — но также: *ni poproste u babički: babičko, dejte nám...* ‘ну попросите у бабушки: бабушка, дайте нам...’; *ni popros u babički, vona nám čo — nedá što li?* ‘ну попроси у бабушки, она нам что — не даст что ли?’²⁴;

• у глаголов типа *pít, zabít* с презентной основой на *-ij* — формы со стяжением финали основы и давней флексии, оканчивающиеся на *-í* (во 2-м л. мн. ч. *-íte*), ср. *a já sem řek: tule mn’e zabíte, já n’ikam nepudu, mn’e bolí nohi* ‘а я сказал: убейте меня тут, я никуда не пойду, у меня ноги болят’.

У глаголов с долгими корневыми гласными в презентной основе сокращение в формах императива, видимо, наступает нерегулярно: ср., с одной стороны, *maminko, zapiš mn’e And’elíčku můj strážníčku* ‘мама, запиши мне Ангела-хранителя’ (слова молитвы); *zapište si to: f šedesát štvrtím nebo f šedesát pátím roku přijeli von’i sem* ‘запишите себе это: в 64-м или 65-м году они сюда приехали’, но *von’i ho vypustili s tej kon’nušn’e a vokáš, hde ste položili todle a todle* ‘выпустили они его из той конюшни и — покажи, где вы положили (= спрятали) то-то и то-то’ (чеш. лит. *ukážu, ukážeš...* — *ukáž*). Впрочем, долгота в подобных случаях может иметь эмфатическую природу, ср. экспрессивное продление корневого *o* в примере *a sliším, vona křičí: polóš! polóš!* ‘и слышу — она кричит: положи! положи!’ Результат старого продления краткого *o* в императиве наблюдается в словоформе *nebújte se, tak tam bilo napsáno* ‘не бойтесь, так там было написано’, отмечаемой и в исходных юго-западночешских диалектах (Balhar, Jančák 2005: 296)²⁵.

Из структурных сдвигов в системе императива, связанных с чешско-русской интерференцией, в СКЧ наблюдается отмирание синтетических форм 1-го л. мн. ч., которые вытесняются усвоенными из русского языка описательными конструкциями с формами императива 2-го л. ед. / мн. ч. *dávej, dávejte* (< рус. *давай, давайте*) и индикатива смыслового глагола. Примечательна переходная контаминированная конструкция *tak vot dávejte... vot načn’eme to počítat* ‘так вот давайте... вот начнем считать’ (чеш. лит. *začněme*; впрочем, в

²⁴ Влиянию русской фонетики следует приписать мягкое произношение свистящего согласного в форме *proz’ za nás za hříšní nín’í i v hod’inu smrti naši* ‘моли за нас, грешных, ныне и в час смерти нашей’ (молитва Ave Maria, чеш. *Zdrávas Maria*).

²⁵ Ср. также в Интернете: *nebúj se nic, hadici si jdu nejčko připravit* ‘ничего не бойся, я уже иду готовить шланг’ (<http://blueboard.cz/kniha/nubiomijnknpjcediifxkxd5bao49nc?strana=6>) с типичной юго-западночешской лексемой *nejčko* < *nyníčko* ‘сейчас’.

словоформе *načn'eme* не исключена «мнимая мягкость», описанная в 2.1²⁶). Другие примеры: *Lád'a, nu bratr bil, povídá: Marůš, dávej se přiznáme!* 'Ладя, ну брат (у меня) был, говорит: Марушка, давай признаемся!'; *dávej babičku poprosíme... lepčí poprosit než... vorovat* 'давай бабушку попросим... лучше попросить, чем воровать'.

Двоякий источник имеет еще одна описательная побудительная конструкция с императивной формой глагола *jít*, соответствующей чеш. лит. *pojd'*, и смысловым глаголом в индикативе: *já d'edovi povídám: poť si vememe šunku, koštáme, jaká je* 'давай купим ветчины, попробуем, какая она', что скорее соотносится с рус. разг. *пойдем возьмем...*, чем с чеш. *pojd', koupíme si...* и тем более *pojd' si koupit...*

Побуждение в отношении третьего лица / третьих лиц выражается в СКЧ обычной чешской конструкцией с частицей *ať*, напр.: *A diš sme přijeli na hran'ici — přihlašEn'í! D'eda poá: mi sme ho nevzali, nač vono nám... — tak pozvon'te, ať vám ho višlou!* 'А когда мы приехали на границу — приглашение! Дед говорит: мы его не взяли, зачем оно нам... — так позвоните, пусть вам его вышлют...'; *Stalin řek, Češi sou trUžen'iki, ať tadi jen pracujou* 'Сталин сказал: чехи — труженики, пускай здесь работают'. Помимо побудительного, конструкция с *ať* может иметь оптативное значение, ср. *ať se trápí Češi v Rusku!* 'пускай мучаются чехи в России!', а также значение цели, как в следующем контексте: *ta žencká f tom kafe <...> vona uklízí, a ta chazajka pořát taki chce českí blůda, aha... a neco tcera řekla za kn'edlíki, povídá: moje mama vaří knedlíki a peče štrudle... a ti prej mn'e to napiš a já jí to dám, ať to uvaří* 'та женщина, она в том кафе уборщица... а хозяйка все время хочет и чешские блюда тоже... и дочь сказала что-то о кнедликах, говорит: моя мама готовит кнедлики и штрудель... а ты, мол, мне это запиши, и я ей дам, пускай она приготовит'.

3.2. Секундарно побуждение в исследуемом идиоме может выражаться также иными средствами, грамматическими (морфологическими, синтаксическими) и лексическими. Приведем наиболее показательные примеры использования подобных средств, в которых отражается чешско-русская интерференция на разных уровнях.

• Формы индикатива (настоящего/будущего времени): *von dicki mu fšecho poroučel... Kuba, ti vezmeš kon'e a vezmeš pšen'ici a pojeděš až do toho, do Ma-d'arska a pom'en'áš (!) mn'e na ruskou pšen'ici* 'он всегда все ему поручал: Куба, возьмешь лошадей и пшеницу и поедешь туда, в эту... Венгрию, поме-

²⁶ Ср. там же случай неполной звуковой адаптации рус. *давайте* в сочетании с формами будущего времени: *vot davAje budeme hnet coufat, keřředu budeme jít* 'вот давайте сейчас будем считать назад, будем двигаться к началу'.

няешь мне (ее) на русскую пшеницу'; *a mládeš vidí: d'eda chodí a chodí kaž-dej večír — ted' ho nastrašime* 'а молодежь видит, дед ходит и ходит каждый вечер — сейчас мы его напугаем'.

• Формы сослагательного наклонения, в том числе в придаточных предложениях цели с союзом *abi* (и оптативных с омонимичной частицей): *nu a vona nám píše: ted' biste si mohli k nám přijet sem, jestli chcete <...> aha, a pak nám píše f konce: a ratši seřte doma* 'ну и она нам пишет: теперь вы могли бы приехать сюда к нам, если хотите... да, но в конце пишет: а лучше сидите дома'; *nu pozvon'ili jí a vona, eta... Osobová řekla, že von zemřel a jestli já chci, tak abismе přijeli* 'ну, позвонили ей, а эта Особова сказала, что он умер, но если я хочу, то чтобы мы приезжали'; *a v dóle tadi dávali jenom set a pšen'Ici abis sel* 'а внизу тут давали только сеять — и пшеницу чтобы (ты) сеял'; *bratr bil malej, tak sme ho posílali z hrnečkem, abi šel na kuchin, esi tam neco vostalo, abi nám dali* 'брат был маленький, так мы посылали его с кастрюлей, чтобы сходил на кухню и, если там что-то осталось, чтобы нам дали'; *tag, Láďo, bereme táčku... vona nám řekala: štiri pitle abi bilo doma trávi* 'так, Ладя, берем тачку... она (бабушка) нам сказала: четыре мешка травы чтобы дома было!'; *vot, abiste takle ti d'eři drželi* 'вот, так надо держать детей!' (букв. 'чтобы вы так держали').

• Формы инфинитива: *Nu i vartovat mušel, inace druhí, kerí — nu, nemn'eli se rád'i, useknou. "Táhletomu ji usekneme — useknout!" I usekávali.* 'Ну и карать он должен был, иначе другие — ну, (если) не любили друг друга — его (майское деревце) срубят. «Вот этому срубим — срубить!» И срубали.'

• Условные придаточные предложения с формами индикатива или инфинитива: *A potom sem přijel nákej prokuror, Volkov <...> — i tág: „Hdo to načl? Hdo? “Hledal krajn'ího. „Jesli vi todle hnet nepřekráříte...” A cela Kirilka chřela vodject... 'А потом сюда приехал какой-то прокурор, Волков... — и так (говорит): «Кто это начал? Кто?» Крайнего искал. «Если вы это немедленно не прекратите...» А вся Кирилловка хотела уехать...» (имплицуруется побуждение к прекращению предосудительного действия); *Sem hđibi se... sebrat asi deset pjeknejch klucí, možno uđelat. Облагородить. Класно тут было бы.* 'Сюда если бы собрать с десяток хороших ребят, можно (это) сделать...'*

• Модальные глаголы: *tuhle přijel — i tadi kamen si ber, tadi les, tadi si stroj, i vin'ici, musíš vin'ici jako* 'вот он приехал и вот тут камень бери, тут лес, тут строй — и виноградник, ты должен виноградник, значит...'; *tadi můžeš i strojit a tadi i seř — i vinohrat, i řsecko* 'тут ты можешь и строить, тут и сеять, и виноград, и всякое'; *nu a potom d'eři taki, že jeho roskuláč(í), d'eda... <...> a lid'i načali... takoví, co... sou tam bídn'ejší lid'i, načali vistupovat... na tom... že jako ne,*

Sisel se nesmí... ‘ну а потом дети тоже, что раскулачат его, деда... а люди — те, которые победнее — начали выступать на этом (на собрании), что нет, Сиселя — не смей (раскулачивать)’.

Разумеется, очерченные выше вторичные средства выражения значения побуждения, используемые в СКЧ, являются большей частью общими для родственных чешского и русского языков. Лишь отдельные типы — в первую очередь *abiste takle ti d'eti drželi!* и *Sisel se nesmí* — можно считать чисто чешскими и возводить к диалекту, исходному для СКЧ. Напротив, другие совершенно явно целиком обязаны русскому влиянию: особенно *štiri pítle abi bilo doma trávi!* и *sem hdibi sebrat deset pjeknejch klucí...* с инфинитивом в предложении, содержащем союз с показателем сослагательного наклонения *bi*. Некоторые такие бесспорные русизмы относятся к области речевого этикета. Ср. пассаж, содержащий формулу чешского этикета и реакцию на нее по русской модели с выражением адресата желаемого действия дательным падежом при опущении глагола-сказуемого в императиве: *Mi sme f Čechách — já sem se inřesovala, takí f kafe sme zacházeli, a tam se ptají: co si přejete? ze šlehačkou nebo bes šlehački? a já na to vivalovala voči: co je šlehačka? potom: nám se šlehačkou, nebo ze zělím, hdo s čím chce* ‘Мы в Чехии — я интересовалась, и в кафе мы заходили, а там спрашивают: что вы желаете? со взбитыми сливками или без них? я глаза таращила: что такое взбитые сливки? а потом: нам со взбитыми сливками, или с капустой, кто с чем хочет’. Аналогично: *zašla sem do toho opchodu a — aha, todle, todle mn'e, do toho mahazínu, aha... tak vona fšecko viloží s polek, třebas vám tohle podejdě...* ‘зашла я в магазин и — ага, мне вот это и вот это, в магазин, да... так она с полок все выложит: может быть, вам это подойдет...’

Побуждение, выраженное корректной чешской формой императива, в СКЧ может усиливаться русскими лексическими элементами, ср. *ted' jim to tuhle malím povídáš: a nu neperte se!* ‘теперь вот ты этим маленьким говоришь: а ну не дерись!’

Наконец, в императивных и других глагольных побудительных конструкциях в СКЧ можно наблюдать также своеобразное видоупотребление, колеблющееся между чешским и типично русским (с доминированием несовершенного вида даже при побуждении к конкретным не длящимся действиям). Ср. примеры: *a řemdle vojákúm, Čechúm, kteří sou s Ruska, řekli: voston'te tadi, vibír'ejte si, jakí chcete, staven'í i hde co...* ‘а этим солдатам, чехам, которые из России, сказали: оставайтесь (букв. *останьтесь*) здесь, выбирайте себе, какой хотите, дом и все такое...’; *a tam bil českej nákej verbovščlk <...> a říká nÁm: vot vás budou brát teř v ruskou arm'iju — a přecházejte jako do českej arm'iji...* ‘а там

был какой-то чешский вербовщик... и он говорит нам: вот вас будут сейчас брать в русскую армию — а вы переходите-ка в чешскую армию...'; *a polovičku vinohradu von jim dal sám... jakou chcete polovičku: berte si tudletu nebo tuhletu...* 'а половину виноградника он им сам отдал... какую хотите половину: берите эту или вот эту...'; *ať přijíždí i ať robotá* 'пусть приезжает и работает'.

Выбор в пользу несовершенного вида может быть и элементом русского речевого этикета в СКЧ, напр.: *Berte štrudli, koštujte* 'Берите штрудель, угощайтесь'; *No jo, tak što přijíždějte — i já vás budu uhoščet, co budu mít* 'Ну да, так что приезжайте — и я вас буду угощать тем, что у меня будет'.

4. Грамматические средства деагентизации

Под деагентизацией мы — вслед за представителями практически общепринятой в современной чешской лингвистике синтаксической концепции — понимаем устранение персонального семантического субъекта (лица) из позиции подлежащего. В СКЧ для этого используется широкий репертуар разнообразных средств, от характерных для диалектов на основной территории чешского языка в прошлом и настоящем, включая по крайней мере одну очень архаичную конструкцию, до воспринятых в результате длительных межъязыковых контактов из РЯО. При этом в ряде случаев между теми и другими явлениями не удается провести резкую границу.

4.1. Древнее средство деагентизации в чешском языке представляют собой безлично употребляемые глагольные формы 3-го л. ед. ч., в прошедшем времени и в сослагательном наклонении — с причастием на *-l* в мужском роде. На современном этапе конструкции с ними в основном вытеснены в область фразеологизмов, в первую очередь сравнительных оборотов типа [*je to*] *co by kamenem dohodil* 'это рукой подать' (букв. *как бы камнем добросил*), но по диалектам они удерживаются также в более свободном употреблении (см. Poljakov 2008). Такой тип деагентивных конструкций встречается и в СКЧ, напр.: *Nu, tam je hora, hde lámal kamen, a takovej velkej, tvrdej kamen. Von ten kamen ho tam lámali lid'i a vozili si to sem* 'Ну, там гора, где ломали (букв. *ломал*) камень, и такой крупный, крепкий камень. Этот самый камень, его там ломали люди и возили сюда'.

В этом и других подобных контекстах формы 3-го л. ед. ч. выражают действие, производимое неопределенным, но не обобщенно мыслимым субъектом: группой людей (ср. *lámal kamen = lámali lid'i*) либо даже одним человеком, как в следующих описаниях техники нанесения узора на пасхальное яйцо и изготовления корма для домашней птицы из свеклы: *Do barvi to hod'il, vajíčko je, dopustím, modrý a lístek bílinkej se vostává* 'В краску бросил — яичко,

допустим, синее, а листик беленький остается»; *Namlel, mouku do toho, i fs'o* 'Размельчил, муки туда — и всё'. В последних двух примерах с формами прошедшего времени, впрочем, можно усмотреть результат контаминации с конструкциями русского типа, содержащими или подразумевающими форму 2-го л. ед. ч., как в переводах (в презенсе по-русски было бы *в краску бросишь..., размельчишь...* — то же возможно и в СКЧ²⁷). С достаточной долей уверенности, однако, следует предполагать сохранение чешского архаизма в контекстах с глаголом долженствования *muset/mušet* в прошедшем времени, ср. в рассказе о запрещении репатриации: „*Jesli vi todle hnet nepřekráčíte...*“ „*A cela Kirilka chřela vodject... Nu i mušel, musel usednout, a bilo to... i — žádněj netáh...*“ «Если вы это немедленно не прекратите...» А вся Кирилловка хотела уехать... Ну и пришлось засесть тихо — и все дела... никто с места не сдвинулся'. Аналогично: *Pochválen Pán Ježíš Kristus — to mušel říct. Neřek si — dostal si. Fšem, fšem. Hdo bi nešel, fšem se mušelo říkat* «Слава Иисусу Христу!» надо было сказать. (Если ты) не сказал — (ты) схлопотал. Всем, всем. Кто бы ни шел, всем надо было говорить' (с рефлексивной безлично-пассивной формой того же глагола в последней фразе).

Фиксируется в СКЧ и характерная для чешского языка деагентивная конструкция с личной глагольной формой 3-го л. ед. ч. при занимающем позицию подлежащего неопределенном субъекте *člověk*, напр.: *Nu, človjek fšechno d'ál, no strom usch* 'Ну ты (букв. человек) все делал, но дерево засохло'.

4.2. Формы 2-го л. ед. ч. в СКЧ употребляются под влиянием русских обобщенно-личных предложений шире, чем в чешском языке на его основной территории (включая диалекты), функционируя во всех временах в индикативе, а также в других наклонениях. Ср. примеры:

• *Varvarofka, Pavlofka... tam bili jen Češi a ted' je tam nenajdeš* 'Барваровка, Павловка — там были одни чехи, а теперь их там не найдешь'; *Bramború bilo — ój, do avta to nepohružíš* 'картошки было — ой, на машину не погрузишь'; *Já se rát koupam, abi bilo teplo pjekn'e... nebo hdiš prostidneš, zapaluju bán'u a prostuda hnet uťíká přič* 'Я люблю купаться, чтобы было по-настоящему тепло... или когда простынешь, топлую баню, и простуда сразу уходит'; (шелкопряды) *den i noc žerou, i slišiš, jak von'i chroumají, je slišet ten šúm* 'день и ночь грызут, и ты слышишь, как они хрустят, слышен этот шум';

• *Diť von'i fšechno... máš slepki, nemáš — vejce zdej. Krávu máš, nemáš — mlíko zdej dvjest'edvacet lítú. Štiricet kil masa — fšechno zdej!* 'Ведь они всё... есть у тебя куры, нет — яйца сдай. Корова есть, нет — молоко сдай, 220 лит-

²⁷ Ср. также: *diš se viučil, neplatil za učení, tak musíš jet tam, kam ti (?) posílají* 'если выучился, не платил за учебу, ты должен ехать туда, куда тебя посылают'.

ров. Сорок кило мяса — всё сдай!'; *Velkej náloh bil za fšechno. I plát, i plat, i plat!* 'Большой налог был на всё. И плати, и плати, и плати!';

• *a v dóle tadi dávali jenom set a pšen'ici abis sel* 'а внизу тут давали только сеять — чтобы (ты) пшеницу сеять'; *nu to je, abis mn'el apet'lt, i fs'o* 'ну это чтобы у тебя был (букв. *чтобы ты имел*) аппетит, и всё'.

4.3. Формами 3 л. мн. ч. в неопределенно-личных предложениях выражаются в СКЧ действия, субъект которых может мыслиться как предельно отвлеченно («вообще все» или «неизвестно кто»), так и достаточно конкретно применительно к описываемой ситуации. Первый тип употребления данных форм одинаково характерен для чешского и русского языков, напр.: *a ta'inek m'ij f třicet sidmím roku, jak ho vzali, že bil vrach narOda, tenkrát... fšechni, fšec-ki brali, i tag ho rostr'ileli tadi v Novorosijsku* 'а папа мой в 37-м году, как его взяли за то, что он был враг народа... тогда всех, всех брали, так его и расстреляли тут, в Новороссийске' = чеш. лит. *zatkli, zatýkali, zastřelili; zvali ho Kuba* 'звали его Куба' = чеш. лит. *řkali mu...* Второй тип, несомненно, распространился в СКЧ под влиянием РЯО, ср.: *A dřív žili tak: mn'eli hodn'e d'eři, po pjeta, po šesta...* 'А раньше жили так: имели много детей, по пять, по шесть...'; *zastučali, já du takle a tadi stojí ti, s řima flintama* 'постучали, я вот так иду — а тут стоят эти, с ружьями'; *na Severu pijou modz hodn'e* 'на Севере пьют очень много'; *vot v Varvarovce, tam už jináč mluvějí* 'вот в Варваровке, там уже иначе говорят'. Заслуживает внимания, что в обоих случаях неопределенный субъект иногда бывает эксплицирован местоимением, занимающим позицию подлежащего: *Choť on'i povídají, že je... že sto štiricet let, jak Češi teť — víc!* 'Хоть (они) и говорят, что сорок лет, как чехи тут... больше!'; *F kostele leželo zrno. Von'i ho nemn'eli hde chrán'it, tag ho tam sipali, tam ho chrán'ili* 'В костеле лежало зерно. Негде было (букв. *они не имели где*) его хранить, так ссыпали его туда и там хранили'.

4.4. С приведенными выше средствами деагентизации в СКЧ сосуществуют типично чешские конструкции с личными и безличными рефлексивно-пассивными формами²⁸ глаголов как несовершенного, так и совершенного вида. Ср. примеры а) личных и б) безличных форм:

а) *Furt to de, pořát, nekončívá se to — jolka se staví, na Vánoce jolka se staví i fšechno <...> fšechno se to d'elá i d'álo...* 'Так оно все время и идет, не кончается —

²⁸ От конструкций с рефлексивно-пассивными формами мы отличаем рефлексивные конструкции так наз. реляционного типа, обозначающие то или иное оценочное отношение к действию, характерной чертой которых является распространение адвербиальными квалификаторами. Ср. пример из СКЧ: *Žilo se moc řeško tadi, moc!* 'Жилось / Жили здесь очень трудно, очень!'

елку ставят, на Рождество елку ставят (букв. елка ставится) и всё... всё это делается и делалось'; *Na Pásku? Nu jak... pekli se páski, barvili se vajíčka...* 'На Пасху? Ну как... пекли (букв. пеклись) куличи, красили (букв. красились) яички...'; *Tam se dává těsto — i do duchOfki. (...). Semhle vona d'ála količko tam, vložilo se, a ešte sem papír, list se...* ну, čistího, s t'etrAd'i list, takle se skrouť, po-staví... 'Туда кладут/кладется тесто — и в духовку. Тут она (хозяйка) делала колечко, оно вкладывалось (букв. вложилось), а еще сюда бумагу, лист... ну, чистой (бумаги) из тетради лист, он вот так скручивается (букв. скрутится), (тесто) ставится (букв. поставится)...'; *Mn'eli sme takoví formočki a nabíjeli tu slámu z hlínou... a zvenkoví, jako снаружу, zvenkoví se ložil kamen. A kamen se lámal tadidle na t'ech horách* 'У нас были такие формочки, и мы набивали туда солому с глиной... а снаружу — снаружу клали (букв. клался) камень. А камень ломали (букв. ломался) вот тут, на этих горах'; *Mlíko se prodalo* — *bili peníze, už bilo co jíst* 'Молоко продали (букв. продалось) — были деньги, уже было что есть'; *každej dicki šel — přináší svoje fšecko, i sedáváme, i spívají se pís'n'e...* 'каждый всякий раз приходил, принося все свое, и мы сидим, и поем (букв. поются) песни...';

б) *Spívali — spívalo se hodn'e, modz hodn'e!* 'Пели — много, очень много пели (букв. пелось)'; *pot ten most... první, co... tam tenkrát se jezdílo, teť tam neprojeďeš* 'под тем мостом, первым, по которому тогда ездили (букв. ездилось), теперь там не проедешь'; *dali mu takovo^u sem zem až dólu, jak je ta cesta, jede se do mn'esta* 'дали ему тут такую землю — донизу, где эта дорога, (по которой) едут (букв. едется) в город'; *taki se tam píše, jak zavírali tam kosteleⁱ* 'еще там пишут (букв. пишется), как там закрывали костелы'; *zničehonic přišli a zebralei muskí a vodeslali je na Sibír — a neví se, za co a pro co* 'ни с того ни с сего пришли, забрали мужчин и послали их в Сибирь — и никто не знает (букв. не знается), за что про что'; *mi máme už ten jazik zlámanej, jak se říká* 'у нас уже язык ломаный, как говорится'.

Хотя случаи употребления безличной рефлексивно-пассивной формы встречаются в наших записях не слишком часто, на определенную ее продуктивность в СКЧ указывает тот факт, что она может быть образована даже от лексически рефлексивного глагола, ср.: *a ženilo se tam, vdávali se a fšecki žili v jednom staven'i* 'и женились там (букв. женилось), замуж выходили, и все жили в одном доме'.

В одном случае в безличной конструкции отмечена рефлексивно-пассивная форма переходного глагола, прямой объект которого не перемещается в позицию подлежащего: *vin'ici se kopá metr, musí, víte, takovej hlibokej bejt ten... jako zvoraní* 'виноградник копают (букв. копаются + вин. п.) на метр, такой глу-

бины, понимаете, должен быть этот... вскопанный'. С другой стороны, в безличную рефлексивную конструкцию может быть внедрен фиктивный местоименный субъект: *bilo to tak, že jako... se to začínalo tadik jenom pochovávat* 'дело было так, что (тогда) тут только начинали (букв. это начиналось) хоронить'.

Конкуренцию рефлексивных форм и других средств деагентизации в СКЧ хорошо отражает такой контекст: *Diš se chleba kosil... <...> Akurát diš kosili chleba, tak snopi... dřív se vázal... snopi vázali i skládali se, mandele se d'áli. <...> Mandel: takle skládají snopi, snopi vázou a ložejí zrna do prostřetku. I skládají skládají, skládají — i on stojí. <...> Nu takle skládá, abi... — i dosíchalo to, zrno.* 'Когда косили (букв. косился) хлеб... Вот как раз когда косили хлеб, снопы... раньше (он) связывался... снопы связывались и складывались, делались копны. Копна: вот так складывают снопы, снопы связывают и кладут зернами в середину. И складывают, складывают, складывают — и она (копна) стоит. Ну вот так складывают (букв. складывает, 3-е л. ед. ч.!), чтобы... — и зерно досыхало.' Ср. также: *Kitíčky házou, diš člověka na krchof nesou, vot tenkrát se házou, jo* 'Цветы бросают, когда человека несут на кладбище, вот тогда их бросают (букв. они бросаются)'; *potom to rozrovnali, fšecho se to rozházelo...* 'потом это разровняли, всё разбросали (букв. всё это разбросалось)' и т. д.

В личных и безличных рефлексивных конструкциях в СКЧ часто выступают модальные глаголы (в сочетании с основными смысловыми или сами по себе). Ср. примеры: *tagže kráva se mušela držet* 'так что корову приходилось держать (букв. корова должна была держаться)' и *bes krávi žít se nemohlo* 'без коровы жить было невозможно (букв. не могло житься)'; *mn'e dali les a s toho lesu já d'elal dům svůj, strojil, kameni ottam vozil, a fšecho se to muselo vikopat, dostat a přinest* 'мне дали лес, и из этого леса я делал свой дом, строил, камни оттуда возил, и все это надо было выкопать, извлечь и принести (букв. должно было выкопаться, извлекаться и принестись)'; *před Vánocemi dicki, to ž bil i pust, to se nesmn'elo n'ic... maso... aš na Vánoce* 'до Рождества всегда, это же пост был, ничего нельзя было (букв. не смелось)... мясо — только на Рождество'; *diž bili komun'Isti u vlasti, tak to se nesmn'elo n'idz d'elat* 'когда коммунисты были у власти, ничего нельзя было (букв. не смелось) делать'; *i končila se ta válka, a sin tam vostal, a tadi zakrili hran'ici, že se nesmí do Ruska* 'и кончилась война, а сын там остался, а тут закрыли границу, так что в Россию нельзя (букв. не смеется)'; *a máma povídá: já k tobje, jesi se může, já k tobje přijEdu* 'а мама говорит: если можно (букв. может), я к тебе приеду'; *a vona pá: ne, to se nemůže* 'а она говорит: нет, это нельзя (букв. не может)'; *teť už se může, a dřív ne* 'сейчас уже можно (букв. может), а раньше — нет'.

С вышеуказанными деагентивными формами глагола долженствования *muset/mušet* в СКЧ конкурирует воспринятый из РЯО модальный предикатив *nado/nada*, напр.: *No kravička... ji nado i dójit, krmit, fšechno nado bilo d'elat'* (с мягким *ť*!) 'Но корова — ее надо и доить, кормить, все надо было делать'; *za každou kozíčku nado bilo tolika nálohu, za každou slepičku nada bilo...* 'за каждую козочку надо было столько (платить) налога, за каждую курочку надо было...'; *Přijeli sme na tu hran'icu* (с русской флексией!) — *todle nepovezete! Nada to tadi nechat na hran'ici* 'Приехали мы на границу — это вы не повезете! Надо (= придется) оставить это на границе' и т. п.

Наконец, результат контаминации чешской рефлексивно-пассивной конструкции и русского модального предикатива *требуется* представляет такое употребление: *fšechni svátí, kerí prošli, fšechni sme je to, provedli tak, jak se potřebuje* 'все праздники, какие прошли, мы их все это... проводили (букв. *провели*) так, как требуется'.

5. Общие выводы

При констатирующей в начале статьи высокой степени сохранности «формальной морфологии» исходного диалекта в СКЧ его грамматическая система демонстрирует:

- *клишированность* употребления отдельных наиболее устойчивых чешских диалектных форм (например, семейно-притяжательных форм с окончанием *-ů/-u* или лексикализованных форм им. п. мн. ч. одушевленных существительных с чередованием конечной согласной основы типа *Češi*);
- *проницаемость* не клишированных фрагментов плана выражения лексико- и семантико-грамматических категорий в отношении воздействия на них РЯО (разрушение выражения одушевленности существительных, прилагательных и местоимений во мн. ч.; утрата синтетических форм императива 1-го л. мн. ч. с заменой их аналитическими конструкциями с формами глагола *dávat* и др.);
- *расширение функционального диапазона* ряда грамматических форм и категорий, а также синтаксических конструкций под влиянием соотносительных русских (в области глагола — инфинитив, вид; в репертуаре средств выражения деагентивности — конструкции с формами 2-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч.);
- *проницаемость* грамматической системы СЧК на морфонологическом уровне (устранение чередований в случаях типа *tamkino tamka, baby Chapyna dočka*; появление невозможной в чешском словоизменении сочетаемости согласных основы с гласными окончания в случаях типа *na tu hran'icu, pom'en'áš mn'e na ruskou pšen'ici*).

Все это говорит о «дрейфе» грамматической системы СКЧ от юго-западно-чешского диалектного состояния в направлении сближения с системой РЯО, которое, впрочем, не завершается совпадением к ней даже на наиболее проникаемых для ее влияния участках.

Литература

- Пукиш 2010 — *Пукиш В.* Чехи Северного Кавказа: годы и судьбы. 1868–2010. Ростов-на-Дону, 2010.
- Скорвид, Третьякова 2009 — *Скорвид С. С., Третьякова И. В.* «Тут жил Кирилл, а там — Мефодий...», или Чехи под Новороссийском // *Язык, сознание, коммуникация.* М., 2009. Вып. 38. С. 40–54.
- Balhar, Jančák 2005 — *Balhar J., Jančák P. a kol.* Český jazykový atlas. Praha, 2005. Díl 5.
- Bělič 1972 — *Bělič J.* Nástin české dialektologie. Praha, 1972.
- Jančáková, Jančák 2004 — *Jančáková J., Jančák P.* Mluva českých reemigrantů z Ukrajiny. Praha, 2004.
- Janečková 1994 — *Janečková M.* Ještě k nářečním jevům jihočeské oblasti, srovnání s oblastí západočeskou // *Jazyk a řeč jihočeského regionu III. Sborník katedry českého jazyka pedagogické fakulty Jihočeské univerzity v Českých Budějovicích.* České Budějovice, 1994. S. 6–19.
- Janečková 1995 — *Janečková M.* Nespisovné prvky v mluvě střední generace jižních Čech // *Jazyk a řeč jihočeského regionu IV. Sborník katedry českého jazyka pedagogické fakulty Jihočeské univerzity v Českých Budějovicích.* České Budějovice, 1995. S. 13–17.
- Lamprecht 1976 — *Lamprecht A. a kol.* České nářeční texty. Praha, 1976.
- Poljakov 2008 — *Poljakov D.* *Je to blízko, co by kamenem dohodil:* Deagentní věty s 3.sg. ve spisovné češtině a v českých nářečích // *Slavistika v moderním světě (Konference mladých slavistů III).* Červený Kostelec, 2008. S. 311–323.

Summary

S. Skorvid, D. Polyakov

On the penetrability of the grammatical system under circumstances of interlingual interference in the dialect of descendants of Czech settlers in the Northern Caucasus

The paper deals with four aspects of the morphosyntactical system of the dialect spoken by members of the Czech diaspora living in two villages in the Northern Caucasus (Kirillovka near Novorossiysk and Varvarovka near Anapa). Attention is drawn to those features that illustrate the high penetrability of the Czech dialect's grammar under circumstances of its interference with the Russian language of the surrounding environment. More precisely, analysis deals with grammatical and semantic categories such as possessiveness, animation, imperativeness and deagentivity.

The authors conclude that, despite good preservation of “formal morphology” in the Czech dialect, it nonetheless shows that a) some of the most stable dialect forms are often used merely as cliché; b) for non-cliché forms, the grammatical and semantic categories under analysis are penetrable by corresponding elements from Russian; c) under influence from Russian, the functional sphere of some grammatical forms and categories as well as syntactic constructions broadened; d) this influence may be observed also in the morphophonology. Thus one could speak about a kind of “drift” of this originally South-Western Czech dialect toward convergence with the system of the Russian language of the surrounding environment.

О грамматических аспектах прибалтийско-финского и севернорусского языкового взаимодействия: каузативные глаголы

Оставляя в стороне археологические факты и другие свидетельства присутствия практически на всей территории Северо-Запада прибалтийско-финских племен как первых насельников до эпохи славянской колонизации (см.: Макаров 1997; Рябинин 1997), мы можем констатировать, что ассимиляция потомков этих племен привела к вхождению в севернорусские говоры значительного объема языковых явлений прибалтийско-финского происхождения. Их можно найти на всех ярусах языка, и в предшествующих работах такого рода воздействие отмечалось в фонетике — [г] протетическое (Суханова, Муллонен 1986: 43), трактуемое как результат вепского влияния; в синтаксисе — обороты типа *у него уйдено* (Veenker 1967: 139; Макаров 1997: 217–220; Калинова 2000).

На территории Северо-Запада имеются также возможности фиксации языковой интерференции, основанной на билингвизме носителей, однако чаще всего такого рода факты отмечаются у информантов, для которых родным является один из прибалтийско-финских языков. Данные материалы лежат вне сферы анализа работы. Предметом нашего интереса являются некоторые аспекты грамматической специфики севернорусских говоров, проявляющиеся как результат воздействия особенностей прибалтийско-финских языков.

В прибалтийско-финских языках формы наречия весьма разнообразны, что лексически может сопоставляться с некоторыми севернорусскими данными. Например, в карельском языке сравнительная степень наречия в значении ‘ближе к берегу’ может иметь еще и падежное оформление: кар. *rannemta, rannempana, rannemmaksi: Potitlakkoo nuotta rannemta* (Пускай невод ближе к берегу); кар. твер. *rannemba*; ливв. *rannemba: Rannemba kylyn srojinnužin, veži lähembä olluž* (Ближе к берегу баню построил бы вода была бы ближе). *Sovva rannemba* (Гребни ближе к берегу) (KKS 5: 24).

Имеются сходные севернорусские диалектные данные: **Бережé** ‘ближе к берегу’ Северомор. (Тетрино, Териберка) (Меркурьев 1979: 21). **Бережé** ‘ближе к берегу’, *Береже поезжайте, не мористо*. Примор. (Лопшеньга) (СГРС). **Бережée** ‘то же’ *Бережее пароход не идёт*. Примор. (Лопшеньга). **Бережее** ‘ближе к берегу’ *Стретное судно прошло бережее нас*. Арх. (Опыт). Эти материалы уже рассматривались как результат прибалтийско-финского влияния, по мнению Я. К. Грота, они представляют собой семантическую кальку;

русские данные сопоставимы с фин. *rannemalla, rantampalla* ‘то же’, при *ranta* ‘берег’ (Грот 1876: 470).

О. В. Востриков приводит в этой связи лексему **речае** ‘ближе к середине реке’, зафиксированную в архангельских говорах (Востриков 1990: 42), что, вероятно, можно сопоставить с кар. *jovittši* ‘вдоль реки’, ливв. *jovittši* ‘то же’ (KKS 1: 516).

Трудно сказать, можно ли трактовать ярославские данные аналогичным образом в ключе грамматического воздействия: **Береговáтее** ‘ближе к берегу (о движении речного судна, парохода)’ Галич., Нейск., Яросл. (ЯОС). Причем, в ярославских говорах представлено также иное значение, рассматриваемое как образование на русской почве. Оно фиксируется Т. К. Ховриной: «В материалах Доп. к ЯОС компаратив **береговатее** представлен в ином употреблении. В Первомайском районе так говорят о реке с более крутыми берегами (по сравнению с другими **береговатыми** реками), т. е. в данном случае образование **береговатее** осознается как форма сравнительной степени от соответствующего прилагательного (Ховрина 2006: 37).

В ряде случаев карельские особенности глагольного управления отмечаются в русских говорах, например, ср. русск. **покупать где-либо** при русск. диал. **покупать из чего-либо**: *Oššiin jarmankasta priänikkiä* (Купил на ярмарке — досл. из ярмарки — пряников) (KKS 4: 70). Ср. диалектные данные: *Пилы и той не было, только топоры, всё из Норвегии покупали*. Примор. (Шижня) (ПЛГО).

В смежных русских говорах можно наблюдать результаты воздействия прибалтийско-финской глагольной системы. Хотя ранее отмечалось, что «возможности в отношении заимствования глаголов обычно являются гораздо более ограниченными, чем возможности заимствования имен, связанных с определенными реальными предметами» (Попов 1955: 8).

Например, семантически сходное употребление глагола *eläda* ‘жить’ отмечается в вепском языке и в русских говорах, ср. вепс. *eläb* ‘хватит, достаточно’: *Eläb vet valada* (Хватит воды лить) (СВЯ: 78). Причем следует отметить, что аналогичные фиксации на русской почве имеют весьма широкий ареал: **Живёт, живё** ‘безл., довольно, достаточно, хватит’: *Ну, девки, на сегодня живё, пойдем чай пить*. Каргоп. Плесец., Пудож., Северомор., Онеж., Подпорож. (СРГК 2: 54). Вытегор. (Ошта) (ПЛГО). ‘Сойдёт, годится’: *Не буду кушак надевать, и так живё*. Подпорож. Каргоп., Пудож. (СРГК 2: 54). Часто в значении ‘ладно, пусть’ Каргоп. (СРГК 2: 54).

Причем, в отношении глагола **жить** и кар. *eleä* ‘жить’ можно отметить сходство семантики и по другим лексико-семантическим вариантам, напри-

мер: *meilä eläy* ('у нас заведено, принято'), при русск. диал. **жить** 'как принято у кого-либо': *Как у людей живет, так и ты робь*. Сев.-Двин., 1928 (СРНГ 9: 194).

При сопоставлении глагольных систем прибалтийско-финских языков и смежных русских говоров бросается в глаза значительное число онomatopoeических и дескриптивных глаголов. Мы оставляем в стороне общие проблемы и работы по фоносемантике (см. Воронин 1982), как не связанные с направлением исследования данной работы. Разработка семантики и этимологии звукоподражательных глаголов на общем славянском фоне была проведена Ж. Ж. Варбот (Варбот 1988), классификация звуков по типу источника проделана в работе Л. В. Бондарко (Бондарко 1977).

В прибалтийско-финских языках нередко отмечается вариативность гласных корня, которая ведет к фонетически обусловленным вариантам глагольных корней со сходными значениями (Hakulinen 1979: 328). Согласно последним исследованиям, около 1/5 старых корневых слов стандартного эстонского языка являются единицами онomatopoeического и дескриптивного происхождения (Rätsep 1992: 371), причем в отношении таких лексем отмечается сходство на уровне эстонского и финского языков (Söderman 1996: 158–159).

На наш взгляд, значительное число глагольной лексики в севернорусских говорах восходит к прибалтийско-финскому языковому воздействию, хотя следует отметить, что в ряде случаев при несомненном неисконном источнике того или иного слова, их онomatopoeический характер проявляется и на русской почве. Ср.: **Мўрайдать** 'мычать (о корове)' Северомор. (Голицино) (Меркурьев 1979: 87). **Мўрандаць** 'мычать' Заонеж. Олон. (СРНГ 18: 352). 'Ворчать; тихо петь' Петрозав. (Куликовский 1898; СРНГ 18: 352). **Мўрындаць** 'мычать (о корове)' Пудож. (КСРГК). **Мўрайдаць** 'мычать (о корове)' Кем. (КСРГК). **Мўряндаць** 'мычать (о корове)' Вытегор. (Мегра) (ПЛГО). **Мўрайдаць** 'мычать (о корове)' Медвежьегор. 'Мурлыкать (о кошке)' Медвежьегор. **Мўрандаць** 'мычать (о телянке)' Вытегор. **Мўргать** 'мычать (о телянке, корове)' Вытегор. **Мўрьгать** 'то же' Волог. **Мўридаць** 'мычать (о корове)' Пудож., Каргоп. **Мўряндаць** 'мычать (о корове)'. Пудож. **Мўрыгать** 'мычать (о корове)' Вытегор. **Мўрыдаць** 'мычать (о корове)' Плесец. **Мўрыйдаць** 'мычать (о корове)' Пудож. **Мўрядаць** 'мычать (о корове)' Пудож. **Мўряндаць** 'мычать (о корове)' Вытегор. **Мурыйдаць** 'мычать (о корове)' Кем. **Мўрендаць** 'издавать звуки, похожие на мычание (о человеке)' Медвежьегор. (КСРГК; СРГК 3: 271). **Мўрандукса** 'мычание' Заонеж. Олон., 1896 (СРНГ 18: 352). **Мўрандаць** 'то же' Вытегор. Волог. 1970 (СРНГ 19: 72). **Мўряндаць** 'то же' Вытегор. Олон. 1891 (СРНГ 19: 72). **Замўрайдаць**

‘замычать’ Северомор. (Голицино) (Меркурьев 1979: 51). **Замурайдать** ‘замычать (о корове)’ Кем. (СРГК 2, 160). **Замурендать** ‘замычать (о корове)’ Кондоп., Вытегор. (СРГК 2: 160). **Замыбрандать** ‘замычать (о корове)’ Пудож. (СРГК 2: 160). Материалы восходят к прибалтийско-финским источникам, ср. вепс. *mõraitä* ‘негромко мычать’ (СВЯ: 348), фин. *myrisä, myrätä* ‘громыхать, шуметь’ (SKES: 356), ливв. *mürištä* ‘тихонько мычать’ (СКЯМ: 217). В работе М. Тимошук на общерусском материале описывается примерно 1300 оноματοпоэтических глаголов, большая часть которых является диалектными единицами. В ряде случаев неоправданно включается в состав дериватов с формантом *-га(ть)* глаголы на *-андать*, предполагая заимствование в русские говоры основы **мыр-, мер-, мяр-** с присоединением *-гать*, *-кать* к иноязычным основам: **мёргать, мёриндать** (Timoszuk 1994: 85).

Большая часть такой глагольной лексики оформляется формантами на *-айдать*, *-андать*. Опубликованная в 1904 году книга А. П. Погодина «Севернорусские словарные заимствования из финского языка» (Погодин 1904) стала важным этапом в деле изучения прибалтийско-финских лексических заимствований в севернорусских говорах. В ней анализируется значительный материал — 281 слово. Автор впервые отдельно исследовал заимствованную глагольную лексику, посвятив ее анализу отдельные главы: «Глаголы на -айдать», «Глаголы на -андать». С точки зрения словообразования глагольные форманты *-анда-*, *-айда-* были рассмотрены в работах (Азарх 1973: 203–204; Дубровина, Герд 1974: 75–78; 1979: 343–347).

Имеются еще весьма интересные данные, не рассматриваемые ранее, но представляющие значительный интерес в свете воздействия грамматической системы прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры — каузативные глаголы. Об этой категории глаголов см. (Недялков 1969; Недялков, Сильницкий 1969; Гордон 1981).

Каузативные глаголы в русском литературном языке морфологически не маркированы. В то же время «с разной степенью детальности описаны каузативные глаголы нескольких групп: со значением каузации состояния типа ‘обрадовать’, ‘удивить’, ‘огорчить’, глаголы содействия/противодействия, частично (в основном с лексикологической точки зрения) глаголы речевого побуждения, конструкции с глаголами просьбы, некоторые отдельные глагольные причинные предикаты (так называемые глаголы — причинные связки). Можно выделить также в отдельную группу глаголы со значением каузации изменения положения типа *ставить — поставить*, *класть — положить*, *вешать — повесить*, *сажать — посадить*. Большую группу образуют глаголы, которые можно назвать глаголами со значением изменения призна-

ка типа: *озеленить, побелить, подсинить, позолотить, посеребрить* и др.» (Никонова 2009: 7).

М. Пёрн на материале финского языка показала, что каузативные эмотивные глаголы можно разделить на две группы: обязательно каузативные глаголы (compulsorily causative verbs), например, фин. *kaduttaa* ‘раскаиваться’ и факультативно каузативные (optionally causative verbs), например, фин. *janottaa* ‘испытывать жажду’ (Pörn 2004; Pörn 2007).

В прибалтийско-финских и саамском языках имеются сходные показатели каузативности. Ср., например, в саамском языке функцию каузативности–понудительности несут суффиксы *-т-* и *-х-*: *юх-т-э* ‘поить’ < *югкэ* ‘пить’, *ух-т-э* ‘заставлять лаять’ < *уэкэ* ‘лаять’; *суг-х-э* ‘заставлять грести’ < *сугкэ* ‘грести’, *ыллт-х-э* ‘зажигать’ < *ыллтэ* ‘зажечься’, *оалв-х-э* ‘заставлять выть’ < *оаллвэ* ‘выть’, *ряг-х-э* ‘заставлять реветь’ < *рягкэ* ‘реветь’. Первичные суффиксы могут выступать в сочетании со вторичными. Например: *сыййн-лаххьт-э* ‘смешить’ < *сыййнэ* ‘смеяться’, *суннт-лаххьт-э* ‘заставлять растаять’ < *суннтэ* ‘растаять’; *ёск-хаххьт-э* ‘остановить’ < *есскэ* ‘остановиться’, *руст-хаххьт-э* ‘заставить заржаветь’ < *рустэ* ‘ржаветь’ (Керт 1987: 98).

В прибалтийско-финском языкознании каузативными принято называть такие глаголы, которые имеют значение причины (прямой или косвенной) процесса, действия или состояния, выраженных производящим словом. Как правило, производящим является непереходный глагол, а производным — переходный.

По мнению М. И. Зайцевой, это самая многочисленная группа производных глаголов в вепском языке. Причем наиболее частотный вепский каузативный суффикс *-та* восходит к общеприбалтийско-финской форме *-tta* (Зайцева 1978: 45). На прибалтийско-финской почве каузативные глаголы представлены во многих языках, а не только в смежных с севернорусским диалектным континуумом, см. ниже таблицу.

Причем, в русских говорах глагольная каузативность уже имеет морфологический маркер **-ита-**. В ряде случаев такого рода глагол представлен в паре каузативный < некаузативный, при том что каузативный в большинстве случаев является производным.

На данный момент выявлено несколько десятков глаголов, которые проявляют в своей структуре каузативный формант.

Имеются случаи, когда каузативный и некаузативный глагол (на прибалтийско-финской почве) заимствуются независимо друг от друга: **Рйбать** ‘тербить, дергать лен’ Вытегор. (Ундозеро) (КСРГК). ‘Отделять головки льна от стеблей’ Прионеж. (СРГК 5: 526). ‘Срывать, есть что-либо’: *Коровы дудки*

Язык	Показатель каузативности	Основа глагола	Глагол	Каузативный глагол
вепсский	-ta-	siižu-	siišta ‘стоять’	siižutada ‘поставить (стоя)’
вепсский	-ta-	ime-	imdä ‘сосать’	imetada ‘кормить грудью’
вепсский	-ta-	Kül’be-	Kül’ptä ‘купаться’	Kül’betada ‘купать’
вепсский	-ta-	ištu-	ištta ‘сидеть’	ištutada ‘усадить’
финский	-utta-	rakenn-	rakentaa ‘строить’	rakenuttaa ‘заставить строить’
финский	-tta-	itke-	itkeä ‘плакать’	itkettää ‘заставить плакать’
финский	-ttä-	sula-	sulata ‘таять’	sulattaa ‘растопить’
карельский	-ta- -tä	šula-	šulata ‘таять’	šulattoa ‘таять (о льду)’
ливвиковский	-ttu-	sula-	sulua ‘таять’	sulattua ‘растопливать, оттаивать’

рибают. Вытегор. (СРГК 5: 526). При вепсском источнике, вепс. *r’ibd’ä* ‘обрывать листья’, ‘очесывать головки льна или конопли, бросновать’ (СВЯ: 470). В каузативной форме зафиксирована следующая заимствованная единица: **рѣбитать** ‘обрывать листья с веток’: *Прут кучнее вяжите, будет веничек, комелечек хороший, а остальные прутья ребитать будем*. Кем. (СРГК 5: 503); при вепсском соответствии, вепс. *rebitada* ‘рвать, порвать’ (СВЯ: 466), — хотя семантика глагола уже не вполне отражает грамматически каузативную форму.

В ряде случаев, при наличии показателей каузативности ряд глаголов имеет прямые семантические соответствия в прибалтийско-финских источниках: **Посѣсигать** (в СРНГ дается **посѣсегать**) ‘покормить грудью ребенка’ Прионеж. КАССР, 1966 (СРНГ 30: 197), при **посѣсигь** ‘покормить грудью

ребенка' с преимущественно севернорусской локализацией. Ср. русск. **Сосать**. Ср. вепс. *imeda, imdäa, imda* 'сосать' — *imetada* 'кормить грудью' (СВЯ: 148–149).

Пла́китать 'плакать': *Старушка-то плачет, невеста сгорбится, плаки-тают, плакичают*. Подпорож. 'Причитать по умершему': *Я так голосом плакичала на похоронах, так все задела: и как росли, и как женили*. Кондоп. (СРГК 4: 530). Значение, представленное в СРГК, требует корректировки, точнее будет толкование 'оплакивать', отражающее каузативность, при явной паре **плакать** – **плакитать**. Ср. также вепс. *voikta* 'плакать': *voikazõtta* 'заставлять плакать' (СВЯ: 638–639).

Приведем еще некоторые примеры, семантически тождественные на вепсской и на русской почве. Ср. вепс. *ujuda* 'плавать' – *Ujutada: ujutada hebo päliči joges* 'переправить лошадь вплавь через реку' (СВЯ: 599). **Пла́вितать** 'плыть (о лошади)': *Хватят за повод — плавитает*. Подпорож. **Пла́вить** 'перевозить, переправлять по воде': *Дома наши плавили тогда, когда канал строили, переселяли нас в иные места*. Сегеж. *Коней туда плавили*. Пудож. *А кутило, чтоб к берегу плавить*. Терск. *Вот бурый карбас плавит на тоню*. Кем. 'Переправляться': *Она плавить хотела через озеро с теленком*. Прионеж. (СРГК 4: 528).

Раста́итать 'разморозить, оттаять': *Застыла рыба, надо растаитать*. Подпорож. 'Распаять': *Невестушка растаитала самовар*. Подпорож. (СРГК 5: 476). В СРГК дана форма **раста́йтать**. Ср. вепс. *silata, silatada* 'оттаивать, расплавлять' (СВЯ: 526).

Некоторые глаголы каузативного значения при наличии каузативного маркера образуют пару каузативный/некаузативный глагол и представляют собой единицы, образованные уже на русской почве, хотя также имеют семантические соответствия в прибалтийско-финских языках. Однако при опоре на лексикографические источники для сопоставления такого рода материалов возможны лакуны, которые могут повлиять на точность выводов о происхождении конкретной единицы.

Ќиситать 'заставлять киснуть, скисать — иронически о водке во время застолья': *Хватить ќиситать, давайте выпьем*. Вытегор. (Ошта). Образовано от глагола **киснуть**, хотя имеются семантически сходные данные, ср. вепс. *hapanzõitta* 'гноить' при *hapata* 'гнить' (СВЯ: 105).

Поска́китать 'подержать ребенка, слегка подбрасывая его на руках' Пудож. КАССР, 1973 (СРНГ 30: 163). **Ска́китать**: *Ребёнка скакиае, трясе́т*. Кандалакш. (СРГК 6: 101). Ср. вепс. *hiipitä* 'прыгать', *hiipitada, hiipitada* 'дать ребенку попрыгать (на коленях у взрослого)' (СВЯ: 137).

В ряде случаев, сохраняя каузативную форму в севернорусских говорах, глагол ее уже не проявляет на уровне семантики. Хотя, нередко, возможна корректировка толкований, представленных в лексикографических источниках.

Пля́сать ‘танцевать, плясать’. В СРГК дается **пля́сать**: *Да плясает-то он хорошо, работал бы лучше так.* Подпорож. (СРГК 4: 556).

Ка́питать ‘капать (о дожде)’: *Целый день понемножку капита́ет. Большая туча дождливая, дождь, говорили, капита́ет.* Подпорож. (СРГК 2: 326). ‘Закапывать капли’: *Я тоже как стала в нос капита́ть, так и лучше стало.* Прионеж. *Стали уж капли негодные, в одной бутылочке еще есть капита́ть, а другая пустая.* Вытегор. (СРГК 2: 326). **Зака́питать** ‘забрызгать, закапать’ Вытегор. (СРГК 2: 127). **Нака́питать** ‘накапать чего-либо’: *Накаптай мне капель.* Подпорож. **Ока́питать** ‘забрызгать’: *Стены-то окапитаны в краске.* Вытегор. (СРГК 4: 169).

Бы́кипать ‘кипятить’: *Ловку (кашу) с репы делали, выкипатают ю (sic), растолкут, кислого с квашни кладут, а потом разведут кипятком, за́кипатают и кладут в печку, вскипит, выпарится и едят.* Кондоп. (СРГК 2: 130). **Ки́питать** ‘подвергать что-л. кипячению’ Подпорож. (КСРГК). *Камень-ям бочку овса кипитаем, и белье так кипитаем.* Подпорож. *Курьей слепоты много, для клопов нарвать, кипита́ть, хорошо для клопов.* Прионеж. (СРГЛ 2: 347). **Наки́петать** ‘накипятить’: *Накипатают воду да овес туда, пока он не распухнет.* Прионеж. (СРГК 3: 330). *Кипятку накипетаем, золу туда спустим, она постоит, устоится, вот и целок тебе.* Кондоп. (СРГК 3: 331). **Поки́петать** ‘покипятить некоторое время’: *Варенье надо покипетать ведь долго.* Прионеж. (СРГК 5: 41). **Ски́петать** ‘вскипятить, прокипятить’ Прионеж. (СРГК 5: 111).

Нако́ритать ‘сделать из коры’: *У невода два крыла, а у крыльев снасти из лыка из коританного, накоритано из ивы.* Плесец. (СРГК 3: 337).

В СРГК ошибочное толкование, более корректно — ‘очистить от коры’. Ср. вепс. *koritada* ‘очищать от коры’ (ПЛГО). При первичном **коры́ть** ‘очищать от коры’ Вытегор. Волог. (ПЛГО), ср. также: **накоры́ть** ‘очистить от коры’ Лодейноп., Каргоп., Вытегор. (СРГК 3: 337).

Приведенные выше севернорусские диалектные данные в основном почерпнуты из лексикографических источников, однако их число довольно велико, несколько десятков единиц, что позволяет провести в дальнейшем их детальный анализ. В русских говорах Обонежья употребление каузативных глаголов по данным ПЛГО весьма частотно, что связано как с непосредственными контактами, так и с этноязыковой ассимиляцией карельского и вепсского населения.

Литература

- Азарх 1973 — *Азарх Ю. С.* О глаголах типа *улайдать/уландать* в севернорусских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973. С. 203–209.
- Бондарко 1977 — *Бондарко Л. В.* Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
- Варбот 1988 — *Варбот Ж. Ж.* О семантике и этимологии звукоподражательных глаголов в праславянском языке // X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988.
- Воронин 1982 — *Воронин С. В.* Основы фоносемантики. Л., 1982.
- Востриков 1990 — *Востриков О. В.* Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990.
- Гордон 1981 — *Гордон Е. Я.* Каузативные глаголы в современном русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981.
- Грот 1876 — *Грот Я. К.* Слова областного словаря, сходные с финскими // Я. Грот. Филологические изыскания. СПб., 1876. С. 470–474.
- Дубровина, Герд 1974 — *Дубровина З. М., Герд А. С.* Об одном типе глаголов, заимствованных из вепского и карельского языков в русские говоры Карелии // Вопросы советского финно-угроведения. Тезисы докладов и сообщений на XV конференции по финно-угроведению, посвященной 259-летию АН СССР. Петрозаводск, 1974. С. 75–76.
- Дубровина, Герд 1979 — *Дубровина З. М., Герд А. С.* Изобразительные и звукоподражательные глаголы прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии // Советское финно-угроведение. 1979. XIV, № 4. С. 243–247.
- Зайцева 1978 — *Зайцева М. И.* Суффиксальное глагольное словообразование в вепском языке. Ленинград, 1978.
- Калинова 2000 — *Калинова Я. В.* Русско-прибалтийско-финские языковые контакты и их отражение в области диалектного синтаксиса. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.
- Керт 1987 — *Керт Г. М.* О глагольных словообразовательных суффиксах в кильдинском диалекте саамского языка // Советское финно-угроведение. 1987. XXIII, № 2. С. 93–100.
- КСРГК — Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей».
- Куликовский 1898 — *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Макаров 1997 — *Макаров Н. А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М., 1997.
- Меркурьев 1979 — *Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
- Недялков 1969 — *Недялков В.* Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969. С. 106–114.
- Недялков, Сильницкий 1969 — *Недялков В. П., Сильницкий Г. Г.* Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций: морфологический каузатив. Л., 1969.
- Никонова 2009 — *Никонова О. С.* Трансформации каузативных конструкций в русском языке // Вестник ЦМО МГУ, № 3. Русистика. 2009. С. 7–11.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.

- ПЛГО — Полевое лингвгеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам).
- Погодин — *Погодин А. Л.* Севернорусские словарные заимствования из финского языка // *Варшавские университетские известия*. 1904, № 4. С. 1–72.
- Попов 1955 — *Попов А. И.* Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений // *Acta linguistica*, Budapest, 1955. Т. 5, f. 1, 2. С. 1–19.
- Рябинин 1997 — *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб., 1997.
- СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. Л., 1972.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001–2009. Т. 1–4.
- СКЯМ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей // Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–1999. Вып. 1–4.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., СПб., 1965–2010. Т. 1–43.
- Суханова, Муллонен 1986 — *Суханова В. С., Муллонен М. И.* О 't' протетическом в русских говорах Карелии // Севернорусские говоры виноязычном окружении. Пермский университет. Сыктывкар, 1986. С. 38–45.
- Ховрина 2006 — *Ховрина Т. К.* О дополнении к «Ярославскому областному словарю» // Путь к родному слову. Сборник научных статей к 60-летию профессора Р. И. Кудряшовой. Волгоград, 2006. С. 35–43.
- ЯОС — Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10.
- Hakulinen 1979 — *Hakulinen L.* Suomen kielen kehitys ja rakenne. Neljas, korjattu ja lisätty painos. Helsinki, 1979.
- Hetzron 1976 — *Hetzron R.* On the Hungarian causative verb and its syntax // Shibatani M. (ed.) *The grammar of causative constructions*. N.Y.: Academic Press, 1976. P. 371–398.
- KKS — *Karjalan kielen sanakirja*. O. 1–6 // LSFU, XVI, 1–6. Helsinki, 1968–2005.
- Pörn 2004 — *Pörn M.* Suomen tunnekausatiiviverbit ja niiden lausemaisest täydennykset. Helsinki, 2004.
- Pörn 2007 — *Pörn M.* Causative spatial expressions in Finnish and Swedish // *SKY Journal of Linguistics*. 2007. 20. S. 345–366.
- Rätsep 1992 — *Rätsep H.* Uute lihttivede saamise viisidest eesti sõnavaras // *Festschrift für Rédei zum 60 Geburtstag*. Wien; Budapest, 1992. S. 371–375.
- SKES — *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. Helsinki, 1955–1981. O. 1–7.
- Söderman 1996 — *Söderman Tiina.* Lexical Characteristics of the Estonian North Eastern Coastal Dialect // *Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia* 24. Uppsala, 1996. 184 P.
- Timoszuk 1994 — *Timoszuk Mikołaj.* Ономастопозитические глаголы в русском языке // *Rosprawy uniwersitetu Warszawskiego*. Warszawa, 1994.
- Veenker 1967 — *Veenker W.* Die Frage des finnougriischen Substrate in der russischen Sprache. Bloomington, 1967.

*Summary**S. A. Myznikov***About grammatical aspects of Balto-Fennic and Russian dialects
of the North interaction: causatives verbs**

Given article is devoted working out of some aspects of grammatical influence of the Balto-Fennic languages on Russian dialects of the North. Are especially marked causatives verbs which weren't considered earlier.

Система личных местоимений в славянском говоре с. Бобоштица (округ Корчи, Албания)*

Село Бобоштица (алб. *Boboshticë*; бобошт. диал. *Boboštica/Boboščica*) находится примерно в семи километрах на юг от албанского города Корча (*Korçë*). На сегодняшний день там живет шесть носителей островного славянского говора. Кроме того, какое-то количество носителей диалекта проживает в Тиране и Корче, где они оказались в результате трудовой миграции, а также в других городах и странах. Значительные перемены в национальном и языковом облике села происходили на протяжении второй половины XX века. Еще в работе А. Мазона (Mazon 1936) указывается, что в большей части 187 домов села живут славяне¹. По мере миграции коренных жителей, село заселялось арумынами и албанцами. На настоящий день в селе проживает около 1400 жителей (Steinke, Ylli 2007), среди которых арумыны, албанизированные арумыны, славяне, албанизированные славяне и албанцы. В качестве *lingua franca* в селе используется албанский. Все носители славянского говора двуязычны, при этом уровень владения родным языком колеблется от очень уверенного до низкого. Носители говора могут использовать его в общении между собой, но обычно используют албанский. Кроме того, есть небольшое количество албанцев (находящихся в родстве или свойстве с носителями говора), которые в определенном объеме владеют славянским диалектом. Сами носители называют свой диалект *kajnas*², досл. ‘у нас’ или ‘как мы’ (Dhamko 2010: 15) — это название и будет использоваться в настоящей работе. В определении своей национальной принадлежности носители колеблются — некоторые называют себя македонцами, некоторые — болгарями. При интерпретации языкового материала, получаемого от носителей,

* Работа выполнена по теме Программы Президиума РАН «Балканский текст в этнокультурной и этнолингвистической перспективе» (рук. Т. В. Цивьян).

¹ А. Мазон не указывает точного количества жителей, но К. Штайнке и Дж. Юллы предполагают на основе указанного количества домов, что оно достигало 2000.

² Носители также используют словосочетание *kajnas jazik* ‘язык кайнас’. Французский исследователь М. Куртьяд на основе лексикостатистического анализа списка Сводеша приходит к выводу, что кайнас следует признать отдельным южнославянским языком (Courthiade 1993: 323). На наш взгляд, при определении статуса идиома следует принимать во внимание также социоллингвистические факторы, поэтому в настоящей статье мы определяем кайнас как островной славянский говор, без указания его языковой принадлежности. При сравнении его с болгарским и македонским литературными языками слово «литературный» в их обозначении для краткости опускается.

следует учитывать не только их двуязычность, но и их образование и опыт общения с носителями других языков: некоторые носители диалекта и их родственники учились во французском лицее в Корче, в Праге, Кракове, Париже и Москве. Из двух носителей, записи речи которых использовались при подготовке настоящей статьи, один — Ильо Кунешка (1925 г. р.) — закончил Французский лицей в Корче и Пражский университет, владеет греческим, чешским, французским, русским; вторая — Эльпи Манчо (1936 г. р.) — до пенсии работала учительницей албанского языка в сельской школе.

Настоящая работа основывается на нескольких источниках. В 2007 г. К. Штайнке и Дж. Юллы опубликовали монографию «Славянские меньшинства в Албании» (Steinke, Ylli 2007), в которой описали современную грамматическую систему говора и опубликовали почти двухчасовые расшифрованные записи говора, а также текст об истории села, записанный информантом И. Кунешкой (около 2000 слов). В этой монографии в основу описания бобоштенского говора положены записи информантов И. Кунешки и С. Бамбулы. (Большинство записей сделаны с И. Кунешкой.) Кроме того, в сентябре 2010 года во время стажировки в Государственном университете Тираны и Институте культурной антропологии и искусствознания мы провели лингвистическую экспедицию в Бобоштицу. Было записано около трех часов живой диалектной речи (основная тематика — праздники и традиции, фольклор, история села и история семьи информантки Э. Манчо), из которых на настоящий момент расшифрован материал объемом в 8300 слов. Э. Манчо записывает фольклор Бобоштицы самостоятельно (см. приложение), но поскольку нас интересовала в первую очередь спонтанная речь, ее заметки учитываются в меньшей степени.

Система личных местоимений в говоре — прекрасная иллюстрация современных изменений, происходящих в говоре, как под влиянием албанского языка, так и в силу внутрисистемных факторов³.

Материал, опубликованный в монографии К. Штайнке и Дж. Юллы, наиболее подробно описывает речь одного носителя — И. Кунешки. В силу традиций, связанных с гендером, И. Кунешка долгое время проработал вне села, владеет греческим, чешским, французским и русским языками (а также регу-

³ Говор Бобоштицы достаточно давно привлекает исследователей: кроме работы А. Мазона (часть I: Mazon 1936; часть II: Mazon, Filipova-Bajrova 1965), ему посвящены работы Šrámek 1934, Видоески 1981; Courthiade 1988 и 1993; Спасов 2001, а также Steinke, Ylli 2007. Говор представлен и в Общеславянском лингвистическом атласе (пункт 106, обследован в 1972 г. Л. Джамо-Джаконицей: ОЛА 1994: 74).

лярно слушает македонское радио), и в его речи очень ярко проявляется языковая интерференция, для которой достаточно сложно определить источник, а в некоторых случаях, по-видимому, источник не один: помимо албанского языка, это македонский⁴ и (иногда) чешский⁵. При этом пока сложно сказать, в какой мере эта интерференция носит системный характер, а в какой имеет характер переключения кодов от случая к случаю под влиянием дискурсивных факторов. В то же время, И. Кунешка дифференцирует свой родной говор и иноязычные включения: при просьбе повторить или объяснить употребление таких включений он, как правило, замечает: «Это на таком-то языке, а на кайнас следовало бы сказать так-то».

Речь Э. Манчо значительно отличается от речи И. Кунешки. Источником интерференции в большинстве случаев является албанский язык, поскольку всю свою жизнь эта информантка прожила в селе и владеет только двумя языками — своим диалектом и литературным албанским, который она преподавала в школе. Ее речь дает совершенно иную перспективу для рассмотрения системы говора.

Помимо этого, если К. Штайнке, Дж. Юллы и М. Куртъяда больше интересуется «идеальное состояние» системы говора (в том же смысле, в каком мы говорим об «идеальном газе»), то мы обратим внимание на новые элементы, которые появились в говоре в процессе контакта с другими языками (прежде всего с албанским), а также на те элементы, которые говор утратил. В случае необходимости мы также будем обращаться к монографии А. Мазона и большой обзорной статье М. Куртъяда. Впрочем, при сравнении с тем этапом развития говора, который описал Мазон, заметно значительное количество инноваций, в основном обязанных своим появлением интерференции с албанским. Албанские заимствования (слова и конструкции) в речи информантов отмечаются курсивом, при их записи используется современная албанская орфография. Ударение выделяется подчеркиванием. Информанты обозначаются следующим образом: Э. Манчо — ЕМ, И. Кунешка — ИК (по нашим записям), ИК-StY (по записям Штайнке и Юллы).

⁴ Например, использование македонского форманта будущего времени *k'e* вм. *kajnas* — однако при просьбе повторить высказывание Ильо использует *ža*, отмечая, что *k'e* используется в македонском.

⁵ Наиболее яркий пример — использование перфекта по модели *(j)sem bil* вместо аориста (при том, что в говоре используется перфект по модели *imam bandženo*, а л-формы используются только как адмиратив).

Современное описание фонетики говора сделано К. Штайнке и Дж. Юллы. Мы используем их систему записи с добавлением дифтонга *ɛe*⁶ (примеры, заимствованные у других авторов, мы приводим в их орфографии). Ударение в большинстве случаев падает на второй от конца слог. Апостроф обозначает мягкость. Для облегчения чтения записи вместо знаков, обозначающих паузы, используются знаки препинания⁷, кроме того, несмотря на то, что конечный звонкий согласный в говоре оглушается, мы прибегаем в таких случаях к морфологическому способу записи, отмечая его как звонкий (например, *toz* ‘этот; он’, а не *tos*, и т. д.)

Систему склонения личных местоимений в говоре на синхронном уровне сложно восстановить в полном виде, исходя из имеющегося материала. Поэтому для заполнения некоторых ячеек таблицы мы привлекли материал А. Мазона и М. Куртьяда (в этом случае формы находятся в фигурных скобках; если синхронный материал для данной ячейки отсутствует, то ячейка закрашена серым). В тех случаях, когда диахронический материал не соответствует тому, что мы наблюдаем, в одной ячейке помещаются обе формы:

Единственное число

	Nom	Полные		Краткие	
		Acc	Dat	Acc	Dat
I	jas, jesa, jeska(j) ⁸	m̥ene, mene		me	mi
II	ti	tebe		te	ti
III	toz(i), toj	nego, {togva}	tomu	go, gu, o	mu
	taz(i), taa	{taz}	{t̥āz}	ja, jo, go	je, mu
	to	nego, {toz}	{tomu}	go, gu, o	mu

⁶ Подробнее об этом дифтонге см. (Šrámek 1934: 174, Courthiade 1993: 253–255). Позиционно он совпадает с дифтонгом, который А. Мазон записывает как ^ɛä; впрочем, этот автор указывает, что в речи бобошницкой молодежи (т. е. отцов и матерей современных носителей диалекта) вместо ^ɛä может произноситься ^ɛe (Mazon 1936: 16). Б. Видоески записывает этот дифтонг как j+a (Видоески 1981: 754) и возводит его к сочетанию ja (^ɛjašakaj), ě (^ɛbjaĭ, n^ɛjaščo) или ě (^ɛjazik).

⁷ Точка — долгая пауза в конце законченного периода;

запятая — пауза внутри периода;

многоточие — незаконченный период;

кавычки — речь других людей.

⁸ У Штайнке и Юллы как вариант даются (*j*)esa и (*j*)eska(j), зарегистрированные ими в речи И. Кунешки.

Множественное число

			Полные		Краткие	
	Nom		Acc	Dat	Acc	Dat
I	ni(j)e		nas	nam	ni, ni(j)e	
II	vie		{vas}	{vam}	vi	
III	{tija}	ti(j)a,	{nij}	{t'ám}	i, gi	mu
	{t'äs}, {t'äzi}	ti(j)e, tjeje, te				

Как и в болгарском и македонском, в кайнас противопоставляются полные и краткие формы личных местоимений и выделяются три падежа: Им., Вин., Дат. Как в болгарском (но не как в литературном македонском), у кратких личных местоимений 1-го и 2-го л. мн. ч. не противопоставляются формы Вин. и Дат. падежей (ср. болг. *ни* ‘нас, нам’; *ви* ‘вас, вам’ vs. макед. *не* ‘нас’, *ни* ‘нам’; *ве* ‘вас’, *ви* ‘вам’). Однако, в отличие от болгарского и македонского, где Дат. п. полных форм местоимений образуется синтетически на основе Вин. п. (и, таким образом, Вин. п. превращается в своего рода *casus generalis*, ср. болг. и макед. *него* ‘его’ и *на него* ‘ему’), в кайнас сохраняются особые основы Вин. п. (из которых по крайней мере две — Дат. п. 3 л. м. р. ед. ч. и 1 л. ед. ч. — зарегистрированы и в современном материале). Обращает на себя внимание обилие вариантов форм, связанное как с особенностями произношения, так и с размытием противопоставления между разными формами и их совпадение в одной общей.

Далее хотелось бы остановиться по очереди на основных формах таблицы.

MIENE/TEBE: Go *mame zakon šo ti šo esi prijetel' u mje⁹ne*, jeskaj da te *kānakvam tebe*, so *tjes ščo imam* (EM).

Полные формы *mje⁹ne* и *tebe* встречаются в нашем материале с предлогами (и *mje⁹ne*; *za méne* и под.) или в конструкции с местоименной репризой (*da te kănakvam tebe*) — по-видимому, правила ее употребления не отличаются от правил литературного македонского (и болгарского) языка (где полные формы используются только с предлогами, в случае логического выделения и в неполных предложениях).

ME/MI и TE/TI: i *nje* ka da *velime esme daleče* i ka ti *me* da *činiš i jeska kažav da te činam edhe*; i *me* *reče*, *mi* *reče*, *nemoj kaža* (EM); *spolajte*, ne *me* se

⁹ Штайнке и Юллы регистрируют один раз в речи И. Кунешки *méne*; Э. Манчо использует только форму *mje⁹ne*.

pjje; toj **me** uvél'i, sje se mnógo dóbri l'júdi, svje íme e dóbro (IK-StY). Обращают на себя внимание случаи смешения Вин. и Дат. падежей 1-го и 2-го л. ед. ч. (*me* vs. *mi*; *te* vs. *ti*). Во всех случаях смешения форм в бобошненском диалекте *me/te* используется вместо *mi/ti*, но никогда не наоборот. Здесь также возможно влияние албанского языка, в котором формы Вин. и Дат. падежей местоимения 1-го (и 2-го) л. ед. ч. совпадают: *më*·1sg.Dat и *më*·1sg.Acc, *të*·2sg.Dat vs. *të*·2sg.Acc. Местоимения *mi* и *ti* используются и как притяжательные клитики: в этом случае они ставятся после определяемого слова.

TOZ(I)/TOJ, TAZ(I)/TAA, TO: Za **toz** se vel' i Nikulica; I **toj** se klava vo eden itis; "Dobro", mu reče **taz**, i otidoje kaj kaštata; koga se čini ena kašta nova, i togaz grej popo, kada esti storena, **taa** esti kinisana (EM); **Tozi** esti od Gārcija, uzo se zove (IK); Nre, **to** jesti, **to** tie ese rabota *ingjenerike* za kaštata (EM).

В говоре указательные и личные местоимения 3-го л. совпадают. Кроме того, местоимения муж. р. могут использоваться вместо ср. р. (ср. *za toz* 'для этого', ср. болг. *затова*, макед. *затоа*).

GA/GO/GU/O; JA/JOJ/JO/JE; MU; NEG: I **toj** majstoro reče, ne **ga** ubrejte. Nre nre, reče majka mi, ubij **go**; Ža mu go davrejme kravajčeto, i ža mu vel'ejme, kravajčeto nie **gu** mame šimbol', šo kravajčeto šo esti blago, sika da esti blago i družbata... naša; otvori **go** portata, mu reče (EM); jas ke **o** ftasa što imaše jena žena što pomognaše támo (IK-StY); No togaz činreše pret-šest nedrel'e detreto šo esti rodeno i se karstreše. Gredreše **joj** kumo, odreje vo carkva so voda topla kad je karsten'eto; Nre, ne se prodadvi tua. Jeska **je** imam dadeno; Gredreje pret-šest čel'et u majka je, majka je be len'ata vo postel'e, i **mu** vel'eje, čel'eta šo vl'egvireje, **mu** vel'eje imreto ka **mu** klavaa; Ka se žen'eše čupata, tatka mu **mu** zavedreše vo mažo, **mu** davreše pamet. *Florinj*. I sas se viki prika (EM); i **mu** **ga** dal na négo; e bre táka, mo **gu** rekaj, mo **gu** rekaj¹⁰; imaše kúžina da **go** pomóže na l'júdite; ko jo zéma si ódi po kaštata, urkáje kašta, da mu dávat pári (IK-StY).

К. Штайнке и Дж. Юллы дают в качестве синонимических формы *ga/go/gu*. Чаще всего (и в речи И. Кунешки, и в речи Э. Манчо) используется форма *gu*. Поскольку это безударная клитика, то во многих случаях качество гласного (*o* или *u*) определить достаточно сложно; впрочем, в нескольких случаях встретилась и клитика *ga*. По-видимому, эти три клитики совершенно синонимичны. В речи Э. Манчо, насколько можно судить по обработанному нами материалу, краткое местоимение *gu* используется для всех трех родов (как в албанском — *e*·Fem.Acc = *e*·Masc.Fem). А. Мазон и М. Куртьяд указывают, что местоимение Вин. п. *go* используется только для м. и ср. р., а для ж. р.

¹⁰ Возможно, оговорка вместо *mu go rekaj*.

используется местоимение *jo*: очевидно, в речи Э. Манчо произошло сокращение парадигмы (впрочем, она использует *joj* в значении притяжательного местоимения ср. р.: No *togaz* *činješe* *přet-šest nedjel'e* *detřeto* *šo esti* *rodeno* *i se karstješe*. Гредјеše **joj** *kumo*, *odjeje* *vo cārka* *so voda topla* *kad je* <sic> *karsten'eto*). В то же время, в речи И. Кунешки местоимение *jo* используется для женского рода вместе с местоимением *go*, ср. *otvōri go* *portāta*; **go** *stvari* *sos rabōta*, *no i vodāta* ... *ko jo zēma* *si ōdi* *po kāštata* (IK-StY).

Полное местоимение *nego* зарегистрировано только в речи И. Кунешки, а аналогичного местоимения ж. р. в записях не найдено. Дат. п. местоимения 3-го л. для всех трех родов (а также для мн. ч.) совпадает — *tu*. Как притяжательные используются местоимения *tu* (для всех родов и чисел) и *je*, при этом они могут быть синонимичны: *I umren otide*, *go donese* *sestra je* *pri majka je* (хотя следовало бы ожидать как минимум *sestra tu*, поскольку действующее лицо — мужчина). Здесь уже нельзя видеть прямое албанское влияние, поскольку в албанском языке, в отличие от балканославянских, притяжательные местоимения образуют независимую от личных местоимений систему (ср. притяжательные местоимения *motra e tij* ‘его сестра’, *vëllai i tij* ‘его брат’, *motra e saj* ‘ее сестра’, *vëllai i saj* ‘ее брат’ и личные местоимения *E shikoj atë* ‘Я вижу *ero/ee*’, *I shpjegoj atij/asaj mësimin e ri* ‘Я объясняю *ему/ей* новый урок’¹¹).

NIE/NI/NAS/NAM: *I ni vel'e*: *storřete sami*, *za ot decřete vaše*, *ot selo. Toko nie* *nemame* *decře...* *dřete*; **nie** *ne umirame* *žoš nemame marrëdhenje* *so Bulgarija*; *Imame* *ustanato Bulgarija*, *toko ne zveře* *nikoj kašo* *da ni veli nam*, *ža odime* *ili ne ža odime*; **I nie** *kaj vel'ime* *se rodi* *edno čřendo*, *naprimer*, *i dojdije u nas*, *u mřene*, *mi rekoje* *šo vnukot* *tvoj rodi čřendo*. (EM); *nāšiot*, *nāšijat dāržava* *sakaše* *da čmaše* *nékoj dolári* *mu trëbaše* *i tógas ni rékoe na nas*, *na nas*, *sel'jáni* (IK-StY).

Между формами *ni*, *nas* и *nam* сохраняется противопоставление (*nas* и *nam* — «полные» формы местоимения, *ni* — «краткая»). К. Штайнке и Дж. Юллы указывают, что форма *nie* может использоваться как синонимическая для *nas* и *ni*. Скорее всего, это характерно только для речи И. Кунешки, но не Э. Манчо.

VIE/VI: *i vie* *nemate* *šo da ni činje*; *ne ni trebi niš*, *toko družbata* *šo nie* *storime* *so vas*, *trebi nie* *da go dardžime* (EM); *šo vi* *interesira* *albanskata jazik* (IK).

¹¹ *E* и *i* — краткие формы местоимений винительного и дательного падежа; *atë* и *atij/asaj* — полные. В данных предложениях происходит местоименная реприза.

К. Штайнке и Дж. Юллы указывают следующие формы косвенных падежей этого местоимения: *vilvas/vie*. А. Мазон и М. Куртьяд упоминают также форму *vat*, однако она не зарегистрирована ни у Штайнке и Юллы, ни в нашем материале.

TI(J)A/TI(JE)/TJEJE/TE/I/GI/MU: I **tija** pišea, ka da kaža o[volj] vteko sres čtendo, so koga ža se maži, ža se ženi, šo rabota ža čini, ža esti so smten'e ili ža esti so plačen'e, i sika; so tri dni **tija** da grtede; nesti vo rakata naša, mu rekoj šo, **tija** mi rekoja, ako ni vel'e ža odime, ža odime, ako nre, ne ža odime, šo se činite tolkav mērak; i sres se činteje žoš nje mteje mnogo znan'e, shkenca, ne mteše shkenca, i **tjeje** da se brane od neštata slabo; Ža odime da, vo Bulgarija, toko storiti te dokumentiti; Tje ese, tjes mteja ese so, mladiti ne znje a nje stariti go znjem (EM); ot André Mazón se dve knígi, **gi** znáete, párvata i vtórata; dobre do ka dójde vójnata ne se móžeš da i púšta túka tija tózi pári; da **mu** réčite na sel'jánite za da, za da plátat; Eden sin tógav, dur posl'édnite gódini beše glávnit čóvek na demokráckata pártja vo Rumánja, znáči **te** se gárnáti itámo (IK-StY).

По описанию А. Мазона, указательное местоимение мн. ч. совпадает с личным местоимением 3-го л.: *tija*, *i'äs*, *i'äzi*¹². М. Куртьяд дает только одну форму личного местоимения (и не приводит форм соответствующего указательного местоимения): *təz* [tɛz]. К. Штайнке и Дж. Юллы описывают вместе и личное местоимение 3-го л. мн. ч. 'они', и указательное местоимение мн. ч. 'эти'. В речи Э. Манчо указательное и личное местоимение совпадают: *ti(j)a / ti(j)e / tjeje / tɛz / te* 'они, эти', при этом от противопоставления по роду не осталось и следа.

Даже предварительное исследование системы местоимений говора показывает значительную вариативность как в речи одного носителя, так и между речью отдельных носителей. Говор испытывает сильное влияние со стороны литературного албанского языка. Наблюдается расширение функций отдельных грамматических элементов, сокращение целых парадигм. Ряд грамматических элементов начинает восприниматься как синонимический (местоимения первого и второго лица единственного числа в дательном и винительном падеже). При этом говор всё же продолжает сохранять свои коммуникативные функции и по-прежнему содержит важные архаические особенности, представляя собой уникальный пример архаического диалекта, развивающегося инновации под иноязычным влиянием.

¹² При этом последние две формы взаимозаменяемы.

Литература

- Видоески 1981 — Видоески Б. Бобоштица // Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora, obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981. S. 753–761.
- ОЛА 1994 — Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. Общие принципы. Справочные материалы. М., 1994.
- Спасов 2001 — Спасов Љ. Говорот на Бобошт(шч)ица денес (врз основа на нов снимен материјал) // XXVII Научна конференција на XXXIII Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2001. С. 227–231.
- Courthiade 1988 — Courthiade M. Les derniers vestiges du parler slave de Boboštica et Drenovene (Albanie) // Revue des études slaves 60/1. P. 139–157.
- Courthiade 1993 — Courthiade M. Un parler slave singulier: le “kajnas” d’Albanie orientale // Balcanica Posnaniensia. Acta et studia, VI. P. 237–326.
- Dhamko 2010 — Dhamko S. T. Boboshtica. Historie. [Б.г.], 2010 (Рукопись).
- Mazon 1936 — Mazon A. Documents, contes et chansons slaves de l’Albanie du sud. Paris, 1936. (Bibliothèque d’études Balkaniques – V).
- Mazon, Filipova-Bajrova 1965 — Mazon A., Filipova-Bajrova M. Documents slaves de l’Albanie du sud. II. Pièces complémentaires. Paris, 1965. (Bibliothèque d’études Balkaniques – VIII).
- Šrámek 1934 — E. Šrámek. Le parler de Boboshtica en Albanie: étude expérimentale d’une prononciation // Revue des études slaves 40/3–4. P. 171–203.
- Steinke, Ylli 2007 — Steinke Kl., Ylli Xh. Die Slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). Teil 1. München, 2007.

Summary

M. M. Makartsev

**The system of personal pronouns in the Slavic dialect of Boboshtica
(rrethi i Korçës, Albania)**

There are only 6 speakers of the archaic Slavic dialect living in Boboshtica, all that is left of the formerly monolingual autochthonous Slavic population of this village. All these speakers are monolingual and Albanian is the main language for communication for them. The name they use for the dialect is *kajnas* ‘like us’ or ‘at us’. Though the data we have is limited, it contains almost all personal pronoun forms. The system generally corresponds to what we find in Bulgarian and Macedonian (3 case forms: N, Acc, Dat; long vs. short forms; no opposition between Acc. and Dat in 1st and 2nd Pl, like in Bulgarian). At the same time, specific Accusative stems (like *nam* ‘1pl.Acc.’) are still in use. In 1sg and 2sg the short forms for Acc. and Dat. are mixed, which can be a result of an influence from Albanian. Indicative and personal pronouns (3rd person) match. Elpi Manço uses 3sg.Acc *go* for all the 3 genders; Il’o Kuneshtka uses *jo* for 3sg.Acc.Fem together with *go*. 3sg/pl.Dat is *mu*, but the feminine possessive pronoun *je* can be used as well, sometimes even for masculine nouns. Here we cannot trace any

direct influence from Albanian, because in that language possessive pronouns are separate from personal.

Even a preliminary study shows a huge variety between the forms used between different speakers. Some grammatical elements broaden their use; other disappear at all. At the same time the dialect still retains its communicative functions, thus presenting a unique example of an archaic dialect, where innovations are spread under foreign influence.

Приложение. Тексты на славянском диалекте с. Бобоштица

Сказка о мертвом брате¹³

ММ: [А пели ли в Вашем селе песню о матери, у которой были сын и дочь, которую выдали замуж в далекое село, а сын, который должен был ее привезти домой, умер?]

ЕМ: Da, Kostandinice mlada, *jo*, nje Kostanidinice mlada, na kajnas jezik nje go mame druga, Kostandinice mlada nevjesta. Saz pjesna zborvi za Kostandine šo go zvije asker, a soz šo velite vie, esti sipas, ne se pje so glas, šo velime nie, toko se razkazi, se razkazi.

ММ: *Përallë*¹⁴.

ЕМ: E, *përallë*, da. Bješe ena majka, imješe... *Kishtë nëntë djem, ishte dhe një vajzë, Gjeraqina bješe vajza, dhe*¹⁵... i Gjerakina ža se ženje, ža se mažeše mnogo mnogo daleko, brakata nejkeje da go žene, da go maže telka, daleko, žoš nema koj da odi da go zemi, da se vrati vo kaštata. Eden dje, po malečok bje, šo se zovješe Kostandin, mu reče šo, “Ža oda i, i ža go zemam koga da poiči majka mi, jeskaj ža oda i da go zemam, toko ža go ženime tamo”, toko imje besa¹⁶. I se stori šo sviti brat umrjeje, i oštana šo nemješe ko da odi i da go zemi Gjerakina da go dovedi u majka je. I majka je oštana napri, plačeše, i mu velješe Kostandinu, “Štani Kostandine, da dardžiš zboro šo mi imaš dađeno, da odiš da vzemiš Gjerakinata i da mi go donešiš doma”. I odješe svjeno vo grobo, šo plačeše. I se veli, prikaznata se veli šo *Kostandini* štana od grobo, i s kamen’ata okolu grobo mu se storiže kon, i so rubješe šo imješe ublečeno, vljeza nad konu i otiđe u seloto dž’je bje mažena Gjerakina. Gjerakina toko... i bješe oro, vo eden mjesto,

¹³ Записана от информантки Э. Манчо.

¹⁴ Сказка (алб).

¹⁵ Было у нее девять сыновей и одна дочь, дочь звали Джерачина, и... (алб. и кайнас).

¹⁶ Клятва, беса (алб).

*shesh*¹⁷ mu velīme nje, selutomu, i ka go vīde Kostandīna šo otīde tamo, taz se, mnogo se zaradva, i pobjen'a od oro, i otīde go vtasa i go stana. Toko toj mu reče, "Bargu", mu reče, "žoš nemame vīeme, ža se čini nojča", toko Kostandin imreše *njollë*¹⁸ mu velīme nje, po rubjete. Ka mu se vel'e bulgarski *nuk e di, njolla, pulla*¹⁹. Ja ka se čini, sika ese *njollë*, e, *njollë*. I mu reče, "Žoš esi sika", mu reče, i derdžin merišiš, nemaš duša dobra, toko imaš duša od kał, <...>, imaš duša od kał. "Ustavj zbori", mu reče Kostandin, "toko vljezi nad kono, i ajde da begame". "Čekaj da odam doma da ublječam rubjete". I mu reče, "Ako ža dojda za dobra, da se ublječam masno, ako ža dojdam za slaba, da se ublječam vo čarno". "Nje, sika kaj šo esi", mu reče Kostandini. Vljezi nad kon'o, vljezi nad kono i poben'ae, poben'ae, stasaje vo portata, i Kostandin mu reče, "Baraj vo portata ti, da oda jes kaj da vardzam kono, šo da ježi nješ, žoš ža se vine mnogo u majka ti". "Dobro", mu reče taz, i otidoje kaj kaštata, toj otīde i vljeze vo groba, opet, Kostandin. Tropna vo portata, ižljeze majka mu, mu reče, "Koj tropi na... vo soj vape²⁰?"

[В этот момент пришла соседка информантки. Интервью возобновилось примерно через два часа и мы попросили Эльпи продолжить сказку с того же места]

ЕМ: Toj se digna vo grobo, a Doruntina otīde vo kaštata, tropna vo portata i ižl'eze majka je, upita, "Koj e", i mu reče, "Jeskaj jesam Doruntina". "Žoš me mamiš?" mu *thotë ajo*²¹. "So kogo dojde ti, Doruntina?" "Jeskaj dojde so Kostandina", mu vel'eje... Doruntina. "Šo zborviš mua²²", mu veli majka je, "Kostandini tre godini umrjen, žoš nesti *trejtur*²³", ne znam ka mu se veli kajnas, žoš nesti *tretem, domëthënë nuk është tretur akoma në dhë*. "Ti je bërë skelet", *si e themi ne*. "Jo," i *thotë*. "Kostandini ka vdekur", i *thotë*, "mos më gënjej!²⁴ ti ža esi nekoja <moka> ili nekoja, nekoj bolest, šo ima dojdено da mi zemiš i mrene". I otvori portata, go vīde majka je i se bačvaje, i koga se bačvaje, umrjeje i jena pana nadvor vo <...> drugata pana vnatri. Sika. Toko tua vo Boboštica ne se zborvi mnogo za toz. Ima i varianti drugi, ena se veli Doruntina, ena se veli Kostandina, ena, sika. Toko vo daskala se učješe.

ММ: [В албанской школе?]

¹⁷ Площадь (алб).

¹⁸ Пятно (алб).

¹⁹ Не знаю... пятна, пятна (алб).

²⁰ Жара (алб).

²¹ Сказала она (алб.)

²² Мне (алб.)

²³ Разложился (алб.)

²⁴ Разлагаться, то есть, он еще не разложился в земле. «Ты стал скелетом», мы так говорим. «Нет» — сказала она ей. «Константин умер, — сказала она ей, — не обманывай меня!» (алб.)

EM: Vo albanska daskala. I ana morale²⁵ na saz prikazna ešti so <sic> Kostandino go dardži besën. E mbajti besën²⁶. I umren otide, go donese sestra je pri majka je. Go razberviš? Saz esti ana morale.

MM: [Есть ли эта сказка на кайнас?]

EM: Nje. Vo kajnas nje.

MM: [Только по-албански?]

EM: Vo albanski. Vo kajnas nje. Vo kajnas esti toj šo, ti rekoj, ima čarno je, kratkoumen, i Kocomijata šo pana vo taranata, i šika. Ese mnogo stare, prikazne, sres. Šo im praveje babjete, kladeje dečin'ata, bukiti vo son. I dardžeje vo skuto i so sres prikazne im davteše sono.

*Mare mori Mare — Marie moj Marie*²⁷

Mare mori Mare
Zhashto bello tkesh
I koga çerna nosish
Ali tatko zhalish
Ali stara majka
Ni ti tatko zhalam ni ti stara majka
Samo si go zhalam
Mojto përvo libe
Vojnik mi otide
Vojnik mi otide tri godini i dani
Doma ne se vrati
Samo mi se vrati
Negovoto konçe
Na konçeto pismo
Na pismoto pishi
Omazhise Marie
Za shto ja se uzhenaj
Za vo çarna zema

Marie moj Marie,
Pse pëlhurë të bardhë end,
Dhe cile mban zi,
Babanë mban zi,
Apo nënën plakë?
“As babanë as nënën nuk mbaj zi,
Vetë e mban²⁸ zi
të dashurin e parë,
ushtar më vajti,
ushtar më vajti tri ditë e tri vjet,
Ne shtëpi s’u kthye,
Vetë u ktye,
Vetë u kthye kali i tij,
Mi kalë një letër,
Në letër shkruan,
Martoju Marie,
Pse unë u martova,
Me tokën e zezë.”

²⁵ Мораль (алб).

²⁶ Клятву. Сдержал клятву (алб).

²⁷ Этот текст и следующий за ним записаны Э. Манчо параллельно на кайнас и на албанском языке (в котором прослеживается влияние корчанского городского диалекта). Орфография оригинала на кайнас сохранена. Орфография албанского текста приближена к литературной: уточнено написание похожих букв (*i* и *j* в некоторых позициях, *ë* и *e*). Лишние символы находятся в косых скобках; символы, которые должны стоять на их месте — в квадратных. Более масштабная правка вынесена в примечания. Мы благодарны Й. Шемко и И. Шкрели за помощь в нормализации албанского текста.

*Kocomijata sho pana vo taranata — Kocomiu që rra në t[ë]ran*²⁹

Na bjeshe eden star i ena starica, sho bjeje mnogo rabotlivi[,] toko nemjeje çelet.

Za çelet storiye eden gllushec i mu klladoje imjet “Kocomija”.

Starata kaj majka go naucjeshe Kocomijata[,] sho da çinjeshe svjete rabote po kashtata i da pravjeshe i varenje.

Eden den staro i staricata pobenjaje na niva da rrabote i go poraçi starata; Kocomijata

— Da çinish svjete rrabote po kashtata i da ni varish tarana; toko taranata koga da go boravish[,] da go boravish so allxhicata goljema[,] nje so allxhicata maleçka. Zhash da ne panish vnatri vo tenxherata so tarana i zha se poparish.

— Dobre[,] mu reçe Kocomijata i i provodi starata i stareco. Kocomijata i stroi svje rrabotjete i fali da izvari taranata[,] toko zaboravi da go nakatosvi taranata so allxhicata golema i go nakatosva so allxhicata maleçka i pana vnatri vo tenxherata i se popari.

Dojdoje ot nivata i staro i staricata[,] vlegoje vnatri[,] rrabotjete bjeje storene[,] toko Kocomijata ne se pulej nide.

Vikna starata okollu i vnatri kashtjetum[:] “more Kocomija gjesi[,] more

Na ishte një plak dhe një plakë qe ishin shumë punëtorë, po që s’kishin fëmijë.

Për fëmijë e bënë një miush dhe ia vunë emrin “Kocomija”³⁰. Plaka si nënë e mësonte Kocomijata si të bënte të gjitha punët e shtëpisë dhe të gatuate.

Një ditë plaku me plakën shkuan në arë që të punojnë dhe e porositi plaka Kocomiun:

— Të bësh të gjitha punët e shtëpisë dhe për drekë të na zjesh t[ë]ran. Po t[ë]ranin kur ta zjesh ta trazosh me lugën e madhe, jo me lugën e vogël, [se]pse mos biesh brenda në tenxheren me t[ë]ran dhe përvelohesh.

— Mirë, ju tha Kocomija dhe i përcolli plakun dhe plakën.

Kocomija i bëri të gjitha punet e shtëpisë; dhe shtiri të zjექ t[ë]ranin. Po kur e shtiri t[ë]ranin në tenxherë, në vend që të mer[r]te lugën e madhe ashtu si e porositi³¹ plaka, ajo³² mori lugën e vogël[,] përzjeri tranin dhe ra brenda në tenxhere e u përvelua.

Erdhi nga ara plaka me plakun, hynë brenda, të gjitha punet ishin të bëra; mi zjarr ishte tenxherja me t[ë]ran; po Kocomija nuk dukej gjëkund.

Thiri plaka rreth e rrotull shtëpisë,

²⁸ Должно быть *mbaj*.

²⁹ Алб. *trahana*, -ja — каша из дрожжевого теста с молоком.

³⁰ Здесь и далее имя главного персонажа используется то в албанской форме, то в славянской. Мы не унифицировали это.

³¹ Должно быть *si e kishte porositur*.

³² Должно быть *ai*.

gjesi[,] nije dojdjome ot rrabotata[,] gjesi more[,] gje?”

Toko nikoj ne mu zborvjeshe. Starata vide sho ne bjeshe allxhicata maleçko[,] zhosh vo ena pjata imjeshe ustaveno allxhicjete.

[“]Obo-bo[”], vikna staricata starutomu.

— Kocomijata ima panato vo tenxherata so tarana[,] zhosh guma bo-raveno taranata so allxhicata maleçka.

I taka bje istina.

Koga go boravi starata taranata[,] Kocomijata bje vnatri, poparen. Mnogomnogo se domarznae starata tarna kosta ot gllavata, stareco i tarna musnicjete nad noso.

I vljeze vnatri eno vrapçe tarçeniçkum u vida starata bes kosem[,] staro bes musnice i mu rreçe[: “]Zhosh este sika?[”]

[—]Ustavise more vrapçe “Kocomiata ni se popari vo taranata[”].

Vrapçjet tarna pendosqete ot bishto; sjede nat oxhako; oxhako go vide bes bisht i mu rreçe: [“]Zhosh esi sika?[”]

[—] Nego znjesh ti sho ima ngjanisno[, —] i mu rreçe vrapçjeto? Sika — i sika[:] ka go çu oxhaku i se izurva i kamenjata panoje dollu.

Vrapçjeto taka koj sho bje otide vone dervo so llapqe i mu prikaza sho imjesh ngjanjisano. Derrvoto so llapqe se u mërza mn[o]go i izurva dollu svjete llapqe, tamo otide eden prase, prasjeto mu rreçe llapqetem[: “]Zhosh

hyri brenda dhe thër[r]liste: “More Kocomija, ku je more, ku je?” pa asnjë përgjigjë nuk merrte. “Neve erdhëm nga puna”, plaka sillej rrotull; kur mi pjatë shikon që nuk ishte luga e vogël, “Obo[-]bo”, i thiri plaka plakut.

— Kocomijata ka /r/rënë në tenxherën me t[ë]ran, [se] pse e ka përzijerë t[ë]ranin me lugën e vogël.

Dhe ashtu ishte vërtet.

Kur plaka e përzjeu t[ë]ranin, Kocomijata ishte brenda perrë. Shumë shumë ju mërzi tën. Plaka hoqi leshrat koka, plaku /ç/[sh]kuli mustaqet nënë hundë. Ozhaku që ishte afër u rrëzua i tëri nga dëshpërimi. Hyri brenda një rabeckë³³ duke nxituar dhe pa plakën pa leshra, plakun pa mustaqe, oxhakun të renë, dhe u tha:

— Pse jini kështu? Ç/[farë] ka ngjarë?

— Lëre moj robecke, lëre, Kocomija është përveluar në tenxherën me t[ë]ran.

Rabecka nga dëshpërimi /ç/[sh]kuli pendët nga bishti. Rabecka ashtu siç ishte fluturoi në një dru, që ishte mbushur plot me mollë. Druri i mollës kur e pa rabeckën pa bisht i tha:

— Ç/[farë] ka ndodhur?

Rabecka ia tregoi të gjitha.

Molla u dëshpërua shumë dhe nga dëshpërimi i rrezoi[i] të gjitha kokr[r]at poshtë.

Atje na vetë një derr dhe i thotë:

— Pse i ke rrëzuar të gjitha kokr[r]at? Dhe molla i tregoi ngjarjen.

³³ ‘Воробей’. Здесь и далее в оригинале *robeckë*.

imashe izurvano svjete llapqe?["]; llapkata mu prikazha[: "Sika i s[i]ka ima ngjanisano["].

I prasjeto mu rreçe[: "Mn[o]go dobre; svjete sjes llapqe zha izjedam je["]. I taka stori praseto[,] izjede ena po ena svjete llapqe i rreçe.

[—] Dobre mu se stori Kosomiu-tomu[,] zhosh toj ne stori kaj sho go poraçi majkata.

Majqjete trebi da i çuvime[,] zhosh tjes znje po veqe i po mnogo ot ine.

I sika starata i stareco ustanæ bes Kocomiata opet sami. I zhive i rrabote eshte vo tas kashta maleçka vo toj sello. Zha odime da i vidime.

— Shumë mirë iu bë Kocomijës³⁴ — tha deri pa i erdhur fare keq — te gjitha këto molle do t'i ha unë.

Dhe ashtu bëri, i hëngri të gjitha mollët një e nga një dhe tha:

— Mirë ju bë Kocomiut pse ai nuk bëri dhe nuk dëgjoi nënën e tij.

Nëna starata dinte më shumë dhe ishte më e madhja, prandaj porositë e prindërve duhet t'i dëgjojmë³⁵. Dhe kështu plaka dhe plakun mbetën përsëri vetëm pa Kocomiun, po shumë punëtorë.

Dhe jetojnë e punojnë në atë kasollën e tyre në atë fshat. Në atë fshat do vemë³⁶ dhe ne t'i takojmë dhe t'i shikojmë, dhe të mësojmë prej tyre.

³⁴ Должно быть *Kocomiut*.

³⁵ Должно быть *Nëna plakë dinte më shumë dhe është më e madhe, prandaj porositë e prindërve duhet t'i dëgjojmë*.

³⁶ Должно быть *do vemi*.

Неопределенные местоимения в словацких диалектах на фоне словацко-венгерских языковых контактов

Неопределенные местоимения (далее НМ) не одно десятилетие являются предметом пристального изучения лингвистов в разных странах. Причина состоит в том, что между отдельными НМ проходят очень тонкие семантические отличия, причем часть НМ в определенных контекстах является взаимозаменяемыми. Ср. например, обширную литературу, посвященную установлению различий между НМ с частицами *-то*, *-либо*, *-нибудь* в отечественной лингвистике. Исследования в этой области до сих пор продолжаются, главным образом в сопоставительном аспекте. Сходная с русским картина наблюдается в остальных славянских языках, она осложняется еще и тем, что, к примеру, в западнославянской лингвистической традиции данный термин понимается шире, чем в русской, соответственно, тем больше оказывается состав частиц, включаемых в парадигму рассмотрения.

Словацкий язык среди других славянских имеет свою специфику системы НМ. В нем исключительно велико число НМ, признаваемых именно литературными формами. Это связано с тем, что в процессе развития словацкого литературного языка состав НМ постоянно расширялся, и в 1966 году НМ были кодифицированы практически со всеми частицами, представленными в словацких диалектах. На сегодняшний момент литературная норма в указанном аспекте является предельно широкой. Как результат, в словацком литературном языке сформировались семантические группы НМ, обладающих близким или тождественным значением, но при этом образующихся с помощью различных словообразовательных частиц. На практике это оборачивается тем, что в конкретных идиомах национального языка словообразовательные частицы внутри каждой конкретной семантической группы могут развивать дополнительные оттенки значения. У каждого носителя языка существует свой набор НМ, а НМ с тождественными частицами приобретают определенную стилистическую маркировку, используются в ситуации разнореферентности с двумя неизвестными объектами и т. п.

В связи с вышеизложенным любое грамматическое описание словацких НМ было бы неполным без учета функционирования НМ в словацких диалектах, а также без установления происхождения каждой отдельной словообразовательной частицы. Данная статья посвящена тому, как система НМ представлена в словацких диалектах, и как эта система модифицируется в зависимости от числа членов, ее образующих. От конкретного набора словообра-

зовательных частиц будет зависеть семантика каждой частицы, которая меняется в зависимости от диалекта.

Рассматривать систему НМ в словацких диалектах мы будем в ракурсе словацко-венгерских языковых контактов, поскольку в словацком языке выделяются НМ, имеющие корреляты в венгерском языке. Речь идет о двух семантических группах НМ, которые представлены и в словацком, и в венгерском языках — это НМ с общим значением неопределенности и НМ с общим значением произвольности. К НМ неопределенности относятся НМ с частицами *nie-*, *da-*, *voľa-*, *-si* — в словацком языке; НМ с частицами *vala*, *né* — в венгерском языке. К НМ произвольности относятся НМ с частицами *hoci-*, *bárs-*, *-kol'vek* — в словацком языке; НМ с частицами *akár-*, *bár-* — в венгерском языке. Как мы видим, коррелятами в данном случае являются словацкая частица *voľa-* и венгерская *vala-*, словацкая частица *bárs-* и венгерская *bár-*.

Наша задача в данном случае состоит в том, чтобы установить дистрибуцию НМ в диалектах словацкого языка на фоне венгерского. Помимо собственно дистрибуции, нас также будет интересовать модификация значений словообразовательных частиц в диалектах в соотношении с литературным языком. Задачу осложняет тот факт, что словообразовательные частицы НМ не картографированы в диалектологических атласах словацкого и венгерского языков. В связи с этим устанавливать дистрибуцию и значение каждой частицы мы будем преимущественно по диалектным записям, собранным другими исследователями, и по диалектным описаниям, выполненным данными авторами.

Семантическую группу НМ неопределенности составляют НМ с четырьмя частицами. В литературном языке для семантической группы характерна внутренняя дифференциация по значению. НМ с частицами *nie-* и *da-* выражают неопределенность как неконкретизированность. НМ с частицами *-si* и *voľa-* выражают неопределенность как неизвестность. Соответственно, первые употребляются в общих утверждениях, в хабитуальном контексте, а также в модально окрашенных конструкциях, в то время как вторые более распространены в высказываниях частноутвердительного характера. Эта же дифференциация, свойственная литературному языку, прослеживается и в словацких диалектах. Остановимся на ней подробнее.

НМ с частицей *nie-* характерны в основном для западнословацких говоров (Lalíková 1998: 282) и отчасти для среднесловацких (Ripka 1975: 110), при этом на основной массе западно- и среднесловацкого континуума оно выражает значение неконкретизируемости, но в самой западной части западнословацких говоров — также значение собственно неизвестности.

Отметим, что в венгерском языке представлены НМ с фонетически сходной частицей *né-*. При этом в историко-этимологическом словаре венгерского языка составители отрицают славянское происхождение частицы и возводят ее к общеуральскому указательному местоимению **na*. Данное НМ долгое время было основным НМ в венгерском языке, но с XV века часть его функций начинают брать на себя НМ с частицей *vala-*, и НМ с частицей *né-* чаще употребляются в контекстах регулярного действия либо для обозначения малого количества объектов. Субстантивные и адъективные НМ с частицей *né-* в современном венгерском литературном языке и в венгерских диалектах утрачены либо утрачиваются (A magyar... 1970: 1004).

НМ с частицей *da-* характерны для восточнословацких (Buffa 1953: 241; Roman 1974: 53) и отчасти для среднесловацких говоров (Stanislav 1932: 321, 429; Habovštiak 1965: 254; Lalíková 1998: 282), при этом во всех говорах данные НМ стабильно выражают значение неконкретизируемости. В среднесловацких говорах, в тех ареалах, где также наличествуют НМ с частицей *nie-*, происходит конкуренция между частицами *nie-* и *da-* при выражении значения неконкретизируемости. В восточнословацких говорах употребляются только два вида НМ неопределенности, а именно НМ с частицами *da-* и *-si*. Соответственно в плане выражения значений неконкретизируемости либо неизвестности эти частицы находятся во взаимно-однозначном соответствии.

Следующие два НМ употребляются для выражения неопределенности в узком смысле слова или неопределенности как неизвестности.

НМ с частицей *-si* (в данной семантической группе это единственный постфикс) характерны для западнословацких, восточнословацких и частично для среднесловацких говоров (Lalíková 1998: 282), при этом во всех указанных говорах они стабильно выражают значение неизвестности. В ряде случаев, а именно в некоторых восточнословацких говорах, данные НМ употребляются также в значении «знаю, но не скажу» для выражения так называемой слабой определенности (некоторая информация известна говорящему, но неизвестна слушающему, и говорящий намеренно скрывает ее от слушающего).

Наконец, НМ с частицей *vol'a-* характерны преимущественно для южной части Словакии. В терминах традиционного диалектного разделения словацких диалектов можно говорить, что они характерны для западнословацких и частично для восточнословацких (Roman 1974: 81) и среднесловацких говоров (Stanislav 1932: 321, 322; Ripka 1975: 110; Lalíková 1998: 282). При этом во всех ареалах своего употребления данные НМ стабильно выражают значение неизвестности. Кроме того, НМ с частицей *vol'a-* употребляются также

для выражения слабой определенности в значении «знаю, но не скажу». При этом внутри подгруппы НМ, ориентированных на выражение неопределенности как неизвестности (НМ с частицами *-si* и *vol'a-*), представлены три разновидности их возможного соотношения:

- НМ с частицами *-si* и *vol'a-* употребляются параллельно, что имеет место в западнословацких говорах. При этом НМ с частицей *vol'a-* полностью берут на себя функцию «знаю, но не скажу»;
- употребляются только НМ с частицей *-si*, что наблюдается в основной части восточнословацких говоров;
- употребляются только НМ с частицей *vol'a-*. Это происходит главным образом в восточном Гемере, конкретно в районе городов Римавска Собица и Лученец.

Частица *vol'a-* коррелирует с венгерской частицей *vala-*, восходящей к причастию настоящего времени *való* «сущий» от глагола *lenni* «быть» (A magyar... 1976: 1076) и не находит своего соответствия в других славянских диалектах. Форма *vol'a-* является официально кодифицированной, однако в диалектах словацкого языка эта частица чаще представлена в варианте *va'a-*.

Семантическую группу НМ произвольности составляют НМ с тремя частицами. При этом в литературном языке для группы характерна минимальная внутренняя семантическая дифференциация, которая воплощается скорее в дифференциации экспрессивно-стилистической: НМ с частицей *-kol'vek* не могут употребляться в экспрессивно-оценочной функции, в то время как НМ с частицей *bárs-* могут употребляться в данной функции.

Частица *hoci-* характерна для восточнословацких (Buffa 1953: 158) и частично для среднесловацких говоров (Ripka 1975: 110; Stanislav 1932: 321). При этом этимологически сходная (т. е. возводимая к глаголу «хотеть») частица НМ представлена также в венгерском языке — это частица *akár-*. Помимо того, что это частица НМ, в обоих языках представлен также омонимичный уступительный союз *hoci/akár* «хотя». Венгерские авторы отрицают контактный характер развития частицы и считают это лингвистической универсалией (A magyar... 1967: 115). Отметим, однако, что в чешском языке частица НМ данного способа образования не представлена.

Частица *-kol'vek* характерна в основном для западнословацких говоров (Habovštiak 1965: 254; Ripka 1975: 111). Корреляты указанной частицы употребляются, помимо словацкого, в чешском и в польском языках. В венгерском языке этимологически сходная частица отсутствует.

Наконец, НМ с частицей *bárs-*, равно как и НМ с частицей *vol'a-* / *vala-*, одинаковым образом представлены как в словацком, так и в венгерском язы-

ке, где данная частица имеет форму *bár-*. Как и у частицы *hoci-* / *akár-*, в обоих языках наличествует омонимичный уступительный союз *bár* «хотя». Данная частица характерна для среднесловацких (Hogák 1955: 73) и частично для западнословацких говоров (Habovštiak 1965: 254). Частица *bárs-* имеет венгерское происхождение, этимологические словари обычно возводят ее к слову *bátor* «храбрый». В чешском и других славянских языках данная частица не представлена.

Мы видим, что как в словацком литературном языке, так и в словацких диалектах наиболее употребительными и распространенными являются НМ со «своими» (общеславянскими) частицами. НМ с заимствованными частицами являются менее употребительными и представлены в ограниченном числе говоров.

В результате наложения ареалов распространения словацких НМ с той или иной частицей образуются зоны, в которых представлено определенное число НМ из каждой семантической группы. Выделяются одно-, дву- и трехчленные наборы НМ внутри каждой семантической группы в зависимости от конкретного говора. При этом отдельные НМ берут на себя больше / меньше функций. Соответственно чем меньше НМ в семантической группе, тем больше их функциональная нагрузка, и наоборот, чем богаче семантическая группа, тем больше дифференциация между НМ по оттенкам значения. Таким образом, у каждого говорящего в зависимости от района проживания наличествует свой набор НМ, между которыми наблюдается дополнительная дистрибуция по выражаемым оттенкам значения. Наибольшая «поликодовость» НМ в словацком языке наблюдается на западе Средней Словакии. Наименьшая — в Восточной Словакии и в Восточной Венгрии.

При этом в дроблении функций НМ выстраивается определенная иерархия. Базовым является значение неконкретности, которое вбирает в себя собственно неконкретность и фактическую неопределенность. Затем, при наличии двух частиц, дифференцируются значения неконкретности/неизвестности, и затем, при наличии третьей, свободной частицы, из значения неизвестности выделяется значение так называемой слабой определенности. В венгерском языке корреляция между частицами происходит не по линии дифференциации по значению НМ с той или иной частицей, но по закреплению конкретной словообразовательной частицы НМ за определенным категориальным компонентом.

Кроме того, существует взаимосвязь между функционированием словацких НМ с заимствованными частицами и социодемографическими процессами, протекавшими в Словакии в XX веке. Если сравнить ареал распространения словацких НМ с заимствованными частицами, ареал расселения венгров

на территории современной Словакии в начале XX века и территорию современного расселения венгров в Словакии, мы увидим, что зоны наибольшей распространенности НМ с частицами *voľa-* и *bárs-* коррелируют с территорией наиболее последовательной ассимиляции венгров. С учетом того, что частица *voľa-* была кодифицирована довольно поздно (в кодификации Л. Штугра она отсутствовала), в отношении данной частицы можно говорить о ее субстратном характере.

Литература

- A magyar... 1967 — A magyar nyelv történeti-etomológiai szótára. Szerk. Benkő L., Kubínyi L., Papp L. I.köt. Budapest, 1967.
A magyar... 1970 — A magyar nyelv történeti-etomológiai szótára. Szerk. Benkő L., Kubínyi L., Papp L. II. köt. Budapest, 1970.
A magyar... 1976 — A magyar nyelv történeti-etomológiai szótára. Szerk. Benkő L., Kubínyi L., Papp L. III. köt. Budapest, 1976.
Buffa 1953 — *Buffa F.* Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953.
Buffa 1966 — *Buffa F.* Častice nie-, da-, voľa-, -si v slovenských nárečiach. // Slovenská reč. 1966. № 3. S. 133–136.
Habovštiak 1965 — *Habovštiak A.* Oravské nárečia. Bratislava, 1965.
Horák 1955 — *Horák G.* Nárečie Pohorelej. Bratislava, 1955.
Lalíková 1998 — *Lalíková A.* Neurčité zámená v slovenských nárečiach. // Varia VII. (Zborník materiálov zo VII. kolokvia mladých jazykovedcov. Modra-Piesok. 03–05. 12. 1997.) Bratislava, 1998. S. 280–283.
Stanislav 1932 — *Stanislav J.* Liptovské nárečia. Turčiansky Svätý Martin, 1932.
Štolc 1994 — *Štolc J.* Slovenská dialektológia. Bratislava, 1994.
Ripka 1975 — *Ripka I.* Dolnotrenčianske nárečie. Bratislava, 1975.
Roman 1974 — *Roman J.* Kokavské nárečie. Martin, 1974.

Summary

D. J. Vaschenko

Indefinite Pronouns in the Slovak dialects against the Background of Slovak-Hungarian Language Contacts

This article is devoted to spread of indefinite pronouns accepted for literary language in Slovakian dialects. An analysis is realized with consideration of Hungarian language in the frames of Slovakia-Hungary language contacts. We can make a conclusion that there are pairs of correlated derivational particles of indefinite pronouns. Moreover some of them we can define as a result of parallel development. Another Slovakian particles are borrowed from Hungarian language and could be named as part of substratum.

Украинские диалекты в свете лексикографии

Одной из актуальных проблем современной лингвистики является разноаспектное изучение лексики в ее современном состоянии и историческом развитии, что возможно только на основании привлечения информации диалектных исследований.

В последние десятилетия в украинской диалектологии сбор и описание лексики диалектов ощутимо оживились. Как отмечает П. Е. Гриценко, внимание к лексике говоров заострено «в связи с необходимостью обеспечить надежным материалом отрасли языкознания и смежных наук, которые непосредственно связаны с реконструкцией древнего состояния материальной и духовной культуры носителей языка» (Гриценко 1984: 3). Сегодня в Украине опубликовано несколько региональных диалектных словарей, в частности: Словник поліських говірів (Лисенко 1974), Словник діалектної лексики говірок сіл південно-східної Полтавщини (Сизько 1990), Словник говірів Нижнього Придніпров'я в 4-х томах (Чабаненко 1992), Словник діалектної лексики Луганщини под ред. З. С. Сикорской (Сікорська 2002), Словник українських східнословобожанських говірок (Глуховцева 2002), Матеріали до словника західноволинських говірок (Корзонюк 1987), Словник західнополіських говірів (Аркушин 2000), Словник бойківських говірів в 2-х частих (Онишкевич 1984), Словник буковинських говірів под ред. Н. Гуйванюк (Гуйванюк 2005), Наддністрянський регіональний словник (Шило 2009), Гуцульські говірки. Короткий словник под ред. Я. В. Закревской (Закревська 1997), Словник гуцульського говору в Закарпатті (Жегуц 2001) и др.

Тематическая лексика представлена в словарях: Будівельна лексика правобережного Полісся в лексико-семантичній системі східнослов'янських мов (Никончук 1990), Народна будівельна лексика Західного Полісся (Євтушок 1990), Мисливська лексика західноподільського говору (Аркушин 1991), Словник назв одягу та взуття середньополіських і суміжних говірок (Гришашевич 2002).

Имеются словари одного говора. Это: Південнолемківська говірка й діалектний словник села Красний Брід бл. Меджилаборець (Пряшівщина) (Горбач 1973), Південнобуковинська гуцульська говірка і діалектний словник села Бродина, повіту Радівці (Румунія) (Горбач 1997), Словник говірки села Грабовець Стрийського району Львівської області (на правах рукописи — Друль 2006), Скарби гуцульського говору: Березові (Негрич 2008) и др.

К сожалению, информация о составе, структурной организации, распространении номинативных единиц многих тематических групп и их локализации отсутствует. В частности, нет сводных данных о средненадднепрянском, слобожанском, степном, надсянском, подольском, восточнополеском говорах. Это делает невозможным создание Сводного словаря украинских говоров, синтетических дескриптивных работ, лексического атласа украинского языка. Нет в украинской диалектологии и словаря одной диалектной личности, не разработаны концепции аспектных диалектных словарей: мотивационного, сопоставимого, частотного, синонимического, антонимического, вариантной лексики, концепции словообразовательных словарей (гнездового и сопоставимого) и т. д.

Попытаемся проанализировать информативные возможности диалектных словарей.

Очевидно, что основной задачей диалектного словаря является фиксация лексического, семантического состава диалекта в целом или отдельного говора в частности, выяснение территориальной дифференциации языка на указанном языковом уровне, изучение истории словарного состава, этимологии. Диалектный словарь является также ключевой базой в изучении истории быта, материальной и духовной культуры народа.

Материалы в диалектных лексикографических трудах поданы с сохранением региональных фонетических особенностей, давая таким образом информацию о звуковой структуре говора или диалекта. В то же время, кроме лексического и фонетического аспектов, в некоторых диалектных словарях представлены элементы грамматической характеристики: словоизменение, ударение, а также словообразование, разнообразные синтаксические конструкции.

Грамматическая информация в диалектных словарях представлена либо с помощью ремарок (для существительных, субстантивированных прилагательных, для аналитических названий, составляющими которых являются существительное и прилагательное — род, для глаголов — указание на вид, для наречий — указание на неизменяемость), либо с помощью окончаний, а при изменении или выпадении гласного основы — с помощью целого слова или слога.

Программа сбора материалов для составления диалектных словарей украинского языка, как и подобные программы для сбора диалектной лексики других языков, построена в форме вопроса — ответа (Лысенко: 209). Вопросы рассчитаны на выявление слова в исходной форме. В то же время, кроме исходной формы, в диалектных словарях можно найти информацию и о других грамматических формах, например, для существительных, кроме формы Им. п. ед. ч., приведены и другие падежные формы, в основном Род. п. ед. ч. (*банск* – *баніка*, *зупа* – *зупи*, *плахта* – *плахти*), а для существительных, упо-

требляемых во множественном числе, — формы Род. п. мн. ч. (*веснянки* – *веснянок*) (Аркушин 2000; Глуховцева 2002; Горбач 1997; Закревська 1997; Жегуц 2001; Лисенко 1974; Сікорська 2002; Шило). Формы других падежей приводятся, если они нетипичны для литературного языка: Им. п. мн. ч. *коных* – *кон'уха*, *перстінь* – *перстен'ї*, Род. п. мн. ч. *гості* – *гост'їу*, *дружки* – *дру́жк'їу*, Дат. п. мн. ч. *кінь* – *конім* (поскольку от однотипных слов *день*, *пень* формы *дним*, *пними* не встречаются) (Онишкевич 1984), Тв. п. мн. ч. *квітки* – з *кв'ітка́м*, *цвіти* – *цв'іта́м*, Предл. п. мн. ч. *ко́ніх* або *ко́н'ох* (Онишкевич 1984), Тв. п. мн. ч. *мати* – *ма́терейу*, *миткаль* – *митка́л'ом*, Предл. п. ед. ч. *рушник* – *на руши́нці'ї*. Для прилагательных и причастий, кроме формы Им. п. ед. ч., указаны окончания женского и среднего родов, ср.: *добитний*, *-а*, *-е* ‘настойчивый’, *сановітий*, *-а*, *-е* ‘стройный, статный’ (Аркушин 2000; Глуховцева 2002; Корзонюк 1987; Чабаненко 1992); для глаголов — окончания форм 1 и 2 л. ед. ч. настоящего времени в личных глаголах, формы 3 л. ед. ч. настоящего времени в безличных глаголах, указание на вид, ср.: *вели́жсирувати*, *-ю*, *-си* ‘роскошествовать’, *забі́тися*, *-юся*, *-си́ся* ‘приехать жить в город’ (Глуховцева 2002; Лисенко 1974; Чабаненко 1992); при частицах указано их значение: побудительная, усилительная.

С точки зрения подачи грамматической информации об украинских диалектах существуют словари, которые: а) не содержат такой информации, б) содержат частично, только по отношению к тем словам, формы которых отличаются от литературного языка, в) содержат последовательно указанные выше грамматические характеристики реестрового слова.

Такой разноречивой в подаче грамматической информации в диалектных словарях можно объяснить несколькими факторами:

1. Во-первых, отсутствием единой инструкции, по которой бы составлялись диалектные словари. В частности, П. С. Лисенко, разрабатывая принципы построения программы сбора материалов для составления диалектных словарей украинского языка, грамматические показатели не предвидел, поскольку считал, что «программа сбора материалов для составления диалектных словарей украинского языка посвящается исключительно лексике» (Лисенко 1965: 207). Также не предусматривалось и обозначение ударения в примерах, более того, отмечалось, что «ударение в примерах не ставится» (Лисенко 1965: 212). Такое предостережение относительно обозначения ударения, по нашему мнению, можно объяснить сложившейся в украинском языкознании традицией: не ставить значок ударения над словами. Но язык — это система, структурные уровни которой взаимосвязаны, поэтому неудивительно, что одновременно в указанной Программе содержатся требования фиксировать диалектные слова, которые отличаются местом ударения. В част-

ности, в реестр многих диалектных словарей входит и та лексика исследуемой территории, которая отличается от литературных слов местом ударения, напр.: *бузі́на*, *дб́лото*, *клі́мат* (Лисенко 1974); *бат'ко́*, *бат'ку́*, *бат'ко́ви*; *бу́ду*, *буду́* – 2 л. ед. ч. *бу́деш*; 3 л. ед. ч. *буде́*; 1 л. мн. ч. *будемо́*; 2 л. мн. ч. *будете́* и др. (Онишкевич 1984).

Вместе с тем диалектные словари нередко фиксируют: а) акцентные варианты на исследуемой территории, например, *бійний* и *бійний* 'страшный', *га́бзити* и *габзі́ти* 'сварить' (Закревська 1997); *вуде́ла* и *вудилá* 'вудзечка' (Корзонюк 1987); *за́ставні* и *застáвні* 'дерев'яні віконниці', *за́холод* и *захолóд* 'холодец з м'яса' (Лисенко 1974); б) акцентные варианты словоформ одного реципиента, напр.: *гра́бина* и *грабі́на*, *зарі́зати* и *заріза́ти* (Горбач 1973); в) дифференциацию семантики с помощью ударения, например, *бе́седа* 'компанія на весіллі' и *бесéда* 'розмова' (Чабаненко 1992); *ве́дро* — наречие 'сонячно' і *ведро́* 'відро' (Сизько 1990); *вудзо́лите* 'відшмагати' и *вудзу́лете* 'залити окропом пересипане попелом домоткане полотно для кращого відбілювання' (Корзонюк 1987); *бо́рок* 'молодий сосняк' и *бо́рок* 'орчик, до якого кріпляться посторонки кінської упряжі' (Аркушин 2000).

К сожалению есть и такие диалектные словари, которые не фиксируют ударение реестрового слова (Брилінський 1991).

В иной «Инструкции для составления региональных диалектных словарей» А. Бурячка, целью которой было ликвидировать различия в лексикографической обработке диалектного материала и унифицировать составление нормативных и диалектных словарей толкового типа, предусматривается грамматическое оформление и грамматическая характеристика реестровых слов (Бурячок 1965).

2. Во-вторых, причиной игнорирования грамматической информации в лексикографических диалектных трудах П. Е. Гриценко считает отсутствие видения исследователями потенциала грамматической информации и непонимание ее ценности. Ведь даже в первых попытках членения украинского диалектного пространства только фонетические особенности легли в основу его дифференциации.

3. В-третьих, как отмечают сами составители или редколлегия словаря, реестровые слова представлены преимущественно без грамматических ремарок, «чтобы сделать его (словарь. — Г. К.) доступным для широкого круга читателей» (Негрич 2008: 16). Вместе с тем возникает вопрос: зависит ли диалектный грамматический комментарий от литературного? Ответ на этот вопрос очевиден из цели, которую преследует «Инструкция для составления региональных диалектных словарей»: не только ликвидировать различия в лексикографической обработке диалектного материала, но и унифицировать

составление нормативных и диалектных словарей толкового типа. Именно поэтому при составлении этой Инструкции использованы основные положения «Проспекта толкового словаря украинского языка» (М., 1958) (Бурячок 1965: 214–226). Это свидетельствует о зависимости, в определенной степени, грамматических комментариев в диалектных словарях от практики составления словарей литературного языка. Итак, инструкция направляет составителей диалектных словарей не к формированию самостоятельной системы грамматического комментирования, а к практике, применяемой при анализе литературного языка.

Отметим, что представленная в диалектных словарях грамматическая информация дифференцирована, поскольку составители подают и ту информацию (или только ту), которая отличается от литературного языка.

Считаем, что для составления диалектных словарей необходима единая инструкция, которая предусматривала бы не только регистрацию слов и их фонетических вариантов в исследуемом пространстве, т. е. ориентировалась не только на фиксацию лексической, фонетической, но и грамматической информации, что обусловлено важностью последней.

На основании лексикографических свидетельств можно изучать и грамматические характеристики слова, в частности, роль ударения в процессе морфологического словообразования, дистинктивные функции ударения, акцентную вариативность функционирования бинарных форм и т. д. Диалектные словари служат базой и для исследования территориальной дифференциации языка на грамматическом уровне. Вместе с синхронным аспектом исследования лексикографические работы обеспечивают и некоторую диахронию, включая грамматические специфические реликтовые формы. Такая информация позволит изучить динамику грамматической структуры исследуемого говора в частности и языка в целом.

Литература

- Аркушин 1991 — *Аркушин Г. Л.* Мисливська лексика західноподільського говору. Київ, 1991.
- Аркушин 2000 — *Аркушин Г. Л.* Словник західнополіських говірок. У 2-х т. Луцьк, 2000.
- Брилінський 1991 — *Брилінський Д.* Словник подільських говірок. Хмельницьк, 1991.
- Бурячок 1965 — *Бурячок А. А.* Інструкція для складання регіональних діалектних словників // Праці XI республіканської діалектологічної наради. Київ, 1965. С. 214–226.
- Глуховцева 2002 — *Глуховцева К., Леснова В., Ніколаєнко І.* та ін. Словник українських східнословобанських говірок. Луганськ, 2002.
- Горбач 1973 — *Горбач О.* Південнолемківська говірка й діалектний словник села Красний Брід бл. Меджилаборець (Пряшівщина). Мюнхен, 1973.

- Горбач 1997 — *Горбач О.* Південнобуковинська гуцульська говірка і діалектний словник села Бродина, повіту Радівці (Румунія). Мюнхен, 1997.
- Гримашевич 2002 — *Гримашевич Г.* Словник назв одягу та взуття середньополіських і суміжних говірок. Житомир, 2002.
- Гриценко 1984 — *Гриценко П. Ю.* Моделювання системи діалектної лексики. Київ, 1984.
- Гуйванюк 2005 — Словник буковинських говорів / За ред. Н. Гуйванюк. Черновці, 2005.
- Друль 2006 — *Друль І.* Словник говірки села Грабовець Стрийського району Львівської області (На правах рукопису). Луцьк, 2006.
- Євтушок О. 1990 — *Євтушок О.* Народна будівельна лексика Західного Полісся. Рівне, 1990.
- Жегуц 2001 — *Жегуц І., Піпаш Ю.* Словник гуцульського говору в Закарпатті. Мюнхен, 2001.
- Закревська 1997 — Гуцульські говірки. Короткий словник / За ред. Я. Закревської. Львів, 1997.
- Корзюнок 1987 — *Корзюнок М. М.* Матеріали до словника західноволинських говірок // Українська діалектна лексика. Київ, 1987. С. 62–267.
- Лисенко 1961 — *Лисенко П. С.* Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961.
- Лисенко 1965 — *Лисенко П. С.* Принципи побудови програми збирання матеріалів для складання діалектних словників української мови // Праці XI республіканської діалектологічної наради. Київ, 1965. С. 206–213.
- Лисенко 1974 — *Лисенко П. С.* Словник поліських говорів. Київ, 1974.
- Никончук 1990 — *Никончук М. В., Никончук О. М.* Будівельна лексика правобережного Полісся в лексико-семантичній системі східнослов'янських мов. Житомир, 1990.
- Негріч 2008 — *Негріч М.* Скарби гуцульського говору: Березові. Львів, 2008.
- Онишкевич 1984 — *Онишкевич М. Й.* Словник бойківських говірок. У 2- томах. Київ, 1984.
- Сизько 1990 — *Сизько А. Т.* Словник діалектної лексики говірок сіл південно-східної Полтавщини. Дніпропетровськ, 1990.
- Сікорська 2002 — *Сікорська З. С., Шевцова В. О., Шутова Л. І.* Словник діалектної лексики Луганщини / За ред. З. С. Сікорської. Київ, 2002.
- Чабаненко 1992 — *Чабаненко В. А.* Словник говірок Нижньої Наддніпрянщини. Т. 1–4. Запоріжжя, 1992.
- Шило — *Шило Г. Ф.* Наддністрянський регіональний словник. Львів, 2009.

Summary

G. Kobirinka

The Ukrainian dialects in the lexicographic interpretation

The article is devoted to problems of the information of grammatical in the dialects dictionaries. A model of the description of grammatical information is created in the article. Systematization and analysis of the collected material allowed to determine the problems of the description of the grammatical information in the dialects dictionaries.

Научное издание

Исследования по славянской диалектологии.

16.

Грамматика славянских диалектов.
Механизмы эволюции. Утраты и инновации.
Историко-типологические явления

Сборник статей

М.: Институт славяноведения РАН, 2013. – 376 с.

Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН

Отв. редактор:
д. ф. н. Л. Э. Калнынь

Компьютерная верстка:
М. Н. Толстая

Обложка:
М. И. Леньшина, М. Н. Толстая

Подписано в печать 15.07.2013 г. Усл. печ. л. 23,5.
Формат 60×90. Тираж экз. Заказ № .

ООО «Пробел–2000»
121069 Москва, ул. Поварская, д.36